

Г.А. Максименков, Э.Б. Вадецкая

МОГИЛЬНИК СУХОЕ ОЗЕРО II

как отражение эволюции раннего этапа
карасукской культуры

Ответственный редактор А.В. Поляков

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTH SIBERIAN BRANCH OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ЮЖНОСИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTH SIBERIAN BRANCH OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

G.A. Maksimenkov, E.B. Vadetskaya

CEMETERY OF SUKHOE OZERO II

representing the Early Stage
of the Karasuk Culture Evolution

Chief editor A.V. Polyakov

St. Petersburg — Vologda
«Drevnosti Severa»
2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ЮЖНОСИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ

Г.А. Максименков, Э.Б. Вадецкая

МОГИЛЬНИК СУХОЕ ОЗЕРО II

как отражение эволюции раннего этапа
карасукской культуры

Ответственный редактор А.В. Поляков

Санкт-Петербург — Вологда
«Древности Севера»
2022

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
М17

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 21-19-00205 Д, не подлежит продаже

Институт истории материальной культуры
Российской академии наук

Южносибирский филиал
Института истории материальной культуры
Российской академии наук,
г. Абакан

Утверждено к печати Учёным советом Института истории материальной культуры РАН

Ответственный редактор доктор исторических наук А.В. Поляков

Рецензенты:

доктор исторических наук *Д.Г. Савинов*
кандидат исторических наук *Вл. А. Семёнов*

Максименков, Г.А.

М17 Могильник Сухое Озеро II как отражение эволюции раннего этапа карасукской культуры / Г.А. Максименков, Э.Б. Вадецкая ; ответственный редактор А.В. Поляков ; Российская академия наук, Институт истории материальной культуры, Южносибирский филиал. — Санкт-Петербург ; Вологда : Древности Севера, 2022. — 383 с. : ил.

G.A. Maksimenkov, E.B. Vadetskaya. Cemetery of Sukhoe Ozero II representing the Early Stage of the Karasuk Culture Evolution / Chief editor A.V. Polyakov ; Institute for the History of Material Culture RAS. — Saint Petersburg ; Vologda : Drevnosti Severa, 2022. — 383 p. : ill.

ISBN 978-5-93061-187-8

Монография представляет собой издание рукописи Г.А. Максименкова, написанной в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века и впоследствии отредактированной и дополненной Э.Б. Вадецкой в 2015 году. В её основе лежат материалы уникального могильника Сухое Озеро II, раскопки которого проводились Черновским отрядом Красноярской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР (руководили раскопками Г.А. Максименков и Э.Б. Вадецкая) в 1963–1968 годах на территории Минусинских котловин (Богградский район Республики Хакасия). Были исследованы 295 курганов (560 могил), датирующихся ранним этапом карасукской культуры. По современным данным, памятник относится к периоду XIV–XII вв. до н. э. Коллекция артефактов из этого могильника находится на хранении в фондах Государственного Эрмитажа. В монографии, кроме публикации материалов памятника, представлены главы, посвящённые его изучению, а также вопросам истории раннего карасукского этапа культуры.

Монография представляет большой интерес для археологов, историков, антропологов и всех интересующихся древней историей Сибири.

This monograph is a published handwriting of G.A. Maksimenkov, which he had written at the end of the 70-s — the beginning of the 80-s of the last century. In 2015 the manuscript was edited and completed by E.B. Vadetskaya. The work is mainly based on the study of the unique cemetery of Sukhoye Ozero II (the Dried Lake II), which was investigated in 1963–1968 by the Chernovskiy detachment, led by G.A. Maksimenkov and E.B. Vadetskaya, of the Krasnoyarsk archaeological expedition under the authority of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of AS USSR. During the archaeological research in the territory of the Minusinsk Hollows (Bogradskiy district of the Republic of Khakassia) 295 mounds were investigated including 560 graves belonging to the early stage of the Karasuk culture. According to the modern data, the site dates to the period of 14–12 cc. BCE. The collection of artifacts from the cemetery is held by the State Hermitage Museum. In the monograph, not only materials of the site are published but there are also some chapters dealing with the study of the site and the early stage of the Karasuk culture in general.

The monograph will be of great interest for the archaeologists, historians, anthropologists, and for all who is curious about the prehistory of Siberia.

УДК 902/904
ББК 63.4(2)

ISBN 978-5-93061-187-8

DOI: 10.31600/978-5-93061-187-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2022

© А. Г. Максименков, наследник, 2022

© Оформление. ООО «Древности Севера», 2022

ПОСВЯЩАЕТСЯ 300-ЛЕТИЮ
ПЕРВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК
Д.Г. МЕССЕРШМИДА НА ЕНИСЕЕ

Содержание

От редактора (А.В. Поляков)	8
Введение (Э.Б. Вадецкая)	16
Предисловие (Э.Б. Вадецкая)	18
ГЛАВА 1. Археологическая характеристика могильника Сухое Озеро II (Г.А. Максименков)	29
1.1. Топография могильника	29
1.2. Могильные сооружения	32
1.3. Могилы	38
1.4. Керамика могильника	44
1.5. Инвентарь могильника	59
1.6. Обряд погребения и некоторые черты карасукского общества	64
1.7. Впускные тагарские погребения	74
ГЛАВА 2. Некоторые вопросы истории раннекарасукского этапа в связи с материалами могильника Сухое Озеро II (Г.А. Максименков)	81
2.1. Место могильника Сухое Озеро II среди других могильников карасукской культуры	85
2.2. Относительное место карасукского этапа	91
2.3. Происхождение раннекарасукского этапа	102
2.4. Вопросы абсолютной датировки карасукских памятников	123
ГЛАВА 3. Материалы раскопок групп 1–5 могильника Сухое Озеро II (Г.А. Максименков, Э.Б. Вадецкая)	145
Заключение (Э.Б. Вадецкая)	207
ПРИЛОЖЕНИЕ. Лошади карасукской культуры из могильника Сухое Озеро II (А.К. Каспаров)	209
Список литературы и источников	221
Список сокращений	227
Summary	229
Иллюстрации	231
Указатель курганов	380

Content

Editors note (<i>A.V. Polyakov</i>)	8
Introduction (<i>E.B. Vadetskaya</i>)	16
Foreword (<i>E.B. Vadetskaya</i>)	18
CHAPTER 1. Archaeological description of the Sukhoe Ozero II cemetery (<i>G.A. Maksimenkov</i>)	29
1.1. Topography of the cemetery	29
1.2. The funeral constructions	32
1.3. Burials	38
1.4. Ceramics of the cemetery	44
1.5. Equipment of the cemetery	59
1.6. The funeral rite and some features of the Karasuk society	64
1.7. Secondary Tagar burials	74
CHAPTER 2. Some historical problems of the early stage of the Karasuk culture according to the materials of the cemetery Sukhoe Ozero II (<i>G.A. Maksimenkov</i>)	81
2.1. Placing the cemetery Sukhoe Ozero II among other cemeteries of the Karasuk culture.....	85
2.2. Relative chronology of the Karasuk stage	91
2.3. Origins of the early Karasuk stage	102
2.4. Problems of the absolute dating of the Karasuk sites	123
CHAPTER 3. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations. Groups 1 – 5 (<i>G.A. Maksimenkov, E.B. Vadetskaya</i>)	145
Conclusion (<i>E.B. Vadetskaya</i>)	207
SUPPLEMENT. Horses of Karasuk culture in the cemetery of Sukhoe Ozero II (<i>A.K. Kasparov</i>)	209
Bibliography	221
Abbreviations	227
Summary	229
Figures	231
Index of tumuli	380

От редактора

А.В. Поляков

Минусинские котловины — уникальный регион, имеющий важнейшее значение для изучения культурно-исторических процессов, протекающих в Центральной Азии. Особые географические условия, выражающиеся в близости самых различных природно-климатических зон (степь, лесостепь, тайга) и доступности разнообразных ресурсов, заложили предпосылки для процветания и активного развития древних обществ. В то же время частичная изолированность Минусинских котловин создала основу для построения детально проработанных колонных секвенций археологических культур и их этапов. Не случайно С.А. Теплоухов выбрал именно этот регион для своих работ и построения хронологической схемы.

Особое место в трудах многих поколений исследователей продолжает занимать период поздней бронзы Минусинских котловин, или карасукская культура, как он традиционно называется в рамках хронологической схемы С.А. Теплоухова. Памятники, оставленные населением этого времени, отличаются богатством сопроводительного инвентаря, разнообразием конструкций курганов и особенностей погребального обряда. Это позволяет более детально изучать культурно-исторические процессы, протекающие на Среднем Енисее в XV–IX вв. до н. э. В этот период процесс культурогенеза идёт очень сложными путями, что отразилось в обширной и весьма противоречивой по своим подходам научной литературе. В Минусинские котловины происходят постоянные проникновения новых групп населения, которые приносят новые традиции и артефакты. Поэтому построение максимально подробной хронологической схемы именно для этого периода является чрезвычайно важным шагом.

Необходимо отметить, что погребальные памятники этого периода представляют собой огромные могильники, насчитывающие сотни и даже тысячи курганов. Современные исследования показывают, что для их изучения крайне эффективен метод горизонтальной стратиграфии, позволяющий рассматривать процесс развития и постепенного заполнения этих кладбищ. Однако проведение подобных работ требует чрезвычайно масштабных археологических раскопок, что практически невозможно в рамках бюджетов научных экспедиций.

В этой связи роль могильника Сухое Озеро II, материалы которого лежат в основе данной монографии, является исключительной. Этот памятник остаётся на сегодняшний день крупнейшим из исследованных могильников периода поздней бронзы. В его составе за шесть лет было раскопано 560 курганов. Это составляет примерно одну шестую часть всех имеющихся материалов. Столь грандиозные масштабы работ дают возможность использовать материалы этого уникального памятника для изучения хронологических процессов на ранней стадии развития «карасукского» общества.

Раскопки могильного поля Сухое Озеро проходили в рамках работ Красноярской экспедиции ЛО ИА АН СССР (руководитель М.П. Грязнов) по спасению памятников археологии, попадающих в зону затопления ложа водохранилища строящейся Красноярской ГЭС. Это открывало перед археологами огромные перспективы по изучению большого числа памятников огромными площадями. Однако была при этом и обратная сторона. После проведения разведок стало понятно, что спасти все памятники до момента заполнения

ложа водохранилища просто невозможно. Это не удивительно, так как именно берега Енисея и устья впадающих в него небольших рек были местами, наиболее насыщенными памятниками археологии. В результате М.П. Грязнову пришлось выработать компромиссное решение. Для однотипных памятников использовалась «упрощённая методика» раскопок, которая предусматривала вскрытие только непосредственно могилы, а остальная площадь кургана не исследовалась. На план наносились только видимые на поверхности камни ограды.

Наиболее часто упрощённая методика применялась именно к памятникам карасукской культуры. При этом был выбран эталонный могильник — Малые Копёны III, который был исследован полностью, без применения упрощённой методики (Зяблин, 1977). На других крупных могильниках отдельные курганы или даже целые участки кладбища тоже вскрывались сплошным раскопом, и только после этого остальные сооружения исследовались по упрощённой методике. Наиболее полно причины и результаты её применения М.П. Грязнов описал в одном из своих отчётов, посвящённых раскопкам могильника Кюргеннер I–II (Грязнов и др., 2010. С. 11–12). К сожалению, значительная часть курганов могильника Сухое Озеро II также раскопана без вскрытия площади ограды. Однако нужно понимать, что это была вынужденная мера, которая позволила увеличить число исследованных могил в несколько раз. Даже с учётом использования упрощённой методики исследовать удалось далеко не все памятники и курганы, значительное их число ушло под воду.

Данная монография представляет собой не просто издание материалов могильника, а публикацию рукописи Г.А. Максименкова, подготовленной им в конце 1970-х — начале 1980-х годов. По воспоминаниям Э.Б. Вадецкой, он начал работу над ней сразу после издания в 1978 году монографии «Андроновская культура на Енисее», и продолжал вплоть до своей смерти в 1986 году. После этого на весьма продолжительный период она легла в архив Э.Б. Вадецкой.

В дальнейшем судьба этой рукописи оказалась тесно связана с началом моего научного пути. В 1995 году я поступил на кафедру археологии исторического факультета Ленинградского

государственного университета и мой научный руководитель Д.Г. Савинов закрепил за мной тему «Карасукская культура». Им же была предложена идея заняться изучением крупных могильных полей как наиболее перспективного объекта для исследований. По сложившейся тогда на кафедре традиции Э.Б. Вадецкая была привлечена в качестве «внешнего» научного руководителя. Именно тогда я и узнал о существовании рукописи Г.А. Максименкова. Э.Б. Вадецкая дала мне возможность с ней ознакомиться и использовать материалы могильника Сухое Озеро II при написании курсовых работ и диплома.

На тот момент текст рукописи представлял собой несколько напечатанных на машинке вариантов разной степени сохранности и законченности. Зачастую текст был разрезан на абзацы и склеен заново в ином порядке, имелись рукописные вставки. Э.Б. Вадецкая провела большую работу по сверке этих вариантов и выбрала наиболее законченный из них, который являлся, по её мнению, хронологически последним.

Иллюстративный материал находился в различной степени готовности. По традиции тех лет, в таблицах весь материал был представлен не по комплексам, а с разбивкой по четырём категориям: ограды, могилы, керамика и весь остальной инвентарь. Наиболее завершёнными были четыре таблицы с артефактами, обнаруженными в могилах (за исключением керамики). Эти таблицы Г.А. Максименков почти закончил. На половинках ватмана были выполнены тушевые рисунки предметов, собранные в иллюстрации. При издании они сохранены в неизменном виде (рис. 125–128). Однако подписи к этим рисункам не были сделаны. Имелись только кальки, которые накладывались поверх таблиц. На них карандашом были написаны номера курганов и могил, из которых происходили конкретные предметы. К сожалению, подписаны были не все вещи, а часть подписей не соответствовала тексту. Таблицы с чертежами оград и могил существовали в рабочем варианте. Они представляли собой ватманы, на которые были наклеены вырезанные из отчётных фототаблиц чертежи. Причём на один лист было наклеено несколько десятков оград. Такая плотность, по рассказам Эльги Борисовны, диктовалась издательской политикой, когда число иллюстраций минимизировалось до предела.

Эльга Борисовна Вадецкая и Глеб Алексеевич Максименков. Томск, 13 мая 1969 года
 Elga Borisovna Vadetskaya and Gleb Alekseevich Maksimenkov. Tomsk, May 13, 1969

Непростой была ситуация с керамикой. Она была представлена в виде стопки листов с преимущественно карандашными рисунками. Из 280 рисунков только несколько десятков были обведены тушью. В результате потребовалась их серьёзная доработка. И.П. Лазаретов оплатил работу художника, который под моим наблюдением в Эрмитаже уточнял и обводил эти карандашные рисунки. Огромную поддержку в этом оказала хранитель коллекций М.П. Завитухина, человек чрезвычайной чуткости и отзывчивости (Марсаолов, Баркова, 2007). Затем рисунки были мной отсканированы и собраны в таблицы по группам, и в дальнейшем почти в неизменном виде вошли в монографию (рис. 129–141).

Самой сложной была ситуация с планом могильника. Г.А. Максименков в тексте рукописи прямо писал, что основной рабочий план был украден по окончании работ. Никакого плана к самой рукописи приложено не было. В результате

пришлось создавать фактически новый план. Эльге Борисовне удалось найти несколько калёк с рабочих планов разных лет, однако на них были представлены далеко не все курганы, кроме того, отдельные курганы на разных планах имели различные номера. Эти калёк были взяты за основу, а их доработка велась на основании отчётов и дневников участников, где иногда упоминалось взаимное расположение курганов.

Таким образом, в течение нескольких лет (1997–2000), в период моего обучения в университете, шла планомерная работа по восстановлению этой рукописи. Уже тогда планировалось её издание, но в итоге всё затянулось на долгие 20 лет. Основным камнем преткновения был текст монографии. Э.Б. Вадецкая считала его неоправданно «жёстким» по отношению к оппонентам Г.А. Максименкова (Н.Л. Членова, Э.А. Новгородова, М.Д. Хлобыстина). Она хотела переработать текст и смягчить особенно острые высказывания, одна-

ко у неё постоянно не хватало на это времени. В тот период она увлекалась материалами таштыкской культуры и готовила к изданию книгу по материалам своей докторской диссертации (Вадецкая, 1999). Затем была работа над «Древними масками Енисея» и «Сводом памятников афанасьевской культуры» (Вадецкая, 2009; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014).

Вновь вернуться к рукописи удалось только к 2015 году, когда было принято решение издавать её в таком виде, как есть, не внося серьёзных изменений. Работу начали весной. Э.Б. Вадецкая занималась текстом: провела стилистическую корректуру рукописи, работала со ссылочным аппаратом, написала введение и предисловие, добавила в рукопись некоторые фотографии из отчётов (фото 1–18). Большую поддержку в этом ей оказал их с Глебом Алексеевичем сын — Алексей Максименков. Моей задачей была иллюстративная часть. Таблицы необходимо было заново скомпоновать, так как те, что были подготовлены Г.А. Максименковым, не подходили с издательской точки зрения. Они были сделаны в альбомном формате на ватманах, и на каждой иллюстрации размещалось сразу несколько десятков чертежей курганов. При уменьшении до размера А4 масштаб становился настолько мелким, что разобрать что-либо было просто невозможно.

К сожалению, фонд не поддержал нашу заявку на издание, и в дальнейшем Э.Б. Вадецкая полностью переключилась на свою главную работу этого периода — подготовку к изданию свода таштыкских масок, которой и занималась вплоть до своей смерти в 2018 году. Такова вкратце непростая судьба этой рукописи, которая, естественно, отразилась на состоянии самого материала.

Приступая к знакомству с данной работой, необходимо понимать, что основной её текст был написан в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века. С этого момента прошло уже около 40 лет, и наши знания об этом историческом периоде значительно продвинулись. Изменились и методические подходы как к проведению археологических раскопок, так и к подаче и научному осмыслению материалов. К сожалению, рукописи не удалось увидеть свет в своё время, когда она была бы наиболее значима и актуальна. Однако и сейчас её выход имеет очень важное значение.

Во-первых, это издание самого крупного исследованного могильника этого хронологического периода. Раскопанные 560 могил до сегодняшнего дня составляют 1/6 часть всего известного материала. Кроме того, Сухое Озеро II представляет собой огромное могильное поле, что позволяет изучать его горизонтальную стратиграфию. Можно сказать, что это один из ключевых памятников для понимания процессов, происходивших в период финальной части эпохи палеометалла.

Во-вторых, монография Г.А. Максименкова имеет большое историческое значение и ярко показывает, насколько бескомпромиссным было противостояние исследователей, отстаивающих свои точки зрения в 60–70-х годах прошлого века. Дискуссия, посвящённая памятникам «карасукской культуры», велась на протяжении четверти века и была, пожалуй, самой острой темой в сибирской археологии. Г.А. Максименков и в других своих работах был весьма жёсток в ведении полемики, однако в этой монографии он подошёл вплотную к краю, за которым некоторые высказывания уже нельзя считать научными. Так считала Э.Б. Вадецкая, которая неоднократно предпринимала попытки сгладить наиболее «острые углы» в рукописи. Действительно, современные научные дискуссии ведутся в гораздо более осторожных выражениях и подобный тон сейчас был бы неуместен. Однако на мой взгляд, в сложившейся ситуации сохранение авторского стиля Г.А. Максименкова является единственным возможным вариантом. Значимость вклада его оппонентов — Н.Л. Членовой, Э.А. Новгородовой и М.Д. Хлобыстиной в изучение эпохи палеометалла Минусинских котловин не подлежит сомнению, но искусственное смягчение или удаление части текста привело бы к искажению точки зрения Г.А. Максименкова.

В-третьих, крайне велика роль этой работы как стартовой площадки при изучении дробной хронологии памятников «карасукской культуры». Мои исследования, которые велись на протяжении 20 лет, обрели своё начало именно со знакомства с этой рукописью (Поляков, 2002; 2006б; 2009; 2013; 2017. С. 193–197; 2020. С. 36–44; Поляков, Лазаретов, 2019; Poliakov, Lazaretov, 2020). Она ярко и доказательно показывает основные тенденции развития памятников «классического» этапа. Их неоднородность не вызывает сомнения,

и большинство наблюдений, сделанных Глебом Алексеевичем, сохраняют актуальность.

Конечно, за прошедшие 40 лет появилось очень много новых данных, и некоторые взгляды, отражённые в рукописи, не нашли своего подтверждения, однако я посчитал некорректным писать подробную развёрнутую главу, характеризующую материалы могильника с моей точки зрения. Всё-таки Э.Б. Вадецкая в 2015 году приняла решение опубликовать рукопись в таком виде, как она есть, и я не вправе менять эту концепцию. Однако я считаю возможным обратить внимание читателя на некоторые ключевые позиции и сделать отсылки к современной литературе по этим вопросам.

Первое, на что следует обратить внимание, это проблема взаимосвязи андроновской культуры и наиболее ранних карасукских памятников. М.П. Грязнов был последовательным «автохтонистом», хотя и вынужден был признавать некоторый приток населения в Минусинские котловины в этот период, что отражалось в появлении некоторых категорий бронз, имеющих аналогии на территории Северного Китая в эпоху Шан-Инь. Стоит отметить, что эти вещи (например, ножи с навершием в виде кольца с тремя «кнопками» — рис. 126: 2) появляются отнюдь не в самых ранних сооружениях. Поэтому, хотя Г.А. Максименков вынужден был признавать, что сложение карасукских памятников связано с появлением некоторой части нового населения, но конкретное место или даже направление его происхождения не указывал. Он оставался сторонником решающего вклада местного андроновского населения, а долю мигрантов считал не столь значительной.

Моя позиция, отражённая в специальном исследовании, предполагает обратную пропорцию (Поляков, 2009а). Самые ранние памятники периода поздней бронзы имеют целый спектр уникальных признаков, складывающихся в самобытный погребальный обряд, истоки которого проследить на Среднем Енисее не удаётся. Это конструкции ящиков, в том числе трапециевидной формы, уникальное положение тела погребённого, крайне устойчивый набор мясной сопроводительной пищи со столовым прибором на ней (нож и шило), принципиально иная керамическая традиция с уникальной орнаментацией, в которой угадываются некоторые посталакульские черты.

Все эти элементы имеют в корне андроновское происхождение, но никак не могут быть связаны с населением, оставившим на Среднем Енисее памятники фёдоровского типа. Поэтому я вижу роль миграционных процессов в сложении карасукской традиции основополагающей, а влияние местных племён не столь значительным, хотя и присутствующим. Тот факт, что ранние карасукские могильные поля зачастую продолжают уже существующие кладбища андроновской культуры, отражает лишь их общее генетическое родство, а не прямую преемственность.

Анализируя материалы могильника Сухое Озеро II, Г.А. Максименков выделяет на его плане пять планиграфических групп и в ходе исследования приходит к выводу об их строгой последовательности. Однако сам же при сопоставлении с другими могильниками (Малые Копёны III и Карасук I) объединяет их фактически в макрогруппы: раннюю (группы 4 и 5) и позднюю (группы 1 и 2). При этом группа 3 занимает промежуточное положение, по своим признакам склоняясь то в одну, то в другую сторону. Анализ горизонтальной стратиграфии крупных могильных полей этого периода показывает, что часто они состоят из двух частей, отделённых друг от друга полосой свободного пространства: Карасук I, Кюргеннер I-II (Грязнов и др., 2010. Рис. 3). Причём анализ материала показывает, что развивались эти территориальные группы синхронно и содержат практически идентичный материал.

Особенность могильника Сухое Озеро II состоит в географических условиях его размещения. Первоначальная его западная часть (группы 4 и 5) располагалась на относительно небольшом треугольном мысу, отрезанном с двух сторон понижениями к озеру Сухому и реке Черновой, а с третьей отделённым более ранним андроновским могильником (рис. 145). После заполнения всего этого пространства оставался только один выход: перенести захоронения восточнее, за курганы андроновской культуры. Таким образом и сформировались группы 1 и 2, демонстрирующие относительно поздние признаки. Небольшая группа 3 занимает особое положение, «помогая» отсекать раннюю западную часть могильника от поздней — восточной. Таким образом, по сути, Сухое Озеро II мало отличается по своему генезису от других синхронных могильников. Он также

состоит из двух параллельно развивающихся групп курганов, но его развитие осложнено географическими условиями.

Общая концепция Г.А. Максименкова была полностью справедливой. Он совершенно точно выделил основное направление развития памятника и указал ключевые признаки, позволяющие определять ранние и поздние захоронения. Точно так же абсолютно верной была его идея сопоставить раннюю часть Сухого Озера II с материалами могильника Малые Копёны III, а позднюю — с Карасук I. Хотя нужно отметить, что эти довольно крупные кладбища были созданы не одновременно, а развивались на протяжении весьма продолжительного времени отчасти параллельно. При этом, безусловно, доля ранних погребений в первом из них гораздо выше, а результаты раскопок второго не демонстрируют столь ранних захоронений, которые присутствуют в Сухом Озере II и Малых Копёнах III. Это ещё раз подчёркивает особую роль могильника Сухое Озеро II, который является наиболее хронологически протяжённым, охватывая максимальный исторический период.

Единственное, с чем, на мой взгляд, нельзя согласиться, это попытка выстроить все пять планиграфических групп Сухого Озера II в строгую последовательную хронологическую линию. Они существовали отчасти параллельно. Более того, с появлением относительно поздних групп 1 и 2 захоронения в ранней части могильника прекратились отнюдь не сразу. В составе групп 4 и 5 нетрудно обнаружить отдельные курганы, которые по своим признакам идентичны основной массе захоронений групп 1 и 2. Строгий статистический подход, применённый Г.А. Максименковым в своей работе, очень хорош при выявлении общих тенденций, однако дальнейшая работа с материалом должна строиться более гибко, с учётом возможных взаимных наложений групп курганов.

Отдельно необходимо остановиться на особенностях позы погребённых. Этот вопрос касается не только могильника Сухое Озеро II, но и всех кладбищ этого периода. В большинстве случаев могилы серьёзно потревожены, и положение тела со времён С.А. Теплоухова определялось либо как на спине, либо — на боку. Однако все археологи, проводившие раскопки карасукских погребений, в случае обнаружения мало потревоженного посткраниального скелета были вынуждены осо-

бо комментировать его положение в могиле. Не избежал этого и Г.А. Максименков при описании наиболее сохранившихся погребений могильника Сухое Озеро II (к. 41, мог. 2; к. 72, мог. 3; к. 343, мог. 2; к. 345, мог. 1; к. 349, мог. 4; к. 375, мог. 1; к. 427, мог. 2; к. 441, мог. 1; к. 475, мог. 1 и др.) (рис. 143). В итоге И.П. Лазаретов высказал мнение о существовании для «классических» и ранних каменоложских погребений единой погребальной позы — «вытянуто на боку вполоборота» (Лазаретов, 1995. С. 41–45). Существование подобного положения тела погребённого в могиле признают и другие исследователи (Вадецкая, 1986. С. 53; Павлов, 1999. С. 18). Мной было проведено углублённое статистическое исследование, которое показало объективность данной точки зрения (Поляков, 2009в). Действительно, для более чем 80% погребений характерно данное уникальное положение тела, ярко характеризующее эти памятники.

Особое значение в работе Г.А. Максименкова придаётся анализу большой серии керамических сосудов, полученных в ходе раскопок. Он анализирует её на основе двух различных подходов. Сначала отдельно рассматриваются формообразующие признаки: форма дна и наличие уступа (рис. 144). При этом он делает совершенно справедливый вывод, что уплощённая форма дна и наличие уступа являются относительно ранними признаками. Затем отдельно изучается классификация сосудов на основе орнаментов (рис. 146). И здесь тоже Г.А. Максименков высказывает справедливое мнение о том, что со временем число сосудов с «богатыми» орнаментами уменьшается, а в противовес им растёт количество сосудов, украшенных простыми элементами: каннелюрами, ямками, насечками. При этом, по моему мнению, Глебу Алексеевичу не хватило буквально одного шага, чтобы объединить эти две отдельные классификации и предложить единую типологию посуды, учитывающую как форму, так и орнаментацию. Такой шаг был сделан уже мной, но он базируется именно на этих важных наблюдениях, сделанных в рукописи, посвящённой могильнику Сухое Озеро II (Поляков, 2009б. С. 454–469; Грязнов и др., 2010. С. 70–82).

Огромное место в работе уделено вопросу о бронзовых ножах карасукской культуры. Значительная серия этих изделий была найдена в ходе

раскопок (рис. 126: 1–7, 9–19). Кроме того, Г.А. Максименков очень подробно разбирает и последовательно опровергает выводы монографии Н.Л. Членовой, посвящённой анализу и типологии ножей (Членова, 1972). Столь пристальное внимание к этому исследованию неудивительно. В этом объёмном труде, очень насыщенном иллюстративным материалом, фактически полностью опровергается хронологическая колонка памятников, выстроенная М.П. Грязновым и Г.А. Максименковым. На основании типологии ножей лугавские памятники (или каменноложские, по терминологии М.П. Грязнова) Н.Л. Членова датирует древнее собственно карасукских. Тем самым, например, дата могильника Сухое Озеро II оказывается не XIV–XI вв. до н. э., как считал Г.А. Максименков, а «VIII–VII или около VII вв. до н. э.» (Членова, 1972. С. 63). Именно предложенное омоложение памятника более чем на 500 лет вызвало столь негативную реакцию и потребовало детального разбора всей монографии.

При этом необходимо отметить, что Г.А. Максименков опровергал не саму типологическую схему Н.Л. Членовой, а только датировки отдельных типов. По сути, он просто предлагал «перевернуть» её, поменяв местами начало и конец. Н.Л. Членова (вслед за М.Д. Хлобыстиной и Э.А. Новгородовой) наиболее древними считала ножи коленчатых форм и предполагала постепенное увеличение «центрального угла» вплоть до полностью прямых образцов. Г.А. Максименков, опираясь не на теоретические построения, а на результаты полевых работ Красноярской экспедиции, считал ранними ножами дугообразные, а коленчатые более поздними. При этом он также рассматривал их все как единую генетическую линию развития, соглашаясь с выделенными Н.Л. Членовой типами. Выскажу и собственную позицию по этому вопросу. Я считаю, что в период поздней бронзы (от андроновской до тагарской культуры) в Минусинских котловинах встречаются ножи по крайней мере четырёх различных линий развития, которые нельзя смешивать и рассматривать совместно. Каждая из них имеет свои истоки и дальнейшую судьбу. Они появляются на Енисее отчасти последовательно и являются не результатом развития местных образцов, а принесены мигрантами в виде принципиально новых форм.

Отдельно следует остановиться на вопросе датировки могильника Сухое Озеро II. Г.А. Максименков в своей рукописи предложил дату XIV–XI вв. до н. э. Удивительно, но за прошедшие 40 лет не произошло каких-либо изменений, которые бы потребовали внести в неё корректировку. В своих последних работах я чаще указываю начало периода поздней бронзы концом XV в. до н. э. (Поляков, 2020. С. 43). Однако это чисто теоретический постулат, основанный на массиве радиоуглеродных дат. С предложенными Г.А. Максименковым датами можно полностью согласиться. Интересно отметить, что даже в относительно поздней по времени написания монографии Э.Б. Вадецкой фигурирует более традиционная дата, XIII–XI вв. до н. э., предложенная М.П. Грязновым (Вадецкая, 1986. С. 64–65; Грязнов, 1979. С. 4). Даты более ранних культур — афанасьевской, окуневской, андроновской — были откорректированы за этот период очень серьёзно, в среднем на 300–400 лет. Причина столь высокой стабильности дат периода поздней бронзы связаны с аналогиями в бронзах Шан-Иньской эпохи Китая, которые являются важной константой для всего этого периода.

Знакомясь с данной монографией, необходимо иметь в виду некоторые особенности, связанные с периодом её написания. Так, в частности, Г.А. Максименков ко всем металлическим предметам на основе меди применял термин «бронза». На самом деле исследование химического состава металла из Сухого Озера II не проводилось. В рукописи есть ссылки на подобные исследования, сделанные по другим памятникам, однако терминологический аппарат на тот момент ещё не устоялся и, по традиции, все предметы, изготовленные на основе меди, с присадками или нет, называли бронзовыми. Чтобы не было разногласий между текстом и другими частями работы, например подписями к иллюстрациям, эта манера изложения сохранена в полном объёме.

В монографии представлены и относительно поздние материалы скифской эпохи (тагарская археологическая культура). Это впускные погребения, устроенные в уже существующих могилах. Такая практика была очень широко распространена, и могильник Сухое Озеро II в этом плане не является уникальным. Г.А. Максименковым была написана специальная работа, посвящённая этой теме (Максименков, 1975б). Сейчас количество достоверных

случаев впускных тагарских погребений в могилах более ранних культур исчисляется сотнями. На иллюстрациях к монографии они не отделены от собственно «карасукских» вещей, поэтому их пришлось специально отметить, чтобы избежать путаницы. Присутствуют они и на таблицах с артефактами, составленных Г.А. Максименковым (рис. 125: 61, 66–70; 126: 8, 20; 127: 7).

Э.Б. Вадецкая дополнила рукопись своими текстами, которые обозначила как «Введение» и «Предисловие». Необходимо понимать, что она по озвученным Г.А. Максименковым вопросам имела свою исследовательскую позицию, не всегда совпадающую со взглядами, отражёнными в рукописи. Её точка зрения была гораздо ближе к высказываниям Н.Л. Членовой, Э.А. Новгородовой и М.Д. Хлобыстиной, активно в работе критикуемым. Э.Б. Вадецкая также допускала возможность продолжительного сосуществования в Минусинских котловинах различных по происхождению коллективов. В частности, она предполагала возможность доживания окуневских племён до начала периода поздней бронзы и их участие в сложении карасукской культуры (Вадецкая, 1986. С. 62). Таким образом, по её мнению, на протяжении нескольких сот лет на Среднем Енисее одновременно проживали племена, оставившие памятники андроновской и окуневской культур. Отчасти с этим было связано желание Эльги Борисовны провести серьёзную редактуру рукописи и смягчить разгромную критику Г.А. Максименкова.

Завершая своё вступление, я хотел бы ещё раз подчеркнуть огромное значение могильного поля Сухое Озеро для изучения процессов культуро-

генеза начальной стадии периода поздней бронзы Минусинских котловин. Это уникальный по своим размерам комплекс, где представлены самые крупные из изученных на Енисее могильники андроновской и карасукской культур. Отсутствие какого-либо явно выраженного перехода между ними как раз и подчёркивает миграционный характер сложения последней. Могильник Сухое Озеро II по современной периодизации, предложенной мной и И.П. Лазаретовым, охватывает I и II этапы периода поздней бронзы (Поляков, 2002; 2006б; 2009; 2013; 2017. С. 193–197; 2020. С. 36–44; Поляков, Лазаретов, 2019; Poliakov, Lazaretov, 2020). Даже среди крупных могильных полей этого времени он выделяется полнотой материалов. Например, могильники Малые Копёны III и Кюргеннер I–II представлены преимущественно ранними захоронениями, а поздние (II этап) крайне малочисленны. Обратная ситуация с могильником Карасук I. В его составе нет погребений наиболее раннего хронологического горизонта I-a.

Завершая своё вступительное слово, я хотел бы выразить искреннюю признательность тем, кто внёс огромный вклад в сохранение этой рукописи и её подготовку к публикации. В первую очередь это сын Глеба Алексеевича и Эльги Борисовны — Алексей Глебович Максименков. Большая благодарность людям, которые взяли на себя огромный труд по техническому оформлению и подготовке рукописи к изданию — Марии Николаевне Никитиной и Викентию Александровичу Паршуту.

Надеюсь, материалы этой монографии окажутся полезны широкому кругу археологов, изучающих памятники эпохи бронзы Центральной Азии.

Введение

Э.Б. Вадецкая

В 60-е годы прошлого века на Енисее строили Красноярскую ГЭС и водохранилище. В его зоне было обнаружено только видимых на поверхности земли несколько тысяч курганов. Чтобы раскопать хотя бы минимум из них, была создана в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (сейчас ИИМК РАН. — *А.П.*) Красноярская археологическая экспедиция. Основные работы осуществляли в 1960–1969 гг. восемь отрядов, которые раскапывали археологические объекты от каменного века до средневековых. Но особенно много (половина отрядов экспедиции) курганов XIII–XI вв. до н. э., принадлежащих к карасукской археологической культуре, так названной по месту раскопок на реке Карасук. Причина обилия именно этих курганов в их видимости и сравнительной легкости осуществления раскопок. То и другое в сравнении с курганами других культур. Дело в том, что во все времена древнее население Енисея обозначало свои могилы на поверхности каменными сооружениями. Но сооружения III–II тыс. до н. э. почти все разрушились и видны лишь специалистам. А позже (с середины первого тысячелетия до н. э.) надмогильные конструкции очень массивны, и их раскопки требуют значительных усилий. Что же касается карасукских могил в виде каменных ящичков с оградками, то те и другие сделаны из невысоких тонких плит, легко доступных как археологам, так и грабителям. В результате экспедицией было раскопано около 1500 курганов, содержащих свыше 1800 могил, что больше, чем за сто предыдущих лет.

Раскопки карасукских могил производились экспедицией на 30 могильниках, но наиболее масштабные лишь на трёх: Малые Копёны III (136 кури-

ганов, 285 могил), раскопанный Л.П. Зяблиным в 1962–1966 гг.; Кюргеннер I–II (120 курганов, 180 могил), раскопанный М.П. Грязновым в 1965–1966 гг., и Сухое Озеро II (295 курганов, 560 могил), раскопанный Г.А. Максименковым и Э.Б. Вадецкой в 1963–1968 гг. (Вадецкая, 1986. С. 52, 66–68). Первый из них опубликован самим автором раскопок (Зяблин, 1977). Отчёты о раскопках М.П. Грязнова и коллекции вещей из могильников Кюргеннер I–II недавно опубликованы сотрудниками ИИМК РАН (Грязнов, Комарова и др., 2010). Что же касается самого крупного могильника Сухое Озеро II, то его исследование было почти завершено Г.А. Максименковым перед его смертью в 1986 году, но по ряду причин осталось неопубликованным. Хотя очень высок уровень как раскопок, так и детального изучения материалов.

Интерес к карасукской культуре привлекал на раскопки многих археологов, поэтому помимо сотрудников Красноярской экспедиции (Э.Б. Вадецкая, М.В. Исаева, А.М. Прокофьева, Б.Н. Пяткин) в работах отряда принимали участие археологи и художники из разных городов. Постоянными участниками в течение всех полевых сезонов были сотрудники Государственного исторического музея В.Е. Чижов и сотрудник экспедиции, а позже хранитель Минусинского краеведческого музея Н.В. Леонтьев. В разные годы в работах отряда участвовали археологи из Москвы (С.В. Студзицкая, Э.А. Новгородова, Л.Г. Ивашина), из Новосибирска (В.М. Зимина, Э.А. Севастьянова), из Томска (Л.А. Повлёнок, Л.М. Старцева, А.С. Чагаева). Художниками экспедиции постоянно вносились добавления в план могильника, куда вошли как раскопанные, так и нераскопанные курганы. Я в 1964–1965 гг.

была рядовым сотрудником отряда, а в 1966 г. по своему открытому листу самостоятельно раскопала 52 кургана, содержащих 128 могил (архив ИА РАН, Р-1, 1966 год, № 3599). В 1967 г. я приезжала помогать Г.А. Максименкову (с сотрудниками своего отряда) завершать раскопки, а в 1968 г. руководила его отрядом в течение месяца в связи с его отъездом в Ленинград. Очень важным было участие в полевых работах московского антрополога Г.В. Рыкушиной, которая собирала даже мелкие кости скелетов людей, их мыла, сушила и по которым делала определение пола и возраста. Ежегодно для определения костей животных и их особенностей приезжала в отряд палеозоолог Н.М. Ермолова. Огромный материал могильника, представленный в основном сосудами, передан в Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Таким образом, было сделано многое для осуществления успешных исследований уже на месте, что отразилось в рукописи Г.А. Максименкова «Могильник Сухое Озеро II».

Публикуемая монография отличается от неё обновлением справочного аппарата, таблиц, уточнением планов курганов и их групп на общей территории могильника, но принципиально лишь порядком изложения раскопанных курганов. Во-первых, их описание перенесено из первой главы рукописи (материалы раскопок) в третью в монографии. Во-вторых, описания курганов и таблицы с их графическими иллюстрациями систематизированы по пяти территориальным группам могильника. Дело в том, что каждая группа представляет собой самостоятельное кладбище, функциониру-

вавшее последовательно на могильнике, но раскапывали их одновременно, по несколько курганов в год. Так они изложены по годам в полевых отчётах, а затем в рукописи Г.А. Максименкова. Что же касается порядка описания памятников в рукописи, то автор придерживается последовательности возрастания номеров курганов независимо от группы (той части могильника), где данный курган находится. Для уточнения после номера кургана Г.А. Максименковым в скобках дан его год раскопок и номер группы. А для иллюстративных таблиц идёт указание таблицы и рисунка. Столь сложная система ссылок, по мнению автора раскопок, была необходимой, так как встречаются курганы с одинаковыми номерами, раскопанные в разные годы. Конечно, нельзя давать новые номера курганов, обозначенных не только на графических таблицах, но и в музейных коллекциях. Но и нельзя, на мой взгляд, описывать друг за другом курганы, отдалённые почти километровым расстоянием. Это не только неудобно для ориентации курганов на плане могильника, но противоречит основной новизне работы Г.А. Максименкова — хронологической эволюции отдельных групп могильника, отражающей изменения в конструкции курганов и керамике. Поэтому в монографии составлены новые таблицы курганов, согласно их расположению в том или ином месте конкретной хронологической группы. Для избежания путаницы перед описанием каждой группы указывается, в какие годы раскопаны курганы, и сохраняются данные при их раскопках номера. К курганам с одинаковыми номерами, которых немного, добавлены буквенные указатели.

Предисловие

Э.Б. Вадецкая

Поскольку в публикуемую рукопись Г.А. Максимова внесены лишь практически технические изменения, требуется пояснить, зачем нужно предисловие. Дело в том, что конструкция работы сложная, исследование комплексное, посвящено анализу разных сюжетов от скрупулёзных источниковедческого характера материалов раскопок до историографических теоретических гипотез, касающихся происхождения карасукской культуры и её датировки. Некоторые из них важны для историографии, а другие по-прежнему актуальны. В предисловии я пытаюсь их выделить для читателя.

Могильник Сухое Озеро II имеет физические особенности. Считалось, что собственно карасукские могильники (а не поздние каменноложского этапа) состоят либо из нескольких десятков оград, либо насчитывают сто и несколько сотен оград. Раскопки могильника у озера Сухого показали, что крупные могильники насчитывают до ста курганов, а ещё крупнее образуют несколько карасукских кладбищ. В частности, 450 курганов Сухого Озера II составляют 5 карасукских кладбищ, прибрежных надлежавших разным поколениям общества или внутри него, возможно, ещё разным этническим группам. Ценность этого вывода заключается в том, что продолжительность собственного этапа карасукской культуры не в течение двух-трёх столетий, как предполагалось (XIII–XI или XI–X вв. до н. э.), а больше (Вадецкая, 1986. С. 64–65).

На этой же территории расположен могильник андроновской культуры. Его основная часть находится севернее карасукского могильника, но одиночные курганы есть и вдали от них, рядом с карасукскими. Такое соседство допускает возможность предполагать наличие генетической связи между

отдельными андроновскими и карасукскими семьями. К физическим особенностям могильника также относятся большое число раскопанных на нём курганов, разная методика раскопок и прорисовка оград на плане могильника. Последнее требует пояснения. Как правило, всегда на планах могильников курганы-оградки обозначены схематическими условными значками. Здесь же как раскопанные, так и нераскопанные ограды нарисованы с учётом их размера и внешнего вида, что и без раскопок позволяет увидеть разные типы оград в определённых группах кладбищ. Раскопать такое большое число карасукских курганов (около 300) удалось потому, что применялись две методики раскопок. Они зависели как от года раскопок, так и от состояния отдельных курганов. В первые годы подавляющее большинство курганов было раскопано по полной методике. Вокруг видимых на поверхности камней или вокруг насыпи разбивался раскоп с таким расчётом, чтобы все видимые камни или расплывшаяся насыпь оказалась бы в границах раскопа. Поперёк него оставлялась бровка, внутри ограды и за её пределами удалялась земля. После снятия земли производилась зачистка камней ограды, внутренней её части и покрытия могилы. При сокращённой методике раскопок снимался план видимых камней ограды и плит покрытия могилы, раскапывали только могилу.

В основу комплексного исследования памятника положен источниковедческий анализ и вытекающие из него доказательства пяти хронологических кладбищ могильника, а также сюжеты интерпретации погребального обряда, детали социального устройства общества. Главное внимание уделено конструкции погребальных сооружений

и керамике. Первое объясняется их разнообразием. Второе — уже существующими работами по теме. Выделено два вида оград (одиночные и с пристройками) и их четыре разновидности (четырёхугольные из плит, врытых вертикально, и четырёхугольные из плашмя положенных плит, круглые ограды из сложенных и вертикально вкопанных плит). Анализ могил (527) четырёх видов: ящики прямоугольной (253) и трапециевидной (179) формы, зимние цисты (82), грунтовые могилы (13). На основании расположения выкидов земли из могил и наклона плит ограды определена последовательность сооружения. Сначала намечали и строили ограду, а потом уже в ней выкапывали могилу. Выявлены по группам могильника соотношение форм и способов сооружения оград и пристроек, а также соотношение форм могил.

Классификацию керамики карасукской культуры Г.А. Максименков предложил ещё при публикации андроновского могильника Сухое Озеро I. Для вариантов были учтены два основных признака: характер дна сосуда и наличие или отсутствие уступа между вертикальной шейкой и плечиками, а также орнамент (Максименков, 1978. Рис. 114–116). Он подтвердил свою классификацию посудой могильника Сухое Озеро II. Кроме того, в результате анализа керамики сделано два наблюдения. Во-первых, посуда могильника отличается от других карасукских могильников большим количеством богато орнаментированных сосудов. Во-вторых, впервые установлено, что в разных хронологических группах (кладбищах) могильника было разное соотношение типов сосудов и преимущественное использование определённых видов орнамента. Так, в целом на могильнике преобладают (из 236 горшков) круглодонные формы с уступом и без уступа. Но в двух группах (1 и 2) больше круглодонных сосудов, в двух других группах (3 и 4) — горшков с плоским или уплощённым дном, а в одной группе (5) их поровну. Среди горшков с сохранившейся формой дна (179) плоскодонные отсутствуют в группе 1, единичны в группе 2 и их более 30–40 % в группах 3–5. Круглодонные сосуды без уступа преобладают в группе 1, а с уступом больше горшков в группе 4, где больше плоскодонных сосудов. Всего в могильниках приблизительно поровну как богато украшенных сосудов, так и совсем без орнамента, либо лишь с несколькими желобками или ямками. Все другие единичные, но по группам различаются, особенно

в группах 1 и 4. Так, в группах 1 и 2 самые многочисленные горшки с несколькими желобками на шейке, затем горшки без орнамента, горшки, украшенные ямками, с богатым орнаментом и с ямками и вдавлениями. В группе 4 преобладают горшки с богатым орнаментом, меньше без орнамента, либо с зигзагами, ямками и самые единичные с желобками. Только группа 5 имеет все виды орнамента, но в целом она больше схожа с группой 4. Наибольшая разница в технологии орнамента (прочерчивались острой палочкой либо наносились зубчатым штампом) также между сосудами 1-й и 4-й групп. Таким образом, выявлены особенности форм, украшений и технологии нанесения орнамента в зависимости от территориального расположения кладбищ могильника. Отличия между территориальными группами одного и того же могильника по керамике автор объясняет не наличием этнически разных захороненных коллективов, а динамикой развития керамики, когда какие-то формы и орнаменты отмирали, а другие возрастали. Эти выводы подтверждаются наличием хронологических групп на некоторых других карасукских могильниках (Кюргеннер I и II), что также впервые замечено Г.А. Максименковым (Грязнов, Комарова и др., 2010).

Большинство детально описанных предметов из могильника соответствуют собственно карасукской культуре. Преобладают бронзовые и медные изделия: ножи, шилья, браслеты, проволочная гривна, височные кольца, серьги, колечки, пронизки-трубочки, бляшки нескольких видов, три медные лапчатые подвески, костяные гребни, роговая ручка плети (рис. 125–128). Наряду с ними некоторые предметы схожи с более древними окуневскими: костяные шило и игольник, обрезаек трубчатой кости барана, подвески из просверленных зубов диких животных, каменные бисеринки в виде тонких колечек и коротких трубочек, два кремнёвых наконечника стрел, аккуратно обработанных тонкой отжимной ретушью.

Плохое состояние большинства человеческих скелетов не позволило выделить инноваций в деталях погребального обряда, который описан традиционно (поза покойников, ориентировка, регламентированный состав мяса для покойника). А вот впервые выявленная связь места захоронения покойников в оградах в зависимости от пола открывает путь к изучению деталей социального устройства общества. Так, согласно наблюдениям

Г.А. Максименкова, мужчины похоронены всегда в основных могилах системы оград, как в оградах круглой, так и четырёхугольной формы. Женщин хоронили и в пристройках, но только в оградах четырёхугольной формы; их могилы несколько меньше по размерам. Предположительно по родственному признаку расположены не только могилы внутри одной и той же системы оград, но и одиночные ограды.

Отдельная глава работы посвящена определению хронологического и культурного места могильника Сухое Озеро II среди других могильников карасукской культуры. Она называется «Некоторые вопросы истории раннекарасукского этапа в связи с материалами могильника Сухое Озеро II». Задача — введение в научный оборот этого памятника и решение некоторых вопросов, которые можно рассмотреть исходя из имеющихся материалов. В данной главе рассмотрено четыре вопроса. Первый из них касается места и значения могильника Сухое Озеро II среди других карасукских памятников. Второй вопрос посвящён выяснению относительного места карасукского этапа и его отношения с каменноложемским. Третий вопрос — происхождение карасукского этапа и некоторые новые данные по этому вопросу в материалах самого могильника. Четвёртый вопрос — абсолютная датировка карасукского этапа.

Основным источником для определения места и значения могильника Сухое Озеро II среди других карасукских памятников служит сравнительный анализ керамики могильника Сухое Озеро II с двумя другими крупными могильниками — Малые Копёны III и Карасук I. Керамика из могильника Малые Копёны III опубликована, а рисунки из могильника Карасук I собраны Г.А. Максименковым и доступны для исследования. Анализ керамики из этих могильников сделан по той же схеме (детали формы сосудов и орнамента), что и керамика из Сухого Озера II. В результате индивидуальных сопоставлений сосуды из Малых Копён близки к индивидуальным сопоставлениям сосудов групп 4 и 5 Сухого Озера II. А группа 1 схожа с керамикой могильника Карасук I. Таким образом, сравнение, с одной стороны, Малых Копён III и групп 4 и 5, а с другой — Карасука I и группы 1 позволяет видеть определённую тенденцию: а именно увеличение отдельных признаков в одной группе и соответственно уменьшение их в другой. Наблюдается, следовательно,

обратная зависимость. В то же время если рассматривать изменение тех или иных деталей форм сосудов, их видов или используемых орнаментов, то можно в каждом конкретном случае выстроить ряд по мере убывания или возрастания тех или иных признаков. Отдельные группы Сухого Озера II и сопоставляемые могильники по разным признакам будут меняться между собой местами, однако сохраняя при этом полярность, — с одной стороны будут находиться Карасук I и группа 1, а с другой — Малые Копёны III и группа 4. Для убедительности Г.А. Максименков привёл несколько примеров.

Так, круглодонные сосуды без уступа господствуют в группе 1 Сухое Озеро II (77 %), затем по мере убывания идут Карасук I (41 %), группа 5 Сухое Озеро II (28 %), Малые Копёны III (21 %), группа 4 Сухое Озеро II (10 %). В то же время плоскодонные сосуды с уступом в группе 1 отсутствуют, в Карасуке I — 3 %, в группе 5 — 15 %. В Малых Копёнах III — 21 %, в группе 4 — 24 %. Ту же картину, но в менее выраженном виде можно проследить по другим формам и на примере использования орнаментов. Расположение отдельных признаков в возрастающем или убывающем количестве, даёт определённый эволюционный ряд, и, следовательно, возникает вопрос о начале и конце этого ряда. Наблюдаемые отличия, по мнению Г.А. Максименкова, могут иметь только хронологическое объяснение. В наиболее ранних группах должны прослеживаться черты предшествующей, по утверждению автора, андроновской культуры. В формах посуды эта связь проявляется в наличии горшков с плоским дном, а в орнаментах — в богатых узорах, ведущих своё происхождение от андроновской орнаментации (Максименков, 1978). Эти два признака свойственны группам 4 и 5 Сухого Озера II и могильнику Малые Копёны III. Поэтому можно считать, что указанные памятники являются наиболее ранними, в то время как группа 1 и Карасук I — наиболее поздние среди рассматриваемых памятников. Что же касается могильника Сухое Озеро II, то, по представлению автора раскопок, его кладбища возникли последовательно одно за другим без особых перерывов и оставлены, скорее всего, одной и той же группой населения. Сухое Озеро II демонстрирует сложный процесс развития раннего, собственно карасукского этапа культуры на всем или почти на всем его протяжении.

Красноярской археологической экспедицией были открыты памятники, относящиеся ко второму, или позднему, этапу карасукской культуры, названные каменноложскими. Но с этим не все исследователи были согласны, а в основном практики. Поэтому в 60-е годы прошлого века в литературе велись острые дискуссии, не скрывались ли за каменноложскими памятниками кладбища племён, сосуществующих с карасукскими, но отличающихся культурой. По утверждению Г.А. Максименкова, ни одному из исторических периодов в истории Минусинской котловины за последние 20 лет не уделялось так много внимания, как карасукской культуре. Объясняется это тремя обстоятельствами: накоплением огромного по сравнению с прошлым временем материала; разделением ранее рассматривавшейся как единая карасукской культуры на две этапа, две культуры или две группы памятников; а также тем, что вещи, характерные для этой культуры типов, встречаются на обширной территории, далеко выходя за рамки Минусинской котловины. Все это, вместе взятое, и определяет тот интерес к карасукской культуре, который вызвал рождение самых разных взглядов на пути её развития, хронологию и конкретную историю. По С.А. Теплоухову (1927; 1929) и С.В. Киселёву (1951), карасукская культура представлялась единой, сменяющей андроновскую и предшествующей тагарской. Этому же мнению придерживаются М.П. Грязнов и его ученики (Грязнов, Максименков, Пяткин, 1968; Зиеп Дин Хоа, 1966). Одновременно три археолога, которые писали диссертации о происхождении карасукской культуры (М.Д. Хлобыстина, Н.Л. Членова, Э.А. Новгородова), предложили новые концепции о взаимоотношениях древних минусинских культур и их этапов. В частности, соотношения карасукской и андроновской культур, карасукского и каменноложского этапов и тагарской культуры. Хотя прямых доказательств одновременности никаких памятников эпохи бронзы нет, более того, версии о них у этих исследователей различались, они пользовались в археологической литературе популярностью. Дело в том, что эти археологи были очень активны в публикации своих теорий, не раскапывая сами памятники. Практически с ними дискутировал лишь Г.А. Максименков, а другие ограничивались раскопками (М.П. Грязнов, Л.П. Зяблин, Б.Н. Пяткин, Э.Б. Вадецкая). В результате в представленной работе Г.А. Максименков даёт очень подробный по-

имённый анализ статей по теме М.Д. Хлобыстиной, Э.А. Новгородовой, Н.Л. Членовой, что важно для изучения историографии. Он указывает на конкретные неточности использования археологического материала и терминологии, а также пытается теоретически доказать невозможность сосуществования нескольких археологических культур. По его убеждению, только двусторонняя связь могла бы служить доказательством одновременности карасукского и каменноложского (бейского, лугавского) этапов. Но в работах исследователей, утверждающих их одновременность, по его мнению, нет бесспорного доказательства. Более того, некоторые из них утверждают на основании статистических подсчётов полное отсутствие взаимовстречаемости вещей, характерных для этих этапов (Новгородова, 1970. С. 176).

На мой взгляд, Г.А. Максименков не учёл специфику материала, а именно его погребальный характер, что касается как обряда, так и вещей. Похоронные традиции очень консервативны, и люди, проживающие совместно, могут хоронить друг друга по своим обычаям и со своими вещами. Кроме того, чужие вещи могут оказаться в могилах случайно. Так, Н.Л. Членова строит доказательства на сведениях о находках карасукских ножей в тагарских погребениях, о находках карасукской керамики в тагарских погребениях и, наоборот, находках тагарской керамики в карасукских погребениях. Имеются находки тагарской керамики в карасукских могилах. Это впускные погребения более поздней эпохи в могилы более ранней. Такие тагарские погребения в карасукских могилах найдены в могильнике Сухое Озеро II. Кроме того, в тагарскую эпоху широко было развито ограбление могил предшествующих эпох с целью добычи металла. Поэтому наблюдается почти стопроцентное разрушение карасукских могил. В большинстве случаев карасукская бронза шла в переплавку для изготовления тагарских вещей, а в отдельных случаях хорошо сохранившиеся и годные к употреблению вещи использовались тагарцами. Поэтому в тагарских могилах находят не только бронзовые изделия более ранней эпохи, но и керамику и украшения.

Третий вопрос, рассматриваемый в этой главе рукописи Г.А. Максименкова, касается происхождения карасукского этапа с указанием некоторых новых данных по этому вопросу в материалах самого могильника. Соответственно сначала дана историо-

графия по теме, затем связь её с новыми материалами Сухого Озера II и личная версия автора.

В историографии основное внимание уделено сторонникам местного происхождения культуры, которые находили несомненные черты преемственности между андроновской культурой и карасукской (С.А. Теплоухов, С.В. Киселёв, М.П. Грязнов). Между тем даже ими высказывались сомнения о местном происхождении некоторых материалов карасукской культуры. Так, С.В. Киселёв отмечал влияние бронзовой индустрии Шан-Иньского периода на формирование карасукской бронзы. Эти представления, по мнению Г.А. Максименкова, держатся до настоящего времени среди ряда исследователей и пока не нашли достаточно аргументированного опровержения.

По-иному вопрос о происхождении карасукской культуры рассматривает М.П. Грязнов. Он считает, что на Енисее в её основе лежат древние местные андроновские традиции, которые в археологическом материале проявляются в погребальном обряде, керамике, кельтах и некоторых видах украшений (Грязнов, 1956. С. 38). В то же время, учитывая, что Г.Ф. Дебец предполагал в смешанном физическом типе некоторых черепов наличие узколицевого монголоидного элемента, М.П. Грязнов допускал возможность проникновения некоторого количества пришельцев с юго-востока в Минусинскую котловину. В результате взаимодействия древних местных традиций и пришлых элементов и возникло своеобразие карасукской культуры. Пришлыми элементами в археологическом материале являются переработанные соответственно местным потребностям и вкусам бронзовые ножи, кинжалы, чеканы и некоторые виды украшений. Эти мнения учтены Г.А. Максименковым при разработке собственной концепции происхождения культуры, о которой пойдёт речь ниже.

Главное в его работе — подтверждение генетической связи андроновских и карасукских погребённых могильника. Им составлена таблица соотношения оград, могил и положения погребённых в андроновских памятниках на Енисее и могильника Сухое Озеро II. При составлении таблицы использованы данные по андроновской культуре, приведённые в работе Г.А. Максименкова (1978. С. 83), и материалы могильника Сухое Озеро II как по отдельным его группам, так и в целом. Сопоставление только одного могильника с памятниками андро-

новской культуры автор объясняет тем, что материал Сухого Озера II достаточно представительен и отражает общую тенденцию развития карасукской культуры на раннем этапе. Сопоставляя андроновские и карасукские памятники по виду и способу сооружения оград, нетрудно заметить, что в обеих культурах имеются как круглые, так и прямоугольные ограды, сооружённые либо из плашмя положенных плит, либо из плит, врытых вертикально. Кроме того, в обеих культурах встречаются одиночные ограды и их системы из пристроенных друг к другу оградок. Однако соотношение того или иного вида оград, а также и способы их сооружения для каждой культуры различны. Андроновскую культуру можно было бы назвать культурой круглых оград, а карасукскую — культурой прямоугольных оград. Подавляющее большинство оград андроновской культуры представлено круглыми, они составляют 76 % всех андроновских могильных сооружений, причём 63,5 % из них сооружены из вертикально врытых плит и только 12,5 % из плашмя положенных. В то же время в могильнике Сухое Озеро II круглые ограды представлены примерно 12 %, и из них меньше 1 % оград из вертикальных плит. Зато на Сухом озере II 87,5 % оград представлено четырёхугольными, из которых 32 % сооружены из вертикально врытых плит. В андроновской культуре четырёхугольных оград всего 12 %. Что же касается систем оград, то в андроновской культуре их немного больше 10 %, а в карасукской более 40 %.

Для обоих периодов известно шесть видов могил. Из них три вида являются общими, два встречены только в андроновских памятниках и один в карасукских.

Простые грунтовые ямы. Возможно, что первоначально в них были какие-то деревянные конструкции. В андроновской культуре они составляют около 2 %, в целом по Сухому Озеру II их процент повышается до 4, но это, видимо, зависит от количества могил, раскопанных в каждой группе.

Вторым видом, общим для обоих периодов, являются цисты — 37 % всех андроновских могил. В ней известны цисты, сооружённые в грунтовых ямах, а также зимние могилы, возведённые на древней поверхности почвы. По материалам Сухого Озера II, они составляют 15,5 %, хотя в отдельных группах процент их несколько больше. В карасукском этапе неизвестны цисты, сооружённые

в ямах. Здесь встречаются только возведённые на поверхности почвы.

Ведущим видом могил как в андроновской культуре, так и в карасукском этапе являются прямоугольные ящики. В первой они представлены примерно 44 %, а во втором 48 %. Количество ящиков в отдельных группах Сухого Озера II несколько колеблется из-за числа раскопанных могил. Сами андроновские и карасукские ящики несколько различаются между собой. Андроновские ящики крупнее и глубже карасукских, у них соотношение длины и ширины обычно 1 : 2. Стены андроновских ящиков вертикальные, а плиты, из которых они сделаны, более крупные и толстые. Карасукские ящики мельче, обычно глубиной 60 см. Пропорции их несколько удлинены за счёт меньшей ширины, стены отклонены наружу, так что ящик шире наверху, чем внизу. Плиты стен более мелкие и лёгкие.

В карасукском этапе кроме прямоугольных ящиков, соответствующих андроновским, известно большое количество ящиков трапециевидной в плане формы. На Сухом Озере II их 40 %, а в отдельных группах наблюдается небольшое колебание. В андроновской культуре известен ещё один вид могил, полностью отсутствующий в карасукском этапе, это — грунтовая яма со срубом и с деревянным накатом.

В целом, по мнению автора, карасукские могилы можно считать производными от андроновских. Даже такой специфический вид могил, как трапециевидные ящики, можно рассматривать как разновидность, возникшую из прямоугольных. В могилах не удаётся видеть принципиально новую струю, хотя по формальным соображениям трапециевидные ящики, отсутствующие в андроновской культуре, можно было бы рассматривать как нововведение, связанное с появлением нового населения.

Определённую преемственность между андроновской и карасукской культурами можно видеть в положении погребённых. Ведущим способом положения умершего в могилу является укладывание его в скорченном положении на левом боку. Такие погребения в андроновских памятниках составляют 78 %. Остальные 22 % поровну — скорчено, на правом боку и на захоронения пепла. В карасукских памятниках два последних вида не известны. Положения на левом боку составляют 70 %, но скорчено или слабо скорчено, вплотную к длинной стене ящика. Встречается вытянутое положение на левом

боку, причём труп первоначально также лежал почти вплотную к длинной стене ящика.

30 % погребённых из числа учтённых на Сухом Озере II лежали в могиле вытянуто, на спине, но опять-таки ближе к одной из длинных стен. Вытянутое положение на спине в андроновское время не встречено ни разу, так что этот способ положения умершего в могилу нужно считать нововведением, связанным с вторжением нового населения.

Среди карасукских погребений Сухого Озера II встречено несколько парных погребений. Причём женщина в них лежит за спиной мужчины, как у андроновцев Енисея. Они свидетельствуют о преемственности между енисейским андроном и карасуком, так как это чисто этнографическая черта, которая могла быть переведена только вместе с носителями культуры.

Всеми исследователями отмечалось коренное изменение в ориентировке погребённых в раннее карасукское время. Если в андроновской культуре господствующие направления западные: ЮЗ, З, ЗЮЗ, которые в сумме дают 80 %, то в раннее карасукское время имеет место диаметрально противоположная ориентировка: СВ, В, ВСВ, представленная 96 %. Подобные изменения произошли под влиянием нового населения.

В раннекарасукских памятниках есть плоскодонная посуда, по форме соответствующая андроновской. Наибольшую близость к андроновским горшкам демонстрируют плоскодонные сосуды без уступа. В наиболее ранней группе 5 Сухого Озера II найдено самое большое количество плоскодонных горшков, но наряду с ними имеются и круглодонные сосуды и сосуды с уплощённым дном. Здесь хорошо видно наличие примерно в одинаковом количестве горшков, демонстрирующих различные культурные традиции: с одной стороны, андроновскую, а с другой — новую, ранее не известную на Енисее. В конечном счёте победу одерживает традиция круглодонной посуды, и в наиболее поздней группе 1 Сухого Озера II плоскодонные сосуды отсутствуют.

Процесс формирования карасукской орнаментации из андроновской был рассмотрен Г.А. Максименковым (Максименков, 1978. С. 114 и далее). Все наиболее пышные и нарядные узоры карасукских горшков, такие как шевроны, ряды ромбов, ряды треугольников, ковровые полосы, возникли из наиболее часто употреблявшихся

на Енисее украшений андроновской посуды. Хотя они приспособлены к новой форме сосудов, к вкусам их создателей.

Что же касается простых орнаментов (вдавленных, насечек, ямок, желобков и сочетания этих элементов друг с другом), то они могут быть также связаны с орнаментами, украшавшими шейку андроновских сосудов: ёлочек, ямочек, желобков. Однако из-за простоты узоров они могли возникнуть и самостоятельно. Наиболее показательное сравнение украшений сосудов ранней группы 4 Сухого Озера II с наиболее поздней группой 1. В группе 4 больше половины горшков (51 %) богато украшены разнообразными производными от андроновских орнаментами. Второе место занимает посуда без орнамента, которой нет среди андроновской. В группе I на первом месте стоят горшки, украшенные желобками, на втором неорнаментированные, на третьем украшенные ямками, и только на четвертом стоят горшки с богатым орнаментом — 12 %. Итак, по орнаментам можно видеть ту же тенденцию, что и в изменении формы: постепенное, но довольно быстрое отмирание андроновских традиций и преобладание новых, ранее на Енисее не известных.

Андроновскими по своему происхождению являются украшения в виде бус, бляшек, колец, подвесок. И наконец, металлургия бронзы и наиболее крупные и показательные бронзовые вещи: кельты, кинжалы и ножи — ведут своё происхождение от бронзовых изделий сейминско-турбинского типа, распространённых в среде андроновцев.

Вместе с перечисленными андроновскими чертами в характеристике ранних карасукских памятников Енисея явно видна и другая, отличная от андроновской. Становятся ведущими четырёхугольные ограды, уменьшаются размеры могил, появляются трапециевидные формы ящиков, новый способ положения погребённого вытянуто на спине или боку, в ориентировке головой на СВ. Широко распространены круглодонные сосуды без орнамента либо с простыми украшениями из ямок, насечек и желобков.

Эта вторая, неандроновская традиция, по заключению Г.А. Максименкова, не может в настоящее время быть увязана с какой-либо территорией или культурой. Более того, нет никакой уверенности, что эта новая традиция единокультурна по своему происхождению. Вполне возможно, что она состоит

из элементов разных культур. Поэтому сейчас о ней можно говорить только как о неандроновской.

На вопрос, кто является носителем новых традиций, давно пытаются ответить антропологи. Изучением антропологических материалов Минусинской котловины занимались Г.Ф. Дебец, М.М. Герасимов, В.П. Алексеев, А.Г. Козинцев и Г.В. Рыкушина.

Последнее специальное изучение карасукских антропологических материалов было предпринято Г.В. Рыкушиной (1980; 2007). В своей работе она учла новейшие материалы и указала не только физический облик людей карасукской культуры, но и сходство и отличия покойников в разных могильниках. Выводы её исследования очень чёткие. На территории Красноярского края, Саяно-Алтая и, возможно, Монголии в энеолитическое время существовал самостоятельный центр брахикрании у населения окуневской культуры. Гипотеза перерастания андроновской культуры в карасукскую на севере Минусинской котловины находит подтверждение как на археологических, так и на антропологических материалах могильника Сухое Озеро II (Рыкушина, 2007. С. 20). Но в целом, данные краниологии свидетельствуют о несомненной генетической близости карасукского и окуневского населения, обусловленной включением в состав карасука в качестве одного из основных компонентов женской части окуневского населения. Близость женской карасукской серии к окуневской, с одной стороны, и к андроновской, с другой, может свидетельствовать о включении потомков тех и других в состав карасука. Таким образом, в состав населения карасукского времени предполагается включение женской части смешанного окуневско-андроновского и прямых потомков окуневского населения. Значит, женское население окуневского и андроновско-окуневского происхождения приняло участие в сложении основного ядра карасукского населения. Большая европеоидность мужской серии карасукского населения обусловлена иным соотношением в ней составных компонентов по сравнению с женской. Мужская часть населения, вероятно, могла тяготеть к европеоидным популяциям южного происхождения (Рыкушина, 2007. С. 16, 20). Между окуневским и карасукским населением имеются сходные этнографические обычаи и преемственность в искусстве (Вадецкая, 1986. С. 62).

Но Г.А. Максименков по нескольким причинам не мог признать в карасукском населении окунев-

ских потомков. Во-первых, он был убеждён в невозможности сосуществования населения разных культур на одной территории. В частности, даже отсутствие следов проживания андроновцев на южной половине Минусинской котловины он объяснял тем, что они пока не найдены. Во-вторых, Г.В. Рыкушина, принимавшая, как указывалось, личное участие в работах могильника, передала ему сведения об антропологическом составе погребённых на Сухом Озере II, отличающиеся особой сложностью и неконкретностью. Проанализированы физические типы и подтипы 32 человек: 17 европеоидных, среди которых 7 андроновских, 2 памиро-ферганских, 1 восточносредиземноморский, 7 мегаморфных; 5 монголоидных, среди них 2 байкальских, 2 уральских, 1 центральноазиатский; 10 метисов, среди них 4 европеоидных, 6 монголоидных. Эти погребённые разделены по расположению в группах и по полу. И по каждой группе антропологом сделаны заключения, которые Г.А. Максименков публикует. Так, в наиболее древних группах отмечается следующее. В пятой, «что мужчины отличаются разнообразием андроновских типов, а женщины почти все относятся к низколицемому монголоидному типу (уральский) либо имеют его примесь». В четвертой группе «среди мужчин встречены андроновский, мегаморфный и уральский антропологические типы и переходные формы между ними. У женщин в основном уральский и памиро-ферганский типы и переходные формы». В третьей группе «мужское население скорее метисное, встречается мегаморфный европеоидный тип и формы переходного характера: от европеоидного к монголоидному байкальскому. Женское население относится к евро-африканскому антропологическому типу в широком смысле слова». В группе 2 «среди мужчин преобладают типы сильно монголизованные: уральский и метисированный андроновско-уральский. У женщин отмечен классический андроновский тип, уральский и метисный тип, близкий к уральскому». Наконец, в самой поздней группе 1 «в мужском населении преобладают разные европеоидные типы: андроновский, памиро-ферганский, мегаморфный, восточносредиземноморский. У монголоидных, в сущности, один характерный для коренного населения Северной Азии, Монголии — центральноазиатский (как поздний вариант байкальской расы). У женщин преобладает европеоидный памиро-ферганский

тип, отмечен и тип местного происхождения (байкальский)».

Из вышеописанных определений Г.А. Максименков делает следующие выводы. В наиболее ранних группах 4 и 5 преобладают андроновский и новые мегаморфный и уральский типы у мужчин, а у женщин памиро-ферганский и уральский; на базе этих типов возникают метисные формы. Видимо, пришлое откуда-то с севера-запада и юга-запада население наслонилось на древнее андроновское. В самой котловине начинается бурный процесс смешения населения, в результате чего появляются метисированные типы. В более поздних группах 3 и 2 возрастает количество метисов. Это смешанное население могло продвинуться в юго-восточном и восточном направлениях. Позже в группе 1 можно видеть самое большое разнообразие в антропологическом составе населения. Очевидно, в конце раннекарасукского этапа наблюдается обратная подвижка населения, в результате чего в котловине оказываются люди с центральноазиатским расовым типом. Что же касается потомков окуневцев, то в андроновское время они жили за пределами Минусинской котловины. Появление же в ней на карасукском этапе нового памиро-ферганского населения, независимо от того, откуда оно пришло, могло происходить через районы, населённые потомками окуневцев. На своём пути новые пришельцы могли включить в свою среду и потомков окуневцев. Это объясняет появление в карасукское время людей с чертами окуневского типа.

Учитывая все факты, Г.А. Максименков высказал собственную предварительную гипотезу о происхождении и развитии раннего карасука.

В начале II тыс. до н. э. Минусинская котловина была заселена окуневцами. Они уже знали бронзу, из которой изготавливали все основные орудия, и были знакомы со сложным литьём: изготовлением топоров и втульчатых копий. Судя по сходству, правда, простейших бронзовых орудий, к ним были близки и более восточные племена глазковской культуры и, видимо, население современной Тувы, судя по находкам там окуневской керамики. Близкие по уровню культуры с хорошо развитой бронзовой индустрией племена населяли и лесостепные районы Западной Сибири. Развитие этих местных сибирских культур в середине первой половины II тыс. до н. э. было прервано вторжением с запада андроновских племён. Нужно думать,

что именно андроновцы являлись распространителями сейминско-турбинских форм бронзовых вещей. Вытесненные окуневцы вынуждены были уйти либо за Саяны в Туву и в Центральную Азию, либо через лесостепные районы на Восток, где обитали родственные им племена. Их движение вызвало перемещение и других более восточных и юго-восточных народов, благодаря которым состоялось знакомство с бронзой китайских племён раннеинского периода. В то же время изолированное положение андроновцев в Минусинской котловине приводит к их ослаблению. В начале второй половины II тыс. до н. э. в Минусинской котловине и Западной Сибири происходят какие-то изменения, связанные с появлением новых племён, что приводит к появлению культур карасукского типа. Приход новых людей на Енисей могильник Сухое Озеро II фиксирует с северо-запада. В то же время происходит проникновение новых людей и с юго-запада, из-за Саян и Алтая. В этой среде вырабатываются ведущие карасукские формы, распространяющиеся на восток и фиксируемые в виде находок бронзовых орудий.

Последний вопрос, рассматриваемый в настоящей работе, касается абсолютной датировки как всей культуры в целом, так и собственно карасукского этапа. Дело в том, что в могильнике Сухое Озеро II найдено больше бронзовых ножей (включая обломки), чем в других, причём они отражают последовательность изменения формы ножей в процессе формирования культуры, поскольку различаются по группам могильника. Между тем в основе датировки карасукской культуры лежат ножи, имеющие аналогии на Востоке. К вопросу об абсолютной датировке автор обратился ещё и потому, что могильник Сухое Озеро II, не будучи ещё опубликованным и известный только по кратким сведениям, содержащимся в «Археологических открытиях», получил уже в литературе дату, с которой он не мог согласиться. Рассмотрение тех соображений, с помощью которых был датирован могильник, позволяет лишней раз уточнить его истинное время, а следовательно, и время собственно карасукского этапа.

Вопрос о времени существования карасукской культуры рассматривали все исследователи, занимавшиеся её происхождением. Но одна монография посвящена этой теме целиком (Членова, 1972). Поэтому после историографии с указанием особенно

стей взглядов конкретных учёных до монографии Н.Л. Членовой (С.А. Теплоухов, С.В. Киселёв, М.П. Грязнов, Г.А. Максименков, Б.Н. Пяткин, М.Д. Хлобыстина, Э.А. Новгородова) в этом разделе Г.А. Максименков детально анализирует все аргументы и выводы Н.Л. Членовой. До неё в отношении датировки собственно карасукского этапа (XIV) XIII–XI вв. до н. э. расхождений между представлениями всех вышеупомянутых не было. Н.Л. Членовой проделана огромная работа на пути поисков перекрёстных датировок карасукской культуры, но предлагаемые ею датировки культуры, её этапов и отдельных памятников не соответствуют ни другим мнениям, ни, по мнению Г.А. Максименкова, и действительности. Рассматривая методы датировки Н.Л. Членовой карасукских памятников, можно видеть, что в основе лежит датировка отдельных разновидностей ножей, объединённых ею в 13 групп. Они расположены в определённой последовательности: от коленчатых к изогнутым. За основу эволюционного ряда взяты несколько переделанные результаты работы М.Д. Хлобыстиной (1962). Изменения касаются в первую очередь более дробной разбивки ножей на группы и введения очень многих новых измерений. Этот путь развития объявляется в начале работы, а затем Н.Л. Членова пытается его доказать.

В системе её доказательств Г.А. Максименков отметил три направления: 1. Технологическое — развитие ножей от менее прочных к более прочным отдельным группам по их техническим особенностям. 2. Стратиграфическое — соотношение памятников карасукской культуры с другими и находки карасукских вещей в памятниках других культур. 3. Датировка по аналогиям из других мест. По той же системе рассматривает Г.А. Максименков приведённые ею описания и доказательства, особенно датировок. По его собственному признанию, он их рассматривает вынужденно длительно. Согласно его заключению, Н.Л. Членовой не удалось убедительно обосновать ни одного из своих положений. Единственно где ей удалось что-то сделать, это при датировке групп 9 и 10. Этим ножам действительно можно подыскать более или менее близкие аналогии на Востоке. И как ни пытается Н.Л. Членова их омолодить, время оказывается наиболее ранним из всех рассмотренных ею групп. Они должны датироваться XIII–XI вв. до н. э.

Если же теперь отвлечься от групп и рассмотреть ножи в целом, то окажется, что коленчатым

ножам (группы 1–7) или ножам каменнолоожского этапа не удалось найти ранних аналогов. Время ножей каменнолоожского этапа повисает в воздухе. В то же время для части изогнутых — карасукских ножей даты устанавливаются более или менее определённо; во всяком случае, для части из них такая дата есть, это XIII–XI вв. до н. э. Но ножи тех видов, которые датированы, занимают не крайнее положение в ряду других. Их место было ещё показано М.Д. Хлобыстиной и подтверждено Н.Л. Членовой. Следовательно, её группы 11–13 должны быть не позже, а раньше датированных групп 9 и 10, ибо связь соседних групп сомнения не вызывает. Таким образом, карасукские ножи в целом оказываются более ранними, чем каменнолоожские. И, следовательно, эволюция ножей должна идти в направлении прямо противоположном тому, которое конструирует Н.Л. Членова.

На основании датированных групп Н.Л. Членова пытается датировать и карасукские памятники, во всяком случае наиболее существенные из них. О времени Сухого Озера II Н.Л. Членова пишет: «Сухое Озеро II. Ножи групп 10 (конец XI–VII/VI вв. до н. э.) и 12 и 13 (VII в. до н. э.). Два кургана с карасукскими погребальными сооружениями (кольцами и трапециевидными ящиками) и тагарским инвентарем. Керамика с орнаментом, заполненным белой пастой (VIII–VI вв. до н. э.). Ирменские элементы орнамента керамики (VIII–VII вв. до н. э.). Дата могильника — VIII–VII или около VII вв. до н. э.» (Членова, 1972. С. 63).

Однако все эти аргументы Г.А. Максименков последовательно опровергает. Прежде всего даты ножей. При рассмотрении каждой группы было указано, что при всем желании Н.Л. Членова сумела найти более или менее точные аналогии только для двух групп, 9 и 10. Группа 10 по тем данным, которые приводит сама Н.Л. Членова (1972. С. 45), должна быть датирована XIII–XI вв. до н. э. То же самое можно сказать и о группе 9, время которой до XI в. до н. э. Так, если группа 10 относится к XIII–XI вв. до н. э., а группа 9 до XI до н. э., то оканчивается, что десятая группа либо синхронна 9-й, либо несколько раньше неё. Но в таком случае группы 11–13 никак не могут быть моложе группы 10, так как они находятся по другую по сравнению с группой 9 сторону ряда по отношению к группе 10. Отсюда следует, что группы 11–13 должны быть несколько старше или же синхрон-

ны началу времени существования группы 10. Поэтому предложенная Н.Л. Членовой дата по ножам XI–VII/VI вв. до н. э. не может быть принята, так как она ничем не обоснована.

Теперь о сочетании карасукского погребального сооружения и тагарского инвентаря, как пишет Н.Л. Членова. Тагарцы каких-то людей хоронили в ограбленных ими могилах предшествующих культур. Имеются карасукские сооружения, относящиеся ко времени существования могильника Сухое Озеро II, и значительно более позднее тагарское погребение, нарушившее древнее захоронение. Так что такие погребения, не связанные органически с памятником, никак не могут указывать на его дату. Следовательно, и второе обоснование поздней даты как доказательство её не может быть принято.

Что же касается четвёртого доказательства — ирменских элементов орнамента керамики, по которым могильник Н.Л. Членова датирует VIII–VII вв. до н. э., — ирменские, как и карасукские, орнаменты восходят к андроновским. Последние иногда имели одинаковые узоры, в том числе ряды ромбов и большие углы из заштрихованных полосок. Среди керамики Сухого Озера II оказалось 66 богато орнаментированных горшков, почти треть из них украшена рядом ромбов либо как единственным орнаментом, либо в сочетании с другими. Все полосы ромбов расположены на плечиках, как это наблюдается и на керамике из других карасукских могильников. Нет ни одного сосуда не только в Сухом Озере II, но и в других караесукских памятниках, где бы ряды ромбов были помещены, как это делается на ирменской посуде, на шейке. Значит, этот орнамент используется для украшения сосуда чисто по-карасукски и никогда по-ирменски.

Последнее доказательство позднего времени Сухого Озера II — это использование белой пасты в орнаменте. Н.Л. Членова перечисляет некоторые культуры, где известен этот способ украшения посуды, а также карасукские могильники, откуда происходит посуда с орнаментом, затёртым белой пастой. Но всё это очень слабое подтверждение времени могильника VIII–VII вв. до н. э., хотя бы потому, что для Минусинской котловины нужно доказать время появления и использования этого приёма, чего Н.Л. Членовой сделано не было. Таким образом, ни одно из доказательств даты могильника Сухое Озеро II VIII–VII вв. до н. э. признано быть

не может. Время его возникновения никак не позже XIII в. до н. э.

Аналогичным образом, может быть только с расхождением в один век, датированы Н.Л. Членовой могильники Карасук I и Малые Копёны III. Карасук I датирован ею ножами групп 12 и 13; наличием двух карасукских курганов с тагарскими погребениями; керамикой с орнаментом, заполненным особой пастой; орнаментами ирменского типа; керамикой с андронидными элементами. Могильник Малые Копёны III датируется Н.Л. Членовой VIII–VII или VIII–VI вв. до н. э. По тем же доказательствам: ножи групп 11–13, наличие тагарских погребений в карасукских оградах, керамика с андронидными орнаментами. Но есть и новые пластинчатые ножи ирменского типа, керамика с орнаментом типа Еловка I (Членова, 1972. С. 62). Сходство с Еловкой I, по мнению Г.А. Максименкова, объясняется его принадлежностью к культуре карасукского времени района Томска, возникшей на базе томской культуры эпохи бронзы, синхронной андроновской культуре на Енисее. Что же касается пластинчатых ножей ирменского типа, то их дата

завышена, как и дата самой культуры. Поэтому и они не могут датировать поздним временем могильник Малые Копёны III. Согласно заключению Г.А. Максименкова, рассмотренные могильники близки между собой по тем признакам, которыми Н.Л. Членова пытается их датировать. В них собственно карасукские ножи и много черт андроновской культуры. Следовательно, и время их должно быть близким как между собой, так и к андроновской культуре.

Чтобы это стало ясно, Г.А. Максименков сопоставляет указанные карасукские могильники с могильником каменноложского этапа Карасук IV, в котором нет андроновских черт и ножи представлены коленчатыми, а не изогнутыми формами. Карасук IV датируется по радиоуглероду X–VIII вв. до н. э., а группа ранее рассмотренных могильников содержит ножи, находящие себе более или менее близкие аналоги, относящиеся к XIII–XI вв. до н. э. Последовательность этих памятников не может вызвать сомнения. Более ранней оказывается группа собственно карасукских могильников, а более поздние — каменноложские.

ГЛАВА 1. Археологическая характеристика могильника Сухое Озеро II

Г.А. Максименков

1.1. Топография могильника

Могильник у Сухого озера расположен на севере Хакасии, на границе Богградского района Хакасской автономной области (сейчас Республика Хакасия. — *А.П.*) и Новосёловского района Красноярского края. Здесь, на левом берегу Енисея, у места впадения в него речки Черновой, с 1962 года проводил работы Черновский отряд Красноярской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (сейчас Институт истории материальной культуры РАН. — *А.П.*). Одновременно с раскопками разнотипных могильников у устья речки Черновой были проведены разведки окружающей местности, в результате которых в то время сотрудником экспедиции, а позже сотрудником Минусинского музея (Минусинский краеведческий музей им Н.М. Мартыанова. — *А.П.*) Н.В. Леонтьевым был обнаружен обширный могильник, состоящий из курганов разного времени.

Могильник расположен на ровной, несколько поднимающейся к западу террасе. С севера она ограничена относительно неглубокой в этом месте долиной, по которой когда-то протекала речка Черновая. В настоящее время дно долины влажное, илистое, хотя сама речка до могильника не доходит. С юга за неширокой полосой пашни терраса резко обрывается к Сухому озеру с заболоченными берегами, заросшими осокой. С востока территория могильника ограничена современной пашней. В результате распашки степи эта часть могильника, видимо, сильно пострадала. Безусловно, расположенные ближе к востоку курганы запаханы, поскольку на пашне встречаются камни и плиты

разрушенных оград и могил. Западная, наиболее возвышенная часть могильника сохранилась полностью. Здесь из-за неровностей поверхности террасы, которые начинаются, правда, уже за пределами могильника, распашка не проводилась.

При полном заполнении Красноярского водохранилища под водой оказывается восточная, центральная и не полностью западная часть могильника. При сбрасывании воды весь могильник оказывается на поверхности (на данный момент могильник находится полностью под водой и не обнажается. — *А.П.*). Постоянные колебания уровня воды и перемещение к западу кромки береговой линии приведут к полному разрушению и уничтожению как уже раскопанных курганов, так и тех, которые остались неисследованными.

Говоря о памятнике Сухое Озеро, нужно прежде всего сказать, что термин «могильник» не отражает его сущности. На самом деле это не могильник, понимая под последним компактное единое кладбище, относящееся к определённому узкому временному периоду единой культуры. Это большое могильное поле, площадь которого была использована для сооружения кладбищ в течение минимум трёх эпох: андроновской, карасукской и тагарской. Общее число курганов превышало 700. Следовательно, Сухое Озеро — это комплекс разных отдельных кладбищ, слившихся и перемешавшихся в течение длительного времени существования разных исторических культур.

Сейчас, в целом, порядок образования могильного поля устанавливается достаточно определённо, во всяком случае в отношении могильников разных исторических этапов.

Восточная группа андроновских курганов представляла собой особый могильник, но с уверенностью этого утверждать нельзя, так как сохранилось 6 курганов и ясных отличий их по четырём раскопанным от центральной группы установить не удалось. Первоначально на берегу Сухого озера возник могильник андроновской культуры. Он занимал центральную часть могильного поля. Основное его ядро составляла компактная группа из примерно 60 курганов. Из них 34 кургана для взрослого населения раскопано (Максименков, 1978. С. 17–34). Они расположены довольно свободно на некотором расстоянии один от другого. В процессе раскопок выяснилось, что на ровных, внешне свободных от курганов местах, между большими курганами располагались почти невидимые детские могильные сооружения. Северной границей андроновского могильника является естественная северная граница террасы. К западу и югу от центральной группы, отстоя на значительном расстоянии друг от друга, также располагались отдельные андроновские сооружения. К востоку от центральной группы андроновских сооружений было мало, но юго-восточная часть могильного поля образована относительно компактной небольшой группой андроновских сооружений, часть которых была уничтожена пашней. Андроновские курганы этого могильного поля наряду с другими могильниками андроновской культуры на Енисее исследованы и опубликованы (Максименков, 1978).

Второй этап функционирования могильного поля представлен почти тремя сотнями оградок карасукской культуры, исследованию которых посвящена настоящая работа.

Тагарские курганы относятся к первой половине тагарской культуры. Расположены курганы тремя группами. Одна из них находится в южной части первой группы карасукских оградок, вторая к югу от третьей и четвёртой групп карасукских могил. Курганы этой группы, видимо, доходили до берега Сухого озера, но были уничтожены пашней. Третья группа тагарских курганов находилась на самой восточной окраине могильного поля и была почти полностью уничтожена пашней. О её в прошлом значительном размере свидетельствуют толстые каменные стелы и камни, служившие в своё время угловыми столбами тагарских оград, а к моменту раскопок стаченные на край пашни. Кроме того, при раскопках андроновских и карасукских могил

неоднократно встречались впущенными в них тагарские захоронения. Они находились в разных частях более ранних могильников, поэтому определить конкретно, к какому из тагарских кладбищ они относятся, не представляется возможным.

Карасукский могильник на местности представляется сплошным и единым кладбищем, состоящим из едва заметных всхолмлений, окружённых каменными оградками или, реже, оградками, не имеющими видимых земляных сооружений. Оградки имеют вид чаще всего прямоугольника, значительно реже круга либо сетки из плотно расположенных оград. Между отдельными оградками расстояние очень небольшое, иногда они почти соприкасаются. Создаётся впечатление, что весь могильник состоит из плотно расположенных могильных сооружений, охватывающих с востока, юга и запада центральную группу андроновских курганов.

Но если посмотреть на план могильника, картина выглядит несколько иначе (рис. 145). Без труда можно заметить, что на плане карасукские оградки в отдельных местах образуют плотные скопления, в других же расположены реже, а в некоторых местах между скоплениями намечаются свободные от оград промежутки. Возникает сомнение в существовании на Сухом Озере единого сплошного карасукского могильника, а неравномерность расположения групп карасукских курганов скорее можно объяснить наличием нескольких отдельных относительно небольших могильников.

Среди известных карасукских могильников имеются разные по количеству могильных сооружений. Есть совсем небольшие кладбища, состоящие из нескольких курганов, как, например, Черновая VII, где имелось всего три ограды (Максименков, 1974); есть кладбища, состоящие из нескольких десятков оград, например Варча I, на территории которого зарегистрировано несколько более 90 оград, или Малые Копёны III, где их больше сотни (Зяблин, 1977); имеются и огромные кладбища, состоящие из сотен оград, как, например, Карасук I, по имени которого названа сама культура, или Кюргеннер, состоящий из двух частей, разделённых небольшим свободным пространством. Но, пожалуй, самый крупный из известных могильников — это Сухое Озеро II.

Не вызывает сомнения, что наличие разных по количеству оград могильников является свидетельством того, что большие кладбища образуются

вались в течение длительного времени, когда в одном и том же месте на протяжении определённого времени производили захоронения. Естественно, возникает вопрос: где, в какой части, начали хоронить в момент возникновения кладбища и какая его часть является позднейшей? Вопрос этот не праздный, так как ответ на него позволит установить историю памятника, в частности, и пути развития на определённом этапе самой карасукской культуры. Для получения ответа можно было бы разделить весь могильник на условные части или квадраты, исследовать каждый из них, а затем сопоставить и выстроить определённую линию развития, один из концов которой явится началом, а другой завершением существования могильника. В данном случае надобность в таком искусственном делении отпадает. На плане могильника естественно выделяются такие группы.

Наиболее обособленной является восточная группа карасукских оград, обозначенная как группа 1. Точное количество расположенных здесь курганов неизвестно, так как на поверхности сооружение иногда не просматривается или же виден только один или несколько не связанных в единую систему камней. Без раскопок такие ограды учесть трудно. Но всё же можно говорить совершенно определённо, что большинство курганов определить удаётся. Группа 1 карасукских оград с севера ограничена краем террасы, с востока пашней, с запада андроновским могильником, между которым и этой группой имеется свободное, не занятое сооружениями, пространство, а с юга непосредственно к ней примыкает тагарский могильник.

Группа 2, в которой раскопаны практически все курганы, в количестве 35, расположена к югу от андроновского могильника. С востока она ограничена свободным пространством, отделяющим её от тагарского могильника; с юга её границей является полоса пашни по берегу Сухого озера, но между пашней и карасукскими оградками имеется свободная от них полоса, так что, видимо, курганы этой группы распашке и разрушению не подвергались. С запада находится узкая, не занятая оградками полоса поверхности террасы. Ограды в этой группе расположены довольно плотно. Они представлены в основном четырёхугольными сооружениями.

Группа 3 находится к западу от предыдущей и к югу от андроновского могильника. Южнее её был тагарский могильник. С запада и юго-запада

идёт неширокая полоса свободной от оград поверхности террасы. Карасукские ограды расположены очень плотно, и среди них встречены отдельные андроновские курганы. В этой группе раскопано подавляющее большинство оград, в количестве 32. Наряду с четырёхугольными оградками здесь встречаются и круглые.

Если первые три группы естественно выделены свободными промежутками между ними, то оставшая часть могильника, расположенная к юго-западу от андроновского и к западу от группы 3, таких чётко выраженных разрывов между скоплениями оград не имеет. В то же время нетрудно заметить, что наиболее насыщенные оградками участки образуют два скопления, восточное и западное, между которыми хотя и нет чёткого разрыва, но оградки расположены редко. Это обстоятельство для удобства исследования могильника позволяет наметить ещё две группы: восточную, группа 4, и западную, группа 5, граница между которыми может быть условно проведена по полевой дороге, пересекающей эту часть могильника с юго-запада на север.

Группа 4 с севера и востока ограничена андроновскими курганами и свободной от оград полосой отделена от группы 3. С юга находится тагарский могильник, а с юго-запада широкая, свободная от карасукских оград полоса, идущая до полевой дороги. Только западная граница остаётся неясной. На территории этой группы также встречаются отдельные андроновские курганы. Среди оград преобладают четырёхугольные, но наряду с ними относительно много и оград круглой формы. В этой группе также раскопано большинство оград (62).

Группа 5 — самое западное скопление карасукских оград. Со всех сторон за исключением северо-восточной она окружена свободным от курганов пространством. Среди карасукских здесь также встречаются отдельные андроновские курганы. Основная часть карасукских оград представлена четырёхугольными, но наряду с ними встречаются и круглые, правда, их меньше, чем в предыдущей группе. Здесь раскопано примерно две трети всех оград, общим числом более девяноста.

Таким образом, по расположению групп карасукских курганов на Сухом Озере можно предполагать наличие здесь пяти отдельных небольших могильников, как-то связанных друг с другом. Некоторые сомнения может вызвать только выделение групп 4 и 5, но, забегая вперёд, нужно сказать,

что при сопоставлении этих групп выясняются определённые отличия, подтверждающие правильность их выделения.

Для установления особенностей каждой группы необходимо провести их сравнительный анализ, сопоставив их не только друг с другом, но и с могильником в целом, чтобы найти место каждой группы в процессе образования могильника и выяснить его историю.

1.2. Могильные сооружения

На первый взгляд на ровной террасе выделяются два вида сооружений. Это незначительные, высотой 20–30 см, холмики, в основании которых прослеживается ограда из плит, и оградки, не имеющие ясно видимых земляных сооружений и заметные только по торцам стоящих вертикально плит или же по дорожке с очень чахлой растительностью, на которой проступают лежащие плашмя плиты (фото 1).

Но эти отличия, как выяснилось в процессе раскопок, не являются принципиальными, классифицирующими признаками, а зависят от некоторых условий. В одних случаях первоначально в ограде было относительно значительное по размерам земляное надмогильное сооружение, в других же это сооружение было очень небольшим. Кроме того, среди карасукских оград встречаются такие, которые, по мнению ряда исследователей, возводили зимой, сооружая могилу на поверхности почвы, так как в это время года земля сильно промораживалась и выкопать яму в ней было очень трудно. Позже, весной, после оттаивания земли, такую могилу обкладывали дёрном. Естественно, что в этом случае надмогильный холм был более высоким, чем у оград, сооружённых в тёплое время года.

Если наличие земляного надмогильного сооружения в тех случаях, когда ясно прослеживается всхолмление, не требует доказательств, то без него его первоначальное существование может вызвать сомнение. Однако во всех случаях, когда курганы были раскопаны целиком, можно было видеть, что остатки плит, из которых сооружены ограды, всегда отклонены наружу, если они стояли вертикально; или же плитки нижних рядов сдвинуты во внешнюю сторону, если ограда возведена из плашмя положенных плит.

В отличие от других культур эпохи энеолита и бронзового века Минусинской котловины в карасукское время могильные сооружения делали из очень тонких плит девонского песчаника. Их получали, расслаивая блоки, отвалившиеся от выходов. Причём если плиты последующей, тагарской эпохи имели толщину 10–15–20 см и весили в некоторых случаях не одну сотню килограммов, то в карасукское время они имели толщину 2–3–5 см и могли быть унесены одним человеком. Поэтому, как установил М.П. Грязнов на могильнике Карасук I, при высоте ограды до 1 метра такие плиты легко ломались. Иногда за пределами ограды лежат обломки верхних частей плит, а в земле остаются только те их части, которые были вкопаны или же оказались на уровне, образованном развалом насыпи. Что же касается оград из плашмя положенных плит, то они тоже сооружены из небольших тонких обломков.

Наличие внутри кургана земляного, дернового, сооружения приводило в результате его разрушения к заполнению внутренней части ограды продуктами разрушения, а так как уровень их был несколько выше окружающей поверхности почвы, то развалившиеся надмогильные сооружения давили на стенки ограды изнутри, отклоняя их наружу или смещая лежащие плашмя плитки в ту же сторону. Это наглядное свидетельство наличия земляных сооружений не только позволяет говорить, что во всех случаях имелись дерновые надмогильные сооружения, независимо от того, сохранилась насыпь или нет, но в случае системы оград позволяет судить о последовательности их сооружения.

Карасукские курганы на Сухом Озере представлены двумя основными видами: одиночными оградками, заключавшими в себе одну (рис. 39: 8; 66: 5; 71: 1; 109: 6; 110: 1; 111: 4; 112: 1, 8; 113: 1, 3; 114: 1; 115: 1 и т.д.), редко две рядом и параллельно расположенными могилами и единичными случаями оград с несколькими могилами (рис. 9: 1; 24: 1; 88: 1; 89: 11); и системами оград, в которых обычно основная по размерам больше, чем пристройки (рис. 15: 1; 27: 4; 64: 4; 65: 5; 69: 1, 8; 70: 5; 75: 1; 90: 6; 93: 1; 96: 1 и т.д.).

На Сухом Озере большинство оград представлено одиночными, среди раскопанных их 57,19 %, систем же из нескольких оград — 42,44 % (табл. I). До недавнего времени бытовало мнение, что основным видом карасукских оград являются системы. Последние же раскопки на ряде памятников, в том

Фото 1. Ограда кург. 144. Внешний вид до раскопок с могилами 3–4

Photograph 1. Enclosure of tumulus 144. Surface before the excavations; graves 3–4 are seen

числе и на Сухом Озере, показали неправильность такого представления. Имеются отдельные памятники, где число оград с пристройками крайне невелико. Установить какую-либо закономерность в сооружении пристроек с какой-либо определённой стороны не удаётся. Их комбинации представлены

обычно единичными случаями. Даже тогда, когда имеется несколько одинаковых случаев, видно, что это случайность, а не закономерность.

Количество пристроек бывает различным (табл. II). Чаще всего встречаются ограды с одной пристройкой, в целом по могильнику среди оград

Таблица I. Количество и процентное соотношение форм и способов сооружения оград и пристроек в целом по могильнику

Table I. Arranging the enclosures: numbers and percentage ratio of forms and methods in the cemetery in general

	Прямоугольные, из вертикальных плит			Прямоугольные (цистовая кладка)			Круглые, из вертикальных плит			Круглые (цистовая кладка)			Всего			
	Кол-во	% кург.	% оград	Кол-во	% кург.	% оград	Кол-во	% кург.	% оград	Кол-во	% кург.	% оград	Кол-во	% кург.	% оград	
Одиночные	118	42,45	24,48	7	2,52	1,45	2	0,72	0,42	32	11,51	6,64	159	57,19	32,99	
Системы	Основные	97	34,89	20,13	6	2,16	1,25	1	0,36	0,21	14	5,04	2,91	118	42,44	24,48
	Пристройки	178	—	36,94	18	—	3,74	—	—	—	8	—	1,66	204	—	42,53
Всего	Оград	393	—	81,76	31	—	6,43	3	—	0,62	54	—	11,21	481	—	100
	Курганов	216	77,34	—	13	4,68	—	3	1,08	—	46	16,55	—	278	100	—

Таблица II. Процентное соотношение курганов с пристройками по группам и в целом по могильнику, а также соотношение курганов с разным количеством пристроек по группам**Table II.** Percentage ratio of the tumuli with extensions in the groups and the cemetery in general and correlation of the tumuli with different number of extensions in the groups

	Группа 1			Группа 2			Группа 3			Группа 4			Группа 5			Всего	
	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	% по мог.
С 1 пристр.	18	66,67	16,22	7	70	6,31	6	66,67	5,41	13	39,39	11,71	22	62,86	19,87	66	59,46
С 2 пристр.	6	22,22	5,41	2	20	1,8	3	33,33	2,7	9	27,27	8,11	6	17,14	5,41	26	23,42
С 3 пристр.	3	11,11	2,7	1	10	0,9	—	—	—	6	18,18	5,41	6	17,14	5,41	16	14,91
Более 3 пристр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	6,06	1,8	1	2,86	0,9	3	2,7
Всего:	27	100	24,32	10	100	9,01	9	100	8,11	30	100	27,03	35	100	31,55	111	100

с пристройками их 59,46 % (рис. 43: 4; 46: 1; 59: 10; 61: 9; 69: 1; 70: 5; 73: 8; 82: 8; 84: 5; 88: 1; 93: 1 и т.д.). Оград с двумя пристройками значительно меньше, их 23,42 % (рис. 51: 2; 53: 1; 58: 6; 65: 5; 69: 8; 75: 1; 6; 76: 1; 80: 1; 90: 6; 96: 1 и т.д.). Ещё реже встречаются ограды с тремя пристройками, их 14,91 % (рис. 12: 1; 30: 1; 65: 1; 67: 1; 69: 8; 100: 1; 108: 1). И совсем мало оград с количеством пристроек более трёх (рис. 15: 1; 87: 3; 105: 1), их 2,7 %. Среди последних встречаются ограды с пристройками, число которых достигает десяти и более, но они единичны (рис. 85: 1).

Если посмотреть, как распределяются ограды с пристройками внутри выделенных групп, то можно заметить, что большинство из них оказывается в группах 4 и 5, значительно меньше их в группах 1 и 2 и очень мало в группе 3. Здесь, правда, надо учитывать и величину группы, и количество курганов, раскопанных в них. Наблюдаются и другие различия. В группе 3 вообще нет курганов, у которых было бы более двух пристроек. В группах 1 и 2 отсутствуют курганы с четырьмя и более пристройками. И только в группах 4 и 5 встречено наибольшее разнообразие курганов с количеством пристроек более трёх. Как видно из таблицы, во всех группах, и особенно в первых трёх, преобладают курганы с одной пристройкой. И чем больше пристроек имеет курган, тем меньше процент таких сооружений в группе.

Все ограды и пристройки сооружены двумя способами: из плит, врытых вертикально, и из плашмя положенных плит. Все они представлены двумя формами: квадратными (или прямоугольными)

и круглыми. Таким образом, имеется четыре разновидности оград: четырёхугольные из вертикальных плит, четырёхугольные из плашмя положенных плит, круглые из вертикальных плит и круглые из плашмя положенных плит.

Всего одиночных оград в могильнике 159 (57,19 %). Среди них 118 (42,45 %) оград четырёхугольной формы, из вертикально врытых плит. Намного меньше четырёхугольных оград из плашмя положенных плит, их всего 7 (2,52 %). Круглые ограды из вертикальных плит единичны, их раскопано всего 2 (0,72 %). Но значительное количество круглых оград сооружено из плашмя положенных плит, их раскопано 32 (11,51 %).

Аналогичными одиночными по своему значению являются центральные ограды в системах. Если посмотреть соотношение различного вида центральных оград, то нетрудно будет заметить, что картина полностью соответствует той, которую удаётся наблюдать среди одиночных оград. Так, среди 118 (42,44 %) основных оград систем четырёхугольных из вертикально поставленных плит оказалось 97 (34,89 %), четырёхугольных из плашмя положенных плит всего 6 (2,16 %), круглых из вертикально врытых плит только 1 (0,36 %) и круглых из плашмя положенных плит 14 (5,04 %).

Как можно видеть, ведущим видом оград, как одиночных, так и основных в системах оград на Сухом Озере II, является четырёхугольная ограда из вертикально врытых плит, их 216 (77,34 %); на втором месте оказываются ограды из плашмя поло-

женных плит круглой формы, их 46 (16,55 %). На третьем месте стоят четырёхугольные ограды из плашмя положенных плит, их 13 (4,68 %); и на последнем — круглые ограды из вертикально врытых плит, которых всего 3 (1,08 %).

Если теперь посмотреть на соотношение разных видов оград в целом по Сухому Озеру II, учитывая не только индивидуальные и основные, но и пристройки, то оно существенно не изменится. На первом месте стоят ограды из вертикально врытых плит четырёхугольной формы, их 81,76 %; на втором — круглые ограды из положенных плашмя плит, их 11,21 %; на третьем — четырёхугольные ограды из плашмя положенных плиток, их 6,43 %, и на последнем круглые ограды из вертикально поставленных плит, которых всего 0,62 %.

Таким образом, можно утверждать, что ведущей и определяющей формой оград карасукского времени на Сухом Озере являются четырёхугольные, из вертикально врытых плит (фото 2). Что же касается круглых оград, то здесь доминируют сложенные из плашмя положенных плит (фото 3).

Теперь необходимо посмотреть, как распределяются формы и конструкции оград по выделенным

группам (табл. III). Оказывается, что отмеченная закономерность, в принципе, характерна и для каждой группы, но всё же можно наблюдать незначительные колебания в количестве и процентном соотношении видов оград в разных группах. Для более наглядного представления приведена таблица. Большинство из них — это ограды четырёхугольной формы из вертикально врытых плит.

Группа 2 в два раза меньше первой, в ней одиночных и основных оград всего 32 (11,59 % в целом по могильнику). Внутри группы одиночных оград четырёхугольной формы из вертикально врытых плит 18 (56,25 %) и основных из систем той же конструкции и формы 10 (31,25 %). Всего же в группе четырёхугольных оград из вертикальных плит 28 (87,75 %). Круглых оград из плашмя положенных — 3 (9,38 %).

Количество и процентное соотношение форм и способов сооружения оград и пристроек по группам.

В группе 1 одиночных и основных оград всего 61. В целом по могильнику они составляют 22,1 %. Внутри же группы они по форме и конструкции делятся следующим образом: четырёхугольных оград из вертикально врытых плит одиночных 24 (39,94 %), ос-

Фото 2. Ограда кург. 57. Вид квадратной ограды и могилы в процессе раскопок

Photograph 2. Enclosure of tumulus 57. View of the quadrangular closure and the grave during the excavations

Фото 3. Ограда кург. 56. Вид круглой ограды и могилы в процессе раскопок

Photograph 3. Enclosure of tumulus 56. View of the rounded closure and the grave during the excavations

новых 26 (42,62 %), всего 50 оград (81,96 %). Круглых из плашмя положенных плит: одиночных 5 (8,2 %), основных 2 (3,28 %), всего 7 оград (11,48 %). Квадратных из плашмя положенных плит: одиночных 2 (3,28 %) и основных 1 (1,64 %), всего 3 (4,92 %). Круглых из вертикально врытых плит всего одна одиночная (1,64 %). Четырёхугольных из плашмя положенных плит 1 основная (3,13 %). Что же касается круглых оград из вертикально врытых плит, таких в этой группе совсем нет. Здесь процент квадратных оград из вертикально врытых плит несколько выше, чем в группе 1.

Группа 3 по величине почти соответствует группе 2. В ней 30 (по тексту — 32. — Э.В.) отдельных и основных оград (10,87 % по могильнику). Отдельных четырёхугольных оград из вертикально врытых плит 15 (50 % по группе), основных в системах 7 (33,33 %), всего 22 ограды (73,23 %). Круглых оград из плашмя положенных плит одиночных 4 (13,33 %) и 2 основных (6,67 %). Всего таких оград 6 (24 %). Четырёхугольных из плашмя положенных плит 2 (6,67 %), обе они одиночные. Круглых же оград из вертикально врытых плит в этой группе нет. Таким образом, в группе 3, как

видно, соотношение видов оград несколько отличается от уже рассмотренных. В ней довольно много оград из плашмя положенных плит — их почти треть от общего количества. И четверть всех оград представлена круглыми из плашмя положенных плит. Но всё же ведущей формой и здесь являются ограды четырёхугольной формы из вертикально врытых плит, их две трети всех раскопанных в этой группе оград.

Группа 4 по количеству раскопанных курганов близка к группе 1. Всего одиночных и основных оград 58 (21,01 % по могильнику). В ней 11 одиночных и 21 основная ограда (соответственно 18,97 % и 36,2 %) были сооружены из вертикально врытых плит и имели четырёхугольную форму. Всего же этот вид оград по группе составляет 55,17 %. Оград круглой формы из плашмя положенных плит: 13 одиночных (22,41 %) и 8 основных (13,79 %). Всего 21 ограда (36,2 %). Квадратных оград из плашмя положенных плит: 2 одиночных (3,45 %) и 3 основных (5,17 %), всего 5 оград (8,62 %). В целом соотношение видов оград в этой группе резко отличается от других. В ней немного больше половины оград из вертикально врытых плит и почти

Таблица III. Количество и процентное соотношение форм и способов сооружения оград и пристроек по группам**Table III.** Numbers and percentage ratio of arranging the enclosures and extensions in the groups

		Прямоугольные, из вертикальных плит			Прямоугольные (цистовая кладка)			Круглые, из вертикальных плит			Круглые (цистовая кладка)			Всего				
		Кол-во	% в групп.	% по мог.	Кол-во	% в групп.	% по мог.	Кол-во	% в групп.	% по мог.	Кол-во	% в групп.	% по мог.	Кол-во	%	Кол-во	%	
Одиночные	1	24	39,34	8,7	2	3,28	0,73	1	1,64	0,36	5	8,2	1,81	32	52,46	61	22,1	
	2	18	56,25	6,25	—	—	—	—	—	—	3	9,38	1,09	21	65,63	32	11,59	
	3	15	50	5,43	2	6,67	0,72	—	—	—	4	13,33	1,45	21	70	30	10,87	
	4	11	18,97	3,99	2	3,45	0,72	—	—	—	13	22,41	4,71	26	44,82	58	21,01	
	5	50	52,63	18,12	1	1,05	0,36	1	1,05	0,36	7	7,37	2,54	59	62,1	95	34,42	
Системы	Основные	1	26	42,62	9,42	1	1,64	0,36	—	—	—	2	3,28	0,72	29	47,54	—	—
		2	10	31,25	3,62	1	3,13	0,36	—	—	—	—	—	11	34,38	—	—	
		3	7	23,33	2,54	—	—	—	—	—	—	2	6,67	0,72	9	30	—	—
		4	21	36,2	7,61	3	5,17	1,09	—	—	—	8	13,79	2,9	32	55,17	—	—
		5	33	34,74	11,96	1	1,05	0,36	1	1,05	0,36	1	1,05	0,36	36	37,9	—	—
	Пристройки	1	41	—	8,54	7	—	1,46	—	—	—	1	—	0,21	49	10,21	110	22,91
		2	14	—	2,92	1	—	0,21	—	—	—	1	—	0,21	16	3,33	48	10
		3	10	—	2,08	—	—	—	—	—	—	—	—	10	2,08	40	8,35	
		4	59	—	12,29	7	—	1,46	—	—	—	4	—	0,83	70	14,58	128	26,66
		5	54	—	11,25	3	—	0,65	—	—	—	2	—	0,42	59	12,29	154	32,08
Всего	Оград	393	—	—	31	—	—	3	—	—	53	—	—	480	—	480	100	
	Курганов	215	—	—	13	—	—	3	—	—	45	—	—	276	—	276	100	

половина из плашмя положенных, причём круглых больше трети плит. Всего пристройки этой группы составляют 3,34 % всех оград.

В группе 3 на 30 курганов всего 10 пристроек в 7 системах (2,08 %). Все они представлены только четырёхугольными из вертикально врытых плит.

В группе 4 на 58 курганов (по тексту — 62. — Э.В.) 70 оград из 21 системы. Из них 59 (12,29 %) представлены четырёхугольными.

Группа 5 представлена 95 одиночными и основными оградками (34,42 % по могильнику). Это самая многочисленная группа. Четырёхугольных оград из вертикально врытых плит: одиночных 50 (52,63 %) и, кроме того, 33 (34,74 %) основных оград систем. Всего такого типа оград 83 (87,37 % среди оград группы). Круглых из плашмя положен-

ных плит: 7 индивидуальных (7,37 %) и 1 основная (1,05 %), всего 8 оград (8,42 %). Четырёхугольных из плашмя положенных плит: 1 основная и 1 одиночная (2,1 %). Столько же было и оград круглой формы из вертикально врытых плит. В этой группе представлены все виды оград, но подавляющее большинство — четырёхугольные из врытых плит.

В целом же четыре группы по основным показателям близки между собой, но от них довольно значительно отличается группа 4 соотношением четырёхугольных и круглых оград. Ближе других по этому показателю к ней стоит группа 3, но в ней раскопано меньше всего оград.

Остаётся рассмотреть особенности форм и способов сооружения пристроек в системах оград в каждой из выделенных групп.

В группе 1 на 61 курган (одиночные ограды и системы) приходится 49 пристроек в 26 системах. 41 пристройка — это оградки четырёхугольной формы из вертикально врытых плит (8,54 % в целом по могильнику), 7 четырёхугольных из горизонтально положенных плит (1,46 %), одна круглая из горизонтально положенных плит (0,21 %). Всего пристройки этой группы составляют 10,21 % всех оград могильника.

В группе 2 на 32 кургана приходится 16 пристроек в 10 системах. 14 из них прямоугольные из вертикально врытых плит (2,92 %), одна четырёхугольная из плашмя положенных плит (0,21 %) и одна круглая (0,21 %) из плашмя положенных плит.

В группе 3 на 30 курганов приходится 10 пристроек в 9 системах. Все пристройки прямоугольные из вертикально врытых плит (2,08 %).

В группе 4 на 58 курганов приходится 70 пристроек в 32 системах. Чаще всего, 59 случаев (12,29 %), пристройки представлены оградами из вертикально врытых плит, 7 (1,46 %) четырёхугольными оградами из плашмя положенных плит, 4 (0,83 %) круглыми из горизонтально положенных плит. Всего пристройки этой группы составляют 14,58 % всех оград могильника. Как можно видеть, группа 4 представлена наибольшим количеством курганов с многочисленными пристройками.

В группе 5 на 95 курганов 35 являлись системами с 59 пристройками (12,29 %). 54 из них четырёхугольные из поставленных на ребро плит, 3 (0,65 %) четырёхугольные из положенных плашмя плит, 2 (0,42 %) круглые из горизонтально положенных плит. Всего пристройки этой группы составляют 13,36 % всех оград могильника.

Нетрудно заметить, что подавляющее большинство пристроек сооружено из вертикально стоявших плит и имело четырёхугольную форму. Если среди одиночных и основных оград систем на втором месте стояли круглые из плашмя положенных плит, то среди пристроек эти ограды занимают последнее место, учитывая при этом, что среди пристроек нет круглых оград из вертикально врытых плит. На втором же месте стоят ограды четырёхугольной формы из положенных плашмя плит.

Необходимо также отметить, что группа 4 несколько отличается от остальных (в том числе и от группы 5), она даёт наибольшее разнообразие в количестве и форме пристроек, общее число которых

больше, чем в самой крупной по числу раскопанных курганов группе 5.

Рассмотрение характера могильных сооружений в разных группах могильника позволило выявить иногда незначительные, а в некоторых случаях достаточно ясные особенности каждой из них. Наибольшие отличия наблюдаются между группами 1 и 4, к последней ближе всего стоит группа 5. Что же касается групп 2 и 3, то они, будучи малочисленными, хуже сопоставимы с другими и занимают как бы промежуточное положение. Наблюдаемые отличия требуют определённого объяснения, но это можно будет сделать только после рассмотрения других особенностей групп.

1.3. Могилы

В центре каждой карасукской ограды или пристройке обычно находится одна могила. Значительно реже рядом и параллельно располагаются две могилы. И только в отдельных случаях в оградах удлинённой формы можно встретить несколько параллельно устроенных могил. Но таких курганов на Сухом Озере II всего несколько штук.

Как правило, в основной ограде, когда имеется система, находится большая могила, судя по размерам которой можно предполагать захоронение взрослого. В пристройках же редко встречаются могилы взрослых. В тех случаях, когда имеются антропологические определения погребённых, в основных оградах оказывались останки взрослого, чаще всего мужчины, в могилах из пристроек захоронений мужчин практически нет, но погребения женщин иногда встречаются. Нужно полагать, что и в остальных курганах, для которых пока нет антропологических данных, имели место те же закономерности.

Особенности карасукской культуры и её отличия от других: предшествующей ей андроновской и последующей тагарской культур — обращали на себя внимание исследователей в первую очередь. Именно они, только карасукской культуре свойственные, черты представлялись ведущими и характеризующими карасукскую культуру. Так было, например, с системами оград, которые представлялись основным и ведущим типом в карасукское время, хотя на самом деле они таковыми не являются. Системы действительно наиболее характерны для собственно карасукского времени, но ведущим типом оград являются индивидуальные.

Аналогичная картина наблюдается и с карасукскими могилами. Считается, что наиболее распространённой их формой для этого времени являются трапециевидные каменные ящики, у которых головной конец могилы шире противоположной короткой его стены. На самом же деле это не совсем верное представление. Не споря о том, что такие могилы характерны для карасукского этапа карасукской культуры, считать их ведущим видом нельзя.

На Сухом Озере, как, собственно, и на других памятниках, имеется четыре вида могил: два вида каменных ящиков, цисты и грунтовые могилы.

Для сооружения могилы выкапывалась яма, стенки которой обставлялись каменными плитами. В отличие от других эпох в это время использовали тонкие, лёгкие, относительно небольшие плиты. Поэтому стенки ящика делали из нескольких плит. Торцевые стены обычно сделаны из одной плиты, в то время как длинные боковые облицованы несколькими плитами, по две-три на стену (фото 4). Все карасукские ящики ко дну несколько сужаются, создаётся впечатление, что плиты на стенах умышленно поставлены с наклоном наружу для их устойчивости.

В плане карасукские могилы представлены двумя видами: прямоугольными и трапециевидными. У некоторых ящиков по внешним краям лежат горизонтальные плитки, которые как бы выравнивают окружающую ящик поверхность. Такие выкладки имеются как вокруг прямоугольных, так и вокруг трапециевидных могил (фото 5).

Карасукские цисты — могилы, стенки которых сложены из небольших плиток девонского песчаника, положенных плашмя, — отличаются от аналогичных могил предшествующего андроновского времени тем, что они сооружались только на поверхности почвы, и нет ни одного случая, когда бы могила такой конструкции оказалась опущенной в яму. Эти могилы приходится считать зимними. Снежный покров в Минусинской котловине невелик, поэтому земля очень сильно промерзала (фото 6).

Могилу зимой сооружали на поверхности почвы, по весне, после оттаивания земли, её обкладывали дёрном. Внутренняя часть цисты образована хорошо подогнанными торцами плит и образует довольно гладкую стенку, в то время как наружная

Фото 4. Ограда кург. 343, мог. 2. Позиция скелета в могиле

Photograph 4. Enclosure of tumulus 343, grave 2. Skeleton pose in the grave

Фото 5. Ограда кург. 337, мог. 2–3. Параллельные могилы-ящики в ограде

Photograph 5. Enclosure of tumulus 337, grave 2–3. Parallel graves, stone boxes inside the enclosure

Фото 6. Ограда кург. 46. Наземная циста — зимняя могила

Photograph 6. Enclosure of tumulus 46. Above-ground cyst, a winter grave

не имеет ровной кладки. Изредка зимняя могила сооружалась и в виде ящика, стенки которого снаружи обложены плашмя положенными плитками. В одной из зимних могил с внутренней стороны (кург. 297) были обнаружены лежавшие вдоль стен остатки деревянной конструкции (рис. 38: 4, 5). По всей видимости, это была рама, в которую опирались нижние концы плит, образовавшие стоящий на поверхности каменный ящик, стенки которого отклонялись наружу. После того как ограда разрушалась, земля постепенно из неё вытекала. При обкладке дёрном зимних могил это сооружение по необходимости было значительно больше по объёму, поэтому в тех случаях, где в ограде оказались зимние могилы, на поверхности почвы сохранился небольшой холм, в некоторых случаях обложенный плитками. Эта рама удерживала от сползания внутрь плиты стен. Цисты, так же как и ящики, бывают прямоугольными и трапециевидными.

Грунтовые ямы являются самым редким видом карасукских могил. В настоящее время трудно судить о том, являлись ли такие могилы действительно грунтовыми ямами без каких-либо конструкций, или же первоначально их стены изнутри

были укреплены деревом, которое до настоящего времени не сохранилось. Во всяком случае, указанный выше случай позволяет предполагать наличие не только каменных могильных сооружений, но наряду с ними и сделанных из дерева.

После того как в могиле совершили захоронение, её перекрывали. Для этого использовали обычно несколько тонких плит, которые клали поперёк могилы. Иногда плиты лежат в два слоя, или же второй слой закрывает промежутки между нижними плитами (фото 7, 8). Над покрытием возводили земляное сооружение из дёрна. Форма его не устанавливается, но в плане оно соответствовало ограде. В четырёхугольной ограде, видимо, было четырёхугольное земляное сооружение, скорее всего в виде усечённой пирамиды, а в круглых оградах круглое. Судя по тому, что многие ограды в настоящее время не имеют сколько-нибудь заметных земляных насыпей и в то же время их стены отклонены наружу, можно с достаточным основанием предполагать, что земляное сооружение было не очень большое. В процессе разрушения оно заполняло всю внутреннюю часть ограды, при этом уровень развала оказывался несколько выше окружа-

Фото 7. Ограда кург. 110. Покрытие могилы внутри нераскопанной ограды

Photograph 7. Enclosure of tumulus 110. Coverage of the grave inside of an unexcavated enclosure

Фото 8. Ограда кург. 465. Покрытия могил в раскопанной ограде

Photograph 8. Enclosure of tumulus 465. Coverage of the graves inside the excavated enclosure

ющей поверхности почвы, так что он изнутри давил на стенки, которые в некоторых случаях возводились как более значительные сооружения и над углублёнными в землю могилами, но чем был обусловлен размер земляного сооружения, остаётся пока неясным.

В первой группе могильника были встречены могилы с двумя погребёнными. Они были более широкими, чем остальные (фото 9). В некоторых из них в средней части стояла вертикальная плита, видимо для поддержания перекрытия, либо с той же целью сделаны короткие перегородки, параллельные длинным стенам могилы (рис. 23: 2, 3; 42: 5; 87: 7).

Всего для анализа использовано 527 могил, но на самом деле их раскопано несколько больше (табл. IV). На первом месте в целом по могильнику стоят ящики прямоугольной формы, их 253 (48 %) (в данном случае суммирована 1-я и 2-я строки в табл. IV. — *А.П.*); на втором — ящики трапециевидной формы, которых 179 (33,96 %) (в данном случае суммирована 3-я и 4-я строки в табл. IV. — *А.П.*); на третьем — цисты, их 82 (15,56 %), и по-

следнее место занимают грунтовые ямы, которых всего в могильнике 13 (2,47 %).

Рассмотрим теперь, как основные виды могил распределены по группам. В разных группах раскопано различное количество могил. Так, в группе 1 раскопано 133, в группе 2 — 49, в группе 3 — 46, в группе 4 — 144 и в группе 5 — 155 могил. Первую, четвёртую и пятую группы относительно легко сопоставить, так как в них примерно одинаковое количество могил, что же касается второй и третьей, то там могил немного. Сравнение по этому показателю по ним может не соответствовать истинному положению вещей. Всё же, чтобы иметь некоторое представление о соотношении разных типов в группах, возьмём за 100 % количество могил, раскопанных в каждой группе. В результате оказывается, округляя % до целого числа, что прямоугольных ящиков в первой группе 43 %, во второй 53 %, в третьей 48 %, в четвёртой 45 % и в пятой 54 %. Расхождения не очень большие и близкие к данным в целом по могильнику. Трапециевидных ящиков в первой группе 37 %, во второй 35 %, в третьей 43 %, в четвёртой 34 % и в пятой 28 %.

Фото 9. Ограда кург. 236, мог. 1. Парное погребение в одном ящике-могиле
Photograph 9. Enclosure of tumulus 236, grave 1. Double burial in one box-grave

Таблица IV. Процентное соотношение видов могил по группам и в целом по могильнику
Table IV. Percentage ratio of the grave-types in the groups and the cemetery in general

	Группа 1			Группа 2			Группа 3			Группа 4			Группа 5			Всего	
	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	% по мог.												
Прямоугольные каменные ящики	41	30,83	7,78	22	44,9	4,17	22	47,83	4,17	61	42,36	11,57	77	49,68	14,61	223	42,31
Прямоугольные каменные ящики с обкладкой	16	12,03	3,04	4	8,16	0,76	—	—	—	4	2,78	0,76	6	3,87	1,14	30	5,69
Трапецевидные каменные ящики	28	21,05	5,31	16	32,65	3,04	18	39,13	3,42	45	31,25	8,54	42	27,1	7,97	149	28,27
Трапецевидные каменные ящики с обкладкой	21	15,79	3,98	1	2,04	0,19	2	4,35	0,38	4	2,78	0,76	2	1,29	0,38	30	5,69
Цисты	24	18,05	4,55	4	8,18	0,76	3	6,52	0,57	29	20,14	5,5	22	14,19	4,17	82	15,56
Грунтовые ямы	3	2,26	0,57	2	4,08	0,38	1	2,17	0,19	1	0,69	0,19	6	3,87	1,14	13	2,47
Всего:	133	100	25,24	49	100	9,3	46	100	8,73	144	100	27,32	155	100	29,41	527	100

Здесь тоже картина в целом близка к той, которая вырисовывается по данным могильника, хотя в третьей на 10 % больше, а в пятой на 5 % меньше, чем дают средние цифры. Но на те же 5 % в пятой группе больше, чем в среднем могил прямоугольной формы. Что же касается цист, опуская вторую и третью группы, то они представлены в первой 16 %, в четвертой 20 % и в пятой 14 %. Расхождения небольшие с данными могильника, где их процент составляет 16 %. Грунтовые могилы единичны, и их рассматривать здесь не стоит.

Распределение основных видов могил по группам и по могильнику в целом хотя и демонстрирует определённую близость, вместе с тем указывает и на некоторые отличия. Чтобы их выяснить, необходимо рассмотреть не только основные виды могил, но и их разновидности как в целом по могильнику, так и по группам.

Прямоугольных каменных ящиков без выкладки по краям в могильнике 223 (42,31 %). В первой группе их было 41 (что по могильнику составляет 7,78 %, а в группе 30,83 %). Во второй и третьей группах их было по 22 (по могильнику 4,17 %, по группам 44,9 % и 47,83 % соответственно). В четвертой группе раскопана 61 могила такой конструкции (11,57 % по могильнику и 42,36 % по группе). В пятой группе их было 77 (14,61 % по могильнику и 49,68 % по группе).

Прямоугольных каменных ящиков с выкладкой по краям всего в могильнике 30 (5,69 %). В первой группе их оказалось 16 (3,04 % по могильнику и 12,03 % по группе). В третьей таких ящиков вообще нет. Во второй и четвертой их было по 4 (0,76 % по могильнику, по группам 8,16 % и 2,78 %). В пятой раскопано 6 (1,14 % по могильнику и по группе 3,87 %).

Сравнивая между собой группы по этим видам могил, нетрудно заметить уже более ясные различия. Так, более половины всех ящиков с выкладкой происходит из первой группы, в то время как в других они единичны. В то же время ящики без выкладок являются ведущими и в четвертой, и в пятой группах, в то время как в первой их меньше.

Трапециевидные ящики без выкладок оказались в 149 могилах Сухого Озера II (28,27 %). 28 из них раскопано в первой группе (по могильнику 5,31 %, в группе 21,05 %). Во второй их было 16 (3,04 % по могильнику и 32,65 % по группе). В третьей раскопано 18 (3,42 % по могильнику и 39,13 %

по группе). В четвертой 45 могил (8,54 % по могильнику и 31,25 % по группе). В пятой группе открыто 42 таких могилы (7,97 % по могильнику и 27,1 % по группе).

Трапециевидных ящиков с выкладкой по краям могилы в могильнике раскопано 30 (5,69 %). В первой группе их оказалось 21 (3,98 % по могильнику и 15,79 % по группе). Во второй группе раскопан 1 такой ящик, а в третьей 2. В четвертой всего 4 (0,76 % по могильнику и 2,78 % по группе). В пятой 2 ящика (0,38 % по могильнику и 1,29 % по группе).

Сравнивая распределение последних двух видов могил по группам, легко увидеть, что две трети всех ящиков с выкладкой приходится на первую группу, в то время как в остальных такие ящики единичны.

Отсюда следует, что могилы с выкладками по краям являются особенностью в первую очередь первой группы, чем и отличаются её от всех остальных, а в первую очередь от четвертой и пятой.

Что же касается цист, то этот вид могил и их конструкция продиктованы в первую очередь условиями зимнего захоронения. Их количество в каждой группе примерно пропорционально. Незначительные же отличия объясняются выбором для раскопок тех или иных курганов. Близкие же показатели можно расценивать как указание на одинаковую смертность населения, оставившего эти группы могил.

Таким образом, говоря в целом о могилах Сухого Озера II, можно сказать, что особых различий между группами не наблюдается. Они ярко выражены только в одной черте преобладания могил с выкладкой в первой группе.

1.4. Керамика могильника

Единственным видом массового инвентаря могильника является глиняная посуда, что характерно для всех карасукских памятников. Примерно пятая часть рисунков сосудов из могильника сделана художником К.Г. Претро, а все остальные Г.А. Максименковым. Почти все карасукские могилы были ограблены ещё в древности. Металлические, бронзовые, вещи встречаются в них крайне редко, так как именно из-за них ранние тагарцы раскапывали могилы своих предшественников, добывая таким образом бронзу (Максименков, 1975б. С. 164–167). О наличии в прошлом бронзовых вещей в могилах можно судить по костям, окра-

шенным окисью меди. Посуда же в большинстве случаев не интересовала древних грабителей и встречается в целом или разбитом состоянии почти в каждой могиле.

Поэтому при изучении самой культуры этот вид инвентаря приобретает особое значение. Не рассматривая здесь вопросов, связанных с изучением керамики в технологическом плане, необходимо дать наиболее полное представление о формах и орнаментах, характеризующих в целом посуду могильника Сухое Озеро II, и её особенностях в каждой из выделенных групп.

Нужно сразу же сказать, что ничего принципиально нового по сравнению с другими карасукскими могильниками в целом керамика Сухого Озера II не даёт. Здесь представлены все типы посуды, известные и по другим памятникам. Почти то же можно сказать и о большинстве орнаментов. Только отдельные, богато орнаментированные сосуды своими украшениями, в большинстве случаев индивидуальными, отличаются друг от друга как внутри могильника, так и от богато орнаментированных горшков других памятников. Несомненно, за этим кроются индивидуальные вкусы отдельных людей. Так что рассматривать такие сосуды как выпадающие из остальных и несущие в себе какую-то особую информацию не приходится.

Чтобы рассмотреть керамику могильника, необходимо её разделить на какие-то группы, которые объективно отличались бы одна от другой. Попытки такого деления уже предпринимались. Так, Э.А. Новгородова в основу классификации всей карасукской керамики как карасукского, так и каменноложского этапов положила «соотношение размеров: отношение высоты сосуда (h) к его наибольшему диаметру с учётом формы и диаметра венчика (D), формы доньшка и его диаметра (d), а также профилировки и техники изготовления» (Новгородова, 1970. С. 34). Всё это было проверено между зависимостью формы и орнаментации, а также формы сосуда и другими признаками культуры. В результате чего она выделила 8 типов карасукских и каменноложских горшков по четыре для каждого этапа. Характеристики же каждой группы очень расплывчатые, нечёткие. Между отдельными группами можно видеть много общего, особенно в орнаментах. В то же время между, скажем, первой и второй группой особых отличий нет, они объективно отличаются размерами и некото-

рым соотношением пропорций деталей. Отличия же второй и третьей её групп состоят только в форме донца: у второй круглое, у третьей плоское или уплощённое. Что же касается четвёртой группы, то в ней оказались сосуды индивидуальной формы, которых всего 5 экземпляров. Таким образом, считать предложенную Э.А. Новгородовой классификацию удачной затруднительно, так как каждый новый сосуд можно поместить в её группу по одному какому-либо признаку.

Другая классификация, полностью отрицающая предложенную Э.А. Новгородовой, дана Л.П. Зяблиным в связи с публикацией целиком раскопанного им могильника Малые Копёны III. Он считает формальные признаки горшков не играющими никакой роли, так как горшки с разными признаками встречаются в одних и тех же курганах и могилах. Наиболее показательным, по его мнению, является орнамент, на основе которого он и делит керамику на группы (Зяблин, 1977. С. 23). Однако к его классификации применима вся та критика, которую он обращает в адрес Э.А. Новгородовой, так как горшки с разными орнаментами также встречаются в одних и тех же курганах и могилах. Более того, на основании одного признака вообще трудно выявить какие бы то ни было группы.

Наиболее перспективной кажется классификация, предложенная Г.А. Максименковым (Максименков, 1978. С. 114). Не претендуя на универсальность, она всё же даёт объективные критерии для формального разделения посуды на группы, так как основывается на двух признаках формы горшков, свойственных всем им, но по-разному сочетающихся на каждом конкретном сосуде. Эти два признака относятся к форме горшка: характер донца и переход от шейки к плечикам. В результате учёта этих двух признаков удаётся всю собственно карасукскую керамику разделить на шесть групп (рис. 144):

- сосуды с плоским дном и уступом;
- сосуды с плоским дном без уступа;
- сосуды с уплощённым дном и уступом;
- сосуды с уплощённым дном без уступа;
- сосуды с круглым дном и уступом;
- сосуды с круглым дном без уступа.

По этим двум признакам любой вновь найденный горшок найдёт своё место в соответствующей группе. Это не значит, что каждая группа может отдельно встретиться в каком-либо могильнике.

Более того, можно на основании всех раскопанных к настоящему времени памятников утверждать, что все выделенные виды горшков встречаются не только в одном могильнике, но даже в одном кургане или могиле. Вместе с тем не это определяет значение каждой группы, а соотношение групп в данном памятнике.

Рассматривая две черты карасукской керамики, по которым выделены группы, прежде всего необходимо изучить их каждую в отдельности и выяснить удельный вес как в целом по могильнику, так и по его группам. Для этого можно использовать 179 горшков, у которых сохранилось или восстанавливается донце.

Из них в могильнике оказалось 20,67 % горшков с плоским дном, 12,29 % горшков с уплощённым дном и 67,04 % с круглым дном (табл. V). Следовательно, две трети посуды Сухого Озера II представлено круглодонными горшками и одна треть с уплощённым или плоским дном.

От 217 сосудов сохранилась верхняя часть, позволяющая судить о том, был ли уступ в месте перехода шейки к плечикам или его не было. Оказалось, что уступ имели 60,83 % всех горшков, а без уступа их было 39,17 %. То есть три пятых имели уступ, а у двух пятых он отсутствовал (табл. VI).

Рассматривая сочетание этих признаков на керамике Сухого Озера II, с помощью которых керамика разделяется на несколько видов, можно отметить следующую картину. Горшков с уступом и плоским дном по всему могильнику, исходя из общего числа 236, — 13,63 %, с плоским дном без уступа 2,13 %.

С уступом и уплощённым дном 7,24 %, без уступа с уплощённым дном 2,98 %. С круглым дном и уступом и без уступа — одинаковое количество их, по 26,84 %. Кроме того, у 13,63 % не ясен характер дна, а у 7,24 % не ясен и переход шейки в тулово (табл. VII) (цифры, приведённые в этом абзаце, не сочетаются с данными табл. VII. — А.Л.).

Если говорить в целом о деталях формы горшков Сухого Озера II, то можно отметить, что ведущим типом является круглодонная посуда, в то время как плоскодонная и с уплощённым дном малочисленнее. Что же касается перехода от венчика к плечикам, то значительно преобладают сосуды с уступом. Казалось бы, отсюда следует вывод, что ведущей формой карасукской посуды могильника является круглодонная с уступом. Однако это не так. Для того чтобы картина стала яснее, необходимо рассмотреть распределение деталей формы по группам.

Исходя из общего количества горшков — 179, у которых можно судить о форме дна, и беря их за 100 %, можно видеть, как распределяются формы донца по группам (табл. V). Сосуды с плоским дном в группе 1 вообще отсутствуют, в группе 2 их 4 (2,23 % от общего числа горшков, найденных в могильнике), внутри же группы они составляют 16 %. В группе 3 найдено 7 сосудов (3,91 %), внутри группы они составляют 43,75 %. Группа 4 дала самое большое количество плоскодонных сосудов, их 17 (9,5 %), среди сосудов группы они составляют 39,53 %. Среди горшков группы 5 оказалось 9 с плоским дном (5,03 %), соответственно в группе 32,14 %.

Таблица V. Распределение по группам и в целом по могильнику горшков с разной формой дна

Table V. Distribution of the pots in the groups and the cemetery in general, according to the shape of the base

	Группа 1			Группа 2			Группа 3			Группа 4			Группа 5			Всего	
	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	% по мог.
Плоское дно	—	—	—	4	16	2,23	7	43,75	3,91	17	39,53	9,5	9	32,14	5,03	37	20,67
Уплощённое дно	4	5,97	2,23	2	8	1,12	3	18,75	1,68	7	16,28	3,91	6	21,43	3,35	22	12,29
Круглое дно	63	94,03	35,22	19	76	10,62	6	37,5	3,35	19	44,19	10,62	13	46,43	7,27	120	67,04
Всего:	67	100	37,43	25	100	13,97	16	100	8,94	43	100	24,02	28	100	15,64	179	100

Посуда с уплощённым дном в группе 1 представлена 4 экземплярами (2,23 %), в группе же 5 их 6 — 3,35 %. В группе 2 таких сосудов оказалось 2 штуки (1,12 %), внутри группы они составляют 8 %. В группе 3 найдено 3 сосуда (1,68 %), а среди найденных в ней горшков 18,75 %. Группа 4 дала больше всего: 7 штук (3,91 %), а среди остальных в этой группе они составляют 16,28 %. В группе 5 найдено 6 экземпляров (3,35 %), среди других они составляют 21,43 %.

пе 5 круглодонных было столько же горшков, сколько и с другими видами дна.

Следовательно, первый признак — характер донца — в разной степени свойственен каждой группе, и по этому признаку группы отличаются одна от другой.

Рассмотрим теперь характер перехода шейки в плечики по группам (табл. VI). В группе 1 найдено 25 сосудов с уступом (11,52 % от общего количества горшков — 217, у которых ясен переход), внутри

Таблица VI. Распределение по группам и в целом по могильнику горшков с разным характером перехода от шейки к плечикам

Table VI. Distribution of the pots in the groups and the cemetery in general, according to the occurrence of the ledge

	Группа 1			Группа 2			Группа 3			Группа 4			Группа 5			Всего	
	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	% по мог.
С уступом	25	32,89	11,52	17	54,84	7,84	18	75	8,3	42	89,36	19,36	30	76,92	13,83	132	60,83
Без уступа	51	67,11	23,51	14	45,16	6,45	6	25	2,77	5	10,64	2,31	9	23,08	4,15	85	39,17
Всего:	76	100	35,02	31	100	14,29	24	100	11,06	47	100	21,66	39	100	17,97	217	100

Совсем иное распределение наблюдается с круглодонными сосудами. В группе 1 их 63 (35,22 %), а внутри группы они представлены 94,03 %. В группе 2 их оказалось 19 (10,62 %), среди остальных сосудов они составляют 76 %. В группе 3 было 6 экземпляров (3,36 %), что от общего количества составит 37,5 %. В группе 4 найдено 19 горшков (10,62 %), что соответствует 44,19 % от всей посуды группы. В группе 5 найдено 13 горшков (7,27 %), они внутри группы составят 46,43 %.

Таким образом, можно заключить, что ведущей формой посуды в группе 1 являются круглодонные сосуды, несколько дополненные сосудами с уплощённым дном. Близкая картина наблюдается и в группе 2, где три четверти горшков представлено круглодонными, а остальные с плоским или уплощённым дном. В самой малочисленной группе 3 больше половины горшков имеют плоское или уплощённое дно, а остальные были круглодонными. В группе 4 над круглодонными преобладают горшки с плоским или уплощённым дном. В груп-

пы они составляют 32,89 %. В группе 2 найдено 17 экземпляров с уступом (7,84 %), что по группе составит 54,84 %. В группе 3 — 18 сосудов с уступом (8,3 %), что по группе составит 75 %. В группе 4 оказалось 42 сосуда (19,36 %), а в группе 89,36 %. В группе 5 найдено 30 горшков с уступом (13,83 %), а в группе они составляют 76,92 %.

Горшков без уступа в группе 1 найдено 51 экземпляр (23,51 %), что по группе составит 67,11 %. В группе 2 найдено 14 сосудов без уступа (6,45 %), а в целом в группе их было 45,16 %. В группе 3 оказалось 6 сосудов без уступа (2,77 %), в группе они составляют 25 %. В группе 4 всего 5 таких сосудов (2,31 %), или же внутри группы 10,64 %. В группе 5 найдено 9 сосудов без уступа (4,15 %), что составит по группе 23,08 %.

Сравнивая группы между собой, нетрудно заметить, что и по этому признаку они отличаются. Так, в группе 1 две трети сосудов не имели уступа. В группе 2 сосудов с уступом и без него примерно одинаковое количество. В группе 3 — три четверти

Таблица VII. Распределение форм горшков по группам и в целом по могильнику

Table VII. Distribution of the pot-shapes in the groups and the cemetery in general

	Группа 1			Группа 2			Группа 3			Группа 4			Группа 5			Всего	
	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	% по мог.
С уступом и плоским дном	—	—	—	2	8	1,1	7	41,18	3,83	15	35,7	8,2	8	25	4,37	32	18,49
Без уступа и с плоским дном	—	—	—	2	8	1,1	—	—	—	2	4,76	1,1	1	3,13	0,55	5	2,73
С уступом и уплощённым дном	1	1,49	0,55	1	4	0,55	2	11,76	1,1	5	11,9	2,73	8	25	4,37	17	9,29
Без уступа и с уплощённым дном	3	4,48	1,64	1	4	0,55	1	5,88	0,55	2	4,76	1,1	—	—	—	7	3,83
С уступом и круглым дном	20	29,85	10,9	13	52	7,1	3	17,65	1,64	17	40,48	9,29	9	28,13	4,9	62	33,88
Без уступа и с круглым дном	43	64,18	23,5	6	24	3,28	4	23,53	2,19	1	2,38	0,55	6	18,75	3,28	60	32,79
Всего:	67	100	34,61	25	100	13,66	17	100	9,29	42	100	22,95	32	100	17,49	183	100

имели уступ, у остальных он отсутствовал. А вот группа 4 резко отличается от других, здесь только одна девятая часть горшков не имела уступа. В группе 5 оказалась одна четверть без уступа, а остальные горшки с уступом.

Из приведённого анализа вытекает, что общепринятое представление, что карасукская посуда представлена круглодонными сосудами с уступом, хотя в общей массе именно эти два признака преобладают, не может рассматриваться как правильное. На примере Сухого Озера II видно (табл. VII), что группа 1 характеризуется круглодонными сосудами без уступа. В противоположность ей группа 4 характеризуется сосудами с уступом, причём в ней больше половины горшков с плоским или уплощённым дном. Группа 2 ближе к первой, а пятая к четвёртой. Что же касается группы 3, то она малочисленна. Но всё же можно сказать, что она занимает промежуточное положение, хотя и приближается по некоторым показателям к пятой группе. При характеристике карасукской посуды того или иного памятника, очевидно, нужно подходить дифференцированно, учитывая соотношение разных деталей формы горшков.

Пропорции горшков довольно стабильны, несмотря на разные их размеры (фото 10–16;

рис. 129–140). Обычно диаметр венчика на 2–3 см меньше наибольшего диаметра тулова. Высота всегда меньше диаметра венчика на 3–4 см, поэтому горшки имеют приземистый вид. Наиболее широкое место тулова находится на середине высоты и только в очень редких случаях несколько выше. Высота шейки колеблется, чаще всего она имеет 2–3 см, редко достигает 4 см. И в двух случаях у горшков с плоским дном она имела высоту 6 см (рис. 135: 19, 22). Что же касается диаметра дна у горшков с плоским и уплощённым дном, то здесь чёткой закономерности не наблюдается. Чаще всего диаметр дна колеблется между половиной и третьей частью диаметра венчика, но в нескольких случаях выходил за эти пределы.

Большая часть сосудов имеет небольшие размеры. Подавляющее большинство не превышало высоту 10–15 см, несколько штук были ниже, причём самый низкий был всего 8 см. Несколько сосудов имели высоту от 17 до 21 см, а самый высокий из сохранившихся достигал 27 см в высоту. Группа высоких сосудов имеет несколько иные пропорции. Так, если обычный сосуд высотой 12 см имел диаметр венчика 13 см, диаметр тулова на высоте 6 см, а высота шейки была 2,6 см, то у самого высокого горшка 27 см высотой диаметр

Фото 10. Ограда кург. 53, мог. 1. Сосуд

Photograph 10. Enclosure of tumulus 53, grave 1. A vessel

венчика 15 см, диаметр тулова на высоте 15 см достигал 32,5 см, а шейка имела 2,5 см высоту. Но таких сосудов немного.

В пропорциях горшков в основной массе отличия по группам не наблюдаются. Но можно отметить, что высокие горшки преобладают в 1-й группе, где их оказалось 9 экземпляров, в то время как во второй и пятой их было по одному, в четвертой — 2, а в третьей 3 сосуда, но в связи с малочисленностью этой группы делать далеко идущие выводы преждевременно.

Так как уже предпринимались попытки положить в основу классификации карасукской керамики орнаменты, необходимо рассмотреть посуду Сухого Озера и с этих позиций. Всего для исследования этого вопроса использовано 268 сосудов и их фрагментов, позволяющих судить об орнаменте. Среди этого количества горшков имеется 7 экземпляров своеобразной формы, без орнамента или с богатым орнаментом, они выделены в особую группу. В дальнейшем они специально рассматриваться не будут, но их % по отношению ко всем горшкам в подсчетах будет учтен.

По видам орнамента все сосуды можно разделить на 9 групп (рис. 146):

- сосуды без орнамента;
- с несколькими желобками;
- с желобками и дополнительным орнаментом;
- с ямками;
- с вдавлениями;
- с ямками и вдавлениями;
- с зигзагом;
- с шишечками;
- с богатым орнаментом.

Последняя группа обобщенная, в ней есть сосуды пышно украшенные, с несколькими зонами орнамента, и горшки с относительно простым геометрическим узором. Но так как все сосуды с более сложным, чем во всех других группах, орнаментом индивидуальны за исключением двух или трёх случаев, то они обобщены в одну группу.

Если рассматривать в целом по могильнику в количественном и процентном соотношении выделенные девять групп (табл. VIII), то окажется, что по количеству на первом месте стоят богато украшенные горшки, их 78 экземпляров (29,1 %) среди

Таблица VIII. Распределение разных видов орнаментов в целом по могильнику и по группам

Table VIII. Distribution of the vessel ornamentation types in the groups and the cemetery in general

	Группа 1			Группа 2			Группа 3			Группа 4			Группа 5			Всего	
	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	% по мог.									
Без орнамента	17	20,73	6,34	19	50	7,09	8	30,77	2,99	14	22,58	5,22	15	24,9	5,6	73	27,24
С несколькими желобками	36	43,9	13,43	4	10,53	1,49	3	11,54	1,18	1	1,61	0,37	8	13,3	2,99	52	19,4
С желобками и доп. орнаментом	1	1,22	0,37	—	—	—	1	3,85	0,37	—	—	—	1	1,67	0,37	3	1,12
С ямками	12	14,63	4,48	6	15,79	2,24	1	3,85	0,37	3	4,84	1,12	2	3,33	0,75	24	8,96
С вдавлениями	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,67	0,37	1	0,37
С ямками и вдавлениями	6	7,32	2,24	4	10,53	1,49	1	3,85	0,37	1	1,61	0,37	3	5	1,12	15	5,6
С зигзагами	—	—	—	—	—	—	3	11,54	1,12	9	14,52	3,36	2	3,33	0,75	14	5,22
С шишечками	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,67	0,37	1	0,37
С богатым орнаментом	10	12,19	3,73	3	7,89	1,12	9	34,62	3,36	32	51,61	11,94	24	40	8,96	78	29,1
Индивидуальные формы	—	—	—	2	5,26	0,75	—	—	—	2	3,23	0,75	3	5	1,12	7	2,61
Всего:	82	100	30,6	38	100	14,18	26	100 %	9,7	62	100	23,13	60	100	22,39	268	100

всех учтённых горшков. На втором месте стоят сосуды без орнамента, их 73 (27,24 %); на третьем месте горшки с несколькими желобками, их 52 (19,4 %). Далее идут горшки, украшенные ямками, — 24 экземпляра (8,96 %), горшки с ямками и вдавлениями, их 15 (5,6 %), горшки, украшенные зигзагом, 14 штук (5,22 %), затем 3 горшка, украшенные желобками с дополнительным орнаментом, а за ними по одному украшенные вдавлениями и шишечками. Как можно видеть, подавляющее большинство сосудов представлено полярными группами: с богатым орнаментом, с одной стороны, и без орнамента или с несколькими желобками или ямками — с другой; остальные представлены единичными экземплярами. Поэтому, рассматривая распределение горшков с разным видом орнамента по группам, единичные случаи будут опущены и внимание будет обращено на шесть наиболее многочисленных групп.

Горшки без орнамента. Из группы 1 происходит 17 сосудов, что в целом по могильнику составляет 6,34 %, или одну пятую среди всех найденных в этой группе горшков. В группе 2 их оказалось 19 экземпляров, то есть 7,09 % среди всех сосудов могильника, или половины всех найденных в этой группе. В группе 3 было 8 горшков, что составляет по могильнику 2,99 %, а внутри группы почти одну треть.

В группе 4 найдено 14 сосудов, что по могильнику в целом составляет 5,22 %, или несколько меньше четверти всех горшков, найденных в могилах этой группы. В группе 5 найдено 15 сосудов, 5,6 % по могильнику, или одна четверть всех горшков этой группы.

Горшков, украшенных несколькими желобками, в группе 1 найдено 36 экземпляров (13,43 % всех сосудов могильника), или 43,9 % по группе. В группе 2 таких горшков найдено 4 (1,49 %), или

Фото 11. Ограда кург. 223, мог. 1. Сосуд

Photograph 11. Enclosure of tumulus 223, grave 1. A vessel

Фото 12. Ограда кург. 145, мог. 4. Сосуд

Photograph 12. Enclosure of tumulus 145, grave 4. A vessel

одна десятая в группе. В группе 3 оказалось 3 горшка (1,18 %), или несколько больше одной десятой в целом по группе. Из группы 4 происходит 1 горшок (0,37 %), или 1,61 % по группе. В пятой было найдено 8 штук (2,99 %), или 13,3 % по группе.

Горшки, украшенные ямками. В группе 1 их оказалось 12 (4,48 % по могильнику), или 14,63 % в группе. В группе 2 было 6 сосудов (2,24 %), или чуть больше одной шестой среди других горшков группы. В группе 3 найден 1 горшок с таким орнаментом, это 0,37 % в целом по могильнику или 3,85 % в группе. В группе 4 найдено 3 горшка, что составляет по могильнику 1,12 %, а по группе 4,84 %. В группе 5 найдено 2 горшка, что составляет по могильнику 0,75 %, а по группе 3,33 %.

Горшки, украшенные ямками и вдавлениями. Шесть таких горшков найдено в группе 1 (2,24 %), или 7,32 % по группе. Из группы 2 происходит 4 горшка, соответственно по могильнику они составляют 1,49 %, а по группе десятую часть всех найденных сосудов. В группе 3 найден один горшок с таким орнаментом, это 0,37 % по могильнику или 3,85 % по группе. В группе 4 также оказался один горшок (0,37 %), а по группе это составит 1,61 %.

Из группы 5 происходит 3 сосуда, они по могильнику составляют 1,12 %, а по группе 5 %.

Горшки, украшенные зигзагом. В группе 1 и 2 они не найдены. В группе 3 было 3 сосуда, 1,12 % по могильнику или 11,54 % по группе. В группе 4 их оказалось 9, или 3,36 % по могильнику, а внутри группы они составляют 14,52 %. В группе 5 было 2 горшка, 0,75 % по могильнику или 3,33 % по группе.

Горшки с богатым орнаментом. Из группы 1 их происходит 10 экземпляров, соответственно по могильнику они составляют 3,73 %, а по группе 12,19 %. Из группы 2 происходит 3 горшка, или 1,12 % по могильнику или 7,89 % по группе. Группа 3, хотя и самая малочисленная, дала 9 таких горшков, или 3,36 % по могильнику в целом, а по группе они составляют более трети всех найденных сосудов. В могилах группы 4 найдено 32 богато орнаментированных горшка. Они составляют по могильнику 11,94 %, а внутри группы их более половины. В группе 5 найдено 24 сосуда, или 8,96 % по могильнику и 40 % по группе.

Рассмотрение находок горшков с разными орнаментами по группам позволяет заметить серьезные отличия между разными группами. Так, в груп-

Фото 13. Ограда кург. 374. Сосуд

Photograph 13. Enclosure of tumulus 374. A vessel

пе 1 самыми многочисленными являются горшки с несколькими желобками на шейке (43,9 %), за ними идут горшки без орнамента (20,73 %), на третьем месте стоят горшки, украшенные ямками (14,63 %), на четвертом горшки, украшенные богатым орнаментом (12,19 %), далее следуют горшки, украшенные ямками и вдавлениями (7,32 %), и, наконец, один горшок с желобками и дополнительным орнаментом.

В группе 2 преобладают горшки без орнамента (50 %), за ними следуют украшенные ямками (15,79 %), затем в равном количестве представлены горшки с желобками и с ямками и вдавлениями (10,53 %), далее идут сосуды с богатым орнаментом (7,89 %) и индивидуальных форм (5,26 %).

В группе 3 на первом месте стоят горшки, богато украшенные (34,62 %), за ними идут горшки без орнамента (30,77 %), в одинаковом количестве представлены горшки с несколькими желобками и зигзагом (по 11,54 %), и по одному были найдены горшки с желобками и дополнительным орнаментом, с ямками и вдавлениями.

В группе 4 наблюдается совсем иное распределение. На первом месте здесь стоят горшки

с богатым орнаментом, их 51,61 % в группе; на втором — горшки без орнамента, 22,58 %; на третьем — горшки, украшенные зигзагом, 14,52 %; на четвертом — с ямками, 4,84 %; два горшка индивидуальных форм и по одному с ямками и вдавлениями и с несколькими желобками, 1,61 %, наиболее многочисленные в первой группе.

Только группа 5 даёт все виды орнаментов, встреченные в могильнике. На первом месте здесь, как и в четвертой группе, стоят горшки с богатым орнаментом — их 40 %. На втором горшки без орнамента, 24,9 %; на третьем с несколькими желобками, 13,3 %. Затем идут по три горшка с ямками и вдавлениями и с несколькими желобками.

Сосуды индивидуальных форм — по 5 %, два горшка с зигзагом — 3,33 % и по одному с желобками и дополнительным орнаментом, с вдавлениями и с шишечками — 1,67 %. Таким образом, если в группе 1 на первом месте стоят горшки с несколькими желобками, то в группе 4 они представлены всего одним экземпляром. В то же время в группе 4 больше половины горшков с богатым орнаментом, а в группе 1 они занимают только четвертое место.

Фото 14. Ограда кург. 349, мог. 1. Сосуд

Photograph 14. Enclosure of tumulus 349, grave 1. A vessel

Отсутствуют в группе 1 и горшки с зигзагом, занимающие третье место в группе 4. Только горшки без орнамента в процентном отношении представлены примерно одинаково, но нужно сказать, что это характерно и для других групп. Значительно меньше в группе 4 и горшков с ямками. В целом группы 1 и 4 резко отличаются по орнаментации посуды. К группе 4, как и в других случаях, примыкает группа 5, а к группе 1 группа 2. Группа 3 занимает как бы промежуточное положение. Но нужно ещё раз подчеркнуть, что вторая и третья группы малочисленны, и поэтому подсчёты могут дать не совсем правильную картину.

Нарядные орнаменты сосудов разных групп никаких особенностей не имеют. Несколько отличаются малочисленные горшки группы 2. Все они украшены только треугольниками. У трёх это висящие вершиной вниз косо заштрихованные треугольники (рис. 134: 12, 18, 19), а у одного, индивидуальной формы, бадейкообразного сосуда, два ряда треугольников, так же косо заштрихованных, но обращённых вершинами вверх (рис. 134: 21). Во всех группах, правда в разных количествах, встречаются

полосы на плечиках из ромбов, образованных заштрихованными треугольниками, соприкасающимися вершинами: так, в первой из них 3 (рис. 132: 16, 22, 25), а во второй нет, в третьей 4 (рис. 135: 5, 22, 24, 27), в четвёртой 11 (рис. 137: 2, 6–9, 12, 16–18, 20), в пятой 9 (рис. 140: 1–5, 7, 19). На отдельных сосудах, очень редко, этот орнамент идёт второй полосой по тулову (рис. 137: 2; 140: 1). Встречаются ряд горшков, на плечиках которых нанесены шевроны: большие углы, внутри которых располагаются либо меньшие углы, так же образованные двумя линиями, между которыми нанесена поперечная штриховка (рис. 136: 11), либо пирамидки из треугольников (рис. 140: 2), либо узор из ломаных линий (рис. 140: 9). Всех этих орнаментов нет во второй группе.

Сосуды, украшенные шевронами, являются наиболее богато орнаментированными. Обычно рисунок их индивидуален, за исключением, пожалуй, только одного случая, когда можно с достаточным основанием полагать, что два горшка, найденные в одной могиле, были украшены одним мастером. Несмотря на ярко выраженную индиви-

Фото 15. Ограда кург. 109, мог. 1. Сосуд

Photograph 15. Enclosure of tumulus 109, grave 1. A vessel

дуальность, среди сосудов с шевронами можно выделить группу, украшенную пирамидками, расположенными внутри большого угла. Таких сосудов в группе 1 оказался один экземпляр (рис. 132: 22); в группе 3 также встретился один горшок (рис. 135: 22); в группе 4 их было четыре, два целых (рис. 137: 16, 18) и два фрагментированных (рис. 137: 14, 15), у которых сохранились не все детали орнамента; в группе 5 их найдено два (рис. 140: 2, 8).

Остальные сосуды с шевронами украшены вписанными углами или узором из линий и их групп. Таких горшков в группе 1 оказалось пять (рис. 130: 3, 4, 9; 132: 18, 25); в группе 3 их найдено два (рис. 135: 1, 5, 26); в группе 4 они представлены четырьмя экземплярами (рис. 136: 6, 11; 137: 9, 10), столько же их найдено и в группе 5 (рис. 140: 3, 8, 9).

Среди других узоров горшков, отнесённых к группе «с богатым орнаментом», можно отметить украшение плечиков, а в одном случае и горла сосуда (рис. 135: 19) различного вида треугольниками. О группе 2 уже говорилось, там это единственный вид богатых украшений; что же касается остальных групп, то там треугольники разнообразны и имеют различную штриховку. Сосудов, украшенных треугольниками, в группе 1 оказалось два экземпляра (рис. 130: 5; 132: 23); в группе 3 их было тоже два (рис. 135: 4, 19); в группе 4 найдено девять таких горшков (рис. 136: 1, 6, 13, 14; 137: 5, 10, 22, 24; 138: 13); а в группе 5 их встречено восемь целых и во фрагментах (рис. 139: 1, 4, 5, 11).

Из треугольников, обращённых вершинами в разные стороны и заштрихованных в разном направлении, образованы «ковровые» полосы на плечиках или тулове горшка. Такие сосуды оказались не во всех группах. В группе 3 (рис. 135: 19, 24), в группе 4 (рис. 137: 22, 24) и в группе 5 (рис. 139: 4; 140: 19) найдено по два горшка с таким орнаментом. Нужно отметить ещё один вид орнамента, всегда индивидуальный, но близкий по рисунку. Это разбросанные в беспорядке или сгруппированные по два правильные или новые ромбы. В группе 1 был один сосуд (рис. 130: 1), а в группе 4 их найдено четыре (рис. 137: 1, 13, 23; 138: 9), а в группе 5 один фрагмент (рис. 140: 25).

Орнаменты наносились острой палочкой путём прочерчивания линий. Но встречаются и сосуды, украшенные зубчатым штампом. Им украшены горшки в основном с богатым орнаментом. В группе 1 зубчатый штамп был встречен всего на одном

сосуде (рис. 132: 22); в группах 2 и 3 он не был обнаружен. В группе 4 семь сосудов орнаментировано зубчатым штампом (рис. 136: 4, 10; 137: 1, 4, 13, 18, 23; 138: 15); в группе 5 таких горшков оказалось пять (рис. 139: 1, 3, 8; 140: 6, 19).

Таким образом, в характере украшений и способов нанесения орнамента также наблюдаются некоторые отличия между группами. В группе 2 сложных орнаментов, за исключением углов, нет, как нет там и зубчатого штампа. В группе 1 в единичных экземплярах присутствуют почти все виды орнаментов, в группе 3 встречены некоторые из них, а группа 4 даёт по несколько сосудов, близких по своим украшениям. В группе 5 хотя представлены и не все виды богатых орнаментов, но они встречаются на нескольких сосудах. То же можно сказать и о зубчатом штампе. Следовательно, по видам, частоте использования и способу нанесения богатых орнаментов наблюдаются достаточно ясные особенности именно тех групп, для которых уже были отмечены отличия при разборе форм горшков и использования простых орнаментов, а именно: между первой и четвертой группами. Причём к последней близка группа 5, а группа 2 сближается с группой 1.

Выявление особенностей посуды каждой группы позволяет рассмотреть вопрос о том, как сочетаются в отдельных курганах или могилах каждой из групп горшки разных форм. Это нужно сделать ещё и потому, что попытка Э.А. Новгородовой (Новгородова, 1970) разделить карасукскую посуду на группы по форме горшков была подвергнута критике (Зяблин, 1977) на том основании, что сосуды, имеющие разные признаки, встречаются в одних и тех же комплексах.

В некоторых курганах и могилах Сухого Озера II, впрочем, как и в других могильниках, встречено по несколько горшков, что позволяет выявить особенности сочетаний разных деталей форм в одном комплексе.

На Сухом Озере II оказалось 62 кургана, из которых происходит по несколько горшков. В некоторых из них найдено по два горшка в одной или в разных могилах, в других по три и более. Рассматривая находки двух горшков в одном кургане или могиле, нетрудно заметить, это и неудивительно, что большинство горшков могильника имеет круглое дно. Чаще всего встречаются сочетания круглодонных горшков. Больше половины этих

Фото 16. Ограда кург. 236. Сосуд

Photograph 16. Enclosure of tumulus 236. A vessel

случаев падает на первую группу, в которой их 10, во второй и третьей группах по 2 случая, в четвёртой один, а в пятой три. Такое распределение понятно, так как круглодонная посуда больше всего свойственна первой группе, где отсутствует плоскодонная, и очень мало горшков с уплощённым дном. Вместе с тем в других группах имеются случаи сочетания круглодонной посуды с сосудами с уплощённым и плоским дном. Для четвёртой группы, где плоскодонных сосудов больше, чем в других, можно отметить пять случаев совместного нахождения в одном комплексе двух плоскодонных горшков.

Таким образом, можно видеть, что ведущие формы посуды той или иной группы дают наиболее частые сочетания, но наряду с этим имеются случаи совместных находок разнохарактерной по форме керамики в одном памятнике.

Особенно наглядно это проявляется в тех курганах, откуда происходит по несколько горшков. Так, в кургане 349 (гр. 1) найдены: четыре круглодонных горшка, один с уплощённым дном, и у одного дно отсутствует (рис. 16). Во всех остальных

случаях находок нескольких горшков в одном кургане первой группы наблюдаются сочетания круглодонных форм либо круглодонных с горшками с неясной формой дна.

В группе 2 раскопаны три кургана, откуда происходит по несколько горшков. В кургане 295 в двух могилах найдено пять сосудов, из которых три имели круглое дно, а один уплощённое (рис. 46). Из четырёх могил кургана 263 также происходит пять горшков. Из них по два имели круглое и уплощённое дно, а у одного характер дна неясен (рис. 40). В кургане 247 в одной из могил оказалось три, по всей видимости, круглодонных горшка, а в другой один плоскодонный индивидуальной формы (рис. 37).

В группе 3 в кургане 120 наблюдалось сочетание плоскодонного горшка с двумя круглодонными и двумя с неясным дном (рис. 62). В кургане 78 найдено три горшка с плоским, уплощённым и неясным дном (рис. 56).

В группе 4 о сочетании разных форм посуды можно судить по её находкам в двух курганах. Так, в кургане 141 из разных могил происходит три со-

суда с плоским дном, два с уплощённым и два с круглым (рис. 86). В кургане 145 найдено три горшка с плоским дном, уплощённым и круглым дном (рис. 88). Есть ещё несколько курганов с большим количеством горшков, но там много таких, у которых дно не сохранилось.

В группе 2 в кургане 275 было пять сосудов, у двух из которых дно не сохранилось, а три другие круглодонные (рис. 41). В группе 5 кургана 308 все три горшка имели круглое дно (рис. 120). А в группе 1 кургана 329 один сосуд имел уплощённое дно, два круглое и ещё у одного дно отсутствовало (рис. 123).

Приведённый обзор показал, что характер сочетаний различных форм горшков в каждой группе зависит от того, какие формы в ней преобладают. Так, если для группы 1 основной формой являются круглодонные горшки, то именно они дают основное количество сочетаний в курганах. Что же касается группы 4, где много плоскодонных и с уплощённым дном горшков, то здесь и больше сочетаний как плоскодонных сосудов между собой, так и их с круглодонными. Поэтому отличия между группами определяются не формами встречающихся там горшков, а соотношением этих форм. Отсюда разделение керамики на разные виды имеет значение для анализа её самой и для установления удельного веса той или иной формы в конкретном памятнике. Только соотношение разных форм посуды в могильнике свидетельствует о его отличии от других и его собственных особенностях.

Теперь можно рассмотреть орнаментацию посуды с тем, чтобы определить, могут ли орнаменты явиться основой для объективного разделения карасукской керамики на классификационные группы.

Наиболее наглядно сочетание сосудов с разной орнаментацией в одной могиле или одном кургане можно проследить на совместных находках богато украшенных горшков с другими. В группе 1 такие сочетания отмечены в пяти курганах. В кургане 527 в разных могилах находились нарядный горшок и три сосуда, украшенных несколькими желобками (рис. 35). В кургане 349 в одной могиле оказалось два нарядных горшка и два с ямками (рис. 16). В кургане 361 в разных могилах находились: в одной нарядный горшок и горшок с желобками, в другой горшок с ямками. В кургане 471 в одной могиле найдены обломок нарядного горшка и сосуд с же-

лобками (рис. 27: 2, 3). В кургане 387 в двух могилах оказалось по одному нарядному горшку в сочетании в одном случае с сосудом, украшенным ямками и насечками, а в другом — с сосудом без орнамента (рис. 23: 4–7).

В группе 2 в трёх случаях найдены нарядные горшки в сочетании с другими. В кургане 255 в одной могиле оказались найдены нарядный горшок и горшок с несколькими желобками (рис. 134: 12, 16). В кургане 263 в разных могилах найдены нарядный горшок, сосуды, украшенные ямками и насечками, а также два без орнамента (рис. 40: 7–10). В кургане 247 из разных могил происходят нарядный горшок индивидуальной формы, сосуды с ямками и насечками, с желобками и без орнамента (рис. 37: 6, 8–10).

В группе 3 в трёх курганах оказались по-разному украшенные горшки. В кургане 120 два нарядных горшка найдены с двумя сосудами, украшенными желобками, и один с ямками и насечками (рис. 62: 3–7). В кургане 212 в разных могилах найден нарядный горшок вместе с украшенным зигзагом. В кургане 78 так же в разных могилах оказался нарядный горшок и два сосуда без орнамента (рис. 56: 2; 57: 4–6).

В группе 4 в одиннадцати курганах найдены нарядные сосуды в различном сочетании с другими. В трёх курганах только нарядные горшки: в кургане 45 их было четыре в разных могилах (рис. 67: 3–6, 10); в кургане 68 также в разных могилах найдено два (рис. 75: 9–10). В кургане 71 в одной могиле два (рис. 77: 3–4). В кургане 47 в одной могиле оказалось два богато орнаментированных горшка и один без орнамента (рис. 68: 5–7). В кургане 53 в разных могилах найдены нарядный горшок, второй, украшенный зигзагом, и третий без орнамента (рис. 69: 5–7). Также из разных могил кургана 81 происходят нарядный горшок, сосуд с зигзагами и два неорнаментированных (рис. 80: 11, 12, 18, 19). В кургане 141 в разных могилах было четыре нарядных горшка, один с зигзагом и один с зигзагом и ямками (рис. 86). В кургане 144 в разных могилах оказались нарядный горшок и два с зигзагами, причём один из них украшен зубчатым штампом (рис. 84: 4, 6). В кургане 145 было два нарядных горшка и один без орнамента (рис. 88: 4–6). В кургане 147а два нарядных и три без орнамента (рис. 89: 6–8, 13, 16), в кургане 163 два нарядных и один с желобками (рис. 91: 4–6).

В группе 5 в пяти курганах было найдено по два нарядных горшка (курганы 215, 223, 236, 248, 302) (рис. 139: 7, 4, 11, 8; 140: 5, 2, 24, 6, 1, 3). В кургане 273 оказались один нарядный, три без орнамента и один с ямками (рис. 118: 2–6). В кургане 228 также в разных могилах один нарядный и второй без орнамента (рис. 105: 9, 10). Единственный сосуд из кургана 213, украшенный шишечками, был найден вместе с горшком без орнамента (рис. 100: 6, 7).

Можно продолжить рассматривать и другие сочетания по-разному украшенных горшков в одной могиле или одном кургане, но за некоторым исключением картина будет аналогичная. Будет только меняться количество некоторых сочетаний, что обусловлено уже отмеченными выше особенностями орнаментов в каждой группе.

Стоит обратить внимание на три случая находок большого количества горшков в курганах группы 1. Так, в кургане 525 из пяти найденных горшков четыре было с желобками и один без орнамента (рис. 34: 4–8). В кургане 448 из шести горшков три украшены ямками, один ямками и насечками и два желобками (рис. 24: 3–8). В кургане 325 из восьми горшков семь имели желобки и один ямки (рис. 9: 8–15). Аналогичная картина наблюдается и в кургане 295 группы 2, здесь из пяти сосудов четыре не имело орнамента, а один украшен ямками (рис. 46: 6–10).

Таким образом, указанные примеры сочетаний в одном кургане сосудов с различным орнаментом приводят к выводам, аналогичным тем, которые были получены при рассмотрении взаимодействаемости сосудов разной формы. В разных группах могильника наблюдается различное сочетание видов орнамента, причём для каждой группы, в зависимости от того, какие (орнаментальные) мотивы в ней преобладают, характерна частота совместных находок в кургане разноукрашенных сосудов. Там, где много украшенных сосудов больше, они чаще встречаются с себе подобными или с сосудами, украшенными беднее. Там же, где преобладают простые орнаменты, наиболее часты именно их сочетания. Во всех группах все виды орнаментов взаимосочетаются, хотя и в разном количестве. Следовательно, класть орнаменты в основу классификации карасукской посуды нельзя, так как с их помощью не удаётся выделить объективно существовавшие группы посуды. Деление же на группы сосудов по орнаментам имеет только вспомога-

тельное значение для анализа керамики и выяснения её особенностей в том или ином памятнике или же отдельных его частях.

Индивидуальность богато украшенных сосудов и большое количество неорнаментированных или же имеющих очень простой орнамент в подавляющем большинстве случаев не даёт возможности выявить горшки, изготовленные одной рукой. А вместе с тем наличие горшков, сделанных одним мастером, и находки их в разных курганах могильника может явиться указанием на определённые родственные связи погребённых на кладбище. Поэтому особое значение приобретают те несколько случаев, когда с несомненностью устанавливается изготовление горшков одним человеком.

В кургане 36, в могиле 1 найден сосуд с богатым орнаментом (рис. 130: 4). Это круглодонный горшок, по шейке которого идут бороздки, а под ними свисают углы, образованные поперечно заштрихованной полосой. Ниже углов идёт бороздка, прочерченная палочкой, окаймляющая образованные полосой углы. С наружной стороны прочерченной линии нанесены короткие вертикальные бороздки. Обломок такого же горшка с точной копией орнамента найден в кургане 489, также расположенного в первой группе (рис. 130: 9). Описанный орнамент встречен только на двух сосудах, они аналогичны и по своим размерам: высота 17,5 и 18 см, наибольший диаметр 22,5 и 23 см, что и позволяет считать их изготовленными одной рукой.

Второй случай, где можно почти не сомневаться в том, что сосуды сделаны одной рукой, наблюдается среди горшков пятой группы. Здесь оказалось три горшка, несколько отличающиеся от всей остальной посуды могильника своими пропорциями и формой. Тулово сосуда представляет собой низкую широкую чашу, над которой сделана изогнутая наружу относительно высокая шейка. Переход от стенки к шейке очень резкий, дно в двух случаях уплощённое, в третьем плоское, но без резкого перехода в стенки. Сосуды коричневые, со следами лощения, в тесте небольшая примесь слюды. Два сосуда орнамента не имеют, а третий нарядно украшен геометрическим узором, заполненным белой пастой. Два первых найдены в курганах 246 и 252 (рис. 139: 9, 10), а с орнаментом — в кургане 374 (рис. 140: 21).

Других столь ярких примеров обнаружить не удалось, но можно отметить два близких по орна-

ментации горшка из четвёртой группы. Найдены они в курганах 45 и 47, один из них целый, а второй фрагментированный (рис. 137: 13, 23). У них на тулове помещены по два как бы подвешенных один к другому заштрихованных ромба. На целом сосуде эта композиция повторяется по всему периметру тулова. Нанесён орнамент в обоих случаях зубчатым штампом. А вот переход от шейки к плечикам у них оформлен по-разному, так что утверждать, что они сделаны одним человеком, можно только предположительно.

Стоит отметить ещё два случая находок одинаковых горшков, правда в одном кургане, но в разных могилах. Так, в кургане 325, где, как указывалось, найдено семь сосудов с желобками и один с ямками, все семь производят впечатление сделанных одним человеком. Они несколько отличаются друг от друга только размерами и цветом, который зависит от интенсивности обжига (рис. 9: 8–15). Но два из них, происходящие из могил 3 и 5, настолько близки по всем показателям, что их можно принять за один и тот же горшок. В данном случае сомнение, что они вышли из-под руки одного мастера, вряд ли возможно. Аналогичная картина и в кургане 448. Здесь в могилах 1 и 3 найдены верхние части горшков, украшенных ямками (рис. 24: 3, 4, 7, 8). Они по всем своим данным полностью идентичны.

Заканчивая рассмотрение посуды могильника Сухое Озеро II, нужно сказать, что среди посуды других карасукских могильников в целом она не выделяется, разве только количеством богато орнаментированных сосудов. Вместе с тем при анализе керамики Сухого Озера II удалось впервые установить, что в разных частях могильника формы горшков и их орнаментация имеют свои особенности, проявляющиеся в первую очередь в соотношении разных типов посуды и преимущественном использовании определённых видов орнамента.

Следовательно, можно говорить, с одной стороны, о том, что между разными частями могильника нет коренных принципиальных отличий, которые свидетельствовали бы о разной их культурной принадлежности; с другой стороны, отмеченные особенности каждой группы, отсутствие в некоторых из них отдельных видов сосудов и орнаментов показывает, что они не идентичны. Их отличия можно попытаться объяснить тем, что в карасукском по-

сёлке, оставившем могильник Сухое Озеро II, было несколько коллективов, каждый из которых имел отдельное небольшое кладбище, где хоронил своих членов. Однако это объяснение вряд ли является правильным. Скорее здесь имеют место хронологические отличия между группами, а отмеченные особенности в формах сосудов и орнаментации свидетельствуют о внутренних процессах, идущих в карасукской культуре, об отмирании одних и о возникновении и развитии других форм посуды и видов украшений, здесь намечается динамика развития карасукской керамики.

К этому вопросу ещё придётся вернуться в следующей главе, где будет предпринята попытка установить место Сухого Озера II среди других ведущих карасукских могильников.

1.5. Инвентарь могильника

Как уже говорилось, практически все могилы на Сухом Озере II оказались либо ограбленными, либо сильно повреждёнными, но, несмотря на это, могильник, в целом, дал довольно значимый по сравнению с другими набор вещей. Если керамика была встречена в большей части могил, так как она не представляла ценности для грабителей, то изделия из бронзы являлись именно тем объектом, из-за которого происходило ограбление карасукских могил. В тагарское время одним из основных источников получения металла являлась добыча его из могил более ранних эпох (Максименков, 1975б). Практически тагарцы раскапывали все могилы подряд, и в первую очередь карасукские. Судя по часто встречающимся следам окислов на костях, а также по находкам бронзовых вещей в отдельных чудом не до конца ограбленных могилах, в карасукских могилах было довольно много металлических изделий, представленных в первую очередь ножами, а также различными украшениями. Вполне возможно, что в некоторых из них могло быть и оружие, и некоторые орудия труда, но такие могилы пока археологам не попадались.

В могильнике Сухое Озеро II были найдены ножи и их обломки, шилья, различные кольца и браслеты, подвески и другие украшения из бронзы и кости, а также гребни и наконечники стрел. Их рисунки выполнены художником Л.Н. Барановым (краткая история сотрудничества этого художника с археологами изложена в статье Э.Б. Вадецкой (Вадецкая, 2012). — А. П.).

Ножи. Наибольшее значение, по мнению многих исследователей, имеют ножи. Во-первых, потому, что именно их рассматривают как основные предметы, с помощью которых датируют как саму карасукскую культуру, так и отдельные ее периоды. Во-вторых, потому, что именно этот вид инвентаря представлен наибольшим количеством различных вариантов, что позволило некоторым исследователям выстроить из них эволюционный ряд и рассматривать их изменения как хронологический показатель (Хлобыстина, 1961; 1962; 1963; Новгородова, 1970; Членова, 1972). Соглашаясь с тем, что ножи действительно на протяжении всей карасукской культуры постепенно изменяются, нужно отметить, что та последовательность и то направление изменений, которые пытаются доказать указанные исследователи, не находят себе подтверждения в объективном материале. Подробно этот вопрос будет рассмотрен в следующей главе, здесь же необходимо отметить, что Сухое Озеро II дало находки только изогнутых ножей (фото 17; рис. 126).

Всего в могильнике найдено четыре целых ножа, четыре частично обломанных, но таких, по которым можно судить о форме ножа в целом, и девять обломков клинков (рис. 126: 1–7, 9–19). Ножи

и их обломки происходят из 1, 3, 4 и 5-й групп курганов, в то время как в группе 2 не было найдено ни одного ножа или обломка, поэтому целесообразно рассматривать их по группам.

В группе 1 происходит два целых и пять обломков нижних частей клинков.

Нож с кольцом и тремя выступами (рис. 126: 2) найден в могиле 1 кургана 381, где с ним оказалось шило и бронзовые кольца. Нож представляет собой слабоизогнутую пластину длиной 17 см с обломанным нижним концом. Навершие в виде уплощённого кольца, сверху и по сторонам которого находятся три выпуклых бугорка. Ручка прямая плоская, с прогибом внутри, отчего в сечении напоминает двутавровую балку, края значительно толще середины ручки. Ниже кольца, а также внизу ручки поперёк её идёт два валика. С наружной обушковой части против каждого валика имеется небольшой выступ. Валики отделяют рукоятку от клинка. Клинок под валиками несколько шире рукоятки. Лезвие образует плавный выступ, а дальше сужается, сближаясь с обушком. Обушковая часть ножа на всем протяжении значительно толще остального ножа, в результате чего сечение клинка имеет треугольные очертания.

Фото 17. Целый нож и клинки двух ножей. Ограда кург. 349, мог. 1, 4

Photograph 17. A whole knife and two blades. Enclosure of tumulus 349, grave 1, 4

Нож с кольцевым расширением (рис. 126: 4) происходит из могилы 1 кургана 349. Навершие в виде широкого кольца, толстого внутри и постепенно утончающегося снаружи. Ручка и клинок в виде слабоизогнутой пластины. Общая длина ножа 24 см. Ручка с параллельными краями, плоская, с прогибом в центральной части. В сечении напоминает двутавровую балку; по центру ручки вдоль неё идёт выпуклый валик, в сторону которого от краёв ручки несколько к ней под углом направлены короткие выпуклые отростки, напоминающие зубья гребёнки. На границе ручки и клинка идут два поперечных выпуклых валика. Ниже их, заходя на клинок и постепенно сходя на нет, прослеживается вдавление. Клинок ниже ручки незначительно плавно расширяется, а затем постепенно сужается к обушку. Обушок утолщённый, по середине проходит ребро. В целом сечение клинка треугольное.

Один из обломков представлен целым клинком с переходом к рукоятке (рис. 126: 9). Он найден в могиле 2 кургана 527. Судя по нему, нож представлял собой слабоизогнутую пластину. Судить о характере навершия и ручки невозможно. Клинок ниже ручки несколько расширяется, а затем плавно сужается к обушку. Сечение клинка треугольное. Остальные обломки ножей представлены концевыми частями клинков (рис. 126: 12, 13, 16, 17), судить по которым о ноже в целом невозможно. Единственно, что можно сказать, что они также представляли собой слабо изогнутые пластины, а сечение у всех треугольное.

Из группы 3 происходит два практически целых ножа. Нож с кольцевым расширением (рис. 126: 3) из кургана 83. Навершие в виде кольца, толстого внутри и утончающегося снаружи. Кольцо довольно узкое. Тело ножа в виде слабоизогнутой пластины с толстой обушковой частью, длиной 18 см. Ручка с параллельными краями имеет слабый прогиб внутри. В месте перехода ручки к лезвию имеется небольшое расширение, а затем клинок слабо сужается к концу. Сечение клинка треугольное.

Нож с кольцевым расширением (рис. 126: 5) из кургана 110 в виде слабоизогнутой пластины длиной 19,5 см. Кольцо, толстое внутри, постепенно сужается снаружи, ручка с параллельными краями имеет прогиб в середине. На границе ручки и клинка отлиты три поперечных валика. Клинок под руч-

кой несколько расширен, а затем плавно сужается к концу. Сечение клинка треугольное.

Из четвёртой группы происходит целый, два фрагментированных ножа и три концевых обломка.

Нож с кольцевым расширением (рис. 126: 6) из могилы 3 кургана 81 в виде слабоизогнутой пластины с обломанным концом, длиной 15,5 см. Кольцо с неправильным отверстием, толстое внутри и постепенно сужающееся снаружи. Ручка с параллельными утолщёнными краями имеет прогиб в середине. Клинок под ручкой расширения не имеет. Вдоль всего обушка идёт как бы валик. Клинок в сечении треугольный.

Нож с обломанным навершием (рис. 126: 10) из могилы 2 кургана 64 в виде слабоизогнутой пластины со слегка отогнутым к обушку концом. Ручка с параллельными утолщёнными краями, с углублением посередине, доходящим до начала клинка, клинок вверху несколько расширяется, а затем плавно сужается к концу. Сечение клинка треугольное.

Три обломка концевых частей позволяют судить только о том, что они происходят от ножей в виде слабоизогнутых пластин. Сечение всех обломков треугольное (рис. 126: 11, 12, 18).

Из группы 5 происходят: один целый нож, один обломанный и концевой кусок.

Нож с кольцевым расширением (рис. 126: 1) из могилы 4 кургана 252 в виде слабоизогнутой пластины длиной 22,5 см. Навершие в виде кольца с толстой внутренней частью и утончающегося снаружу. Ручка с параллельными утолщёнными краями и прогибом внутри, в сечении напоминает двутавровую балку. На месте перехода в клинок имеется три поперечных валика. Клинок вверху несколько расширяется, а затем постепенно сужается к концу. Обушок, утолщённый с идущим вдоль него небольшим валиком. Сечение клинка треугольное.

Верхняя часть ножа с кольцевым расширением (рис. 126: 7) из могилы 1 кургана 248а в виде слабоизогнутой пластины длиной 13,5 см, клинок почти весь отломан. Кольцевое навершие с толстой внутренней частью, сужающееся к краям. В месте перехода в клинок расширения нет. Сечение клинка треугольное.

По маленькому обломку (рис. 126: 15) можно судить только, что клинок имел треугольное сечение.

Рассматривая в целом ножи Сухого Озера II, трудно заметить, что в принципе они все однотипны. Все они представляют собой слабоизогнутую пластину, у всех ручка с прогибом, в сечении имеет вид двутавровой балки, клинок у всех треугольный в сечении, кроме одного все завершаются кольцевым расширением, и только один имеет на кольце три выступа. Отличия касаются орнамента на ручках. У половины клинок от ручки вообще ничем не отделяется, у четырёх других переход подчеркнут поперечными валиками.

Шилья (рис. 125: 50–60). Представлены одиннадцатью экземплярами. Все они в виде четырёхгранного узкого стржня длиной от 7 до 3 см. У двух оба конца стержня заострены, у остальных, насколько об этом можно судить, один конец острый, а второй притуплён. В отношении этих шильев можно предполагать, что они вставлялись в костяную или деревянную рукоятку более широким концом.

Бронзовые пластинки (рис. 125: 62–65). Найдены в трёх могилах, их назначение неясно. Существует предположение Н.Л. Членовой, что они могли служить миниатюрными ножичками, но утверждать это невозможно.

Наконечники стрел каменные (рис. 127: 1–5). Найдены в нескольких могилах. В одном случае он оказался застрявшим в лопатке человека (рис. 127: 6). Все наконечники имеют удлинённо-треугольную форму с прямым или едва заметно вогнутым основанием. Они аккуратно обработаны тонкой отжимной ретушью.

Гребни. Довольно редкая находка в могилах карасукской эпохи, хотя и характерная для них. На Сухом Озере II найдено два гребня из кости или рога. Один из них из кургана 363 представляет собой удлинённый предмет 17,5 см, довольно узкий, с полукруглой в сечении ручкой. На нижней плоской расширенной части прорезаны относительно короткие и толстые зубцы (рис. 127: 8). Второй изготовлен из изогнутой относительно тонкой пластины, общими очертаниями напоминающий перевернутую на меньшее основание удлинённую трапецию высотой 13 см (рис. 127: 9). В нижней, более узкой части прорезаны тонкие зубцы. Верхняя, массивная часть имеет с боков полукруглые перехваты, выше которых находятся четыре прорезанных прямоугольных удлинённых отверстия. Верх гребня завершается тремя выступами, одним в центре и двумя по краям. Последние, видимо,

имитируют какие-то изображения, но детали их не проработаны (гребни и чесала этого периода детально рассмотрены в моей статье (Поляков, 2005). — А.П.).

Среди других вещей, найденных в могилах, которые можно отнести и к категории орудий труда, имеется два образца трубчатых костей животных. Одно из них изготовлено из трубчатой кости барана, у которой отпилены эпифизы, на одном конце сбоку сделано отверстие. Назначение трубки не ясно (рис. 127: 11). Второе представляет собой обрзок трубчатой кости длиной 5,5 см, скорее всего птицы. Эта трубочка могла служить игольником (в разрезе на рисунке она не выглядит полый. — А.П.) (рис. 127: 13).

Из могилы 2 кургана 247 происходит костяное шило. Оно сделано из обломка кости и в плане представляет собой сильно удлинённый треугольник, широкая часть которого служила ручкой, а противоположная — рабочим концом, заполированным остриём (рис. 127: 12).

Кроме того, в кургане 499 оказалась роговая ручка плети (рис. 127: 10). Она представляет собой отросток рога, в комлевой части которого просверлено косое сквозное отверстие. Она заполирована и залощена.

Перечисленными вещами исчерпываются те из них, которые можно относить к орудиям труда. Но ими не исчерпываются все находки из могильника Сухое Озеро II. Значительную часть происходящих из него вещей представляют различные украшения.

Браслеты. В могиле 1 кургана 246 на левой руке скелета, скорее всего женского, найден широкий браслет (рис. 128: 46). Он представляет собой бронзовую пластину 3 см шириной, по краям и посередине наружной стороны которой идут валики, украшенные косыми насечками. Концы браслета обломаны.

Пластинчатый браслет представлен единичной находкой. Наряду с ним в нескольких могилах были найдены браслеты, изготовленные из округло-овальной проволоки. Это кольца диаметром около 5 см с заострёнными или закруглёнными концами. Браслеты свёрнуты из проволоки в полтора оборота. Использование этих больших колец именно как браслетов фиксируется их находками на запястьях (рис. 128: 29, 30, 37).

Другие кольца чуть меньшего диаметра использовались в качестве серёг или височных колец

(фото 18). Находятся они обычно около черепа. Два из них были свёрнуты из проволоки в два оборота (рис. 128: 44, 45), у остальных же концы упирались один в другой или незначительно друг за друга заходили (рис. 128: 11–17; 25–27; 31–36). Значительное количество колец диаметром 2,5–3 см также являлись серьгами или же височными кольцами, чаще всего у них концы несколько заходят один за другой (рис. 128: 2–10; 18–23). Кроме перечисленных имеются колечки несколько меньшего диаметра. Некоторые из них найдены на фалангах пальцев и являлись, следовательно, кольцами (рис. 128: 1, 20).

В могиле 7 кургана 142 оказалась на шее скелета проволочная тонкая гривна, сделанная из куса проволоки с заострёнными концами (рис. 128: 41). В ряде других могил были найдены только мелкие обломки проволоки, судя по изгибу, служившие также кольцевыми украшениями. Одно из них завершалось щитками, образованными свёрнутой в спираль проволокой (рис. 128: 28). Был ли это перстень или браслет, последнее скорее, судя по

обломкам слабоизогнутой проволоки, достоверно судить трудно. Но само завершение концов интересно, так как характерно для украшений предшествующего андроновского времени.

Бронзовые украшения представлены и рядом других вещей. Пронизки, короткие и длинные трубочки, свёрнутые из тонких раскованных бронзовых листков (рис. 125: 41, 46–49). Бляшки в виде двух, трёх или четырёх кружков, выпуклых с одной стороны и имеющих небольшое вдавление на обороте, соединённых в одну линию перемычками (рис. 125: 15–21, 23–26). Гвоздевидные бляшки, представляющие собой короткие тупые гвоздики с круглой, вогнутой изнутри шляпкой (рис. 125: 37, 38, 42). Довольно крупные, до 1,9 см в диаметре, литые круглые бляшки с петелькой-перемычкой на обороте (рис. 125: 27–33). Одна такая бляшка оказалась надетой на кусок изогнутой проволоки и, видимо, являлась украшением браслета (рис. 125: 39).

Из могильника происходит три лапчатых подвески, оканчивающиеся тремя зубцами. У двух из них боковые стороны с зубчиками, а у одной глад-

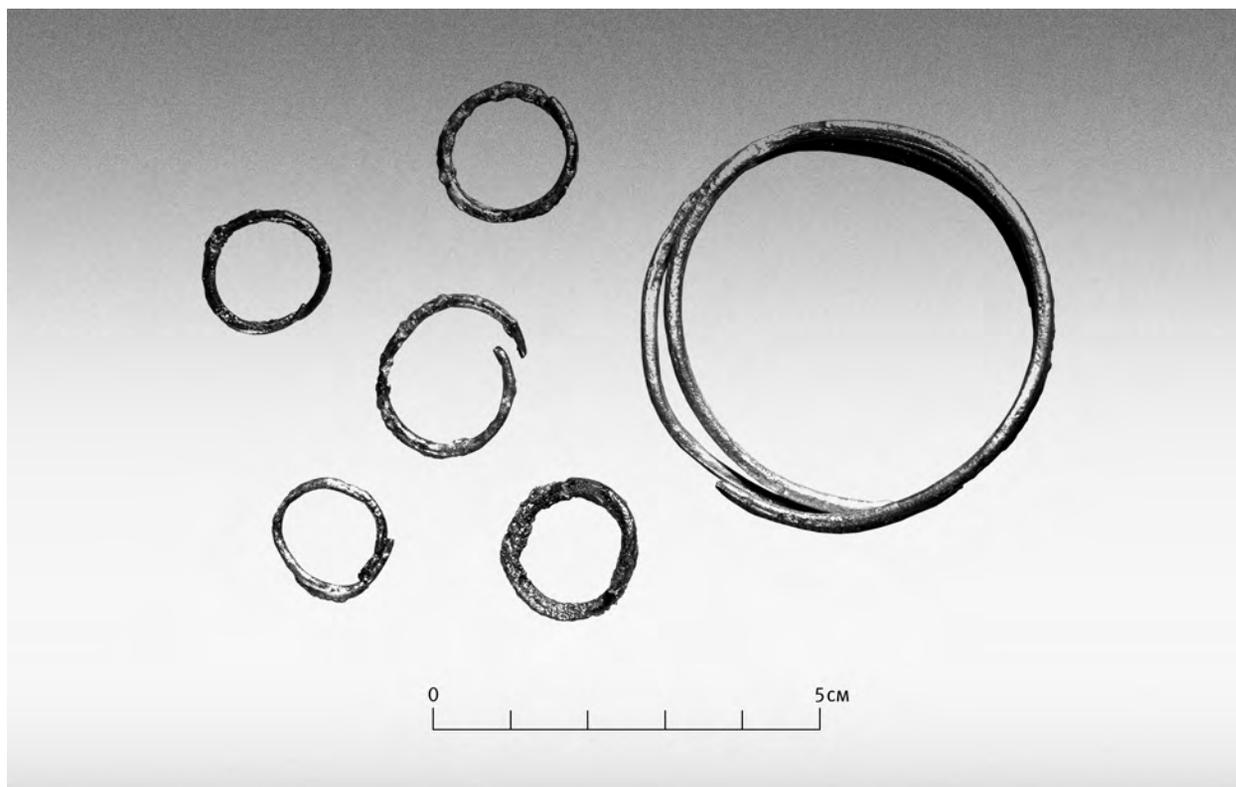

Фото 18. Ограда кург. 45, мог. 3, кольцо; кург. 67, мог. 3, кольцо; кург. 349, мог. 3–4, браслет и кольцо

Photograph 18. Enclosure of tumulus 45, grave 3, a ring; tumulus 67, grave 3, a ring; tumulus 349, grave 3–4, an armlet and a ring

кие (подробно лапчатые привески разобраны в моей статье (Поляков, 2006). — А.П.) (рис. 125: 43–45). Кроме того, найдены кольцевые, менее сантиметра в диаметре, бронзовые бусы (рис. 125: 27–33). Другие бусы сделаны из белого камня. Большинство из них представляют собой тонкие колечки, но имеются и короткие каменные трубочки (рис. 125: 2, 3). В качестве подвесок или бус использовались и зубы животных, у которых в нижней части было просверлено отверстие для подвешивания (рис. 125: 6–13).

Перечисленными вещами исчерпывается инвентарь могильника. Нужно отметить, что все найденные в нём вещи, будь то ножи или украшения, представлены теми формами, которые встречаются и в других собственно карасукских могильниках. И среди находок полностью отсутствуют вещи, характерные для каменноложских памятников.

1.6. Обряд погребения и некоторые черты карасукского общества

После того как были рассмотрены конструкции могильных сооружений и могил, а также погребальный инвентарь, можно перейти к характеристике погребального обряда могильника Сухое Озеро II. Погребальный обряд — это те узаконенные обычаями действия и церемонии, которые совершали живые по отношению к умершим сородичам. Действия эти были связаны не только с самим погребением, но начинались сразу же после смерти человека, когда его готовили к переходу в другой мир, обряжали, прощались с ним и т.д. Продолжением их являлся сам акт погребения и непосредственная к нему подготовка в виде возведения могильного сооружения, выкапывания могилы, помещения в неё трупа и установка сопровождающего инвентаря и погребальной пищи. А затем те обряды и действия, которые совершали непосредственно после захоронения и спустя какое-то время после него. Естественно, что далеко не о всех чертах и особенностях погребального обряда удаётся судить по археологическим материалам. Можно говорить только о тех чертах и деталях, которые овеществлены непосредственно в могильном памятнике.

Однако на пути к детальному изучению этой части погребального обряда серьёзным препятствием служит сохранность могильных памятников. Для карасукской культуры это особенно за-

метно из-за почти полного ограбления могил в древности и отсутствия в большинстве случаев антропологических определений. Именно поэтому те крайне незначительные остатки, сохранившиеся в непо потревоженном виде, приобретают особое значение для изучения. В силу указанных причин они не могут претендовать на абсолютную достоверность, но всё же дают возможность охарактеризовать обряд в общих чертах.

Используя имеющийся по Сухому Озеру II материал, можно судить о последовательности действий при сооружении оград и могил, о способах помещения умерших в могилу, о характере и размещении погребального инвентаря, о некоторых особенностях, связанных с полом погребённых, а также об отдельных отличиях, наблюдающихся между выделенными группами внутри могильника.

Ограды на карасукском кладбище расположены очень тесно, почти примыкают друг к другу. Если системы, состоящие из нескольких смыкающихся оград, с учётом погребённых в них, не оставляют сомнения, что это семейные усыпальницы, то нет уверенности, что тесно расположенные индивидуальные ограды принадлежат близким родственникам, хотя наличие родственных связей внутри такого могильника несомненно. Оно доказывается находками одинаковых, сделанных одной рукой, горшков в разных оградах. Однако таких фактов немного, и поэтому неясно, сооружали ли очередную ограду рядом с близким родственником или же выбирали для её возведения просто свободный участок рядом с уже существующими оградами.

Сооружение погребального памятника начиналось с возведения ограды. Для этого приносили к месту будущей ограды из ближайших мест плиты песчаника соответствующей величины. Для них расслаивали блоки девонского песчаника, отколовшиеся от коренных выходов. На месте сооружения ограды, вероятно, размечались её будущие контуры. Для сооружения оград из вертикально поставленных плит вдоль всего периметра прокапывали неглубокий ровик, в который опускали плиты, стоявшие внахлест или тесно примыкавшие одна к другой. После чего ровик засыпали, укрепляя основания плит. Нужно думать, что в одной из сторон оставляли до завершения погребения проход, который позже закрывали. Вход ничем не был обозначен, и поэтому в настоящее время

определить его местонахождение не представляется возможным.

В тех случаях, когда ограду делали из плашмя положенных плит, их укладывали на размеченное место, подбирая торцы плит так, чтобы наружная сторона выглядела аккуратно. Здесь также, видимо, оставляли какую-то часть ограды недостроенной. После сооружения ограды внутри её выкапывали могильную яму. О таком порядке свидетельствуют наблюдения, сделанные в целиком раскопанных курганах. На Сухом Озере II под тонким дёрном идёт щебёнка — результат разрушения выходов девонского песчаника. Выброс из могильной ямы в виде щебёнки находился всегда внутри ограды, а в метровых траншеях, проложенных с внешней стороны ограды, он не встречался. Размеры могильной ямы определялись тем, кого хоронили. Для мужчин их делали более крупными, для женщин — в подавляющем большинстве случаев несколько меньшими, для детей и подростков их размеры определялись ростом и возрастом. Сама могильная яма, широкая наверху, несколько сужалась книзу. Стены ям, за очень редким исключением, облицовывали плитами, поставленными вдоль стен. Некоторый наклон стен придавал плитам устойчивость. Редко когда для каждой стены использовали одну плиту, значительно чаще вдоль стены стоит несколько небольших плит. В отдельных случаях по краям могилы укладывали небольшие плитки, с помощью которых как бы выравнивали окружающую поверхность. Такие могилы возводили в тёплое время года. Зимой, когда выкопать яму в мёрзлой земле было трудно, могилу сооружали на поверхности почвы. Делали её из мелких плит, подбирая их таким образом, чтобы внутри могила имела ровные стены. Наличие в карасукской культуре зимних и летних могил свидетельствует о том, что в эту эпоху умершего хоронили сразу же после смерти, в отличие, например, от афанасьевской культуры, когда умершего зимой где-то сохраняли до весны, ожидая, пока оттаёт земля.

В карасукских могилах органические остатки не сохраняются, поэтому о вещах, сделанных из них, можно судить только предположительно. Труп в могилу вряд ли клали просто на землю. Скорее всего, дно могилы было устлано, но следов органического тлена не отмечено. Несомненно, что умершего хоронили в одежде. Об этом можно судить по украшениям и бляшкам, кре-

пившимся на одежде, от которой также никаких следов не сохранилось.

Труп укладывали в могиле вдоль одной из длинных сторон, вплотную к ней. Чаще всего скелет лежит вдоль северной стены и только в очень редких случаях, когда погребённый лежал головой в противоположную от принятой ориентировки сторону, — у южной стены. Погребённого укладывали в могиле либо на спине, либо на левом боку, вытянуто (табл. IX). Наблюдается два положения: вытянуто на боку и слабо скорчено, с согнутыми в коленях ногами. Из-за отсутствия достаточного количества наблюдений установить зависимость положения трупа от пола, возраста или иных причин не представляется возможным. В целом же в могильнике преобладают положения на боку. Таких погребений 69,91 % от учтённых, в то время как на спине лежало лишь 30,09 %. Всего первоначально положение удалось установить в 113 случаях.

В карасукское время, по сравнению с предшествовавшими периодами, изменяется ориентировка погребённых. Если раньше умерших укладывали в могилу головой на ЮЗ, то теперь они лежат головой в противоположную сторону. В 256 случаях удалось установить ориентировку погребённых. Оказалось, что 102 из них (39,84 %) лежали головой на СВ, 74 (28,91 %) — на В, 70 (27,34 %) — на ВСВ. Остальные направления представлены единичными случаями. На ЮЗ было положено 5 погребённых (1,95 %), на ВЮВ всего 2 (0,78 %), а на С, ССВ и ЗСЗ по одному (0,39 %).

При погребении умершему в могилу ставили какое-то жидкое варево в горшке и клали мясо. Обычно горшок находится слева у головы, груди или на уровне таза. А мясо помещали ниже горшка напротив таза или ног (рис. 19: 5; 59: 2; 73: 9; 80: 4; 84: 11; 107: 2; 124: 6). Если горшков было два или три, то они также стояли перед верхней частью туловища погребённого (рис. 54: 2; 61: 2). Только в редких случаях мясо лежало перед верхней частью туловища, а горшки стояли у ног (рис. 15: 2). Остатки мясной пищи в виде костей барана, быка или очень редко лошади в непо потревоженных могилах лежат кучкой. Это свидетельствует о том, что первоначально они находились на каком-то, скорее всего деревянном блюде. Обычно под костями животных лежит и нож. Погребённому клали определённые куски мяса. В тех могилах, из которых кости животных были определены и где они сохранились все, оказывалось чаще всего три куска мяса: лопат-

Таблица IX. Положение и ориентировка погребённых в целом по могильнику и по группам

Table IX. Pose and orientation of the corpses in the groups and the cemetery in general

	Группа 1			Группа 2			Группа 3			Группа 4			Группа 5			Всего	
	Кол-во	%	% по мог.	Кол-во	% по мог.												
На левом боку	19	61,29	16,81	7	70	6,19	14	87,5	12,39	17	70,83	15,04	22	68,75	19,47	79	69,91
На спине	12	38,71	10,62	3	30	2,65	2	12,5	1,77	7	29,17	6,19	10	31,25	8,85	34	30,09
Всего:	31	100	28,32	10	100	8,85	16	100	14,16	24	100	21,24	32	100	28,32	113	100
С	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,61	0,39	1	0,39
ССВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,61	0,39	1	0,39
СВ	23	35,94	8,98	4	23,53	1,56	14	48,28	5,42	37	44,05	14,45	24	38,71	9,38	102	39,84
ВСВ	26	40,63	10,17	8	47,06	3,13	4	13,79	1,56	12	14,29	4,69	20	32,26	7,81	70	27,34
В	14	21,88	5,47	3	17,65	1,17	10	34,48	3,91	31	36,9	12,11	16	25,31	6,25	74	28,91
ВЮВ	—	—	—	1	5,88	0,39	1	3,45	0,31	—	—	—	—	—	—	2	0,78
ЮЗ	1	1,56	0,39	1	5,88	0,39	—	—	—	3	3,57	1,17	—	—	—	5	1,95
ЗСЗ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,19	0,39	—	—	—	1	0,39
Всего:	64	100	25	17	100	6,64	29	100	11,33	84	100	32,81	68	100	24,22	256	100

ка, несколько рёбер и кости ноги. В отдельных могилах найден двойной набор.

Между скелетом и остатками погребальной пищи, учитывая положение скелета, плотно прижатого к стенке, образовывались небольшие свободные места. По всей видимости, при погребении они были заняты вещами, изготовленными из органических материалов, но судить о характере этих вещей невозможно.

После завершения погребения могилу перекрывали плитами, обычно небольшими, положенными поперёк. Промежутки между ними закладывали более мелкими плитами или клали плиты в несколько рядов.

Над покрытием могилы возводили земляное сооружение, для чего нарезали дёрн и из него, как из кирпичей, складывали надгробие. Форма его не устанавливается, но можно предполагать, что в плане оно соответствовало форме ограды. Земляное сооружение было невелико и, видимо, не доходило до стен. В случае зимнего погребения земляное сооружение возводили после оттаивания земли, и оно, с учётом наземной могилы, было значительно больших размеров.

При раскопках карасукских оград, внутри их или непосредственно за их пределами, никаких

следов последующих ритуальных действий в виде остатков поминальных тризн или приношений не обнаружено. Поэтому трудно судить, совершались ли по прошествии некоторого времени поминальные обряды или их не было.

Интересно отметить ещё одну черту карасукских погребальных сооружений. В предшествующие и последующие эпохи для сооружения погребальных памятников использовали довольно крупные и тяжёлые каменные блоки, для передвижения и установки которых требовался труд значительного коллектива. Видимо, в погребении принимал участие весь коллектив родственников. Карасукские памятники сделаны из тонких, лёгких, небольших плит. Соорудить карасукскую ограду и могилу могло небольшое количество людей. В связи с этим с известной долей вероятности можно предполагать, что непосредственно в погребении и сооружении ограды принимали участие только ближайшие родственники умершего.

Всё вышесказанное характеризует карасукский погребальный обряд в общих чертах. Однако если попытаться рассмотреть его с учётом пола погребённых, то удаётся выявить некоторые дополнительные, глубже раскрывающие его особенности.

Мужские одиночные погребения в тех случаях, когда установлен пол, оказались в 76 могилах. Больше половины из них (37 могил) находились в основных оградах систем, несколько меньше (32 могилы) — в индивидуальных оградах, и только 2 могилы были в пристройках, но в тех системах, где в основной ограде также погребён мужчина. Отсюда следует, что мужчин хоронили либо отдельно, либо к их оградкам позже пристраивали другие.

Подавляющее большинство оград для мужских могил, как и в целом по могильнику, представлено четырёхугольными, из вертикально поставленных плит (54 ограды), 4 сооружены из плашмя положенных плит. Вторая по величине группа — круглые ограды из положенных плашмя плит (16 оград), а 2 сделаны из вертикально врытых плит. Половина всех круглых мужских оград приходится на группу 4, где круглые ограды преобладают над четырёхугольными. В остальных группах они единичны. На особенности оград каждой группы уже указывалось при их рассмотрении.

Размеры мужских четырёхугольных оград, как индивидуальных, так и основных, колеблются мало от 4 × 4 м до 6 × 6 м, но чаще всего они 5 × 5 м (20 оград). Площадь их от 16 до 36 кв. м. Две ограды были меньшего размера и 5 большего. Самая крупная четырёхугольная ограда 14 × 15 м площадью (210 кв. м). Круглые ограды несколько больше четырёхугольных. 11 из них имели диаметр от 6 до 8 м и площадь от 30 до 50 кв. м, 6 были более крупными и имели площадь от 80 до 380 кв. м. Самая большая была в диаметре 22 м.

Особенностей в использовании того или иного вида могил для захоронений мужчин не наблюдается. Чаще всего использовались прямоугольные ящики, за ними по количеству идут трапециевидные и затем прямоугольные цисты. Что же касается ящиков с обкладкой или без неё, то в группе 1, где таких ящиков больше всего, и мужских погребений в них больше; там же, группа 5, где таких ящиков вообще нет, погребения совершены в ящиках без выкладок.

Размеры мужских прямоугольных могил довольно устойчивые: длина их колеблется от 200 до 175 см, и только единичные выходят за эти размеры. Самая большая имела в длину 230 см, самая маленькая 160 см. Трапециевидные ящики несколько больше, их средние размеры 210–180 см в длину, причём самая большая достигала 250 см,

а самая маленькая 150 см. Ширина их в головном конце от 100 до 75 см, а в ногах от 80 до 50 см. Глубина у всех могил, независимо от формы, в среднем несколько больше 60 см. Только цисты сохранились на значительно меньшую высоту.

Рассматривая посуду, найденную в мужских могилах, установить какие-либо особенности, связанные с полом погребённого, не удаётся. В подавляющем большинстве случаев в могилах находилось по одному горшку, в 11 по два, по одному случаю 4 и 5 горшков. Формы горшков соответствуют особенностям форм группы, в которой находится та или иная могила. То же самое можно сказать и об орнаментах. В тех группах, где найдено много богато орнаментированных горшков, их много и в мужских могилах; и наоборот, если в группе их мало, то мало и в мужских могилах.

Другой инвентарь из мужских погребений невелик. Он представлен семью целыми и ломаными ножами (рис. 126: 1, 3–5, 7, 15), происходящими из могил разных групп; одним шилом, шестью височными кольцами (рис. 128: 12, 15), найденными по одному в могиле. Височные кольца, видимо, были характерным украшением мужчин карасукской культуры, судя по тому, что аналогичные находки сделаны М.П. Грязновым в мужских карасукских погребениях у горы Тепсей (Грязнов, 1979. С. 35). Остальные находки представлены единичными экземплярами. Это две гвоздевидные бляшки (рис. 125: 38, 42), наконечник стрелы (рис. 127).

Почти во всех могилах найдены остатки костей животных от погребальной пищи. Из десяти могил удалось определить первоначальный её состав, это — три куска мяса: лопатка, рёбра и часть задней ноги. Только в одной могиле зафиксировано два таких комплекта. В основном при погребении резали овец, но в одной могиле оказались кости быка или коровы, а в другой кости лошади. Расположение мясной пищи в могилах — против нижней части скелета.

Что же касается положения погребённых в могилах, то для суждения об особенностях мужских захоронений материала явно недостаточно. Всё же можно сказать, что 7 человек лежало вытянуто на спине; 7 вытянуто, но на левом боку, и 6 на левом боку, несколько скорчено. Ориентировка погребённых соответствует ведущим направлениям.

Значительный интерес представляет половозрастной состав погребённых в системах оград, где в основной из них находился мужчина.

Единственный случай, когда в системе, где в основной ограде погребён мужчина 45–50 лет, в пристройке оказался второй мужчина, зафиксирован в кургане 337. В пристройке этого кургана было две могилы. В одной лежал мужчина 35–45 лет, а в северной подросток 12 лет. В 29 пристройках к мужским основным оградкам (учтены только те случаи, где имеются определения пола и возраста или только пола) были погребены женщины от 16 до 50 лет. Правда, молодых и старых мало, в основном это женщины зрелого возраста. В системах, где в основной ограде погребён мужчина, в пристройках бывает одно женское погребение, а в остальных лежат подростки и дети. Есть системы, где только две ограды, мужская и женская. В других же случаях к мужской ограде примыкают пристройки с могилами подростков и детей разного возраста. Состав погребённых в системах оград вряд ли оставляет сомнение в их семейном характере, где к могиле главы семьи пристраивают могилы умерших после него членов его семьи.

Таким образом, особенности мужских погребений проявляются в форме и размерах ограды; в том, что мужчины всегда погребены в основных оградках систем; в величине мужских могил. Сколько-нибудь ярких черт в других чертах мужских погребений пока установить не удаётся.

Женские одиночные погребения оказались в 81 могиле. В 22 случаях женщины были похоронены в индивидуальных оградках, 24 — в основных, в 28 в пристройках и в 7 — в общих оградках. Как можно видеть, в отличие от мужчин, часто хоронили в оградках, пристроенных к уже существовавшим мужским. Вторая особенность женских оград состоит в том, что все они представлены только четырёхугольными формами. Нет ни одного случая захоронения женщины в специально для этого построенную круглую ограду. Подавляющее большинство оград сооружено из вертикально врытых плит (72 ограды), остальные 7 сделаны из плашмя положенных плит. Число таких оград в два раза больше, чем среди мужских.

Размеры женских прямоугольных оград в основном соответствуют таким же оградкам, возведённым для захоронения мужчин. Они колеблются от 4 × 4 м до 6 × 6 м, но чаще всего это ограды 5 × 5 м. Причём если среди мужских оград встречаются отдельные более крупные, то среди женских их нет. Но есть несколько оград более мелких. Площадь женских оград от 16 до 36 кв. м.

Что же касается формы ящиков и таких особенностей, как их обкладка плитами, то здесь наблюдается та же картина, как и в мужских могилах. Чаще других (29 случаев) встречается прямоугольный ящик, несколько реже (21 случай) трапециевидный, затем идут цисты. Выкладки наблюдались только среди могил группы 1, в остальных их нет.

Размеры женских могил несколько отличаются от мужских. Они также довольно устойчивы, но по величине меньше мужских. Длина прямоугольных ящиков колеблется от 200–190 см до 150, но чаще всего она 180–170 см. Самая длинная могила имела 210 см, а самая короткая 125 см. Ширина обычно 80–50 см, а глубина от 50 см. Трапециевидные ящики имеют те же размеры, но среди них чаще встречаются более длинные.

Посуда женских могил не отличается от мужских. В ней также проявляются только особенности, характерные для группы, в которой расположена та или иная могила. Аналогичная картина и с орнаментами. В подавляющем большинстве случаев в могиле находится один горшок, но в пяти могилах их оказалось два, причём в четырёх случаях это были могилы группы 1. В одной могиле группы 2 было найдено 4 горшка.

Остальной инвентарь немногочисленен, но несколько более разнообразен. Из женских могил происходит 6 целых и обломков ножей (рис. 126: 4, 6, 11, 12, 13), пять шильев. Значительно чаще встречаются кольца разных размеров (рис. 128: 2, 12, 31, 36, 44), найдено также ожерелье из нескольких колец (рис. 62: 32, 42, 43), пронизка, бусы, пуговица, каменный наконечник стрелы.

Остатки мясной пищи такие же, как и в мужских могилах: три куса мяса. В трёх случаях (где определены кости) это были куски баранины, а в одном лошади.

Положение женщин в могилах из-за небольшого числа наблюдений не даёт яркой картины. Можно говорить только о том, что 10 лежали вытянуто на спине, 8 вытянуто на левом боку и 12 несколько скорчено на левом боку. Ориентировка обычная за исключением одного случая, когда женщина лежала головой на ЮВ.

Значительно отличается от систем с центральной мужской оградой состав погребённых в системах, где в основной ограде захоронена женщина. За исключением одного сомнительного случая, где трудно установить порядок сооружения оград (кур-

ган 79), в пристройках к женским оградкам мужских могил нет. В двух системах (курганы 89 и 491) в пристройке оказалась вторая женщина. Но в первой из них пол погребённого в основной ограде находится под вопросом, не исключено, что и во второй он определён неточно. Всё это позволяет говорить о том, что в женских системах мужских захоронений не бывает, и несколько осторожнее о том, что нет и погребений взрослых женщин. Во всех других случаях в пристройках к женским основным оградкам были похоронены подростки и дети разного возраста.

Таким образом, женские захоронения несколько отличаются от мужских. Женщин всегда хоронили в четырёхугольных оградках, их могилы несколько меньше по размерам, часто женские оградки оказываются в системах, где в основной ограде лежит мужчина, в пристройках же к женским основным оградкам хоронили только детей или подростков. У женщин несколько более разнообразен набор вещей, в первую очередь за счёт украшений.

Значительный интерес представляют парные погребения, особенно для карасукской культуры, впервые отмеченные С.В. Киселёвым (Киселёв, 1951. С. 113). На Сухом Озере II оказалось 11 могил с парными погребениями. Из них в группе 1 было 6 таких могил, в группе 2 — три могилы, в группах 4 и 5 по одной.

Могилы с парными погребениями в четырёх случаях находились в оградках с несколькими могилами, в трёх — в индивидуальных оградках, две могилы были в основной ограде системы, и одна в пристройке. Все оградки, где были найдены парные захоронения, сооружены из вертикально врытых плит и имели четырёхугольную форму. Могилы с парными погребениями в шести случаях были прямоугольными, причём одна обложена по краям выкладкой из положенных плашмя плит. Размеры прямоугольных ящичков в длину не отличаются от могил для индивидуальных погребений и лежат между 190–200 см, где погребено два подростка, был короче — всего 160 см. Отличия наблюдаются в ширине ящичка, которая больше индивидуальных могил, от 100 до 160 см, так как могила рассчитана на двоих. Что же касается глубины, то она такая же, как и у индивидуальных могил. Для поддержания перекрытий в некоторых могилах были в середине установлены подпорки в виде плит.

Четыре могилы имели трапециевидную форму, причём одна была обложена выкладкой. По длине они, как и прямоугольные, не отличаются от остальных, но головной конец их значительно шире, чем у индивидуальных, а разница между длиной коротких стен более значительна. Что касается глубины, то здесь отличий не наблюдается.

Найденная в могилах керамика аналогична посуде той группы, в которую входит парная могила. Кроме того, могил этих немного и заметить какие-либо особенности в посуде не удастся. Обычно каждому погребённому ставили по горшку в головном конце могилы, о чём можно судить по сохранившимся погребениям.

Инвентарь парных погребений невелик, он представлен одним ножом (рис. 126: 2), височным кольцом (рис. 128: 45) и лапчатой привеской (рис. 125: 43–45), найденными под черепом одного костяка, а также гривной (рис. 128: 41), оказавшейся на шее у второго скелета в той же могиле (курган 142). Кроме того, в одной из могил была найдена бронзовая пуговица, а в другой на костях женского скелета каменный наконечник стрелы.

В двух случаях мужчина был старше женщины, погребённой с ним, примерно на 10 лет. Что же касается остатков погребальной пищи, то из могил происходят кости животных, но они определены не были. Но можно с почти полной уверенностью говорить, что состав её был аналогичен индивидуальным погребениям.

Наибольший интерес при рассмотрении парных погребений составляет их половозрастной состав. В шести могилах, где определён пол хотя бы одного из погребённых и известно место, которое он занимал, устанавливается, что мужчина всегда лежал южнее женщины. При ориентировке головой погребённого на В или СВ и в случаях, когда мужчина лежит на левом боку скорчено или вытянуто, женщина оказывалась за его спиной. Можно поэтому с достаточной уверенностью говорить, что и в остальных случаях парных погребений, где определены кости мужчины и женщины или просто было два скелета, мужчина лежал южнее женщины, то есть практически женщина занимала положение за спиной мужчины.

Возраст погребённых в парных захоронениях был определён в семи могилах. В трёх женщина оказалась значительно старше мужчины. Их возраст в обеих могилах 40–50 лет, а у мужчин 18–20

и 25–30 лет. В двух могилах возраст погребённых был одинаков. Причём в одной из них (курган 142) лежало два подростка 13–14 лет, пол которых не определён. Но, судя по тому, что это парное погребение, один из подростков лежит за спиной другого, а также находке у южного скелета височного кольца, а у северного шейной гривны, в южном нужно видеть мужчину, а в северном женщину.

Сам характер парных погребений, совершённых в общей могиле, наличие подпорок для перекрытия, а не сплошных стен, непотревоженность скелетов вторичными погребениями свидетельствуют о том, что эти погребения одновременны. Более того, не исключена возможность и того, что женщину для захоронения специально убивали, как об этом можно судить по находке в женских костях (курган 236) каменного наконечника стрелы.

Наличие среди карасукских погребений группы парных позволяет рассмотреть с их позиций захоронения, совершённые в разных могилах, но в одной ограде. Оград с двумя могилами на Сухом Озере II оказалось 12, причём в десяти из них был определён пол хотя бы одного погребённого, а в двух других были похоронены субъекты юношеского возраста. Погребения двух людей в одной ограде можно рассматривать как «соседские», где в одной из могил лежит мужчина, а в другой похоронена женщина.

Ограды, где были соседские могилы, в трёх случаях оказались индивидуальными, в шести основными в системах и в трёх пристройках. В последнем случае в основных оградах этих систем были погребены мужчины.

По конструкции ограды с соседскими погребениями представлены двумя видами. Три из них были круглыми, из плашмя положенных плит, а остальные четырёхугольными, восемь из которых из вертикально врытых плит, а одна из плашмя положенных.

Большая часть (14 случаев) погребений была совершена в прямоугольных ящиках, два из которых имели обкладку. Трапециевидных всего шесть, из них один с обкладкой. Четыре захоронения были совершены в прямоугольных цистах. О размерах могил уже говорилось при рассмотрении мужских и женских захоронений. То же самое можно сказать о посуде и другом инвентаре, а также и о погребальной пище, так как эти могилы в зависимости от пола погребённого уже были рассмотрены.

Пол погребённых в соседских могилах антропологами установлен в двух случаях, в одной из могил находился мужчина, а в другой женщина. В других имеется определение пола одного из погребённых и у второго известен только возраст. В пяти оградах данных о поле и возрасте одного из погребённых не имеется. Однако по особенностям, выявленным для мужских и женских могил, можно установить пол погребённого и в неясных случаях. Учитывая форму и размер ограды, а также размеры могилы, во втором погребённом в ограде можно видеть представителя противоположного пола.

Возраст погребённых в соседских могилах разнообразен. В двух оградах мужчина и женщина имели одинаковые возрастные границы 40–50 лет. В двух других мужчина был значительно старше женщины: 35–45 мужчине и 12 женщине, 30–40 мужчине и 16–17 женщине. В одной из соседских могил женщина оказалась старше мужчины 35–40 лет и соответственно 14 лет. В другой ограде были погребены подростки по 14 лет. В остальных оградах, содержащих соседские захоронения, возраст одного из погребённых не установлен.

Взаиморасположение женских и мужских могил в оградах различно. В пяти оградах мужская могила была южнее женской или последняя находилась справа от мужской, то есть такое же расположение, как в парных погребениях. В четырёх оградах они занимали противоположное место, женская могила находилась южнее мужской. В одной ограде мужская могила занимала центральное положение, а женская была смещена к юго-востоку. Как можно видеть, больше половины оград имели такое же расположение мужских и женских могил, как и положение погребённых в парных захоронениях.

Наряду с парными и соседскими могилами имеется значительное количество систем оград, где в основной погребён мужчина, а в одной из пристроек женщина. В остальных пристройках, если их несколько, обычно погребены подростки и дети. Отсюда можно сделать заключение о семейном характере карасукских оград и видеть в парных, соседских и захоронениях в отдельных оградах в системах погребения мужа и жены.

Три вида таких захоронений, видимо, связаны с условиями смерти. Если в системах оград можно видеть одновременные захоронения мужа и жены, причём такие, когда муж умирал раньше жены, то в парных несомненно одновременность их смерти,

причём не исключено насильственное умерщвление женщины. Две ограды с юношескими захоронениями были основными в системах соседских могил, расположенных в одной ограде, но здесь вопрос сложнее, и дать пока безусловно однозначное решение трудно. Близость соседских захоронений парным и противопоставление их захоронениям женщины и мужчины в разных оградах, а также расположение их в большинстве случаев в центре ограды параллельно друг другу скорее говорит об их одновременности. С другой стороны, некоторые отклонения в расположении могил по отношению друг к другу, когда женская смещена в сторону от центра, а также наличие самих отдельных могил для мужчины и женщины может свидетельствовать и об их разновременности. В решении этого вопроса могли бы существенную роль сыграть наблюдения стратиграфического характера, расположения выброса из соседских могил, однако таких наблюдений в силу ряда причин сделано не было. Здесь сыграли роль и условия расположения могильника, отсутствие сколько-нибудь значительного дернового слоя, и, что самое важное, отсутствие половозрастных определений погребённых в оградах с соседскими могилами, что заставило бы обратить специальное внимание на их взаиморасположение.

Наличие в карасукской культуре парных и соседских захоронений, если правильна их трактовка как погребений брачной пары, позволяет установить начало брачного возраста. Судя по наиболее молодым из погребённых, он для мужчин начинался с 14 лет. Об этом говорит парное погребение двух подростков 13–14 лет, погребение двух подростков 14 лет в соседских могилах, а также погребение в соседских могилах женщины 35–40 лет и подростка 14 лет. Что же касается начала брачного возраста для женщин, то, судя по одной из соседских могил, где были погребены мужчина 35–45 лет и подросток (женщина) 12 лет, именно этот возраст являлся допустимым для вступления в брак. Близкую картину начала брачного возраста для женщин удалось установить для окуневской культуры в Минусинской котловине.

Что же касается разности в возрасте погребённых в парных и соседских могилах, то материала для их достаточно аргументированной интерпретации пока недостаточно. Можно, конечно, высказать предположение, что в тех случаях, где женщина старше мужчины, она после смерти мужа стала же-

ной младшего родственника или брата, достигшего уже брачного возраста, а там, где мужчина значительно старше женщины, что она является его не первой женой. Но все эти объяснения дальше более или менее правильных соображений не идут.

Погребения юношей, подростков и детей практически всегда были совершены в пристройках четырёхугольной формы из вертикально поставленных плит. Только в трёх случаях пристройки были сооружены из положенных плашмя плит, но форма их неопределённая. Размеры пристроек обычно меньше, чем у взрослых. Только в одном случае (курган 147) детские могилы были в круглой ограде из плашмя положенных плит, но там оказалось четыре могилы, в одной из которых погребён мужчина, а в остальных дети.

Исключение составляют семь оград с захоронениями юношей и подростков. В пяти случаях они погребены в индивидуальных оградах. Одна из них была круглой формы, из плашмя положенных плит. В ней оказалось захоронение мальчика 16–17 лет. В остальных четырёхугольных оградах лежали юноши и подростки. Судя по возрасту и по тому, что эти погребённые находились в индивидуальных и основных оградах, их нужно отнести к группе индивидуальных мужских или женских погребений, а самих погребённых рассматривать как молодых мужчин и женщин.

Говоря о детских погребениях, необходимо обратить внимание на курган 228. Это единственная система в могильнике, где отсутствуют погребения взрослых. В основной ограде этого кургана находится две соседские детские могилы, в одной из которых погребён ребёнок 6 лет, а в другой 7–12 лет. В пристройках, хотя возраст и пол погребённых не установлен, можно с полным основанием утверждать, что там были погребены дети разного возраста. Об этом свидетельствуют размеры могил. Наличие всего одного особого детского кургана, во всем подобного курганам для взрослых, свидетельствует о нетипичности таких сооружений для карасукской культуры, но заставляет вспомнить отдельные детские курганы и системы их оград, обнаруженные на том же Сухом Озере, но в составе андроновского могильника (Максименков, 1978. С. 31).

Могилы для детей по форме и разновидностям соответствуют могилам для взрослых. Использование того или иного вида зависит от группы, в кото-

рую входит детское захоронение. Там, где много ящичков с обкладками, там и детских захоронений в таких ящиках больше. Размеры детских могил очень сильно варьируют, видимо, в зависимости от возраста погребённого. Только по двадцати могилам можно судить о положении и ориентировке детских погребений. В десяти случаях дети лежат несколько скорчено на левом боку, в семи вытянуто, на левом боку и в трёх вытянуто, на спине. Здесь явно преобладает положение на боку. В ориентировке особенностей не наблюдается: по девять случаев зарегистрировано положение головой на В и СВ и два случая на ВСВ.

В формах и орнаментах горшков, их положение в могилах, в наличии и составе остатков погребальной пищи детские захоронения соответствуют погребениям взрослых. Не отличается и набор других вещей, найденных в детских могилах. Из них происходит два кольцевых обломка ножей (рис. 126: 9, 18); два шила; одиннадцать бронзовых колец, причём в трёх случаях их оказалось по два в могиле (рис. 128: 5, 6, 9, 10, 16, 17, 20, 22, 23); бронзовая пластина; каменные бусы; бляшка; костяная трубочка с отверстием, возможно, трубка для отвода мочи (рис. 127: 10), и подвески из зубов животных.

Рассмотрение видов погребений на Сухом Озере было бы неполным, если не упомянуть о редких захоронениях в одной могиле женщины с ребёнком. В курганах 37, 79 и 349 пол взрослого определён как женский, а двух других курганах, 499 и 519, он не ясен. За исключением одной могилы все оказались разрушенными. Основные особенности таких погребений были рассмотрены в группе женских индивидуальных могил. Они ничем не выделяются кроме наличия в могиле останков ребёнка. Если судить по отчасти сохранившейся могиле, женщина лежала несколько скорчено, на левом боку, а ребёнок перед ней в той же позе (рис. 15: 4). В данном случае интересно, что в груди женщины найден наконечник стрелы, она явно была убита. Умертвили ли одновременно и ребёнка, сказать трудно, но несомненно, что их хоронили одновременно, скорее всего в случае совместной гибели, чем можно объяснить редкость подобных погребений.

Таким образом, для могильника Сухое Озеро II и можно говорить, что для всей карасукской культуры характерны следующие виды погребений: одиночные мужские, женские и детские, парные и аналогичные им по смыслу соседские, и редкие

погребения женщин с детьми. Если в отношении обряда погребения, положения умерших, ориентировки, размещения погребальной пищи и инвентаря, типов сосудов и отдельных вещей между видами погребений особой разницы не намечается, то по месту, занимаемому тем или иным видом погребения, по частоте встречаемости их в индивидуальных и основных оградах, по размерам и видам оград между отдельными видами погребений существуют определённые отличия.

Погребальный обряд, учитывая все доступные исследованию его особенности, а не отдельные черты (положение, ориентировка и т.д.) для каждого исторического периода, для каждой археологической культуры, а иногда и для отдельных её хронологических этапов, достаточно индивидуален и несёт в себе специфические особенности. Это значит, что в нём отражаются черты живого общества. Поэтому, изучая погребальный обряд той или иной культуры, можно получить некоторые сведения, характеризующие сам живой коллектив и отношения, существовавшие внутри его.

Оценивая с этих позиций наблюдаемые в могильнике Сухое Озеро II явления, можно видеть, что мужчина в карасукском обществе занимал более высокое положение, чем женщина. Об этом свидетельствуют системы оград и их состав, практически полное отсутствие в пристройках мужских захоронений, более крупные ограды для мужских могил, создание круглых оград только для мужчин, а также наличие парных одновременных погребений, среди которых есть явные случаи умышленного умерщвления женщин. Вместе с тем и положение женщины не было полностью бесправным, о чём свидетельствуют системы, где в основной ограде погребена женщина.

Сами системы оград дают представление о составе карасукской семьи. Она преимущественно состояла из мужа, жены и детей, значительно реже ещё и подростков. Связано это, видимо, с наличием ранних браков, после чего новая семья отпочковывалась. Во всяком случае, среди погребений подростков из систем в тех случаях, где определён возраст, нет ни одного старше 14 лет, а это указывалось как начало возможного брачного возраста для мужчин. Наличие же среди погребённых в пристройках, где в основных оградах лежат мужчины, захоронений юных субъектов от 15 до 18 лет позволяет рассматривать этих последних как молодых жён.

В некоторых случаях карасукский мужчина, видимо, мог иметь не одну жену. Об этом свидетельствуют некоторые курганы, где погребён мужчина с несколькими женщинами. Так, в кургане 81 в основной оgrade захоронен мужчина 40 лет, а в пристройках женщины, двум из которых было 35–40 лет, одной 20–25 лет и другой 15–16 лет. В кургане 154 в основной оgrade в соседских могилах лежал мужчина 30–40 лет и юноша 16–17 лет, а в пристройке юноши 14–18 лет. В кургане 163 в основной оgrade в соседских могилах мужчина 40 лет, пол второго погребённого хотя и не определён, но, как было установлено, это должна быть женщина, а в пристройке находилась женщина 35–45 лет. В соседских могилах кургана 246 погребены мужчина 40–50 и женщина 35–50 лет, а в пристройке девочка 15 лет. В кургане 461 в парном погребении оказался мужчина 18–20 лет и женщина 40–50 лет, а в пристройке женщина 35–50 лет. Так как пристройки сооружены позже основных оград, то, следовательно, женщины, погребённые в них, похоронены позже смерти мужчины. Можно поэтому предполагать, что если женщина после смерти мужа не выходила вторично замуж, то, когда она умирала, её погребали в оgrade, пристроенной к оgrade бывшего мужа. О том, что некоторые женщины вторично выходили замуж, свидетельствует возрастная разница между погребёнными молодыми мужчинами (парное погребение кургана 461) и одновременно похороненными с ними более старыми женщинами.

Можно попытаться установить порядок захоронений у карасукцев. В тех случаях, когда первым умирал глава семьи, членов последней, за исключением достигших брачного возраста, хоронили в оградах, пристроенных к оgrade главы семьи. Если первой умирала жена, то умерших после неё детей хоронили в оградах, пристроенных к её оgrade. Отдельно могли хоронить женщин, не имевших детей, а также незамужних сестёр мужчин того рода, который составлял ядро карасукского коллектива. Индивидуальными могли быть и захоронения замужних женщин, умерших раньше мужа, если между её смертью и последующей смертью мужа не умер кто-нибудь из их домочадцев.

Что же касается индивидуальных погребений мужчин, то половина из них приходится на захоронения мужчин старше 40 лет, поэтому можно думать, что либо их дети сами имели семьи, либо умерли раньше и погребены в женских системах.

Возраст других мужчин, погребённых в одиночных оградах, разный, пять из них не достигли 30 лет, а остальные были в возрасте 30–40 лет. В отношении этой группы что-нибудь определённое сказать трудно. Не исключено, что к наиболее старым из них применимо высказанное предположение, а остальные погребены в индивидуальных оградах в силу их особого положения в карасукском обществе. В отношении же мужских погребений в пристройках мужских систем можно высказать предположение о зависимом положении некоторых мужчин или о том, что некоторые семьи после достижения детьми брачного возраста не распались.

Особое положение мужчин в карасукском обществе позволяет говорить о том, что это общество было патриархальным, а счёт родства в нём был патрилинейным. Ядро карасукского посёлка составлял патрилокальный род, а основной его ячейкой являлась небольшая семья, состоявшая из супругов и их детей. В редких случаях мужчина имел нескольких жён.

Изучение погребального обряда карасукской культуры на материалах могильника Сухое Озеро II не только позволило выяснить его характерные общие черты, которые раньше не были известны, но и дало возможность в первом приближении выяснить некоторые особенности карасукского общества, что позволяет оценить результаты изучения тех же вопросов другими исследователями.

С.В. Киселёв, рассматривая карасукские погребения, пришёл к выводу, что господствующей формой являлось одиночное погребение. Правда, наряду с ними он отметил два случая погребения мужчины и женщины в одном ящике и двенадцать случаев захоронения двух взрослых в одной оgrade. По значению он относил к этой группе и погребения в одной общей оgrade нескольких человек, считая все эти захоронения «семейной группой», которая, по его подсчётам, составляет 3,5 %. Как особую группу он выделяет погребения взрослого и одного или двух детей, присоединяясь к мнению, что это погребения матерей с детьми, хотя и указывает, что среди карасукских есть погребения мужчины и детей (Киселёв, 1951. С. 113).

Здесь нужно отметить одно обстоятельство. С.В. Киселёв опирался на результаты предшествующих и своих раскопок по принятой тогда методике, ограды не вскрывались, а раскапывались только ящики. Учитывая состояние карасукских

погребальных сооружений при таких раскопках, могли быть не замечены пристройки и не учитывалось взаимное расположение могил и их конструктивная взаимосвязь. Поэтому С.В. Киселёв оперирует отдельными могилами, а не оградами и их системами, что затрудняет правильное понимание его выводов.

В целом же он считает, что карасукские могильники по обрядовости мало чем отличаются от андроновских и афанасьевских, что «не позволяет в карасукской эпохе видеть время сложения обособленных семейных организаций. Очевидно, родовая община ещё связывала семейные группы» (Киселёв, 1951. С. 165). Всё же, оценивая наличие парных погребений, он считает их указанием на ослабление матриархальных традиций, видя подтверждение этому в погребениях мужчины и ребёнка (Киселёв, 1951. С. 165).

Если, несмотря на небольшой и недостаточно хорошо документированный, из-за методики раскопок, материал, С.В. Киселёв сумел достаточно точно определить виды карасукских захоронений, то в оценке карасукского общества, как находящегося на ступени перехода от материнской к отцовской организации, он, видимо, не прав. Всё изложенное выше свидетельствует об утверждении в карасукскую эпоху патриархального рода.

Попытка рассмотреть карасукские погребальные памятники как источник по социальным и общественным отношениям была предпринята Г.А. Максименковым. Несмотря на некоторую ошибочность в характеристике памятников, что было связано с состоянием источников в тот момент, сравнительная оценка их с памятниками других эпох остаётся в силе. Полученные уточнённые данные ей не противоречат. Основной ячейкой карасукского общества является семья (Максименков, 1974. С. 16).

Вопроса о характере карасукского общества коснулась и Н.Л. Членова. Она раскопала несколько курганов под Ужуром, на севере Хакасии. В кургане 3 в основной ограде был погребён мужчина с монголоидными чертами, а в пристройках похоронено двое детей. В основной могиле оказался горшок плоскодонной формы, украшенный ямками и насечками. Н.Л. Членова, основываясь на монголоидный чертах черепа и горшке, объявляет этого мужчину представителем лесного населения (Членова, 1966. С. 218). Подобное предположение научно

не обосновано. В составе карасукского населения отмечаются три антропологических типа, в том числе и монголоидный. Однако роль и значение каждого из трёх типов и удельный вес их в формировании карасукского населения до сих пор не выяснен, и происхождение монголоидного компонента неясно. Что же касается горшка, то это типично карасукский плоскодонный без уступа горшок, украшенный ямками и насечками, аналогии которому достаточно велики среди карасукской посуды, в том числе и с Сухого Озера. Основываясь на своём предположении о принадлежности мужчины к лесному населению, она пытается выяснить его отношение к погребённым в пристройках детям, для чего выдвигает четыре искусственных предположения. Рассмотрев каждое из них, она приходит к заключению, что «могильник принадлежал степному карасукскому матриархальному роду с выделенной парной семьёй; с детьми похоронен отец, происходивший из лесного рода. Итак, не исключено, что у карасукцев был матриархальный род» (Членова, 1966. С. 220).

Единичность в её раскопках случая, недоказанность лесной принадлежности мужского погребения и, наоборот, характерность сочетания погребённых в этой системе не позволяет согласиться с выводами Н.Л. Членовой о существовании матриархата у карасукцев.

Таким образом, изучение более полного и лучше документированного материала Сухого Озера II позволяет говорить с достаточным основанием о существовании в карасукское время отцовского рода с далеко зашедшим выделением самостоятельной индивидуальной семьи как основной ячейки карасукского общества.

1.7. Впускные тагарские погребения

На Сухом Озере в некоторых карасукских курганах оказались погребения более поздней тагарской культуры. Такие впускные захоронения были известны в небольшом количестве ещё раньше. С.В. Киселёв несколько раз отмечал их в разных могильниках (Киселёв, 1937. С. 137; 1938. С. 234; 1939. С. 256; 1951. С. 187, 188). Аналогичное погребение было открыто в Абакане А.Н. Липским (Липский, 1949. С. 81). Во время работ Красноярской экспедиции они были обнаружены М.П. Грязновым

в афанасьевских могилах под Афанасьевой горой, а Г.А. Максименковым в андроновском могильнике Сухое Озеро I. Количество известных в настоящее время впускных тагарских погребений значительно больше, чем упомянуто (Максименков, 1975б. С. 161–162). Но нет необходимости здесь все их перечислять. К некоторым из них придётся ещё вернуться в связи с рассмотрением других вопросов. Важно отметить только, что впускные тагарские погребения встречаются по всей Минусинской котловине и в памятниках не только карасукской, но и более ранних эпох. Здесь же нужно дать характеристику впускных погребений, открытых в могильнике Сухое Озеро II.

В изучаемом могильнике тагарские погребения были встречены в 14 курганах разных групп; курганы: 56, 147, 179, 183, 188, 247, 278, 285, 296, 332, 355, 397, 454 и 610. В пяти случаях они находились в круглых оградах из плашмя положенных плит, в четырёх в четырёхугольных оградах из вертикально врытых плит, в одном случае в общей четырёхугольной ограде, в трёх случаях в пристройках, причём одна из них была полулунной формы, из плашмя положенных плит, и в одном случае ограда вокруг ящика обнаружена не была. Следовательно, специального выбора формы ограды, способа её сооружения или места в основной ограде или пристройке для впускного погребения тагарцы не делали.

Не делали они выбора и в конструкции и форме могилы. Хотя большинство погребений совершены в прямоугольных ящиках, но в трёх случаях ящики оказались трапециевидными, причём один из них был зимний, установленный почти на поверхности почвы и обложенный снаружи плитками. Размеры прямоугольных ящиков соответствуют размерам карасукских могил. Только в одном случае (курган 285) ящик имел необычную для карасукских могил Сухого Озера длину, он достигал 340 см.

Среди погребённых тагарцев были люди разного пола и возраста. В двух могилах погребены подростки 12 и 14 лет (курганы 183 и 355, мог. 1). В четырёх могилах находились останки мужчин 30–35 лет, 35–45 лет, и два имели возраст 40–50 лет. В двух могилах лежали женщины 18–20 лет и 25–30 лет (курганы 179, мог. 3, и 247, мог. 1). В одной могиле захоронены женщина 40–50 лет и подросток 7–10 лет (курган 397). Одна могила (курган 285) содержала парное погребение мужчины 35–55 лет

и женщины 25–35 лет. В кургане 188 в основной ограде погребён мужчина 24–26 лет, а в пристройке женщина 35–45 лет. В кургане 56 пол и возраст погребённого не ясен, а в кургане 454, мог. 3, находились останки взрослого и нескольких младенцев. Как можно видеть, половой и возрастной состав погребённых разнообразен, каких-либо закономерностей в этом плане установить не удаётся.

Большинство тагарских погребений в более позднее время были ограблены. Только в трёх могилах скелеты находились в непо потревоженном положении (рис. 37: 2; 89: 2; 119: 6), а в трёх других на месте сохранились только ноги (рис. 14: 3; 36: 2; 116: 2). Судя по этим погребениям, можно говорить о том, что тагарцы помещали умершего в могилу на спине, с вытянутыми ногами и руками, головой на ЮВ. Горшки ставили у головы, иногда второй сосуд стоит у ног. Остатки погребальной пищи в виде костей животных находились большей частью у ног.

В тагарских погребениях найдено свыше двадцати сосудов и их фрагментов, набор их форм разнообразен и очень интересен, так как среди них присутствуют формы, редко встречающиеся даже в целиком раскопанных могильниках (рис. 141; 142).

В четырёх курганах оказались плоскодонные горшки баночной формы, у которых стенки от двух идут вверх и в стороны; не достигая 1/3 высоты, они либо несколько сужаются к устью, либо поднимаются вертикально вверх (рис. 141: 4; 142: 1, 3, 4). Венчик у этих горшков горизонтальный, прямосрезанный. Первый из них под венчиком украшен жемчужинами, выдавленными изнутри (рис. 142: 4). Толщина донца рассматриваемых сосудов несколько меньше толщины стенок, особенно верхней части, это свидетельствует о том, что они лепились начиная с венчика, а плоское дно, во всяком случае у горшка из кургана 397, образовано в результате уплощения после изготовления горшка.

К ним близок горшочек из кургана 247 (рис. 141: 3), он также с приплюснутым после изготовления дном, украшенный под венчиком жемчужинами, а сам край венчика имеет не только горизонтальный срез, но и небольшую уплощённость с наружной стороны.

Два сосуда тоже баночной формы завершаются кососрезанным (рис. 141: 7) или закруглённым (рис. 141: 12) с наружной стороны венчиком. В обоих случаях над наружной стороной стенки как бы нависает карниз, под которым идёт небольшое

кольцевое углубление, не подчеркнутое снизу утолщением.

Один сосуд (рис. 142: 2), также с кососрезанным с наружной стороны венчиком, имеет под ним кольцевой желобок, ниже которого идёт утолщение. И последний баночный сосуд имеет три кольцевых желобка и уплощённое дно (рис. 141: 1).

Из двух курганов (147 и 610) происходят нижние части от горшков, аналогичных описанным (рис. 141: 9). Такие фрагменты встречаются постоянно в тагарских могилах и являются мисками. Сами миски в памятниках встречаются очень редко. Но во впускных могилах их оказалось четыре (рис. 141: 6, 13; 142: 5, 6). Это небольшие круглодонные сферические чаши. Одна из них имеет прямой венчик, а три другие — закруглённый, с карнизом с внешней стороны и небольшим кольцевым углублением под ним. Кроме того, чаша из кургана 397 имеет небольшую вертикальную ручку-налеп с проткнутым горизонтальным отверстием (рис. 142: 6), а чаша из кургана 296 имела под венчиком две дырочки (рис. 141: 13). Видимо, в обоих случаях отверстия служили для подвешивания чаши. Аналогичные сосуды встречены в нескольких экземплярах в раннетагарских памятниках в Черновой и Гришкином логу.

Последняя группа сосудов из впускных могил представлена горшками близкой к сферической форме, с узкой шейкой и отогнутым наружу закруглённым венчиком (рис. 141: 8, 10, 11). В отличие от описанной посуды они имеют красный цвет. Один из сосудов с круглым дном, второй с уплощённым, а третий с плоским, у последнего отломан венчик. Два первых сосуда в наиболее широком месте тулова имеют горизонтальный желобок. Сосуды такого типа редко встречаются в раннетагарских памятниках, а также в памятниках подгорновского этапа, в частности в могильнике Подгорное Озеро. Как показал анализ керамики целиком раскопанных могильников, они отличаются между собой не видами горшков, у которых по-разному оформлена верхняя часть, а соотношением этих видов в каждом конкретном могильнике. Горшки с прямосрезанным венчиком, с карнизом и с желобками встречаются во всех могильниках развитой тагарской культуры (черновский и подгоновский этапы). Только их соотношение позволяет судить об относительном времени могильников, а иногда и об их локальных особенностях (Максименков, 2003).

Установление по керамике абсолютного возраста впускных тагарских погребений Сухого Озера II затруднительно. Во-первых, потому, что здесь оказалось несколько тагарских могильников, и с каким из них конкретно нужно связывать впускные погребения, неясно. Во-вторых, потому, что в кургане 285 найдены горшок с прямым венчиком, с карнизом и с одним желобком, то есть все основные виды керамики, характерные для развитого и раннего тагара.

Тем не менее можно говорить о том, что в развитой тагарской культуре основным видом горшков являются такие, которые под венчиком украшены одним или несколькими горизонтальными желобками. Такая посуда в основном характерна для подгорновского и в известной мере следующего за ним сарагашинского этапов. В более раннее время верхняя часть сосудов оформлялась преимущественно по-другому. В памятниках уже созревшей тагарской культуры (черновский этап), следующей за баиновским этапом и предшествующей развитому тагару подгоновского этапа, верхняя часть сосудов преимущественно имела другое оформление.

В ранних тагарских памятниках большая часть горшков имеет прямосрезанный венчик или же венчик с нависающим снаружи карнизом, под которым имеется кольцевое углубление, но без ребра в нижней части. Такие сосуды наиболее широкое место имеют в верхней трети горшка, а выше либо несколько сужаются к устью, либо их стенки идут вертикально вверх. Наряду с такими встречаются и горшки, украшенные желобками, чаще всего одним, но бывает и больше. Поэтому, оценивая в целом посуду из впускных погребений Сухого Озера II, можно сказать, что она относится к первой половине тагарской культуры — VI–V вв. до н. э.

Особенностям тагарской керамики и хронологическим отличиям отдельных видов много уделено внимания в работах Н.Л. Членовой, но нужно сказать, что она опирается на отдельные, не комплексные памятники; в её распоряжении не было целиком раскопанных могильников, часто отдельные случайные особенности горшков, даже небрежность изготовления их рассматриваются как хронологические показатели. Всё это не позволяет ей судить объективно, в целом, о комплексном характере посуды и вещей, встречающихся в одном памятнике. Её выводы и хронологические выкладки поэтому нельзя серьёзно воспринимать. Целиком раскопанные Красноярской экспедицией раннета-

гарские памятники позволяют более объективно оценивать результаты других раскопок.

Инвентарь рассматриваемых могил беден и маловыразителен. Он представлен двумя ножами. Один из них, из кургана 247 (рис. 126: 20), представляет собой слабоизогнутую узкую, тонкую пластину, сужающуюся к острию, с заточенным на одну сторону лезвием. Навершия нет. Верхний край ножа закруглён. Второй, из кургана 188 (рис. 126: 8), также пластинчатый, слабоизогнутый, с заточенным на одну сторону лезвием, в верхней части рукоятки имеет круглое отверстие. Оба ножа не имеют ярко выраженных особенностей, которые могли бы указывать на их точную дату, но в принципе они должны относиться к началу тагарской культуры.

Шило, четырёхгранное в сечении, с гроздевидной шляпкой, без выделенной шейки под ними (рис. 125: 61), характерно для ранних тагарских памятников баиновских и черновских, реже встречается в подгорновских. Время таких шильев VI–V вв. до н. э. Пять бляшек сферической формы с отверстием в центре, из тонкой бронзовой пластины (рис. 125: 66–70) найдены в пяти погребениях. Такие бляшки характерны для всей тагарской культуры. Судить по ним о точном времени трудно. Перечисленными вещами исчерпывается весь инвентарь впускных тагарских могил.

Говоря о впускных погребениях, нельзя специально не подчеркнуть именно впускной их характер. В пяти случаях (курганы 56, 147, 179, 278, 610) такие погребения оказались в круглых оградах, из плашмя положенных плит. Оград такой формы и конструкции в тагарское время не существовало, их карасукский возраст бесспорен. Кроме того, в трёх из названных курганов тагарские захоронения оказались в трапециевидных ящиках, которых также нет в тагарской культуре, и погребённые в них, судя по сохранившимся костям в кургане 147, лежали головой в узкой части ящика (рис. 89: 2). Кроме того, в кургане 56 трапециевидный ящик был сооружён на поверхности почвы и являлся зимней могилой. Таких конструкций в тагарской культуре также не встречено. В кургане 179 тагарское погребение было совершено в развале камней от карасукской ограды, что указывает на его значительно более позднее время. Только в одном кургане, 610, был прямоугольный ящик (рис. 36: 2), но его размеры и конструкция из нескольких мелких плит типично карасукские.

Таким образом, в отношении круглых оград сомнений в разновременности и разнокультурности могильного сооружения и рассмотренных погребений не возникает.

К этой группе можно ещё добавить курган 247, который имел полулунную пристройку из плашмя положенных плит. Именно в ней в прямоугольном ящике было совершено впускное погребение. В заполнении этой могилы оказался обломок карасукского сосуда (рис. 37: 6), входившего в инвентарь основного карасукского погребения, выброшенного тагарцами.

Пять оград (курганы 183, 296, 332, 355, 454), содержащих впускные погребения, имели четырёхугольную форму и были сооружены из вертикально стоявших плит. Плиты тонкие и небольшие, размеры оград соответствуют остальным оградам могильника. Курган 454 имел две пристройки. Могилы в этой группе курганов оказались прямоугольными, все они сооружены из нескольких плит, их размеры полностью соответствуют карасукским. В центральной ограде кургана 454, где в одной из могил находилось тагарское погребение, вторая могила была наземной цистой. Всё это свидетельствует о том, что, как и в круглых оградах, впускной характер тагарских погребений несомненен. Об этом особенно наглядно свидетельствует положение погребённого в могиле кургана 296 (рис. 119: 6), в которой скелет тагарца лежал поперёк ящика. Остаётся рассмотреть три случая. Курган 397, ограда этого погребения не найдена. Ящик по своим размерам и пропорциям из карасукских не выпадает, но следов более раннего, карасукского погребения найдено не было. Курган 285 содержал парное тагарское погребение. Ограда сильно разрушена, но, судя по сохранившимся камням, была сооружена из тонких плит. Размеры её соответствуют остальным карасукским оградам, но прямоугольный ящик размерами 340 × 160 × 60 отличается от карасукских. Вполне возможно, что для совершения тагарского захоронения на месте карасукской могилы была сооружена новая, рассчитанная на парное тагарское погребение.

Курган 188 состоял из двух частей; и в основной ограде, и в пристройке находились тагарские погребения. Сама ограда плохой сохранности, по размерам, конструкции и характеру плит не выделяется из других оград могильника. Каких-либо следов угловых камней, характерных для тагарских

оград, в данном случае не было. Ящики прямоугольные, по размерам и конструкции не отличаются от карасукских. Всё это говорит о карасукском возрасте оград. В то же время при очень большом допущении, исходя из наличия в обеих могилах тагарских погребений, предполагая, что угловые камни в более позднее время были уничтожены, можно посчитать эту ограду тагарским курганом. Правда, все тагарские курганы на Сухом Озере расположены компактными группами, а этот оказался среди карасукских.

Отсутствие ограды в одном случае, большие размеры могилы в другом и наличие двух погребений в обеих могилах в третьем несколько выделяют эти погребения. Если это не впускные, а чисто тагарские погребения в плохо сохранившихся тагарских могильных сооружениях, то они должны быть исключены из числа впускных тагарских погребений. В противном случае они соответствуют рассмотренной выше группе впускных погребений в четырёхугольных карасукских оградах.

Роль и значение тагарских погребений в карасукских оградах рассматривались исследователями по-разному. Здесь нет необходимости детально рассматривать этот вопрос, но напомнить представления разных исследователей для правильной оценки их необходимо.

С.В. Киселёв видел в них наглядное свидетельство тесной связи предшествующего с последующим, карасука с тагаром (Киселёв, 1937. С. 165). Г.А. Максименков, исходя из того, что такие тагарские погребения обнаружены не только в карасукских погребальных сооружениях, но и в более ранних: андроновских и даже афанасьевских, полагает, что тагарцы разрывали могилы своих предшественников для добычи бронзовых вещей, а очищенные могилы иногда использовали для захоронения каких-то людей, для которых считали возможным не сооружать специальных оград (Максименков, 1975б. С. 166). Н.Л. Членова пытается доказать, что подобные захоронения указывают на синхронность тагарской и карасукской культур и что какая-то часть тагарцев специально хоронила покойников в круглых оградах и карасукских ящиках (Членова, 1972. С. 39).

Если только опираться на материалы Сухого Озера II, то и тогда можно видеть, что круглые оград

ды не являются особым видом могильных сооружений для тагарских погребений. Последние чаще оказывались в четырёхугольных оградах. Что же касается круглых оград, то по приведённым материалам видно, что в той части могильника, где больше круглых оград, больше и впускных погребений в них; там, где больше четырёхугольных, соотношение обратное. Это, видимо, относится и к другим могильникам, но в них раскопано значительно меньше оград. Частота захоронений в круглых оградах может быть связана ещё и с тем, что в этих оградах были совершены погребения каких-то выделяющихся карасукских мужчин и с ними могло быть больше бронзовых вещей, что, несомненно, учитывали тагарцы, раскапывая могилы карасукского времени. Но несомненно, что тагарцы не придавали особого значения форме ограды. Кроме того, в круглых оградах были могилы более крупные, по размерам близкие тагарским, что тоже могло иметь значение для выбора места погребения.

Трудно требовать, чтобы тагарцы в каждом конкретном случае оставляли несомненные следы первоначальных погребений; скорее наоборот, они очищали ящик, готовя его к новому захоронению. Поэтому не всегда имеются неоспоримые свидетельства стратиграфического соотношения тагарских захоронений с карасукскими погребениями. Тем более важными для правильного понимания хронологического соотношения являются следы первоначальных карасукских погребений. В тех случаях, когда они есть, культурное и хронологическое соотношение карасукских и тагарских погребений устанавливается достаточно точно. Тагарские были сооружены значительно позже карасукских. Нет ни одного бесспорного факта, который бы свидетельствовал о синхронности впускных тагарских погребений и могильных сооружений карасукской эпохи.

Таким образом, в могильнике карасукской культуры Сухое Озеро II, наряду с собственно карасукскими погребениями, оказалось несколько значительно более поздних, инокультурных, впускных тагарских захоронений. Они свидетельствуют только о том, что в тагарское время некоторых людей хоронили в могильных сооружениях более ранних эпох. Считая ненужным возводить для них специальные могильные сооружения.

Фото 19. Курган 154? Вид с юга

Photograph 19. Tumulus 154? View from the south

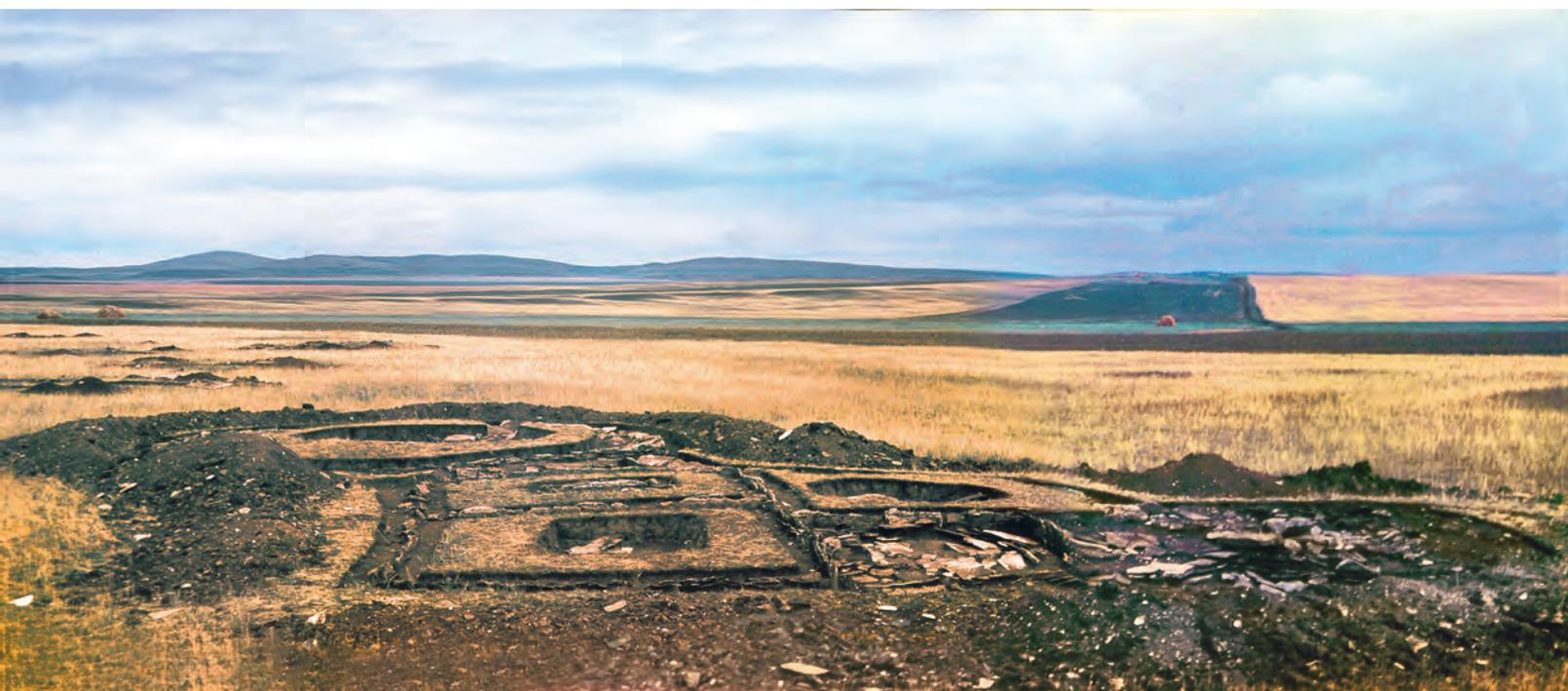

Фото 20. Курган 349. Вид с юга

Photograph 20. Tumulus 349. View from the south

Фото 21. Южная часть кургана 349. Вид с востока

Photograph 21. Southern part of the tumulus 349. View from the east

Фото 22. Курган 349. Вид с юго-востока

Photograph 22. Tumulus 349. Southeast view

Фото 23. Курган 45. Вид с юго-востока

Photograph 23. Tumulus 45. Southeast view

ГЛАВА 2. Некоторые вопросы истории раннекарасукского этапа в связи с материалами могильника Сухое Озеро II

Г.А. Максименков

Проведённый в первой главе анализ материалов могильника Сухое Озеро II позволил выявить его особенности, установить характерные черты, а также выяснить ранее неизвестные детали в культуре и социальной организации общества, оставившего этот памятник. В свете полученных результатов можно теперь перейти к рассмотрению некоторых общих вопросов карасукской культуры.

По-прежнему необходимо сделать некоторые замечания, касающиеся общих положений, подхода к исследованию и используемой терминологии.

Пожалуй, можно сказать, что ни одному из исторических периодов в истории Минусинской котловины за последние 20 лет не уделялось так много внимания, как карасукской культуре. Интерес этот, естественно, не случаен. Объясняется он тремя обстоятельствами: накоплением огромного по сравнению с прошлым временем материала; разделением ранее рассматривавшейся как единая карасукской культуры на две этапа, две культуры или две группы памятников; а также тем, что вещи характерных для этой культуры типов встречаются на обширной территории, далеко выходя за рамки Минусинской котловины, и известны в таких районах, где в синхронное карасукской культуре время существовали уже письменные источники. Всё это, вместе взятое, и определяет тот интерес к карасукской культуре, который вызвал рождение самых разных взглядов на пути её развития, хронологию, конкретную историю. В настоящее время всех исследователей по их взглядам на карасукскую культуру можно разделить на две группы: придержи-

живающихся традиционных представлений и выступающих со своими новыми воззрениями.

Первые следуют традиционной, заложенной ещё С.А. Теплоуховым (1929) схеме, развитой далее С.В. Киселёвым (1951) и М.П. Грязновым (1979), чего придерживаются и ученики последнего (Грязнов, Максименков, Пяткин, 1968; Зиеп Дин Хоа, 1966).

Основоположникам традиционной схемы С.А. Теплоухову (1927; 1929) и С.В. Киселёву (1951) карасукская культура представлялась единой, сменяющей андроновскую и предшествующей тагарской. Далее у С.В. Киселёва было ещё недостаточно материалов для разделения этой культуры. Правда, рассматривая карасукскую керамику, он обращал внимание на некоторые горшки, которые, по его мнению, имеют древние афанасьевские черты (Киселёв, 1951. С. 133). Значительно позже выяснилось, что именно эти сосуды, приближающиеся к параболической форме, со следами затёртости на стенках и имеющие нарезной орнамент, являются более поздними. Все ножи карасукской культуры С.В. Киселёв разделял по их форме на три группы: коленчатые, вогнутообушковые и дугообразно-обушковые, считая наиболее характерными для карасукской культуры коленчатые ножи. В то время как дугообразнообушковые распространены значительно шире и доходят до Китая (Киселёв, 1951. С. 119). Несколько позже М.П. Грязнов на материалах Верхней Оби сумел разделить карасукскую керамику этого района на две группы, считая одну из них более ранней, а вторую, воротничковую, более

поздней (Грязнов, 1956. С. 36). Обширные раскопки Красноярской экспедиции карасукских могильников и поселения в Каменном логу привели к выделению позднего этапа карасукской культуры (Грязнов, 1956; Максименков, 1964; Грязнов, Максименков, Пяткин, 1968) и позволили охарактеризовать этот этап, выявив особенности погребальных памятников, керамики и вещей, свойственных именно этой группе и отличающих её от собственно карасукской.

Отличные от традиционной схемы взгляды иногда в отдельных деталях совпадают, но, в принципе, разнятся между собой.

Так, М.Д. Хлобыстина, изучая карасукские ножи, выделила два единства: коленчатые и изогнутые, связанные между собой, но относящиеся к разным группам памятников. Она разделила все карасукские памятники на две группы: батеневскую, классическую карасукскую с андроновскими чертами и бейскую местную, ведущую своё происхождение от древних энеолитических (афанасьевской и окуневской) культур (Хлобыстина, 1961; 1962; 1963; 1970).

Э.А. Новгородова также делит карасукские ножи на две группы: коленчатые и изогнутые, считая первые местной формой, а вторые принесёнными с юго-востока. Изучая карасукскую керамику, она пришла к выводу о существовании двух групп, не встречающихся совместно. В результате карасукская культура была разделена ею на две: карасукскую и лугавскую. Последний термин заимствовал у Н.Л. Членовой, но Э.А. Новгородова вкладывает в него несколько иное содержание (Новгородова, 1962; 1963; 1965; 1970).

Особенно много о карасукской культуре написано Н.Л. Членовой. Не рассматривая в данном месте её положений, так как дальше специально придётся анализировать её работу о хронологии карасукской культуры (Членова, 1972), как имеющую самое непосредственное отношение к рассматриваемой теме, нужно сказать, что она первой выделила лугавские памятники и отделила их от собственно карасукских, считая первые местными, а вторые пришлыми.

Таким образом, представления тех, кто придерживается традиционной схемы, сводятся к тому, что карасукская культура в настоящее время представлена двумя этапами единой культуры: собственно карасукским и каменоложским, следую-

щими один за другим. Что же касается исследователей, не согласных с традиционными представлениями, то они конструируют разные по происхождению культуры или группы памятников.

Выделение новой культуры или её этапа предполагает, что эта новая культура (или этап) имеет такие черты, которые качественно отличают её от другой. Её отличия должны проявляться и в характере могильных сооружений и могил, и в обряде погребения, и в особенностях керамики и инвентаря, и в украшениях. То есть во всём том комплексе черт, которые характеризуют её археологическое «лицо». Возможно при этом, что отдельные вещи будут аналогичны вещам другой культуры, являясь пережитком более раннего времени или заимствованием, но в целом выделяемая культура (или этап) должна качественно отличаться.

В данном конкретном случае выделение каменоложского этапа или лугавской культуры, или бейской группы памятников, приводит к тому (если это разделение сделано на основании объективных данных), что те вещи и те особенности, которые характеризуют новую культуру или этап, должны получать и соответствующее название. Так, разделяя ранее единую карасукскую культуру на карасукский и каменоложский этапы, все ранее называемые карасукскими вещи должны быть разделены и называться соответственно карасукскими или каменоложскими (лугавскими, бейскими), в зависимости от того, какой из этапов они характеризуют. С момента разделения культуры на две части пользоваться единым термином «карасукский» неправомерно. Это тем более справедливо, если культура делится на две самостоятельные: карасукскую и лугавскую. Даже при традиционном взгляде на карасукскую культуру как единую, но разделённую на два этапа продолжать пользоваться единым названием нельзя, ибо это ведёт только к путанице и неразберихе. Это особенно наглядно проявляется, когда приходится обращаться к работам Н.Л. Членовой, в частности к её монографии «Хронология памятников карасукской культуры» (1972). Работа эта занимает в числе других, посвящённых карасукской культуре, особое место. Она не только подводит итог многочисленным статьям Н.Л. Членовой о карасукской культуре, но является как бы кульминацией в развитии того направления в изучении карасукской культуры, которое представлено и в работах М.Д. Хлобыстиной и Э.А. Нов-

городовой, то есть того направления, которое идёт вразрез с традиционными. В книге содержится и критика отдельных положений названных исследователей, и развитие своих и чужих взглядов на карасукскую культуру. Именно поэтому разбор основных положений данной работы, что будет сделано дальше, позволяет раскрыть сущность представлений не только Н.Л. Членовой, но и других исследователей, придерживающихся близких ей взглядов на развитие карасукской культуры.

В настоящее время к изучению не только карасукской культуры, но и любой другой существует два подхода.

Н.Л. Членова считает, что «изучение любой археологической культуры должно начинаться с определения её места в пространстве и времени». Она полагает, что установление хронологии карасукской культуры является первой ступенью её изучения. Так как «при отсутствии дат выделение локальных вариантов карасукской культуры, суждение об её этнической однородности или неоднородности, об её происхождении и судьбах, о связях с другими культурами, о социальном строе и прочем никогда не будет иметь прочной основы, так как всегда будет оставаться сомнение, не являются ли различия между выделенными исследователями группами различиями хронологическими» (Членова, 1972. С. 5). Иными словами, нельзя изучать культуру, не установив её хронологии, в противном случае любые выводы не будут иметь под собой достаточных оснований.

Неправильность этой посылки состоит в том, что объективно наблюдаемое явление, в данном случае определённая археологическая культура может быть исследована и без установления её точной хронологии. Можно выяснить особенности культуры и характерные её черты; если есть материал, то и вопросы внутренней её структуры происхождения; можно установить границы её распространения и целый ряд других очень важных исторических вопросов. То есть культуру можно изучать как объективно существующее явление, даже не зная, к какому точно времени это историческое явление относится. Ведь действительно, подавляющее большинство археологических культур не имеет абсолютно точного определения во времени. В отношении хронологии и большинства культур идут споры, возникают сомнения, и это закономерно, так как очень часто нет неоспоримых

объективных данных для строгого определения времени существования культуры. А вместе с тем сама культура известна, она изучается, выясняются её границы, локальные и хронологические варианты, её влияние на другие культуры и целый ряд других вопросов. Так что отсутствие точных дат не мешает изучению археологической культуры как объективной исторической реальности.

Другое дело, что установление точной хронологии культуры является одним из главных вопросов при исследовании культуры. Не зная времени существования культуры, сложно, конечно, решать некоторые общеисторические вопросы. И тем не менее отсутствие точных дат культуры не является препятствием к её изучению. Установление хронологии необходимо и важно, но не является исходным моментом всякого изучения культуры как объективной исторической реальности.

Вопрос о месте датировки культуры при её изучении не праздный. Он определяет подход исследователя к изучению культуры и вообще к археологии. Действительно, если считать, что исходным и основным моментом является датировка наблюдаемого явления, то изучение его, если нет оснований для установления даты, бессмысленно. Но даже если есть основания для датировки, то всё равно датировать комплекс не удаётся. Это можно сделать только в отношении каких-то отдельных его черт, отсюда вытекает и метод исследования явления в целом.

Говоря конкретно о карасукской культуре, таким основным моментом являются ножи. Именно их, по мнению Н.Л. Членовой, можно положить в основу изучения всей карасукской культуры. Если выстроить модель такого исследования, то она должна выглядеть следующим образом. Берётся вещь, в данном случае нож. Ему находят аналогию, которая встречена в памятнике, датированном тем или иным путём. На основании находки такого ножа в комплексе датируется последний. К этому комплексу привязываются аналогичные. В результате создаётся определённая хронологическая группа памятников. А затем уже происходит их изучение, делаются и соответствующие исторические выводы. Казалось бы, имеется стройная, ясная и логически последовательная схема. Но это обманчивое впечатление, а сама схема искусственна. Дело в том, что если на отдельных территориях встречаются одинаковые вещи, даже при том условии,

что эти территории связаны культурно, то далеко не всегда можно установить, где то или иное явление возникло раньше. Поэтому, перенося на другую территорию точную дату появления определённой вещи и привязывая к ней комплексы, исследователь создаёт искусственную схему развития культуры на изучаемой конкретной территории, аналогичную развитию культуры на той территории, откуда берётся аналогия. То есть, иными словами, он заставляет изучаемую культуру развиваться по определённой им схеме. В этом случае нет никакой уверенности в том, что нарисованная автором историческая картина будет соответствовать реально существовавшей.

В противоположность этому подходу существует другой, тот, по которому шёл С.А. Теплоухов. Он выбрал район, где раскопал разные памятники; затем, сопоставив их и изучив, он установил их относительную хронологию и последовательность смены культур в Минусинской котловине и только после этого, с учётом знаний и представлений того времени, была предложена абсолютная хронология (Теплоухов, 1927. С. 58). Поэтому не случайно представления о точном времени существования карасукской культуры в течение длительного времени постепенно менялись, так как изменялись наши знания об этом периоде, появлялись новые данные для уточнения и изменения её датировки.

Изучение одной или нескольких культур на отдельной территории нужно начинать с самого явления, установить его особенности, относительную хронологию, если возможно — локальные варианты и т.д. Только построив в данном районе определённую историческую колонку объективной последовательности появления и развития культур, можно такую колонку сопоставлять с аналогичными для других, уже более изученных территорий и искать точки соприкосновения. Это позволит не только датировать изучаемую культуру, но и увидеть особенности развития, время появления тех или иных культурных явлений. Такой подход не заставляет искусственно развивать изучаемую культуру по чужой схеме и даёт возможность изучать культуру в динамике. Метод датировки по отдельным вещам уже применялся в истории изучения Минусинской котловины. Таким путём шёл С.В. Киселёв при изучении тагарской культуры (Киселёв, 1929. С. 81–98). В результате он создал

искусственные группы тагарских памятников. Позже он вынужден был отказаться от своей схемы как не соответствующей реально наблюдаемым историческим явлениям, в результате чего молчаливо принял периодизацию С.А. Теплоухова, несколько её видоизменив. Таким образом, путь от датировки отдельных вещей к комплексам и далее к культуре себя не оправдывает. Его использование приводит к неверным выводам, что уже было доказано работой С.В. Киселёва.

Это не значит, конечно, что от точных датировок нужно отказаться. Их установление является одной из самых важных задач исследования. Действительно, когда открывается новая культура, она требует того, чтобы её с самого начала как-то определили во времени, и здесь, конечно, датировка по аналогичным вещам вполне уместна. Но при углублённом дальнейшем изучении культуры эту первоначальную датировку необходимо корректировать.

Все эти по необходимости длинные рассуждения о терминологии и роли абсолютных дат нужны для того, чтобы определить своё отношение к изучению карасукской культуры. Материалы могильника Сухое Озеро II, несмотря на их большой объём, не позволяют рассмотреть все вопросы, возникающие при изучении карасукской культуры. Но такая цель перед исследованием не стоит. Введение в научный оборот этого памятника и решение некоторых вопросов, которые можно рассмотреть, исходя из имеющихся материалов, — вот основная задача.

В данной главе будет рассмотрено четыре вопроса. Первый из них касается места и значения могильника Сухое Озеро II среди других карасукских памятников. Вторым вопросом посвящён выяснению относительного места карасукского этапа, так как именно в нём больше всего расхождений между исследователями. Третий вопрос — происхождение карасукского этапа — возникает потому, что для его рассмотрения появились некоторые новые данные, в первую очередь в материалах самого могильника. И последний, четвёртый, вопрос — абсолютная датировка карасукского этапа. И хотя новых материалов для его решения почти нет, к нему необходимо обратиться, так как могильник Сухое Озеро II в работах некоторых исследователей получил дату, с которой согласиться нельзя.

2.1. Место могильника Сухое Озеро II среди других могильников карасукской культуры

Анализ материалов могильника Сухое Озеро II, как его плана, на котором выделяются отдельные участки сгущения карасукских курганов, так и особенностей каждого из них в конструкции могильных сооружений и могил, в погребальном обряде, ножах и т.д., позволил разделить памятник на пять участков, или групп курганов. В результате изучения керамики удалось выяснить, что каждая группа характеризуется особым сочетанием форм и орнаментов посуды. Было выяснено, что везде встречаются одни и те же формы, но их соотношение в каждой группе различно. В одних преобладает круглодонная посуда, в других имеется значительный процент плоскодонной. Для одних групп характерна посуда с уступом в месте перехода шейки в плечики, для других горшки без уступа. Несмотря на то, что во всех группах встречена посуда с одинаковыми орнаментами, их процентное соотношение в каждой группе разное. Более того, отдельные орнаменты встречаются только в определённых группах и отсутствуют в других. Различно и сочетание определённых орнаментов с различными формами сосудов. Особенности керамики каждой из групп привели к мысли о том, что за этим кроются различия, связанные в первую очередь с изменениями посуды и её орнаментации во времени.

На материалах Сухого Озера II однозначно решить этот вопрос трудно, но сравнение его с другими памятниками может позволить выявить особенности не только сравниваемых памятников, но и групп могильника Сухое Озеро II. В настоящее время имеется только три могильника (Карасук I, Кюргеннер I-II и Малые Копёны III), с которыми можно сравнивать Сухое Озеро II, во всех остальных раскопано несравнимо меньшее количество оград и могил, и поэтому их материалы несопоставимы с Сухим Озером II. Могильник Малые Копёны III опубликован (Зяблин, 1972), материалы Карасука I оказались доступными для изучения (хранятся в фондах Государственного Эрмитажа. — А.П.), что же касается Кюргеннера I-II, то этот, пожалуй наиболее интересный, памятник использовать для исследования не удалось (сейчас этот памятник полностью опубликован (Грязнов и др., 2010). — А.П.). Тем не

менее два других памятника очень хорошо сопоставляются с отдельными группами Сухого Озера II.

Прежде чем сопоставлять могильники Карасук I и Малые Копёны III с отдельными частями Сухого Озера II, необходимо их сравнить между собой. В этих могильниках, как и на Сухом Озере II, керамика представлена теми же шестью типами, в каждом из них есть посуда с уступом в месте перехода шейки в тулово и без уступа. Есть круглодонные, плоскодонные горшки и горшки с уплощённым дном. Встречаются одинаковые виды орнамента, но есть и такие, которые известны в одном из них, в то время как в другом их нет или они представлены единичными случаями.

В могильнике Малые Копёны III почти 43 % всех горшков имели круглое дно, 40 % представлены плоскодонными сосудами и 16 % с небольшим уплощённым дном. Можно поэтому говорить, что в рассматриваемом памятнике большинство горшков представлено не круглодонной посудой. В могильнике Карасук I круглодонная посуда составляет 86,7 % от всех горшков, плоскодонная же всего 4,25 %, и 8,5 % сосудов имело уплощённое дно. Как можно видеть по форме дна найденной в могильниках посуды, эти памятники сильно отличаются друг от друга. Что же касается перехода от шейки к плечикам, то в Малых Копёнах III сосудов с уступом было 47 %, а без него 53 %, в то же время в Карасуке I соотношение несколько иное: с уступом 51 %, а без него 49 %. Здесь, как можно видеть, разница не очень велика.

Так обстоит дело, если рассматривать особенности деталей формы посуды в каждом могильнике. Но интерес в первую очередь представляет соотношение конкретных форм посуды и характерных для каждой из них видов орнаментов.

В Малых Копёнах III 22,68 % представлено горшками с круглым дном и уступом. Большая часть, 15,46 %, этого вида горшков орнамента не имели. Процент того или иного вида орнамента или же его отсутствия высчитывался по отношению ко всем найденным горшкам. В тексте в большинстве случаев приводятся округлённые целые проценты для облегчения восприятия. Точные цифры даны в соответствующих таблицах. Богато украшенных было 5 %, и 2 % украшены двойным зигзагом по верхней части стенок под самым уступом. Если взять могильник, то сосуды рассматриваемого типа составляют 45% и все они орнамента не имели.

Сосуды с плоским дном и уступом в могильнике Малые Копёны III составляют 21 %. Среди них 13 % имели богатый орнамент, 4 % неорнаментированы, 2 % украшены ямками и 1 % зигзагом. Эти же сосуды в Карасуке I представлены 3 %, из них 2 % не имели орнамента, один был с богатым орнаментом, а другой украшен бороздками. Среди сосудов Карасука I эти горшки занимают четвёртое место, в то время как в Малых Копёнах III они стоят на втором.

Сосуды с уплощённым дном и уступом в Малых Копёнах III представлены 10 %. 6 % из них орнамента не имело, по 1 % украшены богатым орнаментом, зигзагом и ямками. Таких сосудов в Карасуке I всего 3 %. Два горшка не имели орнамента, и один был украшен насечками. В обоих могильниках эти сосуды стоят на пятом месте.

Круглодонные сосуды без уступа в Малых Копёнах III представлены 21 %. Из них 7 % украшены ямками, 6 % желобками, 4 % не имели орнамента и 3 % с богатым орнаментом. В Карасуке I эти же сосуды представлены 41 %. 15 % из них украшены желобками, 12 % ямками, 5 % ямками с насечками, 3 % не имели орнамента, 2 % были с насечками, и по одному сосуду, меньше 1 %, имели богатый орнамент и желобки с насечками. В Малых Копёнах III эти сосуды стоят на третьем месте, в Карасуке I на втором.

Плоскодонные сосуды без уступа в могильнике Малые Копёны III представлены 20 %. Из них 8 % украшены богатым орнаментом, по 3 % ямками и ямками с насечками, по 2 % без орнамента и с насечками и 1 % с зигзагом. В Карасуке I таких сосудов 2 %, или в десять раз меньше. Один горшок имел богатый орнамент, а другой ямки. В Малых Копёнах III эти сосуды занимают четвёртое место, а в Карасуке I шестое.

Сосуды с уплощённым дном без уступа. В Малых Копёнах III их 6 %. Половина из них украшена ямками, а остальные по одному случаю — богатым орнаментом, зигзагом и без орнамента. В Карасуке I таких горшков тоже 6 %, из них 3 % украшено ямками, 2 % ямками с насечками, и один горшок не имел орнамента. В Малых Копёнах III эти горшки занимают шестое место, а в Карасуке I третье.

Распределение орнаментов по формам сосудов и, соответственно, соотношение самих форм в рассматриваемых двух могильниках свидетельствует, что в рамках одного культурного этапа наблюдаются существенные отличия. В отношении форм эти

отличия уже были отмечены, теперь стоит остановиться и на орнаментах.

В могильнике Малые Копёны III орнаменты распределяются следующим образом: 33 % сосудов орнамента не имели, 32 % украшены богатым орнаментом, 16 % украшены ямками, по 6 % падает на зигзаги и желобки, 3 % на ямки с насечками и 2 % на насечки. Таким образом, более трети сосудов орнамента вообще не имеет, третья часть богато украшена, а остальные орнаментированы простыми узорами.

Если взять Карасук I, то здесь картина несколько иная. 53 % сосудов орнамента не имели; 16 % украшены желобками, а 13 % ямками, 6 % ямками и насечками, 3 % насечками, и меньше чем по 1 % встречены богатые орнаменты, насечки и желобки с насечками.

Как можно видеть, неорнаментированная посуда составляет в каждом могильнике довольно большой процент, но всё же в Карасуке I её на одну треть больше. В то же время количество богато украшенной посуды в обоих могильниках несоизмеримо. В первом более 30 %, а во втором менее 1 %. Близки показатели по ямкам и ямкам с насечками. В то же время желобчатый орнамент преобладает в Карасуке I и в три раза реже встречается в Малых Копёнах III. Все остальные орнаменты единичны. В то же время в Малых Копёнах III отсутствуют желобки с насечками, а в Карасуке I третий по значению для Малых Копён III орнамент в виде зигзага. Подобные отличия должны за собой скрывать определённые особенности орнаментальной традиции, свойственные каждому из могильников. Конкретное объяснение этих отличий может быть дано после сравнительного анализа рассматриваемых могильников с отдельными группами Сухого Озера II.

При рассмотрении керамики могильника Сухое Озеро II и её особенностей в каждой группе были отмечены сходство и различия. Выяснилось, что посуда, найденная в группе 4, по соотношению форм и использованию орнаментов близка к группе 5. В то же время между группой 4 и группой 1 наблюдались наибольшие различия. К последней приближается группа 2, а группа 3 тяготеет к группе 5. Правда, группы 2 и 3 малочисленны, что в известной мере затрудняет их сопоставление с другими. Поэтому в дальнейшем при сопоставлении керамики Малых Копён III и Карасука I с керамикой

отдельных групп внимание будет уделено наиболее многочисленным и сопоставимым по объёму материала группам. Что же касается групп 2 и 3, то, зная их соотношение с другими группами могильника, их место будет определено довольно легко.

Сравнение можно начать с сопоставления могильника Малые Копёны III и материалов группы 4, так как в процессе подготовительного анализа удалось установить, что они по ряду признаков близки. Во всяком случае, группа 4 ближе к указанному могильнику, чем к Карасуку I.

Действительно, если рассматривать сосуды по форме их днища, то окажется, что круглодонных горшков в группе 4 47 %, а в Малых Копёнах III 42 %, соответственно плоскодонных 37 % и 41 %, а сосудов с уплощённым дном 21 % и 16 %. Разница во всех случаях не очень велика.

Что же касается характера перехода шейки в плечики, то здесь картина несколько иная. В группе 4 69 % горшков имели уступ, а 31 % были без него, в то время как в Малых Копёнах III с уступом было 47 %, а 53 % его не имели. Наблюдается явное преобладание горшков с уступом на Сухом Озере II. Это сказывается и в распределении различных видов орнаментов по конкретным формам горшков.

Горшки с круглым дном и уступом в группе 4 представлены 37 %, а в Малых Копёнах III их 23 %. В группе 4 18 % таких горшков были украшены богатыми орнаментами, 16 % орнамента не имели и 2 % имели в виде украшения зигзаги. В Малых Копёнах III соответственно богато украшенных 5 %, без орнамента 15 % и с зигзагом 2 %. Можно видеть, что сосуды, орнаментированные зигзагом, в обоих памятниках представлены одинаковым процентным отношением, а разница в богато украшенных зависит от общего количества горшков с уступом и круглым дном.

Горшки с уступом и плоским дном в группе 4 составляют 24 %, а в Малых Копёнах III их 21 %. В группе 4 14 % этих горшков имели богатый орнамент, 4 % были без орнамента и 6 % украшены зигзагом. В Малых Копёнах III соответственно 13 % имели богатый орнамент, 4 % его вообще не имели, 1 % украшен зигзагом и 2 % ямками. Неорнаментированных и богато украшенных горшков в обоих случаях одинаковое процентное соотношение, в Малых Копёнах III несколько меньше зигзагов, но появляется на этой форме горшка ямочный орнамент.

Горшки с уступом и уплощённым дном в группе 4 составляют 12 %, а в Малых Копёнах III 9 %. Из этих сосудов в группе 4 6 % имели богатый орнамент и по 2 % не имели орнамента, украшены зигзагом и ямками. В Малых Копёнах III несколько иное соотношение орнаментов на этой форме. Здесь 6 % сосудов орнамента не имели и по 1 % были украшены богатым орнаментом, зигзагами и ямками.

Горшки без уступа с круглым дном в группе 4 представлены 10 %, их в два раза меньше, чем в Малых Копёнах III: 21 %. Орнаменты на сосудах этой формы в группе 4 представлены по 2 % богато украшенными, без орнамента и с зигзагом, и 4 % имели желобки. В Малых Копёнах III богато украшенных 3 %, без орнамента 4 %, с желобками 5 % и с ямками 4 %. В Малых Копёнах III по сравнению с группой 4 наблюдается большее разнообразие в видах орнамента на этой форме и количественно каждый вид орнамента представлен большим числом горшков.

Горшки без уступа с плоским дном в группе 4 составляют 6 %, а в Малых Копёнах III 20 %. Соответственно и количество горшков с разным орнаментом в каждом памятнике различно. В группе 4 по 2 % богато украшенных, 2 % без орнамента, по 3 % с ямками и ямками с насечками, 2 % с насечками.

Горшки без уступа с уплощённым дном в группе 4 представлены 10 %, а в Малых Копёнах III 6 %. В группе 4 8 % таких горшков были богато украшены, а 2 % имели ямки. В Малых Копёнах III по 1 % украшены богатыми орнаментами, зигзагом и не имели орнамента, а 3 % были с ямками.

Частота использования в группе 4 и в Малых Копёнах III различных орнаментов отличается, хотя виды орнаментов за некоторым исключением одни и те же. Так, в группе 4, учитывая все формы, 51 % богато украшенных сосудов, 27 % орнамента не имели, 14 % имели зигзаг на плечиках, по 4 % представлены желобками и ямками. В Малых Копёнах III 32 % богато украшенных горшков, 33 % орнамента не имели, по 6 % имели зигзаги и желобки, 16 % украшены ямками и, кроме того, 3 % имели ямки и насечки, а 2 % насечки. Эти отличия, несмотря на некоторую разницу в процентном соотношении, не очень велики, если учитывать не только % встречаемости, но и абсолютное их количество. В Малых Копёнах III почти в два раза больше горшков, чем в группе 4.

Как уже было показано, группа 5 по многим признакам ближе всего стоит к группе 4. Не сопоставляя её отдельно с могильником Малые Копёны III, нужно отметить её место по отношению к последнему и группе 4. Круглодонная посуда в группе 5 представлена значительно большим процентом, чем в группе 4 или Малых Копёнах III; таких горшков в ней 69 %, что примерно на 20 % больше, чем в Малых Копёнах III или группе 4. В то же время сосудов с уплощённым дном 10 %, а с плоским 20 %, что также на 20 % меньше, чем в рассмотренных памятниках.

По характеру перехода шейки в плечики группа 5 занимает промежуточное положение между Малыми Копёнами III и группой 4, по абсолютным данным приближаясь к последней.

По способам украшения различных типов горшков группа 5 занимает промежуточное положение между группой 4 и Малыми Копёнами III. Так, богатые орнаменты распределены примерно поровну между круглодонными горшками, с одной стороны, и плоскодонными с уплощённым дном — с другой, но в обоих случаях преобладают сосуды, имеющие уступ. Всего же богато украшенных сосудов 44 %. Сосудов без орнамента 28 %, основное количество их представлено круглодонными формами, в то время как сосудов с плоским и уплощённым дном всего 7 %, причём в обоих случаях горшки имели уступ. На третьем месте стоят желобки, сосудов с этим орнаментом 18 %, что значительно больше, чем в сравниваемых памятниках. Все сосуды круглодонные. Кроме того, 3 % горшков украшены насечками, все они круглодонные без уступа. В группе 4 таких нет, а в Малых Копёнах III их 2 %. Один сосуд группы 5 с уступом и уплощённым дном имел редкий орнамент в виде налпных «шишечек». Итак, по большинству показателей группа 5 занимает промежуточное положение между группой 4 и Малыми Копёнами III, в принципе мало отличаясь от них. Наибольшие отличия состоят в количестве круглодонной посуды.

При описании могильника и разделении его на группы указывалось, что если три первые группы (1–3) естественно выделяются сами собой, будучи изолированными одна от другой, то группы 4 и 5 между собой всё-таки связаны редко расположенными курганами. Поэтому разделение на группу 4 и 5 сделано в некотором смысле условно. Линия между ними проведена по наиболее разреженному

участку. В силу этого необходимо в самых общих чертах сопоставить суммарно группы 4 и 5 с могильником Малые Копёны III, тем более что каждая из групп содержит в два раза меньше по количеству материала указанного могильника. В группах по сравнению с могильником на 20 % больше круглодонной керамики и соответственно плоскодонной больше на то же количество процентов в Малых Копёнах III; что же касается сосудов с уплощённым дном, то их одинаковое количество в сравниваемых памятниках.

В Малых Копёнах III преобладают сосуды без уступа, их количество на 20 % больше, чем в объединённых группах, соответственно сосуды с уступом на то же количество процентов более характерны для объединённых групп.

Что же касается орнаментов, то, не учитывая всех их разновидностей, но беря только ведущие, можно отметить следующую картину: в Малых Копёнах III сосудов без орнамента на 10 % больше, чем в объединённых группах, в то же время богато украшенных на 16 % больше в объединённой группе. В обеих группах количество сосудов, украшенных зигзагами 6 % и насечками 2 %, одинаково. В Малых Копёнах III на 14 % больше горшков с ямками, а в объединённой группе на 5 % больше сосудов с желобками. Все приведённые данные близки к индивидуальным сопоставлениям и свидетельствуют о значительной близости групп 4 и 5 и могильника Малые Копёны III, несмотря на отдельные расхождения и колебания в соотношении тех или иных форм или видов орнамента.

Теперь необходимо рассмотреть наиболее отличающуюся от группы 4 группу 1 и могильник Карасук I.

Круглодонная посуда представлена абсолютным большинством. В группе 1 её 99 %, а в Карасуке I 87 %. Сосудов с уплощённым дном в группе 1 всего 1 %, а в Карасуке I 8 %. Плоскодонной в группе 1 вообще нет, а в могильнике Карасук I её 4 %.

Что же касается характера перехода шейки в плечики, то здесь отличия между сравниваемыми памятниками значительно большее. Если в группе 1 сосудов без уступа 80 %, а с уступом 20 %, то в Карасуке I соответственно 49 % и 51 %. Эти отличия, как будет показано дальше, связаны с характером орнаментации горшков.

Уже из того факта, что круглодонной посуды в группе 1 и Карасуке I значительно больше, чем

в ранее рассмотренных, видны существенные отличия, для большей наглядности необходимо провести анализ конкретных форм горшков и сочетающихся с ними орнаментов в той же последовательности, как это было сделано раньше.

Горшки с круглым дном и уступом в группе 1 представлены 21 %, причём все они орнамента не имеют, в Карасуке I таких горшков 45 %, и они также все неорнаментированные.

Горшки с плоским дном и уступом в группе 1 отсутствуют, в Карасуке I их всего 3 %, причём половина из них орнамента не имела, в одном случае были желобки, а в другом богатый орнамент.

Горшки с уплощённым дном и уступом в группе 1 отсутствуют, в Карасуке I их также около 3 %, причём в одном случае сосуд украшен ёлочкой, а другие орнамента не имели.

Больше всего в рассматриваемых памятниках круглодонных сосудов без уступа, это основная и характеризующая их форма. Именно с ней связано наибольшее разнообразие орнаментов. В группе 1 таких сосудов 77 %. Чаще всего эти горшки украшены желобками, их 44 %, затем идут ямки (14 %), богатые орнаменты (13 %), ямки с насечками (6 %) и желобки с насечками (1 %). В Карасуке I таких горшков 41 %, из них 16 % с желобками, 13 % с ямками, 5 % с ямками и насечками, 3 % орнамента не имели, 3 % украшены насечками, по 1 % с богатым орнаментом и с желобками и насечками. Несмотря на то, что в Карасуке I таких сосудов значительно меньше, так как там разнообразие форм больше, характер орнаментации близок, особенно в украшении ямками с насечками.

Горшков без уступа с плоским дном в группе 1 нет, а в Карасуке I их 2 %, причём в одном случае орнамент в виде ямок, в другом богатый.

Горшки с уплощённым дном без уступа в группе 1 представлены 1 %, орнамент ямочный. В Карасуке I их 6 %, из них 3 % с ямками, 2 % с ямками и насечками и 1 % без орнамента.

Орнаменты, используемые для украшения посуды в обоих памятниках, за редким исключением представлены одними и теми же видами, но в несколько разных соотношениях. Если для группы 1 ведущим орнаментом являются желобки (44 %), за которыми последовательно следуют сосуды, не имеющие орнамента, (21 %), ямки (15 %), богатые орнаменты (13 %), ямки с насечками (6 %) и желобки с насечками (1 %), то для Карасука I на первом

месте стоят сосуды, не имеющие орнамента, (53 %), затем идут ямки (17 %), желобки (16 %), ямки с насечками (7 %), насечки (3 %), богатые орнаменты (2 %) и желобки с насечками (1 %).

Сравнение, с одной стороны, Малых Копён III и групп 4 и 5, а с другой — Карасука I и группы 1 позволяет видеть определённую тенденцию: а именно увеличение отдельных признаков в одной группе и соответственно уменьшения их в другой. Наблюдается, следовательно, обратная зависимость.

В то же время если рассматривать изменение тех или иных деталей форм сосудов, их видов или используемых орнаментов, то можно в каждом конкретном случае выстроить ряд по мере убывания или возрастания тех или иных признаков. Отдельные группы Сухого Озера II и сопоставляемые могильники по разным признакам будут меняться между собой местами, однако, сохраняя при этом полярность, с одной стороны, будут находиться Карасук I и группа 1, а с другой — Малые Копёны III и группа 4. Не приводя все конкретные данные, так как их можно видеть на таблице, нужно указать несколько наиболее ярких примеров.

Так, круглодонные сосуды без уступа господствуют в группе (77 %), затем по мере убывания идут Карасук I (41 %), группа 5 (28 %), Малые Копёны III (21 %), группа 4 (10 %). В то же время плоскодонные сосуды с уступом в группе 1 отсутствуют, в Карасуке I 3 %, в группе 5 15 %. В Малых Копёнах III 21 %, в группе 4 24 %. Ту же картину, но в менее выраженном виде можно проследить и по другим формам. Причём иногда внутри сравниваемых группировок отдельные памятники меняются местами. Так, например, плоскодонные сосуды без уступа в группе 1 отсутствуют, затем идут Карасук I (2 %), группа 5 (5 %), группа 4 (6 %), Малые Копёны III (19 %). Здесь, как видно, Малые Копёны III и группа 4 поменялись местами.

Близкую, такую же картину можно видеть и на примере использования орнаментов, хотя она несколько менее наглядна. Первое, что можно отметить, что в сопоставляемых группировках имеются орнаменты, встреченные в одной из них и отсутствующие в другой. Второе — богатый орнамент демонстрирует картину, аналогичную формам. Здесь памятники, по частоте встречаемости, располагаются в следующем порядке: Карасук I (3 %), группа 1 (13 %), Малые Копёны III (32 %), группа 5 (44 %), группа 4 (53 %).

Кажется, этой закономерности противоречат сосуды, не имеющие орнамента, украшенные желобками или ямками, где меняются местами не только памятники внутри сравниваемых групп правок, но и памятники разных групп. Так, памятники по количеству сосудов без орнамента располагаются следующим образом: Карасук I (52 %), Малые Копёны III (33 %), группа 5 (28 %), группы 1 и 4 (22 %); по сосудам, украшенным желобками, они располагаются в несколько иной последовательности: группа 1 (44 %), группа 5 (18 %), Карасук I (16 %), Малые Копёны III (6 %) и группа 4 (4 %); по сосудам с ямками: Малые Копёны III (16 %), группа 1 (15 %), Карасук I (13 %), группа 4 (4 %). Говоря о ямочном орнаменте, нужно отметить, что имеются ещё и сосуды с ямками и насечками, они отсутствуют в группах 4 и 5, а в других представлены; и если их суммировать с ямочным орнаментом, то последовательность станет другой: группа 1 (21 %), Малые Копёны III (19 %), Карасук I (18 %). Кроме того, нужно напомнить, что в Карасуке I и Малых Копёнах III найдено в два раза больше посуды, чем в каждой из групп 1, 4 и 5, а в группах 2 и 3 их было в два раза меньше, чем в предыдущих. Поэтому значение 1 % в разных памятниках различно, что необходимо учитывать. Следовательно, при рассмотрении сосудов без орнамента с желобками и с ямками их соотношение мало отличается от того, что можно было видеть на других признаках.

Расположение отдельных признаков в возрастающем или убывающем количестве даёт определённый эволюционный ряд, и, следовательно, возникает вопрос о начале и конце этого ряда. Объяснить такое расположение признаков локальными особенностями не удаётся, так как закономерности, отмеченные при изучении отдельных групп в могильнике Сухое Озеро II, соответствуют отличиям целых могильников Карасука I и Малых Копён III. Наблюдаемые отличия могут иметь только хронологическое объяснение.

Естественно предположить, что в наиболее ранних группах должны проследиваться черты предшествующей культуры, если, конечно, карасукская культура генетически связана с предшествующей. По мнению всех исследователей, занимавшихся карасукской культурой, за исключением Н.Л. Членовой, ей предшествовала в Минусинских степях андроновская культура. Именно о такой

последовательности свидетельствует топография могильника Сухое Озеро II. В центре могильного поля расположен андроновский могильник, а карасукские группы памятников окружают его со всех сторон (рис. 145). Как было показано, каждая группа занимает определённое место в эволюционном ряду. Отсюда следует, что группы карасукских курганов возникали последовательно. Если бы они существовали одновременно, то во всех группах в равной степени отразилась бы их параллельность. Однако этого нет. Следовательно, наиболее ранней группой должна быть та, где больше черт, связанных с андроновской культурой, а эта связь отмечалась с самого начала изучения карасукской культуры.

В формах посуды эта связь в первую очередь проявляется в наличии горшков с плоским дном, а в орнаментах — в богатых узорах, ведущих своё происхождение от андроновской орнаментации (Максименков, 1978). Эти два признака свойственны группам 4 и 5 Сухого Озера II и могильнику Малые Копёны III. Поэтому можно считать, что указанные памятники являются наиболее ранними, в то время как группа 1 и Карасук I наиболее поздние среди рассматриваемых памятников.

Так как карасукская культура не является простым продолжением андроновской, о чём речь будет ниже, в разделе о происхождении карасукской культуры, интересно отметить, что же в наиболее ранних группах появляется из черт, не свойственных андрону. В форме горшков — это круглое дно и наличие уступа. Последний, по всей видимости, связан с технологией изготовления круглодонных горшков, где шейка прилеплялась к готовому тулову.

К орнаментам, ведущим своё происхождение от андроновских, видимо, нужно отнести зигзаги на плечиках, так как этот орнамент довольно хорошо представлен в ранних группах и отсутствует в поздних. Новыми же, неизвестными в андроновской культуре, являются отсутствие орнамента вообще, ямки и желобки. Сосуды, не имеющие орнамента и с ямками и желобками, в количественном отношении возрастают в группе 1 и в Карасуке I; кроме того, эти орнаменты дают производные ямки с насечками, желобки с насечками. Что же касается насечек или горизонтальной ёлочки, то происхождение этого орнамента неясно. В группе 4 такого нет, а в Малых Копёнах III и группе 5 сосуды с таким

орнаментом представлены единичными экземплярами. Правда, на андроновских банках горизонтальные ёлочки довольно широко распространены, но они там имеют несколько иной характер.

Говоря в целом о развитии форм и орнаментов, можно сказать, что наряду с андроновским наследием в карасукской посуде видно другое. Учитывая же, что для новых черт истоков в Минусинской котловине нет, нужно считать их пришлыми. Борьба этих двух традиций приводит постепенно к отмиранию андроновской и к постепенному преобладанию пришлой. Это общая тенденция. Однако в конкретном проявлении можно видеть, что это был не гладкий процесс, что на отдельных его этапах андроновские черты вдруг вновь проявляются отчётливо, но в разных местах по-разному. Поэтому в эволюционных рядах по каждому конкретному признаку можно видеть перемену места отдельных памятников.

В каждой из карасукских групп на Сухом Озере II найдены бронзовые ножи. Если последовательность в развитии керамики установлена правильно, то можно говорить и о последовательности развития форм ножей. В группе 4 найдена верхняя часть изогнутого ножа с кольцевым расширением и неорнаментированной рукояткой. В группе 5 — верхняя часть такого же ножа и нож с кольцевым расширением, но имеющий на месте перехода рукоятки в клинок валики. В группе 3 наряду с ножом с кольцевым расширением оказался нож с кольцом и валиком на месте перехода рукоятки в клинок. В группе 1 найдено два ножа, один с кольцом и орнаментированной ручкой, а второй с кольцом и тремя выступами. Из Малых Копён III происходят ножи с кольцевым расширением и валиками на месте перехода ручки в клинок. Отсюда следует, что и ножи демонстрируют изменение формы от группы и их изменения идут от изогнутых ножей с кольцевым расширением к ножам с кольцом, и кольцом с тремя выступами.

Следовательно, могильник Сухое Озеро II представляет собой ряд отдельных карасукских кладбищ. Нужно думать, что они возникли последовательно один за другим без особых перерывов и оставлены, скорее всего, одной и той же группой населения. Сухое Озеро II демонстрирует сложный процесс развития раннего, собственно карасукского, этапа карасукской культуры.

2.2. Относительное место карасукского этапа

Вопрос о месте собственно карасукского этапа среди других культур эпохи бронзы Минусинской котловины не нов (Максименков, 1975а). Тем не менее к нему необходимо возвратиться. Во-первых, потому, что не были специально разработаны аргументы, приводимые исследователями, утверждающими сосуществование карасукского этапа с другими этапами и культурами, без чего невозможно выяснить истинное положение вещей. Во-вторых, потому, что материалы Сухого Озера II дали новые факты, позволяющие правильно установить соотношение карасукских и тагарских древностей.

Установивший принципиальный порядок смены культур в Минусинской котловине С.А. Теплоухов (1929), как известно, поместил выделенную им карасукскую культуру между андроновской и минусинской курганной (тагарской) культурой. То же историческое место было ей отведено и в работе С.В. Киселёва (1951), этого же взгляда придерживаются и другие исследователи (Грязнов, 1965; 1979; Максименков, 1964; 1975а; 1978; Грязнов, Максименков, Пяткин, 1968; Зиеп Дин Хоа, 1966).

Несмотря на то, что в последние два десятилетия материал по карасукской культуре во много раз увеличился, а сама культура была разделена на два последовательных этапа, новые факты легко укладываются в старую схему С.А. Теплоухова и не противоречат ей (Грязнов, 1965; Максименков, 1964). Выявление двух этапов не повлекло за собой даже пересмотра общих хронологических границ карасукской культуры. Внешне всё свелось к разделению времени её существования на два отрезка, к введению нового наименования «каменноложские» для поздней группы памятников, ранее казавшейся единой карасукской культуры, и, соответственно, это же название для материалов и вещей, происходящих из поздних памятников, в отличие от ранних, собственно карасукских. Произошло, следовательно, уточнение, детализация в изучении культуры, появилось более ясное представление о ней самой, её развитии и тех изменениях, которые в ней происходили. Однако никаких кардинальных изменений в представлениях о ходе исторического процесса в эпоху бронзы в Минусинской котловине не произошло, и

поэтому принципиально схема С.А. Теплоухова не потеряла своего значения (Теплоухов, 1929).

Вместе с тем новые материалы у нескольких исследователей породили совершенно отличные от изложенных представления (Хлобыстина, 1961; 1962; 1963; 1970; Новгородова, 1963; 1965; 1970; Членова, 1963; 1964; 1966; 1970; 1972). Эти исследователи не предприняли даже попытки согласовать новые факты и наблюдения с существующей схемой, а просто отбросили её, взамен создали свои схемы исторического процесса в эпоху бронзы.

У каждого из них развитие культуры этого времени представлено своеобразно. В некоторых деталях их представления совпадают, в другом же разнятся и даже противоречат друг другу. Общим для всех является утверждение, что в карасукскую эпоху, в широком понимании этого термина, в Минусинской котловине одновременно существовало несколько видов памятников, которые характеризовали разные культуры, варианты или этапы. Эти группы памятников оставлены людьми разного происхождения, отличались формами находимых в них вещей, конструкций могильных сооружений и обрядом, но, несмотря на это, все являлись карасукскими. У каждого из исследователей положение о сосуществовании обосновывается разными доказательствами: территориальными, хронологическими и т.д. Положение это иногда декларируется, в других же случаях приводятся «доказательства».

Рассматривая положение о сосуществовании в карасукское время нескольких культур или этапов, можно выделить четыре вопроса. Соотношение карасукской и андроновской культур, соотношение карасукского и каменноложского этапов и соотношение каменноложского этапа и тагарской культуры, соотношение карасукского этапа и тагарской культуры.

Вопросу о соотношении памятников андроновской и карасукской культур в работах исследователей, утверждающих сосуществование, за исключением Н.Л. Членовой, уделено немного места. Его просто касаются в связи с другими положениями, не приводя для сделанных замечаний никаких доказательств. В результате трудно бывает установить с несомненностью ту позицию, которую занимает исследователь по этому вопросу. Создаётся впечатление, что этот вопрос для них недостаточно ясен.

Так, в работах М.Д. Хлобыстиной временное соотношение собственно карасукских — батенев-

ских и андроновских изложено противоречиво. Раньше она считала, что батеневская группа не может генетически связываться с андроновской культурой и должна в значительной степени рассматриваться вкуче с синхронными памятниками юго-восточных областей (Хлобыстина, 1963. С. 15). При этом М.Д. Хлобыстина указывает, что батеневцы впитали некоторые андроновские черты, в частности геометрические узоры. В другой работе она отмечает, что в карасукской керамике имеют место творчески переработанные, приспособленные для новых форм посуды андроновские орнаменты (Хлобыстина, 1970. С. 126). Выделив особую группу карасукских памятников, где найдено довольно много горшков с орнаментами, близкими к андроновскими, названную усть-ербинской, она считает, что это могильники, отражающие процесс не первоначальной, далеко зашедшей ассимиляции (Хлобыстина, 1970. С. 128). Не рассматривая здесь, является ли этот процесс первоначальным или нет, важно отметить, что новая культура должна быть местной более древней и, следовательно, предшествовала карасукской. Вместе с тем она пишет, что усть-ербинские памятники отражают меру и характер взаимодействия андроновской и карасукской культур (Хлобыстина, 1970. С. 128). Отсюда следует, что карасукская культура выступает здесь как уже сформировавшееся историческое явление, взаимодействующее с андроновской культурой, то есть обе культуры являются одновременными. Таким образом, М.Д. Хлобыстина сама себе противоречит.

Э.А. Новгородова специальных вопросов о соотношении карасукских и андроновских памятников не затрагивает. В её работах имеются только отдельные неаргументированные замечания, из которых вытекает, что андроновская и карасукская культуры, во всяком случае в течение какого-то времени, сосуществовали.

В отличие от представлений названных исследователей, Н.Л. Членова, пытаясь всеми силами разрушить сложившиеся в науке представления, старается поставить под сомнение хронологическую последовательность андроновской и карасукской культур. Она утверждает, что установивший эту последовательность С.А. Теплоухов не имел никаких фактов, подтверждающих его точку зрения (Членова, 1972. С. 34). Однако это утверждение неправильно. Если С.А. Теплоухов и не имел точно датированных вещей, то это ещё не значит, что его

утверждение ложно. С.А. Теплоухов, как указывалось, целенаправленно производил раскопки в одном месте, чтобы установить периодизацию культур. Этот научный подход и позволил ему правильно расположить культуры в их последовательности, в результате чего андроновская и заняла полагающееся ей место. Дальнейшие же исследования андроновской культуры подтвердили его положения (Максименков, 1978).

Попытка Н.Л. Членовой опровергнуть мнение С.А. Теплоухова и подтянуть время существования андроновской культуры к карасукской ссылками на курган Близнецы в Оренбургской области несостоятельна (Фёдорова-Давыдова, 1960. С. 56–59). Во-первых, потому, что в разных местах огромной территории, занятой андроновской культурой, а тем более на крайнем западе и крайнем востоке её ареала, время прекращения её существования совпадает не полностью. И на западе она просуществовала несколько дольше, чем в Минусинской котловине. Во-вторых, сейминско-турбинские бронзы являются генетическим предшественником карасукских, и, следовательно, об их синхронности говорить не приходится (Грязнов, 1941).

Не помогают Н.Л. Членовой и радиоуглеродные даты из андроновских памятников Минусинской котловины. Из девяти имеющихся определений только четыре близки между собой, а крайние разнятся более чем на 2000 лет. Н.Л. Членова самую нижнюю дату отбрасывает, как не соответствующую действительности, и делает это совершенно правильно. Но, если бы она была последовательна, она бы сделала то же самое и с другими датами, противоречащими общепринятым представлениям. Значительные расхождения между разными датами, причина которых в настоящее время неясна, не позволяют полностью им доверять (сложная ситуация с радиоуглеродными датами андроновских памятников Минусинской котловины разобрана мной в специальной статье (Поляков, 2019). — А.Л.). Все же совпадающие даты датируют андроновскую культуру на Енисее карасукским временем (Максименков, 1978. С. 108).

Не помогают Н.Л. Членовой и приведённые примеры соотношения андроновских и карасукских памятников. Она пытается опровергнуть заключение М.Н. Комаровой, опубликовавшей могильник у Орака, о том, что карасукские могилы были сооружены в то время, когда андроновское

кладбище уже не функционировало (Комарова, 1961). Речь идёт о трёх детских оградах, оказавшихся пристроенными к большой андроновской, и о переделке андроновской цисты в карасукскую могилу. Н.Л. Членова согласна с тем, что в данном случае карасукские могилы позже андроновской, но пытается утверждать, что между сооружениями карасукских и андроновской оград прошло «очень немного времени» (Членова, 1972. С. 35). Делает она это крайне неумело. Н.Л. Членова считает, что соорудить карасукские ограды могли лишь в том случае, когда андроновская была ещё не задернована и хорошо видна на поверхности. Даже в наше время некоторые андроновские ограды достаточно хорошо видны на поверхности, не говоря уже о том времени, когда карасукцы сооружали свои ограды. Только начиная с карасукского времени андроновские памятники начали интенсивно разрушаться карасукцы, беря камень для строительства собственных оград. Расположение же карасукских оград между андроновскими об их синхронности ничего не говорит, так как карасукцы использовали свободные места. Следовательно, пример с могильником Орак не даёт возможности говорить о синхронности андроновской и карасукской культур.

Упоминание же ошибочного мнения С.А. Рахимова (1968), который не разобрался в стратиграфии каменского могильника и связал карасукские и андроновские ограды с разными горизонтами погребённой почвы, несерьёзно и ничем помочь Н.Л. Членовой в её стремлении доказать синхронность карасука и андрона не может (Членова, 1972. С. 35). С.А. Рахимов на следующий год проверил свои первоначальные наблюдения и от своего поспешного заключения отказался.

Примеры из её собственных раскопок в могильнике Ужур также несостоятельны. Курган 4, где в цисте, похожей на андроновскую, найден в разрушенном погребении обломок карасукского горшка, не может говорить о синхронности андроновской и карасукской культур. Так как цисты являются характерными видами могил для обеих культур, хотя для каждой из них имеются соответствующие размеры и пропорции. Правда, для андроновской культуры чаще характерны цисты, сооружённые в ямах, а для карасукской — на поверхности земли, так как они являлись зимними могилами. Время цисты, возведённой на поверхности, в первую очередь определяется сделанными в ней находками.

Другой пример, курган З. Н.Л. Членова пишет, что в погребении взрослого мужчины был обнаружен сосуд андроновской формы, в орнаменте которого заметны некоторые лесные элементы, а в других оградках, в детских погребениях, — фрагменты карасукских сосудов (Членова, 1972. С. 35). То, что среди карасукских сосудов встречаются отдельные горшки, очень напоминающие по форме андроновские, не ново. Но здесь важнее привести мнение самой Н.Л. Членовой об этом горшке, высказанное ею в публикации могильника. Она сопоставляет этот сосуд с керамикой из Сузгуна, отмечая их сходство и отличия. Говоря об отличиях в орнаменте, она пишет: «В этом нет ничего удивительного, так как сузгунская керамика старше ужурского сосуда — она датируется серединой II тыс. до н. э. и синхронна андроновской культуре» (Членова, 1966. С. 216). И далее, через несколько строк: «Отличия ужурской керамики от сузгунской не вызывают недоумений. Расстояния в 1500–2000 км и в несколько сот лет являются сами по себе уже достаточными причинами для этого» (Членова, 1966. С. 217).

Следовательно, и примерами собственных раскопок она показала несостоятельность утверждения синхронности андроновской и карасукской культур. Поэтому её вывод о том, что андроновские памятники в Минусинской котловине не предшествуют карасукским, а скорее говорят о том, что они синхронны, во всяком случае археологически, в свете сказанного выше, теряет под собой какое бы то ни было основание. Отсюда и другой её вывод, что те карасукские могильники, в керамике которых прослеживаются некоторые андроновские влияния, ещё никак не могут на основании этого считаться наиболее ранними из карасукских памятников, а для их датировки требуются другие основания (Членова, 1972. С. 35), оказывается совершенно необоснованным, и, наоборот, именно потому, что никакими путями не удаётся синхронизировать андроновскую и карасукскую культуры, остаётся единственно возможным рассматривать карасукские памятники, имеющие андроновские черты, как наиболее ранние. И второй и, пожалуй, главный вопрос — это соотношение собственно карасукских памятников с каменоложскими (лугавскими, бейскими).

По мнению М.Д. Хлобыстиной, в конце II тыс. до н. э. в Минусинской котловине существовала культурная и этническая чересполосица. Она состо-

яла из разных этнокультурных групп, однако всё это было единой карасукской культурой. О существовании этих групп свидетельствует взаимовстречаемость находимых в них предметов (Хлобыстина, 1970. С. 129).

Согласиться с подобным заключением совершенно невозможно не только потому, что оно противоречит имеющимся в настоящее время фактам, но также и потому, что не соответствует тому, что пишет сама же М.Д. Хлобыстина. Чересполосица состоит из памятников бейских, каменоложских, батеневских и усть-ербинских (собственно карасукских), которые называет М.Д. Хлобыстина, а также, если судить по тексту её работы, и андроновских.

Бейские и батеневские памятники были выделены М.Д. Хлобыстиной на том основании, что в них встречаются разные виды ножей. В бейских только коленчатые, а в батеневских и позже выделенных усть-ербинских только изогнутые. Каждому из видов ножей сопутствуют особые формы сосудов, конструкции погребальных сооружений, детали погребального обряда, вещи (Хлобыстина, 1963. С. 13–14). Поэтому ни о какой взаимовстречаемости говорить не приходится, и, следовательно, полностью отсутствуют объективные свидетельства сосуществования. Но даже если допустить, что обе группы сосуществовали одновременно, то говорить о принадлежности их к единой культуре, учитывая отмеченные выше различия, невозможно, так как, сосуществуя, они никакого влияния друг на друга не оказывали. Различные по своим основным характеристикам группы, при отсутствии следов взаимовлияния и учитывая, что характеризующие их памятники часто расположены в непосредственной близости друг к другу, остаётся рассматривать только как разновременные. Таким образом, М.Д. Хлобыстина всеми силами пытается доказать параллельность бейской и батеневской и усть-ербинской групп, однако привести убедительные доказательства таким построениям она не в состоянии, аргументация её слаба, поверхностна и умышленно запутана.

Бейские памятники, по М.Д. Хлобыстиной, более ранние, чем батеневские, так как они не находят аналогии в культурах бронзового века Китая. Они генетически связаны с афанасьевской энеолитической культурой (Хлобыстина, 1963. С. 15). Однако это положение, повторяемое во всех работах

М.Д. Хлобыстиной, связанных с карасукской культурой, осталось вообще недоказанным. В основе утверждения раннего времени бейских памятников лежит наличие так называемых ложносоставных коленчатых ножей, формально похожих на коленчатые составные ножи энеолитических культур Сибири. А также чисто формальное сходство яйцевидных афанасьевских горшков с параболическими бейскими.

В памятниках афанасьевской культуры неизвестны составные коленчатые ножи, они принадлежат окуневской и глазковской культурам. А керамика бейских памятников ничего общего с посудой указанных культур не имеет. По керамике М.Д. Хлобыстина связывает бейскую группу с афанасьевской культурой (Хлобыстина, 1963. С. 14). Таким образом, из одной культуры берётся один признак, а из другой — другой. Как было доказано, афанасьевская и окуневская культуры не имеют никаких генетических связей (Максименков, 1964; 1975а; 1978). Вопреки фактам М.Д. Хлобыстина утверждает гипотетическое разнообразие вариантов афанасьевских памятников, один из которых якобы дал окуневскую культуру (Хлобыстина, 1963. С. 15). Такое утверждение нужно для того, чтобы сконструировать длительность и непрерывность развития культуры, в результате чего появились бейские памятники, и, следовательно, обосновать сосуществование бейских и батеневских памятников. Она пишет: «В противном случае, предполагая более позднюю датировку всех Бейских памятников по сравнению с Батеневскими, необходимо было бы опровергнуть несомненную непрерывность развития материальной и духовной культуры Минусинских племен от энеолита до ранне-железного века» (Хлобыстина, 1963. С. 16).

Положение о непрерывности осталось М.Д. Хлобыстиной недоказанным, в то же время сейчас стало совершенно ясно, что в энеолите и раннем бронзовом веке в Минусинской котловине происходила смена населения и между отдельными культурами этого времени не было генетических связей (Максименков, 1975 а). Но даже в то время, когда М.Д. Хлобыстина писала свою работу, она вынуждена была признать, что «на продолжительном пути развития от афанасьевской культуры к Бейским карасукским памятникам, часть которых ближе стоит к рубежу баиновской культуры, предстоит выявить еще связующие звенья» (Хлобыстина,

1963. С. 18). Отсюда следует, что непрерывности в развитии культур не было, а это значит, что утверждать сосуществование бейских и батеневских памятников нет основания.

Рассматривая представления Э.А. Новгородовой, изложенные в её обобщающей работе, о месте карасукских памятников среди других Минусинской котловины, нетрудно заметить противоречивость и недостаточную обоснованность её построений (Новгородова, 1970). В результате исследования она приходит к выводу о том, что в карасукское время в Минусинской котловине существовало две группы могильников, которые она называет группа I и группа II. В более ранних работах они имели имена собственные, культура карасукская и лугавская (Новгородова, 1963; 1965). Эти группы относятся к одной культурно-исторической общности, близки по хозяйству и уровню развития (Новгородова, 1970. С. 176), они не связаны этногенетически и принадлежат двум разным группам племён различного происхождения. Группа I принадлежит пришлым из Центральной Азии монголоидным племенам, а группа II — потомкам афанасьевцев и окуневцев. Памятники первой группы распространены по правому берегу Енисея, а также на левом в районе села Батени. Группа вторая занимает юго-западную часть Минусинской котловины и продвигается по левому берегу к Батеням. Обе группы развивались бок о бок, тесно общались между собой, а также с андроновскими соседями (Новгородова, 1970. С. 176). Однако она пишет: «Статистические подсчеты указывают на взаимоисключаемость появления вещей одной и другой групп в погребениях» (Новгородова, 1970. С. 176).

Приведённые выше положения взаимно исключают одно другое. Свидетельством тесного общения и вообще контактов могут служить только находки одной группы вещей в памятниках другой. Если таких находок нет, то говорить об общении вообще невозможно. Статистически доказано отсутствие таких находок, следовательно, не было и тесного общения. В основе вывода о двух независимых линиях развития лежит в первую очередь анализ керамики. О недостатках выделения её отдельных групп уже говорилось, здесь же хотелось бы отметить, что, несмотря на это, разделение всей керамики на два комплекса сделано правильно. Один комплекс — это собственно карасукская посуда, а другой — каменноложская.

Рассматривая второй комплекс (каменноложский), Э.А. Новгородова делит его на три последовательных этапа, включая в них разные могильники. К первому этапу относятся: Табат, Волчий лог, Карасук VI, Фёдоров улус, Лугавское. По форме керамики и коленчатых ножей — это ранний этап карасука. Время второго этапа — развитой карасук, и третьего — конец карасукской эпохи (Новгородова, 1970. С. 62). Получается, что каменноложские по культуре памятники, во всяком случае ранние, она называет карасукскими, не употребляя этого названия к собственно карасукским могильникам. В то же время, в другой части работы возражая М.П. Грязнову против хронологического отличия карасукских и каменноложских памятников, она пишет о том, что признание точки зрения М.П. Грязнова заставило бы считать, что карасукская культура с центрально-азиатскими традициями (что ей, в общем, не удалось доказать. — Г.М.) быстро выросла на базе андроновской, а на позднем этапе так же быстро утратила все типично карасукские элементы (Новгородова, 1970. С. 176). Отсюда следует, что Э.А. Новгородова не считает каменноложские памятники собственно карасукскими, так как они утратили типично карасукские элементы. С этим положением можно полностью согласиться.

Карасукские и каменноложские памятники отличаются друг от друга целым рядом черт: конструкциями погребальных сооружений и могил, керамикой, ножами, некоторыми видами украшений и т.д. Об одновременности или разновременности их можно судить по объективным данным. О синхронности в первую очередь свидетельствуют находки инокультурных вещей в памятниках данной конкретной культуры. В данном случае доказательством одновременности могли бы служить находки каменноложских вещей в карасукских памятниках, но такие не известны. Находки же карасукских вещей в каменноложских памятниках о синхронности свидетельствовать не могут, поскольку ранние вещи могут встретиться в более поздних памятниках. Но и таких случаев пока не обнаружено. Следовательно, бесспорных доказательств одновременности и параллельности карасукских и каменноложских памятников нет. Более того, в археологии принято считать, и это было с несомненностью доказано С.А. Теплоуховым, что если на одной и той же территории находятся разнотипные памятники, то они разновременные.

Одним из основных доказательств параллельности карасукских и каменноложских памятников, по мнению Э.А. Новгородовой, является несоответствие районов их распространения. Э.А. Новгородова выделяет разные районы Минусинской котловины, где, по её мнению, распространены разные по культуре памятники: на юго-западе находятся памятники группы II (каменноложские), а на правобережье и на севере Хакасии — памятники группы I (собственно карасукские). Однако это не соответствует действительности.

Можно вслед за Э.А. Новгородовой разделить всю Минусинскую котловину на три района: юго-западную часть, ограниченную с севера условной линией от города Абакана, места слияния Абакана и Енисея, на запад до истоков р. Джой; и на юге от устья р. Джой до Таштыпа. Второй район — восточный и юго-восточный, от места выхода р. Енисей из Саян по правому берегу до р. Сыды и несколько ниже её устья. Третий район — западный и северо-западный, по левому берегу Енисея от условной линии г. Абакан — истоки р. Камышты до большой излучины р. Чулым на севере.

Юго-западный район наиболее плохо изученный, так как там не проводилось крупных работ, и они за редким исключением носили спасательный характер (Липский, 1963; Кызласов, 1971). Здесь известны памятники второй группы (каменноложские) в некоторых местах: улус Откнин, улус Фёдоров, Бейская шахта, Аскиз, Табат, Мочажная гора. Однако наряду с ними есть памятники и первой группы (карасукские): Абакан, улус Чарков, улус Окунев, р. Есь, Есинская МТС, Бельтыры, Хара-хая, Верхний Аскиз (сейчас число известных памятников ещё больше возросло. — А.П.). Так что говорить о преобладании здесь памятников второй группы не приходится.

На правобережье также есть памятники обеих групп. Вторая группа представлена Лугавским, Джесосом, Тагарским островом, Кривинским, а первая могильниками у Сыды, Усть-Сыда, Каменка, Байкалова, Быстрая, Кривая, Думная гора.

На левом берегу Енисея, особенно в районе Батени — Сарагаш, где в течение многих лет велись обширные раскопки Красноярской экспедиции, открыто много памятников как первой, так и второй группы. Последние представлены могильниками: Волчий лог, Карасук IV, VI, VIII, поселением и могильниками в Каменном логу, Ярки, Орак, Черновая

и др. Собственно карасукские памятники: Подкунинский, Мохов, Малые Копёны III, Тесь, Усть-Тесь, Усть-Ерба, Буфер, Барсучиха, Батени, Карасук I, Черновая, Варча, Сухое Озеро II, Кокорева и у Орака и др.

Таким образом, везде, где велись работы, обнаружены памятники как первой, так и второй групп. А это значит, что либо на протяжении всей карасукской эпохи разнокультурные памятники существовали бок о бок, никак друг на друга не влияя, хотя создатели их своих умерших хоронили на одном и том же месте, либо что они одновременны. Учитывая правильное замечание Э.А. Новгородовой, что хозяйство у них было одинаковым, следовательно, они не могли занимать разные экологические ниши, можно утверждать, что карасукские и каменноложские памятники одновременны.

Уже было показано, что в карасуке наблюдаются следы культурной преемственности от андроновской культуры, а карасукских черт в андроновской культуре нет, в каменноложских же памятниках можно видеть несомненные черты преемственности от карасукских, а обратных связей нет (Максименков, 1975а). Всё это с несомненностью позволяет утверждать, что карасукские памятники являются предшественниками каменноложских и что обе группы памятников представляют два этапа карасукской культуры, преемственно связаны между собой и генетически родственны. Следов параллелизма в развитии двух культур или групп памятников в Минусинской котловине в карасукское время наблюдать не удаётся, так же как нет объективных данных, чтобы утверждать параллельность карасукских и андроновских памятников.

Н.Л. Членова первая выделила особую группу памятников, объединив их в лугавскую культуру; заподозрить её в незнании материала и особенностей этих памятников трудно. Вместе с тем она пишет: «Ее отличия от карасукской культуры проявляются в керамике, обряде погребения и физическом типе ее носителей. Металлические изделия (ножи, украшения) — исключительно карасукских форм, что говорит о ее синхронности карасукской культуре и о смещении с ней» (Членова, 1972. С. 118).

Оставляя в стороне вопрос об антропологическом отличии карасукцев и лугавцев, как абсолютно неразработанный в науке, нужно остановиться на металлических изделиях. Н.Л. Членовой известно, что с лугавской керамикой в могилах встречаются только коленчатые ножи, в то время как

изогнутые найдены только в комплексах с собственно карасукской керамикой. Называя коленчатые ножи карасукскими, она затушёвывает истинную картину, использует вместо объективного материала их дифференцированный термин «карасукский» и на нём строит свои исторические выводы. Исследователи, считающие карасукскую культуру состоящей из двух последовательных этапов — карасукского и каменноложского, могли бы все вещи называть карасукскими по имени культуры. Утверждая разное происхождение, ареалы и датировки, вообще нелогично называть лугавские (бейские) вещи карасукскими.

Действительно, придерживайся она строго тех наименований, которые соответствуют истине, она не могла бы говорить о синхронности карасукской и лугавской культур по ножам, так как для одной характерны коленчатые, для другой изогнутые; не могла бы она говорить и о смешении, так как эти формы ножей встречаются только с определёнными формами керамики. И, более того, лугавская и карасукская керамика ни разу не встречена совместно в одном комплексе, что достаточно убедительно показала Э.А. Новгородова (1970. С. 176).

Н.Л. Членова, не приводя никаких доказательств, произвольно разделяет лугавские памятники на несколько групп. К собственно лугавским она относит могильники Фёдоров улус, Лугавское, Волчий лог и аналогичные им, где найдена только параболаидная посуда с оттисками палочки. По М.Д. Хлобыстиной, это самые поздние памятники среди бейских (Хлобыстина, 1970. С. 128). По Э.А. Новгородовой, часть из них ранние, а часть поздние (Новгородова, 1970. С. 62). Другие же могильники, такие как Карасук IV, Карасук VIII, где посуда более разнообразна, Н.Л. Членова произвольно называет лугавско-карасукскими на том основании, что в них найдены бомбовидные круглодонные горшки, которые, по её мнению, «похожи по форме на карасукские и, вероятно, образовались под их влиянием» (Членова, 1972. С. 118).

Действительно, если лугавские (каменноложские, бейские) памятники представляют карасукскую культуру на позднем этапе, то в них должны быть какие-то черты, связывающие оба этапа. Поэтому в памятниках ранне-лугавских керамика более разнообразна и более напоминает карасукскую, чем в поздне-лугавских. Характерные для них параболаидные сосуды встречаются не только

в собственно лугавских могильниках, но и в баиновских — переходных к тагару. Это обстоятельство хорошо известно Н.Л. Членовой, но оно её не устраивает, так как опровергает всю её схему. Поэтому она пытается лугавскую параболоидную керамику увязать с неолитической и афанасьевской. Ранее Н.Л. Членова последнюю рассматривала в качестве предшественника лугавской, теперь же, в связи с находкой браслета из метеоритного железа в афанасьевской могиле, она ставит под сомнение древний энеолитический возраст афанасьевской культуры и считает её сосуществующей с лугавской и влияющей на последнюю (Членова, 1972. С. 119). Что же касается неолитической керамики из Минусинской котловины, которая до недавнего времени не была известна, за исключением фрагментов с поселения Унюк (Л.П. Зяблин), то она ничего общего не имеет с лугавской.

Н.Л. Членова произвольно называет один из карасукских сосудов неолитическим (Членова, 1972. С. 119), но найденным в могильнике, который, по её мнению, относится к VIII–VII вв. до н. э. Отсюда она делает вывод, что такие сосуды могли существовать длительное время и, следовательно, не являются датирующими. Это заявление ей нужно для того, чтобы объявить лугавскую керамику не датирующей, существующей 800 лет. Как подтверждение этого она приводит сосуды Фёдорова улуса, найденные с коленчатыми ножками (по Н.Л. Членовой, самыми ранними), и аналогичные сосуды Аскиза и Думной горы, но найденные с тагарскими ножами и посудой (Членова, 1972. С. 120). Подобная логика рассуждений никого кроме Н.Л. Членовой убедить не может, и достаточно посмотреть на указанные ею таблицы в книге, где приведены материалы названных могильников.

Но если это так, если параболоидная керамика встречается как с коленчатыми ножами, так и с раннетагарскими, то, следовательно, лугавская керамика является непосредственным предшественником раннетагарской и отнесение Фёдорова улуса к XIV–XIII вв. до н. э. неправомерно, так же как неправомерно датировать этим временем коленчатые ножи. Это тем более верно, что Н.Л. Членова утверждает, что пришедшие в Минусинскую котловину карасукцы передали местным лугавцам свои бронзовые изделия: украшения и ножи (Членова, 1972. С. 88). Но если это правда, то лугавские коленчатые ножи не могут быть древнее изогнутых ка-

расукских, и поэтому все построения Н.Л. Членовой не могут считаться правильными, во всяком случае, она сама себе противоречит.

Практически все исследователи, занимающиеся карасукской культурой, признают тот факт, что каменоложские (бейские, лугавские) памятники культурно и хронологически близки раннетагарским, но делают это по-своему. Как только что было показано, даже Н.Л. Членова вынуждена это признать. Не отрицает этой близости и М.Д. Хлобыстина. Если в отношении сосуществования батеневских и бейских и более ранней даты последних М.Д. Хлобыстиной ничего доказать не удалось, то совершенно правильным является её утверждение о близости бейских памятников к баиновским — раннетагарским (Хлобыстина, 1963. С. 15). Но таким заключением обосновывается и более поздняя дата самих бейских памятников. Понимая это, М.Д. Хлобыстина часть бейских памятников называет каменоложскими, связанными с тагаром (Хлобыстина, 1970. С. 128), относя к ним, среди других, и могильник у Фёдорова улуса, керамику которого она раньше сопоставляла с афанасьевской и который, по Н.Л. Членовой, является самым ранним из лугавских. Здесь имеет место явное искажение фактов, так как каменоложские памятники по терминологии М.Н. Грязнова в принципе соответствуют бейским М.Д. Хлобыстиной. Недобросовестно пользуясь терминологией, она пытается создать видимость наличия двух групп, а следовательно, и наличие хронологических различий между ними. Таким образом, даже сторонники существования двух карасукских групп, этапов или культур, вынуждены признавать, что хотя бы часть каменоложских (бейских, лугавских) памятников связана с раннетагарскими. В то же время в отношении собственно карасукских никто, за исключением Н.Л. Членовой, к таким выводам не приходит.

Н.Л. Членова наряду с попыткой синхронизировать андроновские и карасукские памятники пытается доказать синхронность карасукских и тагарских памятников. Для этого ею выбраны различные случаи, и, надо сказать, с достаточной полнотой, которые она объединяет по сходству в несколько групп, пытаясь в каждой из них найти подтверждение своему положению. Н.Л. Членова приводит сведения о перекрытии карасукских могил памятниками других эпох. Перечисляя их, она отбрасывает случаи перекрытия карасукских могил

курганами тюркского и таштыкского времени и останавливается на перекрывании тагарскими насыпями карасукских могил. Таких случаев ею учтено десять. Семь из них при всём желании Н.Л. Членова для своих доказательств использовать не может. Но три случая привлекли её внимание. Это находка карасукской могилы рядом с могилой тагарского времени, под насыпью тагарского кургана у Есинской МТС (Архив ИА, р. 1, д. 956, л. 14). Правильно замечая, что при сооружении тагарской могилы карасукская не была задета, она всё-таки допускает: «Однако не исключено и другое, что после сооружения тагарского сруба и до насыпки над ним кургана рядом со срубом была вырыта яма для карасукской могилы». Отсюда ясно только одно: желание связать карасукскую и тагарскую могилы у Н.Л. Членовой сильнее, чем здравый смысл.

Это видно и из двух других примеров, которые, по её мнению, подтверждают её мысль. В Откнином улусе (раскопки Г. Мерхарта, 1926 год) карасукская могила разрушена тагарской. За пределами карасукской оградки находилась детская тагарская могила, где найдены бронзовая бусина, височное кольцо и сосуд. Без всяких доказательств кольцо объявляется карасукским, а сосуд более карасукским, чем тагарским. Отсюда и вывод, что, хотя карасукская могила разрушена тагарской, что для любого археолога является свидетельством разновременности, «инвентарь тагарского очень близок к карасукскому, что говорит о том, что между ними нет большого хронологического разрыва» (Членова, 1972. С. 37).

Наконец, третий пример. В кургане у Аскировка (Архив ИА, р. 1, д. 763, л. 100–112), где под насыпью тагарского кургана оказалась большая могильная яма глубиной 160 см со срубом и накатом и со следами сожжения. У северо-восточного угла с восточной стороны почти вплотную к срубам находился каменный карасукский ящик на глубине 110 см. По этому поводу Н.Л. Членова пишет: «...в Аскировке карасукский ящик достоверно опущен в тагарский котлован на глубину 150 см и пристроен к стенке тагарского сруба, значит, тагарское и карасукское сооружения здесь синхронны» (Членова, 1972. С. 37). В этом случае, как и в других, тагарский курган был сооружён на месте карасукского, но случайно поздняя могила прошла рядом со стенкой более древней, и из этого случая никакой синхрон-

ности не получается. Н.Л. Членова для большей убедительности датирует курган в Аскировке VII–VI вв. до н. э., таким путём пытаясь приблизить тагарские и карасукские памятники, но датировка эта совершенно неверна. В могиле оказалось сожжение, найден обломок сосуда и клык медведя. По вещам датировать курган трудно. Что же касается его особенностей, размера, конструкции стен ограды, конструкции могилы и следов сожжения, то это характерные черты поздне-тагарских курганов, во всяком случае не ранее IV в. до н. э.

Таким образом, из случаев перекрывания тагарскими насыпями карасукских могил никаких достоверных сведений о синхронности карасукской и тагарской культур извлечь не удаётся.

Другая группа доказательств строится на сведениях о находках карасукских ножей в тагарских погребениях, о находках карасукской керамики в тагарских погребениях и, наоборот, находках тагарской керамики в карасукских погребениях. В последнем случае речь идёт не о карасукских погребениях, а о карасукских могилах. Если действительно имеются факты находок карасукских вещей в тагарских комплексах, в которых карасукские вещи входят составным элементом содержимого могилы, это обычный случай находок ранних вещей в поздних памятниках, то находки тагарской керамики в карасукских могилах имеют принципиально иной характер. Это впускные погребения более поздней эпохи в могилы более ранней. Выделяет Н.Л. Членова также и сочетание тагарского инвентаря и карасукского погребального сооружения. Никакой разницы между впускными тагарскими погребениями и этой группой нет. Отличия только в том, что большинство случаев первой группы взято из старых раскопок, когда само погребальное сооружение не исследовалось, а последние из новых там, где погребальный карасукский памятник раскопан целиком. Так что обе эти группы представляют один вид впускных захоронений, многочисленные примеры которых по материалам Сухого Озера II приведены в последнем параграфе предыдущей главы.

Все эти случаи уже были предметом специального изучения, результаты которого можно свести к следующим положениям. В тагарскую эпоху было широко развито ограбление могил предшествующих эпох с целью добычи металла. Поэтому наблюдается почти стопроцентное разрушение кара-

сукских могил. В большинстве случаев карасукская бронза шла в переплавку для изготовления тагарских вещей, о чём свидетельствуют результаты анализов. Но в отдельных случаях хорошо сохранившиеся и годные к употреблению вещи использовались тагарцами. Поэтому в тагарских могилах находят не только бронзовые изделия более ранней эпохи, но и керамику и украшения. Кроме того, по неясным пока причинам тагарцы каких-то людей хоронили не на своих кладбищах, а в опустошённых ими более ранних могилах. Известны такие погребения не только в карасукских могилах, но также и в андроновских и даже афанасьевских (Максименков, 1975б. С. 159–167). Следовательно, все эти факты ни в коей мере не могут служить доказательством синхронности карасукских и тагарских памятников.

Но и этим не исчерпывается попытка Н.Л. Членовой доказать синхронность тагара и карасука. Она приводит два случая находки тагарских вещей в карасукских комплексах. Один из них находка ножа в карасукском поселении Каменка IV. Попадание поздней вещи в слой поселения — явление довольно обычное. Условия же находки, о которых говорит Н.Л. Членова, в отчёте не содержатся, и достоверность их весьма и весьма сомнительна. Так же как и второй пример — сочетание тагарского ножа с карасукскими вещами из «крестьянских раскопок» прошлого века (Членова, 1972. С. 38). Оба приведённых Н.Л. Членовой примера строго не документированы, а без этого делать какие бы то ни было исторические выводы невозможно. Следовательно, и эти сведения не могут говорить о синхронности тагарской и карасукской культур.

Остаётся последнее: сочетание карасукского инвентаря и тагарского погребального сооружения. Н.Л. Членова приводит два примера. Один из них Немир, раскопки И.П. Кузнецова-Красноярского в 1884 году. В могиле этого кургана найден сосуд действительно необычной формы, если верить Н.Л. Членовой. Сосуд не карасукский, и можно ли его считать каменоложским, сказать затруднительно. Но если его относить к последнему периоду карасукской культуры, то его сочетание с оградой не вызывает каких бы то ни было недоумений. Что же касается датировки сооружения, то, хотя здесь Н.Л. Членова отходит от своих принципов датировать всё по бронзовым вещам, она, видимо, только на два-три века омолодила его. Что же ка-

сается Откнина улуса из раскопок В.Г. Карцева 1930 году, то приведённый ею инвентарь погребения действительно карасукский, но нет никаких доказательств тагарского облика ограды, а самое главное — тагарского её возраста.

Все приведённые факты сочетания тагарского и карасукского в различных памятниках, как можно было видеть, хронологического соответствия карасукской и тагарской культур не подтверждают. Однако, рассмотрев все случаи, Н.Л. Членова делает заключение, что в обоих типах сочетаний (речь идёт о карасукском в тагарских и наоборот) нашло своё отражение частичное смешение карасукского и тагарского населения в VII–VI вв. до н. э., а стало быть, можно говорить о синхронности ряда карасукских памятников тагарским VII–VI вв. до н. э. (Членова, 1972). Этот вывод, следовательно, ничем не обоснован, так как не находит никаких подтверждений в археологическом материале.

Таким образом, ни технологический аспект в отношении последовательности форм ножей, ни стратиграфический в отношении синхронности андроновских и тагарских памятников карасукским не находит никаких подтверждений в археологическом материале. И все выводы Н.Л. Членовой в этих случаях ничем не обоснованы.

Рассмотрение аргументов и положений, приводимых исследователями, отрицающими последовательность смены культур и этапов в эпоху бронзы в Минусинской котловине и утверждающими сосуществование некоторых из них, показало их слабость и несостоятельность. Карасукский этап карасукской культуры не удаётся синхронизировать с андроновской культурой и объяснить их одновременностью наличие в карасукском этапе черт, близких или аналогичных андроновской культуре. К каким бы изощрённым способам доказательств ни прибегали бы эти исследователи, они упускают одно бесспорное свидетельство одновременности, а именно: утверждать её можно только в том случае, если бы характерные карасукские черты наблюдались в андроновских памятниках. Только очевидные взаимосвязи и взаимовлияния, объективно отражённые в археологическом материале, могут свидетельствовать об одновременности. На самом же деле устанавливаются только односторонние влияния, идущие от андроновской культуры к карасукскому этапу. Такое положение можно объяснить только тем, что карасукский этап позже

андроновской культуры и впитал в себя некоторые черты своей предшественницы.

Двусторонность связей явилась бы доказательством одновременности карасукского и каменноложского (бейского, лугавского) этапов. Но в работах исследователей, утверждающих их одновременность, не приведено ни одного бесспорного факта двусторонних связей. Более того, некоторые из них утверждают на основании статистических подсчётов полное отсутствие взаимовстречаемости вещей, характерных для этих этапов (Новгородова, 1970. С. 176). Поэтому им приходится для доказательства одновременности опираться не на прямые объективные свидетельства, а на, так сказать, косвенные доказательства, прибегая при этом к использованию неточных терминов.

Одним из таких доказательств, как было показано, является утверждение о существовании разных ареалов памятников этих этапов. Такое доказательство могло бы иметь право на существование, если бы разные районы Минусинской котловины были бы в одинаковой и почти стопроцентной степени исследованы. Но этого нет. Более того, в тех точках, где велись длительные и обширные раскопки, везде найдены памятники обоих этапов. Они обнаружены и в устье речки Черновой, и на речке Карасук, и у Малых Копён, и под горой Тепсей. Что же касается других районов, то в них таких больших работ не проводилось. Там раскопки носили выборочный, иногда случайный характер либо проводились с целью спасения разрушающегося памятника. Но даже при этом в разных частях Минусинской котловины были обнаружены карасукские и каменноложские памятники. Поэтому небольшие материалы одного из этапов или их полное отсутствие в каких-нибудь из конкретных частей Минусинской котловины не могут свидетельствовать об отсутствии памятников данного этапа на конкретной территории, ибо это не объективное свидетельство отсутствия, а только сегодняшний уровень наших знаний.

Утверждение разного распространения карасукских и каменноложских памятников пытаются подтвердить недоказанным положением о разном их происхождении: каменноложских, на базе каких-то местных древних культур, собственно карасукских, принесённых с юго-востока. Если даже допустить, что это положение правильно, то всё равно требуются доказательства их одновременно-

сти, а ими могут быть только двусторонние связи, чего на самом деле нет. Кроме того, утверждая разное происхождение при отсутствии двусторонних связей и наличии разных ареалов, вообще нелогично объявлять оба вида памятников принадлежащими единой культуре и пользоваться единым термином «карасукский». Потому что в конечном счёте получается, что культурное единство разных по происхождению и не связанных друг с другом памятников. Они единокультурны только потому, что им дано одно общее название. Но если называть их именами собственными, то единокультурность исчезает. Поэтому использование по отношению к памятникам обеих групп термина «карасукский» приводит к неясности, запутыванию вопроса и даже прямой фальсификации, примером чему может служить применение термина «карасукские» к каменноложским коленчатым ножам, ни разу не найденным в собственно карасукских памятниках.

Вместе с тем карасукские и каменноложские памятники действительно относятся к единой карасукской культуре. Между ними наблюдаются такие же односторонние связи, какие существовали между андроновской культурой и карасукским этапом. Эти связи и идут от карасукского к каменноложскому этапу и свидетельствуют о том, что второй вырос из первого (Максименков, 1975а).

Именно о таком временном их соотношении с полной убедительностью свидетельствуют находки параболоидных сосудов, наиболее характерных для поздних каменноложских памятников типа Фёдорова улуса с коленчатыми ножами, и аналогичных же сосудов с ножами раннетагарских баиновских форм с «аркой на кронштейне». Более того, в отдельных баиновских комплексах встречаются параболоидные сосуды и сосуды уже типично тагарской формы. Причём это сочетание органическое, а не механическое. В этих случаях нет никаких свидетельств того, что тагарская керамика попала в каменноложскую могилу в результате вторичного захоронения. Такие сочетания параболоидных и тагарских горшков найдены в тагарских могилах, находившихся в тагарских же оградах, и сопровождалась инвентарём тагарских форм. В этих условиях речь может идти только о перерастании каменноложского этапа в раннетагарский баиновский этап.

В то же время многочисленные случаи находок тагарских вещей в собственно карасукских моги-

лах, заключенных в карасукские ограды, то есть находки тагарских вещей в собственно карасукских памятниках, ни в коей мере не могут свидетельствовать о хронологической близости или непосредственной родственности этих культур. Аналогичные случаи находок тагарских вещей в андроновских и афанасьевских могилах (Максименков, 1975б. С. 159), то есть в памятниках всех предшествовавших тагарской культур, могут говорить только о том, что тагарцы раскапывали могилы своих предшественников и иногда хоронили в них своих умерших. Из этих фактов впускных тагарских погребений при всём желании нельзя извлечь объективных и бесспорных данных для утверждения хронологической близости собственно карасукских и тагарских памятников, тем более что последние представлены материалами далеко не самого начала тагарской культуры.

Таким образом, представление о сосуществовании разнокультурных памятников в Минусинской котловине в конце эпохи бронзы при тщательной проверке и учёте всех объективных данных оказывается, мягко говоря, недоказанными. А это значит, что принципиальная схема последовательности смены культур в эпоху бронзы, созданная С.А. Теплоуховым, не потеряла своего значения и до наших дней. В неё были внесены дополнения (окуневская культура) и уточнения (каменноложский этап), не изменившие её принципиально. Единственное, что несколько нарушило эту схему, это отрицание, в связи с новыми фактами, последовательного эволюционизма, так как выяснилось, что в энеолите и начале бронзового века происходила смена культур и их носителей и каждая новая культура не была генетически связанной с предшествовавшей. В то же время начиная с конца андроновской культуры и до начала тагарской можно видеть непрерывность и генетическую преемственность в развитии культур и их этапов.

Появление новщицких представлений о сосуществовании в противоположность представлениям С.А. Теплоухова о последовательности смены культур в связи с появлением огромного количества новых фактов можно расценивать только как болезнь роста наших знаний об эпохе бронзы Минусинской котловины. Хочется верить, что кризис этой болезни уже прошёл и началось выздоровление.

2.3. Происхождение раннекарасукского этапа

Вопрос о происхождении карасукской культуры является одним из наиболее сложных в истории изучения энеолита и бронзового века Минусинской котловины. Если для предшествующих исторических периодов он упирался в выяснение места, откуда пришла уже сформировавшаяся культура, так как на территории Южной Сибири в памятниках этих культур не видно черт культуuroобразования, то памятники карасукской культуры по меньшей мере индивидуальны. Уже одно это является свидетельством идущего динамичного и непрерывного процесса образования и развития культуры. Предшествующая андроновская культура в Минусинской котловине выглядит как полностью сформировавшееся, неподвижное, застывшее явление, законсервированное в своей устойчивости, карасукская же, в противоположность ей, живая, трепещущая, развивающаяся.

Вопрос о происхождении карасукской культуры затрагивали в той или иной степени все занимавшиеся ею исследователи. Принципиальное его решение различное, хотя в отдельных деталях почти все исследователи сходятся.

Вопрос этот сложен, он распадается на два взаимосвязанных, но и достаточно самостоятельных: как, каким путём, на основе чего сложилось то историческое явление, которое называется карасукской культурой; кто явился её создателем и носителем. Следовательно, здесь имеется два аспекта: археологический и антропологический. Результаты исследования того и другого при их совпадении позволяют считать, что полученная картина близка к истине, при расхождении же их вопрос остаётся открытым, т.к. неясно, выводы какой из наук являются более правильными. Однако до настоящего времени оба аспекта рассматривались в неразрывной связи и данными одной из наук подкреплялись выводы другой.

С.А. Теплоухов не только открыл и описал карасукскую культуру, он сумел правильно определить принадлежность к ней раскопанных его предшественниками могил, ранее не обративших на себя внимание. Сумел он сопоставить с ней и памятники соседних территорий, установив районы её распространения.

Определив правильно относительное место карасукской культуры среди других: между андроновской и Минусинской курганной (тагарской) культурой, он первым отметил несомненные черты сходства между андроновской и карасукской культурами. Они проявляются наличием одинаковых форм оград в виде кольца, в конструкциях могил, в положении погребённых на боку, в наличии близких элементов орнамента и переходных форм сосудов (Теплоухов, 1927. С. 91, 102, 108).

Однако этим, несомненно, правильным наблюдениям он искал подтверждения и в других известных ему материалах, в первую очередь стоянок у с. Анаш и на Ярках. На этих стоянках действительно была найдена и андроновская, и карасукская керамика, но слой стоянки стратиграфически не расчленялся, поэтому С.А. Теплоухов и пришёл к выводу, что все находки относятся к переходному времени между андроновской и карасукской культурами (Теплоухов, 1927. С. 105). Оценивая это заключение с сегодняшних позиций, приходится говорить о том, что С.А. Теплоухов ошибался. Накопление огромного материала в настоящее время позволяет говорить о том, что слои стоянок смешаны, а о правильности генетической связи андроновской и карасукской культур свидетельствуют другие факты.

Не прав С.А. Теплоухов и в отнесении могил 35–37 на Ярках (раскопки 1925 г.) также к переходному времени. Сделано это на основании сходства орнамента сосуда из могилы 35 и черепков со стоянки (Теплоухов, 1927. С. 105). Сходство отмечено правильно, но слой стоянки содержит разновременный материал. В данном случае речь идёт о керамике каменноложского, даже не карасукского этапа, но это стало ясным только при современном уровне знаний.

В целом же С.А. Теплоухов считал, что карасукская культура возникла из андроновской под влиянием культуры, зародившейся в пределах современного Китая (Теплоухов, 1929. С. 44). В основе его представления лежит отмеченное им сходство между коленчатыми ножами и ножевидными монетами Китая (Теплоухов, 1927. С. 106). В то время, да и значительно позже, коленчатые ножи считались карасукскими, хотя теперь стало ясно, что в собственно карасукских памятниках они не встречаются, а находятся только в каменноложских могилах.

С.В. Киселёв в своей монографической работе уделяет большое внимание вопросу происхождения карасукской культуры, находя в ней черты как местные, так и пришлые. Он широко использовал для решения вопроса происхождения данные антропологии, имевшиеся к моменту написания работы, в первую очередь результаты изучения антропологических материалов из Минусинской котловины Г.Ф. Дебецем (Дебеч, 1932; 1948). С.В. Киселёв прослеживает эволюцию взглядов Г.Ф. Дебеца на характер и связи населения карасукской эпохи. С самого начала Г.Ф. Дебечу был ясен смешанный характер населения этого времени, но наблюдавшиеся монголоидные черты на некоторых черепах он сблизил с памиро-ферганским расовым типом (Дебеч, 1932). Позже Г.Ф. Дебеч изменяет своё представление и видит в монголоидных чертах карасукских черепов примесь дальневосточного узколицевого монголоидного элемента (Дебеч, 1948. С. 77–83). Подводя итоги рассмотрению работ Г.Ф. Дебеца, С.В. Киселёв приходит к заключению о сильнейшей инфильтрации монголоидного населения с юго-востока и смешении его с людьми афанасьевского и андроновского типа (Киселёв, 1951. С. 116). Здесь нужно отметить, что С.В. Киселёв усилил роль и значение юго-восточного элемента по сравнению с тем, что писал Г.Ф. Дебеч.

Наличие представителей разного антропологического типа в составе населения карасукской культуры в известной мере определяло и подход к решению вопроса о путях формирования самой культуры. С.В. Киселёв находил в составе карасукского инвентаря вещи, которые он выводит из Китая. В первую очередь речь идёт о ножах, и не только коленчатых, которые сравнивали с «монетными» ножами Китая, но и вогнутообушковых, аналогии которым С.В. Киселёв находил в Ордосе и в районе Великой стены. То же относится и к ножам изогнутым (Киселёв, 1951. С. 119, 120). К восточным по происхождению вещам, указывающим на генетическую связь карасукских бронз и Китая. С.В. Киселёв относит кинжалы, клевцы и кельты (Киселёв, 1951. С. 124, 126). Среди различных украшений он отмечает отдельные виды, широко распространённые к востоку от Минусинской котловины вплоть до Северного Китая, где они найдены главным образом в провинции Суйюань (Киселёв, 1951. С. 132).

Китайская «струя» в населении карасукской культуры нашла своё достаточно, казалось бы, обоснованное подтверждение в археологическом материале, а бронза карасукской культуры — свои истоки. Однако появление новых видов керамики, изменения в погребальных памятниках и, следовательно, в погребальных обрядах также необходимо было объяснить.

Ещё рассматривая карасукские украшения, С.В. Киселёв, наряду с имеющими аналогии на Востоке, отметил те из них, которые можно связывать с предшествующими и соседними культурами. Так, в отношении лапчатых привесок он разделяет мнение С.А. Теплоухова и М.П. Грязнова о том, что эти предметы имеют своим предшественником андроновскую привеску из Малого Койтаса (Киселёв, 1951. С. 127). Связанными с андроновскими, по его мнению, являются бронзовые пронизки, широко распространённые в обеих культурах, различные виды бронзовых и каменных бус и бисер (Киселёв, 1951. С. 129, 130).

Но больше всего черт связи карасукской культуры с предшествующими С.В. Киселёв видит в керамике и орнаментах. Он совершенно справедливо отмечает, что, в целом, в посуде произошли серьёзные изменения (смена плоскодонных горшков круглодонными), что объяснить простым развитием посуды не удаётся. По его мнению, должны были произойти серьёзные изменения в использовании посуды. И всё же, в отличие от других вещей, он считает посуду местной, а не принесённой со стороны (Киселёв, 1951. С. 139).

Нужно сказать, что разбирать здесь все его построения и доказательства нет необходимости, в первую очередь потому, что на них сказались состояние изученности как самой карасукской культуры и ближайших её аналогов в Сибири, так и представления об андроновской культуре в целом. Поэтому, отмечая отдельные ранние и поздние черты в карасукской культуре, С.В. Киселёв с точки зрения сегодняшних знаний ошибался. Важно отметить другое; те конкретные черты связи андроновской и карасукской посуды на Енисее, которые не прошли мимо внимания С.В. Киселёва.

Речь идёт о наличии среди карасукских горшков сосудов с плоским дном и по форме похожих на андроновские (Киселёв, 1951. С. 134), а также украшении некоторых сосудов сложными орнаментами: треугольниками, ромбами, меандрами, зиг-

загами, фестонами и вообще геометрическими узорами, выполненными к тому же иногда зубчатым штампом (Киселёв, 1951. С. 137, 138). В то же время сопоставление уступа на месте перехода тулова карасукских горшков в шейку с уступами западно-андоновской посуды, которую С.В. Киселёв считал поздней (Киселёв, 1951. С. 133, 139), вряд ли сейчас можно считать правильным, хотя полностью отрицать такую зависимость тоже нельзя, так как в енисейском андроне имеются несомненные черты и алакульской посуды.

Вторая древняя «струя» в карасукской посуде выводится С.В. Киселёвым от афанасьевских горшков. Это яйцевидность и круглодонность посуды, затёртость стенок горшков зубчаткой, украшения в виде горизонтальной ёлочка (Киселёв, 1951. С. 132, 133, 136). В то время такое представление было вполне закономерным, так как карасукская культура не была ещё разделена на два этапа, а рассматривалась как единая. Поэтому внешне казавшиеся похожими приёмы изготовления и формы можно было принять за наиболее ранние. Сейчас же, когда выделен каменноложский этап, все эти черты оказываются свойственными посуде позднего периода, и именно они характеризуют каменноложскую керамику.

Говоря о преемственности между карасукской и андроновской культурами, С.В. Киселёв обращается к материалам Анашенской и Батеневской стоянок. Соглашаясь с С.А. Теплоуховым в отнесении их к переходному времени, он считает, что культурный слой этих памятников сложился в результате сосуществования пришлого и местного андроновского населения, что и обусловило преемственность между культурами. О значении стоянок уже говорилось в связи с работой С.А. Теплоухова. Что же касается черт преемственности, то С.В. Киселёв наблюдает их не только в керамике, но и в наличии в карасукской культуре оград круглой формы, характерных для предшествующего времени (Киселёв, 1951. С. 110).

Можно отметить ещё одно отмечаемое С.В. Киселёвым сходство андроновской и карасукской культур — это близкий состав погребённых на андроновских и карасукских кладбищах, в первую очередь семейных и парных погребений (Киселёв, 1951. С. 113, 165).

Говоря о представлениях С.В. Киселёва по вопросу происхождения карасукской культуры,

нужно отметить, что для состояния развития науки того времени он довольно правильно его решил, найдя несомненные черты преемственности между андроновской культурой и карасукской. Что же касается влияния бронзовой индустрии Шан-Иньского периода Китая на формирование карасукской культуры, то эти представления держатся до настоящего времени среди ряда исследователей и пока не нашли достаточно аргументированного опровержения.

По-иному вопрос о происхождении карасукской культуры рассматривает М.П. Грязнов. Он считает, что на Енисее в её основе лежат древние местные андроновские традиции, которые в археологическом материале проявляются в погребальном обряде, керамике, поясковых кельтах и некоторых видах украшений (Грязнов, 1956. С. 38).

В то же время, учитывая, что Г.Ф. Дебец предполагал в смешанном физическом типе некоторых черепов наличие узколицевого монголоидного компонента, М.П. Грязнов допускал возможность проникновения некоторого количества пришельцев с юго-востока в Минусинскую котловину. В результате взаимодействия древних местных традиций и пришлых элементов и возникло своеобразие карасукской культуры. Пришлыми элементами в археологическом материале являются переработанные соответственно местным потребностям и вкусам бронзовые ножи, кинжалы, чеканы и некоторые виды украшений. И тем не менее в целом карасукская культура, по мнению М.П. Грязнова, явилась результатом естественного исторического процесса развития андроновской культуры, в изменениях экономики населения, что отразилось и в быту.

Если для Енисея, исходя из тех представлений, которые существовали в науке до последнего времени, приходилось считаться с возможностью появления нового населения с юго-востока, то для более западных районов, бассейна р. Оби, никаких свидетельств появления нового населения нет. Карасукская культура на Оби также возникла из андроновской, но здесь сложились своеобразные формы материальной культуры, отличные от енисейских, хотя и встречаются отдельные вещи, попавшие сюда из более восточных районов. Эти формы бронзовых вещей, распространённые на Енисее и далее на восток от него, не получили развития на Оби.

Что же касается антропологического облика населения карасукского времени на Оби, то данных

по этому вопросу нет. Два известных черепа, европеоидный и монголоидный, недостаточны для решения этого вопроса. Хотелось бы только отметить, что, говоря о монголоидном черепе, М.П. Грязнов высказал интересное соображение, что монголоидность нужно связывать не с центрально-азиатским типом, а с древним северосибирским (Грязнов, 1956. С. 40). Это замечание, в настоящее время в связи с антропологическими материалами Сухого Озера II, находит подтверждение.

Представление о том, что основным компонентом карасукской культуры является андроновская, разделяют и другие исследователи (Грязнов, Максименков, Пяткин, 1968; Максименков, 1978. С. 114 и др.). Но наряду с этим некоторые специалисты создают свои своеобразные схемы возникновения карасукской культуры. Эти представления являются индивидуальными, хотя между некоторыми из них имеются и точки соприкосновения.

Вопрос о происхождении карасукской культуры специально в работах М.Д. Хлобыстиной не рассматривается, но во многих местах разбросаны отдельные противоречивые замечания, непосредственно к нему относящиеся. Разобраться в них довольно сложно, но попытаться необходимо. М.Д. Хлобыстина считает, что в конце II тыс. до н. э. в Минусинской котловине существовала «единая карасукская культура, включавшая в себя ряд культурных групп, в каждой из которых преобладала та или иная этнокультурная среда» (Хлобыстина, 1970. С. 129). Эта этническая чересполосица была составлена из трёх групп памятников: бейских, каменноложских, батеневских и усть-ербинских (карасукских). Происхождение каждой из этих групп, судя по текстам её работ, было различным.

Бейская (каменноложская) группа связывается по происхождению с афанасьевским энеолитом, одним из вариантов которого, по её мнению, являлась окуневская культура (Хлобыстина, 1963. С. 15). Оставляя на совести М.Д. Хлобыстиной недоказанное ею и противоречащее фактам утверждение об окуневской культуре как о варианте афанасьевской, нужно отметить, что в другой работе о тех же памятниках она пишет по-иному: «...бейские могильники с наибольшей полнотой отразили местную, окуневско-андоновскую традицию, среди прочих карасукских могильников они представляются наиболее культурно изолированными» (Хлобыстина, 1970. С. 128). Появление в бейских

памятниках наряду с окуневской ещё и андроновской традиции может вызвать только недоумение. Между окуневской и андроновской культурами нет никаких генетических связей. Более того, на той же странице работы М.Д. Хлобыстина совершенно правильно указывает андроновские черты в карасукских могильниках, объединённых ею в группу усть-ербинских. Приводимые же якобы андроновские черты в бейских памятниках: булыжниковые кольца, грунтовые ямы, употребление дерева, наличие в ограде по одной могиле — ни о каких местных традициях свидетельствовать не могут, о чём уже приходилось писать.

Батеневская (собственно карасукская) группа, по мнению М.Д. Хлобыстиной, сложилась из элементов «заимствованных или общих с культурами ордосско-аньянского круга», она не имеет местных корней, её нельзя генетически связывать с андроновской культурой, хотя она впитала в себя некоторые элементы орнаментов (Хлобыстина, 1963. С. 15). Отсюда можно сделать вывод, что батеневская группа пришла.

Усть-ербинская (собственно карасукская) группа памятников действительно демонстрирует наличие многих элементов, андроновских по происхождению. Некоторые из них отмечены М.Д. Хлобыстиной, это двойные каменные ящики, круглые ограды, геометрическая орнаментация сосудов, плоскодонные горшки. Но наличие этих, несомненно андроновских, черт объясняется процессом далеко зашедшей ассимиляции андроновской культуры новыми культурными элементами и отражает взаимодействие андроновской и карасукской культур (Хлобыстина, 1970. С. 128). Правильно отмечая, что андроновские культурные влияния были распространены по всей Минусинской котловине и не ограничивались каким-либо отдельным районом, она в подтверждение своей мысли ссылается на могильники Карасук I, Усть-Сыда, Мохов (батеневские, по её терминологии), где наблюдаются пережиточные андроновские черты (Хлобыстина, 1970. С. 128).

В этой связи остаётся совершенно неясным происхождение усть-ербинской группы. Если она результат ассимиляции андроновской культуры карасукской, то почему в карасукских памятниках встречаются пережиточные андроновские черты? Такое может быть, только если карасукские памятники позже андроновских. Если же действительно

в карасукских памятниках наблюдаются пережиточные андроновские черты, то андроновцы взаимодействовали не с карасукской культурой, а с кем-то другим, в результате чего и появилась карасукская культура с андроновскими пережитками. Следовательно, андроновскую культуру нужно считать одним из генетических предков карасукской.

Если говорить в целом о представлениях М.Д. Хлобыстиной по вопросу происхождения карасукской культуры, то возникает впечатление, что либо она не понимает того, о чём пишет, либо умышленно запутывает этот вопрос, иначе объяснить постоянные противоречия в её работах невозможно. Нужно отметить ещё и то, что наблюдаемой путанице способствует отсутствие строгой терминологии. Называя она не только группы памятников, но и вещи, происходящие из них, не единым термином «карасукские», а соответственно выделенным группам: бейские, батеневские, усть-ербинские, она бы без труда заметила разницу в инвентаре, а следовательно, не могла бы объединять в единую одновременную культуру и каменоложские (бейские), и собственно карасукские (батеневские и усть-ербинские) памятники.

Вопросам происхождения карасукской культуры много места отводит в своих работах Э.А. Новгородова (1962; 1963; 1965), послуживших основой её книги «Центральная Азия и карасукская проблема» (1970). Общие её представления состоят в следующем: в карасукской культуре имеется три компонента, местный с афанасьевско-окуневскими традициями, центральноазиатский, состоящий из всего того, что до карасукской культуры не было известно в Минусинской котловине, и андроновский, черты которого проявляются на северо-западе.

По Э.А. Новгородовой, на юго-западе Минусинской котловины продолжили жить потомки афанасьевцев. Их культура карасукского времени, в книге она собственного имени не имеет, характеризуется каменными булыжниковыми выкладками, грунтовыми ямами, использованием дерева, юго-западной ориентировкой, яйцевидно-эллипсоидной и бомбовидной посудой с орнаментом на шейке, коленчатыми ножами, треугольными нашивными пластинками и биконическими перстнями. Позже носители этого комплекса продвинулись на север в район Батеней. Все перечисленные элементы культуры Э.А. Новгородова непосредственно связывает с афанасьевскими,

за исключением коленчатых ножей, генетическими предшественниками которых считает окуневские (Новгородова, 1970. С. 174).

На юго-востоке Минусинской котловины, в междуречье Тубы и Енисея, а также на левобережье, распространены памятники, характеризующиеся круглыми и квадратными оградками из вертикально поставленных или плашмя положенных плит, каменными ящиками, труположением на спине, северо-восточной ориентировкой погребённых, сферическими сосудами, дугообразнообушковыми ножами, кельтами, шильями, лапчатыми привесками, раковинами каури, биконическими бусами, узкими браслетами, бляшками. Этот комплекс частично в форме и орнаментации посуды, а более значительно в орудиях труда и украшениях, по мнению Э.А. Новгородовой, указывает на сходство с ордосско-монгольскими степными культурами (Новгородова, 1970. С. 171).

Кроме того, в памятниках, характеризующихся указанными чертами, особенно в западной части Хакасии, можно видеть влияние андроновской культуры.

Однако она себе противоречит: с одной стороны, говорит о западе и северо-западе левобережья Енисея как о районе преимущественно прослеживаемых андроновских влияний, а с другой — в перечне памятников упоминает Есинскую МТС и Бельтыры, находящиеся в юго-западном углу Минусинской котловины (Новгородова, 1970. С. 61). К андроновским чертам Э.А. Новгородова относит плоскодонные формы горшков, сложные геометрические узоры, использование для украшения горшков зубчатого штампа (Новгородова, 1970. С. 43–48). Кроме того, среди украшений и других вещей Э.А. Новгородова выделяет группу таких, которые имеют аналоги в андроновской культуре. К ним относятся: узкие пластинчатые браслеты, кольца с двумя выступами, бронзовые и каменные бусы, бляхи с двумя отверстиями (Новгородова, 1970. С. 131 и далее). Есть отдельные черты сходства в деталях погребального обряда (Новгородова, 1970. С. 174). Следовательно, во всех сторонах карасукской культуры удаётся видеть черты, которые можно связать с андроновской культурой, хотя о некоторых из них Э.А. Новгородова говорит только вскользь, что создаёт несколько искажённое представление об их удельном весе и роли в сложении карасукской культуры. Тем не менее, вопреки

приведённым ею самой фактам, она утверждает, что андроновцы не внесли существенного вклада в развитие карасукской культуры (Новгородова, 1970. С. 64). Ограничен и район проявления андроновского влияния, это северо-западная часть Минусинской котловины (Новгородова, 1970. С. 158), однако она противоречит себе, так как хорошо знает о наличии памятников с андроновскими чертами на крайнем юго-западе котловины, где, по её представлениям, находились памятники, принадлежащие потомкам афанасьевцев.

Обзор представлений исследователей по вопросу о происхождении карасукской культуры показал, что практически все, кто затрагивал этот вопрос, отмечают в карасукской культуре отдельные черты, или даже их комплекс, сходные с андроновской культурой. Если суммировать отмеченные исследователями сходства, то окажется, что их наблюдают в конструкции и форме оград, в форме могил, в наличии выкладок вокруг могил, в положении умерших на левом боку, в постановке горшков перед лицом погребённого, в парных погребениях, в которых женщина лежит за спиной у мужчины, в наличии плоскодонных горшков, в сложных орнаментах на сосудах, в одинаковых украшениях. Создаётся впечатление, что в любой черте карасукской культуры на её карасукском этапе можно найти соответствие в андроновской культуре.

Отмечая отдельные совпадения и сходства, все исследователи пользовались относительно небольшими материалами, поэтому, правильно указывая на андроновские черты в карасукском этапе, они не имели возможности оценить вес этих элементов, их место и значение для карасукской культуры. Материалы Сухого Озера II позволяют это сделать более или менее объективно.

Сопоставляя андроновские и карасукские памятники по виду и способу сооружения оград, трудно заметить, что в обеих культурах имеются как круглые, так и прямоугольные ограды, сооружённые либо из плашмя положенных плит, либо из плит, врытых вертикально. Кроме того, в обеих культурах встречаются одиночные ограды и их системы из пристроенных друг к другу оградок. Однако соотношение того или иного вида оград, а также и способы их сооружения для каждой культуры различны. Андроновскую культуру можно было бы назвать культурой круглых оград, а карасукскую — культурой прямоугольных оград. Действительно,

подавляющее большинство оград андроновской культуры представлено круглыми, они составляют почти 80 % всех андроновских могильных сооружений, причём 63,5 % из них сооружены из вертикально врытых плит и только 12,5 % из плашмя положенных. В то же время в могильнике Сухое Озеро II круглые ограды представлены примерно 12 %, и из них меньше 1 % оград из вертикальных плит. Зато на Сухом Озере II 87,5 % оград представлено четырёхугольными, из которых 32 % сооружены из вертикально врытых плит. В андроновской культуре четырёхугольных оград всего 12 %. Соотношение, как можно видеть, обратно пропорциональное. Что же касается систем оград, то в андроновской культуре их немного больше 10 %, а в карасукской более 40 %.

Таким образом, несмотря на то что в обеих культурах ограды представлены одними и теми же видами, говорить просто о том, что в карасукское время четырёхугольные ограды становятся ведущими за счёт уменьшения круглых и все виды оград пришли из андроновской в карасукскую культуру, вряд ли будет правильно. Не отбрасывая полностью такого заключения, можно всё-таки предположить, учитывая появление в карасукское время нового населения на Енисее, что непосредственно от андроновцев карасукцы заимствовали круглые ограды и, может быть, системы оград, а от новых пришельцев четырёхугольные. Видимо, этим объясняется широкое распространение четырёхугольных оград в раннем карасуке. Такая форма тем более легко привилась, что она не была чуждой и андроновцам и не воспринималась создателями карасукской культуры как нечто новое, ранее неизвестное. Следовательно, можно говорить о том, что в конструкции оград просматривается не только андроновское наследие, но и традиция, характерная для новых пришельцев.

Сопоставляя виды могил андроновской культуры и карасукского этапа, можно увидеть, что картина здесь несколько иная. Всего для обоих периодов известно шесть видов могил. Из них три вида являются общими, два встречены только в андроновских памятниках и один в карасукских.

В обеих культурах встречаются простые грунтовые ямы. Возможно, что первоначально в них были какие-то деревянные конструкции, но от них ничего не сохранилось, так что приходится говорить о простых грунтовых ямах. И в андро-

новской, и в карасукской культурах их количество, можно сказать, одинаково. В андроновской культуре они составляют около 2 %, в целом по Сухому Озеру II их процент повышается до 4, но это, видимо, зависит от количества могил, раскопанных в каждой группе.

Вторым видом, общим для обоих периодов, являются цисты. Для андроновской культуры этот вид могил является вторым по числу случаев. В ней известны цисты, сооружённые в грунтовых ямах, а также зимние могилы, возведённые на древней поверхности почвы. В целом же цисты представлены 37 % всех андроновских могил. В карасукском этапе цисты занимают третье место. По материалам Сухого Озера II, они составляют 15,5 %, хотя в отдельных группах процент их несколько больше. Опять-таки это зависит от количества раскопанных могил в группе. В карасукском этапе неизвестны цисты, сооружённые в ямах. Здесь встречаются только возведённые на поверхности почвы, то есть, как и в андроновской культуре, это могилы, в которых хоронили зимой.

Ведущим видом могил как в андроновской культуре, так и в карасукском этапе являются прямоугольные ящики. В первой они представлены примерно 44 %, а во втором 48 %. Количество ящиков в отдельных группах Сухого Озера II несколько колеблется из-за отмеченных уже причин. Сами андроновские и карасукские ящики, несмотря на принципиальное сходство, несколько между собой различаются. Андроновские ящики крупнее карасукских. Они глубже, у них соотношение длины и ширины обычно 1 : 2, то есть длина в два раза больше ширины. Стены андроновских ящиков вертикальные, а плиты, из которых они сделаны, более крупные и толстые. Карасукские ящики мельче, обычно глубиной 60 см. Пропорции их несколько удлинены за счёт меньшей ширины, стены отклонены наружу, так что ящик шире наверху, чем внизу. Плиты стен более мелкие и лёгкие.

В карасукском этапе кроме прямоугольных ящиков, соответствующих андроновским, известно большое количество ящиков трапециевидной в плане формы. Таких ящиков в андроновской культуре нет. Трапециевидные ящики в карасукском этапе занимают второе место, на Сухом Озере II их 40 %, а в отдельных группах наблюдается небольшое колебание. Отличие трапециевидных ящиков от прямоугольных состоит в том, что у них головной ко-

нец могилы шире, чем противоположный. Что же касается глубины, размеров и пропорций, а также материала, из которого они сделаны, то здесь различий между отдельными видами ящиков нет.

Вообще все карасукские могилы независимо от их вида отличаются от аналогичных андроновских меньшей фундаментальностью. Это чувствуется во всём, и в первую очередь в использовании более мелких и лёгких плит. В первой главе уже говорилось, что такие отличия, скорее всего, связаны с тем, что в карасукское время над сооружением могил и оград трудились только ближайшие родственники, может быть члены семьи, а в андроновское время более крупные коллективы. Такое предположение объясняет отличие конструкций и особенности карасукских могил. В них во всём чувствуется экономия сил: и в небольшой глубине, и в мелких лёгких кусках материала, и в том, что стены могил имеют наклон наружу, что позволяло просто опирать на них плиты, не устраивая дополнительных креплений. Если подобные рассуждения правильны, то с их позиций можно объяснить и появление трапециевидных ящиков, которые в этой связи должны рассматриваться как более экономичная форма могилы. Действительно, если погребальный инвентарь предпочитали располагать в головном конце могилы, перед верхней частью тела, то отпадала необходимость делать ножной конец могилы такой же ширины, как верхний, и, следовательно, несколько уменьшался объём работы.

В андроновской культуре известен ещё один вид могил, полностью отсутствующий в карасукском этапе, это грунтовая яма со срубом и с деревянным накатом, сооружение достаточно трудоёмкое, учитывая толщину используемых для этого брёвен.

Таким образом, говоря в целом о могилах андроновской и карасукской культур, пожалуй, можно считать последние производными от первых. Даже такой специфический вид могил, как трапециевидные ящики, можно рассматривать как разновидность, возникшую из прямоугольных. В могилах не удаётся видеть принципиально новую струю, хотя по формальным соображениям трапециевидные ящики, отсутствующие в андроновской культуре, можно было бы рассматривать как нововведение, связанное с появлением нового населения.

Положение погребённых в могилах также позволяет видеть определённую преемственность между андроновской и карасукской культурами. Ведущим способом положения умершего в могилу является укладывание его в скорченном положении на левом боку. Такие погребения в андроновских памятниках, где удаётся установить способ погребения, составляют 78 %. Остальные 22 % приходятся, практически поровну, на положение умершего скорчено на правом боку и на захоронения пепла. В карасукских памятниках два последних вида неизвестны. Ведущим, как и в андроновское время, является положение на левом боку, которые составляют 70 %. Правда, здесь можно видеть две разновидности. Большинство погребённых лежат скорчено или слабо скорчено на левом боку, вплотную к длинной стене ящика. Но наряду со скорченными погребениями встречается небольшое количество погребённых на левом боку в вытянутом положении, причём труп первоначально также лежал почти вплотную к длинной стене ящика.

30 % погребённых из числа учтённых на Сухом Озере II лежали в могиле вытянуто на спине, но опять-таки ближе к одной из длинных стен. Вытянутое положение на спине в андроновское время не встречено ни разу, так что этот способ положения умершего в могилу нужно считать нововведением, связанным с вторжением нового населения. Как результат взаимодействия древней андроновской традиции погребать умершего скорчено на левом боку и нового способа положения на спине и появились погребения в вытянутом положении на левом боку. Тем не менее андроновская традиция здесь достаточно сильна.

Среди карасукских погребений Сухого Озера II, как уже отмечалось при рассмотрении обряда погребения, встречено несколько могил, содержащих парные погребения. Их общее число невелико, но это во многом зависит от сохранности карасукских могил. Особенностью этих парных погребений является то, что женщина в них лежит за спиной мужчины. Такой способ захоронения известен только у андроновцев Енисея. Аналогичные погребения в карасукской культуре с полной несомненностью свидетельствуют о преемственности между енисейским андроном и карасуком, так как это чисто этнографическая черта, которая могла быть перенесена только вместе с носителями культуры. Правильность

подобного заключения подтверждают и соседские захоронения мужчины и женщины в одной ограде. Таких случаев также немного, но и они демонстрируют ту же андроновскую традицию. Женская могила находится за спиной мужчины. Правда, здесь уже в отдельных случаях удаётся наблюдать и нарушение этой традиции. Таким образом, несомненно андроновскими по происхождению являются обычаи парных и соседских захоронений, в которых женщина лежит за спиной мужчины.

Что же касается ориентировок погребённых, то здесь картина совершенно другая. Всеми исследователями отмечалось коренное изменение в ориентировке погребённых в раннее карасукское время. Если в андроновской культуре господствующие направления западные: ЮЗ, З, ЗЮЗ, которые в сумме дают 80 %, то в раннее карасукское время имеет место диаметрально противоположная ориентировка: СВ, В, ВСВ, представленная 96 %. И несмотря на то, что и в андроновское время, и в раннекарасукское встречаются и одинаковые направления, в основном промежуточные, нужно говорить о коренном отличии в ориентировке погребённых в этих культурах. Нужно думать, что подобные изменения произошли под влиянием нового населения. Остаётся неясным только, почему в других чертах культуры сохраняются старые андроновские традиции, а в ориентировке происходит практически полная смена.

Все исследователи, занимавшиеся карасукской культурой, отмечают черты преемственности между ею и андроновской культурой в керамике. Наличие в раннекарасукских памятниках плоскодонной посуды, по форме соответствующей андроновской, является ярким примером этого. Однако, как было показано при рассмотрении посуды Сухого Озера II, плоскодонные горшки между собой отличаются, часть из них на месте перехода шейки в плечико имеет уступ, другая его лишена. Наибольшую близость к андроновским горшкам демонстрируют плоскодонные сосуды без уступа, так как его на андроновских горшках нет. Что же касается плоскодонных горшков с уступом, то по форме они так же близки андроновским, но отличаются от них именно этой деталью.

Если на Оби вся раннекарасукская посуда плоскодонная и наглядно демонстрирует своё происхождение от андроновской (Грязнов, 1956. С. 32;

Киселёв, 1951. С. 156), то на Енисее картина значительно сложнее. В наиболее ранней группе 5 Сухого Озера II, где найдено самое большое количество плоскодонных горшков, наряду с ними имеются и круглодонные сосуды, и сосуды с уплощённым дном. Здесь хорошо видно наличие примерно в одинаковом количестве горшков, демонстрирующих различные культурные традиции: с одной стороны, андроновскую, а с другой — новую, ранее неизвестную на Енисее. В борьбе этих традиций и вырабатывается характерная карасукская посуда. Основная тенденция в развитии формы состоит в том, что в конечном счёте победу одерживает традиция круглодонной посуды. Это легко видно по составу керамики в наиболее поздней группе 1 Сухого Озера II, где плоскодонные сосуды полностью отсутствуют.

Круглодонная посуда не сразу вытеснила андроновскую керамическую традицию, хотя с самого начала оказала на неё очень сильное воздействие. Так, если все андроновские горшки лепили начиная со дна, в результате чего у них дно ровное плоское, во всяком случае толще стенок, которые возводили от дна до венчика плавной линией, не имеющей уступа, то круглодонные лепились иначе. У них выколачивалось тулово, а затем к нему прилепляли шейку, в результате чего на месте скрепления появлялся уступ, особенно наглядно видимый на неорнаментированных круглодонных горшках. Многие карасукские плоскодонные горшки имеют дно, по толщине равное стенкам, а это свидетельствует, что их лепили в другой, не андроновской традиции. Об этом же говорит и налипшая шейка, образующая с туловом уступ. Само же плоское дно карасукских сосудов появлялось в результате уплощения нижней части горшка. Иногда дно уплощали аккуратно, пытаясь придать горшку традиционную андроновскую форму, в других делали это более небрежно, не подчёркивая резкого перехода от дна к стенкам, в результате чего получались сосуды с уплощённым дном. Последние горшки наглядно демонстрируют переходный характер этой посуды.

Победе круглодонной традиции, видимо, способствовало изменение быта карасукского населения, для которого круглодонные горшки оказались более удобными, отвечавшими условиям жизни, чем плоскодонные. Таким образом, андроновские традиции в форме посуды, ярко проявлявшиеся в начале формирования карасукской культуры,

в довольно короткие сроки были изжиты в связи с новыми требованиями условий жизни.

Наличие андроновских черт отмечают все исследователи и в орнаментации карасукской посуды. Здесь нет необходимости детально рассматривать пути появления и формирования карасукской орнаментации из андроновской. Подробно этот процесс уже был рассмотрен (Максименков, 1978. С. 114 и далее). Стоит напомнить только, что все наиболее пышные и нарядные узоры карасукских горшков, такие как шевроны, ряды ромбов, ряды треугольников, ковровые полосы, возникли из наиболее часто употреблявшихся на Енисее украшений андроновской посуды. Они редко просто повторяют андроновские орнаменты: пирамидки из треугольников или украшения наружной стороны шеврона треугольниками. Чаще же андроновские орнаменты видоизменены, приспособлены к новой форме сосудов, к вкусам их создателей. Что же касается простых орнаментов: вдавлений, насечек, ямок, желобков и сочетания этих элементов друг с другом, то большинство исследователей их также выводят из андроновских ёлочек, ямочек, желобков, украшающих шейку. Этот вопрос не до конца ясен. Простота узоров допускает мысль, что они могли возникнуть и самостоятельно. Действительно, они нанесены палочкой путём прочерчивания или уколов дощечкой с закруглённым овальным концом, то есть такими орудиями, которые широко были распространены в разных культурах. А вот узоры, нанесённые зубчатым штампом, видимо, нужно связывать непосредственно с андроновскими. Пожалуй, то же происхождение имеют и зигзаги.

Если обратиться к украшению посуды ранней группы 4 Сухого Озера II, то можно увидеть, что больше половины найденных там горшков богато украшены разнообразными, производными от андроновских орнаментами. Вторыми по количеству орнаментов являются зигзаги. В единичных случаях встречены ямки и ямки в сочетании с вдавлениями. Остальная посуда, по количеству она занимает второе место, орнаментов не имеет. В андроновской культуре неорнаментированной посуды нет. Поэтому в материалах группы 4 можно видеть те же две тенденции: андроновскую орнаментацию и новую традицию, не требовавшую украшений или использующую для них ямки или насечки.

Рассматривая керамику наиболее поздней группы 1 Сухого Озера II, можно видеть, что здесь на первом месте стоят горшки, украшенные желобками, на втором неорнаментированные, на третьем украшенные ямками и только на четвёртом — горшки с богатым орнаментом; они составляют 12 % в группе, в то время как в группе 4 их 51 %. Кроме того, в группе 1 есть несколько сосудов, украшенных ямками с вдавлениями и желобками с вдавлениями. Сопоставляя обе группы, можно видеть, что развитие орнаментации в раннекарасукское время идёт по пути уменьшения богатых орнаментов, их упрощения, исчезновения зигзага и, наоборот, в увеличении горшков, украшенных желобками, ямками, иногда дополненными вдавлениями. То есть по орнаментам можно видеть ту же тенденцию, что и в изменении формы: постепенное, но довольно быстрое отмирание андроновских традиций и преобладание новых, ранее на Енисее неизвестных.

Единственным видом орнамента, который, ведя своё происхождение от андроновского, изменяясь, продолжает существовать не только в раннекарасукских памятниках, но и в каменноложских, являются треугольники, обращённые вершинами вниз, и они в конце каменноложского этапа исчезают.

Среди украшений карасукской культуры исследователи отмечают их некоторые виды, ведущие своё происхождение от андроновской (Грязнов, 1956. С. 38; Киселёв, 1951; Комарова, 1961; Новгородова, 1970. С. 131). Однако нужно сказать, что в памятниках андроновской культуры на Енисее найдено очень мало вещей. Можно говорить о сходстве андроновских и раннекарасукских некоторых видов проволочных колец, проволочных браслетов или колец с концами в виде конической спирали и, видимо, производных от них карасукских колец с двумя выступами, бляшек с петелькой на обороте, бронзовых и каменных бус, а также лапчатых привесок. Правда, аналогии последним взяты из более западных районов. Видимо, андроновскими по происхождению являются и бронзовые трубочки-пронизки. Но в целом нужно сказать, что большинство украшений представлены простыми вещами, распространёнными во многих культурах: проволочные кольца, подвески из зубов животных, некоторые бусы. Такие вещи, найденные вне комплекса, теряют свою культурную принадлежность, только по внешнему виду

определить её не удаётся. Поэтому говорить о конкретном происхождении того или иного вида украшений приходится с большой осторожностью, хотя несомненно, что некоторая часть украшений действительно ведёт своё происхождение от андроновских. Появление же в карасуке некоторых характерных для этого времени украшений, например браслетов, двойных, тройных бляшек, гвоздевидных бляшек и ряда других, получить удовлетворительного объяснения пока не может. Прделанное Э.А. Новгородовой специальное исследование карасукских украшений нельзя считать обоснованным из-за стремления автора, иногда даже вопреки очевидным фактам, доказать свои положения (Новгородова, 1963; 1970. С. 125).

Наиболее сложным до недавнего времени являлся вопрос о происхождении карасукских ножей и оружия. Все исследователи считали, что эти вещи пришли с Востока, так как они были найдены в памятниках позднеиньского периода в Китае (Киселёв, 1951; 1960; Грязнов, 1956. С. 88; Грязнов, Максименков, Пяткин, 1968; Хлобыстина, 1963; Рахимов, 1968; Зиеп Динь Хоа, 1966). На территории же Сибири их прототипы не были известны. Происхождение только одного вида бронзовых вещей было установлено совершенно неоспоримо. Речь идёт о бронзовых кельтах карасукского времени, ведущих своё происхождение от сейминско-турбинских, то есть кельтов андроновского времени и культуры (Грязнов, 1941). Следовательно, ещё один вид карасукских вещей можно связывать с андроновской культурой и рассматривать как черту, заимствованную карасуками у своих предшественников.

К сожалению, в карасукских могилах ни разу не было найдено ни одного предмета вооружения, поэтому найти истоки карасукских кинжалов пока трудно. Но нужно отметить, что их, видимо, также приходится считать местными по происхождению, хотя бы потому, что для отдельных районов, где найдено по несколько экземпляров, наблюдается их своеобразие и больше других наблюдается отличий именно у китайских. В то же время истоков формирования кинжалов карасукского типа в Китае до сих пор не обнаружено, они там появляются уже в готовом виде.

Единственные крупные бронзовые вещи, встречающиеся в карасукских могилах, это ножи. Именно они служат основным материалом для

утверждения китайского происхождения карасукской культуры. На них в первую очередь основываются и даты карасукской культуры. Поэтому здесь им придётся уделить несколько больше внимания, чем другим вещам.

Специальные исследования карасукских ножей предпринимались рядом исследователей (Хлобыстина, 1962; 1963; Новгородова, 1962; 1970. С. 65; Членова, 1972). Все предшествующие исследования суммированы в работе М.Д. Хлобыстиной, где был обобщён и проанализирован почти весь материал по карасукским ножам Минусинской котловины. Отдельные положения и выводы этой работы были в дальнейшем развиты и другими названными исследователями. М.Д. Хлобыстина выявила ряд интересных и важных моментов. Наиболее удачным нужно считать разделение всех карасукских ножей на две группы, или, как она пишет, два единства: изогнутые и коленчатые, отнесённые ею к двум разным группам карасукских памятников.

Однако в своих выводах и исторических заключениях она допустила ряд ошибок. Из её таблиц вытекает, что обе группы ножей генетически связаны, и это главное. Но хронологическая последовательность — сначала коленчатые, а затем изогнутые — неверна. Более того, утверждая генетическую связь групп, она приходит к выводу, что коленчатые ножи местные, а изогнутые пришлые, ордосско-аньянского типа (Хлобыстина, 1963. С. 14). В другой же работе утверждает параллельность развития памятников, для которых характерны разные группы ножей (Хлобыстина, 1962. С. 31).

О последовательности карасукских и каменнолопских памятников уже говорилось, об их датах будет сказано дальше, здесь же необходимо отметить ещё раз, что в могилах Сухого Озера II найдены только изогнутые ножи. Причём в наиболее ранних группах 4 и 5 были ножи с кольцевым расширением, а в самой поздней группе 1 ножи с кольцом и тремя выступами.

Ножи с кольцом и тремя выступами найдены в хорошо датированных аньянских комплексах, например в «Могиле слона». Там такие ножи появляются в уже готовом, сформировавшемся виде. Вообще, мнение о китайском происхождении карасукских изогнутых ножен опровергают ряд исследователей на том основании, что в Китае нет предшественников, из которых могли бы возникнуть изогнутые карасукские ножи (Пяткин, 1967). В спе-

циальной работе, посвящённой возникновению китайской цивилизации, Л.С. Васильев убедительно доказывает, что расцвет бронзолитейного дела в аньянский период связан с воздействием на ранних иньцев пришлого населения с развитой бронзовой индустрией. Пришельцы принесли с собой и некоторые новые формы вещей, ранее неизвестные в иньских памятниках. В том числе двулезвийные орудия — кинжалы и новые типы ножен (Васильев, 1976. С. 320). Так что в настоящее время считать Китай прародиной карасукских бронз не приходится. Предпринятую же Э.А. Новгородовой попытку считать Монголию такой прародиной нельзя рассматривать, как недостаточно обоснованную (Новгородова, 1962). Всё это заставляет оставить гипотезу о восточном происхождении карасукских ножен.

Искать первоисточник для карасукских бронз приходится в культурах предшествующего времени. До недавнего времени это было трудно, так как для андроновской культуры характерно отсутствие в могилах бронзового производственного инвентаря, что было связано с требованиями андроновского погребального обряда. В то же время, видимо, именно андроновцы были носителями и распространителями хорошо развитых бронзовых вещей сейминско-турбинского типа. Отдельные такие вещи были найдены в андроновских могилах (Фёдорова-Давыдова, 1960; Кузьмина, 1966). В последние десятилетия такие вещи были найдены в памятниках синхронных андроновской культуре степей в лесостепных районах Сибири. Это памятники томской культуры эпохи бронзы, возникшей на древней местной основе под влиянием андроновской культуры. Для них характерно ещё неолитическое отношение к погребённому, когда умершего необходимо было снабдить всем, что ему потребуется в загробной жизни. Именно поэтому в могилах томской культуры оказалось большое количество разных бронзовых вещей, в том числе и ножей.

В раскопанном В.И. Матющенко могильнике Еловка II были найдены пластинчатые ножи, отличные в односторонней форме, с несколько изогнутым обушком, иногда имеющим перегиб в нижней трети, с массивной без навершия рукояткой, переходящей в клинок прямым или несколько скошенным книзу уступом. В этом же могильнике найдены серьги с раструбом, с заходящими заострёнными

концами, полусферические бляшки срубно-андроновского типа и посуда, украшенная андроновскими орнаментами, правда использованными иначе, чем на андроновских сосудах (Матющенко, 1969). Типология пластинчатых ножей пока не разработана, такие ножи бытуют в разных культурах эпохи бронзы Сибири, и, если они найдены вне комплекса, их культурная атрибуция затруднительна. В данном же случае они происходят из комплекса, время которого бесспорно.

К этому же андроновскому времени относятся и ножи, найденные в могильнике Восток, также раскопанном В.И. Матющенко (Матющенко, Игольникова, 1966; Матющенко, 1969). Между собой они сходны формой клинка, переходом рукояти в клинок, но отличаются навершием. Один из них завершается расширением с круглым отверстием неправильной формы. Рукоятка его имеет сечение в виде двутавровой балки, украшенной с одной стороны геометрическим орнаментом. У другого скульптурное навершие в виде человека с конём, аналогичное, по сути, ножам из Сеймы, Турбино и р. Джиды, с которыми оба ростовкинских ножа сходны формой клинка.

Ножи из Ростовки найдены совместно с кельтами сейминско-турбинского типа, которые, в свою очередь, как указывалось, являются генетическими предшественниками карасукских кельтов. Следовательно, ножи Еловки II и Ростовки можно рассматривать тоже в качестве генетических предшественников карасукских ножей, так как они относятся к докарасукскому, андроновскому времени. Аналогичные им по изгибу обушка, форме и сечению рукоятки, переходу рукоятки в клинок, изгибу клинка, орнаменту рукоятки и завершению её расширением с отверстием известны из случайных находок в Восточном Казахстане и получили название ножей с обособленной рукояткой. М.П. Грязнов сопоставил их с ножами карасукской культуры Минусинской котловины на основании массивности рукоятки, размеров, близости орнамента, подчеркнул и их существенные отличия от собственно карасукских ножей (Грязнов, 1930).

Мнение М.П. Грязнова получило всеобщее признание, и ножи с обособленной рукояткой все рассматривали как синхронные карасукским, но характерные для Восточного Казахстана. Появление им прямых аналогов из памятников лесостепи, где такие ножи найдены в комплексах с керамикой

карасукского типа, их карасукский возраст нужно считать окончательно установленным. Теперь такие ножи можно с полным основанием синхронизировать с собственно карасукскими изогнутыми ножами.

Между карасукскими и ножами с обособленной рукояткой действительно имеется сходство в деталях формы и орнаментации. И у тех, и у других вдоль рукоятки идёт желобок, который на некоторых экземплярах ножей с обособленной рукояткой заменён прорезью. Одинаково сечение рукоятки в виде двутавровой балки, общие мотивы орнамента, нанесённого на одну сторону рукоятки, близок изгиб обушка. Но есть и отличия в характере перехода рукоятки в клинок и в форме и пропорции клинка.

Таким образом, проявляющиеся закономерности развития, хотя бы по трём приведённым чертам культуры, свидетельствуют о неслучайности связи между раннекарасукскими ножами и их предшественниками. Карасукские ножи, так же как и другие проанализированные черты культуры, ведут своё происхождение не с Востока, а являются дальнейшим развитием более ранних ножей андроновского времени. Ножи, как и другие особенности карасукской культуры, нужно считать местными по происхождению. На Востоке же они появились позже, уже в хорошо сформированном виде.

Ножи карасукского времени развивались по двум направлениям. На западе от ножей без навершия и от сейминско-турбинских форм появляются ножи с обособленной рукояткой. С первыми они сходны формой клинка и изогнутостью обушка. Их связь подтверждается и химическим составом металла, который идентичен для Ростовки и ножей с обособленной рукояткой. Последние близки ростовкинскому и по строению рукоятки и навершия, а некоторые восточноказахстанские экземпляры — и массивностью клинка. Находки отдельных собственно карасукских форм ножей в Восточном Казахстане, видимо, являются импортом из более восточных областей.

Восточная, собственно карасукская, линия развития от сейминско-турбинских форм устанавливается по формам кольцевых и скульптурных наверший, сечению рукоятки, её орнаментации, изогнутости обушка ножей и отливки их в двустворчатых формах. Дальнейшее развитие ножей карасукского времени на Востоке идёт че-

рез ножи с шипом и коленчатым и далее к ранне-тагарским — баиновским.

Таким образом, устанавливается ещё одна черта генетической преемственности карасукской и андроновской культур по ножам, служившим основным аргументом восточного происхождения карасукской культуры. В настоящее время о приходе карасукской культуры с востока говорить не приходится. Более того, можно с полным основанием утверждать, что карасукские ножи с кольцевым расширением, наиболее близкие ростовкинскому ножу, являются самыми ранними из карасукских. Этот вывод полностью подтверждают их находки в могилах группы 4 Сухого Озера II, которые несут в себе больше всего черт андроновской культуры.

Рассмотрение археологических материалов в связи с вопросом о происхождении карасукской культуры позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, обращает на себя внимание присутствие андроновских черт во всех сторонах культуры. В конструкции могильных сооружений андроновская традиция проявляется в круглой форме оград и в наличии оград с пристройками. В сооружении их из вертикально врытых плит. В конструкции могил, в наличии прямоугольных каменных ящиков и цист, а также приёма выравнивания краёв могилы с помощью выкладки из положенных по её краям плит. В некоторых чертах обряда погребения: в положении погребённого на левом боку скорчено, в наличии некоторых положенных вытянуто, но на левом боку, в помещении горшка перед лицом или впереди верхней части тела. Совершенно своеобразное положение в парных погребениях женщины за спиной мужчины. В наличии соседских могил в одной ограде, где также женская могила находилась за спиной мужчины. В очень редкой ориентировке погребённых головой на ЮЗ.

В инвентаре андроновские черты проявляются в первую очередь в наличии плоскодонных горшков без уступа и горшков переходных форм с плоским дном и уступом, а также сосудов с уплощённым дном. В использовании для орнаментации посуды сложных орнаментов, ведущих своё происхождение от наиболее распространённых и характерных для енисейского андрона мотивов. Вне сомнения, андроновских по своему происхождению ряда украшений: бус, бляшек, колец, подвесок. И наконец, металлургия бронзы и наиболее крупные и показательные бронзовые вещи: кельты,

кинжалы и ножи — ведут своё происхождение от бронзовых изделий сейминско-турбинского типа, распространённых в среде андроновцев.

Вместе с тем перечисленными чертами не ограничивается характеристика ранних карасукских памятников Енисея. В них явно видна и другая культурная струя, отличная от андроновской. В погребальных сооружениях она проявляется в том, что в Карасуке становятся ведущими четырёхугольные ограды, ранее представленные незначительным количеством. В могилах — в некотором изменении пропорций, в уменьшении объёма могил, в экономичности их конструкции и появлении в связи с этим трапециевидных могил, в появлении нового способа положения погребённого вытянуто на спине или боку, в повсеместном и преимущественном распространении ориентировки головой на СВ и, шире, в восточном направлении. В посуде — в появлении и широком распространении круглодонных неорнаментированных сосудов и, по всей видимости, наиболее простых видов орнаментов: ямок, насечек и желобков. В наличии в отдельных погребениях, иногда застрявших в костях, каменных наконечников стрел с прямым основанием. В некоторых простых украшениях, подвесках из зубов животных или бусах, точное происхождение которых не улавливается.

Эта вторая, неандроновская традиция, хотя она также видна в разных сторонах культуры, не может в настоящее время быть увязана с какой-либо территорией или культурой. Более того, нет никакой уверенности, что эта новая традиция единокультурна по своему происхождению. Вполне возможно, что она состоит из элементов разных культур. Поэтому сейчас о ней можно говорить только как о неандроновской.

Наличие двух культурных традиций в памятниках раннего карасукского времени позволяет в общих чертах представить процесс формирования карасукской культуры. В её основе лежит андроновское наследие, которое проявляется везде. На него наслаиваются новые культурные элементы. В процессе борьбы и их взаимодействия андроновские наиболее яркие этнографические черты постепенно, но довольно быстро отмирают. Так, происходит замена круглых оград на прямоугольные, изменяются размеры и пропорции могил, а также их строительные приёмы. Плоскодонная посуда очень быстро заменяется круглодонной.

Пышный расцвет богатой орнаментации в самом начале карасукской культуры сменяется упрощёнными её вариантами. Единственно в чём андроновские (сейминско-турбинские) традиции одерживают верх, это в металлургии бронзы, но и здесь происходит изменение форм вещей согласно новым вкусам.

По всей видимости, древние андроновские традиции, которые в течение нескольких веков как бы в законсервированном виде существовали, в Минусинской котловине не выдерживают конкуренции с новыми традициями, оказываются менее жизнеспособными и постепенно отмирают, оставив только свои следы. Такое положение, видимо, можно объяснить изменением образа жизни ранних карасукцев, для которых андроновские традиции оказались неудобными.

Кто же является носителем новых культурных традиций и откуда они могли проникнуть в Минусинскую котловину? Для ответа на поставленный вопрос приходится обратиться к антропологическому аспекту проблемы. Важное значение для правильного понимания вопросов происхождения карасукской культуры имеют данные палеоантропологии. Изучением антропологических материалов Минусинской котловины занимались Г.Ф. Дебец, М.М. Герасимов, В.П. Алексеев, А.Г. Козинцев и Г.В. Рыкушина. Наиболее полно до недавнего времени вопросы антропологии карасукской культуры были рассмотрены в работах В.П. Алексеева, так как в его распоряжении имелся значительно больший материал, чем у его предшественников.

Г.Ф. Дебец первым распределил антропологический материал Минусинской котловины по известным в то время археологическим периодам. Он выделил афанасьевский и андроновский типы, отличающиеся особенностями, которые делают их легко выделяющимися из ряда краниологических типов Европы и Азии (Дебец, 1932. С. 27–28; 1948. С. 70). В отношении карасукского населения он пришёл к выводу, что «расовый тип карасукской культуры крайне смешанный» (Дебец, 1948. С. 83). Тем не менее он считал, что наиболее типичным для карасукских покойников является комбинация довольно грацильного европеоидного лицевого скелета с брахикранной мозговой коробкой, но встречаются черепа, имеющие черты и комбинации признаков, сближающие их с афанасьевскими, а может быть, и с андроновскими. Кроме того, име-

ется и третий компонент — это дальневосточный тип. К близким выводам приходит и М.М. Герасимов, который также считает, что карасукское население было смешанным (Герасимов, 1955).

Более полно карасукское население характеризует В.П. Алексеев. Ему же принадлежит заслуга в выделении среди афанасьевских черепов нового антропологического типа, который теперь называется не южноафанасьевским по месту первых находок черепов, а окуневским. В отношении карасукского населения он пишет: «В карасукское время население Минусинской котловины отличается исключительной смешанностью. Объяснение морфологического своеобразия основной массы карасукского населения влиянием дальневосточной монголоидной расы не находит себе подтверждения в более полном фактическом материале. В процессе формирования расового типа карасукского населения более вероятна тесная связь его с первоначальным ареалом распространения европеоидной расы. Среднеазиатского междуречья, по терминологии Л.В. Ошанина, или памиро-ферганской, по терминологии А.И. Ярхо. Наряду с юго-западным намечается ещё три компонента карасукского населения: андроновский, связанный с предшествующим временем, брахикранный монголоидный и негроидный, происхождение которых не ясно» (Алексеев, 1961. С. 163).

В более поздней работе о трёх последних компонентах он пишет: «Наличие в карасукской серии ряда черепов, по отдельным признакам или комбинациям признаков сближающихся с андроновскими, было отмечено Г.Ф. Дебецем. Сейчас их количество может быть увеличено. Особенно показательны в этом отношении черепа могильников у Есинской МТС и у с. Бельтыры Аскизского района Хакасской АО, раскопанные А.Н. Липским. Раскопки по левым притокам верхнего Абакана позволили нащупать и третий компонент карасукского населения. Отдельные черепа из могильника у улуса Фёдорова, также раскопанного А.Н. Липским, характеризуются комплексом признаков, заставляющих вспомнить о черепках афанасьевского времени из могильников Аскизского, Бельтырского и Тас-хазаа (последние три окуневские. — Г.М.). Наконец, негроидный по своим морфологическим особенностям череп из карасукского ящичного погребения, раскопанного А.Н. Липским в пределах города Аба-

кана в 1950 году, остается единичной находкой» (Алексеев, 1963. С. 159).

Вопрос о населении карасукского времени, несмотря на фиксацию в нём нескольких антропологических типов, остаётся недостаточно ясным потому, что в то время, когда писались цитируемые работы, карасукская культура рассматривалась как единая, так как не был ещё выделен её поздний каменоложский этап. И всё же имеется ряд моментов, позволяющих сравнивать данные антропологии и археологии. Как было показано в карасукской культуре, на её карасукском этапе имеются несомненные следы андроновской культуры наряду с другими чертами, которые из андроновской культуры не выводятся. То же можно видеть и в антропологическом материале. В составе карасукского населения имеется памиро-ферганский расовый тип, по В.П. Алексееву, который ранее в Минусинской котловине неизвестен. Но наряду с ним есть и андроновский. Здесь важно отметить, что черепа с андроновскими признаками найдены не в каменоложских могильниках, а в собственно карасукских, что согласуется с наличием в карасукских памятниках культурных андроновских черт. Очень важно и то, что новые данные об андроновском типе в карасуке происходят из юго-западных районов Минусинской котловины, где, по мнению Н.Л. Членовой, М.Д. Хлобыстиной, Э.А. Новгородовой, жили не карасукцы, а каменоложцы и где вообще не было андроновцев. Факты же говорят о том, что на юго-западе были настоящие карасукские памятники, и в них найдены андроновцы.

Сведения о наличии в карасукской серии следов монголоидности, которую В.П. Алексеев связывает с южноафанасьевским — окуневским типом, должны быть отнесены к каменоложскому этапу, так как они происходят из могильника у Фёдорова улуса. Но наряду с ними там же находятся и характерные для карасукской серии черепа.

Нерасчленённость карасукской серии черепов по этапам не позволяет говорить о том, что примесь монголоидности на собственно карасукском этапе отсутствовала. Более того, монголоидность была обнаружена ещё Г.Ф. Дебецем, но связывалась им с дальневосточной расой. В.П. Алексеев же связывает её с потомками местного населения. Таким образом, в карасукское время эта примесь, видимо, существовала.

Всё это говорит о том, что потомки окуневцев в андроновское время жили за пределами Минусинской котловины. Появление же в ней на карасукском этапе нового памиро-ферганского населения, независимо от того, откуда оно пришло, могло происходить через районы, населённые потомками окуневцев. На своём пути новые пришельцы могли включить в свою среду и потомков окуневцев. Это объясняет появление в карасукское время людей с чертами окуневского типа. В течение всей карасукской культуры потомки окуневцев могли приходить и смешиваться с карасукцами и каменноложцами. Такая картина вырисовывалась по материалам, приводимым В.П. Алексеевым. Вопросом об антропологическом типе карасукского населения в связи с изучением тагарцев занимался А.Г. Козинцев. Нужно сказать, что на его исторические выводы сильно повлияли представления Н.Л. Членовой.

Они сказались и в компоновке материала, и, следовательно, выводы оказались недостаточно обоснованными. Тем не менее некоторые заключения А.Г. Козинцева заслуживают внимания. Как и предшествующие исследователи, он считает, что карасукское (классический вариант по его терминологии. — Г.М.) население было смешанное. Он отмечает некоторые признаки, отличающие антропологические материалы Сухого Озера II и Кюргеннера I-II от других памятников и в целом от их сборной карасукской серии. В том числе указывает, что представление об узколицести карасукцев оказывается неверным (Козинцев, 1977. С. 15).

Основное внимание, говоря о карасукском времени, он уделяет материалам из могильников «атипичного карасука», т.е. каменноложским. Черепа из этих могильников отличаются от типично карасукских. Они занимают промежуточное положение между классической карасукской группой и тагарскими, сближаясь по ряду признаков с последними (Козинцев, 1977. С. 27). Этот вывод очень важен. Он полностью подтверждает, что предками тагарцев были каменноложцы. Антропологические типы «атипичного Карасука», занимая промежуточное положение между собственно карасукскими и тагарскими, могут свидетельствовать только об одном: что антропологические факты не могут подтвердить параллельное существование собственно карасукских и каменноложских памятников и говорят о последовательной

их смене. Интересно и заключение А.Г. Козинцева. Отмечая, что и для классического, и для атипичного карасука была свойственна антропологическая неоднородность, он пишет, что «атипичная карасукская группа представляла собой смесь из карасукцев и прототагарцев» (Козинцев, 1977. С. 67). В целом же работа А.Г. Козинцева в силу её направленности не разъясняет основного вопроса о составе карасукского населения.

Специальное изучение карасукских антропологических материалов было предпринято Г.В. Рыкушиной (1980). В своей работе она учла новейшие материалы, что значительно расширило источниковедческую базу. На таком объёмном материале можно было бы внести некоторую ясность в запутанный вопрос о карасукском населении, однако, к сожалению, этого не произошло. Дело в том, что построение самой работы и путь исследования оказался непригодным для выяснения самого главного — особенностей карасукского населения в разных группах и этапах. Как и все предшествующие исследователи, Г.В. Рыкушина рассматривает материалы суммарно. Но если такой подход был раньше обусловлен состоянием источников и, в первую очередь, их небольшим объёмом, то в руках у Г.В. Рыкушиной был огромный материал. Путь её исследования сводился к следующему: сравнение суммарных, мужской и женской, групп в целом по карасуку, затем мужских и женских черепов по отдельным районам, а затем и отдельным наиболее крупным могильникам. За исключением последних, в группы были включены как собственно карасукские материалы, так и каменноложские, что, естественно, не позволяет выявить отличия населения двух этапов. А говоря о локальных группах и отмечая, что они по разным признакам связаны в разном сочетании друг с другом, Г.В. Рыкушина не замечает, что в тех группах, где было больше каменноложских материалов, они по разным признакам оказались ближе одна к другой, так же как те группы, где было больше собственно карасукских. Всё это не позволяет с полным доверием относиться к её выводам. Действительно, приводимая ею схема миграции карасукского населения Минусинской котловины, построенная на обобщённых материалах, противоречит схеме связи отдельных могильников, из которых вытекает, что собственно карасукские могильники связаны между

собой, с одной стороны, а каменоложские между собой — с другой (Рыкушина, 1980. С. 57).

Запутанный вопрос о характере карасукского населения можно решить, только идя от отдельных памятников к этапам или культурным группам, а затем уже к более широким обобщённым группам. Только этот путь позволяет увидеть особенности населения в чистом виде на каждом этапе карасукской культуры.

Г.В. Рыкушина передала автору сведения об антропологическом составе погребённых на Сухом Озере II. Материалов этих очень немного по сравнению с раскопанными могилами. На нём трудно делать достаточно обоснованные выводы. Но сделать некоторые предположения с учётом новых данных необходимо (табл. X).

Приведённые в таблице данные рисуют совершенно новую картину, отличную от устоявшихся представлений. По работам Г.Ф. Дебеца и В.П. Алексеева было ясно, что в карасукскую эпоху население было смешанным (Дебец, 1931; 1932; 1948; Алексеев, 1961; 1963). В нём выделялось три типа: андроновский, памиро-ферганский, брахикранный, а потом ещё отдельные черепа с африканскими чертами. Все выводы о составе карасукского населения были основаны на разрозненных материалах, полученных из небольших по объёму раскопок. Ранние представления Г.Ф. Дебеца о наличии в составе населения карасукской эпохи элементов, относящихся к дальневосточной расе азиатского

ствола, как позже выяснилось, были недостаточно обоснованы. Однако его авторитет антрополога позволил ряду исследователей конструировать приход части карасукского населения с востока. Даже более поздние работы В.П. Алексеева, где доказывалась неправильность представлений Г.Ф. Дебеца, не были приняты в расчёт некоторыми археологами, продолжавшими утверждать юго-восточное происхождение карасука. Либо юго-западное, как это делает Н.Л. Членова. Во всех этих случаях исследователи опирались не столько на антропологические данные, сколько антропология служила им компасом, а доказательства приводились археологические. В результате получалось расхождение между выводами обеих наук.

Приведённые в таблице новые материалы не укладываются в существующие представления. Не верить результатам исследования Г.В. Рыкушиной нельзя не только потому, что она специально занималась карасукскими антропологическими материалами, но её работа была выполнена под руководством В.П. Алексеева. Новые факты требуют специального осмысления и увязки с археологическими представлениями.

Первое, что обращает на себя внимание, это появление в карасукское время в Минусинской котловине людей с новыми антропологическими типами, ранее не зафиксированными на этой территории. Вывод о приходе новых людей в карасукское время не нов, но пути его проникновения в котло-

Таблица X. Антропологические типы могильника Сухое Озеро II

Table X. Anthropological types in the cemetery of Sukhoe Ozero II

Типы	Пол	Мужчины					Женщины				
	Группы	I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	V
ЕВРОПЕОИДНЫЕ (17)		8		1	4	4	2	1	2	2	1
Андроновский (7)		2			2	3		1	2		1
Памиро-ферганский (2)		2					2			2	
Восточно-средиземноморский (1)		1									
Мегаморфный (7)		3		1	2	1					
МОНГОЛОИДНЫЕ (5)		3			2			2		3	3
Байкальский (2)		2									
Уральский (2)					2			2		3	3
Центральноазиатский (1)		1									
МЕТИСЫ (10)		1	4	2	2	1					
Европеоидные (4)		1		1	1	1					
Монголоидные (6)			4	1	1		1	1		3	3

вину и территория, откуда они пришли, требуют выяснения.

Из таблицы вытекает, что разные антропологические типы по-разному проявляются в группах, составляющих Сухое Озеро II. Здесь необходимо привести заключение, специально сделанное Г.В. Рыкушиной по каждой группе.

О группе 4 она пишет: «В мужской группе встречены андроновский, мегаморфный и уральский антропологические типы и переходные формы между ними. У женщин в основном уральский и памиро-ферганский типы и переходные формы». Для группы 5 она отмечает: «Мужчины отличаются разнообразием андроновских типов, а женщины почти все относятся к низколицему монголоидному типу (уральский) либо имеют его примесь». В группе 3: «Мужское население скорее метисное, встречается мегаморфный европеоидный тип и формы переходного характера: от европеоидного к монголоидному байкальскому. Женское население относится к евро-африканскому антропологическому типу в широком смысле слова». В группе 2: «Среди мужчин преобладают типы сильно монголизированные: уральский и метисированный андроновско-уральский. У женщин отмечен классический андроновский тип, уральский и метисный тип, близкий к уральскому». В группе 1: «В мужском населении преобладают разные европеоидные типы: андроновский, памиро-ферганский, мегаморфный, восточно-средиземноморский. У монголоидных, в сущности, один характерный для коренного населения Северной Азии, Монголии — центральноазиатский (как поздний вариант байкальской расы). У женщин преобладает европеоидный памиро-ферганский тип, отмечен и тип местного происхождения (байкальский)».

Как можно видеть, антропологический состав населения в разных группах различен. Правда, материала очень мало, но тем не менее можно видеть, что в наиболее ранних группах 4 и 5 преобладают андроновский и новые мегаморфный и уральский у мужчин, а у женщин памиро-ферганский и уральский, на базе этих типов возникают метисные формы. В более поздних группах 3 и 2, для которых материала ещё меньше, картина наблюдается примерно такая же, хотя там возрастает количество метисов. А вот в группе 1 можно

видеть самое большое разнообразие в антропологическом составе населения.

Если приведённые сведения о составе населения в разных группах Сухого Озера II отражают историческую действительность, то можно говорить о том, что на протяжении раннего карасука в Минусинской котловине наблюдается две волны. Первая, пришедшая, судя по антропологическому типу носителей, откуда-то с северо-запада, наслонилась на древнее местное андроновское население. Возможно, что одновременно происходит и движение с юго-запада. Правда, отсутствие антропологических данных по Западной Сибири, где андроновские традиции проявляются более ярко, не позволяет говорить о конкретных путях появления населения с юго-запада. В самой котловине начинается бурный процесс смешения населения, в результате чего появляются метисированные типы. Видимо, в это время возрастает количество населения в Минусинской котловине. Его избыток должен был найти какой-то выход. Это смешанное население могло продвигаться в юго-восточном и восточном направлениях. Позже, в конце раннекарасукского этапа, наблюдается обратная подвижка населения, в результате чего в котловине оказываются люди с центральноазиатским расовым типом.

Такая общая картина изменения состава населения на протяжении раннекарасукского периода не противоречит данным археологии. Раньше было показано, что по археологическому материалу прослеживаются две основных культурных традиции: древняя местная андроновская и новая пришлая. Элементы последней, в свете антропологических фактов, вряд ли сейчас могут быть увязаны с какими-то определёнными носителями. Скорее всего, новая традиция — это конгломерат из традиций разных культур, которые были свойственны пришельцам на их прародинах.

Таким образом, получается, что, несмотря на совершенно новые антропологические факты, отличные от привычных представлений, они не вступают в противоречие с археологическими и могут быть друг с другом увязаны. Хотя дать совершенно ясную и чёткую картину образования карасукской культуры пока трудно. Правда, можно высказать, учитывая все факты, предварительную гипотезу о происхождении и развитии раннего карасука.

В начале II тыс. до н. э. Минусинская котловина была заселена окуневцами. Они уже знали бронзу,

из которой изготавливали все основные орудия, и были знакомы со сложным литьём: изготовлением топоров и втульчатых копий. Судя по сходству, правда, простейших бронзовых орудий, к ним были близки и более восточные племена глазковской культуры и, видимо, население современной Тувы, судя по находкам там окуневской керамики. Близкие по уровню культуры с хорошо развитой бронзовой индустрией племена населяли и лесостепные районы Западной Сибири.

Развитие этих местных сибирских культур где-то в середине первой половины II тыс. до н. э. было прервано вторжением с запада андроновских племён. Нужно думать, что именно андроновцы являлись распространителями сейминско-турбинских форм бронзовых вещей. В самих памятниках андроновской культуры вещи эти встречаются редко в силу того, что погребальный обряд андроновцев не требовал помещения их с умершими в могилу. Возможно, это было связано с тем, что носители культур эпохи бронзы особенно в её начале и даже в развитом периоде высоко ценили металл. Поэтому в могилах эпохи бронзы степной полосы бронзовых орудий найдено немного. Но отдельные их находки позволяют определённо говорить о синхронности сейминско-турбинских бронз андроновской культуре.

Совсем иная картина возникла по окраинам ареала андроновской культуры. Будучи более прогрессивной и хорошо развитой, андроновская культура оказывала сильное воздействие на племена, населявшие территории, окружавшие андроновцев, в том числе и лесостепные. В первую очередь это влияние сказалось в распространении металлургии бронзы. Для восприятия её местные племена были уже подготовлены предшествующим развитием и первым знакомством с изготовлением бронзовых вещей. Но если приёмы и навыки изготовления сложных бронзовых вещей были быстро восприняты и освоены, то отношения, существовавшие в среде этих племён и диктовавшие требования к погребальному обряду, измениться быстро не могли. Поэтому, как и в эпоху неолита, когда умершего сопровождали в иной мир многие из тех вещей, которыми человек пользовался при жизни, теперь в могилу стали класть бронзовые вещи. В результате чего сибирские погребения типа Ростовских производят впечатление варварского вельикоплепия. И в могилах наряду с каменными нахо-

дятся бронзовые вещи (Матющенко, Игольникова, 1966). Таким образом, весь окружающий андроновцев мир сибирских народов оказался хорошо знакомым с передовой металлургией.

Оттесняя местные племена, андроновцы занимали наиболее удобные для ведения их хозяйства территории, в первую очередь степи и отчасти южную кромку лесостепи. Поэтому условия Минусинской котловины, во многом лесостепной, оказались пригодными для их обитания. Придя в котловину, андроновцы оказались как бы в мешке, окружённом со всех сторон горами, и имеющими практически единственный удобный коридор для сообщения с остальным миром андроновской культуры, расположенный в северо-западной части между отрогами хребта Арга и северными отрогами Кузнецкого Алатау.

Изолированное положение андроновцев в Минусинской котловине привело к тому, что их культура как бы застыла в своём развитии. Создаётся такое впечатление, что андроновцы всеми силами стремились сохранить своё этнографическое лицо. Это особенно хорошо видно в богатой орнаментации горшков, для которой использовались одни и те же приемы и сюжеты, постоянно повторяющиеся на андроновской посуде Минусинской котловины. Находясь в известной изоляции, эта группа андроновцев, судя по отсутствию в могилах людей с другим антропологическим типом, не смешивалась с окружающим населением, которого к тому же в Минусинской котловине и не осталось.

Вытесненные андроновцами аборигены вынуждены были уйти либо за Саяны в Туву и далее в Центральную Азию, либо через лесостепные районы на восток, где обитали родственные им племена. Во всяком случае, вторжение андроновцев привело к значительным перемещениям древнего местного населения. Возможно, что это перемещение имело характер волны, которая передалась более восточным и юго-восточным народам.

Так или иначе, но именно в это время, в конце первой половины II тыс. до н. э., далеко на востоке, в Китае, в памятниках раннеиньского периода, по многим чертам демонстрирующих преемственность от местного неолита, появляются черты и особенности явно не местного происхождения, в том числе бронза и орнаментальная композиция, близкая «тао-те» (Васильев, 1976. С. 308, 317). Не останавливаясь на всех нововведениях, поя-

вившихся в раннеиньское время, нужно думать, что знакомством с бронзой ранние иньцы обязаны докатившейся до них волне, вызванной вторжением андроновцев. Видимо, таково же и происхождение мотива «тао-те», представляющего собой переосмысление древнесибирских антропоморфных изображений. Это не значит, конечно, что «тао-те» ведёт своё прямое происхождение от минусинских каменных изваяний с их сложными головными уборами. Возможно, что аналогичные изображения были известны и у восточных соседей окуневцев, во всяком случае, на скальные рисунки масок в Восточных Саянах позволяют высказать такое предположение.

Итак, изменение в культуре раннеиньского периода и появление в ней ранее неизвестных черт: бронзы, мотива «тао-те», керамического штампа, новых форм посуды, новых приёмов строительства, для которых необходимы были доски, — можно с большой долей вероятности связывать с передвижением древних сибирских племён на восток под влиянием андроновцев. Это, если так можно выразиться, первая западная волна.

В то же время в Минусинской котловине андроновцы пытаются сохранить себя, и в первое время это им удаётся. Но изолированное их положение и затруднённость связей с «метрополией» приводит в конце концов к их ослаблению. Тем более что в это время, в самом начале второй половины II тыс. до н. э., не только в Минусинской котловине, но и в Западной Сибири начинают происходить какие-то изменения, связанные, по всей видимости, с нарушением равновесия и появлением новых племён. В конечном счёте это приводит к появлению культур карасукского типа. Трудно в связи с отсутствием антропологических материалов говорить о вторжении нового населения в Западную Сибирь, хотя это и не исключено, судя по двум черепакам, один из которых европеоидный, а второй монголоидный. Что же касается Енисея, то тут приход новых людей фиксируется совершенно определённо. Материалы Сухого Озера II с полной несомненностью свидетельствуют о северо-западной «струе». В то же время, видимо, происходит и проникновение новых людей с юго-запада из-за Саян и Алтая.

Новые племена, попавшие в Минусинскую котловину, принесли туда и свои культурные достижения, которые наслоились на древнюю местную

андроновскую основу. Можно думать, что пришельцы были хорошо знакомы с металлургией бронзы, поэтому их появление не прервало её развитие, а привело к выработке новых форм, несколько отличных от сейминско-турбинских, но сохранивших некоторые их характерные черты. Это особенно хорошо видно на раннекарасукских ножах с кольцевым расширением.

В то же время вторжение нового населения привело к распаду андроновского общества, его раздроблению на мельчайшие ячейки — семьи. Андроновские погребальные сооружения по своим размерам и трудоёмкости требовали участия большого количества людей — сородичей. Карасукские же, небольшие по величине, из лёгких плит, могли легко быть сооружены небольшим коллективом, скорее всего семьёй. Раздробление андроновского общества привело к его ускоренной гибели, а соответственно, и к замене андроновских традиций новыми, принесёнными пришельцами. Но, видимо, общий культурный уровень андроновцев был несколько выше, поэтому коренной смене их культуры культурой нового населения сразу не произошло. В результате взаимодействия двух культурных традиций начали выработываться новые формы вещей и новые культурные традиции. Одну из них можно легко видеть в требовании погребального обряда класть некоторые вещи, в первую очередь ножи, погребённым, чего в андроновское время не было. Замена культурных традиций андроновского времени на новые способствовало и изменению условий жизни. Скорее всего, это связано с возросшей подвижностью нового культурно-этического образования.

Процесс его сложения носил немирный характер. Находки в могилах каменных наконечников стрел явно не свойственны андроновцам, так как у них в более западных районах встречаются стрелы, изготовленные из бронзы. Обычно такие стрелы находятся на костях погребённых, а в могильниках Черновая VII (Максименков, 1974. С. 19. Рис. 3: 3) и Сухое Озеро II (рис. 127: 1–6) они были найдены застрявшими в костях человека. Всё это свидетельствует о частичном уничтожении людей. Но и оно, видимо, было далеко не полным, а уменьшение населения компенсировалось его приходом. Причём количество пришельцев было значительно большим, чем естественная убыль. Создавалось избыточное население, для которого требовался куда-то

отток. Если поступление нового населения шло, в общем, с запада, то пути оттока могли вести на восток. Пути эти уже были известны. Их было два: северный по лесостепным районам и далее на восток в Забайкалье и степи Монголии и южный за Саяны в Туву и далее в Монголию. Оба эти пути с севера и юга как бы обтекали горные массивы. Какой из них был главным, пока неизвестно, но в раннее время наличие северного пути фиксируется.

Здесь надо вспомнить четыре ножа из Сеймы с лошадьми, из Турбина с баранами, из Ростовки с лошадью и человеком и с р. Джиды, из Иркутской области, навершие которого недостаточно ясно, но по своему смыслу и значению аналогично трём предыдущим. Последняя находка являлась самой восточной, позволяет конструировать северный путь и его возникновение в раннее время.

Отток населения из Минусинской котловины на восток происходил в самом начале раннекарасукского времени, но уже тогда, когда сложились основные ведущие формы карасукской культуры, в том числе раннекарасукские ножи. Эта вторая волна с карасукской культурой достигает берегов Хуанхэ и фиксируется в памятниках сяотунь-аньянского комплекса в виде находок там ножей и орудий, аналогичных карасукским.

Специально занимавшийся путями сложения китайской цивилизации иньского времени Л.С. Васильев считает, что последняя возникла из взаимодействия раннеиньского комплекса с культурными достижениями, принесёнными со стороны. В качестве источника новых черт он вслед за И. Пером рассматривает андроновскую культуру, в которой находит аналогичные черты, правда при этом совершенно верно отмечает, что при детальном сравнении выясняется принципиальное сходство, а не конкретное (Васильев, 1976. С. 314). В связи с вышеизложенным об андроновской культуре можно говорить только как о первоисточнике бронзолитейного мастерства Евразии, непосредственными же носителями некоторых конкретных достижений необходимо считать карасукцев.

Л.С. Васильев, пытаясь найти истоки культурных достижений, взаимодействие которых с раннеиньской культурой привело к образованию Иньской цивилизации из черт, ранее неизвестных в Китае, пытается воссоздать возможный облик культуры новых пришельцев. Он пишет: «Гипотетически речь может идти о неведомом племени

степняков, довольно легко менявших места обитания, передвигавшихся на легких боевых колесницах, запряженных лошадьми, хорошо вооруженном различными типами бронзового оружия, в том числе исполненного в „зверином стиле“. Племя, о котором может идти речь, было в какой-то степени, пусть весьма отдалённой, родственным другим степным племенам той эпохи, восходившим к общему для них индоиранскому корню и использовавшим соответствовавший этому корню язык. Племя было знакомо с системой иероглифического письма и астрологического календаря, владело навыками художественного мастерства. По крайней мере часть его предков принадлежала к не монголоидному антропологическому типу, о чем свидетельствуют общие данные антропологического анализа (брахицефальность иньцев) и некоторые изображения человеческих лиц на иньской бронзе. Словом, речь идёт о том самом гипотетическом комплексе, ответвлением которого была карасукская культура и представители которого вполне могли добраться до берегов Хуанхэ» (Васильев, 1976. С. 320).

В характеристике гипотетического племени, если отвлечься от иероглифического письма и астрологического календаря, можно было бы увидеть карасукцев, ибо все остальные черты, перечисленные выше, соответствуют карасукской культуре. Правда, Л.С. Васильев, говоря о возникновении Иньской цивилизации, склонен в известной мере рассматривать этот процесс как механический: одни черты местные, другие принесённые в готовом виде из их объединения, и возникла Иньская цивилизация. Не рассматривая этого вопроса как не имеющего отношения к теме, нужно сказать, что, во всяком случае, некоторые черты Иньской цивилизации действительно производят впечатление появившихся в готовом виде. В дальнейшем на базе принесённых и местных традиций возникают специфически китайские формы бронзовых вещей.

Достижения бронзолитейного производства карасука достигают иньского Китая тогда, когда появляются уже формы ножей, завершающихся кольцом с тремя выступами. В это время устанавливается какая-то полоса культур или районов, где распространены карасукские достижения. В этой полосе распространяются не только сами вещи характерных типов, но происходят и передвижки населения, в том числе и с востока на запад. В резуль-

тате в Минусинской котловине появляются восточные антропологические типы наряду с западными. Процесс интенсификации этнических процессов хорошо демонстрируется антропологическим составом погребённых в 1-й группе Сухого Озера II, где наблюдается наибольшее разнообразие антропологических типов. Видимо, это был кульминационный момент в культуре образования.

В результате значительных передвижек населения и нарушения старых путей общения в карасукском мире начинают складываться локальные варианты культур карасукского типа. В самой Минусинской котловине идёт сложение нового карасукского населения, где постепенно сглаживаются первоначальные различия и вырабатывается более устойчивый антропологический тип, приводящий к появлению тагарцев. Поэтому антропологи отмечают, что антропологические материалы из памятников позднего карасука ближе к тагарцам, чем к карасукцам (Козинцев, 1977. С. 27; Рыкушина, 1980). В культурном отношении идёт процесс завершения раннекарасукской культуры и постепенное её перерастание в каменоложскую.

Так в самых общих чертах можно представить сложение карасукской культуры. В основе её лежит андроновская, на которую наслоились культурные традиции других племён. В этой среде вырабатываются ведущие карасукские формы, распространяющиеся на восток и фиксируемые в виде находок бронзовых орудий. Достижения карасукской металлургии наряду с другими чертами культуры оказали воздействие на сложение и иньской культуры Китая. Влияния последней и распространение её достижений на восток, в Минусинскую котловину, не устанавливается. Карасукская культура — местное сибирское явление.

2.4. Вопросы абсолютной датировки карасукских памятников

Последний вопрос, рассматриваемый в настоящей работе, для правильного решения которого можно использовать материалы могильника Сухое Озеро II, касается абсолютной датировки как всей культуры в целом, так и собственно карасукского этапа. Это не значит, конечно, что новые материалы содержат основополагающие факты, которые сами по себе несут информацию об абсолютных

датах, но они серьёзно дополняют сложившиеся в науке представления и позволяют правильно оценивать выводы других исследователей.

Известно, что в основе датировки карасукской культуры лежат ножи, имеющие аналогии на Востоке, где они найдены в датированных памятниках. Серия ножей могильника не только самая большая из найденных в комплексах, но благодаря тому, что удалось выяснить путь сложения и развития карасукской культуры на её раннем этапе, позволила установить последовательность изменения формы ножей в процессе формирования культуры. Это даёт возможность объективно судить об эволюции формы части ранних карасукских ножей. Ещё М.Д. Хлобыстиной (1962) была установлена генетическая преемственность разных групп ножей. Найденные в могильнике Сухое Озеро II, занимая определённое место, позволяют правильно судить и о всём генетическом ряде в целом, его начале и конце.

Кроме того, к вопросу об абсолютной датировке приходится обращаться ещё и потому, что могильник Сухое Озеро II, не будучи ещё опубликованным и известный только по кратким сведениям, содержащимся в «Археологических открытиях», получил уже в литературе дату, с которой согласиться невозможно. Рассмотрение тех соображений, с помощью которых был датирован могильник, позволяет лишний раз уточнить его истинное время, а следовательно, и время собственно карасукского этапа.

Вопрос о времени существования карасукской культуры не нов. Его касались и рассматривали практически все исследователи, занимавшиеся этой культурой, и не только отечественные, но и учёные других стран. Чаще всего он был логически связан с вопросом происхождения культуры и только в специальной монографии Н.Л. Членовой «Хронология памятников карасукской эпохи» (1972) получил самостоятельное звучание.

Всё это позволяет обойтись без детального изложения истории датировки карасукской культуры. И всё же просто опустить её нельзя. Для дальнейшего необходимо коротко остановиться на взглядах на этот вопрос советских исследователей. Не только потому, что именно они открывали и изучали карасукские памятники, но также и потому, что исследователи последних десятилетий использовали в своих работах прямо или косвенно вновь добытые и пока ещё не опубликованные

материалы для своих исторических выводов, и, в частности, для датировки карасукской культуры.

С.А. Теплоухов, которому принадлежит заслуга в открытии и первом исследовании карасукской культуры, сумел дать её общую характеристику и указал район её распространения, исходя из очень небольших тогда материалов. Он совершенно правильно определил её место между андроновской и минусинской курганный культурой (тагарской). Однако не имел возможности определить её абсолютный возраст. Тем не менее, не называя абсолютных дат, он правильно отметил, что эта культура появилась в Сибири «около первого тысячелетия до н. э.» (Теплоухов, 1929. С. 44).

Вопрос о времени появления и распространения карасукской культуры в Сибири в фундаментальной работе С.В. Киселёва самым тесным образом увязан с её происхождением. Его представления об этом были рассмотрены раньше. Здесь же необходимо отметить, что время появления и распространения карасукских бронз в Сибири, а именно они являются основой для датировки, С.В. Киселёв относит к XIII в. до н. э., то есть на век позже, чем время существования аняня. По его мнению, развитие бронзолитейного дела на Енисее в карасукское время происходило под сильным влиянием металлургии районов, расположенных к северу от Великой стены, в частности под влиянием Суйюани (Киселёв, 1951. С. 162, 178). Там, параллельно с бронзами анянского периода в XIV–XIII вв. до н. э., возникли «карасукские» формы, которые в XII в. до н. э. широко распространились к северу, в частности в Минусинской котловине, куда были принесены носителями с юго-востока (Киселёв, 1951. С. 179). Отсюда в то же время карасукские элементы проникли в район Томска и на Обь (Киселёв, 1951. С. 179).

С.В. Киселёв, говоря о карасукских бронзах юго-восточного происхождения, в первую очередь имеет в виду ножи, прототипы которых он видит в ножах, найденных при раскопках в Аняне, относящихся к XV–XIV вв. до н. э. (Киселёв, 1951. С. 176). Одновременно с ножами к тому же комплексу он относит кельты и копья с ромбическим стержнем. Все эти вещи, по его мнению, находят своих предшественников в Китае иньского времени и распространились оттуда от Северного Китая через Прибайкалье, Сибирь до Волго-Камья (Киселёв, 1951. С. 146).

Несколько позже, после поездки в Китай и знакомства с новыми материалами по эпохе бронзы, С.В. Киселёв отчасти изменил свою точку зрения. Он убедился в том, что в анянский период происходят серьёзные изменения шанской бронзы (XII–XI вв. до н. э.): появляются ножи-резаки, копья с ромбическим стержнем, шестигранные кельты, украшенные треугольниками, изображения реалистических животных на бронзовых предметах. Все эти черты, по его мнению, свойственны сейминско-турбинским бронзам. Отсюда С.В. Киселёв предполагает, что на металлургию анянского периода оказали воздействие южносибирские и восточно-казахстанские очаги бронзовой индустрии. А после того как выработался анянский стиль, началось обратное движение и распространение по Забайкалью и Саяно-Алтаю культур карасукского типа (Киселёв, 1960. С. 264, 265). В связи с новыми представлениями он расширяет границы карасукской культуры до VIII в. до н. э. и отмечает появление в Китае в VII–V вв. до н. э. вещей, свойственных раннетагарским памятникам Южной Сибири.

Предложенные С.В. Киселёвым даты карасукской культуры особых сомнений не вызывают. Здесь только нужно помнить, что он не знал о двух этапах карасукской культуры и его даты относятся ко времени существования культуры в целом. Вместе с тем он отметил, что некоторые карасукские бронзовые изделия совпадают с вещами времени Си-Чжоу (XI–VIII вв. до н. э., а это именно те вещи, которые характеризуют каменнолошский этап (Киселёв, 1960. С. 265). Таким образом, сам не зная того, С.В. Киселёв наметил разделение карасукской культуры на два последовательных хронологических этапа, один из которых аналогичен анянскому периоду, а другой периоду Си-Чжоу.

Предложенная С.В. Киселёвым новая картина развития древних бронз всё-таки оказалась подчинённой его концепции происхождения карасукской культуры с Востока, хотя из приводимых им данных можно сделать и другой вывод: что в анянский период в Китай попадают уже выработанные на западе карасукские вещи, под влиянием которых изменяется и облик шанской бронзы. В результате чего появляются карасукообразные вещи на базе древних местных форм и пришлых с запада, получившие распространение к востоку от границ древнего Китая.

Представления о времени существования карасукской культуры в многочисленных работах М.П. Грязнова постоянно изменялись. Первоначально он датировал её X–VIII вв. до н. э., в последних же работах он удревнил её начало до XIII в. до н. э., тем самым приблизился к датировке С.В. Киселёва (Gryaznov, 1969; Грязнов, Максименков, Пяткин, 1968. С. 180). Такая эволюция взглядов была вызвана появлением огромных новых материалов, в частности открытием позднего каменнолоожского этапа (Грязнов, 1965). К сожалению, в работах М.П. Грязнова отсутствует развёрнутая аргументация датировок, но ясно видно, что, устанавливая сначала для Оби (Грязнов, 1956. С. 36), а потом для Енисея (Грязнов, 1965) двухэтапность карасукской культуры, он учитывал их историческое место, и, соответственно, правильно датировал каждый этап.

Занимаясь изучением карасукских ножей, М.Д. Хлобыстина разделила их на два этапа: ранний и поздний, отнеся к первому ножи коленчатые, а ко второму изогнутые (Хлобыстина, 1962. С. 31; 1963. С. 7). В основе такого хронологического распределения лежат два обстоятельства. Недоказанное положение, что непосредственным предшественником ложносоставных коленчатых ножей являются составные ножи окуневской и глазковской культур, с одной стороны, а с другой – находка изогнутого карасукского ножа в тагарском комплексе у Райкова улуса (Хлобыстина, 1962. С. 6, 26, 28). В отношении последней находки уже приходилось писать, что она не может определять дату собственно карасукских ножей, так как в этой могиле имеется механическое смешение с тагарским инвентарём карасукского ножа (Максименков, 1975а).

Правильно отмечая, что каждой из выделенных групп ножей сопутствует своеобразная керамика и вещи, а также особенности погребальных памятников, М.Д. Хлобыстина находит, что бейская группа памятников (с коленчатыми ножами) близка афанасьевской культуре и не находит себе аналогий в культурах бронзового века Китая (Хлобыстина, 1963. С. 13–15). Отсюда и дата этой группы — начало второй половины II тысячелетия до н. э. (Хлобыстина, 1963. С. 15).

Что же касается второй — батеневской группы (изогнутые ножи), то она, не имея прочных местных корней, должна рассматриваться совместно с культурами ордосско-аньянского типа и датиро-

ваться не позднее последних веков II тысячелетия до н. э. (Хлобыстина, 1963. С. 15). Несколько раньше она писала, что «начальной датой карасукской культуры в Минусинской котловине можно считать, по самым завышенным подсчетам, конечный этап существования культуры аньянского типа в Северном Китае, реальнее же думать, что карасукское культурно-территориальное единство развивалось параллельно с иньским государством» (Хлобыстина, 1962. С. 27). Обе предложенные датировки для собственно карасукских памятников на первый взгляд близки, на самом же деле отличаются минимум на два столетия. К сожалению, развёрнутое обоснование для датировки М.Д. Хлобыстина нигде не приводит.

Вопросами датировки памятников карасукской культуры Э.А. Новгородова в своих работах специально не занималась. Рассматривая историю изучения карасукской проблемы в части, касающейся датировки, она присоединяется к мнению С.В. Киселёва и ожесточённо полемизирует с Н.Л. Членовой, доказывая неправомочность её методов датирования (Новгородова, 1970. С. 19, 23 и далее). В исследовательской же части своей работы она не приводит никаких доказательств для упоминаемых ею, правда крайне редко, дат. Так, она датирует могильники Табат, Волчий лог, Карасук VI, Фёдоров улус, Лугавское раннекарасукским временем XIV–XII вв. до н. э. (Новгородова, 1970. С. 62). Однако вещи, аналогичные найденным в этих могильниках, каменнолоожских по культуре, ни разу не были найдены в датированных комплексах. Указанные же даты можно относить только к собственно карасукским памятникам, из которых происходят изогнутые ножи, находящие аналогии на Востоке. Никаких доказательств или соображений правомочности перенесения раннекарасукских дат на каменнолоожские памятники Э.А. Новгородова не приводит. Столь же бездоказательно она датирует и другие могильники каменнолоожского этапа, разделяя их на две последовательные группы: Бейскую Шахту, Карасук IV, Аскиз, Карасук VIII, время которых, по её мнению, XII–IX вв. до н. э.; и Джесос, Откнин улус — IX–VIII в. до н. э. (Новгородова, 1970. С. 62). То, что последние даты действительно совпадают со временем каменнолоожского этапа, сомнения не вызывает, но доказательств правильности датировки не приводится.

Правда, в другом месте своей работы Э.А. Новгородова, смешивая воедино два вопроса: о происхождении и датировке коленчатых ножей, не касаясь абсолютных дат, спорит с мнением М.П. Грязнова и других авторов, что дугообразнообушковые ножи раньше коленчатых, пытаясь последние генетически связать с энеолитическими окуневскими и глазковскими ножами (Новгородова, 1970. С. 80 и далее). Если говорить о том, являются ли коленчатые ножи пришлой или местной формой, что утверждает Э.А. Новгородова, то с ней можно согласиться, что ножи этой формы возникли в Южной Сибири. Но в основе этого согласия лежит не генетическая связь окуневских и каменнолоожских ножей, которые отличаются и формой клинка, и способом изготовления, и составом металла (каменнолоожские из мышьяковистой бронзы, а окуневские и следующие за ними андроновские вещи из оловянистой, так же как и изогнутые карасукские), а возникновение каменнолоожских на базе предшествующих изогнутых карасука. Кроме того, составные ножи были распространены в разные эпохи на разных территориях, широко они использовались, судя по находкам клинков, не только в каменнолоожское время, но и в карасукское.

Местное происхождение доказывается тем, что карасукские и каменнолоожские ножи образуют единый генетический ряд и связаны посредством переходных форм ножей с шипом и уступом между собой (Хлобыстина, 1962; Членова, 1972). Правда, последовательность развития ножей у названных исследователей идёт от коленчатых к изогнутым. Как уже было показано и о чём ещё будет речь впереди, такое представление неверно, развитие идёт от изогнутых форм к коленчатым и далее к баиновским — раннетагарским.

Датировке собственно карасукских ножей посвящена работа Б.Н. Пяткина (1967). Он совершенно правильно указывает, что в иньское время существовало три вида ножей: церемониальные, местные, восходящие к шаньскому времени; карасукские, не находящие прототипов в более раннее время в Китае, и ложнокарасукские, сочетающие в себе черты как местных, так и карасукских. Рассматривать последние как более ранние по отношению к карасукским не удаётся, так как для новых особенностей, роднящих ложнокарасукские и карасукские ножи, истоков в Китае нет. Отсюда Б.Н. Пяткин делает вывод, что ложнокарасукские

возникли как результат смешения местных доиньских и карасукских черт. Этот вывод он подтверждает примерами находок ножей карасукского облика в комплексах, датированных китайскими вещами XIII–XII вв. до н. э. С этого времени такие ножи начинают распространяться в Китае и за его пределами к северу и западу от Великой Китайской стены (Пяткин, 1967. С. 54). Этот вывод Б.Н. Пяткина сомнения не вызывает. Так же, как и другой, а именно: раз в Китае нет истоков для образования карасукских ножей, то они, следовательно, появляются со стороны в готовом виде в XIII в. до н. э. Отсюда возникновение карасукских ножей нужно относить к несколько более раннему времени и искать их истоки за пределами Китая (Пяткин, 1967. С. 54). Конкретно время возникновения карасукских ножей, как считает Б.Н. Пяткин, должно относиться к концу XIV в. до н. э. (Пяткин, 1967. С. 59).

Что же касается ножей коленчатых, то они сменяют в более позднее время изогнутые ножи. Это положение Б.Н. Пяткин доказывает несомненной связью собственно карасукских памятников с андроновской культурой, а каменнолоожских, откуда происходят коленчатые ножи, с раннетагарскими — баиновскими комплексами (Пяткин, 1967. С. 59). Б.Н. Пяткин, как и другие исследователи традиционного направления, считает, что карасукская культура в своём развитии пережила два хронологических этапа: ранний — собственно карасукский и поздний — каменнолоожский.

Все исследователи, касаясь вопроса о датировке карасукских ножей, а через них и карасукской культуры в целом, приводят им аналогии из иньского Китая. Для правильного понимания возможности использовать китайские аналогии карасукским бронзовым вещам, в первую очередь ножам, для датировки последних важное значение имеет работа С.Р. Кучера «Китайская археология» (1977). Приводимые им сведения о появлении и развитии бронзолитейного дела в эпоху Шан-Инь и существующие в настоящее время взгляды на периодизацию и хронологию этого периода истории Китая наглядно показывают отсутствие единства взглядов на эти вопросы.

Основные расхождения в датировке эпохи Шан касаются в первую очередь ранних её этапов, однако и для позднего иньского периода, несмотря на наличие письменных источников, нет твёрдо уста-

новленных детальных дат. Позднеиньский — сяотуньский период с небольшими расхождениями датируется разными исследователями XIV–XI вв. до н. э. (Кучера, 1977. С. 92, 95, 155, 171). Причём крайние даты начала этого периода, по представлениям разных учёных, разнятся между собой примерно на 100 лет (Кучера, 1977. С. 171, 176).

Для датировки карасукской культуры имеет значение начало позднеиньского периода, так как именно с этого времени в Китае появляются карасукообразные бронзовые изделия. Попытки более дробной датировки карасукских ножей аналогами из Китая в этой связи представляются надуманными и неубедительными, так как там нет строго установленных детальных дат. Поэтому в настоящее время китайские аналогии дают только одно время появления там карасукообразных бронз, которое падает на XIV в. до н. э. Эту дату, видимо, и нужно считать началом карасукской культуры в Сибири.

Металлургия бронзы в Китае в период Шан-Инь прошла разные этапы и достигла своего наивысшего расцвета в Сяотуни (Кучера, 1977. С. 96). Вполне возможно, что непосредственным толчком к этому послужили достигшие границ Китая влияния более западных, в частности сибирских, очагов металлургии, выросших, в свою очередь, на сейминско-турбинской базе. Смешение местной и пришлой традиций и явилось стимулом расцвета. Но в Китай попали уже сложившиеся формы карасукских вещей, поэтому время их появления в Китае и можно считать началом карасукской культуры. Позже появляются бронзовые изделия, сочетающие в себе местные и пришлые элементы. В Китае карасукские элементы являются вторичными, они не зарождаются там, а используются местными мастерами для создания соответствующих изделий. Вряд ли соприкосновение китайской и карасукской традиций имело одноактный характер; возможно, что процесс этот продолжался определённое время, что могло привести к одновременному появлению одинаковых деталей. Но нет никакой уверенности, что этот процесс шёл строго параллельно. Поэтому в настоящее время при отсутствии конкретных дат отдельных этапов позднеиньского периода пользоваться прямыми сопоставлениями некоторых похожих элементов на бронзах карасука и Китая и на этом основании пытаться датировать разновидности карасукских ножей нельзя.

Таким образом, в настоящее время все исследователи прямо или в завуалированном виде признают, что время существования карасукской культуры в целом лежит между (XIV) XIII–VIII вв. до н. э. Даже М.Д. Хлобыстина и Э.А. Новгородова, пытаясь доказать, что коленчатые ножи и памятники, из которых они происходят, раньше или параллельны собственно карасукским (изогнутые ножи), вынуждены, хотя бы они того или нет, признавать указанную выше дату карасукской культуры. Более того, ранняя дата собственно карасукских памятников ими не опровергается, так как они не находят аналогов коленчатым ножам в памятниках аньянского времени. Аналогии там известны только ножам изогнутым. Всё это позволяет прийти к выводу, что в отношении датировки собственно карасукского этапа (XIV) XIII–XI вв. до н. э. расхождений между представлениями всех вышеупомянутых исследователей нет.

За последние годы не появилось новых фактов и точно датированных материалов, которые позволили бы детализировать датировки карасукских вещей, в том числе и ножей. Отсутствие единства взглядов на датировку отдельных этапов аньянского периода и дату его начала позволяет использовать китайские аналогии только для установления отрезка времени XIV–XIII вв. до н. э., когда в Китае появляются карасукообразные бронзы, и, следовательно, можно говорить о начале карасукской культуры. Верхняя же её граница на Енисее определяется появлением в VII в. до н. э. тагарской культуры.

Казалось бы, что при современном единстве взглядов на время существования карасукской культуры в целом можно было бы хотя бы этот вопрос считать решённым и строго установленным на уровне современных наших знаний. Однако это далеко не так. Появление специальной монографии, посвящённой датировке карасукских памятников, не позволяет эту работу оставить без пристального внимания (Членова, 1972). Если бы взгляды и представления Н.Л. Членовой соответствовали бы взглядам и представлениям других исследователей, то вопрос решался бы просто. Но в том-то и дело, что развиваемые Н.Л. Членовой положения и предлагаемые в результате исследования датировки культуры, её этапов и отдельных памятников не соответствуют действительности, несмотря на то что ею проделана огромная работа

на пути поисков перекрёстных датировок карасукской культуры.

Развивая те же взгляды на историю Минусинской котловины в эпоху бронзы, которые характерны для работ М.Д. Хлобыстиной и Э.А. Новгородовой, Н.Л. Членова пошла дальше их и достигла в этом направлении предела. Но так как все её исторические выводы основываются на конкретных датировках отдельных карасукских вещей, то без детального рассмотрения её методов, системы доказательств и обоснованности выводов нельзя прийти к окончательному заключению о времени существования карасукской культуры и её этапов. Детальное рассмотрение работы необходимо ещё и потому, что если её взгляды окажутся верными, то представления всех других исследователей нужно считать ложными, и наоборот. Как пример пагубного воздействия этой работы можно привести датировку Л.П. Зяблиным, вслед за Н.Л. Членовой, могильника Малые Копёны VIII вв. до н. э., хотя, как было показано, могильник этот является одним из самых ранних (Зяблин, 1977. С. 37).

Рассматривая методы датировки Н.Л. Членовой карасукских памятников, можно видеть, что в основе лежит датировка отдельных разновидностей ножей, объединённых ею в 13 групп. Они расположены в определённой последовательности. За основу эволюционного ряда взяты несколько переданные результаты работы М.Д. Хлобыстиной (1962). Изменения касаются в первую очередь более дробной разбивки ножей на группы и введения очень многих новых измерений. Но развитие карасукских ножей идёт, как и у М.Д. Хлобыстиной, от коленчатых к изогнутым. Этот путь развития постулируется в начале работы, а затем Н.Л. Членова всячески пытается его доказать.

В системе доказательств можно отметить три направления: 1. Технологическое — развитие ножей от менее прочных к более прочным отдельных групп по их техническим особенностям. 2. Стратиграфическое — соотношение памятников карасукской культуры с другими и находки карасукских вещей в памятниках других культур. 3. Датировка по аналогиям из других мест.

Основным всё-таки является последнее. Что же касается двух других, то стратиграфические обоснования датировок уже были рассмотрены в разделе об относительной хронологии, где была показана несостоятельность построений и выводов

Н.Л. Членовой. Здесь же, прежде чем говорить о датировках по аналогиям, необходимо сначала остановиться на технологическом аспекте с тем, чтобы не возвращаться к нему всякий раз при рассмотрении датировок отдельных групп ножей.

Н.Л. Членова отмечает, что среди карасукских ножей встречаются экземпляры со сломанным концом. Предложенное другими исследователями объяснение этому явлению требованиями погребального ритуала она отрицает, с чем, в принципе, можно и согласиться. Сама же объясняет поломки использованием ножа в работе. Несмотря на то, что нож орудие многофункциональное, им всё-таки выполняли вполне определённые действия, хотя иногда могли использовать и не по прямому назначению. Н.Л. Членова обратилась за консультацией к специалисту по сопромату и выяснила, что если ножом долбить или выковыривать, то нож легко сломать. Само по себе подобное положение не может вызывать сомнения, но для указанных действий нож мало приспособлен, для этого нужно долото, которое, кстати, в карасукское время существовало. Конечно, в отдельных случаях могли использовать и нож, но подобными видами работ объяснять большое количество сломанных ножей трудно, так как люди легко могли заметить связь между действием и результатом — поломкой ножа. Поэтому приведённые примеры и расчёты Н.Л. Членовой не могут объяснить большого количества поломок ножей, так как для этого нужно специально использовать нож таким образом, чтобы его обязательно сломать. Отсюда и все подсчёты в распределении сил, действующих на нож, для построения эволюционного ряда и решения проблемы датировки ножей значения не имеют. Преобладание сломанных ножей среди коленчатых, по сравнению с изогнутыми, видимо, следует искать не в видах работы, но в том, что в принципе отличает эти группы ножей. А такими различиями, кроме формы, являются сплавы, из которых изготовлены ножи. Н.Л. Членова отмечает эти различия: изогнутые ножи изготавливались чаще из оловянистой бронзы, в то время как все коленчатые — из мышьяковистой. Возможно, при всех равных условиях эти отличия могли влиять на прочность ножей.

Рассмотрев способы поломки ножей, Н.Л. Членова приходит к выводу, что одни ножи (коленчатые) менее совершенны, а другие (изогнутые) более совершенны. Отсюда, по её мнению, «можно ожи-

дать, что совершенствование ножа с точки зрения повышения его прочности должно заключаться: 1) в увеличении его центрального угла, 2) в увеличении толщины его клинка (хотя бы в верхней части), 3) в увеличении ширины его клинка, 4) в увеличении длины клинка» (Членова, 1972. С. 15). Эти рассуждения могли бы иметь большое значение, являясь они выводом из исследования ножей. Но они в данном случае являются предположительной посылкой, о чём в дальнейшем Н.Л. Членова забывает и использует всё это как доказанное положение. Коротко говоря, ранние ножи те, среди которых больше сломанных, поздние — те, где сломанных меньше. Это первое технологическое положение.

Второе положение заключается в том, что, вслед за М.Д. Хлобыстиной, Н.Л. Членова при описании ножей вводит различные математические определения. В первую очередь центральный угол. Грубо говоря, это угол между двумя прямыми, одна из которых указывает направление ручки, а другая — клинка. Казалось бы, введение объективного критерия для величины центрального угла, разделение ножей на группы должно привести к тому, что именно этот показатель должен быть положен в основу деления. Однако ни у М.Д. Хлобыстиной, ни у Н.Л. Членовой этого нет. Н.Л. Членова, приведя перечень нескольких примеров: длины, ширины, процентных соотношений различных деталей ножа, всё-таки делит ножи на группы на основании совершенно других данных. Она при выделении групп исходит из формы ножа, формы его навершия и места соединения клинка и ручки (Членова, 1972. С. 16, 17). Она совершенно правильно полагает, что именно эти детали находились в сфере внимания древнего мастера. Действительно, эти своеобразные для каждой эпохи детали отличают ножи разных этапов и культур. Что же касается других особенностей, она правильно пишет, что изменение величины центрального угла, ширины и толщины лезвия и ручки происходило лишь подсознательно, медленно, на основе долгого опыта и учёта совершённых ошибок (Членова, 1972. С. 17). Иными словами, древние мастера никакого представления о центральном угле не имели, не представляли себе они и тех зависимостей между отдельными деталями ножа, которые вводит Н.Л. Членова. Поэтому приводимые проценты и соотношения являются элементарной данью моде вводить математические расчёты в археологическое исследование. Тем

более что для разных групп эти математические данные довольно близки, часто неразличимы, и очень мешают пониманию мысли автора.

Если говорить объективно, обосновать технологически последовательность ножей от коленчатых к изогнутым Н.Л. Членовой не удалось. Количественным соотношением сломанных ножей в разных группах эту последовательность подтвердить трудно. Что же касается центрального угла и прочих расчётных данных, то они нужны Н.Л. Членовой для того, чтобы при описании и датировке групп, особенно в тех случаях, когда прямых аналогий группам нет, датировать их по этим данным, помещать в соответствующую группу между датированными, но рассматривать такой приём как доказательство трудно.

Поэтому в дальнейшем, при рассмотрении каждой группы математические сведения будут опускаться, так как они не подтверждают основного положения Н.Л. Членовой, что коленчатые ножи более ранние, чем изогнутые. Теперь можно перейти непосредственно к рассмотрению датировки групп ножей как основы для определения времени карасукской культуры. Всего Н.Л. Членова выделяет 13 групп и рассматривает их в двух разных разделах работы.

Первая группа — ложносоставные ножи — выделяется на основании каплевидной шляпки и имитации составного ножа в месте перехода ручки в клинок. Затем приводятся сведения о находках в комплексах, спектральный и металлографический анализ, различные промеры. Описываются виды ручек. Н.Л. Членова вслед за другими исследователями считает, что литые ложносоставные ножи происходят от составных (Членова, 1972. С. 17). Но, в отличие от других, она приходит к выводу, что широкое распространение составных ножей этого типа противоречит тезису М.Д. Хлобыстиной и Э.А. Новгородовой о его «местном» минусинском происхождении (Членова, 1972. С. 18). В данном случае возражения направлены на признание составного ножа, найденного в погребении у Бельтыр, генетическим предшественником ложносоставных ножей. Рассматривая клинки составных ножей, относимых к карасукской культуре в целом, она допускает предположение, что они восходят к каменным клинкам и вкладышевой технике значительно более раннего времени, и находит даже среди камен-

ноложских ножей один, напоминающий вкладышевое орудие (Членова, 1972. Табл. 1: 21).

Рассматривая рукоятки этой группы ножей, она считает, что округлые имитируют костяную, роговую или деревянную ручку. В то время как прорезные ручки произошли от составных, скреплённых гвоздями, это тип кассетной ручки, известной на Востоке с XVIII в. до н. э. А затем идёт ряд соображений о путях развития прорезной ручки: сначала утрата накладок и изображения одних гвоздей, затем остаются только дырки между гвоздями, и появляется прорезной орнамент. Сначала их описание идёт в технологическом разделе, где постоянно говорится, что о времени будет сказано ниже, а в хронологическом отделе обратные ссылки. Так что уследить за мыслью автора работы подчас бывает невозможно, а значение и роль сообщаемых сведений остаётся неясной. Вся система изложения направлена на то, чтобы убедить читающего, что рассматриваемая группа самая ранняя, хотя конкретных подтверждений этому в данной части работы не приводится.

Н.Л. Членова развивает мысль о том, почему нож из Бельтыр не может быть генетическим предшественником ложносоставных. Его вначале относили к афанасьевской культуре, но позже была установлена его окуневская принадлежность. Н.Л. Членова по этому поводу пишет: «Но афанасьевское оно или окуневское, погребение это мало дает для датировки составных ножей, так как датировка обеих этих культур пока не обоснована абсолютно ничем, кроме общего впечатления архаичности, которое часто оказывается весьма обманчивым» (Членова, 1972. С. 40). Такое заключение она подтверждает ссылкой на неопубликованную работу П.М. Кожина (это исследование опубликовано: Кожин, 1971. — *А.П.*), который, по её словам, приводит факты о связи во времени между окуневской и карасукской культурой и даже тагарской (Членова, 1972. С. 40). На основании этого Н.Л. Членова окуневскую и глазковскую культуры подтягивает в XI–VIII вв. до н. э. А отсюда невозможность установить точную дату появления составных ножей в Минусинской котловине. Можно оставить на совести Н.Л. Членовой заявление об отсутствии каких бы то ни было данных для датировки энеолитических культур Минусинской котловины. Она, видимо, просто забыла о девяти радиоуглеродных датах афанасьевской культуры, шесть из

которых близки между собой и получены на материалах одного могильника, что позволяет хотя бы его датировать XXIV–XXII вв. до н. э. (Максименков, 1975а. С. 22).

Важно отметить, что Н.Л. Членова правильно отмечает, что в Сибири составные ножи бытуют и в позднее время. Их остатки найдены как в Западной Сибири, так и на Енисее в могилах и на поселениях. Составные ножи, вернее, их клинки встречены как в собственно карасукских, так и в каменоложских памятниках. Поэтому находки сломанных клинков в могильнике Сухого Озера II ничего не говорят о его времени. Н.Л. Членова, не приведя никакого доказательства тому, что составные ножи самые ранние, и не установив ещё дат для других групп ножей, считая, что говорить о времени можно только на основании конкретных датированных вещей, почему-то вдруг называет ножи Сухого Озера II «самыми поздними и прогрессивными типами» (Членова, 1972. С. 40). Это тем более удивительно, что ниже она пишет: «Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что, будучи самой древней формой в цепи развития карасукских ножей, составные ножи продолжают бытовать достаточно долго, и чтобы датировать каждый отдельный клинок такого ножа, нужно знать, с какими другими ножами (или другими датированными предметами) он сочетается. Ложносоставные ножи (группа 1) древнейшего типа (с углом 132–140°) с деталями, отчетливо подражающими деталям составных ножей (например, нож из улуса Федорова — табл. 1, 1), пока не находят датированных аналогий» (Членова, 1972. С. 40). Совершенно неоспоримое доказательство древности ложносоставных ножей. Отсюда делается вывод: «Считая, что могильник I в улусе Федорова несколько старше могильника II (содержащего уже и один из аньянских типов — с кольцом, о чем будет сказано несколько ниже, в то время как ложносоставных ножей в Аньяне уже нет), можно предполагать, что древнейшие ложносоставные ножи (группа 1) появляются в XI–XIII вв. до н. э.» (Членова, 1972. С. 41). Отсюда следует, что по необходимости длинные выдержки из работ Н.Л. Членовой неоспоримо доказывают страстное желание и полную невозможность считать ложносоставные ножи самыми ранними.

Видимо, всё-таки чувствуя шаткость своих позиций, Н.Л. Членова датирует нож из второго могильника у улуса Фёдорова, с одной стороны, срав-

нивая его с ножами из Аньяна с неточными условиями находок, а с другой — с «точными» аналогиями из Киликии и Кипра. Уже одно то, что из одного места берётся одна деталь ножа, а из другого другая, свидетельствует об отсутствии и там и тут прямых и несомненных аналогов рассматриваемым ножам.

Поэтому, не найдя точных соответствий каменоложским ложносоставным ножам, она уделяет внимание прорезям на ручке. Здесь в основном аналогии берутся из Европы. Интересно по этому поводу заключение Н.Л. Членовой: «Таким образом, прорезные ручки ножей в Европе известны на всем протяжении позднего бронзового века; форма навершия этих ножей — кольцо — не соответствует навершиям-шляпкам карасукских ножей группы 1; все перечисленные европейские ножи — не ложносоставные, ручки с клинком составляют угол почти 180°; форма клинка, близкая к сегменту, также не похожа на карасукскую. Казалось бы (нужно из этого сделать правильный вывод — приведённые аналогии ни о чём не говорят. — Г.М.), эти европейские ножи — совсем не параллели карасукским, если бы не довольно существенные черты: однолезвийность, утолщенная спинка клинка, „хвостатые“ концы клинков некоторых из них и, наконец, прорезные ручки, иногда с перемычками» (Членова, 1972. С. 42). Отсюда следует, что сходства проявляются в тех чертах, которые свойственны ножам всех эпох и народов и которые, собственно, выделяют нож как определённое орудие: одно лезвие, утолщённая спинка, иногда оттянутые концы. Что же касается сквозных дырок на ручках некоторых экземпляров, то этого совершенно недостаточно для установления датировки. И в этом направлении Н.Л. Членовой не удаётся доказать ранний возраст ложносоставных ножей.

Пытается она сопоставить прорезы на ручках каменоложских ножей с кинжалами сосново-мазинского типа, и снова неудачно, так как сама датирует последние более поздним временем. А в результате приходит к заключению, что «ни у одной из перечисленных ручек перемычки не имеют уже сходства с гвоздями (как у карасукских), они представляют уже следующий этап развития — превратились в ажурный орнамент. Поэтому, а также по наличию „хвостатых“ клинков у некоторых из этих ножей (как у ножа из Вайссиг, XII в. до н.э.) их можно сопоставлять не с группой 1, а с группой 2 кара-

сукских ножей» (Членова, 1972. С. 42–43). Здесь необходимо заметить, что это единственное упоминание в разделе датировки о времени ножей второй группы.

«Итак, бытование ножей группы 1 приходится примерно на XVI/XIII–XI вв. до н.э., а отдельные выродившиеся типы могут быть и еще позднее» (Членова, 1972. С. 43). Что же получается? Сначала бездоказательно группа 1 датируется XVI–XIII вв. до н.э., а в конце — XVI/XIII–XI вв. до н.э. и даже позже. Естественно, что такая датировка, особенно когда обещано датировать чуть ли не каждый клинок, ни у кого не может вызвать ничего, кроме разочарования. Вывод может быть один: ножи 1-й группы и также 2-й группы остались недатированными. Н.Л. Членовой не удалось доказать, что они являются самыми ранними. Более того, она допустила сама их позднее время существования.

Группа 2, о дате которой вскользь было сказано выше, описывается в той же последовательности. В приводимых цифровых данных особых отличий от первой группы нет. Более того, сама Н.Л. Членова пишет, что статистически значимых отличий между группами нет. Тем не менее при описании отдельных черт ножей этой группы постоянно проскальзывают временные характеристики. «Это знаменует отход от подражания форме составных ножей», «преобладают ложносоставные ручки, где перемычки уже превратились в орнамент», «появляются двусторонне-рифленные ручки, которые характерны для более поздних ножей» (Членова, 1972. С. 20). Эти и им подобные замечания направлены на то, чтобы создать у читателя мнение о более позднем времени второй группы ножей, однако никаких доказательств этого в работе не приводится.

Группа 3 с каплевидной шляпкой и «простым» уступом без подрезки снизу. Описание ножей этой группы идёт, в принципе, в том же порядке, как и предыдущих. Правда, здесь опускаются отдельные цифровые данные. Так же как и в группе 2, при описании отдельных деталей ножа или их орнаментов постоянно звучит временной акцент: «Ножи этой группы, таким образом, могут рассматриваться как развитие ножей группы 2»; «в группе 3 процент таких колечек еще не велик, в дальнейшем он значительно увеличивается»; появление треугольных сечений клинка «знаменует отход от подражания клинкам, вставленным в паз костяной или деревянной ручки»; «процент двутавровых сечений,

который имел тенденцию к снижению еще в группе 2, теперь снизился уже значительно...» (Членова, 1972. С. 21). То же говорится о прорезном орнаменте ручек. Можно было бы привести ещё несколько подобных замечаний, но это уже ни к чему. Важен вывод: «В целом эта группа обнаруживает некоторый прогресс по сравнению с предыдущими с точки зрения производства; но прогрессивные моменты не стали еще постоянным явлением. Мастера еще как бы нащупывают те формы, детали и те соотношения размеров, которые позволят в дальнейшем усовершенствовать ножи. Отчетливо видна связь ножей этой группы и с предшествующими, и с последующими» (Членова, 1972. С. 21).

Что же касается конкретной датировки ножей этой группы, то здесь можно привести всё, что написано Н.Л. Членовой об этом: «Группа 3 находит аналогии в аньянских ножах с таким же „покрытым уступом“, но не со шляпкой, а с головками животных (Сяотунь, М.020, XII в. до н. э., „Могила слона“, с надписями У-дина, середина XIII–XII в. до н. э.) или с колечками (Сяотунь, М.040, XII в. до н. э. и „Могила слона“) и датируется, следовательно, серединой XIII–XII в. до н. э.» (Членова, 1972. С. 43). Как можно видеть, точных аналогий ножам 3-й группы не приводится, навершия разные, о характере ручки, о центральном угле, то есть степени изогнутости ножей Китая, ничего не говорится. Но если обратиться к рисункам вещей в её работе, на которые ссылается Н.Л. Членова (1972. Табл. 24: 6–10, 15–17), и рисункам ножей группы 3 (Членова, 1972. Табл. 3: 1–11), то без труда можно убедиться, что китайские ножи не могут являться аналогами минусинским в строгом понимании этого слова. Между ножами этих районов общее только то, что они ножи. Их форма, детали, характер перехода ручки в клинок различны. Отсюда следует, что и группа 3 не находит твёрдого обоснования предложенной даты.

Группа 4 с каплевидной шляпкой и шипом с подрезкой может рассматриваться как вариант группы 3 (ниже уступа сделан вырез, превращающий уступ в шип), но, скорее, как её дальнейшее развитие (Членова, 1972. С. 21). Метод изложения и его порядок, а также постоянное подчёркивание бездоказательно более поздних черт аналогичны описаниям предыдущих групп (Членова, 1972. С. 22). Поэтому, не приводя конкретных примеров, можно перейти к заключению: «По числовым ха-

рактеристикам эта группа чрезвычайно близка группе 3, но форма перехода от ручки к клинку, более частое употребление колечек и рационализация в нанесении орнамента показывают несколько больший отход от прототипов — составных ножей, лучшее знание и использование специфических свойств металла, поэтому эта группа типологически может считаться несколько более прогрессивной» (Членова, 1972. С. 22). Что же касается точной датирующей аналогий, как можно заключить из текста, их нет. В Аньяне ножи с близким перекрестием имеют другое навершие, и условия их находок точно неизвестны. Так что эти аналогии «датируются поэтому не точнее чем XIII–XI вв. до н. э.» (Членова, 1972. С. 43). А затем идёт речь о европейских ножах с шипом, но совершенно с другой ручкой. Этот тип ножей может рассматриваться как один из возможных прототипов более поздней группы карасукских ножей — группы 10.

«Приведенные аналогии указывают на время возникновения ножей группы 4. Как долго бытовали ножи этой группы в Минусинской котловине, сказать трудно, но, по-видимому, это одна из длительно бытующих групп, на что указывают их совместные находки с ножами групп 5 и 6 (в могильниках Бейская Шахта и Карасук IV)» (Членова, 1972. С. 43). Таким образом, и для группы 4 не находится прямых аналогий, и её датировка ничем не обоснована. Более того, ссылка на совместные находки, особенно на Карасук IV, для которого имеется две радиоуглеродные даты 2930 ± 60 (980 г. до н. э.) и 2710 ± 75 (760 г. до н. э.), свидетельствует о более позднем времени существования ножей группы 4. А именно они должны датироваться X–VIII вв. до н. э. Как раз временем каменнолошского этапа, для которого эти формы ножей являются характеризующими.

Группы 5 и 6. Их можно рассматривать совместно, так как при датировке они объединены, да и некоторые технические сведения о них приводятся вместе. Что же касается характера описания, то оно соответствует предыдущим, с теми же самыми попытками навязать мнение об их более позднем времени. «В целом группа 5 может быть охарактеризована как примыкающая еще в основном к ножам ранних групп, но обнаруживаются некоторые черты (как существенные, так и формальные), связывающие ее уже с группами поздними (начиная с группы 8)...» (Членова, 1972. С. 23).

Что же касается группы 6, то, по мнению Н.Л. Членовой, по техническим характеристикам она занимает промежуточное положение между группами 1–5 с одной стороны и 8–12 с другой, иногда на грани двух разных тенденций, иногда в середине общей тенденции. «Группа 6, таким образом, с одной стороны, является кульминацией в развитии традиций ножей групп 1–6, с другой стороны — самым начальным звеном в развитии традиций ножей групп 8–13» (Членова, 1972. С. 24).

Группы 5 и 6 аналогий нигде не находят. Однако один нож группы 6 найден в могильнике Карасук IV. Группы 5 и 6: «По-видимому, правильное всего датировать их X–IX вв. до н. э., т. е. временем после конца аньяна...» (Членова, 1972. С. 43). Что касается даты этих групп, то она не вызывает сомнения. Это время каменнолоожского этапа. Таким образом, все первые 1–6-я группы датированы без достаточных оснований или же по весьма сомнительным аналогиям. Единственным более или менее надёжным источником для их датировки являются радиоуглеродные даты.

Группа 7 — ножи с каплевидной шляпкой и прямым или скошенным вверх уступом. Н.Л. Членова пишет, что ножи этой группы выделены условно от ножей группы 2, что возникли ножи группы 7 из группы 3, у которых утончился уступ, и из ножей группы 4, когда подрезка под уступом случайно заливалась металлом, поэтому сходство 2-й и 7-й групп конвергентно (Членова, 1972. С. 25). При описании этой группы она сравнивается их то с группами 1–6, то с группами 8–13. А в результате Н.Л. Членова характеризует группу 7 как архаическую, сохраняющую многие особенности самых ранних групп, знакомую и с достижениями групп более поздних, но стремящуюся их упростить. Поэтому группа 7 может быть поставлена в конце ряда ранних групп 1–7 и отнесена ещё к разряду этих ранних групп (Членова, 1972. С. 26).

Здесь, как можно видеть, отдельные замечания о раннем и позднем переросло уже в категорическое утверждение, хотя никаких доказательств этому приведено не было, кроме общих рассуждений. Кроме того, не совсем понятно, как группа 7 могла быть знакома с достижениями более поздних и стремилась их упростить. Здесь не только стилистическая нелепость, но и существенная логическая. Если группа 7 знала достижения более поздних, то либо она не ранняя, либо поздние не

являются таковыми. Остаётся предполагать, что они одновременны, но если это так, то почему одни называются ранними, а другие поздними?

Что же касается конкретной датировки ножей группы 7, то они «находят аналогии в формах ножей из Аньяна, с такими же величинами центрального угла, формой лезвия и „хвостатостью“: Хоуцзячжуань, мог. 1432, 1537 и 1736, правда, у последнего ножа чрезмерно загнутый „хвост“, чего не бывает на ножах карасукских; менее точные аналогии — из „Могила слона“ (середина XIII — середина XII в. до н. э.) из „Могила вблизи могилы слона“, Дасыкунцунь, могилы 233, 160, 175 (конец XI–X в. до н. э.)» (Членова, 1972. С. 43–44). А затем отмечается, что приводимые Н.Л. Членовой аналогии не соответствуют ножам группы 7. Здесь впервые при датировке она вспомнила о центральном угле. Действительно, эти ножи по целому ряду причин менее изогнуты, чем в других рассмотренных группах, а китайские довольно прямые, отсюда и сходство. Но если посмотреть на рисунки Н.Л. Членовой (1972. Табл. 2: 9–32), то нетрудно увидеть, что значительная часть ножей, в первую очередь имеющих оттянутый назад конец клинка, являются неполноценными ножами. Это те, у которых клинок обломался, а затем его конец был раскован и заточен. В тех же случаях, где клинок не обломан или обломан, но не заточен, никакой хвостатости нет. Следовательно, и хвостатость каменнолоожских и китайских ножей между собой общего ничего не имеет. Что же касается формы лезвия, то естественно, что если конец оттянут назад, то и линия лезвия будет изгибаться. Таким образом, между приводимыми Н.Л. Членовой аналогиями китайских ножей каменнолоожским сходства отсутствуют. Ножи эти непохожи. Что же касается ножей из Европы, то и сама Н.Л. Членова пишет, что «эти ножи уже гораздо меньше напоминают карасукские типа улуса Федорова» (Членова, 1972. С. 44). Из всего сказанного следует, что и эта группа ножей остаётся недатированной.

Группа 8 — ножи с круглой шляпкой и округлой в сечении ручкой (Членова, 1972. Табл. 4: 13–18). Этой группой открывается описание новой серии ножей, уже собственно карасукских. Описание ножей идёт по той же схеме: находки в комплексах, технологические сведения, различные размеры. Опять-таки без доказательств подчёркивается дальнейшее развитие. Отмечается сходство

с предыдущими группами в наличии шипа, колец под шляпкой, в сечении клинка. Выделяются особенности: отсутствие ручек, орнаментированных различно с двух сторон, уменьшение и стандартизация орнаментов ручек, появление треугольников, заполненных белой пастой (Членова, 1972. С. 26, 27). Что же касается времени этой группы ножей, то Н.Л. Членова пишет, что «группа 8 карасукских ножей датированных аналогий не находит» (Членова, 1972. С. 44).

Группа 9 — ножи с круглой шляпкой, шипом и плоской ручкой — сечением ручки отличается от группы 8 (Членова, 1972. Табл. 4: 19–22; 5: 1–13). Отличий в составе металла и технологии изготовления нет, нет особой разницы и в соотношении размеров. Вместе с тем настойчиво подчёркивается гипотетическое дальнейшее совершенствование ножей. Мастера уже осознали значение величины центрального угла и длины ножа, наблюдается тенденция к утрате шипа, применяется одинаковый орнамент для украшения обеих сторон ручки, проявляется стандартизация, так же как она проявляется и в уменьшении количества используемых орнаментов (Членова, 1972. С. 28).

Что же касается времени этой группы, то Н.Л. Членова, считает, что они находят очень точную аналогию в Аньяне, М. 238. Она даёт, правда, неточную ссылку на свою таблицу, но установить, о чём идёт речь, можно. Трудно, конечно, судить о характере вещи по небольшому схематическому рисунку, но ясно одно: что, во-первых, у ножа из Аньяна нет шипа, несколько иная шляпка и колечко под ней, другая форма клинка. Если отвлечься от этих деталей, то какие-то общие сходства, может быть, и есть. Могила 238 Ли Цзи, как пишет Н.Л. Членова, синхронизирует с ямой Е-16, где найдены гадательные кости. Время этой ямы по традиционной хронологии: XIV — середина XIII в. до н. э., по современной исправленной: XIII — середина XII в. до н. э. Далее она пишет: «...однако тут же Ли Цзи добавляет, что все вещи, найденные в яме Е-16, известны и в могильнике Цаюньсянь (эпоха Западного Чжоу, XI в. до н. э.) и что яма следует до предцзюньсяньского времени». Отсюда вытекает, что и одновременная яме Е-16 могила 238 также должна датироваться в пределах до XI в. до н. э. Эта дата отмечает начало бытования карасукской группы 9» (Членова, 1972. С. 44).

Однако из того, что пишет Н.Л. Членова, её вывод о времени группы ножей 9 не вытекает. Из её же слов следует, что Ли Цзи допускает существование ямы длительное время, ведь яма в первую очередь датируется гадательными костями, поэтому и могилу нужно датировать в более широких пределах до XI в. до н. э. Следовательно, и нож должен датироваться более широко, а если так, то почему XI в. до н. э. должен рассматриваться как начало бытования группы 9? В равной степени его можно объявить и её расцветом, и концом бытования. И всё же, если нож из могилы 238 действительно является аналогом ножей группы 9, то время бытования последней до XI в. до н. э. вполне приемлемо.

Здесь нужно отметить и другое стремление Н.Л. Членовой: во что бы то ни стало омолодить группу 9. Это особенно хорошо видно из дальнейших её рассуждений о распространении этих ножей в Ордосе и Монголии, «где преобладают в основном уже послеаньянские типы, косвенно свидетельствует о том, что она существовала и позже» (Членова, 1972. С. 44). Ясно, что распространение ножей в определённых районах без указания точно датированного комплекса их находок ни о чём говорить не может, так как там распространены ножи разного времени.

Не говорит о позднем времени ножей группы 9 и то, что на них имеется орнамент из мелких треугольников, «характерный для ножей более поздней группы 10 и встречающийся еще в группе 13» (Членова, 1972. С. 44). Ни группа 10, ни группа 13 пока ещё ею не были датированы, и называть их более поздними преждевременно. Они никак не могут служить доказательством позднего времени группы 9.

Не доказывает позднего времени группы 9 и «находка такого ножа (с орнаментом из мелких треугольников) в могильнике Каменка II, ограда 9, по всей видимости, синхронной карасукскому поселению Каменка IV, в котором найден тагарский нож VI в. до н. э.» (Членова, 1972. С. 44). Во-первых, находка позднего ножа на поселении более раннего времени не говорит о времени последнего; во-вторых, даже если бы нож и датировал поселение, остаётся недоказанной синхронность его могильнику. Так что и этот путь не приводит к заключению о поздней дате группы 9. Из всего сказанного Н.Л. Членовой вытекает, что датировать кара-

сукские ножи группы 9 позже чем XI в. до н. э. ей не удаётся.

Группа 10 с кольцом и тремя выступами (Членова, 1972. Табл. 5: 14–28) — это начало появления новых массовых ножей. Это заявление Н.Л. Членова сама же и опровергает, указывая, что и в рассмотренных группах были ножи с кольцом (Членова, 1972. С. 29). Поэтому замену шляпки с колечком большим кольцом нельзя рассматривать как стремление упростить производство ножей и как окончательное забвение первоначальной формы ручки (шляпка имитировала головку кости) (Членова, 1972. С. 29). Можно говорить только о том, что для ножей изогнутых (карасукских) характерно кольцевое навершие и резе шляпка, для коленчатых (каменоложских) в виде шляпки и резе кольца. Можно отметить также, что попытка отрицать сходство между каплевидной, характерной для каменоложских ножей шляпкой и круглой шляпкой карасукских и объяснение происхождения их разными традициями выглядит совсем неубедительно. Ещё М.Д. Хлобыстина показала единство и взаимосвязанность карасукских и каменоложских ножей по характеру перехода ручки в клинок и навершью (Хлобыстина, 1962).

При описании группы как в технологической части, так и в части, характеризующей отдельные детали ножей, усиленно подчёркивается более прогрессивный, стандартизованный характер ножей этой группы по сравнению с ранее рассмотренными, опять-таки с целью убедить в её более позднем времени. И в этой связи в описании ножа, который имеет вид слабоизогнутой пластинки, где толщина клинка и ручки почти одинакова, говорится, что: «Совершенно забыто, таким образом, что клинок и ручка представляли когда-то две части ножа (будто теперь это одна часть. — Г.М.), которые изготовлялись по отдельности (да еще из разных материалов)» (Членова, 1971. С. 29), совсем уже неверно, так как Н.Л. Членовой хорошо известно, что и в каменоложских, и в карасукских могилах встречаются клинки ножей от составных орудий, где ручка была изготовлена либо из кости, либо из рога или дерева.

Чтобы подкрепить свои замечания о позднем времени ножей группы 10, Н.Л. Членова пишет: «Именно такую форму (изогнутую. — Г.М.) имеют большинство ранних тагарских ножей VII–VI вв. до н. э. (по толщине клинок и ручка еще различа-

ются, хотя это различие в группе 10 начинает уменьшаться. В последующих группах клинок и ручка почти одинаковы по толщине)» (Членова, 1972. С. 29). Кроме общей слабоизогнутой формы, общего между тагарскими, независимо от времени, и карасукскими ножами мало. Основные и характеризующие детали ножей каждой культуры непохожи, и способ изготовления их различен. Карасукские отливались в двусторонних формах, а тагарские в большинстве случаев в односторонних.

Что же касается датировки ножей группы 10, то она начинается с голословного утверждения, что это длительно бытующая группа, «представленная в карасукской культуре Минусинской котловины только поздними вариантами» (Членова, 1972. С. 44). Прототипы их имеются в Аньяне, «Могилы слона», и Сяотуне, мог. 164 (Членова, 1972. Табл. 24: 16–18). Этими ножами была датирована группа 3, имеющая совершенно иной облик и навершие, в то время как группа 10 имеет не только похожее навершие, но и другие детали. Не рассматривая всех рассуждений Н.Л. Членовой о ножах с кольцом и кнопками, с бубенчиками или головой животного в виде навершия, важно отметить её вывод: «Таким образом, в собственно Китае ножи с кольцом и тремя выступами известны в эпоху инь (XIII–XI вв. до н. э.) и в эпоху западного чжоу (конец XI — VIII вв. до н. э.)» (Членова, 1972. С. 45). Отсюда следует, что ножи с кольцом, украшенным выступами, к востоку от Минусинской котловины бытуют длительное время. Хотя время бытования таких ножей в Забайкалье не доказано. Нож найден случайно, а предположение Н.Л. Членовой, что там «очевидно был могильник», к которому она относит другие вещи и на их основании датирует нож, неправомерно.

Европейские аналогии, приводимые Н.Л. Членовой, также ничего не дают для датировки карасукских ножей, ибо европейские ножи, с которыми Н.Л. Членова сопоставляет карасукские, датируются XII–X вв. до н. э., но уже не по кольцу, а по украшению ручки (Членова, 1972. С. 45). Поэтому она вынуждена опять вернуться к самой группе 10. Она пишет: «О поздней дате их свидетельствует и низкий процент сломанных ножей, и низкий указатель стройности, и другие данные в таблице А (но если таблицу перевернуть с головы на ноги, то группа 10 окажется равной. — Г.М.), а также то, что один из них имеет лужёный клинок (время появления

на Енисее лужёных клинков ею не определено. — *Г.М.*) Орнамент в виде мелких треугольников на ручке, заполненных, как и в группе 9, белой пастой, сближает эти ножи с наиболее поздними экземплярами группы 9 (а на страницу раньше группа 9 датировалась поздним временем по треугольникам на ножах группы 10. — *Г.М.*), а находка такого ножа (с уже исчезающими полосками на месте перекрестия) в Абаканском могильнике дает их предельную дату VII–VI вв. до н. э.» (Членова, 1972. С. 45). Обращаясь к дате Абаканского могильника, можно видеть, что он датирован карасукскими ножами 8, 10 и 13-й групп (Членова, 1972. С. 61).

Естественно, что методы такой датировки, которая приведена в цитируемом отрывке, не могут никого удовлетворить. Датирование группой 10 группы 9, а потом наоборот, при всём желании не может доказать их позднего возраста. Все попытки омолодить группу 10 ни к чему не привели и продемонстрировали только беспомощность Н.Л. Членовой. Из всего, что она пишет, можно заключить только одно: что если и сопоставлять ножи с кольцом и тремя выступами, то только с ножами эпохи Инь. И, следовательно, время группы 10 должно относиться к XIII–XI вв. до н. э. К этому же времени должны относиться и ножи группы 9.

Последние три группы карасукских ножей в разделе об их датировке рассматриваются совместно. Поэтому, прежде чем переходить к рассмотрению обоснования датировки, необходимо привести сведения о всех этих группах.

Группа 11 — с кольцом или кольцевым расширением и остатком шипа (Членова, 1972. Табл. 6: 1–3; 10: 21–26). Она выделена для того, чтобы подчеркнуть происхождение следующих групп от ножей с шипами (Членова, 1972. С. 30). После технологических сведений приводятся описания различных деталей ножей в поступательном их развитии.

Группа 12 — ножи с кольцевым расширением и полосками на месте бывшего шипа (Членова, 1972. Табл. 6: 4–26). Как и в других случаях, приводятся технологические сведения, но, пожалуй, до этого при рассмотрении других групп ножей не приводилось столько волевых доказательств позднего времени. Шипы «не сохранились», «они окончательно отмерли», «количество мышьяка убывает по сравнению с ножами предыдущих групп», «по составу металла ножи группы 12... резко отличаются от ножей более ранних групп», «по-

являются луженые ножи», «прогресс в производстве ножей группы 12 по сравнению с предыдущими группами очевиден». Забыто, что «эти полоски символизируют перекрестие». Всё это делается для того, чтобы подвести читателя к мысли: «Ножи этой группы довольно похожи на тагарские, и от них, несомненно, происходят тагарские ножи с кольцом в ручке VI в. до н. э. Близость ножей группы 12 к тагарским засвидетельствована и находкой такого ножа в тагарском комплексе Райков улус (Табл. 6, 13; 51, 14–22). Эти обстоятельства определяют и дату ножей группы 12 — VII–VI вв. до н. э. ...» (Членова, 1972. С. 31).

Группа 13 — ножи с кольцевым расширением без чётрочек на месте перекрестия (Членова, 1972. Табл. 7: 1–12). Так же, как и в других случаях, приводятся технологические сведения, мало что дающие, кроме, пожалуй, одного: все проанализированные ножи содержали примесь олова. А в основном — давление на читателя, что эта группа «завершает ряд ножей, начатый группой 11» и «толщина ножей группы 13 приближается к тагарским раздела 1 (без выделенной ручки), к которым они очень близки и по форме» (Членова, 1972. С. 32).

Н.Л. Членова считает, что, подчёркивая поздние, с её точки зрения, черты ножей групп 11–13 при описании групп, она сумела доказать их поздний возраст. Поэтому, переходя к датировке, она их сразу объявляет «самыми поздними из рассматриваемых» (Членова, 1972. С. 45). По её мнению: «Дата ножей групп 11–13 определяется тем, что они завершают эволюционный ряд (если поставить их в обратном порядке — они окажутся самыми ранними. — *Г.М.*): большой центральный угол и длина ножа, низкий процент сломанных клинков, низкий указатель стройности, отсутствие гарды (см. табл. А), наличие среди них экземпляров с высоким содержанием мышьяка (3,5–3,7 % в группе 12) и олова (5 %, так же в группе 12 — см. Приложение 2), наличие луженых ножей, большая стандартизация в деталях („серийное производство“), на что обращала уже внимание М.Д. Хлобыстина, то, что эта форма — родоначальница тагарских ножей с „кольцом в ручке“ (это не доказано. — *Г.М.*) (VII в. до н. э.), к которым имеется ряд переходов (табл. 6, 23, 25, 26) от группы 12, а некоторые ножи очень трудно определить в смысле принадлежности к карасукской или тагарской культуре (табл. 7, 8–12 — все из группы 13) (очень жаль, что Н.Л. Чле-

нова судит о ножах, в которых она не может разобрататься. — Г.М.), наконец, то, что дважды такие ножи найдены в тагарских погребениях VII–VI вв. до н. э.» (Членова, 1972. С. 45–46). Как можно видеть из приведённого отрывка, никаких объективных данных, кроме иных представлений в обосновании датировки рассматриваемых групп, нет.

Далее она приводит поздние аналогии из Аньяна, но сама же пишет, что там ножи не с кольцевым расширением, а с кольцом и другими деталями, которых на минусинских ножах нет. Остаётся непонятным, для чего это делается. Отмеченное ею сходство с забайкальскими и тувинскими ножами имеется, но они из случайных находок и никак не могут датировать ножи 11–13-й групп. Сведения о европейских ножах также ничего не говорят, там тоже нет ножей с кольцевым расширением, имеются «хвостатые», но в рассматриваемых группах последних нет (Членова, 1972. С. 46). Абсолютно то же самое можно сказать и о ручках, которых у групп 11–13 нет и никогда не было (Членова, 1972. С. 47).

Таким образом, по необходимости длительное рассмотрение доказательств датировок Н.Л. Членовой приводит к одному заключению: ей не удалось убедительно обосновать ни одного из своих положений. 1–7-я группы остались недатированными, для некоторых из них она не сумела найти аналогии, другие датировала по принципу — раз таких ножей нет в Китае, то они раньше аньяна. Что же касается самых поздних, по её мнению, групп, то и здесь она не находит им аналогий и датирует исходя из собственных представлений о путях развития карасукских ножей. Путём чисто умозрительных заключений.

Единственно, где ей удалось что-то сделать, это при датировке групп 9 и 10. Этим ножам действительно можно подыскать более или менее близкие аналогии на Востоке. И как ни пытается Н.Л. Членова их омолодить, их время оказывается наиболее ранним из всех рассмотренных ею групп. Они должны датироваться XIII–XI вв. до н. э.

Если же теперь отвлечься от групп и рассмотреть ножи в целом, то окажется, что коленчатым ножам (группы 1–7) или ножам каменнолоожского этапа не удалось найти ранних аналогов. Время ножей каменнолоожского этапа «повисает в воздухе». В то же время для части изогнутых — карасукских ножей даты устанавливаются более или менее определённо; во всяком случае, для части из

них такая дата есть: это XIII–XI вв. до н. э. Но ножи тех видов, которые датированы, занимают не крайнее положение в ряду других. Их место было показано ещё М.Д. Хлобыстиной и подтверждено Н.Л. Членовой. Следовательно, её группы 11–13 должны быть не позже, а раньше датированных групп 9 и 10, ибо связь соседних групп сомнения не вызывает. Таким образом, карасукские ножи в целом оказываются более ранними, чем каменнолоожские. И, следовательно, эволюция ножей должна идти в направлении прямо противоположном тому, которое конструирует Н.Л. Членова.

На основании датированных групп Н.Л. Членова пытается датировать и карасукские памятники, во всяком случае наиболее существенные из них. Но, прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, необходимо остановиться на сочетании разных групп ножей в памятниках. Приведённая Н.Л. Членовой таблица совстречаемости ножей разных групп в памятниках, хотя из неё и исключены три группы, даёт всё-таки некоторое представление о сочетании групп. Из неё вытекает, что ножи групп 1–7 встречаются с ножами тех же групп, а ножи групп 8–13 соответственно между собой. Но первые — это каменнолоожские ножи, они и должны встречаться в каменнолоожских памятниках, а последние — карасукские, которые происходят из карасукских могильников. Следовательно, даты групп, встречающихся между собой, должны быть одними и теми же. То есть должна быть одна дата для карасукских ножей, а другая для каменнолоожских.

Н.Л. Членова чувствует, что с её датировками не совсем всё благополучно, и ищет другие пути для подтверждения своих представлений. На этом пути она ни перед чем не останавливается. Первой выделив лугавские памятники и исходя из своих представлений об их историческом месте, распределив ножи в определённой последовательности, она вдруг пишет о карасукских и лугавских памятниках, что «практически те и другие в пределах Минусинской котловины так смешаны, что чисто лугавских могильников почти нет (за исключением улуса Федорова и Волчьего лога)» (Членова, 1972. С. 51). Объяснить подобное явление практически невозможно; если бы это написал человек, малознакомый с памятниками Минусинской котловины, это было бы понятно. Но читать у Н.Л. Членовой такое! Это можно объяснить только одним: что

в своём стремлении доказать недоказуемое она зашла в тупик, из которого не находит выхода. Трудно смешать карасукскую и каменноложскую посуду. Наличие же на последней некоторых видов орнамента, не встреченного на собственно карасукской посуде, не может говорить о карасукском возрасте первой. Более того, несмотря на ошибочность многих положений, Э.А. Новгородова всё-таки доказала, что каменноложская и карасукская посуда в одних и тех же комплексах не встречается (Новгородова, 1965; 1970). Утверждение же о смешанности большинства памятников не соответствует действительности. Что же касается упомянутых чистых лугавских могильников у улуса Фёдорова и в Волчьем логу, то Н.Л. Членова сводит всю лугавскую посуду к одному виду, который, кстати, очень часто встречается в ранних тагарских памятниках. Зная это, Н.Л. Членова в нескольких местах своей работы пытается доказать, что «карасукская керамика далеко не всегда пригодна для датировок» (Членова, 1972. С. 56). Поэтому предпринимает попытки рассмотреть керамику на широком фоне, ища ей поздние аналогии, чтобы увязать предложенные датировки и по керамике. Все эти попытки и утверждения лишены логики и противоречат одно другому. Она впадает в крайности, пытаясь, например, сопоставлять карасукские и тагарские орнаменты и сосуды, ничего общего между собой не имеющие, если судить по приводимым ею примерам (Членова, 1972. С. 61).

Все экскурсы и отступления, по её мнению, ведут к выяснению вопроса; на самом же деле отсутствие логики, строгой последовательности в изложении материала, перекрёстные ссылки на разные страницы работы только запутывают картину, затрудняют понимание и вызывают недоумение. В конце концов она приходит к выводу: «Итоги разбора карасукского инвентаря этих могильников (речь идёт о могильниках карасукского этапа. — Г.М.), стратиграфические наблюдения и датировочные материалы, технологическое и типологическое изучение карасукских ножей — все это позволяет уверенно сказать, что мнение М.П. Грязнова (он датирует эти памятники XIII–XI вв. до н. э. — Г.М.) не подтверждается никакими археологическими фактами» (Членова, 1972. С. 61).

В свете изложенного выше разбора «стратиграфических» наблюдений, раскрытия значения технологических и типологических построений

Н.Л. Членовой становится ясным абсолютная недоказанность её утверждений. И более того, в принципе, ненаучность её подхода к изучению памятников карасукской культуры, выразившаяся в первую очередь в том, что положения, требующие доказательств, берутся как исходные посылки исследования.

Утверждая, что керамика не может быть датировочным материалом, Н.Л. Членова в то же время такую возможность допускает. Она пишет, что «в ряде случаев керамика может оказаться дополнительным датировочным материалом» (Членова, 1972. С. 61). Внимательно рассматривая систему её доказательств, нетрудно заметить, что там, где керамика или орнаменты используются другими авторами для доказательства определённых положений, по её мнению, они это делать неправомочны. Так, она возражает Э.А. Новгородовой, которая для своих хронологических построений использует ямочный орнамент на карасукских сосудах: «Различный процент ямочной орнаментации в разных могильниках, приводимый Э.А. Новгородовой для подтверждения ее выводов, ничего не дает для хронологии памятников, так как ямки на сосудах — не датировочные предметы» (Членова, 1972. С. 57). Однако подобное утверждение неверно. На материалах Сухого Озера II было показано, что для разных групп характерны разные орнаменты или их процентное соотношение.

В то же время Н.Л. Членова, пытаясь обосновать свои собственные хронологические представления, берет единичные, случайные, непохожие по существу совпадения отдельных элементов орнамента на карасукских и тагарских сосудах и на этом основании их синхронизирует (Членова, 1972. С. 61).

То же она делает и с орнаментами на карасукской посуде, которые все исследователи, в том числе и сама Н.Л. Членова, связывают с андроновскими (Членова, 1972. С. 60). Для утверждения позднего времени могильников, откуда происходит эта посуда, она сравнивает отдельные элементы карасукских орнаментов с ирменскими, еловскими, дандыбай-бегазинскими. Действительно, между всеми перечисленными памятниками имеется определённое сходство в орнаментах, это и понятно, потому что везде эти орнаменты восходят к андроновским. Но в каждом конкретном случае трансформация андроновских мотивов в карасукские шла своим путём. Так, например, ряды ромбов на ирменской

посуде всегда помещены на шейке, в то время как на карасукской — на плечиках. Об этом уже приходилось писать (Максименков, 1978. С. 117). Что же касается больших углов, образованных заштрихованными полосами, то они сформировались из андроновских шевронов и помещаются на плечиках карасукских и ирменских горшков. Сходство некоторых орнаментов карасукской и ирменской культур, следовательно, объясняется не влиянием последней на первую, а общим источником формирования сходных орнаментов. Поэтому датировать ирменскими орнаментами карасукскую культуру нелогично. Более того, Н.Л. Членова датирует карасукскую культуру через ирменскую, которую сама же датировала теми же приёмами, что и карасукскую (Членова, 1970). Но эти приёмы далеко не безупречны. Поэтому точку зрения на время ирменской культуры разделяют далеко не все исследователи (Матющенко, 1974. С. 77).

Близким по существу является и путь датировки карасукской посуды по орнаментам, сходным с дандыбай-бегазинскими памятниками. На сходство этих памятников с карасукскими уже указывалось М.П. Грязновым, так что и здесь сопоставления правомочны (Грязнов, 1952). Но вопрос состоит в том, что дандыбай-бегазинские памятники датируются по-разному. Открывшие их Л.Р. Кызласов и А.Х. Маргулан датировали их VII–VI вв. до н. э. (Кызласов, Маргулан, 1950). Позже М.П. Грязнов, сопоставив с карасукской культурой, несколько удревнил их время, согласно с той датировкой, которая в то время имела для карасукской культуры, и датировал их X–VIII вв. до н. э. В настоящее же время, когда карасукская культура большинством исследователей датируется более ранним временем, соответственно и дандыбай-бегазинская должна быть передатирована, или же первоначальные её даты должны быть подкреплены новыми фактами. Следовательно, на основании первоначальной датировки, предложенной Л.Р. Кызласовым и А.Х. Маргуланом, датировать карасукскую культуру через дандыбай-бегазинскую нельзя.

Поэтому путь датировки по сходным орнаментам, правомочность использования которого другими исследователями отвергается Н.Л. Членовой, должен быть непозволительным и для неё самой. Однако для себя она никаких ограничений не делает и пользуется им с большей лёгкостью, чем другие. На самом же деле керамика и харак-

терные сложные орнаменты являются хорошим материалом для сопоставления и сравнения памятников, особенно когда речь идёт о памятниках соседних районов.

В целом же нужно сказать, что попытки Н.Л. Членовой подкрепить свои хронологические построения, основанные на изучении ножей, с помощью других материалов не увенчались успехом. Подтянуть верхнюю границу собственно карасукских могильников поближе к тагарской культуре ей не удалось.

Приведя дополнительные обоснования для датировки, Н.Л. Членова пытается датировать каждый конкретный могильник, но в её списке из 33 могильников присутствуют не только собственно карасукские. Здесь нет необходимости рассматривать датировку каждого конкретного памятника, достаточно будет остановиться на отдельных примерах, и в первую очередь на времени Сухого Озера II и связанных с его изучением могильников.

О времени Сухого Озера II Н.Л. Членова пишет: «Сухое Озеро II. Ножи групп 10 (конец XI–VII/VI вв. до н. э.) и 12 и 13 (VII в. до н. э.). Два кургана с карасукскими погребальными сооружениями (кольцами и трапециевидными ящиками) и тагарским инвентарем. Керамика с орнаментом, заполненным белой пастой (VIII–VI вв. до н. э.). Ирменские элементы орнамента керамики (VIII–VII вв. до н. э.). Дата могильника — VIII–VII или около VII вв. до н. э.» (Членова, 1972. С. 63).

Рассматривая её доказательства, можно начать с первого из них — дата ножей. При рассмотрении каждой группы было указано, что при всём желании Н.Л. Членова сумела найти более или менее точные аналогии только для двух групп — 9 и 10. Группа 10 по тем данным, которые приводит сама Н.Л. Членова, должна быть датирована XIII–XI вв. до н. э., так как её попытка омолодить ножи, как было показано, успеха не имела (Членова, 1972. С. 45). То же самое можно сказать и о группе 9, время которой — до XI в. до н. э. Если типологический ряд изменения формы ножей, предложенный Н.Л. Членовой, верен (в данном случае речь идёт не о его начале и конце, а о различиях и связях между соседними группами, и 9-я группа через группу 10 связана с 11-й, а последняя с группой 12, и т. д.), то можно попытаться, исходя из сведений, сообщаемых Н.Л. Членовой, установить и их последовательность во времени. Так, если группа 10 относится к XIII–XI вв. до н. э.,

а группа 9 — до XI до н. э., то оказывается, что десятая группа либо синхронна 9-й, либо несколько раньше неё. Но в таком случае группы 11–13 никак не могут быть моложе группы 10, так как они находятся по другую по сравнению с группой 9 сторону ряда по отношению к группе 10. Отсюда следует, что группы 11–13 должны быть несколько старше или же синхронны началу времени существования группы 10. Поэтому предложенная Н.Л. Членовой дата по ножам XI–VII/VI вв. до н. э. не может быть принята, так как она ничем не обоснована.

Значительно более ранняя дата могильника Сухое Озеро II по ножам входит в явное противоречие с остальными доказательствами позднего времени этого памятника. Но это только на первый взгляд. Сочетание карасукского погребального сооружения и тагарского инвентаря, как пишет Н.Л. Членова, никакого сочетания не даёт. Во всяком случае, не даёт органического сочетания карасукского и тагарского. А только в этом случае можно было бы говорить на основании тагарских элементов о позднем времени. О таких случаях уже писалось, рассматривались они и в данной работе (Максименков, 1975б). В результате было показано, что в памятниках разных эпох, начиная от афанасьевской и кончая карасукской, встречаются вторичные захоронения. Тагарцы каких-то людей хоронили в ограбленных ими могилах предшествующих культур. Здесь, следовательно, имеется два элемента карасукского сооружения, относящегося ко времени существования могильника Сухое Озеро II, и значительно более позднее тагарское погребение, нарушившее древнее захоронение. Так что такие погребения, не связанные органически с памятником, никак не могут указывать на его дату. Следовательно, и второе обоснование поздней даты как доказательство её не может быть принято.

Необходимо теперь остановиться на четвёртом доказательстве — ирменских элементах орнамента керамики, по которым могильник Н.Л. Членова датирует VIII–VII вв. до н. э. Выше уже было показано, что как ирменские, так и карасукские орнаменты восходят к андроновским. Последние в большинстве случаев в каждом районе трансформировались по-разному, но иногда образовывали одинаковые узоры, в том числе ряды ромбов и большие углы из заштрихованных полосок. Среди керамики Сухого Озера II оказалось 66 богато орнаментированных горшков, почти треть

из них украшена рядом ромбов либо как единственным орнаментом, либо в сочетании с другими. Все полосы ромбов расположены на плечиках, как это наблюдается и на керамике из других карасукских могильников. Нет ни одного сосуда, не только в Сухом Озере II, но и в других карасукских памятниках, где бы ряды ромбов были помещены, как это делается на ирменской посуде, на шейке. Отсюда следует, что ряды ромбов, во-первых, являются характерным и характеризующим карасукскую посуду видом орнамента, а во-вторых, что этот орнамент используется для украшения сосуда чисто по карасукским и никогда по ирменским традициям. Следовательно, видеть в рядах ромбов влияние ирменской культуры нельзя. Аналогичная картина и с углами. Это очень широко используемый элемент орнамента карасукской посуды, часто сочетающийся с другими мотивами, не встречающимися на ирменской посуде.

Даже если утверждать сходство орнаментов на карасукской и ирменской посуде, а это, в общем, не вызывает сомнения, то и тогда датировать карасукскую культуру ирменской неправомерно, или же в равной степени возможна обратная датировка, и тогда ирменская посуда должна оказаться значительно более ранней, чем думает Н.Л. Членова. В данном же случае Н.Л. Членова приводит свои даты ирменской культуры, а они не только не общепризнаны, но, наоборот, вызывают критику других исследователей. Следовательно, здесь Н.Л. Членова опирается не на объективные факты, а только на своё личное мнение. Но это не основание для датировки. Более того, если она права, что датировать памятник можно только по строго датированным вещам, в данном случае по ножам, то и «ирменские» элементы на карасукской посуде Сухого Озера II имеют дату XIII–XI вв. до н. э., на которую указывают и найденные в могильнике ножи.

Последнее доказательство позднего времени Сухого Озера II — это использование белой пасты в орнаменте. Н.Л. Членова перечисляет некоторые культуры, где известен этот способ украшения посуды, а также карасукские могильники, откуда происходит посуда с орнаментом, затёртым белой пастой. Но всё это очень слабое подтверждение времени могильника VIII–VII вв. до н. э., хотя бы потому, что для Минусинской котловины нужно доказать время появления и использования этого приёма, чего Н.Л. Членовой сделано не было. Более

того, ранняя дата могильника Сухого Озера II, где найдено несколько таких горшков, может служить более веским основанием для датировки появления орнамента с белой пастой на Енисее, чем приводимые Н.Л. Членовой.

Таким образом, ни одно из доказательств позднего времени могильника Сухого Озера II, на основании которых утверждается существование могильника в VIII–VII вв. до н. э., не может быть признано удовлетворительным. Могильник этот, несущий в себе много черт предшествующей андроновской культуры, должен относиться к значительно более раннему времени. Время его возникновения никак не позже XIII в. до н. э.

Аналогичным образом, может быть только с расхождением в один век, датированы Н.Л. Членовой могильники Карасук I и Малые Копёны III. Карасук I датирован ею ножами групп 12 и 13; наличием двух карасукских курганов с тагарскими погребениями; керамикой с орнаментом, заполненным белой пастой; орнаментами ирменского типа; керамикой с андронидными элементами. Новым здесь является указание на сходство орнамента карасукского сосуда и орнамента тагарского сосуда из Норилкова улуса (Членова, 1972. С. 62). Приведённые Н.Л. Членовой доказательства позднего времени Карасука I, за исключением последнего, рассмотрены в связи с датой Сухого Озера II. Здесь нет необходимости их повторять. Что же касается сходства орнамента на сосуде из Норилкова улуса и орнамента карасукских горшков, то об этом приходится сказать несколько слов. Н.Л. Членова пишет: «...уникальный орнамент на банке из Норилкова улуса...» — и далее описывает этот орнамент (Членова, 1967. С. 204). Действительно, сосуд этот уникален по орнаменту. Уже одно это не позволяет использовать его в качестве датирующего предмета, так как он совершенно не характерен для тагарской культуры. Он украшен несколькими желобками под венчиком и у дна. Эти желобки объявляются типичнейшим андроновским орнаментом. Нужно сказать, что типичность состоит только в самом термине «желобок», так как андроновские и тагарские желобки между собой ничего общего не имеют. Если верить рисунку Н.Л. Членовой, поле между желобками украшено отстоящими друг от друга наклонными рядами из нескольких полос. Верхние концы правой группы полос соединены одной полосой с нижним концом соседней левой

группы, отчего образуются как бы треугольники. В этих треугольниках, обращённых вершиной вниз, проведены два желобка под углом друг к другу, которые со сторонами треугольника образуют вертикальный ромб. Что касается карасукского сосуда, то у него на стенках нанесены четыре больших шеврона, внутри которых идут пересекающиеся линии или группы линий, параллельно или перпендикулярно к направлению границ шеврона. Так вот, сходство состоит только в одном: и на тагарском, и на карасукском сосуде имеются группы линий. Говорить серьёзно, естественно, о таких доказательствах не приходится, но Н.Л. Членова, видимо, этого не понимает. Иначе чем объяснить сделанное ею заключение по поводу тагарского горшка. Таким образом, на этом сосуде сочетаются андроновские и карасукские элементы отделки (Членова, 1967. С. 204). Ясно, что и этот последний аргумент в пользу позднего времени могильника Карасук I ничего не доказывает.

Могильник Малые Копёны III датируется Н.Л. Членовой VIII–VII или VIII–VI вв. до н. э. В основе доказательств можно видеть то же самое: ножи групп 11–13; наличие тагарских погребений в карасукских оградах; керамика с андронидными орнаментами. Но есть и новые: миниатюрный примитивный нож, пластинчатые ножи ирменского типа, керамика с орнаментом типа Еловка I (Членова, 1972. С. 62). Что касается миниатюрного ножа, то это бронзовый стерженёк с раскованным концом. Являлся ли он ножом или нет, неизвестно, но даже если его и использовали как ножик, то такой предмет ни о чём говорить не может, так как является случайной вещью. Сходство же с Еловкой I вполне объяснимо. Так как этот могильник относится к культуре карасукского времени района Томска, возникшей на базе томской культуры эпохи бронзы, синхронной андроновской культуре степей, возникший под сильным влиянием последней. Поэтому в сменяющей томскую культуру культуре, представленной материалами Еловки I, много элементов, взятых от предшествующей, в том числе и орнаменты на керамике, которые в конечном счёте восходят к андроновским, так же как и карасукские. Еловка I — это аналог в лесостепной зоне карасукскому этапу на Енисее. Что же касается пластинчатых ножей ирменского типа, то их дата завышена, как и дата самой культуры. Поэтому и они

не могут датировать поздним временем могильник Малые Копёны III.

Можно коротко остановиться на дате ещё одного могильника — Кюргеннер. Н.Л. Членова его датирует ножом группы 9 (XIII–VI вв. до н. э.); ножами, похожими на изображение на оленном камне скифского времени, и керамикой с белой инкрустацией (Членова, 1972. С. 62). Оставляя в стороне инкрустацию, нужно сказать, что сейчас известны оленные камни доскифского времени. Они так датированы в первую очередь по изображениям на них вещей карасукского времени. Что же касается указанной здесь даты ножей группы 9, то она существенно отличается от той, которую приводит Н.Л. Членова в соответствующем разделе её работы (Членова, 1972. С. 44).

Рассмотренные четыре могильника близки между собой хотя бы по тем признакам, которыми Н.Л. Членова пытается их датировать. Действительно, из них происходят собственно карасукские ножи, в них много черт, ведущих своё происхождение от андроновской культуры. Следовательно, и время их должно быть близким как между собой, так и к андроновской культуре. Чтобы это стало более ясным, нужно остановиться на предлагаемой Н.Л. Членовой дате (каменноложского. — Г.М.) могильника Карасук IV. «Ножи групп 4 (XI–VIII вв. до н. э.) и 5 (X–IX вв. до н. э.). Радиоуглеродные даты — 980 и 760 гг. до н. э. Дата могильника — XI/X–IX/VIII вв. до н. э.» (Членова, 1972. С. 62). Как было показано выше, датировать 4-ю и 5-ю группы ножей на основании аналогий Н.Л. Членовой не удалось из-за их отсутствия. Единственным указателем на время их бытования могут служить радиоуглеродные даты. По последним, время этого могильника должно укладываться в X–VIII вв. до н. э. Это несколько отличается от предложенной Н.Л. Членовой даты, которая любыми путями пытается удревить каменноложские памятники. Нужно сказать, что включение могильника Карасук IV в круг карасукских памятников сделано незаконно. Этот могильник типично каменноложский или, по Н.Л. Членовой, лугавский, о чём свидетельствуют коленчатые формы ножей и найденная в нём керамика.

Сопоставляя Карасук IV с ранее рассмотренными памятниками, можно заметить их различия. В последнем нет андроновских черт и ножи представлены коленчатыми, а не изогнутыми формами. Могильники эти должны, следовательно, относиться

к разному времени. Так как Карасук IV довольно определённо датируется по радиоуглероду X–VIII вв. до н. э., а группа ранее рассмотренных могильников содержит ножи, находящие себе более или менее близкие аналоги, относящиеся к XIII–XI вв. до н. э., то последовательность этих памятников не может вызвать сомнения. Более ранней оказывается группа собственно карасукских могильников, а более поздние — каменноложские.

То, что было сказано о рассмотренных могильниках, можно повторить и для других, особенно «в тех случаях, если они обнаружат ряд достаточно сложных орнаментов (или других вещей), идентичных орнаментам или другим вещам из датированных могильников» (Членова, 1972. С. 63). Но в данном случае в этом нет надобности. Хотелось бы только отметить в приведённой цитате свойственную Н.Л. Членовой непоследовательность. В одних местах работы она утверждает, что керамика и орнаменты не могут быть датируемыми, в других — сама широко ими пользуется и даже обещает в дальнейшем этим путём датировать и все другие карасукские памятники.

Рассмотрение характера и способов датировки карасукских памятников позволяет прийти к совершенно несомненному заключению, что предпринятые Н.Л. Членовой попытки доказать более ранний возраст коленчатых каменноложских ножей по сравнению с изогнутыми карасукскими не увенчались успехом. Опираясь только на это заключение, можно было бы, не разбирая её исторических построений, заключить, что они, основанные на неверных посылах, не могут рисовать объективную историческую картину. Однако не сказать хотя бы нескольких слов о её представлениях о развитии и распространении карасукской культуры нельзя, что и будет сделано в заключении.

Здесь же необходимо затронуть ещё один вопрос, имеющий отношение к датировке, а именно: соотношение позднекарасукских — каменноложских — лугавских памятников с раннетагарскими — баиновскими.

Приходится опять вернуться к ножам. Изогнутые карасукские и коленчатые каменноложские ножи между собой тесно связаны.

О правильности подобного положения свидетельствуют объективные факты. Работами М.Д. Хлобыстиной (1962; 1963), Э.А. Новгородовой (1970) и самой Н.Л. Членовой (1972) показано, что между

крайними типами ножей имеются переходные, и иногда не удаётся наблюдать существенного перерыва в этом ряду. Вопрос стоит только в том, с чего начинать этот ряд: с изогнутых, через ножи с шипом и уступом и коленчатым или наоборот. Все названные исследователи пытаются поставить в начало ряда коленчатые ножи, но, как было показано, объективных данных для этих построений нет. Между коленчатыми энеолитическими ножами Минусинской котловины, в которых видят образ металлических коленчатых каменноложских ножей, даже если считать их самыми ранними, лежит андроновская культура, разрывающая прямую связь афанасьевской и окуневской культур с лугавской. Доказать на основании аналогий коленчатым ножам их более ранний возраст также не удалось. Все возможные пути для доказательства раннего времени коленчатых ножей исчерпаны и не дали ожидаемых результатов. Что же касается изогнутых карасукских ножей, то они находят себе ранние аналогии, с чем согласны все исследователи, за исключением Н.Л. Членовой, но и она, как было показано, иногда вынуждена это признавать.

О более позднем времени коленчатых ножей свидетельствует и их близость к раннетагарским — баиновским ножам. Вообще генетическую преемственность между каменноложскими — лугавскими памятниками и баиновскими никто из исследователей не отрицает. Более того, этот вопрос можно считать решённым. Так что, казалось бы, место каменноложских памятников между карасукскими и раннетагарскими — баиновскими не должно бы вызывать сомнения. Однако Н.Л. Членова, понимая это, всё же пытается вопреки фактам растянуть время бытования лугавских памятников на 800 лет.

Она пишет: «Керамика баиновской группы как бы промежуточная между лугавской и тагарской. Ножи из баиновских могильников — с овальным кольцом (группа 14; табл. 7, 11, 13–24, 35) и с „аркой на кронштейне“ (группа 15; табл. 7, 26–34, 36–42; 37, 21; 41, 32; 48, 6; 57, 4, 16–69) тоже являются как бы промежуточными между ножами карасукскими и тагарскими» (Членова, 1972. С. 124). Следовательно, керамика лугавская, а ножи карасукские, которые в лугавских памятниках не встречаются. Она и сама вынуждена признать несходство баиновских и карасукских ножей.

Она пишет: «По форме ножи группы 14 очень близки к ножам группы 13, только ручка без желобка и сечение кольца другое. Однако по абсолютным размерам они меньше ножей группы 13 (общая длина и соотношение длины клинка и ручки), указатель стройности выше» (Членова, 1972. С. 124). Отсюда следует, что между группами 13 (карасукские ножи) и группой 14 (баиновские) существуют отличия в характере ручки, в особенностях кольца, в размерах и пропорциях. Спрашивается, что же между ними общего? Основные характерные особенности различны, сходство же только в том, что и те, и другие — ножи.

Аналогичная картина и с ножами с «аркой на кронштейне». Н.Л. Членова отмечает сходство группы 15 с поздними группами 12–14 в низком проценте орнаментированных ручек, объединяя здесь уже карасукские и баиновские ножи. Вместе с тем сама же пишет, что группу 15 нельзя выводить из поздних групп карасукских ножей. Они отличаются абсолютными размерами и пропорциями, высоким указателем стройности, близким к группам 1–4 (то есть к коленчатым ножам каменноложского — лугавского этапа), высоким процентом хвостатых ножей, наличием ручек, орнаментированных различно с других сторон, что встречается только в группах 1–7. «Все это указывает на связь ножей группы 15 с ножами ранних групп 1–7. Сама „арка“ по происхождению, видимо, связана отнюдь не с кольцом, а с грибовидной шляпкой» (Членова, 1972. С. 125). В этой связи совершенно удивительно заключение о времени ножей группы 15. «Дата баиновских ножей группы 15 определяется как их близостью к позднекарасукским ножам групп 11–13 (VIII–VI вв. до н. э.) и 14 (VIII–VII вв. до н. э.), так и датированными аналогиями» (Членова, 1972. С. 125). Ясно, что подобное заключение в свете приведённых данных ни на чём не основано и говорить о близости карасукских ножей баиновским не приходится. На карасукских никогда не бывает шляпок (речь идёт о ножах групп 11–13), а на раннетагарских они есть (Членова, 1972. С. 128).

Таким образом, желая того или нет, Н.Л. Членова вынуждена признать, что наиболее характерные для раннего тагара ножи имеют сходство не с собственно карасукскими изогнутыми ножами, а с коленчатыми каменноложскими, а следовательно, последние должны быть моложе карасукских. О том же говорит и керамика. Баиновская керамика

близка, а часто и идентична керамике лугавской, особенно сосудам из могильника Фёдорова улуса формами, пропорциями, орнаментом. Такая посуда встречается в комплексах с раннетагарской, украшенной желобками и имеющей приплюснутое дно. Она найдена и с баиновскими ножами, так что усомниться в её времени трудно. Однако Н.Л. Членова, чтобы выйти из создавшегося положения, заявляет, что лугавские яйцевидные и параболоидные сосуды не могут считаться датирующими. Это заявление голословно и никого убедить не может.

Распространение карасукских и лугавских памятников по всей территории Минусинской котловины, отсутствие связи между карасукскими и баиновскими ножами и, наоборот, близость каменнолоужских ножей баиновским, сходство, доходящее до идентичности, между посудой лугавского типа и баиновской — всё это свидетельствует о временной близости каменнолоужских — лугавских памятников раннетагарским — баиновским. Отсутствие датированных ранним временем аналогий коленчатым ножам и наличие их изогнутым карасукским заставляет рассматривать лугавскую культуру не как сосуществующую с карасукской, а как более позднюю, занимающую место между собственно карасукским этапом и раннетагарскими памятниками. Время каменнолоужского этапа должно укладываться в X–VIII вв. до н. э., что же касается собственно карасукского этапа от конца андроновской культуры и до каменнолоужского, то его время падает на XIV–XI вв. до н. э.

Таким образом, несмотря на огромную работу, проделанную Н.Л. Членовой и направленную на передатировку карасукской культуры, её труды не увенчались успехом. В настоящее время нет данных, которые позволили бы точно, в пределах коротких отрезков времени, датировать отдельные карасукские вещи, в том числе и группы ножей. Поэтому сейчас можно датировать только этапы карасукской культуры и её в целом. Предложен-

ная ещё С.В. Киселёвым дата для карасукской культуры, может быть с незначительным удревлением её начала, остаётся единственно приемлемой. Тем более что она в последнее время подтверждена и работами других исследователей, основанных на новых материалах.

Абсолютные даты карасукского этапа — XIV–XI вв. до н. э. и каменнолоужского — X–VIII вв. до н. э. Все новые факты, в том числе материалы Сухого Озера II, с несомненностью свидетельствуют о том, что карасукская культура представлена двумя последовательными этапами: ранним — собственно карасукским и поздним — каменнолоужским. Датировать каменнолоужский этап (лугавскую культуру, бейскую группу памятников) более ранним временем, чем карасукский, или их синхронизировать не удастся, так как для этого нет никаких объективных данных.

В раннем этапе намечается два вида памятников. Одни из них имеют много черт, идущих от андроновской культуры, а в других таких черт значительно меньше. Причём в первых преобладают простые изогнутые ножи с кольцевым расширением или кольцом, во вторых — изогнутые ножи с кольцом и тремя выступами или же со шляпкой. Эта последовательность появления видов ножей опровергает представление о том, что развитие ножей карасукской культуры идёт от коленчатых к изогнутым. В действительности же устанавливается, что коленчатые ножи самые поздние. Можно говорить о том, что те карасукские могильники, где в большом количестве наблюдаются андроновские традиции, являются наиболее ранними: это группы 4 и 5 могильника Сухого Озера II и Малые Копёны III.

Следовательно, материалы могильника Сухого Озера II дали возможность на новом обширном конкретном материале проверить правильность датировки как самой карасукской культуры, так и её раннего этапа.

ГЛАВА 3. Материалы раскопок групп 1–5 могильника Сухое Озеро II

Г.А. Максименков, Э.Б. Вадецкая

В четырёх километрах к западу от берега реки Енисей, на ровной террасе северного берега озера Сухого, на площади около 2000 метров длиной и 800–1000 метров шириной располагались курганы с земляными насыпями, а также оградки, плиты которых выступали из земли. В результате последовавших затем раскопок выяснилось, что здесь находятся памятники трёх исторических эпох: андроновской, карасукской и тагарской. Первые уже были подвергнуты специальному исследованию (Максименков, 1978). Изучению карасукского могильника посвящена настоящая работа; что же касается раскопанных тагарских курганов, то они лишь частично указаны в статье, посвящённой впускным тагарским погребениям (Максименков, 1975б. С. 159–167).

Карасукские курганы отряд раскапывал в течение всех лет работ на этом могильнике. В первые годы эти курганы занимали незначительную часть объёма работы, но в последние годы стали основным объектом исследования. Раскопки продолжались с 1963 по 1968 год. В 1963 году раскопано 14 курганов, содержащих 20 могил; в 1964 году было исследовано 8 курганов с 12 могилами; в 1965 году раскопано 48 курганов, содержащих 88 могил; в 1966-м — 52 кургана, содержащих 127 могил; в 1967-м — 120 курганов, содержащих 205 могил; в 1968-м — 49 курганов, содержащих 99 могил. Всего за время работ на Сухом озере исследован 291 курган, в которых оказалась 551 могила.

Ещё до начала раскопок могильника архитекторами, сотрудниками экспедиции, был снят его глазомерный план, на который были нанесены все видимые насыпи и оградки. План снимался в двух

направлениях: от центра к востоку и к западу. Желая избежать в дальнейшем лишней путаницы при нумерации курганов, одной группе были даны чётные, а другой нечётные номера. На каждом кургане был установлен колышек с номером. В дальнейшем с этого плана был сделан рабочий, который в последующие годы работ пополнялся новыми объектами. В связи с тем, что во время отсутствия экспедиции местное население выдёргивало колышки, номера курганов устанавливались по плану. В результате в некоторых случаях в разные годы разные курганы получали один и тот же номер. Поэтому за номером кургана при описании стоит год его раскопок. К сожалению, постоянно пополняющийся рабочий план после окончания работ на могильнике был украден, поэтому нет полной уверенности, что публикуемый план во всех деталях соответствует рабочему.

Методика раскопок курганов в течение всего времени изучения могильника была различной. Она зависела как от года раскопок, так и от состояния отдельных курганов. В первые годы подавляющее большинство курганов было раскопано по полной методике. Вокруг видимых на поверхности камней или вокруг насыпи разбивался раскоп с таким расчётом, чтобы все видимые камни или расплывшаяся насыпь оказались бы в границах раскопа. Поперёк него оставлялась бровка, обычно ориентированная с СЗ и на ЮВ. Затем удалялась земля как внутри ограды, так и за её пределами на расстоянии примерно одного метра от внешней стороны ограды. В случаях, когда имелась насыпь, раскоп разбивался с таким расчётом, чтобы захватить её основание в месте перехода к окружающей

поверхности. После снятия земли производилась зачистка камней ограды и внутренней её части. Всё это фиксировалось графически и фотографировалось. Над выявленными могилами после фиксации разреза бровка убиралась, производилась зачистка покрытия, его фотографирование, и делался чертёж. После снятия покрытия зачищалась могила, при этом попадавшие в заполнение в перемешанном состоянии черепки и кости убирала, а на месте оставлялось только то, что находилось на дне могилы в неповрежденном состоянии. Этот этап работы также фиксировался графически и фото. Как указывалось, полная методика применялась в первые годы раскопок, а в дальнейшем для наиболее интересных или не совсем ясных объектов.

По мере накопления опыта, в тех случаях, когда на поверхности до раскопок хорошо прослеживалась ограда или система из нескольких оград, раскапывались только могилы. Сокращённая методика применялась только тогда, когда не было сомнения в том, что будут пропущены могилы. В некоторых сомнительных случаях пробивались разведывательные траншеи, чтобы исключить возможность пропуска могил. При сокращённой методике раскопок снимался план видимых камней ограды и плит её заполнения. После зачистки могилы делался её план. Все этапы работ фотографировались.

В некоторых случаях сочеталась полная и упрощённая методики для получения исчерпывающей информации о каждом исследуемом объекте.

Так как графический материал является не только объективным отражением наблюдавшихся во время раскопок особенностей каждого конкретного памятника, но также и его частичного осмысления, то в качестве иллюстративного материала в работе приводятся не фотографии, а чертежи. Первые же, отражающие все этапы работ, хранятся в архивах, что позволит исследователям, заинтересованным в этих материалах, с ними ознакомиться.

Чертежи оград и курганов в связи с разной методикой раскопок представлены двумя вариантами. В работе по возможности даны в таблицах почти все планы курганов, раскопанных по полной методике, с тем, чтобы дать наиболее полное представление о характере разных видов курганов. Все остальные ограды и курганы для сокращения объёма приведены не в полевом изображении, а в обобщённых схемах. Детали и особенности каждой разновидности оград можно восстановить по аналогии на осно-

вании планов целиком раскопанных объектов. В тех же случаях, когда ограда не стандартная, а представляет собой какое-нибудь индивидуальное сооружение, она всегда раскапывалась по полной методике, и её подлинный план приводится в таблице.

Что же касается планов могил, то так как большинство из них было разграблено ещё в древности, то в таблицах приводятся только те, где либо полностью, либо хотя бы частично сохранились останки погребённых, что позволяет восстановить первоначальную картину захоронения. Планы же могил, где ничего в первоначальном положении не осталось, в таблицах не даны, за исключением тех случаев, когда пустая могила имела какие-либо конструктивные особенности, не наблюдавшиеся в могилах с останками погребённых (речь идёт о первоначальных иллюстрациях; в данной публикации представлены все чертежи, сданные в архив ЛО ИА АН СССР. — *А. П.*)

В таблицах даны также почти все найденные в могильнике вещи, а также горшки и их фрагменты. Таким образом, иллюстративный материал даёт возможность получить достаточно полное представление о памятнике. Что же касается не приведённых в таблицах планов и фотографий, то для специалистов, непосредственно занимающихся карасукской культурой, всегда имеется возможность детально ознакомиться с ними в архиве и фотоархиве ЛО ИА АН СССР (на сегодняшний день ИИМК РАН. — *А. П.*)

Самым большим недостатком материалов Сухого Озера II является отсутствие значительной части антропологических определений. Более того, определения пола и возраста погребённых, нужные для исследования памятника и выяснения особенностей и закономерностей захоронения в каждом конкретном кургане, особенно когда он имеет пристройки, если такие определения сделаны разными антропологами, иногда не совпадают, что вносит дополнительные сложности в изучение могильника. Иногда расхождения в определении пола, используя косвенные признаки, удаётся уточнить, но это в тех случаях, когда материал могильника был осмотрен разными специалистами и когда можно установить определённые закономерности по данным разных исследователей.

Наряду с антропологическими, немаловажное значение имеют и палеозоологические определения, в первую очередь для установления некоторых

черт погребального обряда карасукской культуры. Часть таких определений была сделана, при этом указан не только вид животного, кости которого оказались в могилах, но также и те части туши, которые клали погребённому в виде загробной пищи.

Принципы описания курганов и могил в публикационной части данной работы несколько отличаются от того, что дано в полевых отчётах, хранящихся в архивах. Они значительно сокращены. В них даны только конечные результаты и упущены некоторые подробности. Сделано это только с одной целью: сократить до минимума самую объёмную часть работы — публикацию и описание памятников. Для неспециалистов, неархеологов-сибиреведов, занимающихся изучением карасукской культуры, сделанные упущения значения не имеют, так как в описаниях сохранено самое главное, что даёт представление о памятниках; для тех же, кому потребуются более детальные сведения и некоторые подробности, имеются отчёты.

В отчёте обычно описание кургана начинается с его внешнего вида до начала раскопок. Причём обычно написано: «До раскопок на поверхности почвы было возвышение, или же прослеживалась ограда и так далее». В публикации общие слова опущены в большинстве случаев и даны конечные результаты формы и конструкции ограды. Сведения о конкретном виде памятника до раскопок даны только тогда, когда без этих данных представить себе памятник трудно.

В тех случаях, когда имеет место не одиночная ограда, а система из нескольких пристроенных оград, даётся описание этой системы, взаимное расположение оград и, если устанавливается порядок сооружения, последовательность создания каждой пристройки. Везде даны размеры оград и их ориентировка в направлении длинных сторон. Указывается также номер могилы в той или иной пристройке.

Вслед за описанием конструкции кургана идут в порядке номеров описания могил. В отчётах при описании конструкции могил сказано: «прямоугольный каменный ящик», «трапециевидный каменный ящик», прямоугольная или трапециевидная каменная циста. Иногда указано и количество камней, из которых сооружён ящик. Так как все практически без исключения могилы карасукской культуры сделаны из плит, то в публикации слово «каменный» опущено и оставлены только форма

и вид могилы: «трапециевидный ящик», «прямоугольная циста» и т.д. Обычно при описании трапециевидных могил за размерами коротких стен дано указание на их ориентировку. Так, например: «трапециевидный каменный ящик 140 × 50 (СВ) — 30 (ЮЗ) × 35 см, СВ — ЮЗ». Первая цифра — длина ящика, две следующие — ширина коротких стен, и последняя — глубина от края ящика. И общее направление могилы от головного расширенного конца к ногам. В публикации те же сведения даны в сокращённом виде: трапециевидный ящик 140 × 50 — 30 × 35 см, СВ — ЮЗ. В этом случае большая ширина означает головной конец могилы, а приведённая ориентировка указывает направление этой стены.

В некоторых случаях при описании содержимого могил сказано, что в ней найдены разрозненные кости скелета, а затем дано их перечисление, последнее в публикации опущено. Дело в том, что это касается полностью разграбленных могил, и если в могиле был погребён один человек, то принципиального значения, какие кости от него сохранились, не имеет. Важно другое. Когда хоть какие-то кости сохранились на месте, указать, какие именно, так как по ним можно судить о первоначальном положении погребённого. Что же касается найденных в могилах костей животных, когда были произведены определения, указано, какие кости найдены и являются ли они правыми или левыми.

Находки при описании могил только упоминаются. Более подробное описание дано в соответствующих разделах работы, посвящённых керамике и вещам, там дано их описание по группам, в некоторых случаях индивидуальное описание посуды с указанием кургана.

Графическую фиксацию в поле осуществляли архитекторы и художники Н.Л. Лейкум, К.Г. Претро, И.Г. Новикова, И.В. Ярошевич, В.А. Кудрявцева и художник из Москвы В.М. Крикловенский. Подавляющее большинство чистовых чертежей сделано автором работы.

Как указывалось, порядок описания курганов, имеющийся в рукописи Г.А. Максименкова, для публикации изменён, поскольку не отражает главную новизну работы — эволюцию отдельных групп могильника. Это потребовало составления новых таблиц курганов согласно их расположению в том или ином месте конкретной хронологической группы. Во избежание путаницы перед описанием каждой

группы указывается, в какие годы раскопаны курганы, и сохраняются данные при их раскопках номера. К курганам с одинаковыми номерами добавлены алфавитные указатели (абзац вставлен Э.Б. Вадецкой. — *А.П.*).

Группа 1

Является наиболее обособленной и восточной на могильнике. Точное количество расположенных здесь курганов без раскопок неизвестно, так как на поверхности иногда не просматриваются остатки сооружения. На существующем плане раскопано 63 кургана, а по сведениям Г.А. Максименкова, раскопано около семи десятков. Группа 1 карасукских оград с севера ограничена краем террасы, с востока пашней, с запада андроновским могильником, между которым и этой группой имеется свободное, не занятое сооружениями, пространство, а с юга непосредственно к ней примыкает тагарский могильник (рис. 145).

Северная окраина группы 1: курганы 441, 431, 433, 421, 423, 429, 427, 458, 487. Западная половина основной части группы 1: курганы 35, 36, 37, 323, 325, 331, 335, 333, 337, 339, 347, 343, 345, 349, 353, 355, 357, 359, 401, 403, 454. Восточная половина основной части группы 1: курганы 361, 371, 375, 377, 379, 381, 383, 385, 385а, 397, 448, 460, 461, 463, 465, 471, 469, 475, 477, 491, 493, 503, 513, 515, 519, 525. Юго-восточная окраина группы 1: курганы 387, 397, 499, 482, 525, 527, 501, 600, 610.

Курган 421 (1966, гр. 1) (рис. 3: 1–2). До раскопок на поверхности видна четырёхугольная ограда, 3,20 × 3,20 м, из вертикально поставленных плит (мог. 1) и четырёхугольная пристройка к её юго-западной стенке 3,20 × 2,50 м, той же конструкции (мог. 2). Высота сохранившейся ограды 30 см.

Могила 1. Трапециевидный ящик, 200 × 80 — 60 × 70 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 50–60 лет. Среди них рёбра и трубчатые кости крупного животного. В засыпи могилы также черепки сосуда с желобками вдоль шейки (рис. 3: 2) и обломок бронзового гвоздика (возможно, рис. 125: 36 или 37. — *А.П.*).

Могила 2. Трапециевидный ящик, 190 × 80 — 60 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. Могила пустая.

Курган 423 (1966, гр. 1) (рис. 3: 3). До раскопок на поверхности видна квадратная ограда, 5,00 × 4,50 м, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Сохранившаяся высота 50 см.

Могила. Прямоугольный ящик, 200 × 80 × 40 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плоскими плитами. Покрытие нарушено. В могиле нарушенный скелет мужчины 45–50 лет. На месте череп, голени, пяточные кости. Судя по ним, ноги погребённого были вытянуты и повернуты на левую сторону. Погребённый ориентирован головой на СВ. Вещей нет.

Курган 427 (1966, гр. 1) (рис. 3: 4–6). До раскопок на поверхности видна небольшая овальная насыпь, в основании которой прослеживались четырёхугольная ограда, 6,00 × 5,00 м, из вертикально поставленных плит (мог. 1), и у её западной стенки пристройка, 4,00 × 3,00 м, той же конструкции (мог. 2).

Могила 1. Трапециевидный ящик, 200 × 110 — 40 × 50 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плитами. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости двух скелетов: подростка и взрослого.

Могила 2 (рис. 3: 5). Прямоугольный ящик, 180 × 60 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плитами. Покрытие нарушено. В могиле скелет подростка 11–13 лет. На месте бёдра и голени. Судя по ним, погребённый лежал чуть повернуто на левый бок, с ногами, слегка согнутыми в коленях, головой на В. У противоположной стенки ящика, напротив рук скелета найдена половина сосуда (рис. 3: 6). В засыпи могилы среди человеческих костей встречена лопатка овцы.

Курган 429 (1966, гр. 1) (рис. 4: 1). До раскопок на поверхности видна небольшая насыпь, в основании которой прослеживалась четырёхугольная ограда, 5,00 × 5,00 м (мог. 1), из вертикально поставленных плит и примыкающая к её западной стенке пристройка из плит, положенных плашмя в один ряд (мог. 2). Точные размеры пристройки не устанавливаются.

Могила 1. Разрушена. Формы и размеры ящика не устанавливаются.

Могила 2. Трапециевидный ящик, 220 × 70 — 40 × 30 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плитами. Покрытие нарушено. В могиле

обломки мелких человеческих костей и лопатка овцы. Вещей нет.

Курган 431 (1966, гр. 1) (рис. 4: 2). До раскопок на поверхности видна небольшая насыпь, в основании которой прослеживается четырёхугольная ограда, 4,50 × 4,50 м, из вертикально поставленных плит. Плиты сохранились на высоту 40 см.

Могила. Прямоугольный ящик, 175 × 80 × 43 см, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. В могиле обломки человеческих тазовых и бедренных костей. Вещей и костей животных нет.

Курган 433 (1966, гр. 1) (рис. 4: 3–5). До раскопок на поверхности видна овальная насыпь, в основании которой прослеживалась система из четырёх смыкающихся друг с другом оград. Ограды четырёхугольные и вытянутые по линии С — Ю, площадью 12,00 × 6,00 м. Их последовательность не устанавливается, пронумерованы с севера на юг. В кургане 4 могилы.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 180 × 90 × 55 см, В — 3, из толстых вертикально поставленных плит. Северная стенка не сохранилась. Покрытия нет. В могиле черепки гладкого сосуда. Костей нет.

Могила 2. Прямоугольный ящик, 175 × 65 × 35 см, ВСВ — 3ЮЗ, из толстых плит, положенных в один ряд. Вокруг могилы развал надмогильного сооружения. Покрытия нет. В могиле большая берцовая кость ребёнка, кости овцы и птицы. Вещей нет.

Могила 3. Прямоугольный ящик, 200 × 60 × 25 см, В — 3, из положенных плашмя в один-два ряда плит. Сохранность плохая. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета мужчины и кости животных, рёбра и большая берцовая овцы. Вещей нет.

Могила 4 (рис. 4: 4). Трапециевидный ящик, 180 × 100 — 70 × 55 см, ВСВ — 3ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плитами. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета женщины 30–50 лет. На месте правое бедро и голень, судя по которым погребённая первоначально лежала вытянуто на спине, головой на ВСВ. В засыпи могилы черепки сосуда (рис. 4: 5).

Курган 441 (1966, гр. 1) (рис. 5: 1–3). До раскопок на поверхности местами прослеживались камни

четырёхугольной ограды, 4,50 × 4,50 м, из вертикально поставленных плит (мог. 1) и примыкающей к её западной стенке пристройки 3,00 × 3,00 м, сложенной из положенных плашмя в два ряда плит, шириной 50 см (мог. 2).

Могила 1 (рис. 5: 2). Трапециевидный ящик, 250 × 90 — 60 × 65 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета мужчины (?). На месте голени и стопы. Судя по ним, погребённый был положен чуть на левый бок, головой на В. В засыпи могилы найдены черепки гладкого сосуда с желобками вдоль шейки (рис. 5: 3).

Могила 2. Прямоугольная циста, 175 × 75 × 30 см, В — 3, из положенных плашмя в один-два ряда плит. Покрытия нет. Найдены отдельные кости скелета женщины 35–45 лет.

Курган 458 (1967, гр. 1) (рис. 5: 4). До раскопок на ровной поверхности было заметно возвышение, под ним оказалось кольцо из плашмя положенных плит, диаметром 10,00 м. В центре могила.

Могила. Прямоугольный ящик, 250 × 150 × 100 см, ВСВ — 3ЮЗ. Над могилой частично сохранилась массивная плита покрытия. В могиле обнаружены разрозненные кости скелета взрослого человека.

Курган 451 (1968, гр. 1) (рис. 5: 5–6). До раскопок была заметна небольшая припухлость, в центре которой проступали отдельные плиты. Заложёнными крестообразными траншеями ограду обнаружить не удалось. В центре раскопом выявлена могила.

Могила (рис. 5: 6). Прямоугольный ящик, 145 × 100 × 75 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Северная стена не сохранилась. На дне останки взрослого человека: левая нога, таз, позвоночник и рёбра, судя по которым погребённый первоначально лежал скорчено на левом боку, головой на В.

Курган 487 (1968, гр. 1) (рис. 6: 1–3). До раскопок на поверхности проступали вертикально стоявшие плиты ограды 4,00 × 3,60 м, ССЗ — ЮЮВ. Раскопан внутри до ограды. В центре могила.

Могила (рис. 6: 2). Трапециевидный ящик, 190 × 65 — 40 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных мелких плиток. На дне останки скелета мужчины 35–40 лет: ноги, часть таза, грудная клетка и позвоночник, судя по которым первоначально

погребённый лежал несколько на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. В заполнении могилы кости овцы (левые): астрагал и кость предплюсны, а также обломки горшка (рис. 6: 3).

Курган 35 (1968, гр. 1) (рис. 6: 4–6). До раскопок на ровной поверхности почвы были видны отдельные вертикально стоящие камни четырёхугольной ограды 4,80 × 6,20 м, ССЗ — ЮЮВ. В центре ограды веерообразно лежали камни из разрушенной могилы.

Могила (рис. 6: 5). Прямоугольная циста, 200 × 90 × 40 см, ССЗ — ЮЮВ, из плашмя положенных плит, развалившихся во внешнюю сторону. Могила сооружена на древней поверхности почвы. В ней разрозненные кости скелета взрослого человека. В заполнении могилы найдены черепки сосуда (рис. 6: 6).

Курган 36 (1967, гр. 1) (рис. 7: 1–6). До раскопок на ровной поверхности почвы прослеживались вертикальные плитки двух оград, пристроенных друг к другу, ССВ — ЮЮЗ. Размеры западной оградки 4,00 × 3,50 м (мог. 1), восточной — 2,35 × 1,50 м (мог. 2).

Могила 1. (рис. 7: 2). Прямоугольный ящик 150 × 75 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 5 вертикально поставленных плит. На дне могилы у восточной стенки находился орнаментированный горшок и обломки другого горшка (рис. 7: 4, 6). Найдены также обломок конца ножа (рис. 7: 3) и бронзовая трубочка-пронизка (возможно, одна из (рис. 125: 46–49). — *А.Л.*)

Могила 2. Прямоугольный ящик 100 × 50 × 25 см, ВСВ — ЗЮЗ, из четырёх вертикальных плит. Над центральной частью сохранилась плита перекрытия, часть которой была видна на поверхности ещё до раскопок. Вокруг могилы обкладка из плашмя положенных плит. В могиле найдены обломки горшка (рис. 7: 5).

Курган 37 (1967, гр. 1) (рис. 7: 7–10). До раскопок на поверхности почвы прослеживалось едва заметное возвышение и отдельные вертикальные плиты ограды. Кроме того, в восточной части оградки были заметны плиты перекрытия могилы. В результате раскопок обнаружилась система из двух оград, пристроенных друг к другу. Западная ограда из вертикальных плит размером 4,75 × 4,75 м (мог. 1), восточная — 4,25 × 3,50 м (мог. 2).

Могила 1. Прямоугольный ящик, 100 × 50 × 35 см, В — З, от которого сохранилось несколько плиток и обкладка из плашмя положенных плит. В могиле обнаружен раздавленный горшок (рис. 7: 8).

Могила 2. Прямоугольная грунтовая яма 175 × 100 × 35 см, В — З. Над могилой в древности было сооружено перекрытие из мелких плит, остатки которого сохранились по краям могильной ямы. В могиле обнаружены череп ребёнка и разрозненные кости женщины 20–30 лет, а также две левые берцовые и одна левая лопатка овцы и обломки двух сосудов (рис. 7: 9–10).

Курган 323 (1966, гр. 1) (рис. 8: 1–3). До раскопок на поверхности в траве прослеживалась четырёхугольная ограда, 5,50 × 4,50 м, из вертикально поставленных плит. Сохранившаяся высота ограды 40 см.

Могила (рис. 8: 2). Трапециевидный ящик, 230 × 130 — 100 × 75 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета взрослого человека. Среди человеческих костей челюсть и трубчатая кость животного. В засыпи могилы черепки горшка (рис. 8: 3), а также обломок бронзового колечка (возможно, одно из неаннотированных (рис. 127). — *А.Л.*)

Курган 331 (1966, гр. 1) (рис. 8: 4–10). До раскопок на поверхности была видна четырёхугольная ограда, 5,00 × 4,00 м (мог. 1), С — Ю, из плит, поставленных вертикально в два ряда. От западной стенки ограды был пробит шурф, выявивший четырёхугольную пристройку, 2,00 × 1,60 м (мог. 2), той же конструкции.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 175 × 100 × 50 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Сохранность плохая. Две стенки выворочены. Снаружи края ящика обложены широкими плитами, положенными плашмя. Покрытие нарушено, в могиле кости женщины 40–50 лет. Среди человеческих костей большая берцовая кость овцы и челюсть собаки. А в засыпи могилы черепки сосуда с геометрическим орнаментом (в нашем распоряжении рисунки трёх сосудов из этой могилы. — *А.Л.*) (рис. 8: 6–8).

Могила 2 (рис. 8: 5). Прямоугольный ящик, 95 × 50 × 35 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. В могиле скелет младенца на левом боку скорчено. Ориентирован головой

на В. Сохранился до тазовых костей. Перед лицом сосуд (в нашем распоряжении рисунки двух сосудов из этой могилы. — А.Л.) (рис. 8: 9, 10). Рядом с сосудом груды овечьих костей: лопатка, 6 рёбер, большая берцовая.

Курган 325 (1968, гр. 1) (рис. 9). До раскопок на поверхности прослеживалась удлинённая с СЗ на ЮВ ограда размерами 9,00 × 5,00 м, вся площадь которой была занята каменным развалом. После снятия земли и зачистки в пределах ограды обнаружено 6 могил. Пять располагались параллельно, а последняя — у северо-восточной стены.

Могила 1 (рис. 9: 2). Прямоугольный ящик, 155 × 60 × 45 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над ящиком и рядом с ним обломки плит покрытия. В могиле в заполнении разрозненные кости скелета.

Могила 2 (рис. 9: 3). Прямоугольный ящик, 160 × 60 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над ящиком и вокруг него обломки плит покрытия. В могиле на дне разрозненные кости скелета женщины 25–30 лет, а в заполнении череп, в разных местах два горшка (рис. 9: 8–9) и кости лошади, левые: голень, астрагал и пяточная кость.

Могила 3 (рис. 9: 4). Прямоугольный ящик, 205 × 70 × 40 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. По краям ящика плитки. Над ящиком обломки плит покрытия. На дне могилы разрозненные кости скелета мужчины 25–35 лет и обломки трёх горшков (рис. 9: 10–12). Остальные кости в заполнении могилы, там же кости овцы, 3 куса мяса, левые: лопатка, лучевая и плечевая кости.

Могила 4 (рис. 9: 5). Прямоугольный ящик, 65 × 50 × 35 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой обломки плит покрытия. На дне могилы у юго-восточной стены стоял горшок (рис. 9: 15) и лежали разрозненные кости ребёнка. В заполнении височное кольцо (рис. 9: 16) и кости овцы: два левых ребра и позвонок.

Могила 5 (рис. 9: 6). Прямоугольный ящик, 205 × 80 × 60 см, СВ — ЮЗ, из пяти вертикально поставленных плит. Над могилой разбитые плиты покрытия. На дне разрозненные кости скелета мужчины 20–35 лет, в том числе в первоначальном положении позвоночник, судя по которому погребённый был положен в могилу головой на СВ. В северном и восточном углах могилы сто-

яло по горшку (рис. 9: 13–14), а между ними лежал череп. В заполнении кости человека и две голени овцы, правая и левая от двух особей.

Могила 6 (рис. 9: 7). Прямоугольный ящик, 40 × 15 × 20 см, ССЗ — ЮЮВ, из вертикально поставленных плит. Могила пуста.

Курган 333 (1966, гр. 1) (рис. 10: 1). До раскопок на поверхности видна небольшая насыпь, в основании которой прослеживалась четырёхугольная ограда, 5,20 × 4,50 м, С — Ю, из вертикально поставленных плит. Сохранилась на высоту до 40 см.

Могила. Прямоугольный ящик, 175 × 80 × 32 см, В — З, из плашмя положенных плит в один-два ряда. В могиле три кости взрослого человека. Вещей нет.

Курган 335 (1966, гр. 1) (рис. 10: 6–9). До раскопок на поверхности видна незначительная овальная насыпь, в основании которой с трудом прослеживалась четырёхугольная ограда 6,00 × 5,50 м (мог. 2), В — З, и с юго-западной стороны её две пристройки 4,00 × 3,50 м (мог. 3), 3,50 × 3,00 м (мог. 1), из поставленных вертикально плит.

Могила 1 (рис. 10: 7). Трапециевидный ящик, 225 × 100 — 80 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета. На месте: правая ключица, судя по которой погребённый лежал головой на СВ. Среди человеческих костей встречены кости овцы. Вещей нет.

Могила 2. Трапециевидный ящик, 190 × 80 — 40 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плитами, положенными плашмя в один ряд. В могиле найдены кости скелета взрослого человека. Вещей нет.

Могила 3. Трапециевидный ящик, 175 × 100 — 75 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плитами, положенными плашмя в один ряд. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета. Среди человеческих костей лопатка овцы и большая берцовая крупного животного. В засыпи могилы встретились черепки (рис. 10: 8–9).

Курган 337 (1966, гр. 1) (рис. 11). До раскопок на поверхности видна овальная насыпь, в основании которой прослеживалась четырёхугольная

ограда из вертикально поставленных плит, 5,50 × 4,50 м (мог. 4), В — 3, и две четырёхугольные пристройки из положенных плашмя плит, сохранившихся в два ряда, с её восточной, 4,00 × 3,60 м (мог. 2 и 3), и северо-западной сторон, 4,00 × 3,00 м (мог. 1).

Могила 1. Трапециевидный ящик, 165 × 100 — 75 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плитами, положенными в один ряд. Покрытия нет. Могила пуста.

Могила 2 (рис. 11: 2). Прямоугольный ящик, 150 × 90 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плитами, положенными в один ряд. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета молодого человека 12 лет. Среди костей астрагал овцы. В изголовье круглодонный сосуд (рис. 11: 5).

Могила 3 (рис. 11: 3). Трапециевидный ящик, 230 × 100 — 60 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Для каждой стенки использовано 3–4 плиты. Снаружи края ящика обложены плитами, положенными плашмя в один ряд. Перекрыта большой разбитой плитой. В могиле полный скелет мужчины 35–45 лет, череп сдвинут. Лежал вдоль северной стены ящика, вытянуто головой на ВСВ. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте. У кисти левой руки горшок (рис. 11: 6). В горшке рёбра овцы. В заполнении могилы встречена лопатка, берцовая и астрагал овцы.

Могила 4 (рис. 11: 4). Прямоугольная циста, 200 × 70 × 25 см, В — 3, из положенных плашмя в один-два ряда плит. Покрытия нет. Вокруг могилы развал надмогильного сооружения. Могила зимняя. В могиле разрозненный скелет мужчины 45–50 лет. На дне могилы на боку сосуд (рис. 11: 7).

Курган 339 (1966, гр. 1) (рис. 12: 1–5). До раскопок на поверхности видна круглая насыпь, в основании которой прослеживалась сложная система смыкающихся друг с другом оград, сложенных из плит, положенных плашмя в один ряд. Основная, круглая, ограда диаметром 5,00 м (мог. 3). С востока к ней пристроена ограда диаметром 4,00 м (мог. 2). К ним примыкают с северной и западной сторон две четырёхугольные пристройки: 4,00 × 3,00 м (мог. 1) и 3,00 × 2,00 м (мог. 4).

Могила 1 (рис. 12: 2). Трапециевидный ящик, 220 × 100 — 65 × 50 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены

широкими плитами, положенными плашмя в один ряд. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета женщины 35–55 лет. На месте голень, судя по которой погребённая лежала головой на В. Среди костей черепки сосуда.

Могила 2 (рис. 12: 3). Прямоугольная циста, 160 × 80 × 50 см, ЗСЗ — ВЮВ, из плит, положенных плашмя в пять рядов. Покрытия нет. Вокруг могилы развал надмогильного сооружения. Могила зимняя. В могиле бёдра и голени человека, черепок сосуда (рис. 12: 5) и каменный шар диаметром 1,5 см.

Могила 3 (рис. 12: 4). Прямоугольный ящик, 230 × 100 × 55 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Сохранность плохая. Плиты поперечных стенок выворочены. Покрытие в виде массивных плит. В могиле кости скелета мужчины 50–60 лет. Среди человеческих костей встречены кости овцы.

Могила 4. Прямоугольный ящик, 150 × 75 × 30 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Сохранились только две стенки. Покрытия нет. Могила пустая.

Курган 347 (1966, гр. 1) (рис. 10: 2–3) До раскопок на поверхности прослеживалась четырёхугольная ограда, 4,00 × 3,50 м, из вертикально поставленных плит, сохранившихся на высоту 20 см.

Могила. Трапециевидный ящик, 170 × 90 — 60 × 45 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Сохранность плохая. Вдоль южной стенки обложен плитами, положенными плашмя в один ряд. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета подростка 14–15 лет. Среди них кости овцы. Вещей нет.

Курган 343 (1966, гр. 1) (рис. 12: 6–11). До раскопок на поверхности видна небольшая насыпь, в основании которой прослеживалась система четырёх пристроенных друг к другу оград из вертикально поставленных плит, СВ — ЮЗ. Западная, видимо, основная, — 4,00 × 3,00 м (мог. 3), восточная — 3,50 × 3,00 м (мог. 2), южная — 3,00 × 2,00 м, северная — 2,00 × 1,20 м (мог. 1).

Могила 1 (рис. 12: 7). Трапециевидный ящик, 140 × 70 — 35 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плитами, положенными плашмя в один ряд. Покрытие нарушено. В могиле несколько косточек ребёнка.

Могила 2 (рис. 12: 8). Прямоугольный ящик, 175 × 90 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле почти полный скелет подростка. Лежит чуть повёрнуто на левый бок, ноги вытянуты, головой на ВСВ. У левого плеча погребённого сосуд (рис. 12: 10). В засыпи могилы встречены берцовые кости овцы.

Могила 3 (рис. 12: 9). Прямоугольный ящик, 195 × 95 × 55 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими, положенными плашмя плитами. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета женщины 35–55 лет. Среди человеческих костей лопатка, рёбра и берцовая овцы, а также черепки от двух сосудов (в нашем распоряжении рисунок фрагмента одного сосуда. — А.Л.) (рис. 12: 11). В южной пристройке могила не сохранилась.

Курган 345 (1966, гр. 1) (рис. 13: 1–5, 8). До раскопок на поверхности видна овальная небольшая насыпь, в основании которой нечётко прослеживаются три примыкающие друг к другу оградки из вертикально поставленных плит, В — 3. Ограда сохранилась до 40 см высотой. Основная ограда 6,00 × 5,25 м (мог. 2), к её восточной стороне сделана пристройка 4,50 × 4,00 м (мог. 1), а к южной стороне пристройка 4,00 × 3,50 м (мог. 3).

Могила 1 (рис. 13: 2). Прямоугольный ящик, 180 × 55 × 50 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Для продольных стенок использовано три плиты. Снаружи края ящика обложены широкими плитами, положенными в один ряд. Покрытие нарушено. В могиле скелет женщины 30–40 лет, верхняя часть нарушена. Судя по тазу и ногам, погребённая лежала чуть повёрнуто на левый бок, с ногами, слегка согнутыми в коленях, головой на В. У левого плеча два сосуда (рис. 13: 5, 8). В засыпи могилы кости овцы и проволочное кольцо (рис. 13: 4).

Могила 2 (рис. 13: 3). Прямоугольная циста, 190 × 50 × 40 см, В — 3, из положенных плашмя плит. Покрытия нет. Могила зимняя. В могиле обломки костей скелета мужчины 18–23 лет. Вещей нет.

Могила 3. Ящик из вертикальных плит. Сохранилась лишь одна поперечная стена и часть продольной. Размеры не устанавливаются. Покрытия нет. Могила пустая.

Курган 349 (1966, гр. 1) (рис. 15–16). Курган выделялся значительной, по сравнению с окружа-

ющими, насыпью и необычной формой ограды. До раскопок на поверхности земли видна насыпь, в основании которой хорошо прослеживалась основная круглая ограда из плашмя положенных плит (мог. 1). После снятия насыпи оказалось, что круглая ограда сложена из плит 0,5 × 0,6 м, положенных в два — четыре ряда. Ограда имеет ширину до 1 м, а диаметр 9,00 м. К юго-восточной части этой ограды примыкала целая система оград разной конструкции. С юго-востока от основной находилась ограда 3,50 × 2,50 м (мог. 2), СВ — ЮЗ. Её северо-восточная и юго-западная стены сделаны из плашмя положенных плит. Возможно, что эта ограда была сооружена не второй по времени, так как она соединила в одну систему с круглой остальные шесть оград. С юго-востока от предыдущей находилась ограда из вертикальных плит 4,50 × 3,50 м (мог. 3), СВ — ЮЗ, которая, видимо, была наиболее ранней по отношению к остальным. С юго-востока к ней примыкала ограда из вертикальных плит 4,50 × 4,00 м (мог. 8), СВ — ЮЗ. К северо-восточным стенам последних оград примыкала пристройка, у которой северная и восточная стены сооружены из плашмя положенных плит, а южная из вертикальных, 4,50 × 4,50 м (мог. 4), СВ — ЮЗ. Между северо-восточной стеной ограды для могилы 8 и юго-восточной стеной ограды для могилы 3 расположено две пристройки. Западная из них из вертикальных плит, 3,00 × 2,50 м (мог. 7), СВ — ЮВ. Более восточная, пристроенная к описанной, имела две стены из плашмя положенных плит, 2,50 × 2,00 м (мог. 6), СВ — ЮЗ. Последняя оградка из вертикальных плит пристроена с востока к оградкам могил 3 и 6, 4,50 × 3,50 м (мог. 5), СВ — ЮВ.

Могила 1 (рис. 15: 2). Трапециевидный ящик, 270 × 110 — 80 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи стенки обложены широкими плитами, положенными плашмя в один ряд. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета человека старческого возраста. На месте большие берцовые кости, судя по которым погребённый первоначально лежал на спине, головой на ВСВ. В могиле у правой руки погребённого груды костей коровы, под ними бронзовый нож (рис. 16: 1). В ногах погребённого три сосуда (рис. 16: 2–4). В заполнении могилы найден черепок от четвёртого с орнаментом и инкрустацией.

Могила 2. Трапециевидный ящик, 140 × 60 — 50 × 50 см, СВ — ЮЗ, из толстых плит. Покрытие

нет. В могиле обломки костей детского скелета и черепки сосуда.

Могила 3 (рис. 15: 3). Трапециевидный ящик, 160 × 90 — 80 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. В могиле обломки костей детского скелета. В ногах часть сосуда (рис. 16: 5). В засыпи могилы также кости овцы и бронзовое проволочное височное кольцо (рис. 16: 6).

Могила 4 (рис. 15: 4). Трапециевидный ящик, 210 × 140 — 110 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены плитами, положенными плашмя в один ряд. Покрытие нарушено. В могиле потревоженный скелет женщины и ребёнка. На месте: левая рука, часть таза, ноги женщины. Судя по ним, она лежала чуть повернуто на левый бок, с ногами, согнутыми в коленях. По-видимому, в таком же положении, спиной к ней лежал ребёнок. В ногах ребёнка два ребра и большая берцовая кость овцы. Из вещей в могиле найдены: в юго-восточном углу могилы проволочное бронзовое кольцо (рис. 16: 7); каменный наконечник стрелы в области груди женщины; два обломка бронзовых ножей (рис. 16: 8–9), один у левого плеча женщины, другой среди костей овцы.

Могила 5. Прямоугольная циста, 130 × 80 × 40 см, ВСВ — ЗЮЗ, из положенных плашмя плит. Вокруг могилы развал плит надмогильного сооружения. Покрытия нет. Могила зимняя. В могиле разрозненные кости скелета ребёнка 3–3,5 лет. На месте голени. В заполнении могилы найдена бронзовая пластина удлинённой формы (рис. 16: 10).

Могила 6 (рис. 15: 5). Трапециевидный ящик, 140 × 70 — 50 × 45 см, ЗЮЗ — ВСВ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плитами, положенными плашмя в один ряд. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета ребёнка 6–7 лет. На месте череп и голени. Судя по черепу, погребённый лежал головой на ВСВ. В изголовье горшок (рис. 16: 11).

Могила 7. Прямоугольный ящик, 90 × 50 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле обломки костей младенца около двух лет. Вещей нет.

Могила 8. Под плитами, положенными в три ряда в середине пристройки, на уровне погребённой почвы найдена одна кость человека. Ямы или ящика не обнаружено.

Курган 353 (1966, гр. 1) (рис. 13: 6–7). До раскопок на поверхности видна небольшая насыпь, в основании которой прослеживалась четырёхугольная ограда, 3,75 × 4,00 м (мог. 2), из вертикально поставленных плит и три примыкающие к ней пристройки, одна с северной и две с западной стороны. Наибольшая высота ограды 45 см. Северная пристройка 2,50 × 2,00 м (мог. 1); западная пристройка 1,25 × 1,05 м (мог. 3); южная — 1,50 × 1,50 м (мог. 4).

Могила 1 (рис. 13: 7). Трапециевидный ящик, 115 × 60 — 40 × 48 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие сдвинуто и закрывает северную стенку ящика. В могиле кости младенца в очень плохой сохранности. Положение не устанавливается. У южной стенки ящика сосуд. Венчик и шейка сосуда разрушились. В засыпи могилы лопатка, рёбра, берцовая и астрагал овцы.

Могила 2. Трапециевидный ящик, 155 × 90 — 50 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле две кости человека. Вещей нет.

Могила 3. Прямоугольный ящик, 90 × 50 × 55 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. Могила пустая.

Могила 4. Прямоугольный ящик, 70 × 40 × 45 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Снаружи стенки ящика обложены плитами, положенными плашмя в один ряд. Покрытия нет. Могила пустая.

Курган 355 (1966, гр. 1) (рис. 13: 9–10). До раскопок на поверхности отчётливо видна четырёхугольная ограда, 5,00 × 5,00 м, из вертикально поставленных плит.

Могила (рис. 13: 10). Трапециевидный ящик, 200 × 105 — 60 × 60 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Снаружи стенки ящика обложены широкими, положенными плашмя в один ряд плитами. Южная стенка ящика вытащена, по-видимому, грабителями. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета женщины 30–40 лет. На месте левая тазобедренная кость и кисть руки. Судя по ним, погребённая лежала головой на В. Вещей нет.

Курган 355а (1968, гр. 1) (рис. 14). Курган тагарской культуры. До раскопок на поверхности выступали вертикально стоявшие плиты четырёхугольной ограды, вытянутой с СЗ на ЮВ, размерами 6,00 × 6,40 м. В ограде три могилы.

Могила 1 (рис. 14: 2). Неправильный четырёхугольный ящик, 140 × 90 × 50 см, СВ — ЮЗ, из семи поставленных на ребро плит. Над северо-восточной частью ящика сохранилась плита покрытия. На дне могилы в северном углу горшок (рис. 14: 5), южнее его череп человека, в западном углу ещё один череп. В заполнении могилы кости подростка 14 лет, черепки сосудов, бронзовые бляшки (рис. 14: 6), левые лопатка и голень овцы — два куска мяса.

Могила 2 (рис. 14: 3). Прямоугольный ящик, 150 × 65 × 75 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой остатки покрытия. На дне могилы в северо-восточной части в первоначальном положении кости ног женщины 30–40 лет, судя по которым она была положена в могилу головой на ЮЗ. В заполнении могилы встречены кости человека, левая лопатка козы и обломки керамики (рис. 14: 7).

Могила 3 (рис. 14: 4). Прямоугольный ящик, 120 × 50 × 45 см, СВ — ЮЗ, из четырёх вертикально поставленных плит. В заполнении могилы кости человека.

Курган 363 (1968, гр. 1) (рис. 14: 8–10). До раскопок на поверхности прослеживался едва заметный холм. Через него для обнаружения ограды проложена траншея, которая выявила могилу. Ограда не найдена.

Могила (рис. 14: 9). Прямоугольный ящик, 180 × 70 × 70 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над северо-восточной частью сохранился обломок плиты покрытия. В заполнении могилы найдены кости человека, животных и костяной гребень (рис. 14: 10).

Курган 357 (1966, гр. 1) (рис. 10: 4–5). До раскопок на поверхности была видна незначительная насыпь и кое-где выступающие плиты четырёхугольной ограды, 5,00 × 4,20 м (мог. 2), из вертикально поставленных плит. У северо-восточной стенки ограды имелась четырёхугольная пристройка, 2,70 × 2,50 м (мог. 1), той же конструкции. При расчистке южной стенки ограды была выявлена большая плита от упавшей стенки. Её размеры — 200 × 70 × 5 см.

Могила 1. Трапециевидный ящик, 160 × 80 — 50 × 45 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Восточная поперечная стенка не сохранилась. Снаружи стенки ящика обложены

плоскими плитами. Покрытие нарушено. В могиле несколько костей скелета подростка 14–18 лет и три черепка сосуда без орнамента.

Могила 2 (рис. 10: 5). Трапециевидный ящик, 210 × 85 — 55 × 45 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Восточная и частично северная стенки вытаснены грабителями. Снаружи стенки ящика обложены плоскими плитами. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета женщины. Вещей нет.

Курган 359 (1966, гр. 1) (рис. 17: 1–6). До раскопок на поверхности видна незначительная овальная насыпь, в основании которой прослеживаются четырёхугольная ограда, 4,00 × 4,00 м (мог. 3), С — Ю, из вертикально поставленных плит, и две четырёхугольные пристройки, 4,50 × 3,00 м (мог. 1) и 1,75 × 1,75 м (мог. 2), к её северо-западной и восточной стенам той же конструкции.

Могила 1 (рис. 17: 2). Трапециевидный ящик, 170 × 70 — 50 × 45 см, ВСВ — ЗЮЗ, сложенный из толстых обломков плит. Вокруг могилы развал плит. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета женщины 17–18 лет. В юго-восточном углу могилы горшок (рис. 17: 3).

Могила 2. Трапециевидный ящик, 80 × 45 — 30 × 40 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Снаружи стенки ящика обложены широкими плоскими плитами. Покрытие нарушено. В засыпи могилы черепки сосуда (рис. 17: 4), бронзовое шило (рис. 17: 5) и астрагал овцы.

Могила 3. Трапециевидный ящик, 215 × 90 — 60 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Местами сохранилась обкладка краёв ящика широкими плоскими плитами. Покрытия нет. В заполнении найдены кости скелета мужчины 16–18 лет и обломки сосуда (рис. 17: 6).

Курган 401 (1967, гр. 1) (рис. 17: 7–8). До начала работ на ровной поверхности были видны отдельные плиты системы из двух оград. Общая ориентировка ВСВ — ЗЮЗ. Размеры основной ограды 4,00 × 4,00 м (мог. 2). К северо-восточной стене пристроена оградка 3,50 × 3,00 м (мог. 1).

Могила 1 (рис. 17: 8). Сильно разрушенная прямоугольная циста, 200 × 80 × 20 см, СВ — ЮЗ. В могиле в первоначальном положении левая лопатка, плечевая кость и часть рёбер, судя по которым

погребённая женщина 20–30 лет была положена на спине, головой на СВ.

Могила 2. Сильно разрушенная прямоугольная циста, 200 × 90 × 20 см, ВСВ — ЗЮЗ. Вокруг развал плит. Могила пуста.

Курган 403 (1967, гр. 1) (рис. 17: 9–11). До раскопок на ровной поверхности прослеживались вертикально стоявшие камни, образывавшие прямоугольную ограду, размером 6,00 × 5,50 м, СВ — ЮЗ. В центре её торчал большой камень у головного конца могилы (мог. 1). В юго-западной части имелась пристройка 3,00 × 3,00 м (мог. 2), СВ — ЮЗ.

Могила 1. Прямоугольная сильно разрушенная циста, 170 × 90 × 35 см, СВ — ЮЗ, от которой сохранилось несколько лежащих плашмя плит. Встречены разрозненные кости скелета мужчины 35–55 лет.

Могила 2 (рис. 17: 10). Трапецевидный ящик, 120 × 40 — 30 × 40 см, СВ — ЮЗ, из 4 вертикально поставленных плит. Над могилой обломки плит покрытия. Скелет ребёнка 9–10 лет нарушен, на месте череп и правая рука, судя по которым погребённый первоначально был положен на левом боку, головой на СВ. Перед лицом стоял сосуд (рис. 17: 11).

Курган 454 (1966, гр. 1) (рис. 18: 1–3). До раскопок на поверхности видна овальная насыпь, в основании которой прослеживалась система из трёх смыкающихся друг с другом оград, С — Ю. Основная ограда — центральная, 7,00 × 4,50 м, из вертикально поставленных плит (мог. 2 и 3). К её северной и южной стенкам сделаны пристройки, 4,50 × 3,00 м (мог. 1) и 4,00 × 3,00 м (мог. 4), той же конструкции. В могилах впускные тагарские погребения.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 160 × 100 × 65 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле позвонок и ребро человека и черепки чёрного тагарского горшка (рис. 18: 2).

Могила 2. Прямоугольная циста, 150 × 70 × 70 см, В — З, из положенных плашмя в один ряд плит. Южная стенка не сохранилась. Покрытия нет. В могиле череп и кость ребёнка 5–6 лет. Вещей нет.

Могила 3. Прямоугольный ящик, 210 × 80 × 80 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. Вся могила была заполнена плитами. Под ними вперемешку кости нескольких младенцев и взрослого. Кости в плохой со-

хранности. В восточном углу могилы лежал тагарский костяной нож (рис. 18: 3), в западном углу — плоскодонный баночный горшок (не сохранился; вероятно, также тагарский. — А.П.). Среди костей человека кости овцы и челюсть, по-видимому, собаки.

Могила 4. Прямоугольный ящик, 130 × 80 × 80 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета ребёнка, а также черепки гладкого тёмного сосуда.

Курган 361 (1966, гр. 1) (рис. 18: 4–5). До раскопок на поверхности видна небольшая насыпь, в основании которой прослеживалась четырёхугольная ограда, 5,00 × 5,00 м (мог. 2), из вертикально поставленных плит и плиты покрытия могилы. У восточной стенки ограды имеется маленькая пристройка, 2,40 × 1,40 м (мог. 1), той же конструкции.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 100 × 50 × 35 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Сохранность плохая. Покрытия нет. Могила пустая.

Могила 2 (рис. 18: 5). Трапецевидный ящик, 240 × 100 — 60 × 60 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Снаружи стенки обложены плоскими плитами. Покрытия нет. В могиле обломки костей скелета женщины 25–30 лет. На месте череп, судя по которому погребённая была положена головой на В. Вещей нет.

Курган 371 (1966, гр. 1) (рис. 19: 1–3). До раскопок на поверхности едва заметна четырёхугольная ограда, 4,50 × 4,50 м (мог. 2), из вертикально поставленных плит. Сохранившаяся высота ограды 0,35 м. К восточной стенке примыкали две маленькие четырёхугольные пристройки. Их стенки плохо сохранились, и точные размеры пристроек не устанавливаются. В северной находилась могила 1, а в южной могила 3.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 130 × 60 × 45 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Сохранились только две стенки. Покрытия нет. Могила пустая.

Могила 2 (рис. 19: 2). Трапецевидный ящик, 240 × 110 — 50 × 60 см, из вертикально поставленных плит. Снаружи стенки обложены широкими плитами, положенными плашмя в один ряд. Покрытие нарушено. В могиле кости скелета мужчи-

ны 25–30 лет и младенца 2–3 лет. В засыпи могилы найдены также два черепка (рис. 19: 3) и рёбра крупного животного.

Мои́ла 3. Прямоугольный ящик, 100 × 100 × 35 см, В — 3, из толстых обломков плит, непосредственно примыкающих к ограде. Погребения не сохранилось.

Курган 375 (1966, гр. 1) (рис. 19: 4–9). До раскопок на поверхности заметна двойная четырёхугольная ограда из вертикально поставленных плит, СВ — ЮЗ. Восточная ограда, 4,50 × 3,50 м (мог. 1), и примыкающая к её западной стене, аналогичная ей по размерам и конструкции пристройка (мог. 2).

Мои́ла 1 (рис. 19: 5). Трапециевидный ящик, 200 × 90 — 80 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи стенки ящика обложены широкими плитами. Покрытие нарушено. В могиле полный скелет мужчины 50–60 лет, чуть повернутый на левый бок, ноги вытянуты, головой на В. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте. В углу ящика перед лицом погребённого круглодонный сосуд (рис. 19: 6). У локтя левой руки груды костей овцы, 6 рёбер, 2 лопатки, 2 берцовых.

Мои́ла 2 (рис. 19: 7). Трапециевидный ящик, 230 × 80 — 60 × 50 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. В могиле несколько разрозненных костей скелета мужчины 35–45 лет. Среди человеческих костей кости овцы. В засыпи могилы найдены обломки бронзового ножа (рис. 19: 9) и височного кольца (рис. 19: 8).

Курган 377 (1966, гр. 1) (рис. 19: 10–13). До раскопок на поверхности отчётливо видная квадратная, 4,00 × 4,00 м, широкая, 0,35–0,5 м, ограда из плит, положенных плашмя в один-два ряда. В центре ограды выступали плиты покрытия могилы.

Мои́ла (рис. 19: 11). Прямоугольный ящик, 200 × 70 × 60 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плитами. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета женщины 30–40 лет. На месте левое плечо, судя по которому погребённая лежала вдоль северной стенки ящика, головой на В. Лучевая кость сильно окрашена окисью меди. У левого локтя стоял сосуд (рис. 19: 13). В нём ребро овцы. В засыпи могилы найден обломок бронзового проволочного кольца или, может быть, браслета (рис. 19: 12).

Курган 379 (1967, гр. 1) (рис. 20: 1–3). До раскопок на едва заметном возвышении выступали камни прямоугольной ограды, внутри которой было много камней. Размеры ограды 6,50 × 4,50 м (мог. 1 и 2), ССЗ — ЮЮВ. В юго-западной части с западной стороны ограды к ней пристроена другая, размером 4,00 × 3,50 м (мог. 3).

Мои́ла 1 (рис. 20: 2). Трапециевидный ящик, 180 × 65 — 50 × 45 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 7 вертикальных плит. От покрытия сохранились отдельные обломки, разбросанные вокруг могилы. В могиле разрушенное погребение. На дне, не смещённый со своего места, находился череп.

Мои́ла 2 (рис. 20: 3). Прямоугольная циста, 210 × 70 × 25 см, СВ — ЮЗ, из относительно небольших плит, положенных плашмя. От покрытия и верхней части цисты камни лежат вокруг могилы. Могила сооружена на поверхности почвы. В ней сильно разрушенное погребение взрослого. На месте в первоначальном положении сохранилась часть грудной клетки, судя по которой погребённый был положен на левый бок, головой на ВСВ.

Мои́ла 3. Трапециевидный ящик, 130 × 60 — 35 × 45 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 6 вертикально поставленных плит. В заполнении разрозненные кости младенца.

Курган 381 (1967, гр. 1) (рис. 20: 4–7). До раскопок на ровной поверхности проступали отдельные камни прямоугольной ограды из вертикально поставленных плит. Размеры ограды 7,50 × 5,50 м, СЗ — ЮВ. Кроме того, внутри ограды были видны камни от покрытия могил. В ограде оказалось две могилы.

Мои́ла 1 (рис. 20: 5). Трапециевидный ящик, 180 × 130 — 85 × 55 см, СВ — ЮЗ, из 6 вертикальных плит. Плиты в северном углу могилы не сохранились. Покрытие было разбито, и отдельные куски плит валялись за пределами могилы. В могиле оказалось разрушенное парное погребение. На месте в первоначальном положении были ноги. У северной стенки лежали кости ног скелета женщины 30–40 лет, судя по которым первоначально погребённая была положена вытянуто на спине головой на СВ. Почти в центре, но ближе к южной стенке лежали кости ног скелета мужчины, судя по которым погребённый был положен в слабо скорченном положении на левом боку, головой СВ. На уровне тазов между скелетами стоял горшок (рис. 20: 6), а напротив

левой голени второго скелета лежали кости овцы и бронзовый нож (рис. 20: 7).

Могила 2. Прямоугольный ящик, 150 × 70 × 50 см, СВ — ЮЗ, из 5 вертикальных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле найдены разрозненные кости человека.

Курган 383 (1966, гр. 1) (рис. 21: 1–2). До раскопок на поверхности виден по редким выступающим плитам контур четырёхугольной ограды, 6,50 × 5,50 м. Её три стенки сложены из положенных плашмя плит, шириной в среднем 0,3 м, а восточная стенка из вертикально поставленных плит.

Могила (рис. 21: 2). Трапециевидный ящик, 210 × 110 — 80 × 75 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены в один ряд широкими плитами. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 20–30 лет. Среди них лопатка овцы. В засыпи могилы маленький черепок от гладкого сосуда.

Курган 385 (1966, гр. 1) (рис. 22: 1–2). До раскопок на поверхности видна овальная насыпь, на которой проступали стенки двух ящиков и плиты развала надмогильного сооружения. Вокруг одного из ящиков прослеживались плиты четырёхугольной ограды, 4,00 × 3,00 м (мог. 1), из вертикально поставленных плит. Другая, примыкающая к первой с юго-запада ограда не сохранилась, но, очевидно, была сложена из положенных плашмя плит (мог. 2).

Могила 1. Трапециевидный ящик, 210 × 80 — 50 × 65 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Верхние края стенок разрушены. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 35–40 лет. Костей животных и вещей нет.

Могила 2 (рис. 22: 2). Прямоугольная циста, 195 × 70 × 20 см, ВСВ — ЗЮЗ, из толстых, положенных плашмя в один ряд плит. Вокруг ящика развал надмогильного сооружения. Покрытия нет. Могила зимняя. В могиле на глубине 10 см от поверхности обломки скелета мужчины (?) 30–35 лет и половина горшка (рис. 22: 3).

Курган 385а (1967, гр. 1) (рис. 22: 4–5). До раскопок на ровной поверхности проступали отдельные вертикально стоявшие камни прямоугольной ограды. Размеры ограды 6,50 × 5,50 м, СЗ — ЮВ.

Могила. Трапециевидная циста, 210 × 80 — 50 × 40 см, СВ — ЮЗ, из небольших плиток, поло-

женных плашмя. Циста сильно разрушена. Покрытие не сохранилось. В заполнении отдельные кости скелета мужчины 40–50 лет и обломки двух горшков (в нашем распоряжении рисунок только одного сосуда. — А.П.) (рис. 22: 5).

Курган 387 (1967, гр. 1) (рис. 23). До раскопок на небольшой возвышенности были видны отдельные камни от четырёхугольной ограды. После снятия земли выявилась сильно разрушенная ограда размером 7,00 × 6,00 м, СВ — ЮЗ; в центре ограды навал камней, часть из которых была видна на поверхности ещё до раскопок. В ограде две двойные могилы.

Могила 1 (рис. 23: 2). Прямоугольный ящик, 195 × 140 × 70 см, СВ — ЮЗ, из 9 вертикально поставленных плит. Посередине могилы стояло два камня, разделяющие её на две равные части. Над северо-восточной частью сохранился большой обломок плиты перекрытия. В северной части могилы в беспорядке лежали два черепа и кости двух скелетов, а также большой горшок (рис. 23: 4). В южной половине также встречались кости этих скелетов и найден другой горшок (рис. 23: 5).

Могила 2 (рис. 23: 3). Прямоугольный ящик, 200 × 120 × 70 см, СВ — ЮЗ, из 9 вертикально стоявших плит. В самом центре могилы, разделяя её на две равные части, стояла большая плита. В северной части, ближе к западному углу в смещённом положении находилась часть грудной клетки скелета женщины 25–35 лет, а в противоположном конце горшок (рис. 23: 6). В южной половине на месте таз и ноги скелета мужчины 35–45 лет, судя по которым этот погребённый первоначально был положен вытянуто на спине, головой на СВ. В восточном углу лежал горшок (рис. 23: 7).

Курган 397 (1967, гр. 1) (рис. 21: 3–6). До раскопок на ровной поверхности были заметны отдельные камни. Разбитый вокруг них раскоп выявил каменный ящик. Ограда не найдена.

Могила (рис. 21: 4). Прямоугольный ящик, 200 × 130 × 85 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие могилы не сохранилось. В могиле в разрозненном состоянии кости скелетов женщины 40–50 лет и подростка 7–10 лет, красный горшочек, обломки большого чёрного сосуда (рис. 21: 5–6) и бронзовая бляшка.

Курган 448 (1967, гр. 1) (рис. 24). До раскопок довольно значительное возвышение, около 25 см, в основании которого прослеживались торцы вертикально стоявших плит четырёхугольной оградой размером 7,50 × 6,50 м, СЗ — ЮВ. На поверхности всхолмления во множестве проступали плитки. После зачистки центральной части оградой выявились три пристроенные друг к другу могилы.

Могилы 1 (рис. 24: 2). Северная из трёх. Комбинированная прямоугольная, 180 × 75 × 25 см, ВСВ — ЗЮЗ. Северо-западная, северо-восточная и часть юго-восточной стены сооружены из вертикально поставленных плит, остальные части стен сложены из плит, положенных плашмя. Покрытие не сохранилось. Эта могила, видимо, пристроена с северо-запада ко второй. В могиле у северо-западной стены несколько на левом боку, головой на ВСВ лежал скелет женщины 20–25 лет. Череп смещён со своего места. У правой ноги обломки двух горшков (рис. 24: 3–4).

Могилы 2 (рис. 24: 2). Прямоугольная комбинированная, 190 × 90 × 30 см, ВСВ — ЗЮЗ. Часть северо-западной и северо-восточная стена из вертикально поставленных плит, остальные из положенных плашмя. Покрытие не сохранилось. Эта могила, видимо, является основной. У северной стенки вплотную к ней несколько на левом боку, вытянуто, головой на СВ лежал скелет мужчины 35–45 лет. У левой голени стоял горшок и раздавленный второй (рис. 24: 5–6). Против бёдер у противоположной стены лежали кости животных.

Могилы 3 (рис. 24: 2). Южная. Прямоугольная комбинированная, 190 × 90 × 25 см, ВСВ — ЗЮЗ, пристроена к предыдущей с юго-востока. Северо-западная стена из плашмя положенных плит является общей для могил 2 и 3, остальные стены этой могилы из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось, могила разграблена, в ней обломки двух горшков (рис. 24: 7–8).

Курган 460 (1967, гр. 1) (рис. 25: 1). До раскопок на поверхности было заметно возвышение и отдельные плашмя положенные плитки. Диаметр кольца 10,00 м. В центре оградой могила.

Могилы. Прямоугольный пустой ящик, 200 × 120 × 75 см, В — З, из 5 вертикальных плит.

Курган 461 (1967, гр. 1) (рис. 25: 2). До раскопок на ровной поверхности были заметны отдельные вертикально стоявшие плитки двух оградок. Раз-

меры: северная 4,00 × 4,50 м (мог. 1), южная 5,00 × 4,50 м (мог. 2). Общая ориентировка ССЗ — ЮЮВ.

Могилы 1. Прямоугольная циста, 200 × 75 × 25 см, ВСВ — ЗЮЗ, из плашмя положенных плит. Вокруг могилы развал плит. В могиле разрозненные кости скелета женщины 35–55 лет.

Могилы 2. Прямоугольная циста, 200 × 100 × 20 см, из плашмя положенных плит. В могиле разрозненные кости скелетов мужчины 18–20 лет и женщины 40–50 лет.

Курган 463 (1967, гр. 1) (рис. 25: 3–5). До раскопок на ровной поверхности чётко прослеживались вертикальные плиты оградой размером 4,50 × 4,00 м, ВСВ — ЗЮЗ. В центре оградой могила.

Могилы. Трапециевидный ящик, 200 × 120 — 100 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. В могиле найдены обломки двух горшков (рис. 25: 4–5).

Курган 465 (1967, гр. 1) (рис. 26). До раскопок на ровной поверхности было видно небольшое возвышение и окаймляющие его плашмя положенные плиты. Диаметр оградой 12,00 м. В центре могила.

Могилы. Прямоугольный ящик, 175 × 120 × 75 см, СВ — ЮЗ, из 5 вертикальных плит. Вокруг ящика разбитые плитки покрытия. В могиле обнаружены разрозненные кости скелета человека, обломки двух сосудов (рис. 26: 2–3), кости лошади (левая лопатка и левый астрагал) и кости овцы (большая берцовая и 3 ребра — все левые).

Курган 471 (1967, гр. 1) (рис. 27: 1–3). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные вертикальные плитки оградки 5,00 × 5,00 м, ориентировка ВСВ — ЗЮЗ. В центре оградки могила.

Могилы. Прямоугольная циста, 175 × 120 × 20 см, СВ — ЮЗ, из плашмя положенных плит. Вокруг могилы развал из мелких плит. В могиле обнаружены разрозненные кости скелета мужчины около 40 лет и обломки двух горшков (рис. 27: 2–3).

Курган 469 (1968, гр. 1) (рис. 27: 4–10). До раскопок на поверхности были заметны вертикально стоявшие плиты оградой 7,20 × 5,00 м, ССЗ — ЮЮВ, прямоугольной формы, в пределах которой можно было видеть камни, в ней две могилы, 1 и 2. С юго-восточной стороны к этой основной оградой сделана пристройка 4,00 × 4,00 м, в которой ока-

залось также две могилы, 3 и 4. С восточной стороны за пределами ограды оказалась могила 5.

Могила 1 (рис. 27: 5). Трапециевидная циста, 135 × 70 — 50 × 45 см, ВСВ — ЗЮЗ, из плашмя положенных плит. Могила незначительно углублена в землю. Верхняя часть стен развалилась наружу. В могиле на дне правая нога и голень левой, несколько рёбер и правое плечо, судя по которым погребённый первоначально лежал на спине головой на ВСВ.

Могила 2 (рис. 27: 6). Трапециевидная циста, 200 × 135 — 80 × 40 см, ВСВ — ЗЮЗ, из плашмя положенных плит. Могила незначительно углублена в землю, верхняя часть цисты развалилась. Могила пуста.

Могила 3 (рис. 27: 7). Прямоугольная циста, 125 × 100 × 45 см, ВСВ — ЗЮЗ, из плашмя положенных плит. Очень сильно разрушена. Вокруг могилы обломки плит от верхних частей стен. В могиле разрозненные кости скелета человека, черепки (рис. 27: 9) и кости животных, два куска мяса: левые лопатка, голень и пяточная кость овцы.

Могила 4 (рис. 27: 8). Трапециевидный ящик, 100 × 60 — 45 × 20 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плиток. Могила сооружена на поверхности почвы. Вокруг могилы обломки плит. В могиле в восточном углу горшок (рис. 27: 10).

Могила 5. Разрушенный ящик, размеры которого не устанавливаются. Он оказался пустым.

Курган 475 (1966, гр. 1) (рис. 28: 1–5). До раскопок на поверхности видна незначительная овальная насыпь, в основании которой прослеживалась прямоугольная ограда из вертикальных плит, 5,00 × 4,00 м (мог. 2), С — Ю, и две примыкающие к ней с южной (мог. 3) и северной (мог. 1) сторон прямоугольные пристройки, 3,50 × 2,50 м, той же конструкции.

Могила 1 (рис. 28: 2). Трапециевидный ящик, 180 × 70 — 60 × 50 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Снаружи края ящика обложены широкими плитами, положенными плашмя в один ряд. Покрытия нет. В могиле неполный скелет подростка. На месте бедра и голени, судя по которым погребённый лежал чуть повернуто на левый бок, вытянуто, головой на В. В ногах скелета горшок (рис. 28: 5). В засыпи могилы встречены кости овцы.

Могила 2. Прямоугольный ящик, 200 × 70 × 45 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных

плит. Покрытие нарушено. Снаружи края ящика обложены широкими, положенными плашмя в один ряд плитами. В могиле разрозненные кости скелета женщины 35–45 лет. В засыпи найдены обломок бронзовой проволоки, черепки гладкого серого сосуда, лопатка и берцовая кость овцы.

Могила 3 (рис. 28: 3). Трапециевидный ящик, 170 × 75 — 50 × 60 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Покрыт плитой 100 × 70 см. В могиле несколько костей скелета ребёнка 9–10 лет. На месте правое бедро, судя по которому погребённый лежал головой на В. В заполнении могилы черепок гладкого сосуда (рис. 28: 4).

Курган 477 (1967, гр. 1) (рис. 28: 6–8). До раскопок на ровной поверхности были хорошо заметны вертикальные плиты ограды размером 5,50 × 5,00 м. Ориентировка ВСВ — ЗЮЗ.

Могила. Прямоугольный ящик, 175 × 100 × 35 см, ВСВ — ЗЮЗ, сильно разрушен. В могиле найдены кости скелета женщины 35–45 лет, черепки (рис. 28: 7–8), кости лошади: лопатка, 2 ребра, большая берцовая — все левые; и астрагал овцы.

Курган 482 (1968, гр. 1) (рис. 29: 1). На поверхности земли прослеживались отдельные вертикальные камни круглой ограды диаметром 11,00 м. В центре большой прямоугольный ящик из вертикальных плит. Покрытия нет, ящик пустой.

Курган 489 (1967, гр. 1) (рис. 29: 2–3). До раскопок на ровной поверхности были заметны вертикальные плиты ограды размером 5,00 × 5,50 м. Ориентированной СВ — ЮЗ. В центре ограды могила.

Могила (рис. 29: 2). Трапециевидный ящик, 160 × 60 — 35 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ. Вокруг могилы развал плит покрытия. В могиле вдоль северо-западной стенки вытянуто на спине головой на ВСВ скелет мужчины 35–45 лет, плечевой пояс которого потревожен грабителями. У таза горшок (рис. 29: 3).

Курган 491 (1966, гр. 1) (рис. 29: 4–6). До раскопок на поверхности видна овальная незначительная насыпь, в основании которой прослеживалась четырёхугольная ограда, 5,00 × 4,50 м (мог. 2), из вертикально поставленных плит и примыкающая к ней с востока прямоугольная пристройка, 4,00 × 3,50 м (мог. 1), той же конструкции.

Могила 1 (рис. 29: 5). Трапециевидная циста, 200 × 100 — 80 × 75 см, В — 3, из толстых, положенных в один ряд плит. Вокруг ящика развал надмогильного сооружения. Покрытия нет. В могиле голени скелета женщины 35–55 лет. Судя по ним, погребённая была ориентирована головой на В. В засыпи могилы найден обломок человеческого бедра. Вещей нет.

Могила 2 (рис. 29: 6). Трапециевидный ящик, 190 × 85 — 60 × 70 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле несколько костей скелета женщины 35–40 лет. На месте голени и ступни, повёрнутые налево. Судя по ним, погребённая лежала чуть повёрнуто на левый бок, головой на В. Вещей либо костей животных в могиле нет.

Курган 493 (1967, гр. 1) (рис. 30). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные вертикальные плиты системы оград и плиты покрытия могил. В результате раскопок были обнаружены пристроенные друг к другу четыре оградки, ориентированные СВ — ЮЗ. Очередность сооружения не установлена. Размеры: ограда 1 (самая западная) — 4,00 × 4,00 м (мог. 1), СВ — ЮЗ; ограда 2, пристроена к северо-восточной стене предыдущей, — 3,50 × 2,50 м (мог. 2), СВ — ЮЗ; ограда 3 — 5,00 × 5,00 м (мог. 3), СВ — ЮЗ; ограда 4 — 5,00 × 5,00 м (мог. 4), СВ — ЮЗ.

Могила 1 (рис. 30: 2). До раскопок на поверхности были видны плиты перекрытия. Прямоугольная циста, 195 × 80 × 30 см, СВ — ЮЗ, сооружена на древней поверхности. В могиле найдены кости человека, из которых в первоначальном положении находились кости ног, судя по которым погребённый был положен на левый бок в слегка скорченном положении у северной стенки могилы, головой на СВ. Найдены обломки горшка (рис. 30: 4).

Могила 2 (рис. 30: 3). Прямоугольный ящик, 200 × 70 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 4 плит. Вокруг могилы разбросаны обломки плит покрытия. В могиле найдены кости двух скелетов, в том числе ребёнка 7–8 лет. От первого в первоначальном положении сохранилась правая голень и кости стопы. Второй скелет сохранился значительно лучше. Погребённый был положен на левый бок, головой на СВ, в скорченном положении. У груди стоял горшок. Второй горшок был поставлен у головы, но он мог принадлежать другому погребённому в этой могиле

(в нашем распоряжении рисунок только одного сосуда из этой могилы. — А.Л.) (рис. 30: 7).

Могила 3. Прямоугольный ящик, 250 × 150 × 80 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 4 плит. Ящик разделён пополам вертикальной плитой. В северо-восточной части ящика в полной сохранности найден скелет ребёнка на спине, головой на ВСВ. В восточно-северо-восточном углу стояло два горшка (рис. 30: 5, 6). В могиле найдены также кости овцы (лопатки и кости ног).

Могила 4. До раскопок на поверхности земли были видны мелко расколотые плиты, составлявшие в древности куполообразное перекрытие грунтового погребения. Размеры 200 × 100 × 30 см. Ориентировка СВ — ЮЗ. Могила пуста.

Курган 499 (1967, гр. 1) (рис. 31: 1–3). До раскопок на ровной поверхности чётко прослеживались все четыре стороны оградки из вертикальных плит. Размеры 7,00 × 5,00 м, ориентировка ССЗ — ЮЮВ.

Могила (рис. 31: 2). Прямоугольный ящик, 180 × 130 × 90 см, из 7 вертикально поставленных плит. Ящик был перекрыт массивными плитами, обломки которых сохранились в СВ, ЮВ и СЗ сторонах ящика. В могиле найдены разрозненные кости взрослого человека и ребёнка 4–5 лет. На дне ящика в первоначальном положении правая голень и кости стопы, а также лучевая и фаланги пальцев. Судя по этим костям, погребённый был положен вдоль северо-восточной стенки на левом боку в слегка согнутом положении. Кроме того, в могиле найдена рукоятка плети (рис. 31: 3).

Курган 501 (1967, гр. 1) (рис. 31: 4). До раскопок небольшое возвышение, в основании которого отчётливо прослеживалось кольцо из вертикально стоявших плит диаметром 9,00 м.

Могила. Разрушенная прямоугольная циста, 150 × 100 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, сооружённая на поверхности из массивных грубых плит, которые расслоились и рассыпались в разные стороны. Могила пуста.

Курган 503 (1967, гр. 1) (рис. 31: 5). До раскопок представлял собой небольшое возвышение, в основании которого чётко прослеживалось кольцо из плашмя положенных плит диаметром

8,40 м. Курган раскопан целиком. Ещё до раскопок в центре были видны плиты перекрытия могилы.

Могила. Грунтовая яма, 170 × ??? × 100 см, СВ — ЮЗ. Над могилой в древности было сооружено куполообразное перекрытие, разрушенное грабителями. В могиле на разных уровнях разрозненные кости скелета человека.

Курган 513 (1967, гр. 1) (рис. 32: 1–4). До раскопок на небольшом возвышении прослеживались отдельные стороны двух оград из вертикально поставленных плит. Размер каждой ограды 4,50 × 5,00 м, ориентировка СВ — ЮЗ. В центре западной ограды могила 1, восточной — могила 2.

Могила 1 (рис. 32: 2). До раскопок видны разрушенные плиты покрытия. Трапециевидный ящик, 220 × 65 — 40 × 55 см, СВ — ЮЗ, из 8 плит. В могиле найдены разрозненные кости человека и обломки двух горшков (рис. 32: 3–4).

Могила 2. Трапециевидный ящик, 200 × 80 — 55 × 40 см, СВ — ЮЗ, из рваного камня в два ряда кладки, только в торцевой узкой стороне стояла плита. Могила пуста.

Курган 515 (1967, гр. 1) (рис. 33). До раскопок чётко прослеживались все четыре стороны ограды, сооружённой из вертикально поставленных плит. Оградка оконтуривала небольшое возвышение. В центре были видны плиты перекрытия могил и их торцевые части. Размер оградки 7,00 × 5,50 м, СВ — ЮЗ. В центре две могилы.

Могила 1 (рис. 33: 2). Прямоугольный ящик, 190 × 80 × 40 см, СВ — ЮЗ. Северо-западная стена могилы не сохранилась. В могиле в беспорядке кости человека, по которым можно судить только о том, что ограбление произошло вскоре после похорон, так как некоторые кости находятся в сочленении. В могиле найден горшок (рис. 33: 3).

Могила 2 (рис. 33: 2). Прямоугольный ящик, 185 × 70 × 35 см, СВ — ЮЗ, из 8 плит. В могиле разрозненные кости человека и кости овцы.

Курган 519 (1967, гр. 1) (рис. 32: 5–6). До раскопок на ровной поверхности были видны отдельные вертикальные плиты оградки и обломки плит в её центре. Размеры оградки 5,70 × 4,50 м, СЗ — ЮВ. В центре могила.

Могила. Трапециевидный ящик, 150 × 90 — 70 × 85 см, СВ — ЮЗ, из 4 плит. Расколотые плиты

перекрытия сохранились в юго-восточной и северо-западных частях могилы. В ней разрозненные кости взрослого человека и ребёнка, горшок (рис. 32: 6) и обломки бронзового предмета.

Курган 525 (1967, гр. 1) (рис. 34). До раскопок было заметно небольшое возвышение, которое окаймляла оградка из вертикально поставленных плит. Размеры 9,00 × 5,00 м, ССЗ — ЮЮВ. К юго-восточной стене пристроена вторая оградка, 4,00 × 2,25 м, СВ — ЮЗ. В основной ограде 3 могилы, в пристройке одна (мог. 4).

Могила 1 (рис. 34: 2). У северо-западной стены основной ограды до раскопок были видны отдельные плиты. После расчистки под ними оказался прямоугольный ящик, 110 × 55 × 40 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 4 плит (восточная плита отсутствовала). В могиле обнаружены разрозненные кости скелета юноши 16–18 лет, горшок и половина второго горшка (рис. 34: 4, 6).

Могила 2. В центре ограды сильно разрушенный прямоугольный ящик, 200 × 150 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ. В заполнении могилы обломки горшка (рис. 34: 5).

Могила 3 (рис. 34: 3). Рядом с могилой 2, но ближе к юго-восточной стене ограды прямоугольный ящик, 190 × 75 × 60 см, СВ — ЮЗ, из 5 вертикальных плит. Вдоль стен ящика имелась обкладка из плашмя положенных плит. На дне могилы у северо-западной стенки скелет женщины (?) 18–20 лет, вытянуто на спине головой на СВ. У головы найдены два горшка (рис. 34: 7–8), а вокруг шеи аргиллитовые цилиндрические бусы (вероятно, представлены в составе ожерелий на рис. 125: 1–5. — А.Л.).

Могила 4. В пристройке, у юго-восточной стены основной ограды трапециевидный ящик, 165 × 60 — 55 × 50 см, СВ — ЮЗ, из 4 плит. В заполнении могилы разрозненные кости женщины (?) 30–40 лет и обломки горшка.

Курган 527 (1967, гр. 1) (рис. 35: 1–8). До раскопок на поверхности были заметны отдельные плиты прямоугольной ограды, а в центре отдельные плиты покрытия могил. Размеры: 9,50 × 5,00 м, ССЗ — ЮЮВ. В ограде две могилы.

Могила 1 (рис. 35: 2). У северо-западной стенки ограды после раскопок и разборки плит были обнаружены остатки прямоугольного ящика, 195 × 85 × 100 см, ВСВ — ЗЮЗ. Края ящика обложены пли-

тами. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 40–50 лет, у юго-восточной стены горшок, а в заполнении обломки другого (рис. 35: 6, 8).

Могила 2 (рис. 35: 3). Разрушенный прямоугольный ящик, 190 × 125 × 100 см, СВ — ЮЗ, вокруг которого плашмя положены плиты. В могиле разрозненные кости двух скелетов: мужчины 25–30 лет и женщины 40–50 лет. В первоначальном положении от южного скелета сохранились длинные кости ног и таз, судя по которым один из погребённых был положен вытянуто на спине, головой на СВ. Кроме того, в могиле найдены обломки двух горшков (рис. 35: 5, 7) в юго-западной части могилы и клинок бронзового ножа (рис. 35: 4).

Курган 600 (1967, гр. 1) (рис. 35: 9). До раскопок на ровной поверхности были заметны разрозненные торчащие плиты на площади 5,00 × 3,50 м. После снятия дернового слоя и разборки завала могила не обнаружена.

Курган 610 (1968, гр. 1) (рис. 36: 1–4). До раскопок на поверхности был виден плоский земляной холм, в центре которого проступали плиты. Заложённой траншеей выявлены камни ограды, позволяющие судить о том, что диаметр её был равен 10,00 м. В центре ограды могила.

Могила (рис. 36: 2). Прямоугольный ящик, 150 × 80 × 60 см, ЮЗ — СВ, из вертикально поставленных плит. На дне могилы в северо-восточной части на месте голени двух скелетов, судя по которым оба взрослых были положены вытянуто на спине головой на ЮЗ (впускное погребение тагарской культуры. — А.Л.). У юго-западной стены горшок, у юго-восточной стены другой горшок (рис. 36: 3–4). В заполнении могилы кости двух людей, бедро козы, астрагал овцы, метоподия и фаланга лошади и обломки сосуда.

Курган 481 (1967, гр. 1) (рис. 36: 5). До раскопок на ровной поверхности прослеживались вертикальные камни оградки 4,00 × 4,50 м, СВ — ЮЗ. В центре оградки видны плиты обкладки ящика.

Могила. Прямоугольный ящик, 225 × 100 × 50 см, СВ — ЮЗ. Очень сильно разрушен. Могила пуста.

Курган 483 (1967, гр. 1) (рис. 36: 6–7). До раскопок на ровной поверхности были заметны верти-

кальные плиты ограды 4,50 × 4,50 м, ВСВ — ЗЮЗ. В центре ограды могила.

Могила. Трапециевидный ящик, 175 × 100 — 75 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ. Вокруг разбитые плиты покрытия. В могиле найдены разрозненные кости скелета мужчины 35–45 лет и кости лошади: лопатка, большая берцовая, 6 рёбер, пяточная, астрагал — все левые. Обломки горшка (рис. 36: 7).

Группа 2

Группа 2 расположена к югу от андроновского могильника. С востока она ограничена свободным пространством, отделяющим её от тагарского могильника, с юга её границей является полоса пашни по берегу Сухого озера. С запада узкая, не занятая оградой полоса поверхности террасы. Раскопаны практически все курганы, в количестве 35 оград. В основном представлены четырёхугольными сооружениями. На основной территории кладбища близко расположены друг к другу севернее основного скопления 6 курганов на значительном расстоянии друг от друга: 319, 249, 247, 301, 299, 297. К юго-западу от основного кладбища изолированная группа из 9 курганов: 602–607, 257, 259, 315.

Группа 2, в которой раскопаны практически все курганы, в количестве 35, расположена к югу от андроновского могильника. С востока она ограничена свободным пространством, отделяющим её от тагарского могильника, с юга её границей является полоса пашни по берегу Сухого озера, но между пашней и карасукскими оградой имеется свободная от них полоса, так что, видимо, курганы этой группы распашке и разрушению не подвергались. С запада находится узкая, не занятая оградой полоса поверхности террасы. Ограды в этой группе расположены довольно плотно. В основном представлены четырёхугольными сооружениями.

Курган 247 (1966, гр. 2) (рис. 37). До раскопок на поверхности земли видна небольшая овальная насыпь, в основании которой прослеживалась четырёхугольная ограда, 6,00 × 5,00 м (мог. 2), В — З, из вертикально поставленных плит. У западной стенки она имела овальную пристройку, сложенную из положенных плашмя в один ряд плит (мог. 1).

Могила 1 (рис. 37: 2). Прямоугольный ящик, 190 × 100 × 70 см, В — З, из поставленных вертикально плит. Покрытие нарушено. В могиле полный скелет женщины 18–20 лет, вытянуто на спине, го-

ловой на 3. В ногах и у головы два плоскодонных гладких тёмных сосуда (рис. 37: 3, 7) и кости барана: рёбра, лопатка, берцовые. У правой руки бронзовый нож (рис. 37: 4) и три ребра барана. Судя по инвентарю могилы и труположению, это тагарское погребение в карасукском ящике, из которого тагарцы выбросили предыдущего покойника и горшок. Обломок карасукского горшка, плоскодонного баночного, но с карасукским орнаментом, был найден в засыпи могилы (рис. 37: 6).

Могила 2 (рис. 37: 5). Трапезиевидный ящик, 235 × 120 — 95 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из поставленных вертикально плит. Покрытие нарушено. Северная продольная стенка ящика снаружи обложена тонкими, положенными плашмя плитами. В могиле разрозненные кости почти полного скелета. В засыпи черепки трёх сосудов (рис. 37: 8–10) и костяное шило (рис. 37: 11).

Курган 249 (1966, гр. 2) (рис. 38: 1–3). До раскопок на поверхности земли видна небольшая круглая насыпь, в основании которой прослеживалась круглая ограда, диаметром 6,00 м, из плит, положенных плашмя. Сохранилось три ряда. Высота ограды 20 см, ширина 50 см.

Могила (рис. 38: 2). Трапезиевидный ящик, 250 × 100 — 70 × 55 см, В — З, из поставленных вертикально плит. Покрытие нарушено. Поперечные стенки ящика на уровне погребённой почвы снаружи обложены плитами. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 30–40 лет, на месте ноги. Судя по ним, погребённый лежал на левом боку с согнутыми ногами, головой на В. Среди костей встречены черепки сосуда (рис. 38: 3).

Курган 297 (1967, гр. 2) (рис. 38: 4, 5). До раскопок на поверхности было заметно небольшое возвышение, в центре которого проступал контур могилы. Вокруг возвышения прослеживалась ограда круглой формы диаметром 9,00 м.

Могила (рис. 38: 5). Прямоугольная циста, 230 × 140 × 45 см, ВЮВ — ЗСЗ, из плашмя положенных плит. Внутри цисты вдоль её стен прослеживаются остатки обкладки из брёвен в один венец. В могиле разрозненные кости мужчины 25–35 лет и животных.

Курган 299 (1967, гр. 2) (рис. 38: 6). До раскопок на ровной поверхности прослеживались от-

дельные стоящие вертикально камни прямоугольной ограды 6,50 × 5,50 м, В — З. В центре были видны два края одного ящика.

Могила. Прямоугольный ящик, 200 × 80 × 50 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Часть северной стенки ящика разрушена грабителями. Могила пустая.

Курган 301 (1968, гр. 2) (рис. 39: 1–2). До раскопок на поверхности проступали отдельные вертикально стоявшие плиты ограды четырёхугольной формы. Хорошо сохранилась юго-западная стена. Примерные размеры ограды 4,00 × 4,00 м, СВ — ЮЗ.

Могила (рис. 39: 2). Прямоугольный ящик, 150 × 70 × 35 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Вокруг ящика разбросаны обломки плит. В заполнении встречены кости человека и животных.

Курган 319 (1968, гр. 2) (рис. 39: 3–7). До раскопок на поверхности прослеживались отдельные вертикально стоявшие камни системы оград. От юго-западной ограды сохранилась только северная стена, так что её размеры не устанавливаются (мог. 1). С севера к ней пристроена небольшая оградка 2,60 × 2,00 м (мог. 2), В — З. К востоку от них находится ограда с могилой 3, 4,00 × 3,60 м, С — Ю. Порядок сооружения системы точно не устанавливается.

Могила 1 (рис. 39: 4). Прямоугольная циста, 140 × 60 × 50 см, СВ — ЮЗ, из плашмя положенных плиток. Могила сильно разрушена, верхние её части развалились наружу и лежат за пределами могилы. Могила немного была углублена в землю. В заполнении встречены кости человека, животных и обломки горшка (рис. 39: 7).

Могила 2 (рис. 39: 5). Трапезиевидный ящик, 130 × 55 — 40 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой мелкие обломки плит покрытия. Могила пуста.

Могила 3 (рис. 39: 6). Трапезиевидный ящик, 150 × 95 — 60 × 65 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Юго-западная часть ящика не сохранилась. В могиле в заполнении найдены обломки костей скелета мужчины 40–50 лет.

Курган 263 (1967, гр. 2) (рис. 40). До раскопок на ровной поверхности были видны вертикально стоявшие плиты системы из трёх оград, общей ори-

ентировкой В — З. Восточная ограда 5,00 × 3,75 м (мог. 1), С — Ю; средняя ограда 5,00 × 3,00 м, С — Ю, в ней две рядом расположенные могилы (мог. 2 и 4), западная, видимо, основная, 5,00 × 4,00 м (мог. 3), С — Ю.

Могилы 1 (рис. 40: 2). Прямоугольный ящик, 100 × 45 × 45 см, ВСВ — ЗЮЗ, из четырёх вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. У юго-западной стены отдельные кости скелета ребёнка. В заполнении могилы обломки горшка (рис. 40: 6).

Могилы 2 (рис. 40: 3). Трапециевидный ящик, 150 × 60 — 50 × 60 см, СВ — ЮЗ, из четырёх вертикально поставленных плит. Над ящиком сохранились обломки плит покрытия. Могила ограблена. У юго-восточной стенки стоят два горшка (рис. 40: 7, 8). В заполнении могилы кости скелета ребёнка 8–9 лет, височное бронзовое кольцо (рис. 40: 11), кочедык из трубчатой кости барана (рис. 40: 12) и плоские каменные бусы (вероятно, изображены на рис. 125: 2, 3. — *А.П.*).

Могилы 3 (рис. 40: 4). Трапециевидный ящик, 185 × 75 — 60 × 60 см, из семи вертикально поставленных плит. Над могилой обломки плит покрытия. В могиле в беспорядке кости скелета женщины и обломки горшка (рис. 40: 9).

Могилы 4 (рис. 40: 5). Трапециевидный ящик, 120 × 50 — 30 × 45 см, СВ — ЮЗ, из пяти вертикально поставленных плит. Над ящиком разбитая плита покрытия. Вокруг ящика обкладки из плашмя положенных плит. В могиле на месте череп, обломки таза и ноги детского скелета, судя по которым первоначально погребённый был положен вытянуто на спине вдоль северо-западной стены головой на СВ. У головы стоит горшок (рис. 40: 10).

Курган 265 (1967, гр. 2) (рис. 39: 8–9). До раскопок на ровной поверхности почвы проступали вертикально стоявшие камни прямоугольной ограды 4,80 × 5,50 м, СВ — ЮЗ. В центре ограды одна могила.

Могилы (рис. 39: 9). Прямоугольный узкий ящик, 200 × 60 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально вкопанных плит. По концам ящика и середине покрытия плиты, среди них 3 крупные.

Курган 267 (1967, гр. 2) (рис. 41: 1–2). До раскопок на поверхности прослеживались отдельные камни двойной ограды. Северо-западная ограда

размером 5,00 × 3,50 м (мог. 1), СЗ — ЮВ, юго-восточная — размером 4,60 × 4,50 м (мог. 2).

Могилы 1. Прямоугольный ящик, 200 × 75 × 60 см, из вертикально поставленных плит. По концам могилы лежат обломки плит покрытия. В заполнении разрозненные кости человека, каменный наконечник стрелы (вероятно, один из изображённых на рис. 127: 1–6. — *А.П.*), обломки керамики, лопатка барана.

Могилы 2 (рис. 41: 2). Прямоугольный ящик, 220 × 120 × 70 см, ВСВ — ЗЮЗ, из девяти вертикально поставленных плит. На дне лежал череп, а в заполнении кости взрослого и ребёнка и обломки горшка.

Курган 275 (1967, гр. 2) (рис. 41: 3–6). До раскопок на ровной поверхности прослеживались вертикально стоявшие плиты двух пристроенных одна к другой оград. Южная, основная, оградка, размером 5,00 × 5,00 м (мог. 2), ориентирована В — З. Северная пристройка, 5,00 × 2,50 м (мог. 1), ориентирована В — З.

Могилы 1. Трапециевидный ящик, 200 × 80 — 60 × 100 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Над ящиком сохранились разбитые плиты покрытия. В заполнении могилы кость взрослого человека и обломок горшка (рис. 41: 6).

Могилы 2 (рис. 41: 4). Трапециевидная циста, 160 × 70 — 60 × 100 см, В — З, из положенных плашмя мелких плиток. Вокруг могилы обкладка из плит и развал её верхних частей стенок. В могиле разрозненные кости скелета и горшок (рис. 41: 5).

Курган 271 (1967, гр. 2) (рис. 42: 1–3). До раскопок на ровной поверхности был замечен значительный развал плит, вокруг которого прослеживались отдельные вертикально стоявшие камни ограды размером 5,00 × 5,00 м (мог. 1), к которой с северо-востока была пристроена вторая оградка размером 2,00 × 3,00 м (мог. 2).

Могилы 1. Прямоугольная циста, 175 × 100 × 25 см, СВ — ЮЗ, из плашмя положенных плиток. Могила сооружена на поверхности почвы, кладка развалилась, могила пуста.

Могилы 2 (рис. 42: 2). Прямоугольная циста, 160 × 80 × 25 см, СВ — ЮЗ, из плашмя положенных плиток. Сохранилось два ряда кладки. В могиле на дне в западной части череп мужчины 30–40 лет и горшок (рис. 42: 3).

Курган 277 (1967, гр. 2) (рис. 42: 4–6). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные вертикально стоявшие камни ограды прямоугольной формы, 7,50 × 7,00 м, ССВ — ЮЮЗ.

Могила (рис. 42: 5). Трапециевидный ящик, 170 × 150 — 110 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из семи вертикально поставленных плит. В юго-западной части ящика стоит плита, разделяющая могилу на две половины. В северной части разрозненные кости взрослой женщины (?), в южной разрозненные кости мужчины 30–40 лет и горшок (рис. 42: 6).

Курган 279 (1967, гр. 2) (рис. 43: 1–3). До раскопок на ровной поверхности были видны вертикально стоявшие камни ограды 4,50 × 4,00 м, С — Ю.

Могила (рис. 43: 2). Прямоугольный ящик, 170 × 65 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из шести вертикально поставленных плит. Вокруг ящика сохранились отдельные плиты обкладки. В могиле на разной глубине разрозненные кости скелета мужчины 20–30 лет и горшок (рис. 43: 3).

Курган 281 (1966, гр. 2) (рис. 43: 4–5). До раскопок на поверхности видна небольшая круглая насыпь, в основании которой прослеживалась квадратная ограда, 4,60 × 4,40 м (мог. 2), из плит, положенных в четыре ряда; высота ограды 30 см, ширина 60 см. После снятия насыпи у северо-западной стороны ограды была обнаружена пристройка, 2,20 × 2,40 м (мог. 1), той же конструкции.

Могила 1. Трапециевидный ящик, 90 × 70 — 50 × 50 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. Могила пустая.

Могила 2 (рис. 43: 5). Трапециевидная циста, 200 × 110 — 70 × 45 см, ЮВ — СЗ, из толстых плит, положенных плашмя в 1–3 ряда. Покрытия нет. Могила зимняя. Вокруг могилы кольцо из обломков плит, очевидно развал надмогильного сооружения. В могиле неполный скелет женщины 20–30 лет. На месте: часть таза, бёдра и правая голень. Судя по ним, скелет лежал на левом боку, вытянуто, головой на ВЮВ. Вещей нет.

Курган 283 (1967, гр. 2) (рис. 43: 6–7). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные вертикально стоявшие камни двойной прямоугольной ограды. Северо-западная оградка 4,00 × 4,00 м (мог. 1), юго-восточная 2,50 × 4,00 м (мог. 2).

Могила 1. Прямоугольный ящик, 150 × 100 × 75 см, ВСВ — ЗЮЗ, из шести вертикально поставленных плит. Могила пуста.

Могила 2. Прямоугольный ящик, 120 × 50 × 50 см, В — З, из шести вертикально поставленных плит. Вокруг могилы обломки плит покрытия. В заполнении найдены обломки горшка (рис. 43: 7).

Курган 285 (1967, гр. 2) (рис. 44: 1–5). До раскопок на ровной поверхности почвы прослеживались отдельные вертикально стоявшие плиты северной и восточной сторон четырёхугольной ограды 6,00 × 6,00 м, С — Ю. В центре ограды видны были камни восьми плит.

Могила (рис. 44: 2). Погребение перекрыто плитами разных размеров. В заполнении встречены отдельные кости скелета мужчины 35–55 лет и женщины 25–35 лет и обломки плит. У северо-восточного угла — череп. В могиле найдены обломки двух сосудов (в нашем распоряжении рисунки трёх сосудов. — А.П.) (рис. 44: 3–5), бляшки.

Курган 287 (1967, гр. 2) (рис. 44: 6–7). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные вертикально стоявшие плиты ограды 3,00 × 2,25 м.

Могила. Трапециевидный ящик, 100 × 20 (?) — 45 × 35 см, ВСВ — ЗЮЗ, из четырёх плит. Покрытие сохранилось. В заполнении разрозненные кости скелета и черепки (рис. 44: 7).

Курган 289 (1967, гр. 2) (рис. 45: 1–3). До раскопок на ровной поверхности прослеживались вертикально стоявшие плиты системы из двух оград, общими размерами 6,15 × 5,00 м, СВ — ЮЗ. После раскопок выявилась восточная ограда 4,80 × 4,00 м (мог. 1), западная — 5,00 × 3,00 м (мог. 2).

Могила 1 (рис. 45: 2). Трапециевидный ящик, 150 × 100 — 75 × 80 см, В — З, из четырёх плит. Над восточной частью могилы сохранилась плита покрытия. В заполнении найдены разрозненные кости ребёнка и фрагменты горшка (рис. 45: 3).

Могила 2. Прямоугольный ящик, 175 × 75 × 65 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Погребение женщины 25–35 лет полностью разрушено.

Курган 291 (1967, гр. 2) (рис. 45: 4–6). До раскопок на ровной поверхности проступали отдельные вертикально стоявшие плиты восточной и запад-

ной сторон ограды. Приблизительные размеры 4,00 × 4,00 м, С — Ю. В центре ограды были видны плиты покрытия.

Могила (рис. 45: 5). Трапециевидный ящик, 240 × 120 — 80 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из четырёх плит. В заполнении могилы встречены обломки плит покрытия и отдельные кости скелета человека. На дне у северной стены могилы в сохранности лежала нижняя часть скелета человека, судя по которой погребённый первоначально был положен на левом боку головой на ВСВ. Перед животом лежали кости барана и обломки горшка (рис. 45: 6).

Курган 291а (1968, гр. 2) (рис. 45: 7–11). До раскопок на поверхности были видны вертикальные плиты ограды четырёхугольной формы 6,00 × 5,40 м (мог. 1), С — Ю; с востока имеется пристройка длиной с С на Ю — 3,00 м (мог. 2), восточная стена её не обнаружена.

Могила 1 (рис. 45: 8). Прямоугольный ящик, 150 × 65 × 45 см, З — В, из крупных блоков. Вокруг ящика обломки плит; видимо, он был сверху доложен кладкой. В заполнении могилы кости скелета подростка 13–15 лет, нижняя челюсть собаки и обломки двух горшков (не сохранились. — *А.Л.*).

Могила 2 (рис. 45: 9). Прямоугольный ящик, 140 × 50 × 55 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Над могилой сохранились разбитые плиты покрытия. На дне могилы разрушенный скелет девочки 16–18 лет. На левом боку в слабо скорченном положении, головой на В. У головы стоял горшок (рис. 45: 11), у шейных позвонков бусы, а в заполнении бронзовая трубочка (возможно, одна из изображённых на рис. 125: 46–49. — *А.Л.*), обломки кольца (рис. 45: 10) и кости животных: 2 куса мяса — голень, пяточная кость, предплечье, ребро и астрагал овцы, все левые.

Курган 293 (1967, гр. 2) (рис. 46: 1–2). До раскопок на ровной поверхности проступали отдельные вертикально стоявшие плиты четырёхугольной ограды, 4,50 × 4,00 м, СВ — ЮЗ.

Могила (рис. 46: 2). Прямоугольный ящик, 340 × 120 × 80 см, ВСВ — ЗЮЗ, из шести плит. В заполнении могилы встречались обломки плит покрытия, человеческие кости. На дне лежала челюсть.

Курган 295 (1967, гр. 2) (рис. 46: 3–11). До раскопок на ровной поверхности прослеживались вер-

тикально стоявшие камни двойной ограды, ЮЗ — СВ. От западной ограды сохранились камни северо-восточной и северо-западной стен, размеры 5,00 × 4,00 м (мог. 1). Восточная ограда сохранилась хуже, её размеры точно не устанавливаются (мог. 2).

Могила 1 (рис. 46: 4). Трапециевидный ящик, 200 × 90 — 50 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой развал из обломков плит покрытия. В могиле в беспорядке кости скелета женщины 22–25 лет, на месте в первоначальном положении сохранилась правая голень и кости стопы, судя по которым погребённая первоначально была положена слабо скорчено на левом боку головой на СВ. В могиле остатки двух горшков (рис. 46: 6–7).

Могила 2 (рис. 46: 5). Прямоугольная циста, 200 × 85 × 40 см, ВСВ — ЗЮЗ, сложенная из обломков плит. Вокруг могилы развал из плитняка. Могила, по всей видимости, была сооружена на древней поверхности почвы. В могиле найдены отдельные кости скелета подростка 13 лет. На ключице и шейных позвонках следы окиси меди. Найдены обломки горшков (рис. 46: 8–10) и височное кольцо (рис. 46: 11).

Курган 313 (1967, гр. 2) (рис. 47: 1–6). До раскопок на поверхности прослеживалось незначительное возвышение, в основании которого хорошо были видны плиты четырёхугольной ограды, стоявшие вертикально. Размеры ограды 6,00 × 6,00 м, В — З. В центре ограды проступали плиты ящика.

Могила (рис. 47: 2). Трапециевидный ящик, 180 × 110 — 90 × 65 см, В — З, из вертикально стоявших плит. Покрытие не сохранилось. В могиле разрозненные кости скелета женщины 30–35 лет и кости коровы, а также обломки горшков (рис. 47: 3–6).

Курган 601 (1967, гр. 2). До раскопок на ровной поверхности хорошо прослеживались очертания ящика. Для упрощения работ был заложен раскоп несколько больше ящика, без поисков ограды.

Могила. Прямоугольный ящик, 200 × 75 × 70 см, В — З, из вертикальных плит. Могила пуста.

Курган 602 (1967, гр. 2) (рис. 47: 7–9). До раскопок на ровной поверхности чётко прослеживались стенки квадратной оградки из вертикально поставленных плит. Размеры 5,00 × 5,00 м, С — Ю.

Могила (рис. 47: 8). Трапециевидный ящик, 220 × 60 — 50 × 60 см, В — 3, из 4 плит. Над восточной частью могилы сохранились плиты покрытия. В заполнении встречены разрозненные кости скелета женщины 20–35 лет и мужчины 40–50 лет, а на дне горшок (рис. 47: 9).

Курган 603 (1967, гр. 2) (рис. 48: 1–3). До раскопок на ровной поверхности чётко прослеживались контуры квадратной оградки из вертикально поставленных плит, 4,50 × 4,50 м, С — Ю.

Могила (рис. 48: 2). Трапециевидный ящик, 130 × 75 — 65 × 55 см, В — 3, из 5 плит. В могиле найдены разрозненные кости человека и горшок (рис. 48: 3).

Курган 604 (1967, гр. 2) (рис. 48: 4–7). До раскопок на ровной поверхности чётко проступали контуры оградки из вертикально поставленных плит, 4,50 × 4,25 м, ВСВ — ЗЮЗ.

Могила (рис. 48: 5). Трапециевидный ящик, 145 × 65 — 45 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 4 плит. На дне могилы в беспорядке кости скелета мужчины 40–50 лет и обломки двух горшков (рис. 48: 6–7).

Курган 605 (1967, гр. 2) (рис. 48: 8–9). До раскопок на ровной поверхности чётко прослеживались очертания оградки и пристройки. Размеры оградки 3,80 × 3,80 м (мог. 2), СВ — ЮЗ. К её северо-западной стене сделана пристройка 2,30 × 2,00 м (мог. 1), СВ — ЮЗ.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 150 × 60 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 6 плит. Покрытие не сохранилось. Могила пуста.

Могила 2 (рис. 48: 9). Трапециевидный ящик, 165 × 60 — 40 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 6 плит. Покрытие не сохранилось. На дне в первоначальном положении нижняя половина скелета женщины (?) 35–40 лет, судя по которой погребённая была положена вдоль северо-западной стенки ящика вытянуто на спине, головой на ВСВ.

Курган 606 (1967, гр. 2) (рис. 49: 1–3). До раскопок на ровной поверхности прослеживались все четыре стороны оградки из вертикально поставленных плит, 3,50 × 2,75 м, ССЗ — ЮЮВ.

Могила. Прямоугольный ящик, 110 × 45 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 5 плит. Покрытие не сохранилось. В могиле кости ребёнка 6–10 лет и горшок (рис. 49: 3).

Курган 607 (1967, гр. 2) (рис. 49: 4). До раскопок на ровной поверхности были видны все стороны оградки из вертикально поставленных плит, 3,50 × 3,50 м, ССЗ — ЮЮВ.

Могила. Прямоугольный ящик, 175 × 75 × 75 см, ВСВ — ЗЮЗ. По краям сохранилась обкладка. В могиле кости подростка 7–12 лет.

Курган 609 (1967, гр. 2). До раскопок на ровной поверхности чётко прослеживалась оградка из вертикальных плит, 4,50 × 4,50 м, ССВ — ЮЮЗ. В центре был виден развал плит.

Могила. Прямоугольная разрушенная циста, 225 × 140 × 35 см, ВСВ — ЗЮЗ, от которой сохранился только развал стен. Могила пуста.

Курган 251 (1967, гр. 2) (рис. 49: 5–8). До раскопок на ровной поверхности почвы было заметно небольшое возвышение и вертикально стоявшие плиты системы из четырёх оград. Общая ориентировка ССЗ — ЮЮВ. Размеры центральной оградки 5,50 × 4,50 м (мог. 2), к ней с северо-запада пристроена оградка размером 3,50 × 2,50 м (мог. 1), с юго-востока вторая пристройка, 5,00 × 3,50 м (мог. 4), и с восточной стороны третья пристройка, 3,50 × 3,50 м (мог. 3).

Могила 1 (рис. 49: 6). Грунтовая яма, 150 × 70 (?) × 25 см, ВСВ — ЗЮЗ, вокруг могилы мелкие плитки. В могиле в первоначальном положении кости голени и стопы женщины 16–18 лет, судя по которым погребённая была положена на левом боку, головой на ВСВ. В могиле найдены аргиллитовые бусы (вероятно, они вошли в состав ожерелий на рис. 125: 1–5. — *А.Л.*).

Могила 2. Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, часть плит не сохранилась. Вокруг могилы большое количество плит и их мелких обломков. В заполнении могилы разрозненные кости взрослого человека и кости овцы, левые: пятчатая, астрагал, большая берцовая.

Могила 3 (рис. 49: 7). Грунтовая яма, 150 × 80 × 25 см, СВ — ЮЗ. Вокруг могилы сохранились плашмя положенные плиты. В ней кости подростка. В первоначальном положении лежали длинные кости ног, судя по которым погребённый был положен на левый бок, головой на СВ. В могиле найдена левая большая берцовая кость овцы.

Могила 4 (рис. 49: 8). Прямоугольный ящик, 200 × 75 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 7 вертикальных плит. В заполнении могилы обломки плит, разрозненные кости человека и кости овцы, левые: большая берцовая, 2 ребра. На дне в северо-западном углу лежал череп.

Курган 253 (1967, гр. 2) (рис. 50: 1). До раскопок на ровной поверхности было заметно возвышение и отдельные вертикальные плиты ограды размером 5,75 × 5,75 м, СВ — ЮЗ. В центре могила.

Могила. Прямоугольный каменный ящик, 200 × 100 × 45 см, СВ — ЮЗ, из массивных блоков. Могила пуста.

Курган 255 (1967, гр. 2) (рис. 50: 2–6). До раскопок на ровной поверхности было заметно небольшое возвышение и отдельные плиты круглой ограды диаметром 6,00 м. В центре две рядом расположенные могилы.

Могила 1 (рис. 50: 3). Прямоугольный ящик, 125 × 50 × 50 см, СВ — ЮЗ, из блоков рваного камня. Вокруг развал из камней. В заполнении разрозненные кости ребёнка 7 лет и кости барана, левые: пятчатая, астрагал, большая берцовая.

Могила 2 (рис. 50: 4). Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 50 см, СВ — ЮЗ, из блоков рваного камня. Вокруг развал из таких же камней. В могиле в первоначальном положении длинные кости ног, судя по которым погребённый лежал вдоль северо-западной стенки могилы вытянуто на спине, головой на СВ. В северо-восточном углу стоял горшок (в нашем распоряжении рисунок фрагмента ещё от одного сосуда. — А.Л.) (рис. 50: 5–6). В заполнении найдены кости овцы, левые: большая берцовая, лопатка, рёбра.

Курган 257 (1968, гр. 2) (рис. 50: 7–8). До раскопок на поверхности почвы прослеживались отдельные вертикальные камни ограды, но вся она обнаружена не была. На её территории была видна большая плита.

Могила (рис. 50: 8). Прямоугольный ящик, 170 × 50 × 60 см, ЮЗ — СВ, из вертикально поставленных плит, часть стен разрушена. Над северо-восточной частью могилы сохранилась сдвинутая плита покрытия. В могиле на дне, в северо-восточной части, в первоначальном положении лежали ступни, судя по которым погребённый первонач-

ально был положен головой на ЮЗ. В заполнении могилы кости скелета, обломки плит и верхняя часть плюсны коровы.

Курган 259 (1967, гр. 2) (рис. 51: 1). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные камни квадратной ограды 5,00 × 5,00 м, С — Ю, сооружённой из вертикально поставленных плит. В центре могила.

Могила. Трапециевидный ящик, 175 × 100 — 70 × 50 см, ССВ — ЮЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой сохранились обломки плит покрытия. Могила пуста.

Курган 315 (1967, гр. 2) (рис. 51: 2–3). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные камни, стоявшие вертикально. После снятия насыпи выявилась система из трёх пристроенных оград, вытянутая в общем направлении с В на З с незначительным отклонением к С. Ограда 1 (восточная) прямоугольной формы, 4,00 × 4,00 м (мог. 1), из вертикально поставленных плит, северная и южная стены сохранились плохо. Ограда 2 (промежуточная) четырёхугольной формы, из вертикально поставленных плит, 4,20 × 4,20 м (мог. 2), В — З. Ограда 3 (западная) четырёхугольной формы, из вертикально поставленных плит, 4,00 × 3,40 м (мог. 3), В — З.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 160 × 50 × 50 см, В — З, из 7 вертикально поставленных плит. Вокруг ящика разрозненные плиты покрытия. В могиле кости подростка и кости овцы. У южной стенки горшок (рис. 51: 3).

Могила 2. Прямоугольный ящик, 180 × 65 × 50 см, В — З, из 8 вертикально поставленных плит. Рядом с ящиком обломки плит покрытия. Могила пуста.

Могила 3. Прямоугольный ящик, 220 × 100 × 60 см, В — З, из вертикально поставленных плит. В могиле в разрозненном состоянии кости скелета мужчины 30–40 лет и кости овцы.

Группа 3

Расположена на юго-западной окраине могильника, к западу от группы 2 и к югу от андроновского могильника. Южнее её был тагарский могильник. С запада и юго-запада идёт неширокая полоса свободной от оград поверхности террасы. Курганы расположены скуденно, за исклю-

чением северной окраины, где раскопано всего 5 курганов: 84, 93, 95, 133, 134. В 1964 году раскопано 2 кургана (кург. 106 и 132), в 1965-м — 20 курганов, в 1967-м — 2 кургана (кург. 117, 118), в 1968-м — 8 курганов (кург. 78, 111, 112, 114, 127, 131, 137, 138). Всего видно около 50 оград, из них раскопанных 32 кургана. Здесь же три андроновских кургана.

Курган 84 (1965, гр. 3) (рис. 52: 1–2). До раскопок на поверхности прослеживалась небольшая припухлость высотой 5 см, в основании которой была видна четырёхугольная ограда, 6,50 × 7,00 м, из положенных плашмя широких плит, сохранившихся на высоту трёх рядов.

Могила (рис. 52: 2). Прямоугольный ящик, 170 × 65 × 70 см, ВЮВ — ЗСЗ, из вертикально поставленных плит. Могила перекрыта массивными плитами, одна из которых разбита грабителями. Погребение разрушено. На месте сохранился только таз и правое бедро, судя по которым погребённый здесь мужчина 35–40 лет первоначально был положен вдоль северной стенки несколько на левом боку, головой на ВЮВ. В заполнении найдены также кости барана. Вещей нет.

Курган 93 (1965, гр. 3) (рис. 52: 4). До раскопок на поверхности прослеживалась невысокая припухлость 20 см, в основании которой проступали камни круглой ограды, диаметром 7,50 м, из положенных плашмя плит, сохранившихся в два ряда. В центре были видны плиты ящика и покрытия.

Могила. Прямоугольный ящик, 175 × 60 × 40 см, В — З, из толстых плит, поставленных вертикально. Покрытие разбито и сброшено. Могила пуста.

Курган 95 (1965, гр. 3) (рис. 52: 3). До раскопок на поверхности была едва заметная возвышенность, в основании которой прослеживались вертикально стоящие плиты прямоугольной ограды, 4,50 × 3,50 м. На поверхности кургана видны стенки ящика и обломки плит покрытия.

Могила. Прямоугольный ящик, 210 × 80 × 40 см, В — З, из плит, поставленных вертикально, только западная половина северной стенки сложена из мелких плиток. Покрытие сброшено и разбито. Вокруг ящика развалившаяся кладка. Судя по конструкции и глубине могилы, она сооружена зимой. Могила пуста.

Курган 101 (1965, гр. 3) (рис. 52: 5–7). До раскопок на поверхности почвы прослеживалась едва заметная возвышенность, в основании которой была видна сложенная из плашмя положенных плит четырёхугольная ограда, 6,00 × 5,50 м, сохранившаяся в два ряда. В центре ограды торчали плиты.

Могила (рис. 52: 6). Трапециевидная циста, 190 × 70 — 40 × 40 см, СВ — ЮЗ, сложенная из плашмя положенных плит, сохранившихся в 5 рядов. Западная стенка могилы из вертикальной плиты. Покрытие разбито и сброшено. Вокруг могилы развал кладки. В могиле разрушенное погребение, на месте таз, бедро и голень, судя по которым погребённый первоначально лежал головой на СВ. Найдено два бронзовых кольца (рис. 52: 7–8).

Курган 106 (1964, гр. 3) (рис. 53: 1–4). До раскопок на поверхности проступали концы плит ограды. Заложенный раскоп выявил тройную ограду, размерами 10,50 × 5,00 м, В — З. Основной, видимо, является центральная ограда (мог. 2), с запада (мог. 3) и востока (мог. 1) от неё находились пристройки.

Могила 1 (рис. 53: 2). Прямоугольный ящик, 80 × 40 × 45 см, З — В, из вертикально поставленных плит. Плиты имеют наклон наружу. Над южной частью сохранились обломки плит покрытия. На дне у северной стенки кости ног и таза скелета ребёнка 4–5 лет, по которым можно судить, что погребённый первоначально был положен на левом боку, слегка скорчено, головой на В.

Могила 2 (рис. 53: 3). Трапециевидный ящик, 170 × 70 — 50 × 60 см, В — З, из вертикально поставленных плит, имеющих наклон наружу. Над юго-восточным углом остатки плиты покрытия. На дне у западной стенки отдельные кости скелета мужчины 30–50 лет и барана; у южной стенки, ближе к восточной, горшок.

Могила 3 (рис. 53: 4). Трапециевидный ящик, 140 × 60 — 40 × 60 см, В — З, из вертикально врытых плит, над восточной частью обломки плит покрытия. В могиле у северной стены бедра, часть таза, часть позвоночника и несколько рёбер скелета мальчика 12–14 лет, по которым можно судить, что погребённый был положен на левом боку, головой на В. Перед грудью, ближе к южной стенке горшок.

Курган 109 (1965, гр. 3) (рис. 53: 5–7). До раскопок на поверхности прослеживалась невысокая

возвышенность 20 см высотой. В основании её были видны плиты ограды, сложенной из положенных плашмя широких обломков плит, сохранившихся на высоту в 2 ряда. Диаметр ограды 6 метров. На поверхности кургана выступали крупные плиты покрытия.

Могила (рис. 53: 6). Прямоугольный ящик, 190 × 75 × 65 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных толстых плит. В северо-восточной части и вдоль западной стены лежали плиты покрытия размерами: 180 × 100, 140 × 70, 130 × 60. В могиле полный скелет мужчины 50–60 лет, на левом боку, чуть скорчено, головой на СВ. В заполнении могилы кости барана, у левого локтя горшок (рис. 53: 7).

Курган 127 (1968, гр. 3) (рис. 53: 8–11). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные вертикально стоящие камни прямоугольной ограды, примерно 6,00 × 6,00 м. К восточной стене её сделана пристройка, в которой находилась могила 2.

Могила 1 (рис. 53: 9). Прямоугольный ящик, 170 × 80 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой разбитая плита покрытия. На дне могилы голень в непотревоженном состоянии, судя по которой погребённая женщина 20–30 лет лежала несколько на левом боку, головой на ВСВ. В южном углу могилы кости овцы, три куса мяса: левые лопатка, голень, бедро, астрагал. У северной стенки раздавленный тагарский горшок (рис. 53: 11).

Могила 2 (рис. 53: 10). Разрушенный каменный ящик, примерно 140 × 65 × 40 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. На дне могилы ноги скелета ребёнка или подростка, судя по которым погребённый был положен несколько на левом боку, со слабо согнутыми ногами, головой на ВСВ. В заполнении могилы кости животных и черепки.

Курган 131 (1968, гр. 3) (рис. 54: 1–5). До раскопок на невысоком возвышении прослеживалась круглая ограда из плашмя положенных плит диаметром 7,60 м, в центре которой находилась могила. К юго-западной части этой ограды сделана пристройка из вертикально поставленных плит, 4,20 × 3,00 м (мог. 2).

Могила 1 (рис. 54: 2). Трапециевидный ящик, 230 × 115 — 70 × 70 см, СВ — ЮЗ, из шести вертикально поставленных плит. Над могилой и рядом

с ней разбитые плиты покрытия. В могиле на дне разрушенный скелет взрослого: ноги и часть грудной клетки, судя по которым первоначально он лежал несколько скорчено на левом боку, головой на СВ. У юго-восточной стены находились обломки горшков (рис. 54: 4–5). В заполнении кости двух овец — два куса мяса: лопатка, астрагалы и пяточная кость.

Могила 2 (рис. 54: 3). Прямоугольный каменный ящик, 125 × 60 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Вокруг ящика разбитые плиты покрытия. Могила пуста.

Курган 132 (1964, гр. 3) (рис. 54: 6–7). До раскопок на ровной поверхности проступали отдельные плиты ограды. Раскопом выявлена ограда 4,20 × 4,10 м, В — З, из вертикально врытых плит, имеющих наклон наружу.

Могила (рис. 54: 7). Трапециевидный ящик, 150 × 65 — 40 × 60 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Над западной частью сохранились две плиты покрытия. Вокруг могилы с наклоном к ней расположены небольшие плиты, которые указывают, что поверх плит перекрытия была сделана выкладка из плитняка, в дальнейшем развалившаяся. На уровне земли по краю ящика выложены плиты. В могиле в беспорядке кости скелета взрослого, у западной стенки обломки горшка.

Курган 132а (1965, гр. 3) (рис. 54: 8). На поверхности прослеживалась четырёхугольная ограда, 7,00 × 5,00 м, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. В центре ограды были видны крупные плиты. В восточной части кургана обнаружена могила, прикрытая плитой 120 × 60 см.

Могила. Прямоугольный ящик, 200 × 80 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над северо-восточной частью ящика плита перекрытия. На дне на месте голени взрослой женщины, судя по которым погребённая первоначально лежала вытянуто на спине, головой на СВ. Вещей нет.

Курган 133 (1965, гр. 3) (рис. 55: 1). До раскопок прослеживалась четырёхугольная ограда из вертикально поставленных плит, 6,00 × 6,00 м. В центре ограды видны края ящика и развал камней.

Могила. Трапециевидный ящик, 180 × 80 — 60 × 35 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. На дне в полном

беспорядке отдельные кости скелета женщины 30–40 лет.

Курган 134 (1965, гр. 3) (рис. 55: 2). До раскопок на поверхности на едва заметной припухлости почвы просматривались камни четырёхугольной ограды, 5,00 × 4,50 м, ЮВ — СЗ, из вертикально поставленных плит. В ограде оказалось две могилы.

Могила 1. Полностью разрушенный ящик глубиной 20 см. Современное состояние объясняется тем, что он был сооружён зимой на поверхности. Отсюда происходят кости скелета женщины 35–40 лет.

Могила 2. Разрушенный ящик, 60 × 50 × 40 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. От покрытия вокруг могилы лежали обломки плит. В могиле на дне разрозненные кости скелета подростка 14 лет.

Курган 135 (1963, гр. 3) (рис. 55: 3–4). До раскопок на поверхности выступали камни, образовавшие четырёхугольную ограду 4,60 × 4,30 м, З — В. После зачистки выявилась четырёхугольная ограда из вертикально поставленных плит, отклонившихся наружу, а в центре её лежащие горизонтально плиты покрытия могилы.

Могила (рис. 55: 4). Трапециевидный ящик, 170 × 70 — 55 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из поставленных на ребро плит. Над восточной частью могилы сохранилась плита покрытия 180 × 100 см. В могиле кости скелета в беспорядке. Судя по форме ящика, погребённый был положен головой на ВСВ. В заполнении могилы найдены каменные белые бусы (вероятно, они вошли в состав ожерелий на рис. 125: 1–5. — *А.П.*), лапчатая бронзовая привеска (вероятно, одна из изображённых на рис. 125: 43–45. — *А.П.*) и фрагмент горшка.

Курган 136 (1965, гр. 3) (рис. 55: 5–6). До раскопок на поверхности прослеживалась ограда из вертикально поставленных плит четырёхугольной формы, 5,50 × 4,50 м, С — Ю. В центре по всей площади кургана были видны плиты.

Могила. Разрушенный ящик, 180 × 80 × 55 см, В — З, из вертикально поставленных плит. В могиле отдельные кости скелета взрослой женщины и фрагменты керамики (рис. 55: 6).

Курган 137 (1968, гр. 3) (рис. 55: 7, 8). До раскопок на ровной поверхности прослеживались от-

дельные вертикально стоящие камни ограды 5,00 × 4,80 м, В — З, в центре ограды могила.

Могила (рис. 55: 8). Трапециевидный ящик, 140 × 70 — 45 × 70 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Над восточной частью могилы сохранились разбитые плиты перекрытия. В заполнении могилы разрозненные кости человека и животного.

Курган 78 (1965, гр. 3) (рис. 56: 1–2). До раскопок на поверхности видна округлая возвышенность диаметром 9 м и высотой до 40 см, в основании которой прослеживалась круглая ограда из вертикально поставленных плит, которые в отдельных местах упали. В центре кургана были видны также плиты покрытия.

Могила. Прямоугольный ящик, 220 × 90 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. В основании плит имеются сделанные из мелких плит подпорки. Могила сооружена фактически на поверхности древней почвы и является зимней. В могиле отдельные кости скелета мужчины старше 40 лет и половина горшка (рис. 56: 2).

Курган 138 (1968, гр. 3) (рис. 56: 5–9). До раскопок на ровной поверхности были видны отдельные вертикально стоящие камни ограды 6,00 × 6,00 м (мог. 1), С — Ю, к которой с восточной стороны была пристроена вторая оградка, 3,20 × 2,30 м (мог. 2), С — Ю.

Могила 1 (рис. 56: 6). Трапециевидный ящик, 190 × 90 — 60 × 40 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой разбитые плиты перекрытия. В могиле разрозненные кости скелета женщины 17–18 лет и левая лопатка овцы. В заполнении несколько обломков горшка (рис. 56: 7).

Могила 2 (рис. 56: 8). Разрушенный ящик, 75 × 65 × 30 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. У восточно-северо-восточной стены горшок (рис. 56: 9). В заполнении встречено левое ребро овцы.

Курган 78а (1968, гр. 3) (рис. 57). До раскопок на поверхности прослеживалось небольшое возвышение в 25 см, в основании которого была видна круглая ограда из плашмя положенных плит диаметром 10 м. Заложенным в центре ограды раскопом выявлено две могилы. Могила 1 почти в центре, а могила 2 несколько смещена к юго-востоку.

Могила 1 (рис. 57: 2). Прямоугольный ящик, 190 × 75 × 85 см, СВ — ЮЗ, из шести вертикально

поставленных плит. Над концами ящика сохранились части плит покрытия. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 40–50 лет, кости овцы: левая лопатка и два правых ребра, 2 куса мяса, кость предплюсны, обломки керамики (рис. 57: 4–5) и золотое височное кольцо (вероятно, одно из неаннотированных на рис. 127. — *А.П.*).

Могила 2 (рис. 57: 3). Прямоугольный ящик, 165 × 70 × 85 см, СВ — ЮЗ, из шести вертикально поставленных плит. Над концами могилы сохранились обломки плит покрытия. В могиле кости скелета мужчины 40–50 лет в беспорядке. На месте сохранились часть голени и кости стопы, судя по которым первоначально погребённый был положен в положении вытянуто на спине головой на СВ. Среди костей человека найдены кости овцы: правая лопатка, левая голень, 2 левых ребра — 3 куса мяса. В западном углу стоял горшок (рис. 57: 6).

Курган 110 (1965, гр. 3) (рис. 58: 1–5). До раскопок на поверхности прослеживалась едва заметная припухлость, вокруг которой были видны стоящие вертикально плиты прямоугольной ограды размером 6,00 × 5,00 м. В центре кургана торчали плиты.

Могила (рис. 58: 2). Трапециевидный ящик, 200 × 75 — 55 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Вокруг ящика разбросаны плиты покрытия, но две из них лежали на могиле. В могиле почти полный скелет мужчины 25–40 лет, скорчено на левом боку, головой на СВ. Напротив плеча кости барана, под ними бронзовые нож (рис. 58: 5) и шило (рис. 58: 3), рядом горшок (рис. 58: 4).

Курган 111 (1968, гр. 3) (рис. 56: 3–4). До раскопок на ровной поверхности прослеживались вертикальные плиты прямоугольной ограды 3,80 × 3,60 м, СВ — ЮЗ.

Могила (рис. 56: 4). Трапециевидный ящик, 155 × 70 — 45 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из шести вертикально поставленных плит. В могиле разрушенное погребение взрослого. На месте только голени, судя по которым первоначально погребённый был положен несколько на левом боку, головой на ВСВ. Вещей и посуды в могиле нет.

Курган 112 (1968, гр. 3) (рис. 58: 6–11). До раскопок на незначительном всхолмлении была видна круглая ограда диаметром 6,20 м, из плашмя положенных плит. В центре её могила 1, к южной части

ограды пристроены две прямоугольные ограды: западная 4,20 × 4,00 м (мог. 3), восточная 4,00 × 2,60 м (мог. 2).

Могила 1 (рис. 58: 7). Прямоугольный ящик, 220 × 75 × 60 см, В — З, из шести вертикально поставленных плит, над западной частью обломки плит покрытия. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 30–40 лет и обломки горшка (рис. 58: 11).

Могила 2 (рис. 58: 8). Трапециевидный ящик, 140 × 50 — 35 × 50 см, СВ — ЮЗ, из шести вертикально поставленных плит. Над могилой встречались отдельные обломки плит покрытия. В могиле разрозненные кости скелета человека и левая лопатка овцы.

Могила 3 (рис. 58: 9). Прямоугольная комбинированная, 170 × 90 × 40 см, В — З, верхние части плит развалены. Могила едва углублена в почву. В могиле разрозненные кости скелета взрослого человека, левая и правая лопатки овцы, 2 куса мяса и обломки орнаментированного горшка (рис. 58: 10).

Курган 113 (1965, гр. 3) (рис. 59: 1–4). До раскопок на поверхности были видны стоящие вертикально плиты четырёхугольной ограды размером 5,00 × 5,00 м.

Могила (рис. 59: 2). Прямоугольный ящик, 190 × 45 × 75 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились обломки плит над его северо-восточной частью. Могила ограблена, все кости скелета женщины 25–45 лет в беспорядке, среди костей найдены черепки (рис. 59: 4). В заполнении бронзовое кольцо (рис. 59: 3).

Курган 114 (1968, гр. 3) (рис. 59: 5–9). До раскопок на поверхности можно было видеть отдельные камни четырёхугольной ограды из вертикально поставленных плит 4,40 × 4,40 м (мог. 1), В — З. К южной стенке в восточной её части сделана пристройка 2,60 × 1,60 м (мог. 2), В — З.

Могила 1 (рис. 59: 6). Прямоугольная циста, 170 × 70 × 30 см, В — З, из плашмя положенных плит, верхняя часть которых развалилась наружу. Могила сооружена на древней поверхности почвы. В могиле разрозненные кости скелета женщины 20–30 лет и два обломка горшка (рис. 59: 7).

Могила 2 (рис. 59: 8). Трапециевидный ящик, 115 × 35 — 20 × 50 см, В — З, из вертикально поставленных плит. На дне могилы в первоначальном положении кости ног подростка 12–15 лет,

судя по которым он был положен в могилу с несколько согнутыми ногами, на левом боку, головой на В. В заполнении обломки сосуда (рис. 59: 9) и кости овцы — два куска мяса: правые лопатка, голень и пяточная кость.

Курган 115 (1965, гр. 3) (рис. 59: 10–12). До раскопок на поверхности было видно возвышение, в основании которого прослеживались торчащие вертикально плиты прямоугольной ограды 4,00 × 4,00 м (мог. 1). В восточной части ограды видна пристройка, также из вертикальных плит прямоугольной формы, размером 4,00 × 3,00 м (мог. 2).

Могила 1. Трапециевидный ящик, 190 × 65 — 60 × 55 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Вокруг ящика на уровне верхних концов стен горизонтально положены плиты. Покрытие не сохранилось. В заполнении ящика разрушенное погребение мужчины 35–45 лет. В заполнении черепки от сосуда (рис. 59: 12).

Могила 2 (рис. 59: 11). Трапециевидный ящик, 170 × 60 — 70 × 65 см, В — З, из вертикально поставленных плит, покрытие не сохранилось. На дне разрушенный скелет женщины 25–30 лет, на месте таз и ноги, судя по которым погребённая первоначально была положена чуть скорчено на левом боку, головой на СВ. Вещей нет.

Курган 116 (1965, гр. 3) (рис. 60: 1). До раскопок на поверхности прослеживалась едва заметная возвышенность, в основании которой можно было видеть стоящие вертикально плиты прямоугольной ограды 5,00 × 5,00 м, С — Ю. В центре ограды также торчали плиты.

Могила. Прямоугольный ящик, 190 × 65 × 30 см, В — З, из вертикально поставленных толстых плит. Вокруг ящика развал каменной кладки. Покрытие не сохранилось. Судя по конструкции и глубине могилы, она сооружена зимой. В могиле разрозненные кости скелета. Вещей нет.

Курган 117 (1967, гр. 3) (рис. 60: 2). До раскопок на поверхности были видны отдельные вертикальные плиты ограды и развал плит внутри. Размер ограды 9,00 × 5,75 м, ССЗ — ЮЮВ. Вскрыта большая часть ограды, то есть весь развал внутри неё.

Могила 1. Названа условно, так как под массивной плитой, лежащей в северной части ограды, ничего не обнаружено, несмотря на то, что вокруг этой

плиты прослеживался развал плит, образовывавший в древности, вероятно, какое-то сооружение.

Могила 2. Грунтовая яма, 120 × ?? × 70 см. Восточную торцевую часть ямы ограничивал массивный блок девонского песчаника. Вокруг могилы развал мелких плиток от перекрытия. В могиле обнаружены разрозненные кости взрослого человека, левая лопатка и левая большая берцовая кость овцы.

Курган 118 (1967, гр. 3) (рис. 60: 3). До раскопок на ровной поверхности чётко прослеживались вертикальные плиты системы из трёх оградок. Общая ориентировка В — З. Размеры: восточной — 3,00 × 2,60 м (мог. 1), центральной — 4,50 × 5,50 м (мог. 2), западной — 4,00 × 4,00 м (мог. 3).

Могила 1. Трапециевидный ящик, 150 × 100 — 75 × 50 см, В — З. Над могилой в восточной части сохранились плиты перекрытия. В могиле обломки горшка (рис. 60: 4).

Могила 2. Прямоугольный ящик, 160 × 100 × 55 см, В — З, сохранились все стенки ящика, кроме южной. Над восточной частью могилы остатки массивной плиты. В заполнении найдены обломки плиток, разрозненные кости скелета мужчины 30–40 лет и овцы.

Могила 3. Прямоугольный ящик, 125 × 55 × 40 см, В — З, из массивных блоков девонского песчаника. Не сохранилась западная стенка ящика. Вокруг могилы развал плит перекрытия. В могиле найдены черепки и разрозненные кости скелета подростка 13–14 лет.

Курган 119 (1965, гр. 3) (рис. 61: 1–5). До раскопок на поверхности прослеживалась едва заметная возвышенность, в основании которой были видны стоящие вертикально плиты прямоугольной ограды 5,00 × 5,00 м (мог. 1). С южной стороны к ней примыкала сооружённая из вертикальных плит пристройка прямоугольной формы, 1,50 × 1,50 м (мог. 2 и 3).

Могила 1 (рис. 61: 2). Прямоугольный ящик, 185 × 60 × 55 см, В — З, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились отдельные плиты над восточной частью могилы. На дне нарушенный скелет мужчины 20–35 лет, слабо скорченный на левом боку, головой на В. Перед лицом стояло два горшка (рис. 61: 4–5).

Могила 2 (рис. 61: 3). Прямоугольный ящик, 60 × 30 × 30 см, В — З, из вертикально поставленных

плит. Покрытие не сохранилось. В могиле обломок таза ребёнка.

Мои́ла 3. Полностью разрушенный ящик.

Курган 120 (1965, гр. 3) (рис. 62). На поверхности были видны камни четырёхугольной ограды размером 6,00 × 5,00 м, В — 3. Северная и южная стенки сооружены из вертикальных плит, а западная и восточная из положенных плашмя. В центре ограды проступали камни.

Мои́ла (рис. 62: 2). Трапециевидный ящик, 200 × 95 — 75 × 45 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле отдельные кости скелета и черепки от 5 горшков (рис. 62: 3–7).

Курган 122 (1965, гр. 3) (рис. 61: 6–8). До раскопок на поверхности была заметна небольшая возвышенность, в основании которой прослеживалась четырёхугольная ограда, 6,00 × 5,00 м, из вертикально поставленных плит. В центре ограды проступали камни.

Мои́ла (рис. 61: 7). Прямоугольный ящик, 220 × 80 × 40 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Вокруг ящика развал кладки. Покрытие не сохранилось. В могиле разрозненные кости скелета женщины 25–35 лет и горшок с белой инкрустацией (рис. 61: 8).

Курган 139 (1965, гр. 3) (рис. 61: 9–11). До раскопок на поверхности прослеживались торчащие вертикально плиты от прямоугольной ограды 5,00 × 4,00 м, С — Ю. В центре кургана были видны крупные плиты покрытия.

Мои́ла (рис. 61: 10). Трапециевидный ящик, 230 × 100 — 65 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикальных плит. Покрытие сброшено и разбито, сохранилась плита только над юго-западной частью. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 30–40 лет. На первоначальном месте лежали: правая часть таза, несколько позвонков и рёбер, судя по которым погребённый был положен вдоль северной стенки, головой на В. В могиле найдены кости барана и горшок (рис. 61: 11).

Группа 4

Расположена в западно-юго-западной части могильника, к югу от самого крупного кургана андроновской культуры (Сухое Озеро I, кург. 2Б). Ограни-

чена андроновскими курганами с севера и востока, а также свободной от оград полосой от группы 3. С юга находится тагарский могильник, а с юго-запада широкая, свободная от карасукских оград полоса, идущая до полевой дороги. Только западная граница остаётся неясной. Преобладают четырёхугольные ограды, но есть и круглые карасукские. Зафиксировано около 80 курганов, среди которых раскопано 62. По годам раскопаны: в 1963 году — 10 курганов (12, 21, 43, 46, 52, 56–59, 88), в 1964-м — два кургана (147, 155), в 1965 году — 16 курганов (61, 64, 68, 81, 82, 85, 89, 90, 141, 144, 145, 146, 147, 149, 150, 159), в 1966 году — 18 курганов (13, 39, 40–42, 45, 51, 53–55, 67, 70–73, 79, 444, 454), в 1967 году — 8 курганов (19, 142, 154, 158, 160, 161, 163, 426), в 1968 году — 8 курганов (47, 60, 66, 164, 165, 620, 621, 622).

Курган 13 (1966, гр. 4) (рис. 63: 1–6). До раскопок на поверхности заметна небольшая возвышенность, в основании которой прослеживалась ограда прямоугольной формы, 6 × 3 м, из вертикально поставленных плит, а к северо-востоку от неё отдельные плиты закруглённой пристройки. В центре основной ограды торчали стенки двух ящиков (мог. 1 и 3); чтобы найти ящик в пристройке, последняя раскапывалась целиком (мог. 2).

Мои́ла 1 (рис. 63: 2). Прямоугольная циста, 150 × 75 × 35 см, СВ — ЮЗ, стенки которой сложены из 1–2 рядов толстых плит. Покрытие не сохранилось. В могиле разрозненные кости женщины 20–30 лет. На дне обломок бронзового ножа (рис. 63: 4).

Мои́ла 2 (рис. 63: 3). Прямоугольный ящик, 100 × 65 × 55 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. Могила пуста.

Мои́ла 3 (рис. 63: 5). Прямоугольный ящик, 175 × 70 × 30 см. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета подростка 12–14 лет. Помимо человеческих костей найдены лопатка и берцовая кость барана, обломки сосудов (рис. 63: 6).

Курган 19 (1967, гр. 4) (рис. 63: 7). До раскопок на поверхности почвы было заметно небольшое возвышение и отдельные плиты системы оград. Общее направление оградок ВСВ — ЗЮЗ. Оградки сооружены из вертикально поставленных плит. Размеры северной ограды 2,25 × 3,50 м (мог. 1), центральной 4,50 × 3,75 м (мог. 2), восточной 3,50 × 3,50 м (мог. 3).

Могила 1. Прямоугольный ящик, 150 × 70 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 6 вертикально поставленных плит. Над восточной частью могилы сохранилась плита перекрытия. В заполнении остатки бронзового височного кольца.

Могила 2. Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 75 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 6 вертикально поставленных плит. До раскопок на поверхности земли был виден край массивной плиты перекрытия, сползшей в могилу. Вокруг могилы разбросаны плиты перекрытия. Ящик сильно разрушен. В могиле ничего не оказалось.

Могила 3. Грунтовая яма, 200 × 75 × 30 см, ВСВ — ЗЮЗ. Над могилой в древности было сооружено перекрытие, от которого сохранился по краям могильной ямы развал плит. Могила пуста.

Курган 21 (1963, гр. 4) (рис. 63: 8–10). До раскопок на поверхности почвы были видны плиты, положенные плашмя, образовавшие четырёхугольник размером 6,20 × 4,80 м, СЗ — ЮВ. В его центре выступали плиты. После зачистки выяснилось, что от ограды сохранился всего один ряд плит. В ограде одна могила.

Могила (рис. 63: 10). Трапециевидный, расширяющийся кверху, ящик, 175 × 70 — 40 × 55 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над концами могилы остатки плит перекрытия. В юго-западном конце ящика голени и левое бедро скелета, судя по которым погребённый лежал на спине головой на СВ. В восточном углу горшок (рис. 63: 9).

Курган 39 (1966, гр. 4) (рис. 64: 1–3). До раскопок на поверхности заметна возвышенность, окружённая оградкой, диаметром 11 м, сложенной из 6 рядов плит. В центре кургана заложен раскоп.

Могила (рис. 64: 2). Прямоугольный ящик, 230 × 120 × 75 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрыт массивными плитами, над серединой могилы покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 50–70 лет. В ЮЗ углу круглодонный горшок с геометрическим орнаментом (рис. 64: 3). Среди костей человека лопатка и берцовая кость барана.

Курган 40 (1966, гр. 4) (рис. 65: 1–3). До раскопок на поверхности земли заметна небольшая возвышенность и местами выступающие стенки ограды. После снятия насыпи выявилась система

пристроенных друг к другу оград. Основная ограда 4,00 × 4,00 м (мог. 3), из вертикально поставленных плит. К её северной стенке примыкают последовательно две пристройки, 4,00 × 2,80 м (мог. 2) и 3,40 × 2,40 м (мог. 1), той же конструкции. К восточной стороне ограды примыкает пристройка 3,80 × 2,60 м (мог. 4), сложенная из 1–2 рядов положенных плашмя плит. В кургане 4 могилы.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 130 × 70 × 50 см, В — З, из вертикально поставленных плит, плохой сохранности. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости ребёнка, примерно двух лет, и два черепка сосуда без орнамента.

Могила 2 (рис. 65: 2). Прямоугольный ящик, 190 × 70 × 50 см, В — З, из вертикально поставленных плит плохой сохранности. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости женщины зрелого возраста и кости барана. При снятии костей обнаружено бронзовое шило (рис. 65: 4). В заполнении могилы черепки сосуда с геометрическим орнаментом (рис. 65: 3).

Могила 3. Прямоугольная циста, 160 × 80 × 25 см, В — З, из двух рядов плит, положенных плашмя. Вокруг могилы кольцевой развал шириной 1,5–2 м от разрушенного надмогильного сооружения. Могила пуста.

Могила 4. Прямоугольный ящик, 160 × 70 × 50 см, ССВ — ЮЮЗ. Одна поперечная стенка сложена из трёх рядов плит, положенных плашмя. Остальные стенки из вертикально поставленных плит. Вокруг могилы кольцевой развал от разрушенного надмогильного сооружения. Могила зимняя. В могиле разрозненные кости подростка. Вещей нет.

Курган 41 (1966, гр. 4) (рис. 65: 5–7). До раскопок на поверхности земли видна небольшая возвышенность, в основании которой прослеживалась ограда прямоугольной формы, вытянутая с СВ на ЮЗ. С западной стороны кургана видно скопление плит над могилой. После снятия насыпи оказалось, что основная ограда, 5,40 × 6,40 м (мог. 2), сооружена из вертикально поставленных плит. К её восточной стенке примыкали две четырёхугольные пристройки, 3,20 × 3,80 м (мог. 1), 3,30 × 3,40 м (мог. 3), а к северной — 1,50 × 0,90 м той же конструкции. Третья пристройка пустая.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 180 × 90 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости подростка 12–13 лет со следами окиси бронзы. Сре-

ди человеческих костей кости барана: лопатка, большая берцовая, рёбра. Вещей нет.

Могила 2 (рис. 65: 6). Прямоугольная циста, 200 × 70 × 32 см, СВ — ЮЗ, из трёх рядов плит, положенных плашмя. Вокруг могилы кольцевой развал шириной до 1,5 м от разрушенного надмогильного сооружения. Могила зимняя. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 20–30 лет. На месте пять нижних позвонков и три нижних правых ребра. Судя по ним, погребённый лежал чуть повернуто на левый бок, головой на СВ. Вещей нет.

Могила 3 (рис. 65: 7). Трапециевидный ящик, 180 × 90 — 50 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета женщины 25–35 лет. Вещей нет.

Курган 42 (1966, гр. 4) (рис. 64: 4–7). До раскопок на поверхности земли заметна небольшая возвышенность и прямоугольная ограда из вертикальных, местами расслоившихся плит. В центре кургана видно скопление плит развала надмогильного сооружения. После снятия насыпи оказалось, что ограда, 5,20 × 4,20 м (мог. 3), СВ — ЮЗ, имела две пристройки с северной стороны, 2,60 × 2,40 м (мог. 1), и с восточной, 3,00 × 2,50 м (мог. 2), той же конструкции. Всего в кургане 3 могилы.

Могила 1 (рис. 64: 5). Трапециевидный ящик, 140 × 80 — 50 × 75 см, ВСВ — ЗЮЗ, из поставленных вертикально плит. Сохранность плохая. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета ребёнка 3–4 лет. Вещей нет.

Могила 2 (рис. 64: 6). Прямоугольный ящик, 160 × 60 × 58 см, из вертикальных плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета ребёнка 7–8 лет. В заполнении могилы черепки сосуда.

Могила 3 (рис. 64: 7). Прямоугольная циста, 190 × 90 × 60 см, В — З. Поперечные стенки из плит, поставленных на ребро, продольные же из плит, положенных плашмя в один ряд. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 40–45 лет. Вещей нет.

Курган 43 (1963, гр. 4) (рис. 66: 1–4). До раскопок на поверхности почвы были видны вертикально стоящие плиты, образывавшие двойную ограду. После зачистки выяснилось, что плиты стен ограды отклонены наружу, что позволило установить порядок сооружения. Северная ограда «Б» пристроена к более ранней южной «А».

Ограда «Б» — 3,10 × 4,40 м, ЮЗ — СВ, у южной стенки навал из мелких плит, как выяснилось, над могилой 1.

Ограда «А» — 4,60 × 4,60 м, СЗ — ЮВ. В середине оградки лежали плиты — остатки покрытия могилы 2. Внутри ограды выброс из могилы.

Могила 1 (рис. 66: 2). Прямоугольная циста, 140 × 80 × 25 см, ВСВ — ЗЮЗ, из горизонтально положенных плит, сохранившихся в один ряд. Южной стенкой служила промежуточная стена ограды. Могила сооружена на древней поверхности почвы. В центре могилы в беспорядке груды костей скелета. Ничего не найдено.

Могила 2 (рис. 66: 3). Прямоугольный ящик, расширяющийся кверху, 160 × 60 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ. По краям обломки плит от перекрытия. В могиле у северной стенки кости скелета мужчины 30–40 лет. На месте череп, часть груди, плечо, одна голень и стопа, судя по которым погребённый был положен на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на ВСВ. В заполнении могилы обломки горшка, под черепом обломки височного кольца (рис. 66: 4). В заполнении кости барана.

Курган 45 (1966, гр. 4) (рис. 67: 1–10). До раскопок на поверхности земли видна небольшая возвышенность, в основании которой прослеживалась круглая ограда диаметром 6 м (мог. 2) и две овальные пристройки с северо-запада 6,50 × 4,00 м (мог. 1) и юго-востока 3,30 × 3,60 м (мог. 4). В их центрах было видно скопление плит над могилой. После снятия насыпи оказалось, что все три ограды сохранились на высоту 1–3 рядов плит, а помимо круглых пристроек у основной ограды с юго-восточной стороны есть квадратная пристройка «углом», 2,40 × 2,40 м (мог. 3), из вертикально поставленных плит.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 160 × 80 × 50 см, СВ — ЮЗ, из поставленных вертикально плит. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета женщины и черепки горшков (вероятно, одного. — А. П.) (рис. 67: 3–4).

Могила 2. Прямоугольный ящик, 190 × 80 × 60 см, В — З, из поставленных вертикально плит. Внешние края ящика обложены длинными плитами, положенными в один ряд. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета мужчины. В насыпи могилы встречены черепки от двух разных горшков с геометрическим орнаментом (воз-

можно, рис. 67: 5–6 — это фрагменты одного сосуда. — А.П.) (рис. 67: 5–7).

Могила 3. Прямоугольный ящик, 100 × 40 × 35 см, ЗСЗ — ВЮВ, из поставленных вертикально плит. Покрытия нет. В могиле несколько косточек ребёнка и два бронзовых проволочных кольца (рис. 67: 8–9).

Могила 4 (рис. 67: 2). Прямоугольный ящик, 100 × 80 × 50 см, В — З, из поставленных вертикально плит. Внешние края обложены плитами, положенными плашмя. Покрытие нарушено. В могиле разрозненный скелет ребёнка. На месте — правое бедро и голени. Судя по положению костей, скелет первоначально лежал вдоль северной стенки ящика, вытянуто, головой на В. У южной стенки ящика напротив колен погребённого стоял круглодонный горшок с геометрическим орнаментом (рис. 67: 10).

Курган 51 (1966, гр. 4) (рис. 67: 11–13). До раскопок на поверхности были заметны отдельные камни. После снятия земли выяснилась круглая ограда диаметром 7,50 м из плит, положенных плашмя. Сохранившаяся ширина ограды 0,6 м, высота 0,4 м.

Могила (рис. 67: 12). Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 85 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Снаружи стенки обложены положенными плашмя плитами. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 20–30 лет и раздавленный сосуд (рис. 67: 13). Из костей животных найдены лопатка и малая берцовая кость барана. В засыпи могилы обломки бронзовых пронизок и колечка.

Курган 46 (1963, гр. 4) (рис. 66: 5–6). До раскопок относительно невысокий (до 30 см) холм диаметром 15 м, в основании которого прослеживалось кольцо из положенных плашмя плит, а в центре выступали камни. После снятия земли выявилась ограда диаметром 14 м, в центре разрушенное могильное сооружение, окружённое со всех сторон разваленными плитами.

Могила (рис. 66: 6). Прямоугольная циста, 200 × 100 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, сложена из горизонтально положенных камней, сохранившихся на месте в 6 рядов. Южная стена разрушена. Судя по глубине, могила зимняя, сооружена почти на поверхности древней почвы. Все кости скелета в беспорядке в заполнении могилы. Там же обломки горшка.

Курган 47 (1968, гр. 4) (рис. 68). До раскопок на поверхности почвы был виден округлый холм с проступающими плитами могилы и ограды. Курган представлял собой систему из трёх оградок. Основная ограда южная четырёхугольная из вертикально поставленных плит, от неё сохранился юго-восточный угол и часть северной стены. Длина ограды с С на Ю 7,60 м. В основной ограде могила 1. К восточной стене у юго-восточного угла к основной ограде пристроена прямоугольная ограда с могилкой 3, её размеры 3,00 × 2,80 м. К северной стене основной ограды пристроена ещё одна оградка с могилкой 2, её размеры 4,60 × 3,80 м.

Могила 1 (рис. 68: 2). Трапециевидная циста, 230 × 100 — 90 × 65 см, В — З, сооружённая из плашмя положенных плит. Верхние части стен развалились наружу. Могила сооружена на древней поверхности почвы. В могиле разрозненные кости взрослого человека и обломки горшков (рис. 68: 5, 7). В центре у южной стены на дне стоял орнаментированный горшок (рис. 68: 6) и лежали кости коровы: левые лопатка и голень.

Могила 2 (рис. 68: 3). Трапециевидный ящик, 180 × 80 — 50 × 60 см, В — З, из семи вертикально поставленных плит. Над могилкой сохранились плиты покрытия. В заполнении могилы разрозненные кости взрослого человека, обломки бронзового предмета и кости животных: левая лопатка овцы и два астрагала от разных особей.

Могила 3 (рис. 68: 4). Трапециевидная циста, 170 × 75 — 60 × 40 см, В — З, из плашмя положенных плит, развалившихся наружу. Могила сооружена на древней поверхности почвы. В могиле разрушенное погребение женщины 25–35 лет. В первоначальном положении сохранилась левая нога и часть грудной клетки, судя по которым погребённая первоначально лежала головой на В. Вещей нет.

Курган 52 (1963, гр. 4) (рис. 69: 1). До раскопок на поверхности прослеживалась четырёхугольная оградка из вертикально поставленных плит, размером 6,00 × 5,00 м, в центре которой выступали камни (мог. 1). После снятия земли выяснилось, что стены имеют наклон наружу. К ограде сделана пристройка с В, 3,00 × 2,50 м (мог. 2), СЗ — ЮВ.

Могила 1. Трапециевидный ящик, 190 × 70 — 50 × 55 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Над восточной частью одна из плит покрытия. В ящике осталось несколько косточек скелета. Судя

по форме ящика, погребённый лежал головой на восток. В заполнении могилы — обломки горшка.

Могила 2. Трапециевидный ящик, 90 × 40 — 35 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. От перекрытия сохранился обломок плиты над юго-западной частью ящика. В заполнении ящика несколько косточек скелета, который, судя по форме ящика, лежал головой на СВ.

Курган 53 (1966, гр. 4) (рис. 69: 2–8). До раскопок на поверхности была заметна незначительная возвышенность, в основании которой прослеживалась круглая ограда, диаметром 8 м, из плит, положенных плашмя в 1–2 ряда. Внутри ограды видны две стенки ящика (мог. 3). С двух сторон ограды были отдельные торчащие камни пристроек. После снятия насыпи оказалось, что пристроек две. Одна круглая, диаметром 4 м, из положенных плашмя плит, примыкает к ограде с южной стороны (мог. 4). Другая прямоугольная, 4,80 × 3,60 м, из вертикально поставленных плит, примыкает с северо-восточной стороны (мог. 1 и 2).

Могила 1 (рис. 69: 2). Прямоугольная циста, 120 × 70 × 20 см, ВСВ — ЗЮЗ, из толстых, положенных плашмя в один ряд плит. Могила зимняя. Покрытия нет. Найдены отдельные кости скелета подростка 14 лет. На поверхности под почвенным слоем, а также в засыпи могилы найдены черепки горшка (рис. 69: 5).

Могила 2 (рис. 69: 3). Прямоугольная циста, 170 × 80 × 30 см, ВСВ — ЗЮЗ, из толстых плит, положенных плашмя в один ряд. Сохранность плохая. Могила зимняя. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета подростка 11–14 лет. На месте голени, судя по которым погребённый лежал скорчено на левом боку, головой на В. В засыпи могилы бронзовое шило.

Могила 3 (рис. 69: 4). Прямоугольный ящик, 220 × 110 × 45 см, ЮЗ — СВ, из тонких, поставленных вертикально плит. Сохранность плохая. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 35–45 лет и горшок, а в засыпи черепки от второго сосуда (рис. 69: 6–7).

Могила 4. Трапециевидный ящик, 160 × 100 — 60 × 55 см, В — З, из поставленных вертикально плит. Покрытия нет. Найдены кости скелета неясного пола 16–18 лет.

Курган 54 (1966, гр. 4) (рис. 70: 1–4). До раскопок на поверхности заметна небольшая возвышенность и местами выступающие вертикальные стенки ограды. После снятия насыпи выявилась система пристроенных друг к другу оград, 4,00 × 3,60 м, 4,00 × 3,40 м, 3,40 × 3,00 м, 3,00 × 2,00 м, одинаковой конструкции, СВ — ЮЗ. Последовательность пристроек не устанавливается. В кургане четыре могилы: могила 1 — в середине восточной пристройки, могила 2 — в центральной ограде, могила 3 — в западной и могила 4 — в юго-восточной.

Могила 1 (рис. 70: 2). Трапециевидный ящик, 160 × 90 — 60 × 70 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Несколько разрушенный скелет лежит на левом боку, с ногами, чуть согнутыми в коленях, головой на ВСВ. Череп сдвинут, нижняя челюсть и верхние позвонки сильно окрашены окисью бронзы. В южном углу ящика горшок без орнамента. В засыпи могилы кости молодого барана: лопатка, рёбра, берцовая, астрагал.

Могила 2 (рис. 70: 3). Прямоугольная циста, 145 × 75 × 30 см, ВСВ — ЗЮЗ, сложенная из толстых плит, положенных в один ряд плашмя. Сохранность плохая. Могила зимняя. Вокруг могилы развал плит надмогильного сооружения. Покрытия нет. В засыпи могилы череп и кости скелета человека. Вещей нет.

Могила 3 (рис. 70: 4). Трапециевидный ящик, 190 × 90 — 60 × 75 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Южная стена ящика снаружи обложена плоскими плашмя положенными плитами. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета. Помимо человеческих костей, лопатка и астрагал барана. Вещей нет.

Могила 4. Трапециевидный ящик, 145 × 70 — 50 × 50 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости скелета человека неясного пола 16–18 лет. Вещей нет.

Курган 55 (1966, гр. 4) (рис. 70: 5–8). До раскопок на поверхности была видна квадратная ограда, 5,20 × 5,30 м (мог. 1), из плиток, положенных плашмя в 1–2 ряда, и квадратная пристройка с юго-восточной стороны, 2,20 × 2,30 м (мог. 2), из вертикально поставленных плит. После снятия насыпи оказалось, что основная ограда широкая, из плит в среднем 70 × 30 см, а по углам значительно больших, 90 × 90 см, 120 × 120 см.

Могила 1 (рис. 70: 6). Прямоугольный ящик, 185 × 75 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из поставленных вер-

тикально плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета женщины 20–30 лет, бронзовое шило (рис. 70: 8), две пронизки и черепки сосуда (рис. 70: 7). Среди человеческих костей рёбра, лопатка и большая берцовая барана и нижняя челюсть птицы.

Могила 2. Прямоугольный ящик, 100 × 50 × 45 см, СВ — ЮЗ, из поставленных вертикально плит. Покрытия нет. Могила пустая.

Курган 56 (1963, гр. 4) (рис. 71: 1–5). До раскопок невысокая, до 30 см, возвышенность округлых очертаний, в полях которой прослеживалось кольцо из плашмя положенных плит, а в центре выступали плитки. После снятия земли и зачистки выявилось кольцо диаметром 8 м. В центре развал плит, не образывавших правильных очертаний. Под ним одна могила.

Могила (рис. 71: 2). Трапециевидный ящик, 180 × 65 — 50 × 60 см, СВ — ЮЗ, из поставленных на ребро плит. Ящик сооружён почти на поверхности и по сторонам был обложен плитами, образывавшими развал. Покрытие не сохранилось. В ящике разрушенное впускное погребение. Форма кургана и могилы карасукские, но погребение тагарское. Среди костей части тагарского горшка (рис. 71: 3) и бронзовая бляшка (на рис. 125: 69–70 представлены две. — *А.П.*) (рис. 71: 4–5).

Курган 57 (1963, гр. 4) (рис. 71: 6). До раскопок на поверхности были видны плиты, стоявшие вертикально, образывавшие четырёхугольную ограду 4,00 × 4,00 м, ориентированную С — Ю. После расчистки выяснилось, что плиты имеют наклон наружу, внутри ограды выброс из могилы, а к северо-востоку от могилы гряда обломков от разбитой плиты покрытия.

Могила. Прямоугольный ящик, 75 × 50 × 55 см, В — З, из поставленных на ребро плит. Могила совершенно пустая.

Курган 58 (1963, гр. 4) (рис. 71: 7–8). До раскопок на поверхности почвы были видны вертикально стоявшие камни, образывавшие четырёхугольную ограду размером 4,20 × 4,00 м, СЗ — ЮВ, в центре которой видна плита покрытия могилы. После зачистки выяснилось, что плиты ограды отклонены наружу, внутри ограды выброс из могилы.

Могила (рис. 71: 8). Прямоугольный ящик, 135 × 60 × 55 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит, часть южной стены не сохранилась. Над восточной частью могилы плита 140 × 100 см. Отдельные кости скелета в западном углу.

Курган 59 (1963, гр. 4) (рис. 72: 1–3). До раскопок на поверхности были видны плиты, стоящие вертикально, образывавшие вертикальную ограду 6,50 × 6,00 м, СЗ — ЮВ. После зачистки выяснилось, что плиты отклонены наружу, выброс из могилы находился внутри ограды. В центре ограды — обломки плит покрытия могилы.

Могила (рис. 72: 2). Прямоугольный ящик, 175 × 130 × 80 см, ЮЗ — СВ, из поставленных на ребро плит. Ближе к северо-западной стене стояла вертикальная плита, видимо поддерживавшая плиты перекрытия. В могиле часть позвоночника и грудной клетки, одно плечо, часть таза, бедро и голень скелета, судя по которым погребённый первоначально лежал скорчено на левом боку, головой на ЮЗ. Остальные кости попадались в заполнении могилы. В заполнении же найдены обломки горшка (рис. 72: 3).

Курган 60 (1968, гр. 4) (рис. 72: 4–6). До раскопок на ровной поверхности почвы прослеживались отдельные камни прямоугольной ограды из вертикально поставленных плит. Размеры ограды 4,60 × 4,20 м, СВ — ЮЗ. В центре ограды могила.

Могила (рис. 72: 6). Прямоугольный ящик, 155 × 40 × 70 см, СВ — ЮЗ, из семи вертикально поставленных плит. В могиле в беспорядке кости взрослого человека, часть которых лежала в северо-восточной стороне могилы. В центре на дне лежал костяной гребень (рис. 72: 5), а на нём череп. В заполнении могилы бронзовые пронизки и голень овцы.

Курган 61 (1965, гр. 4) (рис. 72: 7–8). До раскопок на поверхности почвы хорошо прослеживалась ограда из вертикально поставленных плит, 5,00 × 5,00 м. В центре кургана заложен раскоп над могилой.

Могила (рис. 72: 8). Прямоугольный ящик, 170 × 70 × 55 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. От перекрытия над северо-восточной частью могилы сохранились обломки плит. В могиле разрозненные кости скелета женщины 30–40 лет. Вещей нет.

Курган 444 (1966, гр. 4) (рис. 73: 1–2). До раскопок на поверхности видна четырёхугольная ограда, 4,00 × 3,50 м, СВ — ЮВ, из вертикально поставленных плит. Сохранившаяся высота 40 см.

Могила (рис. 73: 2). Прямоугольный ящик, 195 × 75 × 75 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета. В засыпи могилы встречены три бронзовые пронизки, часть височного кольца и выпуклая пуговица.

Курган 620 (1968, гр. 4) (рис. 73: 3–7). До раскопок на ровной поверхности проступали вертикально стоявшие плиты четырёхугольной ограды 3,60 × 3,00 м (мог. 1). С восточной стороны сделана пристройка 1,80 × 1,40 м (мог. 2), С — Ю.

Могила 1 (рис. 73: 4). Прямоугольный ящик, 140 × 45 × 45 см, В — З, из вертикально поставленных плит. В заполнении могилы кости скелета женщины 18–20 лет и тагарские горшки (рис. 73: 5, 7).

Могила 2 (рис. 73: 6). Описания могилы нет.

Курган 621 (1968, гр. 4) (рис. 74: 1–5). До раскопок на поверхности был заметен земляной холм высотой около 30 см. В основании его хорошо прослеживались лежавшие горизонтально плиты, образывавшие кольцевую ограду диаметром 8,40 м. В ней могила 1. С восточно-северо-восточной стороны сделана пристройка с двумя могилами, 2 и 3, размерами 5,00 × 5,00 м, ССЗ — ВЮВ. С востока-юго-востока сделана маленькая пристройка из вертикальных плит размером 1,80 × 1,40 м. В ней могила 4.

Могила 1 (рис. 74: 2). Трапециевидный ящик, 180 × 80 — 60 × 85 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над восточно-северо-восточной частью ящика обломки плит покрытия. В заполнении могилы кости человека, левый астрагал и правая пяточная кость коровы.

Могила 2. Сильно разрушенный прямоугольный ящик с приблизительными размерами 170 × 80 × 25 см, В — З. Вокруг могилы обломки плит. Среди обломков плит кости человека и левая лопатка овцы, фаланга лошади и левая часть нижней челюсти козули.

Могила 3 (рис. 74: 3). Трапециевидный ящик, 165 × 60 — 55 × 50 см, СВ — ЮЗ, из пяти вертикально поставленных плит. В могиле разрушенный скелет женщины 40–50 лет, от которого сохранилась нога, часть таза, часть грудной клетки и позвоноч-

ника; судя по ним, погребённая первоначально лежала несколько на левом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. У юго-восточной стенки напротив таза горшок (рис. 74: 5). В заполнении могилы обломки пронизки и кости животного: два куска мяса — левые лопатка и голень овцы.

Могила 4 (рис. 74: 4). Прямоугольный ящик, 50 × 20 × 45 см, СВ — ЮЗ, из четырёх плит. Северо-восточная стена не сохранилась. Могила пуста.

Курган 12 (1963, гр. 4) (рис. 74: 6–7). До раскопок на поверхности почвы были видны камни ограды, лежащие плашмя. Они образовывали круг диаметром 6,4 м, в центре которого прослеживалась одна большая плита. После зачистки выяснилось, что кольцо сохранилось в 1–2 ряда.

Могила (рис. 74: 7). Трапециевидный ящик, 220 × 60 — 40 × 55 см, СВ — ЮЗ. Вокруг ящика, обрамляя его, лежали крупные плиты, а по их краям с наружной стороны ряд мелких плиток в несколько рядов с наклоном наружу — остатки кладки над могилой. В могиле отдельные кости скелета в беспорядке. Ничего не найдено.

Курган 64 (1965, гр. 4) (рис. 73: 8–13). До раскопок на поверхности была видна небольшая возвышенность, в основании которой прослеживалась ограда прямоугольной формы, 5,00 × 5,00 м, из плашмя положенных плит, ССЗ — ЮЮВ. В центре кургана видно скопление плит над могилой 1. В пристройке также проступали плиты покрытия могилы 2.

Могила 1. Прямоугольная циста, 200 × 80 × 40 см, СВ — ЮЗ, из 2–3 рядов мелких плиток, положенных плашмя. Вокруг могилы обломки плит покрытия. Могила зимняя. В могиле несколько костей в беспорядке. Вещей нет.

Могила 2 (рис. 73: 9). Трапециевидный ящик, 150 × 60 — 55 × 68 см, СВ — ЮЗ. Над могилой две плиты покрытия. В могиле сохранившийся скелет на левом боку с чуть согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. У левого локтя круглодонный (сосуд с уплощённым дном. — *А.П.*) сосуд (рис. 73: 11), напротив таза рёбра и нога барана, а под ними бронзовый нож (рис. 73: 13). Здесь же — бронзовый браслет (судя по диаметру, височное кольцо. — *А.П.*) и кольцо (рис. 73: 10, 12).

Курган 67 (1966, гр. 4) (рис. 75: 1–5). До раскопок на поверхности была небольшая возвышен-

ность и плохо заметная ограда с пристройками. После снятия насыпи оказалось, что основная ограда диаметром 6 м, сложена из больших, положенных плашмя плит, сохранившихся в два ряда. С восточной и северо-восточной стороны ограда имеет две прямоугольные пристройки, 3,00 × 2,00 м, из поставленных вертикально плит. В кургане 3 могилы: могила 1 — в северо-восточной пристройке, могила 2 — в основной ограде и могила 3 — в восточной пристройке.

Могила 1. Трапециевидный ящик, 140 × 90 — 60 × 50 см, СВ — ЮЗ, из поставленных вертикально плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета ребёнка 3–3,5 лет. В засыпи могилы просверленный зуб животного (вероятно, один из изображённых на рис. 125: 6–8, 10, 11. — *А.П.*) и небольшой черепок (рис. 75: 5).

Могила 2 (рис. 75: 2). Прямоугольный ящик, 200 × 95 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из поставленных вертикально плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости мужчины 40–45 лет, кости барана, черепки сосуда с геометрическим орнаментом, костяное колечко (возможно, рис. 125: 14. — *А.П.*), бронзовая литая подвеска с двумя желобками на одном конце (возможно, рис. 125: 40. — *А.П.*).

Могила 3 (рис. 75: 3). Прямоугольный ящик, 117 × 60 × 35 см, ВСВ — ЗЮЗ. Покрытие нарушено. В могиле кости ребёнка 6–7 лет. На дне голень и ожерелье из зубов марала (возможно, рис. 125: 6–13. — *А.П.*). В засыпи могилы кости барана и бронзовое кольцо (рис. 75: 4).

Курган 68 (1965, гр. 4) (рис. 75: 6–10). До раскопок на поверхности была видна невысокая насыпь, вокруг которой просматривалась четырёхугольная ограда из вертикально поставленных плит, 3,00 × 5,00 м, СЗ — ЮВ; с восточной стороны ограды можно было видеть отдельные вертикально стоящие плитки от пристройки, 3,00 × 3,00 м. В основной ограде было две могилы (1 и 2), а в пристройке — одна (3).

Могила 1 (рис. 75: 7). Трапециевидный ящик, 160 × 70 — 50 × 45 см, СВ — ЮЗ, из поставленных вертикально плит. Покрытие не сохранилось. Могила полностью ограблена, в заполнении отдельные кости скелета человека 16–17 лет. В восточном углу горшок (рис. 75: 9).

Могила 2. Прямоугольный ящик, 140 × 60 × 30 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. Могила пуста.

Могила 3 (рис. 75: 8). Трапециевидный ящик, 125 × 60 — 30 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. В северо-восточном углу лежал череп, а в юго-западной части — голени ребёнка 7–8 лет, судя по которым погребённый первоначально был положен головой на СВ. У южной стенки обломок горшка (рис. 75: 10).

Курган 66 (1968, гр. 4) (рис. 76). До раскопок на поверхности почвы был виден круглый холм высотой до 70 см, в основании которого прослеживалась круглая ограда из плашмя положенных плит диаметром 10 м. В центре видны камни над могилой 1. С северо-восточной стороны ограды сделаны две небольшие прямоугольные пристройки, точные размеры которых не устанавливаются. В каждой пристройке по одной могиле.

Могила 1 (рис. 76: 2). Прямоугольная циста, 215 × 105 × 60 см, В — З, из плашмя положенных плит. Верхняя её часть развалилась наружу. Могила сооружена на древней поверхности почвы. В могиле в полном беспорядке кости взрослого человека и левые лопатка, голень, пяточная кость и астрагал коровы (два куска мяса).

Могила 2 (рис. 76: 3). В северо-северо-восточной пристройке. Трапециевидный ящик, 170 × 90 — 70 × 80 см, ЮЗ — СВ, из вертикально поставленных плит, часть из которых не сохранилась. В могиле в разрозненном состоянии кости взрослого человека. В заполнении найдены обломки бронзового височного кольца, бронзовая подвеска и кости овцы: 3 куска мяса, левые голень и астрагал и правые бедро, ребро и пяточная кость.

Могила 3 (рис. 76: 4). Трапециевидный ящик, 190 × 85 — 70 × 85 см, ЮЗ — СВ, из семи поставленных вертикально плит. В заполнении разрозненные кости скелета женщины 16–18 лет и два обломка бронзового шила.

Курган 71 (1966, гр. 4) (рис. 77). До раскопок на поверхности была видна небольшая круглая насыпь и проступавшие кое-где плиты ограды. В середине кургана заметна плита надмогильного сооружения. После снятия насыпи оказалось, что ограда диаметром 7 м сооружена из плит, положенных плашмя, сохранившихся в четыре ряда, на высоту 20 см.

Могила (рис. 77: 2). Трапециевидный ящик, 180 × 90 — 70 × 50 см, В — 3, из больших обломков толстых плит. Покрытия нет. Могила зимняя. Вокруг могилы развал обвалившегося надмогильного сооружения. В могиле разрозненные кости почти полного скелета мужчины 30–40 лет и астрагал барана. На дне у середины северной стенки могилы горшок, в засыпи черепок от другого сосуда (рис. 77: 3–4), а также обломок каменной плиты 7 × 8 см с окуневским, по-видимому, изображением.

Курган 70 (1966, гр. 4) (рис. 78: 1). До раскопок на поверхности были заметны выступающие местами стенки ограды и плиты покрытия. После снятия насыпи выявлена ограда, 4,00 × 4,00 м, из поставленных вертикально плит, которые сохранились до высоты 30 см.

Могила. Прямоугольная циста, 130 × 30 × 30 см, СВ — ЮЗ, из положенных плашмя в один ряд плит. Покрытия нет. Могила зимняя. Вокруг могилы развал надмогильного сооружения. Могила пустая.

Курган 72 (1966, гр. 4) (рис. 78: 2–5). До раскопок на поверхности были видны стенки ограды из поставленных вертикально плит. После снятия насыпи выявились три пристроенные друг к другу ограды одинаковой конструкции, СВ — ЮЗ, основная ограда 4,00 × 4,00 м (мог. 3), имеет пристройку с северо-восточной стороны 3,80 × 2,60 м (мог. 2), к ней, в свою очередь, сделана пристройка 3,00 × 2,50 м (мог. 1) с северо-западной стороны.

Могила 1 (рис. 78: 3). Прямоугольный ящик, 60 × 40 × 40 см, СВ — ЮЗ. Сохранность плохая. Покрытие нарушено. В могиле две косточки: бедро и берцовая новорождённого. Вещей нет.

Могила 2. Прямоугольная циста, 100 × 60 × 40 см, СВ — ЮЗ, из положенных плашмя в три ряда плит. Могила зимняя. Покрытия нет. Вокруг могилы развал надмогильного сооружения. Могила пустая.

Могила 3 (рис. 78: 4). Прямоугольный ящик, 190 × 90 × 65 см, СВ — ЮЗ, из поставленных вертикально плит. Покрытие нарушено. В могиле скелет подростка 13 лет, частично нарушенный: череп, руки и позвонки сдвинуты. Остальные кости на месте. Скелет лежал чуть повернуто на левый бок, ноги вытянуты, головой на В. В восточном углу могилы сосуд (рис. 78: 5).

Курган 73 (1966, гр. 4) (рис. 78: 6–7). До раскопок на поверхности еле заметна квадратная ограда, 4,50 × 5,50 м, СЗ — ЮВ, из поставленных вертикально плит. В середине ограды, над могилой был заложен раскоп.

Могила. Трапециевидный ящик, 220 × 75 — 25 × 48 см, В — 3, из поставленных вертикально плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета мужчины около 40 лет. В засыпи могилы черепки сосуда.

Курган 79 (1966, гр. 4) (рис. 79: 1–4). До раскопок на поверхности была заметна небольшая овальная насыпь, в середине которой прослеживалась четырёхугольная ограда, 4,50 × 5,50 м (мог. 2), В — 3, из вертикально поставленных плит и две пристройки с востока и запада, 4,50 × 5,30 м (мог. 1) и 5,00 × 4,00 м (мог. 3), той же конструкции. Посреди каждой ограды был заложен раскоп.

Могила 1 (рис. 79: 2). Трапециевидный ящик, 195 × 100 — 60 × 60 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета мужчины. На месте: правое плечо и лопатка, судя по которым погребённый первоначально лежал вытянуто на спине, головой на В. В засыпи могилы черепки сосуда (рис. 79: 4).

Могила 2. Прямоугольный ящик, 160 × 35 × 62 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета женщины и две кости ребёнка 1–2 лет. Позвонки взрослого скелета окрашены окисью бронзы. Среди человеческих костей встретились рёбра барана. Вещей нет.

Могила 3 (рис. 79: 3). Трапециевидный ящик, 180 × 85 — 50 × 50 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости мужчины (?) 15–16 лет и лопатка барана. На месте правая лопатка человека. Вещей нет.

Курган 81 (1965, гр. 4) (рис. 80). До раскопок на поверхности была видна небольшая припухлость, на которой просматривались три примыкающие друг к другу ограды из вертикально поставленных плит. Первая ограда, западная, 6,50 × 5,00 м (мог. 1, 2, 3), С — Ю; вторая, средняя, 5,00 × 2,00 м (мог. 4), С — Ю, и третья, восточная, 6,50 × 4,50 м (мог. 5), С — Ю.

Могила 1 (рис. 80: 2). Прямоугольный ящик, 160 × 80 × 20 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных толстых плит. Покрытие не сохранилось. В могиле не полностью сохранившийся скелет женщины 35–40 лет, видимо на левом боку, слабо скорченный, головой на СВ. Против тазовых костей кости барана. Рядом с ними бронзовый нож (рис. 80: 6) и шило (рис. 80: 10). Напротив левого плеча горшок (рис. 80: 11). На черепе у ушей бронзовые проволочные кольца (рис. 80: 7–9).

Могила 2 (рис. 80: 3). Прямоугольный ящик, 180 × 70 × 35 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Сохранилась только северная стенка. В могиле полностью разрушенный скелет женщины 20–25 лет. Среди костей найдена бронзовая пуговица.

Могила 3 (рис. 80: 4). Трапециевидный ящик, 150 × 70 — 50 × 35 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. На дне скорчено на левом боку, головой на В, лежал скелет женщины 15–16 лет. У левого плеча стоял горшок (рис. 80: 12), напротив тазовых костей — кости коровы и бронзовые нож (рис. 80: 17) и шило (рис. 80: 16). На шее ожерелье из бронзовых колец (рис. 80: 13–15).

Могила 4. Трапециевидный ящик, 200 × 70 — 50 × 60 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. По сторонам могилы отдельные обломки плит покрытия. В могиле в западной части голени мужчины 40 лет, судя по которым первоначально погребённый лежал головой на В. Здесь же глиняный сосуд (рис. 80: 18).

Могила 5 (рис. 80: 5). Прямоугольный ящик, 150 × 60 × 30 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных толстых плит. В могиле разрушенный скелет женщины 35–45 лет. На месте сохранились только голени, судя по которым первоначально погребённая лежала головой на ВСВ. У южной стенки горшок (рис. 80: 19).

Курган 82 (1965, гр. 4) (рис. 79: 5–7). До раскопок на поверхности прослеживалась невысокая припухлость, в основании которой можно было видеть отдельные камни круглой ограды, диаметром 6,5 м, из положенных плашмя плиток. Ограда сохранилась в один ряд.

Могила (рис. 79: 6). Прямоугольный ящик, 170 × 60 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились отдельные обломки плит. В могиле разрозненные кости скеле-

та. Вещей нет. В заполнении черепки от сосуда (рис. 79: 7).

Курган 83 (1965, гр. 4) (рис. 81: 1–3, 9). До раскопок на поверхности была небольшая припухлость, высотой до 20 см, в основании которой прослеживалась ограда круглой формы из положенных плашмя плиток, сохранившихся в 3 ряда. Диаметр 22 м. В центральной части кургана разбросаны камни от покрытия могилы, а несколько южнее проступали концы плит ящика.

Могила (рис. 81: 2). Трапециевидный ящик, 200 × 90 — 60 × 50 см, СВ — ЮЗ, комбинированный: восточная часть ящика из вертикально поставленных плит, а западная из 5 рядов положенных плашмя плиток. В могиле встречались остатки плит покрытия. На дне у северной стенки на левом боку слабо скорченный, головой на СВ, лежал несколько потревоженный скелет мужчины старше 60 лет. Напротив тазовых костей лежали кости барана и рядом с ними бронзовый нож (рис. 81: 9), а напротив груди стоял горшок (рис. 81: 3).

Курган 85 (1965, гр. 4) (рис. 81: 4–8). До раскопок на поверхности видна довольно значительная припухлость, на которой прослеживалась система пристроенных друг к другу оград. Первоначально сооружена ограда 6,00 × 5,40 м (мог. 1 и 2), С — Ю, к ней пристроены с юга ограда 2,50 × 2,50 м (мог. 3), В — 3, и с востока 3,00 × 2,00 м (мог. 4), В — 3. Все ограды из вертикально врытых плит.

Могила 1 (рис. 81: 5). Трапециевидный ящик, 160 × 70 — 50 × 40 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранилась плита над восточной частью ящика. На дне в северном углу куча костей женщины 25–30 лет. В заполнении бронзовое кольцо (рис. 81: 7).

Могила 2. Прямоугольный ящик, 180 × 65 × 35 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. От покрытия по сторонам могилы сохранились обломки плит. Могила пуста.

Могила 3. Прямоугольный ящик, 140 × 80 × 30 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились отдельные обломки плит по сторонам могилы. В заполнении кости скелета подростка 9–11 лет и бронзовое кольцо (рис. 81: 8).

Могила 4 (рис. 81: 6). Трапециевидный ящик, 140 × 50 — 30 × 35 см, СВ — ЮЗ. От покрытия сохранились плиты над западной и восточной частями

ящика. Погребение разграблено. На месте, видимо, только правая голень женщины 18–20 лет, судя по которой погребённая первоначально лежала головой на СВ. Вещей нет.

Курган 88 (1963, гр. 4) (рис. 82: 1–2). До раскопок на поверхности выступали плиты, лежащие плашмя, образовывавшие кольцо. После расчистки выяснилась кольцевая ограда диаметром 5 м, в центре которой был развал плит.

Могила. Прямоугольная циста, 90 × 40 × 20 см, СВ — ЮЗ, сложенная из плашмя положенных плит. Верхние ряды развалились наружу. Судя по глубине могилы, она была сооружена зимой. В могиле отдельные косточки скелета, мелкие обломки горшка и бронзовое кольцо (рис. 82: 2).

Курган 89 (1965, гр. 4) (рис. 82: 3–7). До раскопок на поверхности прослеживались очертания прямоугольной ограды из вертикально стоящих плит, 4,50 × 3,50 м (мог. 1), а к югу от неё отдельные вертикально стоящие плитки от пристройки 3,50 × 4,00 м (мог. 2).

Могила 1. Прямоугольная циста, 220 × 80 × 30 см, В — З, из нескольких рядов мелких плит. Покрытие сброшено. В могиле разрозненные кости скелета взрослой женщины (?). В заполнении могилы черепки (рис. 82: 4) и бронзовое шило (рис. 82: 5). Могила зимняя.

Могила 2 (рис. 82: 7). Трапециевидный ящик, 180 × 70 — 50 × 65 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Плиты покрытия сброшены. В могиле разрозненные кости скелета женщины 45–65 лет и фрагменты керамики (рис. 82: 6).

Курган 90 (1965, гр. 4) (рис. 82: 8–10). До раскопок на поверхности почвы прослеживались отдельные плиты ограды четырёхугольной формы, 4,50 × 4,50 м, С — Ю, из вертикально поставленных плит (мог. 1). К югу от неё сделана пристройка четырёхугольной формы, 3,80 × 3,00 м, С — Ю, также из вертикальных плит (мог. 2).

Могила 1 (рис. 82: 9). Прямоугольный ящик, 160 × 50 × 55 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились отдельные плиты над могилой. Могила полностью ограблена. В заполнении и на дне разрозненные кости скелета женщины старше 30 лет. Вещей нет.

Могила 2 (рис. 82: 10). Трапециевидный ящик, 190 × 50 — 40 × 50 см, СВ — ЮЗ, из поставленных вертикально плит. От покрытия над восточной и западной частями ящика сохранились обломки плит. Могила полностью ограблена, кости скелета мужчины 25–30 лет в беспорядке. Вещей нет.

Курган 150 (1965, гр. 4) (рис. 83: 1–2). До раскопок на поверхности была заметна небольшая возвышенность, окаймлённая кругом 7,50 м из плашмя положенных плит, сохранившихся на два ряда. В центре проступали плиты.

Могила (рис. 83: 2). Трапециевидный ящик, 190 × 70 — 50 × 50 см, СВ — ЮЗ, из толстых плит, поставленных вертикально. Покрытие разбито и сброшено. В могиле отдельные кости скелета мужчины 35–40 лет. Вещей нет.

Курган 153 (1965, гр. 4). До раскопок на поверхности земли была заметна небольшая возвышенность, окружённая оградой диаметром 6,00 м из положенных плашмя плит. В середине наблюдался развал из камней. Могила не была обнаружена. Видимо, здесь была зимняя могила, сильно разрушенная. Чертежа нет.

Курган 158 (1967, гр. 4) (рис. 83: 3). До раскопок на ровной поверхности было заметно небольшое возвышение и отдельные плиты ограды, сооружённой из плашмя положенных плит. Размеры 6,00 × 4,50 м, ориентирована с СВ на ЮЗ.

Могила. Прямоугольный ящик, 170 × 75 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой и в заполнении разбитые плиты перекрытия. В могиле обнаружены разрозненные кости скелета мужчины 40–50 лет и рёбра овцы.

Курган 160 (1967, гр. 4) (рис. 83: 4–5). До раскопок на ровной поверхности было заметно небольшое возвышение и окаймляющие его плиты девонского песчаника. В результате раскопок под насыпью оказались две ограды, пристроенные друг к другу. Размеры оградок: 5,00 × 4,50 м — северо-западная (мог. 1) и 4,00 × 3,50 м — юго-восточная (мог. 2). Ориентировка системы СЗ — ЮВ.

Могила 1 (рис. 83: 5). Трапециевидный ящик, 150 × 75 — 50 × 30 см, СВ — ЮЗ. Вокруг могилы развал плит покрытия, часть из которых была видна на поверхности ещё до раскопок. В могиле обнару-

жены разрозненные кости взрослого человека, на месте ноги, судя по которым погребённый лежал вытянуто на спине, головой на СВ.

Могила 2. Прямоугольный ящик, 175 × 76 × 35 см, В — 3, из 5 массивных плит песчаника. Вокруг могилы разбросаны плиты перекрытия. В могиле обнаружены разрозненные кости скелета мужчины 40–50 лет и кости овцы.

Курган 161 (1967, гр. 4) (рис. 84: 1–2). До раскопок на ровной поверхности чётко прослеживались вертикальные плиты системы из четырёх оградок. Ориентировка СЗ — ЮВ. Размеры: северо-восточной оградки 3,25 × 2,50 м (мог. 1), северо-западной 3,25 × 3,25 м (мог. 4), юго-западной 3,25 × 4,00 м (мог. 3), юго-восточной 2,50 × 2,50 м (мог. 2).

Могила 1. Прямоугольный ящик, 125 × 55 × 50 см, СВ — ЮЗ. Над восточной частью ящика сохранилась массивная плита перекрытия. Вокруг могилы прослеживалась обкладка из плашмя положенных плит. В заполнении могилы разрозненные кости скелета юноши 12–16 лет и обломки сосуда (рис. 84: 2).

Могила 2. Прямоугольный ящик, 175 × 50 × 50 см, СВ — ЮЗ, из 6 плит песчаника. Над восточной частью могилы сохранилась плита перекрытия, которая частично обломалась и рухнула в ящик. Могила пуста.

Могила 3. Прямоугольный ящик, 150 × 50 × 50 см, СВ — ЮЗ. Над западной частью могилы сохранилась обломанная плита перекрытия. В могиле разрозненные кости скелета женщины 20–30 лет.

Могила 4. Прямоугольный ящик, 150 × 50 × 40 см, СВ — ЮЗ, из 4 вертикальных плит песчаника. Над могилой обломанные плиты перекрытия. В заполнении могилы кости ребёнка.

Курган 144 (1965, гр. 4) (рис. 84: 3–10). До раскопок на поверхности была заметна невысокая возвышенность овальной формы, в основании которой прослеживались камни четырёхугольной оградки, 8,00 × 5,00 м, ЮВ — СЗ, из положенных плашмя плит. С севера к основной оградке сделана пристройка, 4,00 × 3,00 м, В — 3, из вертикально врытых плит. В пристройке одна могила, а в оградке 4 могилы.

Могила 1 (пристройка). Прямоугольный ящик, 100 × 70 × 20 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие отсутствует. В могиле отдельные кости ребёнка 4–5 лет.

Могила 2. Трапециевидный ящик, 180 × 70 — 50 × 75 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных

толстых плит. Покрытие отсутствует. В могиле разрозненные кости скелета женщины 35–40 лет. Вещей нет. В заполнении черепки от сосуда (рис. 84: 3).

Могила 3 (рис. 84: 10). Прямоугольный ящик, 170 × 50 × 30 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие отсутствует. В могиле разрозненные кости скелета взрослого мужчины и черепки горшка (рис. 84: 4).

Могила 4 (рис. 84: 11). Трапециевидный ящик, 110 × 60 — 40 × 30 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных толстых плит. Покрытие отсутствует. Скелет ребёнка 5–6 лет на левом боку, головой на СВ. У руки горшок (рис. 84: 6). Против колен рёбра коровы и бронзовые нож (рис. 84: 9) и шило (рис. 84: 7), у головы серьга (рис. 84: 8).

Могила 5 (смежная с могилой 4) (рис. 84: 11). Прямоугольный ящик, 150 × 50 × 30 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие отсутствует. В могиле отдельные кости скелета женщины 40–50 лет.

Курган 141 (1965, гр. 4) (рис. 85). До раскопок на поверхности видны вертикально стоящие плиты оград. После снятия насыпи выявилась система пристроенных одна к другой оград. Ограды плохой сохранности, во многих местах разрушены. Установить последовательность сооружения кургана не удаётся. Общие размеры оград 18 × 12 м, В — 3. В кургане оказалось 13 могил.

Могила 1. В оградке размером 5,00 × 5,00 м. Прямоугольный ящик, 180 × 80 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Оказалась пустой. В заполнении черепки (рис. 86: 1).

Могила 2 (рис. 85: 2). В оградке размером 3,00 × 2,50 м, СВ — ЮЗ. Прямоугольная циста, 140 × 65 × 30 см, В — 3, из трёх рядов положенных плашмя плит. Покрытие не сохранилось. В могиле скелет женщины 30–40 лет, несколько скорченный, на левом боку, у черепа сосуд (рис. 86: 2).

Могила 3. Прямоугольная циста, 100 × 50 × 20 см, В — 3, из 3–4 рядов положенных плашмя плит. Покрытие не сохранилось. В могиле отдельные кости скелета ребёнка 3–4 лет. Вещей нет.

Могила 4. Трапециевидная циста, 180 × 60 — 40 × 40 см, В — 3, из 2–3 рядов положенных плашмя плит. Покрытие не сохранилось. В могиле отдельные кости скелета мужчины 25–30 лет. Вещей нет.

Могила 5. В оградке 2,40 × 2,00 м, СВ — ЮЗ, трапециевидный ящик, 80 × 45 — 25 × 50 см, В — 3,

из вертикально поставленных плит. Перекрытие не сохранилось. В могиле разрозненные кости скелета ребёнка 5–6 лет.

Могила 6 (рис. 85: 3). В ограде 2,40 × 2,40 м, трапециевидный ящик, 120 × 45 — 30 × 50 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. От покрытия отдельные плиты над концами ящика. В могиле скелет скорчено на левом боку, головой на В. У плеча горшок (рис. 86: 3), а рядом кости барана и бронзовое шило (рис. 86: 4), на черепае — бронзовое кольцо (рис. 86: 5).

Могила 7 (рис. 85: 4). В ограде 2,80 × 2,80 м, В — 3. Прямоугольный ящик, 130 × 50 × 55 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Над могилой отдельные плиты покрытия. В могиле скелет, несколько согнутый на левом боку, головой на В. У плеча горшок (рис. 86: 6).

Могила 8. В ограде 4,00 × 4,00 м, прямоугольная циста, 80 × 35 × 20 см, В — 3, из положенных плашмя плиток. Покрытие не сохранилось. В могиле разрозненные кости скелета.

Могила 9. В ограде 3,60 × 3,20 м, С — Ю, прямоугольная циста, 70 × 35 × 50 см, В — 3, из мелких плиток, положенных плашмя. Вокруг могилы выкладка. Покрытие не сохранилось. Могила пустая.

Могила 10. В ограде 3,20 × 2,60 м, В — 3, полностью разрушена, представляла собой развал камней.

Могила 11 (рис. 85: 5). В ограде 3,00 × 2,20 м, С — Ю, прямоугольный ящик, 135 × 50 × 50 см, В — 3, из вертикально поставленных камней. Покрытие не сохранилось. В могиле череп и горшок (рис. 86: 7).

Могила 12 (рис. 85: 6). В ограде 5,00 × 4,60 м, С — Ю, трапециевидный ящик, 200 × 70 — 60 × 65 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились плиты по концам ящика. В могиле скелет мужчины 30–40 лет, несколько скорченный, на левом боку. Найдены горшок (рис. 86: 8) и бронзовый нож.

Могила 13. В ограде 3,00 × 2,00 м, В — 3, прямоугольный ящик, 80 × 60 × 50 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле правая нога и часть таза, судя по которым погребённый был положен головой на В. Вещей нет.

Курган 142 (1967, гр. 4) (рис. 87). До раскопок на ровной поверхности чётко прослеживались вертикальные и плашмя положенные плиты системы оград. После снятия дернового слоя обнаружилось

семь последовательно пристроенных друг к другу оград. Основная круглая из плашмя положенных плит, диаметром 15 м (мог. 1). К ней последовательно пристроено ещё 6 оградок из вертикально поставленных плиток. Первоначально оградки 2 (мог. 2) и 3 (мог. 3), а затем к третьей оградке 4, 5, 6 и 7. Размеры: № 2 — 7,75 × 7,75 м; № 3 — 5,50 × 4,00 м; № 4 — 9,00 × 6,50 м; № 5 — 7,50 × 6,50 м; № 6 — 10,00 × 9,00 м; № 7 — 11,50 × 7,00 м. Общая ориентировка системы ВСВ — ЗЮЗ. В каждой ограде по одной могиле.

Могила 1 (рис. 87: 1). Трапециевидный ящик, 185 × 80 — 45 × 50 см, СВ — ЮЗ, из 7 плит. Плиты покрытия не сохранились. Вокруг могилы обкладка из плашмя положенных плит. В могиле на разных уровнях обнаружены разрозненные кости человека, обломки сосуда (рис. 87: 10) и кости овцы.

Могила 2 (рис. 87: 2). Прямоугольный ящик, 110 × 50 × 50 см, СВ — ЮЗ, из 6 вертикальных плит. Плит покрытия не сохранилось. В могиле найдены разрозненные кости ребёнка.

Могила 3. Прямоугольный ящик, 80 × 40 × 40 см, СВ — ЮЗ, из 5 вертикальных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле разрозненные кости ребёнка.

Могила 4 (рис. 87: 6). Трапециевидный ящик, 170 × 60 — 50 × 50 см, СВ — ЮЗ, из 7 вертикальных плит. Вокруг могилы разбитые плиты покрытия. В могиле на разных уровнях найдены разрозненные кости взрослого.

Могила 5. Трапециевидный ящик, 150 × 50 — 30 × 50 см, СВ — ЮЗ, из 6 вертикальных плит. Массивные плиты перекрытия сохранились над СВ и ЮЗ частями ящика. В могиле на разных уровнях найдены кости скелета женщины 30–40 лет.

Могила 6. Трапециевидный ящик, 200 × 100 — 60 × 50 см, СВ — ЮЗ, сильно разрушен. Плиты покрытия не сохранились. В могиле разрозненные кости взрослого человека.

Могила 7 (рис. 87: 7). Прямоугольный ящик, 160 × 140 × 30 см, СВ — ЮЗ, из массивных блоков девонского песчаника с перегородкой посередине. Над могилой развал рваного камня. В могиле двойное погребение подростков. В северном отделении ящика погребённый 13–14 лет лежал вытянуто на спине, головой на СВ, на шее проволоочная гривна (рис. 87: 5), у лица сосуд (рис. 87: 11). В южном отделении погребённый 13–14 лет лежал вытянуто на левом боку, головой на СВ. Под черепом найдено височное кольцо (рис. 87: 4), лапчатые привески (вероятно, две из изображённых на

рис. 125: 43–45. — *А.П.*) и раздавленный горшок (в нашем распоряжении рисунки фрагментов от трёх разных сосудов. — *А.П.*) (рис. 87: 8, 9, 12).

Курган 145 (1965, гр. 4) (рис. 88: 1–6). До раскопок на поверхности была видна небольшая возвышенность, окружённая квадратной оградой 8,50 × 5,50 м, С — Ю, из положенных плашмя плиток, с восточной стороны ограды прослеживалась овальная пристройка, также сделанная из плашмя положенных плит, 5,00 × 3,50 м. В основной ограде на поверхности проступали плиты покрытий, в ней три могилы, в пристройке две.

Могила 1 (рис. 88: 2). Трапециевидный ящик, 190 × 70 — 45 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились плиты над концами ящика. Кости скелета в заполнении могилы, на месте голени, судя по которым погребённый лежал головой на СВ. Вещей нет. В заполнении черепки от горшка (рис. 88: 4).

Могила 2. Трапециевидный ящик, 210 × 80 — 60 × 80 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились плиты над концами ящика. В могиле в беспорядке кости скелета. Вещей нет.

Могила 3. Трапециевидный ящик, 170 × 60 — 45 × 50 см, В — З, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились отдельные плиты над ящиком. В могиле кости разрушенного детского скелета и раздавленный горшок (рис. 88: 5).

Могила 4 (рис. 88: 3). Прямоугольная циста, 180 × 60 × 25 см, из положенных плашмя плит. Покрытие не сохранилось. Судя по конструкции и глубине, могила зимняя. В могиле несколько костей скелета и сосуд (рис. 88: 6).

Могила 5. Разрушенный прямоугольный ящик, 110 × 70 × 40 см, В — З, из вертикальных плит. Могила пуста.

Курган 146 (1965, гр. 4) (рис. 88: 7–8). До раскопок на поверхности была видна невысокая возвышенность, в основании которой прослеживались стоящие вертикально плиты прямоугольной ограды, 3,00 × 2,50 м. В центре просматривались стенки ящика.

Могила. Трапециевидный ящик, 110 × 85 — 80 × 40 см, СВ — ЮЗ, три стены которого из вертикальных плит, а одна из 6 рядов положенных плашмя плиток. Вокруг ящика развал от кладки и плит по-

крытия. В могиле отдельные кости скелета и фрагменты сосуда (рис. 88: 8).

Курган 147 (1964, гр. 4) (рис. 89: 1–4). До раскопок на ровной поверхности проступали камни. Заложённым раскопом выявлена круглая ограда диаметром 5,20 м из положенных плашмя плит, в центре ограды могила.

Могила (рис. 89: 2). Трапециевидный ящик, 160 × 85 — 75 × 65 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над восточной и западной частью могилы сохранились остатки плиты покрытия. В могиле вытянуто на спине, головой на ЮЗ лежит скелет мужчины 30–35 лет, впускного тагарца, для которого эта могила мала. В северо-западном углу горшок, второй у правого плеча (рис. 89: 4–5), слева у груди бляшка (рис. 89: 3), в юго-восточном углу кости барана, рядом с первым горшком кости коровы.

Курган 147а (1965, гр. 4) (рис. 89: 6–16). До раскопок на поверхности прослеживалась небольшая возвышенность, в основании которой была хорошо видна круглая ограда диаметром 8,00 м из положенных плашмя плит. В кургане оказалось 4 могилы, три детские примыкали одна к другой.

Могила 1 (рис. 89: 12). Трапециевидный ящик, 200 × 85 — 50 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие сброшено. В могиле отдельные кости скелета мужчины 30–40 лет и фрагменты горшков (рис. 89: 6, 8).

Могила 2 (рис. 89: 14). Прямоугольный ящик, 110 × 40 × 30 см, СВ — ЮЗ, из вертикальных плит. Частично сохранилось покрытие. В могиле разрушенный скелет ребёнка. На месте череп и верхняя часть груди, судя по которым погребённый лежал на левом боку, головой на СВ. На уровне груди горшок (рис. 89: 7), у шеи украшение.

Могила 3 (рис. 89: 14). Прямоугольный ящик, 80 × 45 × 30 см, СВ — ЮЗ, из вертикальных плит. Покрытие отсутствует. Могила разграблена. Найдены фрагменты горшка (рис. 89: 13).

Могила 4 (рис. 89: 15). Прямоугольный ящик, 65 × 40 × 30 см, СВ — ЮЗ, из вертикальных плит. Покрыта плитой 80 × 40 см. В могиле потревоженный скелет ребёнка. Головой на СВ. У черепа бронзовое височное кольцо. Найден горшок (рис. 89: 16) и кости животных. В заполнении — второе бронзовое кольцо (рис. 89: 8–9).

Курган 149 (1965, гр. 4) (рис. 90: 1–2). До раскопок на поверхности прослеживалась невысокая возвышенность, по основанию которой была видна круглая ограда 6,50 м диаметром, из положенных плашмя плит. В центре проступали камни.

Могила (рис. 90: 2). Прямоугольная циста, 185 × 65 × 25 см, В — 3, из положенных плашмя плиток. Вокруг могилы развал из плит. Судя по конструкции, она сооружена зимой. В могиле потревоженный скелет, лежащий скорчено на левом боку, головой на В. Найдены кости овцы. Вещей нет.

Курган 155 (1964, гр. 4) (рис. 90: 3–5). На поверхности ясно прослеживался круг, образованный камнями ограды, положенными плашмя и полосой земли без растительности. Диаметр ограды 6 м. В центре проступал ящик.

Могила (рис. 90: 3). Трапециевидный ящик, 180 × 100 — 70 × 30 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Над западной частью остатки плиты покрытия. В могиле в полном беспорядке кости скелета мальчика 16–17 лет, среди которых встречаются обломки горшка (рис. 90: 4).

Курган 154 (1967, гр. 4) (рис. 90: 6–10). До раскопок на ровной поверхности было заметно возвышение и плашмя положенные плиты системы из трёх пристроенных друг к другу оград. Общая ориентировка СВ — ЮЗ. Размеры: основная круглая ограда — диаметр 18 м, в ней могилы 1 и 2; юго-западная пристройка 9,00 × 4,00 м (мог. 3); юго-восточная — 8,00 × 6,50 м (мог. 4). Курган раскопан целиком.

Могила 1 (рис. 90: 7). Прямоугольная циста, 190 × 70 × 50 см, СВ — ЮЗ. Вокруг неё обкладка из плит и развал плит покрытия. В могиле обнаружены разрозненные кости скелета мужчины 30–40 лет, обломки сосуда (рис. 90: 9), височное кольцо (рис. 90: 10), кости овцы: лопатка, большая берцовая, рёбра — все левые.

Могила 2. Прямоугольный ящик, 160 × 60 × 50 см, СВ — ЮЗ, сильно разрушен. Вокруг могилы развал разбитых плит покрытия. В могиле разрозненные кости юношеского скелета 16–17 лет.

Могила 3. Прямоугольный ящик, 170 × 60 × 50 см, СВ — ЮЗ. Над юго-западной частью могилы сохранились разбитые плиты покрытия. В заполнении на разных уровнях найдены разрозненные кости юношеского скелета 14–18 лет и кости овцы: правые лопатка и большая берцовая.

Могила 4 (рис. 90: 8). Трапециевидный ящик, 140 × 60 — 45 × 60 см, В — 3, из 4 вертикальных плит. Над северо-восточной частью сохранились разбитые плиты покрытия. В могиле в первоначальном положении обнаружены длинные кости ног и череп, судя по которым погребённый был положен вдоль северной стены, вытянуто, головой на В.

Курган 163 (1967, гр. 4) (рис. 91). До раскопок на ровной поверхности были видны отдельные плиты системы из трёх оградок. Центральная — основная круглая ограда из плашмя положенных плит диаметром 10 м (мог. 2 и 4), к ней с северной стороны пристроена оградка из вертикально поставленных плит размером 6,50 × 5,00 м (мог. 1), с южной стороны центральной ограды пристроена вторая оградка из плашмя положенных плит размером 6,25 × 4,00 м (мог. 3).

Могила 1 (рис. 91: 1). Прямоугольный ящик, 175 × 70 × 55 см, В — 3, из 4 вертикальных плит. Над могилой, в заполнении и вокруг неё разбитые плиты перекрытия. В могиле разрозненные кости человека, кости овцы и обломки сосуда (рис. 91: 5).

Могила 2. Прямоугольный ящик, 160 × 75 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой и вокруг разбитые плиты перекрытия. В могиле на разных уровнях встречались кости скелета человека, обломки горшка (рис. 91: 4), кости барана: большая берцовая, рёбра и астрагал — все левые, а также отдельные кости собаки.

Могила 3 (рис. 91: 3). Прямоугольная циста, 170 × 75 × 30 см, В — 3, из плашмя положенных плиток. Вокруг могилы многочисленные плиты песчаника, которые в древности образовывали перекрытие могилы. В могиле вдоль северной стенки лежал вытянуто на спине скелет женщины 35–45 лет, головой на В. Скелет потревожен: череп находился в северо-восточном углу. У южной стены стоял горшок (рис. 91: 6). В ногах скелета лежали левые лопатка и большая берцовая кость овцы.

Могила 4 (рис. 91: 2). Прямоугольный ящик, 200 × 75 × 75 см, В — 3, из 6 вертикальных плит. В могиле на разной глубине разрозненные кости скелета мужчины примерно 40 лет.

Курган 164 (1968, гр. 4) (рис. 92: 1–3). До раскопок на ровной поверхности были видны отдельные камни вертикальной ограды прямоугольной формы 4,20 × 3,80 м, СЗ — ЮВ, а в центре её выступала плита.

Могила (рис. 92: 2). Трапециевидный ящик, 125 × 60 — 40 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. В могиле потревоженный скелет девочки 12–14 лет, на левом боку, несколько скорчено, головой на СВ, у черепа височное кольцо (вероятно, одно из неаннотированных на рис. 128. — *А.П.*), а у колен обломок ножа (рис. 92: 3). В заполнении правый астрагал овцы.

Курган 165 (1968, гр. 4) (рис. 92: 5–7). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные вертикальные камни ограды четырёхугольной формы 4,60 × 4,20 м (мог. 1), В — 3, к которой с северной стороны примыкала пристройка 2,40 × 2,20 м (мог. 2).

Могила 1 (рис. 91: 6). Сильно разрушенный прямоугольный ящик, 170 × 85 × 70 см, В — 3, от которого сохранилась только одна стена. Над могилой обломок плиты покрытия. В заполнении кости скелета взрослого.

Могила 2 (рис. 91: 7). Прямоугольный ящик, 50 × 35 × 50 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. В заполнении могилы кости ребёнка и животного: фрагменты нижней челюсти и фрагменты подъязычной кости лошади, ребро овцы.

Курган 426 (1967, гр. 4) (рис. 92: 9–11). До раскопок на ровной поверхности почвы проступали торцы вертикально стоявших плит четырёхугольной ограды, 4,00 × 4,00 м, В — 3. В центре ограды могила.

Могила (рис. 92: 10). Трапециевидный ящик, 190 × 85 — 45 × 65 см, В — 3, из 7 вертикально поставленных плит. По краям ящика, над ним и в заполнении встречались обломки плит покрытия. В могиле в полном беспорядке кости скелета человека 18–20 лет. На дне в смещённом положении лежал череп. Обломки горшка (рис. 92: 11).

Курган 622 (1968, гр. 4) (рис. 92: 4, 8). До раскопок было видно небольшое возвышение. Заложённым в центре раскопом выявлено две могилы. Ограда не обнаружена. Могилы расположены рядом, их разделяет смежная стенка, сложенная из мелких плит.

Могила 1 (рис. 92: 8). Прямоугольная циста, 135 × 65 × 80 см, СВ — ЮЗ, из 13 рядов плиток. Вокруг могилы обкладка из горизонтально положенных плит. В заполнении могилы кости скелета мужчины 25–35 лет.

Могила 2 (рис. 92: 8). Прямоугольная циста, 140 × 100 × 80 см, СВ — ЮЗ, из 19 рядов плит. Могила покрыта плитами. На дне могилы у северо-восточной стенки по углам два горшка. В заполнении могилы обломки костей человека и фрагменты керамики.

Группа 5

Расположена на западной и юго-западной окраине могильника. Условно отделена полевой дорогой от группы 4, пересекающей эту часть могильника с юго-запада на северо-восток. Со всех сторон за исключением северо-восточной окружена свободным от курганов пространством. Состоит преимущественно из четырёхугольных оград, но есть единичные круглые. В 1963 году раскопано всего 3 кургана — 179, 185, 199. В 1964 году тоже три — кург. 320, 324, 352. В 1965-м — 13 курганов, в 1966-м всего 5 — 180, 187, 247, 249, 329. Самое большое число курганов (54) раскопано в 1967 году, а в 1968 году — 19 курганов. Всего в пятой группе раскопано 97 курганов.

Курган 179 (1963, гр. 5) (рис. 93: 1–3). До раскопок были видны отдельные камни, образовывавшие кольцо. После зачистки выявилась разрушенная кольцевая ограда диаметром 12 м (мог. 1), камни со стен которой упали внутрь его и покрыли всю площадь. С северной стороны кольца сделана полукруглая пристройка диаметром 5,00 м (мог. 2).

Могила 1 (рис. 93: 2). Разрушенный прямоугольный ящик, 210 × 80 × 65 см, ВСВ — ЗЮЗ, у которого не сохранилась восточная стена и часть южной. За пределами могилы лежали обломки плит покрытия. В западной части могилы несколько костей скелета мужчины 35–45 лет.

Могила 2 (рис. 93: 3). Прямоугольный ящик, 130 × 40 × 60 см, СВ — ЮЗ, из поставленных на ребро плит. Все кости в беспорядке. На месте только остатки стопы, судя по которым погребённый был положен головой на СВ.

Могила 3. С юго-востока от могилы 1, среди камней развалившейся ограды лежал скелет женщины 25–30 лет вытянуто на спине головой на З (видимо, впускной тагарский).

Курган 180 (1966, гр. 5) (рис. 93: 4–5). До раскопок на поверхности прослеживалась квадратная ограда, 3,00 × 3,00 м (мог. 2), из вертикально поставленных плит, и две пристройки к ней, с запад-

ной 2,50 × 2,50 м (мог. 3) и северной 1,00 × 2,00 м (мог. 1) сторон.

Могила 1. Прямоугольный детский ящик, от которого сохранилась только одна поперечная стенка. Судя по ней, ящик был сооружён из поставленных вертикально плит. Могила разрушена. Погребения не сохранилось.

Могила 2 (рис. 93: 4). Прямоугольный ящик, 180 × 90 × 52 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. В могиле разрозненные мелкие кости скелета взрослого. На дне раздавленный горшок (рис. 93: 5).

Могила 3. Прямоугольный ящик, 100 × 45 × 45 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытия нет. В могиле разрозненные кости детского скелета 4–5 лет. Вещей нет.

Курган 181 (1968, гр. 5) (рис. 94: 1–5). До раскопок на ровной поверхности проступали стоявшие вертикально камни прямоугольной ограды 6,20 × 4,40 м, ССЗ — ЮЮВ. В ограде оказалось две могилы.

Могила 1 (рис. 94: 2). Трапециевидный ящик, 150 × 75 — 60 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных шести плит. В заполнении могилы разрозненные кости человека и лопатка овцы.

Могила 2 (рис. 94: 4). Трапециевидный ящик, 170 × 70 — 40 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над концами могилы обломки плит покрытия. В могиле на дне отчасти нарушенный скелет мужчины 18–20 лет, без черепа, вытянуто на спине, головой на СВ. В восточном углу горшок (рис. 94: 3), у шеи обломки бронзового предмета, на груди бронзовое колечко (рис. 94: 5), правая лопатка овцы.

Курган 182 (1968, гр. 5) (рис. 94: 6–11). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные вертикально стоявшие камни системы из трёх оград. Первая, юго-западная ограда прямоугольной формы, 5,00 × 3,00 м (мог. 1), СЗ — ЮВ. К ней с северо-востока пристроена ограда, от которой сохранилась юго-восточная и северо-восточная стены, так что размеры ограды не устанавливаются (мог. 3). С северо-запада пристроена ограда 3,20 × 3,20 м (мог. 2).

Могила 1 (рис. 94: 7). Прямоугольный ящик, 196 × 60 × 70 см, из мелких, вертикально поставленных плит. Над могилой обломки плиты покрытия.

На дне ноги взрослого, судя по которым он первоначально лежал головой на СВ, а остальные кости в заполнении могилы. Там же кости животных и керамика (рис. 94: 11).

Могила 2 (рис. 94: 8). Прямоугольный ящик, 130 × 35 × 60 см, СВ — ЮЗ, из мелких, вертикально поставленных плит. Над северо-восточной частью могилы обломок плиты покрытия. В заполнении могилы кости скелета человека, обломки горшка (рис. 94: 10) и два куска мяса: лопатка и голень овцы.

Могила 3 (рис. 94: 9). Прямоугольный ящик, 140 × 60 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. В заполнении кости человека и животного.

Курган 183 (1967, гр. 5) (рис. 95: 1). До раскопок на ровной поверхности чётко прослеживались вертикальные плиты ограды 4,50 × 4,00 м, ориентированной СВ — ЮЗ.

Могила. Прямоугольный ящик, 150 × 75 × 50 см, СВ — ЮЗ, из 6 вертикальных плит. Над юго-западной частью могилы обломанная плита перекрытия. В могиле на разных уровнях разрозненные кости подростка 12 лет, обломки горшка, бронзовая сферическая бляшка (рис. 95: 2) и кости овцы (левая большая берцовая и 3 левых ребра).

Курган 184 (1967, гр. 5) (рис. 95: 3). На ровной поверхности почвы до раскопок были чётко видны вертикальные плиты системы из трёх оград. Общая ориентировка СЗ — ЮВ. Размеры: северная ограда 3,50 × 2,50 м (мог. 1), южная 4,00 × 2,50 м (мог. 2), восточная 3,00 × 2,50 м (мог. 3).

Могила 1. Прямоугольный ящик, 100 × 60 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 5 вертикальных плит. Плиты покрытия не сохранились. В могиле разрозненные кости ребёнка и кости овцы: левая большая берцовая и 3 левых ребра.

Могила 2. Трапециевидный ящик, 200 × 100 — 75 × 75 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 6 вертикальных плит. У западно-юго-западной стены могилы сохранились плиты перекрытия. В могиле разрозненные кости подростка и кости овцы: левые лопатка и большая берцовая.

Могила 3. Трапециевидный ящик, 175 × 100 — 75 × 60 см, В — З, из 5 вертикальных плит. В могиле разрозненные кости подростка. Вещей нет.

Курган 184а (1968, гр. 5) (рис. 95: 4–6). До раскопок на ровной поверхности проступали верти-

кально стоящие камни четырёхугольной ограды 4,60 × 4,00 м, СВ — ЮЗ. В центре ограды могила.

Могила (рис. 95: 5). Трапециевидный ящик, 190 × 75 — 60 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Юго-восточная стена нарушена. Над северо-восточной частью обломки плит покрытия. В могиле разрушенный скелет взрослого, от которого на месте остались голени, судя по которым первоначально погребённый был положен вытянуто на спине, головой на СВ. В заполнении могилы встречались кости животного и обломки горшка (рис. 94: 6).

Курган 185 (1963, гр. 5) (рис. 96: 1–4). До раскопок на поверхности выступали камни, образовавшие большую четырёхугольную ограду, 11,00 × 7,00 м, ориентированную СЗ — ЮВ. После зачистки выявилось, что ограда двойная, северная её часть 7,00 × 7,00 м (мог. 2), а пристроенная южная 4,00 × 7,00 м (мог. 3), камни ограды отклонены наружу. У северного угла основной ограды пристроена с восточной стороны ещё одна ограда, размерами 3,50 × 2,50 м (мог. 1).

Могила 1. Трапециевидный ящик, 120 × 50 — 45 × 55 см, С — Ю, из поставленных на ребро плит, над южной частью остатки плит покрытия. В могиле кости скелета в беспорядке. В заполнении обломки сосуда.

Могила 2 (рис. 96: 2). Трапециевидный, несколько расширенный кверху, ящик, 220 × 85 — 80 × 75 см, СВ — ЮЗ, из поставленных на ребро плит. Почти над серединой могилы обломок плиты покрытия 200 × 120 см. Все кости скелета в беспорядке. Судя по форме могилы, погребённый лежал головой на СВ.

Могила 3 (рис. 96: 3). Прямоугольная циста, 190 × 80 × 20 см, ВСВ — ЗЮЗ, из горизонтально положенных плит, сохранившихся в один-два ряда. Судя по глубине, могила зимняя. Покрытие не сохранилось. На месте таз и бёдра скелета женщины 30–40 лет, остальные кости смещены. Судя по сохранившимся костям, погребённая лежала на спине, вытянуто, головой на ВСВ. В заполнении обломки горшка (рис. 96: 4).

Курган 186 (1968, гр. 5) (рис. 95: 7–8). До раскопок на ровной поверхности были видны вертикально стоящие камни четырёхугольной ограды 4,20 × 3,80 м, В — З. В центре могила.

Могила (рис. 95: 8). Прямоугольный ящик, 160 × 55 × 60 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Вокруг ящика обломки плит покрытия. В заполнении могилы кости взрослой женщины и черепки.

Курган 187 (1966, гр. 5). До раскопок на плоской поверхности была заметна квадратная ограда, 3,50 × 3,80 м, из поставленных вертикально плит. Чертежей нет.

Могила. Прямоугольный ящик, 150 × 90 × 70 см, В — З, из поставленных вертикально плит. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости скелета женщины старше 60 лет. Вещей нет.

Курган 188 (1965, гр. 5) (рис. 96: 5–7). До раскопок на поверхности земли прослеживались камни четырёхугольной ограды, 5,00 × 4,50 м (мог. 2), В — З, из вертикально стоящих плит. С севера к ней была сделана пристройка 5,00 × 4,00 м (мог. 1), В — З, также из вертикальных плит.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 180 × 80 × 85 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Перекрыт плитами. На дне большая плита, а под ней погребение тагарской женщины 35–45 лет, на спине, вытянуто, головой на З. У пояса бронзовый нож (рис. 96: 6), у южной стены горшок.

Могила 2. Прямоугольный ящик, 190 × 70 × 70 см, З — В, из вертикально поставленных плит. На дне разрушенное погребение мужчины-тагарца 24–26 лет. На месте череп и голени, судя по которым погребённый лежал вытянуто на спине, головой на З. У черепа бронзовый стержень (тагарское шило. — А.П.) (рис. 96: 7), справа у черепа горшок.

Курган 190 (1968, гр. 5) (рис. 96: 8). До раскопок на ровной поверхности были видны вертикально стоящие камни четырёхугольной ограды размером 7,20 × 7,00 м, СЗ — ЮВ, в центре которой находилась могила.

Могила. Трапециевидный ящик, 145 × 80 — 65 × 60 см, В — З, из небольших, вертикально поставленных плит. Вокруг ящика лежали обломки плит перекрытия. В заполнении могилы разрозненные кости скелета человека и обломки рёбер коровы.

Курган 191 (1965, гр. 5) (рис. 97: 1). До раскопок на поверхности проступали камни прямоугольной ограды 6,50 × 5,50 м, ЮВ — СЗ, из вертикально поставленных плит. В центре кургана могила.

Могила. Трапециевидный ящик, 220 × 80 — 60 × 80 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранилась плита над северо-восточной частью. В могиле отдельные кости скелета мужчины 35–55 лет. Вещей нет.

Курган 191а (1968, гр. 5) (рис. 97: 2–3). До раскопок на ровной поверхности были видны отдельные вертикально стоящие камни прямоугольной ограды 4,80 × 4,80 м, СЗ — ЮВ, в центре могила.

Могила (рис. 97: 3). Грунтовая яма, точные размеры которой не установлены. Над ямой отдельные большие плиты покрытия. На дне, вытянуто на спине, головой почти точно на В, разрушенный скелет женщины 35–45 лет, от которого сохранились конечности и череп. В могиле найдены кости овцы, 3 куска мяса: правые лопатка, голень, пяточная кость и ребро.

Курган 192 (1968, гр. 5) (рис. 97: 4–6). До раскопок на ровной поверхности были видны вертикально стоявшие камни четырёхугольной ограды, 5,60 × 4,60 м, С — Ю, внутри которой наблюдался развал плит. В ограде оказалось две могилы.

Могила 1 (рис. 97: 5). Трапециевидная циста, 170 × 60 — 35 × 20 см, В — 3, из плашмя положенных мелких плит. Верхняя часть сооружения развалилась наружу. Могила сооружена на древней поверхности почвы. В могиле на месте правая нога с частью таза и левая голень, судя по которым погребённый взрослый был положен вытянуто на спине, головой на В. В заполнении найдена нижняя часть голени лошади.

Могила 2 (рис. 97: 6). Трапециевидная циста, 140 × 60 — 40 × 20 см, В — 3, из плашмя положенных плит, верхняя часть сооружения развалилась наружу. Могила сооружена на древней поверхности почвы. В заполнении могилы несколько костей человека.

Курган 193 (1968, гр. 5) (рис. 97: 7–9). До раскопок на поверхности были видны вертикально стоявшие камни прямоугольной ограды, 4,60 × 4,60 м, СЗ — ЮВ, в середине наблюдался развал камней (мог. 1). К северо-восточному углу пристроена другая ограда, 3,00 × 2,80 м (мог. 2).

Могила 1 (рис. 97: 8). Трапециевидная циста, 180 × 65 — 40 × 32 см, В — 3, из плашмя положенных плит. Верхняя часть сооружения развалилась.

Могила едва углублена в землю. В заполнении кости скелета мужчины 35–45 лет.

Могила 2 (рис. 97: 9). Трапециевидный, сильно разрушенный ящик, 170 × 80 — 60 × 50 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Вокруг могилы разбитые плиты покрытия. В могиле кости животных и отдельные кости юношеского скелета 14–15 лет.

Курган 199 (1963, гр. 5) (рис. 98: 1). До раскопок на поверхности были видны вертикально стоявшие камни, образывавшие четырёхугольную ограду, 4,00 × 3,50 м, СЗ — ЮВ. После зачистки выявилась могила.

Могила. Прямоугольный ящик, 150 × 70 × 70 см, из поставленных на ребро плит. Дно устлано плитками. Могила пуста.

Курган 200 (1967, гр. 5) (рис. 98: 2). До раскопок на ровной поверхности было заметно небольшое возвышение и окаймляющие его, плашмя положенные плиты. Диаметр ограды 11,50 м. В центре могила.

Могила. Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 75 см, ВСВ — ЗЮЗ. Вокруг могилы развал плит песчаника. Могила пуста.

Курган 201 (1967, гр. 5) (рис. 98: 3–4). До раскопок на ровной поверхности были видны вертикально стоявшие плиты ограды, 4,00 × 3,75 м, ориентированной СВ — ЮЗ. В центре могила.

Могила (рис. 98: 4). Трапециевидный ящик, 225 × 100 — 75 × 60 см, СВ — ЮЗ. Сохранились плиты трёх стенок, а юго-западная стена наполовину отсутствует. Вокруг могилы и в заполнении обломки плит перекрытия. В могиле в первоначальном положении таз, бёдра и грудная часть скелета, судя по которым погребённый первоначально лежал на спине, головой на СВ.

Курган 205 (1967, гр. 5) (рис. 98: 5–6). До раскопок на ровной поверхности было видно возвышение и окаймляющие его вертикальные плиты ограды, размером 8,25 × 6,00 м (мог. 1). К северо-восточной стороне пристроена вторая оградка из вертикальных плит, размером 2 × 2 м (мог. 2). Общая ориентировка ССЗ — ЮЮВ.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 100 × 50 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 4 плит. Над западной и восточной стенками сохранились разбитые плиты перекрытия. В могиле разрозненные кости ребёнка 3–6 лет.

Могила 2 (рис. 98: 6). Прямоугольный ящик, 175 × 100 × 70 см, СВ — ЮЗ, из 6 плит. В северо-восточной части могилы сохранились массивные плиты перекрытия. Могила разграблена. На разных глубинах найдены разрозненные кости скелета мужчины (?) 30–40 лет и кости овцы: левые лучевая и 3 ребра.

Курган 209 (1968, гр. 5) (рис. 99: 1–2). До раскопок на поверхности прослеживались отдельные вертикально стоявшие камни прямоугольной ограды, 7,00 × 6,00 м, С — Ю, а в середине её были видны камни.

Могила. Прямоугольная циста, 170 × 80 × 20 см, В — З, из плашмя положенных плит. На месте сохранился один ряд плит. Могила сооружена на древней поверхности почвы. Могила пуста.

Курган 211а (1967, гр. 5) (рис. 99: 4). До раскопок на ровной поверхности были чётко видны четыре стороны оградки из вертикально поставленных плит, размером 5,50 × 5,50 м, СВ — ЮЗ.

Могила. Трапециевидный ящик, 200 × 100 — 70 × 60 см, СВ — ЮЗ, частично разрушенный. В заполнении могилы разбитые плитки от перекрытия, разрозненные кости скелета женщины 20–30 лет. На лопатке и фаланге следы окиси меди.

Курган 212 (1967, гр. 5) (рис. 99: 5–7). До раскопок на ровной поверхности прослеживались вертикальные плиты двух оградок, общая ориентировка В — З. Размеры: западная — 4,75 × 4,75 м (мог. 1), восточная — 4,00 × 4,00 м (мог. 2).

Могила 1 (рис. 99: 6). Прямоугольный ящик, 175 × 75 × 50 см, В — З, из 4 плит. Над западной частью могилы сохранились плиты перекрытия. В заполнении могилы найдены разрозненные кости скелета женщины 20–30 лет. На локтевой кости и фаланге следы окиси меди. В заполнении найдены обломки горшка.

Могила 2 (рис. 99: 7). Прямоугольный ящик, 175 × 70 × 50 см, В — З, из 8 вертикальных плит. Покрытие не сохранилось. В заполнении могилы на разных уровнях разбитые плитки от перекрытия. Найдены разрозненные кости подростка 13–14 лет, кости барана: левые большая берцовая и бедренная, и обломки горшка.

Курган 213 (1968, гр. 5) (рис. 100: 1–4, 6, 7). До раскопок на поверхности проступали отдельные

вертикально стоявшие плиты системы пристроенных одна к другой оград. Основная ограда центральная, 7,00 × 6,40 м (мог. 1), СВ — ЮЗ. С юго-запада сделана пристройка размером 5,40 × 4,00 м (мог. 2), СЗ — ЮВ. К юго-восточному углу основной ограды пристроена третья оградка, 3,80 × 2,20 м (мог. 3), СВ — ЮЗ. К северо-западной стене основной ограды сделана пристройка (мог. 4), размеры которой не устанавливаются.

Могила 1 (рис. 100: 2). Трапециевидный ящик, 190 × 75 — 55 × 70 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных шести плит. В могиле на дне голень, судя по которой погребённый первоначально лежал на левом боку, головой на СВ. В заполнении могилы кости скелета, обломки горшка (рис. 99: 6), обломки бронзового предмета, кости животных — три куска мяса: левые лопатка, 3 ребра и пяточная кость овцы.

Могила 2 (рис. 100: 3). Трапециевидный ящик, 170 × 75 — 55 × 50 см, СВ — ЮЗ, из пяти вертикально поставленных плит. Над могилой сохранились остатки плит покрытия. На дне могилы голени взрослого, судя по которым первоначально погребённый был положен на левом боку, головой на СВ. В заполнении могилы обломок бронзового предмета и черепок.

Могила 3 (рис. 100: 4). Сильно разрушенная циста, 195 × 70 × ?? см, СВ — ЮЗ, из плашмя положенных плит. Могила сооружена на древней поверхности почвы. Размеры не устанавливаются. Пуста (имеется рисунок сосуда с указанием на эту могилу. — А.П.) (рис. 100: 7).

Могила 4. Сильно разрушенная циста, сооружённая на древней поверхности почвы. Размеры не устанавливаются. Пуста.

Курган 214 (1968, гр. 5) (рис. 100: 5, 8–9). До раскопок на поверхности почвы были видны вертикально стоявшие камни двух прямоугольных оград. Юго-западная ограда размером 6,40 × 4,40 м (мог. 2), СВ — ЮЗ. Северо-восточная 6,60 × 6,00 м (мог. 1), СЗ — ЮВ.

Могила 1 (рис. 100: 8). Прямоугольный ящик, 170 × 65 × 70 см, ВСВ — ЗЮЗ, из шести вертикально поставленных плит. Над восточной частью сохранился большой кусок плиты покрытия. В заполнении встречались кости человека и два фрагмента горшка.

Могила 2 (рис. 100: 9). Прямоугольная разрушенная циста, примерные размеры 150 × 80 см,

ССЗ — ЮЮВ, из плашмя положенных плит. В ней левая пяточная кость овцы.

Курган 215 (1968, гр. 5) (рис. 101: 1–5). До раскопок на поверхности прослеживались вертикально стоявшие плиты двух пристроенных оград прямоугольной формы. Юго-западная ограда 5,20 × 5,00 м (мог. 1), СЗ — ЮВ. Северо-восточная 5,60 × 5,00 м (мог. 2), СЗ — ЮВ. Внутри каждой ограды наблюдался развал плит.

Могила 1 (рис. 101: 2). Прямоугольная, сильно разрушенная циста, 200 × 65 × ?? см, СВ — ЮЗ, из плашмя положенных плит. Могила была сооружена на древней поверхности почвы. Вокруг могилы развал плит. В могиле найдены фрагменты горшка (рис. 101: 4). Костей нет.

Могила 2 (рис. 101: 3). Прямоугольная циста, 200 × 70 × 20 см, ВСВ — ЗЮЗ, из плашмя положенных плит. Вокруг могилы развал из плит. В могиле у восточной стенки горшок (рис. 101: 5), а в заполнении кости скелета мужчины 50–60 лет и кости животных — три куска мяса: правая лопатка, левые 2 ребра, пяточная кость овцы и верхний коренной зуб лошади.

Курган 216 (1967, гр. 5) (рис. 99: 3). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные вертикально стоявшие плиты оградки размером 5,50 × 5,50 м, СЗ — ЮВ.

Могила. Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 80 см, СВ — ЮЗ, из 6 вертикальных плит. Над могилой сохранились разбитые плиты перекрытия. Вокруг ящика обкладка из плашмя положенных плит. В могиле ничего не найдено.

Курган 217 (1968, гр. 5) (рис. 101: 6–8). До раскопок на поверхности прослеживались отдельные камни ограды, стоявшие вертикально. Форма её не устанавливается, размеры 5,40 × 5,00 м, С — Ю. В центре наблюдался развал из плит.

Могила (рис. 100: 7). Прямоугольная циста, 170 × 80 × 20 см, ВСВ — ЗЮЗ, из плашмя положенных плит. Вся верхняя часть могилы развалилась. Могила сооружена на древней поверхности почвы. В могиле на дне орнаментированный горшок (рис. 100: 8), а в заполнении части голени взрослого человека, судя по которым он первоначально лежал головой на ВСВ.

Курган 220 (1965, гр. 5) (рис. 101: 9–10). До раскопок на поверхности были видны камни четырёхугольной ограды, 6,00 × 4,40 м, ЮВ — СЗ, из вертикально врытых плит. Почти в центре кургана оказалась могила.

Могила (рис. 101: 10). Прямоугольный ящик, 200 × 70 × 80 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Над могилой лежали сдвинутые с места плиты покрытия. На дне отдельные кости скелета мужчины 35–45 лет.

Курган 221 (1967, гр. 5) (рис. 102: 1–3). До раскопок на ровной поверхности были видны вертикальные плиты ограды размером 7,50 × 7,50 м, СЗ — ЮВ. В центре одна могила.

Могила (рис. 102: 2). Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 75 см, СВ — ЮЗ, из 6 плит. Вокруг могилы разбитые плиты перекрытия. В могиле на разных уровнях и на дне у юго-западной стенки разрозненные кости скелета мужчины 20–30 лет и обломки горшка (рис. 102: 3). Кроме того, в могиле найдены кости овцы: левые большая берцовая, лопатка и рёбра.

Курган 222 (1967, гр. 5) (рис. 102: 4–5). До раскопок на ровной поверхности чётко прослеживались вертикальные плитки оградки, 5,50 × 5,50 м, СЗ — ЮВ. В центре могила.

Могила (рис. 102: 5). Прямоугольный ящик, 175 × 100 × 75 см, СВ — ЮЗ, из 4 вертикальных плит. Над западной частью могилы сохранилась разбитая плита перекрытия. В могиле на разных уровнях найдены разрозненные кости взрослого человека (мужчины?).

Курган 223 (1965, гр. 5) (рис. 103: 1–2). До раскопок на поверхности были видны камни четырёхугольной ограды, 6,00 × 5,50 м, ЮВ — СЗ, из вертикально врытых плит. В центре кургана могила.

Могила (рис. 103: 2). Прямоугольный ящик, 200 × 90 × 70 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 40–50 лет.

Курган 223а (1968, гр. 5) (рис. 103: 3–7). До раскопок на поверхности были видны вертикально стоявшие камни прямоугольной ограды с пристройкой. Ограда юго-западная, размером 5,00 × 4,60 м (мог. 1), СЗ — ЮВ, пристройка с северо-востока, 3,40 × 3,40 м (мог. 2).

Могила 1 (рис. 103: 4). Трапециевидный ящик, 180 × 75 — 45 × 60 см, СВ — ЮЗ. Над длинными сторонами могилы сохранились плиты покрытия. В могиле на разной глубине кости скелета мужчины 30–40 лет и фрагменты горшка (рис. 103: 6). У юго-восточной стены, ближе к восточному углу, горшок (рис. 103: 7).

Могила 2 (рис. 103: 5). Неправильный прямоугольный ящик, 130 × 55 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. В заполнении отдельные кости скелета ребёнка 2–3 лет.

Курган 225 (1965, гр. 5) (рис. 102: 6–7). До раскопок на поверхности была видна едва заметная припухлость, в основании которой просматривалась круглая ограда 6,00 м в диаметре, из положенных плашмя плит. В центре кургана могила.

Могила (рис. 102: 7). Трапециевидный ящик, 220 × 80 — 60 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Почти вся могила перекрыта разбитой плитой. На дне на месте правая нога, судя по которой погребённый лежал на левом боку, головой на СВ.

Курган 227 (1965, гр. 5) (рис. 104: 1–2). До раскопок на поверхности была едва заметная припухлость, в основании которой выступали камни четырёхугольной ограды, 7,00 × 5,00 м, ЮВ — СЗ, из вертикально поставленных плит. В центре кургана могила.

Могила (рис. 104: 2). Трапециевидный ящик, 200 × 110 — 90 × 70 см, СВ — ЮЗ, из вертикальных плит. От покрытия сохранился обломок плиты над юго-западной частью могилы. В могиле отдельные разрозненные кости скелета женщины 35–45 лет.

Курган 229 (1968, гр. 5) (рис. 104: 3–7). До раскопок на ровной поверхности проступали вертикально стоявшие камни системы оград. Она состоит из четырёх оградок, но установить последовательность их сооружения не всегда удаётся из-за отсутствия промежуточных стен. В результате раскопок выявились обрывки северной стены системы, часть западной и часть восточной. В северной половине системы две могилы, 1 и 2, между которыми раздельная перегородка не сохранилась, так что установить, которая из бывших оград основная, невозможно. К остаткам южной стены северной части системы пристроена ограда с могилой 3, вытянутая

с С на Ю, она имеет размеры 4,00 × 3,80 м. С востока к ней пристроена ограда с могилой 4, её размеры 3,00 × 2,40 м, З — В.

Могила 1 (рис. 104: 4). Трапециевидный ящик, 160 × 60 — 40 × 50 см, В — З, из семи поставленных вертикально плит. Покрытие над могилой не сохранилось, но вокруг неё были разбросаны обломки плит. В могиле несколько скорчено, на левом боку, головой на В лежал скелет взрослого человека. В заполнении встречена левая голень овцы. При зачистке дна после снятия скелета в западной части были обнаружены две голени от другого скелета. Вещей и керамики в могиле нет.

Могила 2 (рис. 104: 5). Прямоугольная циста, 160 × 70 × 30 см, ВСВ — ЗЮЗ, из плашмя положенных плиток. Могила сооружена на древней поверхности почвы. Верхняя её часть развалилась, и эти плиты лежат вокруг могилы. В могиле разрозненные кости скелета женщины 50–60 лет, правая голень и левая часть нижней челюсти овцы и обломок сосуда.

Могила 3 (рис. 104: 6). Прямоугольная циста, 140 × 70 × 15 см, ВЮВ — ЗСЗ, из плашмя положенных плиток, очень сильно разрушенная. Могила сооружена на поверхности почвы. В заполнении могилы кости скелета человека, фрагменты верхней челюсти лошади и фрагменты керамики.

Могила 4 (рис. 104: 7). Прямоугольный ящик, 120 × 40 × 50 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Часть восточной и южной стены не сохранилась. В могиле только обломки плит.

Курган 228 (1968, гр. 5) (рис. 105). До раскопок на поверхности выступали вертикально стоявшие плиты системы пристроенных одна к другой оград. После раскопок выявилось шесть прямоугольных оград и удалось установить примерную последовательность сооружения их, исходя из места каждой оградки в системе и степени наклона и развала плит. Основной в данном сооружении является ограда, содержащая две могилы, 1 и 2. Второй по времени и последовательности можно считать ограду с могилой 3, пристроенную с северо-востока к первой, так как их общая стена почти не имеет развала. Эта ограда вытянута в том же направлении, что и первая, но её размеры 3,40 × 3,20 м. С юго-востока к первой ограде пристроена ещё одна, с могилой 7. Её размеры 3,60 × 2,80 м, ориентирована она длинной осью с ЮЗ — СВ. У юго-западной стены последней ограды и части одноимённой стены первой ограды

находится пристройка с могилой 5. Она вытянута с СЗ на ЮВ, её размеры 4,40 × 2,60 м. У северной части юго-западной стены основной ограды сделана ещё одна пристройка с могилой 4, но её размеры не устанавливаются. От юго-западной стены четвёртой отходит ограда с могилой 6, размерами 2,60 × 2,60.

Могила 1 (рис. 105: 2). Прямоугольный ящик, 110 × 45 × 45 см, СВ — ЮЗ, из шести вертикально поставленных плит. Вокруг ящика и на северо-восточной части его — плиты покрытия. Погребение разрушено. В заполнении могилы кости скелета ребёнка до 6 лет, обломки сосуда и кости животного: левые лопатка и голень овцы, а на дне в восточном углу стоял горшок (рис. 105: 9).

Могила 2 (рис. 105: 3). Прямоугольный ящик, 110 × 50 × 40 см, ВСВ — ЗЮЗ, из четырёх вертикально поставленных плит. Вокруг ящика обломки плит покрытия. Могила полностью разрушена. В заполнении отдельные обломки костей скелета ребёнка 7–12 лет.

Могила 3 (рис. 105: 4). Трапециевидный ящик, 120 × 55 — 30 × 45 см, В — З, из 5 вертикально поставленных плит. С запада и востока над ящиком сохранились обломки плит покрытия. Могила полностью разрушена, в ней отдельные кости скелета человека.

Могила 4 (рис. 105: 5). Прямоугольный ящик, 90 × 50 × 25 см, СВ — ЮЗ, из небольших плит. Могила едва углублена в землю. Вокруг ящика развал плит. В заполнении могилы найдены только отдельные черепки.

Могила 5 (рис. 105: 6). Прямоугольная циста, 160 × 65 × 15 см, ВСВ — ЗЮЗ, из плашмя положенных плит. Верхняя часть сооружения развалилась. Могила сооружена на древней поверхности почвы. Она сильно разрушена. На дне у северо-западной стены кости ног, судя по которым погребённый был первоначально положен вытянуто на спине, головой на ВСВ. Между бёдрами лежал бронзовый браслет (судя по диаметру, височное кольцо. — *А.Л.*) (рис. 105: 11), а ближе к северному углу стоял горшок (рис. 105: 10).

Могила 6 (рис. 105: 7). Трапециевидный ящик, 95 × 35 — 25 × 35 см, СВ — ЮЗ, из четырёх вертикально поставленных плит. Над могилой и рядом с ней обломки плит покрытия. Погребение разрушено. В заполнении могилы отдельные кости скелета человека и левая лопатка овцы.

Могила 7 (рис. 105: 8). Трапециевидный ящик, 155 × 55 — 40 × 45 см, СВ — ЮЗ, из шести вертикально поставленных плит. Над могилой в отдельных местах сохранились обломки плит покрытия. На дне могилы кости ног скелета человека, судя по которым он первоначально был положен на левом боку с несколько согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. В заполнении найдены отдельные кости, обломок бронзового предмета и лопатка овцы.

Курган 248 (1967, гр. 5) (рис. 106: 1–2). До раскопок на ровной поверхности почвы были заметны плиты системы из двух оград. Общая ориентировка ССВ — ЮЮЗ. Северная ограда из плашмя положенных плит, 14,50 × 11,00 м (мог. 1), южная из вертикально поставленных плит, 14,50 × 15,00 м (мог. 2).

Могила 1. Трапециевидный ящик, 190 × 60 — 40 × 80 см, СВ — ЮЗ, из 5 вертикально поставленных плит. Вокруг могилы и частично над ней разбитые плиты покрытия. В могиле на разных глубинах разрозненные кости скелета женщины 40–45 лет и обломки горшка (рис. 106: 2).

Могила 2. Трапециевидный ящик, 210 × 65 — 45 × 55 см, СВ — ЮЗ, из 6 вертикальных плит. Вокруг могилы обкладка из плашмя лежащих плит. В могиле разрозненные кости скелета мужчины 40–50 лет, кости овцы и обломки горшка.

Курган 248а (1967, гр. 5) (рис. 106: 3–5). До раскопок на ровной поверхности почвы прослеживались отдельные вертикальные плиты ограды, 4,75 × 5,00 м, СВ — ЮЗ. В ограде могила.

Могила (рис. 106: 4). Трапециевидный ящик, 200 × 100 — 75 × 75 см, СВ — ЮЗ, из 7 вертикальных плит. Покрытие не сохранилось. В заполнении могилы разрозненные кости скелета мужчины 20–30 лет. В первоначальном положении голени, лопатки и шейные позвонки. Вероятно, погребённый был положен вытянуто на спине, головой на СВ. На дне могилы у северо-восточной стены стоял горшок (рис. 106: 5), а в заполнении могилы найдены обломки височного кольца и ножа без клинка (рис. 106: 6).

Курган 176 (1968, гр. 5) (рис. 107: 1–3). До раскопок на ровной поверхности прослеживались вертикальные камни прямоугольной ограды 5,60 × 4,40 м, С — Ю.

Могила (рис. 107: 2). Прямоугольный ящик, 150 × 60 × 70 см, В — З, из шести вертикально постав-

ленных плит. Над западной частью его сохранились остатки плит покрытия. На дне могилы почти целый скелет взрослого без черепа, на левом боку, с несколько согнутыми ногами. У бёдер левая лопатка и 10 левых и правых рёбер барана. Против таза горшок (рис. 107: 3). В области шеи обломок гривны и рядом обломки височного кольца.

Курган 372 (1967, гр. 5) (рис. 107: 4). До раскопок на ровной поверхности были видны вертикально стоявшие камни прямоугольной ограды. После снятия земли выявлена вся ограда, 2,75 × 2,50 м, В — З, у которой была разрушена восточная стена.

Могила. Прямоугольный ящик, 125 × 75 × 60 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Северная стена ящика разрушена. Покрытия нет. В заполнении могилы разрозненные кости женщины 60–70 лет и кости овцы.

Курган 398 (1967, гр. 5) (рис. 107: 5). До раскопок на ровной поверхности проступали отдельные вертикально стоявшие камни ограды, образывавшие прямоугольник. В центре его также лежали камни. Размеры ограды 5,00 × 5,00 м, СЗ — ЮВ.

Могила. Прямоугольный ящик, 175 × 85 × 75 см, СВ — ЮЗ. Над могилой частично сохранились плиты покрытия. В могиле ничего не обнаружено.

Курган 374 (1968, гр. 5) (рис. 107: 6–8). До раскопок на поверхности была видна небольшая припухлость, высотой около 20 см. Для выяснения ограды была заложена траншея, в которой удалось найти части северо-западной и юго-восточной сторон круглой ограды из плашмя положенных плит. В этом направлении она имела 10,00 м.

Могила (рис. 107: 7). Прямоугольный ящик, 210 × 115 × 85 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Над западной частью могилы сохранились обломки плит покрытия. В могиле у северной стены на левом боку, несколько скорчено, лежал скелет взрослого, головой на В, сильно разрушенный. В юго-восточном углу стоял горшок, инкрустированный белой пастой (рис. 107: 8). В заполнении встречались недостающие кости скелета, обломки двух черепов: взрослого и детского — и два правых ребра коровы.

Курган 378 (1967, гр. 5) (рис. 108: 1–5). До раскопок на поверхности хорошо было видно возвышение, в основании которого и по сторонам прослежи-

вались вертикально стоявшие плитки, образывавшие систему из оград. Общее направление всей системы СЗ — ЮВ. Первоначально была возведена ограда 2. От неё сохранились только части северо-западной и юго-восточной стен. Длина с ЮВ на СЗ — 6,00 м (мог. 2). К северу от неё пристроена оградка 1 — 2,50 × 3,00 м (мог. 1), СВ — ЮЗ, из вертикальных плиток. С юго-восточной стороны основной ограды была пристроена оградка 3 — 5,00 × 5,00 м (мог. 3). К оградке 3 с юго-востока пристроена полукольцевая оградка радиусом 2,50 м (мог. 4).

Могила 1. Прямоугольный ящик, 150 × 75 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально стоявших плит. Стенки во многих местах разрушены. Над юго-западной частью ящика остались плиты покрытия. В могиле разрозненные кости скелета.

Могила 2 (рис. 108: 2). Трапециевидный ящик, 170 × 70 — 50 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 4 вертикальных плит. Покрытие разбито. В могиле разрозненные кости скелета женщины 30–35 лет, фрагменты горшка (рис. 108: 5).

Могила 3 (рис. 108: 3). Трапециевидный ящик, 160 × 80 — 70 × 100 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 4 вертикально поставленных плит. Погребение разрушено. На месте в первоначальном положении часть таза и ноги скелета женщины 30–40 лет, судя по которым погребённая была первоначально положена на левом боку, несколько скорчено, головой на СВ.

Могила 4 (рис. 108: 4). Прямоугольная грунтовая яма, 160 × 70 × 40 см, ВСВ — ЗЮЗ. В могиле полный скелет женщины 25–30 лет, несколько скорчено на левом боку, головой на ВСВ.

Курган 400 (1967, гр. 5) (рис. 109: 1–4). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные вертикально стоявшие камни прямоугольной ограды, размером 6,00 × 6,00 м (мог. 1), СЗ — ЮВ. К юго-восточной её стене пристроена вторая маленькая ограда 2,00 × 2,50 м (мог. 2).

Могила 1 (рис. 109: 2). Трапециевидный ящик, 175 × 70 — 50 × 70 см, СВ — ЮЗ, из 6 вертикально поставленных плит. Над северо-восточной частью могилы сохранился небольшой кусок плиты покрытия. В могиле разрушенный скелет, от которого в первоначальном положении на дне могилы лежали голени и стопы, судя по которым погребённый первоначально был положен на левом боку, головой на СВ.

Могила 2 (рис. 109: 3). Прямоугольный ящик, 80 × 30 × 40 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 5 вертикально стояв-

ших плит. Покрытие не сохранилось. В могиле у восточного угла горшок (рис. 109: 4).

Курган 404 (1967, гр. 5) (рис. 108: 6–7). До раскопок на ровной поверхности проступали вертикально стоявшие плитки четырёхугольной ограды размером 3,75 × 3,50 м, СВ — ЮЗ. В центре была видна плита покрытия.

Могилы. Трапециевидный ящик, 150 × 75 — 55 × 30 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над северо-восточной частью могилы лежал большой обломок плиты покрытия. В заполнении кости скелета мужчины 35–55 лет и обломки сосуда (рис. 108: 7).

Курган 402 (1967, гр. 5) (рис. 109: 5). До раскопок на ровной поверхности в некоторых местах были заметны отдельные камни ограды. Ограда очень плохо сохранилась. Её размеры 4,50 × 4,00 м, СЗ — ЮВ.

Могилы. Прямоугольный ящик, 175 × 70 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой и рядом с ней обломки плит покрытия. Могила пустая.

Курган 408 (1967, гр. 5) (рис. 109: 6). До раскопок на ровной поверхности было заметно небольшое возвышение и вертикальные плиты ограды размером 5,00 × 6,00 м, СВ — ЮЗ.

Могилы. Прямоугольный ящик, 175 × 60 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, стенки которого частично разрушены. Над западной частью ящика разбитые плиты покрытия. В могиле на разных глубинах найдены разрозненные кости скелета женщины 35–40 лет.

Курган 412 (1965, гр. 5) (рис. 109: 7–8). До раскопок на поверхности прослеживалась невысокая возвышенность, окружённая оградой диаметром 6,50 м, из положенных плашмя плит. Заложенным раскопом выявлена в стороне от центра могила.

Могилы (рис. 109: 7). Прямоугольный ящик, 220 × 80 × 100 см, В — З, из вертикально поставленных плит. От покрытия над западной частью могилы осталась плита. В могиле разрозненные кости скелета.

Курган 414 (1965, гр. 5) (рис. 110: 1–2). До раскопок на поверхности чувствовалась незначительная припухлость, по краям которой торчали отдельные камни четырёхугольной ограды, 6,20 × 5,00 м,

С — Ю, из вертикально поставленных плит. В центре ограды проступали плиты.

Могилы (рис. 110: 2). Прямоугольный ящик, 200 × 90 × 60 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Над западной частью сохранился обломок плиты покрытия. В могиле отдельные кости.

Курган 230 (1967, гр. 5) (рис. 110: 3–4). До раскопок на ровной поверхности чётко прослеживались вертикальные плиты системы из двух оград. Общая ориентировка ССЗ — ЮЮВ. Размеры: северо-западной оградки 4,00 × 3,50 м (мог. 1), северо-восточной 4,50 × 3,25 м (мог. 2).

Могилы 1. Прямоугольный ящик, 130 × 60 × 50 см, СВ — ЮЗ, из 6 вертикальных плит. Над могилой и в заполнении обломки плит перекрытия. Могила пуста.

Могилы 2. Прямоугольный ящик, 170 × 80 × 70 см, СВ — ЮЗ. Плиты стен сохранились не полностью. Над могилой и вокруг сохранились массивные разбитые плиты перекрытия. До раскопок некоторые из них были видны на поверхности. В могиле найдены разрозненные кости взрослого человека, кости барана и обломки горшка (рис. 110: 4).

Курган 231 (1967, гр. 5) (рис. 110: 5–7). До раскопок на ровной поверхности почвы чётко прослеживались вертикальные плиты системы из двух оград. Общая ориентировка В — З. Размеры: западной 4,50 × 4,00 м (мог. 2), восточной 4,25 × 3,50 м (мог. 1).

Могилы 1 (рис. 110: 6). Прямоугольный ящик, 200 × 80 × 50 см, СВ — ЮЗ, из 5 вертикальных плит. Над могилой массивные плиты перекрытия, разбитые над её центром. В могиле разрозненные кости скелета юноши 15 лет, обломки орнаментированного горшка (рис. 110: 7) и кости животных: атлант лошади; большая берцовая, рёбра и пяточная кость овцы, все левые.

Могилы 2. Грунтовая яма, 170 × ?? × 25 см, СВ — ЮЗ. Над могилой в древности было сооружено куполообразное сооружение, впоследствии разрушившееся. Могила пуста.

Курган 232 (1967, гр. 5) (рис. 111: 1–3). До раскопок на ровной поверхности было заметно небольшое возвышение, в основании которого чётко прослеживались контуры системы из двух оград в несколько рядов положенных плашмя плит. Общая ориентировка СЗ — ЮВ. Размеры: основная ограда

13,00 × 8,00 м (мог. 2 и 3), пристройка 3,00 × 2,70 м (мог. 1).

Могила 1 (рис. 111: 2). Прямоугольный ящик, 150 × 70 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 4 вертикальных плит. Над могилой сохранилось перекрытие, разбитое в центре. В могиле на левом боку, со слабо согнутыми ногами, головой на СВ, лежал скелет подростка. У таза стоял развалившийся горшок (рис. 111: 3).

Могила 2. Грунтовая яма, 175 × 100 × 30 см, ВСВ — ЗЮЗ. Над могилой в древности было сооружено перекрытие, часть плит которого ещё до раскопок была видна на поверхности. В могиле ничего не найдено.

Могила 3. Прямоугольный ящик, 170 × 80 × 70 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой массивные плиты перекрытия и обломки мелких, вероятно от одной плиты, разбитой в древности. Ящик по краю имел обкладку из плашмя положенных плит. В могиле на разных уровнях разрозненные кости взрослого человека и левая лопатка лошади.

Курган 233 (1965, гр. 5) (рис. 111: 4–6). До раскопок на поверхности почвы проступали камни четырёхугольной ограды 5,00 × 4,50 м, В — З, из вертикально стоявших плит. В центре кургана могила.

Могила (рис. 111: 5). Прямоугольный ящик, 200 × 50 × 50 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над центральной частью ящика обломок плиты покрытия. В могиле отдельные разрозненные кости скелета взрослой женщины. На месте стопы, судя по которым погребённая первоначально лежала на левом боку, головой на СВ. В заполнении кости барана и черепки (рис. 111: 6).

Курган 234 (1967, гр. 5) (рис. 112: 1–2). До раскопок на ровной поверхности почвы были заметны отдельные вертикальные плиты ограды размером 4,50 × 3,75 м, СВ — ЮЗ. В центре её одна могила.

Могила (рис. 112: 2). Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 75 см, СВ — ЮЗ, из 6 вертикально поставленных плит. Над северо-восточной частью могилы сохранилась разбитая плита покрытия. В могиле разрозненные кости скелета мужчины (?) 35–40 лет. На нижней челюсти, рёбрах и шейных позвонках следы окиси меди.

Курган 236 (1965, гр. 5) (рис. 112: 3–7). До раскопок на поверхности почвы были видны плиты че-

тырёхугольной ограды, 6,50 × 5,00 м, ЮВ — СЗ, из вертикальных плит. В центре кургана две могилы.

Могила 1 (рис. 112: 4). Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой и вокруг неё разбитые плиты покрытия. В могиле два скелета. В центре могилы на левом боку с несколько согнутыми коленями скелет мужчины 30–35 лет. Перед ним горшок (рис. 112: 7). За спиной мужчины скелет женщины (?) 20–35 лет в той же позе, на её костяке найден кремнёвый наконечник стрелы (вероятно, один из представленных на рис. 127: 1–6. — А.Л.).

Могила 2 (рис. 112: 5). Прямоугольный ящик, 190 × 90 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над серединой и северо-восточной частью могилы обломки плит покрытия. В могиле на месте череп и шея скелета мужчины 25–35 лет, судя по которой первоначально он лежал на левом боку, головой на СВ. На уровне груди горшок (рис. 112: 6). В заполнении кремнёвый наконечник стрелы (вероятно, один из представленных на рис. 127: 1–6. — А.Л.).

Курган 237 (1965, гр. 5) (рис. 112: 8–9). До раскопок на поверхности почвы были видны камни четырёхугольной ограды, 4,50 × 4,00 м, ЮВ — СЗ, из вертикально стоявших плит. В центре кургана могила.

Могила (рис. 112: 9). Прямоугольный ящик, 180 × 65 × 60 см, В — З, из вертикально стоявших плит. Над серединой могилы обломок плиты покрытия. На дне у северной стенки правая нога и часть таза женщины 25–30 лет, судя по которым первоначально погребённая была положена на левом боку, головой на В.

Курган 243 (1967, гр. 5) (рис. 113: 1–2). До раскопок на ровной поверхности почвы прослеживались отдельные вертикальные плиты ограды, 5,40 × 4,50 м, СВ — ЮЗ. В центре одна могила.

Могила. Прямоугольный ящик, 175 × 100 × 55 см, СВ — ЮЗ, из 6 плит. Плит покрытия не сохранилось. Вокруг ящика обкладка из плашмя положенных плит. В заполнении могилы разрозненные кости человека и черепок от горшка (рис. 113: 2).

Курган 244 (1967, гр. 5) (рис. 113: 3). До раскопок на ровной поверхности почвы прослеживались отдельные вертикальные плиты оградки, 5,50 × 4,75 м, СВ — ЮЗ. В центре могила.

Могила. Каменный ящик сильно разрушенный, 150 (?) × 80 × 40 см, СВ — ЮЗ. В заполнении мелкие плитки песчаника. Могила пуста.

Курган 246 (1967, гр. 5) (рис. 113: 4–9). До раскопок на ровной поверхности почвы были видны вертикальные плиты системы из двух оград. Общая ориентировка СЗ — ЮВ. Размеры: основная ограда 7,50 × 6,00 м (мог. 2, 3), пристройка 3,50 × 5,50 м (мог. 1).

Могила 1 (рис. 113: 5). Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 30 см, сооруженный из многочисленных вертикально поставленных плиток. Плит покрытия не сохранилось. На дне могилы в потревоженном состоянии кости скелета девочки 15 лет, от которого в первоначальном положении находились кости плечевого пояса, таз и правое бедро, судя по которым погребенная лежала на левом боку, головой на ВСВ. На левой руке бронзовый браслет (рис. 113: 6), у головы горшок (рис. 113: 7), бронзовые украшения на поясе.

Могила 2 (рис. 113: 8). Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 100 см, ВСВ — ЗЮЗ, от которого сохранилось пять плит. Вокруг могилы разбросаны разбитые плиты покрытия. В могиле на разных уровнях разрозненные кости скелета мужчины 40–50 лет и два черепка. На дне в первоначальном положении лежали голени и стопы, судя по которым погребенный первоначально лежал на левом боку, головой на ВСВ.

Могила 3 (рис. 113: 9). Прямоугольный ящик, 180 × 75 × 55 см, СВ — ЮЗ. Вокруг могилы плашмя положены плитки. Над юго-западной частью могилы сохранились частично разбитые плиты покрытия. В могиле в заполнении разрозненные кости скелета женщины 35–55 лет. На дне в первоначальном положении лежала левая голень со стопой, судя по которым погребенная была положена вытянуто на спине, головой на ВСВ. В могиле оказались кости барана.

Курган 250 (1967, гр. 5) (рис. 114: 1). До раскопок на ровной поверхности почвы прослеживались отдельные вертикальные плиты ограды, 5,25 × 4,25 м, ВСВ — ЗЮЗ. В центре ограды могила.

Могила. Прямоугольный ящик, 175 × 100 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 8 плит. Над юго-западной частью могилы сохранилась плита перекрытия. В заполнении могилы разрозненные кости скелета мужчины

30–40 лет и кости овцы: левые лопатка, большая берцовая, ребра.

Курган 252 (1967, гр. 5) (рис. 114: 2–5). До раскопок на ровной поверхности почвы заметно было небольшое возвышение и вертикально стоявшие плиты системы из четырех оград. Общая ориентировка СЗ — ЮВ. Размеры: центральная ограда 6,50 × 5,50 м (мог. 4), к северо-западной её стенке пристроено две оградки, 2,75 × 2,25 м (мог. 3) и 2,75 × 4,00 м (мог. 1), с северо-востока к центральной пристроена ещё одна оградка, 2,00 × 1,75 м (мог. 2).

Могила 1. Грунтовая яма, 155 × 75 × 20 см, СВ — ЮЗ, перекрытая плитами, разбитыми в центре. В могиле разрозненные кости женщины 40–45 лет.

Могила 2. Прямоугольный ящик, 80 × 40 × 35 см, СВ — ЮЗ, из вертикальных плит. Над юго-западной частью остатки разбитых плит. В могиле кости младенца.

Могила 3. Прямоугольный ящик, 150 × 75 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Вокруг ящика обкладка из плашмя положенных плит. Могила пуста.

Могила 4 (рис. 114: 3). Прямоугольная циста, 200 × 125 × 25 см, В — З. Над могилой развалившиеся остатки перекрытия. В могиле разрозненные кости мужчины 25–35 лет. У северо-западной стенки горшок (рис. 114: 4) и левая большая берцовая кость овцы. В заполнении найден изогнутый нож с кольцевой рукояткой (рис. 114: 5).

Курган 258 (1967, гр. 5) (рис. 114: 6–8). До раскопок на ровной поверхности были видны отдельные камни двойной ограды, а в центре прослеживался навал плит. Западная ограда размером 4,50 × 4,00 м (мог. 2), СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Восточная — 4,50 × 4,50 м (мог. 1), СВ — ЮЗ.

Могила 1 (рис. 114: 7). Трапециевидный ящик, 150 × 60 — 45 × 65 см, СВ — ЮЗ, из 6 вертикально поставленных плит. В заполнении могилы встречались обломки плит и кости скелета. На дне в первоначальном положении находились кости таза и ног скелета женщины 35–55 лет, судя по которым первоначально погребенная была положена вплотную к северо-западной стене могилы, на левом боку, слабо скорчено, головой на СВ. У левого бедра лежал горшок (рис. 114: 8). Найдено два обломка шильца.

Могила 2. Прямоугольная циста, 250 × 150 × 40 см, СВ — ЮЗ, из мелких, плашмя положенных плит.

Кладка развалена, могила пуста. В заполнении кости мужчины 35–55 лет.

Курган 260 (1965, гр. 5) (рис. 115: 1). До раскопок на поверхности прослеживались камни четырёхугольной оградки, 5,80 × 5,00 м, В — 3, из положенных плашмя плит. В центре кургана также были заметны отдельные плиты.

Могила. Трапециевидный ящик, 170 × 80 — 50 × 70 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Над восточной половиной могилы сохранилась плита покрытия. В могиле отдельные кости скелета мужчины 20–30 лет.

Курган 302 (1967, гр. 5) (рис. 115: 2–7). До раскопок на поверхности было заметно возвышение, вокруг которого прослеживалась система из трёх оград, сооружённых из вертикально поставленных плит. Западная оградка 5,00 × 4,00 м (мог. 1), СЗ — ЮВ. Восточная оградка 4,00 × 4,50 м (мог. 2), СЗ — ЮВ, пристроена к восточной стене предыдущей оградки. Южная оградка пристроена к южным стенам предыдущих, 1,5 × 2,5 м, В — 3. У южной стены западной оградки сооружена могила 3.

Могила 1 (рис. 115: 3). Трапециевидный ящик, 180 × 65 — 45 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 5 вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились массивные плиты, лежавшие у коротких стен ящика, а в центре они были разбиты. По краям ящика имелась выкладка из плит. В могиле разрозненные кости человека и бронзовое шило (рис. 115: 5). На ключице зелёное пятно от окиси меди. Найдены обломки горшка (рис. 115: 4), кольцо (рис. 115: 6) и обломки браслета из проволоки (рис. 115: 7).

Могила 2. Прямоугольная циста, 150 × 75 × 40 см, ВСВ — ЗЮЗ, из плашмя положенных плит. Вокруг могилы развал из плит. В заполнении могилы разрозненные кости женщины (?) 45–50 лет и обломки горшка (рис. 115: 8).

Могила 3. Прямоугольный ящик, 100 × 50 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, перекрытый обломком плиты. Могила пуста.

Курган 304 (1967, гр. 5) (рис. 115: 9–10). До раскопок на ровной поверхности была видна четырёхугольная оградка из вертикально поставленных плит, 3,50 × 4,50 м, В — 3. В центре прослеживалась плита покрытия могилы.

Могила. Трапециевидный ящик, 175 × 100 — 75 × 70 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Над западным концом могилы остатки плиты покрытия. В могиле разрозненные кости скелета женщины 30–40 лет и два черепка (рис. 115: 10).

Курган 332 (1967, гр. 5) (рис. 116: 1–3). До раскопок на ровной поверхности прослеживались вертикально стоявшие камни четырёхугольной оградки примерными размерами 5,00 × 5,00 м, В — 3. В центре могила (тагарская).

Могила (рис. 116: 2). Прямоугольный ящик, 200 × 70 × 65 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 4 вертикально поставленных плит. Вокруг могилы и в ней обломки плит покрытия. В могиле разрушенный скелет мужчины 40–50 лет, от которого на месте в первоначальном положении сохранились ноги, судя по которым погребённый был положен вытянуто на спине, головой на ВСВ. В заполнении найдены обломки тагарского сосуда (рис. 116: 3).

Курган 346 (1967, гр. 5) (рис. 116: 4). До раскопок на ровной поверхности выступали отдельные вертикально стоявшие камни четырёхугольной оградки, размером 4,75 × 4,75 см, В — 3. В центре оградки была видна плита.

Могила. Прямоугольный ящик, 180 × 75 × 60 см, В — 3, из вертикально поставленных плит. Южная стенка разрушена. Над восточным концом могилы сохранилась плита покрытия. Могила оказалась пустой.

Курган 240 (1968, гр. 5) (рис. 116: 5–7). До раскопок на поверхности почвы прослеживались отдельные вертикально стоявшие камни четырёхугольной оградки 4,80 × 4,80 м, СЗ — ЮВ. В центре оградки наблюдался развал из плит.

Могила (рис. 116: 6). Прямоугольная циста, 190 × 70 × 20 см, СВ — ЮЗ, из плашмя положенных плит. Могила сооружена на древней поверхности почвы. Вокруг могилы развал из плит от верхней её части. В заполнении левая лопатка овцы, обломки керамики. На дне у северо-восточной стены раздавленный горшок (рис. 116: 7).

Курган 254 (1967, гр. 5) (рис. 117: 1). До раскопок на ровной поверхности было заметно небольшое возвышение и отдельные вертикальные плиты системы из трёх оград. Общая ориентировка

ССЗ — ЮЮВ. Размеры основной ограды 5,75 × 4,75 м (мог. 1 и 2), с юго-восточной стороны к ней пристроена ограда 4,75 × 4,25 м (мог. 3), а к ней с востока ещё одна — 3,00 × 2,75 м (мог. 4).

Могилы 1. Прямоугольная циста, 200 × 80 × 50 см, СВ — ЮЗ, из массивных блоков. Сильно разрушена. В могиле ничего не найдено.

Могилы 2. Прямоугольная циста, 180 × 100 × 30 см, СВ — ЮЗ, из массивных блоков и плит. В заполнении могилы отдельные мелкие кости человека.

Могилы 3. Прямоугольный ящик, 150 × 75 × 60 см, СВ — ЮЗ, из вертикальных плит. Над центральной частью могилы сохранились остатки массивной плиты перекрытия. В могиле ничего не оказалось.

Могилы 4. Прямоугольный ящик, 150 × 50 × 50 см, СВ — ЮЗ. В заполнении могилы обломки плит и разрозненные кости человека.

Курган 268 (1965, гр. 5) (рис. 117: 2–3). До раскопок на поверхности просматривалась небольшая возвышенность, в основании которой можно было видеть кольцо диаметром 6,50 м, из положенных плашмя плит. В центре кургана лежала плита.

Могилы. Прямоугольный ящик, 180 × 100 × 60 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Над западной частью ящика сохранилась плита покрытия. В могиле на месте голени женщины (?) более 40 лет, судя по которым погребённая первоначально лежала головой на В. В заполнении черепки (рис. 117: 3).

Курган 273 (1967, гр. 5) (рис. 118: 1–10). До раскопок на ровной поверхности было заметно небольшое возвышение и отдельные плиты системы из четырёх оград. Основная ограда из вертикальных плит диаметром 6,00 м (мог. 4). К ней с северо-западной стороны пристроены две оградки, сооружённые из плашмя положенных плит: западная 2,50 × 2,50 м (мог. 3) и центральная 3,00 × 3,00 м (мог. 2), к центральной с востока пристроена оградка из вертикально поставленных плит 3,50 × 3,00 м (мог. 1). Общая ориентировка системы С — Ю.

Могилы 1. Прямоугольный ящик, 200 × 60 × 50 см, СВ — ЮЗ, из 6 вертикально поставленных плит. Над северо-восточной частью могилы плита перекрытия. В могиле разрозненные кости мужчины 40–50 лет, обломки горшка (рис. 118: 3), шило (рис. 118: 9) и ножичек (рис. 118: 10), кости овцы, левые: лопатка, большая берцовая, пяточная, 4 ребра. Найдены также кости скелетов двух особей утки кряквы.

Могилы 2. Прямоугольный ящик, 100 × 60 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из четырёх вертикальных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле разрозненные кости ребёнка, у северной стены сосуд (рис. 118: 6) и кости ягнёнка, левые: лопатка, большая берцовая, пяточная, 4 ребра.

Могилы 3. Грунтовая яма, 100 × 65 × 30 см, СВ — ЮЗ. Вокруг развал плит. Могилы пуста.

Могилы 4. Прямоугольный ящик, 175 × 75 × 60 см, СВ — ЮЗ, из пяти плит. С юго-восточной стороны могилы сохранилась обкладка из плит. В могиле найдены: разрозненные кости мужчины (?) 30–40 лет, причём в левой тазовой кости обнаружен кремнёвый наконечник стрелы (вероятно, один из представленных на рис. 127: 1–6. — А.Л.), концевой обломок ножа (рис. 118: 8), черепки от трёх сосудов (рис. 118: 2, 4, 5), проволочное кольцо (рис. 118: 7) и кости молодой лошади, левые: лопатка, большая берцовая, пяточная, 6 рёбер.

Курган 278 (1967, гр. 5) (рис. 117: 4–8). До раскопок на ровной поверхности были видны отдельные плиты круглой ограды диаметром 6,00 м. Ограда сооружена из плашмя положенных плит.

Могилы (рис. 117: 5). Трапециевидный ящик, 175 × 75 — 55 × 65 см, ВСВ — ЗЮЗ, из шести вертикально поставленных плит. В ящике на разной глубине найдены отдельные кости скелета, на плечевой и лучевой костях следы окиси меди, и обломки сосудов (рис. 117: 6–7). В могиле оказалось и впускное тагарское погребение мужчины 40–50 лет и обломки горшка (рис. 117: 8).

Курган 280 (1967, гр. 5) (рис. 118: 11–12). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные вертикально стоявшие камни прямоугольной ограды 5,50 × 5,00 м, С — Ю.

Могилы. Прямоугольный ящик, 175 × 80 × 75 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Над могилей сохранились обломки плит покрытия. В могиле обломки горшка (рис. 118: 12) и кости скелета женщины 50–55 лет.

Курган 284 (1967, гр. 5). До раскопок на ровной поверхности почвы прослеживались вертикально стоявшие плиты прямоугольной ограды, 2,40 × 2,80 м, С — Ю. Чертежи отсутствуют.

Могилы. Прямоугольный ящик, 160 × 60 × 50 см, В — З, из семи вертикально поставленных плит.

В заполнении могилы отдельные кости взрослого человека.

Курган 286 (1967, гр. 5) (рис. 119: 1–4). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные камни четырёхугольной ограды размером 5,00 × 5,00 м, СЗ — ЮВ. В центре проступала плита покрытия.

Могила (рис. 119: 2). Трапециевидный ящик, 360 × 135 — 130 × 55 см, ВСВ — ЗЮЗ, из семи плит. От покрытия сохранилась одна плита над западной стороной. В заполнении встречены отдельные кости скелета мужчины 40–50 лет, кости овцы, обломки двух горшков (рис. 119: 3, 4). На дне в первоначальном положении находились стопы, судя по которым погребённый был положен головой на ВСВ.

Курган 288 (1967, гр. 5) (рис. 119: 8). До раскопок на ровной поверхности проступали отдельные вертикально стоявшие камни ограды. После снятия земли выявилась ограда 3,00 × 3,00 м, с могилой в центре.

Могила. Разрушенный четырёхугольный ящик, 125 × 50 × 50 см, ССВ — ЮЮЗ, из поставленных вертикально плит. Могила пуста.

Курган 294 (1967, гр. 5). До раскопок на ровной поверхности были видны отдельные плиты ограды, 2,50 × 2,00 м, С — Ю. В центре ограды каменный ящик, стенки которого не сохранились. В заполнении могилы встречены отдельные кости и обломки плит. Чертежей нет.

Курган 296 (1967, гр. 5) (рис. 119: 5–7). До раскопок на поверхности было заметно небольшое возвышение, вокруг которого хорошо прослеживалась четырёхугольная ограда из вертикально поставленных плит, размером 10,00 × 8,00 м, С — Ю.

Могила (рис. 119: 6). Прямоугольный ящик, 180 × 130 × 85 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 6 вертикально поставленных плит. В центре могилы у южной стены стоит небольшой вертикальный камень, делящий могилу на две части. В восточной части могилы, вытянуто на спине, головой на ЮВ, лежит скелет мужчины 35–45 лет, слева у головы у поперечной стенки стоит горшок (рис. 119: 7). Это впускное тагарское погребение, для которого отделили часть могилы. От основного карасукского погребения ничего не сохранилось.

Курган 298 (1967, гр. 5) (рис. 120: 1–4). До раскопок на ровной поверхности прослеживались камни двойной ограды из вертикально поставленных плит. Общие размеры сооружения 7,50 × 5,00 м, СЗ — ЮВ. В северной части в центре оградки был виден до раскопок развал камней, среди которых прослеживался контур прямоугольной цисты (мог. 1). К югу от первой находилась вторая могила.

Могила 1. Прямоугольная циста, 170 × 50 × 10 см, ВСВ — ЗЮЗ, в могиле в беспорядке кости взрослого человека, обломки горшка (рис. 120: 4) и кости овцы.

Могила 2. Трапециевидный ящик, 200 × 120 — 80 × 90 см, ВСВ — ЗЮЗ. В могиле на разных уровнях разрозненные кости скелета мужчины 35–45 лет и обломки двух горшков (рис. 120: 2–3).

Курган 306 (1967, гр. 5) (рис. 120: 5–6). До раскопок на ровной поверхности хорошо прослеживались все стороны четырёхугольной ограды из вертикально поставленных плит. Размеры ограды 3,25 × 3,50 м, СВ — ЮЗ. В центре ограды могила.

Могила (рис. 120: 6). Трапециевидный ящик, 135 × 55 — 35 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 5 вертикально поставленных плит. В могиле разрозненные кости скелета юноши 14–18 лет.

Курган 308 (1967, гр. 5) (рис. 120: 7–11). До раскопок на ровной поверхности прослеживались камни прямоугольной ограды из вертикально поставленных плит, 4,00 × 3,00 м (мог. 2), СЗ — ЮВ. В процессе раскопок с северо-западной стороны ограды обнаружена пристройка из плашмя положенных плит полукруглой формы радиусом 150 см (мог. 1).

Могила 1 (рис. 120: 8). Прямоугольный ящик, 80 × 30 × 40 см, СВ — ЮЗ, из 5 вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. На дне находился горшок (рис. 120: 7).

Могила 2. Трапециевидный ящик, 200 × 100 — 70 × 50 см, СВ — ЮЗ. В северо-восточной части могилы сохранились обломки плит покрытия. В заполнении могилы кости скелета женщины 25–35 лет и обломки двух горшков (рис. 120: 9, 11).

Курган 310 (1967, гр. 5) (рис. 124: 3). До раскопок на ровной поверхности были хорошо видны вертикально стоявшие плиты четырёхугольной ограды, размером 4,00 × 4,50 м, СЗ — ЮВ, а в центре ограды проглядывались плиты покрытия могилы.

Могила. Прямоугольный ящик, 175 × 75 × 55 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над короткими стенами могилы лежали плиты покрытия. Могила оказалась пустой.

Курган 320а (1964, гр. 5) (рис. 121: 1–2). До раскопок невысокое всхолмление, по подошве которого проступали края вертикально поставленных плит, образывавшие круг диаметром 5,00 м. В центре его видна одна стена ящика.

Могила (рис. 121: 2). Трапециевидный ящик, 120 × 55 — 45 × 65 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Северо-западная стена в значительной части не сохранилась. В могиле отдельные кости человека и у северо-западной стены обломки горшка.

Курган 320 (1967, гр. 5) (рис. 121: 3). До раскопок на ровной поверхности прослеживались три стены прямоугольной ограды из вертикально поставленных плит. Размеры ограды 4,50 × 4,50 м, В — З, в центре была видна группа лежащих камней.

Могила. Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 60 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Южная стена разрушена. Могила пуста.

Курган 322 (1967, гр. 5) (рис. 121: 7–8). До раскопок на ровной поверхности хорошо прослеживались четырёхугольная ограда из вертикально стоявших плит, 5,00 × 4,50 м, СЗ — ЮВ.

Могила (рис. 121: 8). Трапециевидный ящик, 200 × 65 — 45 × 50 см, СВ — ЮЗ, из 6 вертикально поставленных плит. В могиле разрушенный скелет мужчины 40–50 лет. На месте непо потревоженными лежат голени, судя по которым первоначально погребённый лежал головой на СВ.

Курган 324 (1967, гр. 5) (рис. 121: 4–6). До раскопок на поверхности прослеживалось чуть заметное возвышение, в основании которого были видны камни системы из двух оград, сооружённых из вертикально поставленных плит. Общее её направление ССЗ — ЮЮВ. Северная ограда 3,75 × 4,75 м (мог. 1), ВСВ — ЗЮЗ. Южная ограда 4,50 × 4,50 м (мог. 2), ВСВ — ЗЮЗ.

Могила 1 (рис. 121: 4). Прямоугольный ящик, 165 × 50 × 55 см, В — З, из 8 вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились обломки

плит. В могиле разрозненные кости человека и кости животного.

Могила 2 (рис. 121: 5). Трапециевидный ящик, 170 × 65 — 60 × 55 см, В — З, из вертикально поставленных плит. В могиле разрозненные кости скелета женщины 35–55 лет. В первоначальном положении находились голени, судя по которым погребённая была положена на левом боку, головой на В.

Курган 324а (1964, гр. 5) (рис. 122: 1–3). На ровной поверхности хорошо были видны вертикально стоявшие камни ограды 5,00 × 6,00 м (мог. 1), З — В, к югу от которой была сделана небольшая пристройка, 2,00 × 2,30 м (мог. 2), С — Ю.

Могила 1 (рис. 121: 2). Трапециевидный ящик, 190 × 90 — 80 × 65 см, В — З, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле на дне в западном углу — голени, в восточном углу — обломки горшка (рис. 121: 3).

Могила 2. Прямоугольный ящик, 40 × 20 × 50 см, СВ — ЮЗ. Пустой.

Курган 326 (1967, гр. 5) (рис. 122: 4–5). До раскопок на поверхности было заметно небольшое возвышение, в основании которого прослеживались отдельные плиты системы из двух оград, сооружённых из вертикально поставленных плит, общим направлением ВСВ — ЗЮЗ. Восточная ограда 3,00 × 3,00 м (мог. 1), западная — 4,50 × 5,00 м (мог. 2).

Могила 1. Сильно разрушенный ящик, 175 × 75 × 40 см, ВСВ — ЗЮЗ. В заполнении могилы найдены кости скелета женщины 30–40 лет и животных.

Могила 2 (рис. 122: 5). Прямоугольная циста, 200 × 100 × 25 см, ВСВ — ЗЮЗ, из плашмя положенных плит. Вокруг могилы развал плит. В могиле в первоначальном положении бёдра, таз, грудь и рука, судя по которым погребённый был положен вплотную к северо-западной стене могилы на левом боку головой на ВСВ. В головах и в юго-западном углу обломки горшка, а в заполнении могилы кости животного.

Курган 328 (1967, гр. 5) (рис. 122: 6–7). До раскопок на ровной поверхности прослеживались стены прямоугольной ограды из вертикально поставленных плит. Размеры ограды 4,90 × 4,00 м (мог. 1), ССЗ — ЮЮВ. К северо-западной её стене пристроена прямоугольная оградка 2,25 × 2,00 м (мог. 2), ВСВ — ЗЮЗ.

Могила 1. Разрушенный прямоугольный ящик, 100 × 50 × 45 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных мелких плит. Могила пуста.

Могила 2. Прямоугольный ящик, 200 × 100 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над могилой сохранились отдельные разбитые плиты покрытия. В могиле разрозненные кости скелета женщины 40–45 лет, целый горшок и обломки второго (в нашем распоряжении рисунок только одного сосуда. — А.Л.) (рис. 122: 7).

Курган 329 (1966, гр. 5) (рис. 123: 1–7). До раскопок на поверхности видна овальная насыпь, в основании которой прослеживались четыре смыкающиеся друг с другом ограды из вертикально поставленных плит. Основная центральная ограда 5,00 × 5,00 м (мог. 3). К ней с юго-западной стороны пристроена ограда такого же размера (мог. 4), а с северо-восточной стороны две пристройки, 3,00 × 2,50 м (мог. 2) и 3,00 × 2,00 м (мог. 1). Сохранившаяся высота оград 40 см.

Могила 1. Прямоугольный ящик, 130 × 60 × 42 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Северная стенка разрушена. Перекрыта большой плитой. Тем не менее могила пустая, так как грабители проникли через северную стенку.

Могила 3 (рис. 123: 3). Трапециевидный ящик, 235 × 140 — 75 × 75 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Снаружи стенки обложены плитами, положенными плашмя. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные кости взрослого скелета. В углу могилы горшок, в засыпи могилы черепки от второго горшка (рис. 123: 4–5) и кости овцы.

Могила 4 (рис. 123: 2). Трапециевидный ящик, 200 × 100 — 70 × 65 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит. Сохранность плохая. Покрытие нарушено. В могиле разрозненные мелкие кости молодого скелета и обломки рёбер. На месте: кисть руки, голени, ступни. Судя по ним, погребённый лежал на левом боку, ориентирован головой на ВСВ. На дне могилы черепки от горшка (рис. 123: 6–7).

Курган 330 (1967, гр. 5) (рис. 123: 8). До раскопок на поверхности была видна оградка с пристрой-

кой из вертикально поставленных плит. Размеры ограды 4,00 × 4,00 м (мог. 1), ВСВ — ЗЮЗ, а пристройки у восточной стены — 2,50 × 2,50 м (мог. 2).

Могила 1. Трапециевидный ящик, 170 × 70 — 60 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 7 вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились разбитые плиты, лежащие по краям. В могиле разрозненные кости скелета и обломки двух горшков.

Могила 2. Трапециевидный ящик, 125 × 60 — 50 × 50 см, ВСВ — ЗЮЗ, из 5 вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле разрозненные кости скелета подростка, горшок.

Курган 336 (1967, гр. 5) (рис. 124: 1–2). До раскопок на ровной поверхности прослеживались отдельные вертикально стоявшие камни четырёхугольной ограды, размером 4,00 × 4,00 м, ЗСЗ — ВЮВ.

Могила. Трапециевидный ящик, 200 × 100 — 75 × 60 см, ВСВ — ЗЮЗ, из вертикально стоявших плит. Над западной частью сохранился обломок плиты перекрытия. В могиле обломки сосуда (рис. 124: 2) и разрозненные кости взрослого человека.

Курган 352 (1964, гр. 5) (рис. 124: 4). До раскопок на ровной поверхности проступали хорошо видимые камни, лежавшие плашмя или стоявшие на ребре, которые образовывали круг диаметром 7,00 м. В центре его ясно были видны края ящика.

Могила. Прямоугольный ящик, 190 × 90 × 60 см, ЮЗ — СВ, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. Могила пуста.

Курган 204 (1965, гр. 5) (рис. 124: 5–7). До раскопок на поверхности прослеживалась невысокая возвышенность, окружённая видимой оградой диаметром 7,50 м, из положенных плашмя плит. В центре кургана проступали плиты.

Могила (рис. 124: 6). Прямоугольный ящик, 210 × 100 × 75 см, СВ — ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Покрытие разбросано по сторонам ящика. В могиле разрушенное погребение, от которого на месте сохранились голени, судя по которым погребённый лежал головой на СВ. Найден черепок от сосуда (рис. 124: 7).

Заключение

Э.Б. Вадецкая

В предисловии к монографии подробно описаны особенности как самого могильника Сухое Озеро II и методики его раскопок, так и основное содержание рукописи Г.А. Максименкова. Поэтому в заключении остановлюсь лишь на результатах исследования материалов могильника Сухое Озеро II в контексте с дальнейшим изучением карасукской культуры или публикациями карасукских могильников. Это касается трёх основных сюжетов: источниковедческого анализа, исторических выводов и сложной истории изучения культуры.

Источниковедческий анализ относится прежде всего к погребальным сооружениям и керамике. Так, впервые удалось установить последовательность сооружения, а именно: сначала делали ограду, а затем выкапывали могилу. Получили также объяснения различия между карасукскими могилами в виде цист и андроновскими цистами. Первые — это зимние наземные могилы. Во втором случае их сооружали в яме, и не только зимой, но и летом. Наблюдения удалось подтвердить раскопками Г.А. Максименкова тех и других конструкций на одной территории у озера Сухого.

Согласно наблюдениям Г.А. Максименкова, для мужчин, женщин и детей существовали разные правила захоронения в основных оградах или пристройках. В частности, на могильнике Сухое Озеро II мужчины похоронены всегда в основных могилах системы оград, как в круглых оградах, так и в четырёхугольных. Женщин хоронили и в пристройках, но только в оградах четырёхугольной формы; их могилы несколько меньше по размерам. Предположительно по родственному признаку расположены могилы мужчин и женщин не только внутри систем оград, но и в одиночных оградах. Важно эти регламентированные места проверить

на уже раскопанных могильниках и учесть при дальнейших исследованиях, поскольку это относится к сложно устанавливаемым родовым отношениям карасукского общества.

Поскольку в могильнике раскопано много больше, чем в других могильниках, то и посуды собрано больше. Её анализ позволил Г.А. Максименкову создать практически первую обстоятельную типологию керамики, в основу которой положено сочетание формы горшков, их донышек и орнаментации тулова. Уже в кратком изложении (Максименков, 1978. С. 63–72) эта типология керамики послужила источником для изучения керамики при публикации материалов могильника Кюргеннер I–II (Грязнов, Комарова и др., 2010. С. 70). Осуществлён тщательный анализ орнаментации всех групп керамики Сухого Озера II, благодаря которому выделены несколько групп сосудов, сделанных одними мастерами.

К историческим выводам относится выделение пяти хронологических этапов могильника и наличие в каждой из них своих особенностей — от сооружения оград и керамики до физического облика погребённых. Значение этого открытия в полной мере пока трудно оценить. Во-первых, установлен характер постепенных изменений в керамике и погребальных сооружениях на протяжении всего функционирования могильника за три века (XIII–XI вв. до н. э.), а может быть, и дольше. Эти постепенные изменения объясняют в результате возникшие различия между классическим этапом культуры и его поздним каменоложским этапом. Во-вторых, существование отдельных кладбищ было, видимо, на территории и других карасукских могильников и их можно выделить по тем же отличиям, которые прослеживаются между группами могильника Сухое Озеро II.

Острые дискуссии относительно происхождения карасукской культуры возникли ещё в начале XX века из-за того, что на Енисее известны бронзовые изделия, аналогичные найденным в Западной Сибири, Монголии и Ордосе. В 60-х годах дискуссия переросла в основном на местную основу происхождения культуры, поскольку не было объяснено почему, с одной стороны, поздние карасукские памятники отличаются от ранних, а, с другой стороны, отдельные черты культуры имеют сходство с местными, относящимися либо к другому времени (афанасьевские), либо месту (окуневские). Многие аналоги определялись только неправильным знанием материала, однако физическое участие местных разных культур (афанасьевской, андронов-

ской, окуневской) зафиксировано в этногенезе населения карасукской культуры. Поэтому полностью дискуссии не сняты, что делает существенным анализ историографических сюжетов, подробно изложенных в работе Г.А. Максименкова. Он не просто их констатирует, как в большинстве историографических работ, а объясняет причину того либо другого взгляда и его обоснование. Поэтому ценны библиографические указания на литературу в сборниках, давно ставших малоизвестными.

Однако по-прежнему главной максимальной пользой для дальнейшего изучения культуры является публикация самого обширного материала могильника Сухое Озеро II.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Лошади карасукской культуры из могильника Сухое Озеро II

А.К. Каспаров

Остеологическая коллекция Института истории материальной культуры РАН начала формироваться ещё в начале 1960-х годов. У истоков её комплектования стояла Нина Михайловна Ермолова, которая занималась археозоологическими исследованиями в Институте в течение более чем 30 лет, вплоть до своей кончины в 1987 году. Среди множества археологических памятников, остеологические коллекции с которых присутствуют в собрании ИИМК, есть и некоторые костные материалы из могильника Сухое Озеро II. В основном это сборы 1967 и 1968 годов. В целом, это разрозненные кости мелкого и крупного рогатого скота, пара нижних челюстей собак и два полностью сохранившихся скелета барсуков, по всей вероятности погибших в норах в позднейшее время и не имеющих отношения к археологическим слоям. Эти костные материалы явно были собраны с какими-то специальными целями, как образцы, и ни в коем случае не отражают реальную фаунистическую ситуацию.

Вообще, насколько можно судить, целенаправленно костные материалы на могильнике Сухое Озеро II не собирались. В процессе раскопок в полевой документации отмечались находки в могилах тех или иных костей домашних животных, после чего материал выбрасывался без дальнейшего изучения.

Исключение в данном случае составляет довольно представительная коллекция передних и задних метаподий лошадей, собранная в 1968 году. Она насчитывает 45 передних и 44 задних метаподий хорошей сохранности, которые являются вполне представительным материалом для изучения.

Основным источником знаний о морфологии того или иного вида млекопитающих всегда считался череп животного. Его форма, пропорции, особенности строения зубной системы позволяли исследователям судить об эволюционных изменениях во времени и степени сходства и различия исследуемого вида с другими формами того же таксономического уровня. Работ, посвящённых исследованию морфологии лошадей на основе строения черепа, известно немало (Спасская, 1992; Спасская и др., 2010; Спасская и др., 2011, и др.). Однако в археозоологических исследованиях, особенно памятников исторического времени, где присутствуют уже вполне привычные нам домашние животные, череп лошади является не очень благодарным материалом для изучения. Прежде всего потому, что целых черепов лошадей, пригодных для качественной краниометрии, в археологических слоях обнаруживается всегда ничтожно мало. Исключение составляют погребения с лошадьми, где, как правило, присутствуют их целые черепа, но даже в этом случае они бывают зачастую раздавлены давлением вышележащих археологических пластов, повреждены камнями или брёвнами разрушившихся погребальных сооружений и т. д. То есть оказываются всё равно непригодны для исследования.

С другой стороны, в случае домашней лошади, вполне сформировавшейся как вид, вероятно, уже в начале бронзового века, основные изменения её морфологии, связанные с породной принадлежностью, изменения размеров по причине обитания в тех или иных природных зонах, способности передвигаться быстрым аллюром, выработанной

в результате целенаправленной селекции, проявляются не столько в изменениях краниальной области, сколько в изменении морфологии конечностей, которые и определяют в значительной степени экстерьер той или иной породы. И хотя в некоторых случаях попытки определения породности лошадей с помощью краниометрии бывают успешными (Спаская, 2013), кости посткраниального скелета, особенно метаподии, представляются более удобным материалом для познания морфологии тех или иных групп домашних лошадей.

Метаподия располагается над фалангами, которые сочленяются непосредственно с её нижним концом. Она весьма благоприятна для морфологических исследований, поскольку, с одной стороны, очень прочна, а с другой — не представляет никакой пищевой ценности и потому при разделке туши не разбивалась для последующей утилизации, а просто выбрасывалась как мусор. В силу этого метаподии лошадей присутствуют в отложениях памятников, как правило, целыми и потому удобны для морфологического изучения. На это не раз обращалось внимание (Громова, 1949; Витт, 1952; Спаская, 2018, и др.).

К исследованию строения метаподий давно уже было выработано множество подходов.

А.А. Браунер (1916) выделил такой показатель, как тонконогость коня, которая характеризовалась отношением ширины диафиза метаподии к её длине. О.В. Витт (1952) разработал систему определения размеров лошади по длине костей её скелета, в том числе и по длине метаподий, Л.Л. Гайдученко (2002) свёл воедино признаки А.А. Браунера и О.В. Витта и предложил схему разделения лошадей на морфологические типы: мясная, рабочая, верховая, исходя из пропорций и абсолютной величины пястных костей.

Однако наиболее тщательный и углублённый подход к изучению метаподий лошадей был предложен В. Айзенманн (Eisenmann, Beckouche, 1986). Она сумела определить двенадцать основных признаков, характеризующих строение этих костей. С метаподии снималось 12 промеров (рис. 1), которые потом относились к аналогичным промерам метаподии кулана (усреднённые промеры которого она приводит в своей работе). Полученные индексы логарифмировались для того, чтобы разница между ними стала заметнее, и на основе набора этих чисел для каждой кости строился простой гра-

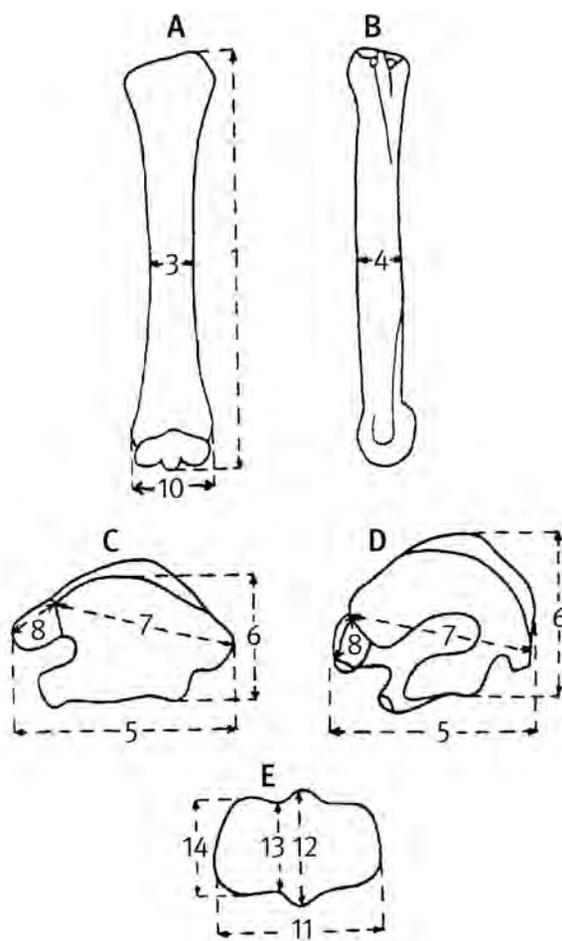

Рис. 1. Схема измерений передних и задних метаподий лошадей (по Eisenmann, Beckouche, 1986)

Fig. 1. Measuring scheme of the horse fore and hind metapodia. According to Eisenmann V., Beckouche S., 1986

фик, представлявший из себя ломаную кривую, форма которой и характеризует данную метаподию. Форма этой кривой и показывает нам степень сходства и различия образца с той или иной породной группой, для которой форма такой кривой определена и стандартизована. Эта же исследовательница специально отмечала, что передние метаподии лошадей являются в плане морфологических особенностей гораздо более диагностичными, хотя данное утверждение, может быть, и не совсем согласуется с некоторыми последними результатами (Спаская, 2018).

В настоящем исследовании мы рассматриваем только передние метаподии. Для задних же приводим подробные измерения, предоставляя право другим исследователям подробно рассмотреть их морфологию в будущем. Промеры пе-

редних и задних метаподий лошадей из памятника Сухое Озеро II по методике В. Айзенманн приведены в таблицах 1 и 2. Нумерация и порядок промеров, использованные автором, сохранены. Как видим, задние метаподии все правые, за исключением одной, а среди передних одинаковых контекстов у правых и левых нет. То есть в нашем распоряжении кости от минимум 45 особей домашней лошади карасукского времени, что является довольно представительной выборкой.

Первое, что можно установить, изучая полученные результаты, — это примерная величина захороненных коней. Следуя схеме В.О. Витта (1952), видим, что высота в холке лошадей Сухого Озера II колеблется от 136 см, то есть от «средних по росту» по его классификации, до 154 см — «крупных» по размеру (табл. 1). В среднем она составляет 144 см. В.О. Витт характеризует таких лошадей как «выше среднего». Это несколько необычно, поскольку лошади скифского населения, например пришедшего на смену карасукам в первом тысячелетии до н. э., были заметно меньше. Частотное распределение размеров передних метаподий показывает, что они распадаются на две размерные группы. Результирующая кривая распределения двухвершинная, хотя это и не очень выражено (рис. 2). Представленные таким же образом высоты животных в холке ожидаемо распадаются аналогичным образом (рис. 3). То есть мы имеем как бы

две группы лошадей, несколько различающихся по размеру. Попутно заметим, что задние метаподии дают абсолютно такую же картину.

Вычисление индекса тонконогости по А.А. Браунеру (1916) показывает, что по своим пропорциям все лошади Сухого Озера II оказываются весьма однородны. В среднем этот индекс составляет здесь 14,9 %, (lim 13,5–16,2), то есть лошади, по классификации Браунера, являются в среднем полутонконогими, то есть достаточно быстроходными скакунами.

Частотное распределение степеней тонконогости животных приведено на рисунке 4. Здесь, как видим, представлены лошади разной степени грацильности, но результирующая кривая показывает уже нормальное распределение. Двухвершинность отсутствует, то есть, вероятнее всего, морфологически это одна и та же порода.

Как уже отмечалось, Л.Л. Гайдученко (2002) по совокупности двух признаков: степени тонконогости лошадей и высоте в холке — разделяет их на несколько категорий. Высокие лошади с очень грацильными конечностями — верховые. Это самая высшая степень качества коня. Тонконогие, но несколько меньшего размера, по его номенклатуре, — захудалые верховые. Это несколько более низкая категория. Крупных особей с конечностями средней грацильности или с более массивными он называет рабочими, а таких же, но более мелкого

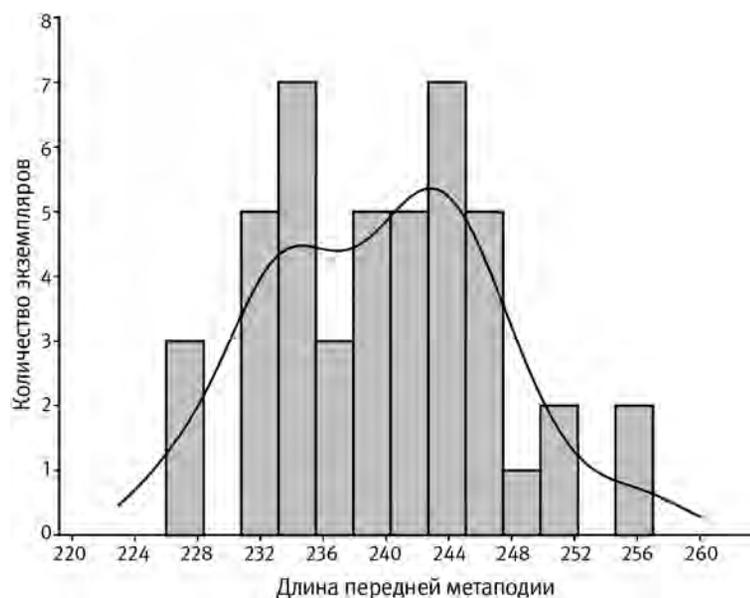

Рис. 2. Частотное распределение передних метаподий лошадей по их общей длине

Fig. 2. Frequency distribution of fore metapodia of the horses according to their overall length

Таблица 1. Промеры передних метаподий лошадей из памятника Сухое Озеро II

Table 1. Measurements of horse fore metapodia from the site of Sukhoe Ozero II

№ промеров	Номер и сторона тела	1п	2п	3п	4п	5п	6п	7п	8п	9п	10п	11п	12п	13п	14п	15п	16п	17п	18п	19п	20п
		Номер контекста	1	5	6	7	11	10	13	15	16	18	20	23	25	26	32	33	35	36	38
1	Наибольшая длина	228,0	235,2	247,0	244,0	245,2	226,4	243,0	242,9	255,2	231,0	226,0	250,4	244,0	239,4	246,0	234,1	238,8	234,0	238,5	242,2
3	Ширина диафиза в средн. части	35,3	36,9	36,7	35,0	35,0	34,2	34,3	35,5	37,2	36,1	35,0	38,1	36,8	34,7	33,7	34,6	33,9	33,0	35,4	39,2
4	П.-з. диаметр там же	26,8	28,7	28,1	27,8	27,6	26,5	28,4	27,8	28,6	27,8	27,6	28,7	27,3	27,1	27,2	26,8	26,8	25,0	27,0	27,0
5	Макс. ширина прокс. эпифиза	51,7	56,2	56,3	52,6	49,6	49,0	50,6	53,2	54,8	48,3	50,2	53,0	50,5	52,4	49,9	48,7	51,7	49,2	49,7	52,6
6	П.-з. диаметр прокс. эпифиза	32,6	33,1	34,1	33,3	34,6	32,0	32,4	34,3	35,2	29,6	31,1	32,4	32,9	34,5	31,7	31,2	32,2	30,9	31,1	31,9
10	Ширина дист. эпиф. в суставных буграх	48,3	50,2	51,7	50,5	48,8	47,9	49,6	50,1	52,3	51,1	47,4	49,9	50,0	51,4	49,8	49,5	49,6	47,5	48,4	53,3
11	Ширина дист. блока	52,3	51,8	52,3	53,0	51,6	50,2	51,2	51,4	53,8	51,7	51,0	50,9	53,0	51,2	52,8	51,8	51,0	49,5	51,2	53,8
12	П.-з. диам. срединного гребня	39,2	40,2	39,2	38,8	39,0	39,3	40,1	40,2	41,0	37,0	39,8	40,1	41,4	39,7	38,8	38,0	38,7	39,3	38,5	39,7
13	Наим. п.-з. диам. медиальн. ч. блока	31,6	31,5	30,0	31,1	31,4	30,3	33,0	32,1	32,8	31,0	31,0	32,1	32,5	31,6	30,9	30,1	30,6	31,1	30,7	30,2
14	Наиб. п.-з. диам. его же	33,8	34,0	32,0	33,3	32,6	32,3	34,1	34,9	34,8	32,1	32,1	33,9	33,5	33,0	33,1	31,6	33,0	32,0	32,4	32,4
7	Ширина большей прокс. фасетки	43,4	42,6	46,0	43,2	42,8	43,2	42,7	45,2	44,9	40,7	40,1	44,9	40,3	44,0	41,5	40,2	43,5	40,4	40,8	43,2
8	Ширина меньшей прокс. фасетки	15,0	17,8	15,5	15,8	15,3	13,4	17,2	15,9	18,6	17,0	18,4	15,6	17,6	18,7	15,4	16,0	18,1	16,9	15,7	16,0
	Примерная высота в холке (см)	137	141	148	146	147	136	146	146	153	139	136	150	146	144	148	140	143	140	143	145
	Индекс тонконогости (%)	15,5	15,7	14,9	14,3	14,3	15,1	14,1	14,6	14,6	15,6	15,5	15,2	15,1	14,5	13,7	14,8	14,2	14,1	14,8	16,2

размера — универсальными. Это лошади среднего класса. И наконец, толстоногие лошади небольшого размера называются у него «примитивными мясными». Это лошади очень низкого сорта, которых проще всего употреблять в пищу, поскольку для других целей их использовать нерационально.

Среди лошадей Сухого Озера II 33 относятся к захудалым верховым, 1 к рабочим, 8 к универсальным и 3 к верховым. Причём одна из верховых (№ 37 в табл. 1) является лошастью очень высокого класса, не уступая по экстерьерным показателям

современным породистым скакунам. Прочие же «захудалые верховые» не дотягивают до высшей категории только по высоте в холке, причём зачастую очень немного, всего несколько сантиметров. По уровню же тонконогости почти все они весьма грацильны и несомненно подходят для верховой езды и быстрых аллюров.

Ссылаясь на ещё довоенные исследования, Н.Н. Спасская (2013) замечает, что предрасположенность лошади к быстрым аллюрам определяется, помимо прочего, ещё и тем, насколько сечение

21п	22п	23п	24п	25п	26л	27л	28л	29л	30л	31л	32л	33л	34л	35л	36л	37л	38л	39л	40л	41л	42л	43л	44л	45л
40	41	42	49	4	2	3	9	14	17	19	21	22	29	24	28	30	31	34	37	43	44	45	47	50
244,7	246,1	237,0	232,0	247,1	233,4	233,7	237,3	239,0	242,0	240,0	241,9	250,1	231,3	233,2	235,6	257,0	231,2	232,9	243,0	233,2	241,3	244,8	248,2	242,3
36,8	38,2	35,8	36,1	36,0	34,7	36,5	37,5	36,2	33,9	36,1	34,8	40,2	36,3	35,8	35,1	34,7	33,2	33,7	34,1	35,5	38,1	33,9	33,8	34,6
28,1	29,3	28,6	28,6	30,1	27,5	28,2	27,0	28,0	26,1	29,1	26,1	30,4	26,5	27,0	27,8	27,0	26,3	25,3	26,4	27,0	28,2	25,4	26,0	27,3
52,4	53,3	52,0	53,7	54,5	49,5	52,3	51,1	52,7	50,7	51,3	50,0	54,8	51,0	52,7	50,0	52,0	47,4	47,9	51,5	49,9	49,9	50,8	50,0	52,8
34,3	34,5	30,9	32,3	34,2	33,8	33,4	30,7	34,3	32,3	33,5	32,6	34,8	31,1	32,7	33,6	32,1	31,9	31,5	33,2	32,5	31,4	32,3	31,7	33,5
52,6	53,1	52,7	50,9	51,4	48,6	50,8	51,4	49,8	50,3	49,5	47,8	51,8	49,0	50,3	49,0	50,2	46,9	48,4	50,5	49,6	50,0	48,8	48,4	49,8
53,6	54,5	53,6	54,2	53,6	51,4	55,1	52,2	51,9	53,9	54,1	51,8	53,7	50,7	52,5	52,2	52,3	51,3	51,5	54,0	51,9	52,1	49,6	51,1	53,4
39,0	40,2	39,2	40,0	38,4	36,6	38,5	39,5	39,8	40,4	38,6	37,1	41,8	37,2	39,2	39,0	38,5	38,7	36,8	38,0	37,6	40,9	38,0	38,5	38,3
30,1	32,2	31,8	31,4	30,7	29,7	30,5	31,2	31,6	31,4	31,6	30,0	34,9	29,8	31,3	30,6	31,4	31,7	30,4	31,6	30,5	32,9	31,0	30,1	30,8
32,0	34,3	33,8	32,9	33,2	31,9	32,5	32,8	33,7	32,2	33,1	31,9	36,4	31,8	33,9	32,6	32,2	33,2	32,0	33,5	31,9	34,3	32,3	31,5	33,2
43,5	44,6	43,7	44,1	45,2	39,6	42,8	40,4	42,8	40,7	41,7	41,5	45,0	40,9	42,4	42,9	42,3	37,6	38,8	41,9	40,2	41,3	40,4	41,0	42,4
17,8	17,7	14,5	17,7	18,2	18,8	15,1	18,4	18,1	18,0	16,0	17,3	18,5	15,8	18,3	15,5	16,5	17,2	17,5	16,2	17,7	15,8	16,4	17,3	18,8
147	148	142	139	148	140	140	142	143	145	144	145	150	139	140	141	154	139	140	146	140	145	147	149	145
15,0	15,5	15,1	15,6	14,6	14,9	15,6	15,8	15,1	14,0	15,0	14,4	16,1	15,7	15,4	14,9	13,5	14,4	14,5	14,0	15,2	15,8	13,8	13,6	14,3

диафиза передней метаподии приближается к правильной окружности. То есть насколько отношение ширины диафиза к его передне-заднему диаметру близко к единице. Более округлые в поперечном сечении метаподии оказываются у животных, способных к быстрым аллюрам. У лошадей Сухого Озера II такое отношение промера № 3 к промеру № 4 составляет почти у всех 0,8. Несколько меньше — 0,7 — оно оказывается только у 6 экземпляров, из которых 4 относятся к универсальным, то есть к лошадям более низкого класса, а две к захудалым

верховым. Суммируя все вышеизложенное, следует признать, что лошади, метаподии которых обнаружены в захоронениях могильника Сухое Озеро II, были, по меркам конца бронзового века, в целом весьма высокого класса.

В остеологической коллекции ИИМК РАН имеются костные материалы из памятника Каменный Лог I сезона работ 1963 года. Поселение находится в менее чем 20 километрах от Сухого Озера II и датируется началом I тыс. до н. э., то есть более поздним этапом карасукской культуры. Отсюда в нашем

Таблица 2. Промеры задних метаподий лошади из памятника Сухое Озеро II

Table 2. Measurements of horse hint metapodia from the site of Sukhoe Ozero II

№ промеров	Порядковый номер и сторона тела	1п	2п	3п	4п	5п	6п	7п	8п	9п	10п	11п	12п	13п	14п	15п	16п	17п	18п	19п
	Номер контекста	51	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	65	66	67	68	69	70	71
1	Наибольшая длина	282,5	270,0	277,5	267,5	280,1	285,0	281,0	283,4	285,0	293,0	278,0	266,0	286,5	279,0	284,0	278,0	284,0	300,0	283,5
3	Ширина диафиза в средн. части	33,6	32,2	32,5	33,1	32,5	33,3	32,3	31,6	33,0	33,7	36,3	32,5	34,3	34,4	33,6	34,0	36,1	34,9	35,2
4	П.-з. диаметр там же	33,6	31,2	32,1	32,5	33,4	35,5	32,2	33,2	31,8	32,6	31,7	29,8	35,5	31,4	32,7	32,4	33,3	34,5	32,9
5	Макс. ширина прокс. эпифиза	51,2	50,2	50,4	50,3	52,5	53,6	51,1	50,7	52,7	53,9	53,0	46,3	54,3	55,6	53,8	50,0	51,8	57,3	53,3
6	П.-з. диаметр прокс. эпифиза	45,0	41,0	42,7	43,0	43,9	43,2	45,2	44,1	44,2	45,4	44,8	41,8	45,7	44,5	44,9	43,3	42,1	44,9	44,6
10	Ширина дист. эпиф. в суставных буграх	51,0	49,6	47,5	47,3	49,8	50,3	50,6	50,4	48,7	49,2	50,9	49,6	51,3	51,5	52,4	47,3	50,9	52,3	52,4
11	Ширина дист. блока	53,3	53,9	51,5	51,2	53,1	55,7	52,1	53,6	52,4	53,1	53,6	51,0	54,4	55,2	53,6	47,7	52,4	55,8	54,1
12	П.-з. диам. срединного гребня	41,0	40,3	38,1	39,4	39,9	40,0	39,8	40,7	39,9	40,0	40,2	37,2	41,8	39,2	43,5	35,6	42,1	40,5	41,5
13	Наим. п.-з. диам. медиальн. ч. блока	30,3	30,7	29,7	30,4	30,1	30,6	29,6	30,2	30,2	29,2	30,7	27,9	31,3	30,3	31,8	27,3	31,5	30,4	29,9
14	Наиб. п.-з. диам. его же	34,0	33,7	32,2	33,0	33,2	32,9	32,9	32,8	34,0	32,7	35,2	29,6	34,8	34,0	34,3	30,4	34,6	33,3	33,2
7	Ширина большей прокс. фасетки	47,6	45,4	45,4	45,2	48,5	47,3	47,3	48,4	47,9	48,2	46,6	42,9	49,9	51,2	49,5	45,6	47,8	52,0	50,1
8	Ширина меньшей прокс. фасетки	14,6	13,9	13,3	12,9	12,9	15,1	16,6	13,8	14,4	14,8	13,6	13,3	15,9	14,8	15,4	14,0	12,1	14,8	13,9

распоряжении оказались пять передних и четыре задние метаподии лошадей. Их измерения приведены в таблице 3.

Сразу можно заметить, что и эти образцы обладают такими же характеристиками, как и лошади Сухого Озера II. Высота в холке по передним метаподиям от 139 до 146 см, что в среднем составляет 144 см, то есть абсолютно такая же, как и в Сухом Озере II. Средний индекс грацильности 14,7 % против 14,9 % в Сухом Озере II. Они все принадлежат к захудалым верховым, и лишь одна к универсальным. Степень округлости диафиза и здесь у троих

экземпляров 0,8, а у двух 0,7, причём одна из них универсальная. Нет сомнения, что это одна и та же морфологическая группа лошадей.

Метрические характеристики передних метаподий, полученные по методике В. Айзенманн (Eisenmann, Beckouche, 1986), мы использовали несколько иначе. Отношение полученных данных к кулану, как уже говорилось выше, было использовано ею для того, чтобы можно было исследовать метаподии лошадей, даже если они представлены в виде обломков. Тогда с разных фрагментов снимаются те промеры, которые можно снять, затем

20п	21п	22п	23п	24п	25п	26п	27п	28л	29п	30п	31п	32п	33п	34п	35п	36 п	37п	38п	39п	40п	41п	42 п	43п	44п
72	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	98	99
268,2	286,2	265,1	279,0	275,5	274,0	283,0	273,8	285,3	292,0	293,8	278,8	288,1	274,6	283,9	271,5	294,0	285,2	300,8	283,0	267,2	280,8	288,0	279,9	279,5
33,6	34,5	31,5	34,2	33,6	31,9	33,1	33,4	35,0	30,8	37,2	34,2	32,0	31,5	33,5	32,3	32,8	32,0	34,2	32,8	30,8	33,2	33,6	32,4	35,9
32,0	34,6	29,7	33,6	30,6	29,7	30,5	34,5	34,7	31,2	35,3	32,1	34,1	29,8	33,4	32,6	35,2	32,6	34,7	32,9	31,6	32,9	30,8	31,4	33,4
51,2	50,4	48,3	50,8	50,3	51,3	52,0	50,2	55,5	50,4	55,8	51,0	51,5	48,5	52,2	50,8	50,3	51,7	52,7	50,8	45,4	50,5	52,0	51,7	52,7
43,4	46,1	41,0	42,9	41,5	42,8	41,6	44,7	45,8	44,2	47,0	43,9	45,3	38,9	44,0	41,0	43,2	41,5	46,4	41,7	39,9	42,9	44,0	40,7	43,8
48,9	50,2	45,3	51,8	49,9	49,2	48,5	51,6	52,0	46,4	51,9	47,5	49,5	46,6	49,4	47,1	49,7	48,3	52,0	51,2	46,3	49,0	46,7	46,4	51,3
52,8	53,8	47,8	52,9	50,9	51,0	50,8	54,0	54,5	48,2	53,7	53,2	51,9	48,1	53,6	52,1	53,0	51,1	54,6	51,9	47,5	51,1	48,6	52,8	52,8
40,9	40,5	35,9	40,2	38,5	41,2	37,3	39,8	41,8	38,1	42,9	41,3	37,5	36,4	40,4	38,5	39,3	40,0	41,9	39,0	36,6	39,2	38,9	38,5	42,1
30,6	30,0	27,3	29,3	29,2	31,8	28,4	29,4	31,8	28,2	33,3	30,1	28,2	27,2	30,0	28,9	30,7	30,0	31,5	29,9	27,3	28,5	27,8	28,8	30,3
32,8	32,6	30,2	31,8	31,8	33,1	31,8	32,5	35,0	31,4	37,2	33,9	31,8	29,7	32,7	32,2	32,8	33,5	35,7	33,7	30,6	31,6	31,9	31,6	33,6
47,3	48,2	45,6	48,1	46,9	47,5	46,3	47,7	51,2	45,5	51,8	46,5	47,2	44,6	48,6	46,6	46,9	45,3	49,2	47,9	41,9	47,9	47,5	47,4	47,7
13,1	12,6	11,3	14,4	10,8	13,4	13,5	11,7	15,2	12,5	15,0	12,8	12,1	12,9	14,2	13,7	12,2	14,4	12,1	12,0	12,2	12,6	12,6	11,9	11,2

вычисляется средняя величина для каждого из них, и таким образом, построив кривую, можно охарактеризовать усреднённый тип лошади с памятника и сравнить его с другими аналогичными материалами, даже и не зная общей длины самих костей.

В нашем случае общая длина метаподий имеется, и прочие широтные промеры просто относились к ней, а полученные индексы логарифмировались. Затем эти данные исследовались методом простого кластерного анализа. В массив анализируемых данных были включены и экземпляры из Каменного Лога I. Была получена следующая картина (рис. 5).

Видно, что по степени сходства признаков все лошади из обоих памятников объединяются в две неравные по величине группы. Первая группа — это основной массив особей, в который совершенно естественно вошли и экземпляры из Каменного Лога I. Эта большая группа распадается внутри себя ещё на две подгруппы, но разница между ними не особенно велика. В обеих этих подгруппах есть лошади самого разного склада. Скорее всего, здесь дело в каких-то генетических линиях. Вторая группа, в левой части диаграммы, состоит из трёх особей, которые заметно отличаются от основного

Таблица 3. Промеры передних и задних метаподий лошади из памятника Каменный Лог I**Table 3.** Measurements of horse fore and hint metapodia from the site of Kamennyi Log I

№	Номер и сторона тела	1л	2л	3п	4п	5п	6л	7л	8л	9л
	Передняя или задняя	П	П	П	П	П	З	З	З	З
	Квадрат или список	КЛ 1 – 63 3.2								
1	Наибольшая длина	238,4	241,0	242,0	232,0	243,0	274,3	286,3	280,2	284,5
3	Ширина диафиза в средн. части	35,2	34,0	34,4	37,8	34,1	34,0	33,0	32,5	33,1
4	П.-з. диаметр там же	26,0	25,7	27,3	27,0	25,7	34,0	30,6	30,8	31,0
5	Макс. ширина прокс. эпифиза	54,2	53,3	50,6	51,9	54,1	50,0	54,0	52,0	52,7
6	П.-з. диаметр прокс. эпифиза	34,9	35,8	33,6	32,5	33,5	44,9	44,0	41,9	43,6
10	Ширина дист. эпифиза в суставных буграх	49,0	47,0	49,9	50,7	48,1	51,1	50,0	50,0	52,0
11	Ширина дист. блока	51,5	52,5	50,0	53,8	52,2	54,8	55,5	52,0	51,4
12	П.-з. диам. срединного гребня	38,1	37,7	37,6	37,8	38,6	39,9	41,1	38,7	40,0
13	Наим. п.-з. диам. медиальн. ч. блока	30,0	30,5	30,3	30,0	31,0	29,9	31,4	29,0	30,1
14	Наиб. п.-з. диам. его же	31,6	33,0	34,1	32,0	33,6	33,3	35,0	32,0	35,2
7	Ширина большей прокс. фасетки	46,0	42,9	40,0	41,2	42,5	48,0	48,3	46,1	48,0
8	Ширина меньшей прокс. фасетки	16,6	19,0	17,3	16,0	19,0	16,2	16,4	14,0	14,0
	Примерная высота в холке (см)	143	145	145	139	146	143	145	145	139
	Индекс тонконогости (%)	14,8	14,1	14,2	16,3	14,0	14,8	14,1	14,2	16,3

массива. В неё входят уже упоминавшаяся особь под № 37 (табл. 1) и две особи № 43 и 44. Особь № 37 — это та самая высококачественная скаковая лошадь, о которой уже упоминалось выше. Два других номера по своим характеристикам вполне обычны и являются захудалыми верховыми, по терминологии Л.Л. Гайдученко. Однако они, как и № 37, являются очень тонконогими и до «звания» качественной верховой лошади недотягивают лишь по высоте в холке, причём всего на 1–2 см (табл. 1). Поскольку, по мнению этого автора, качественной верховой лошадью может считаться только животное высотой от 150 см. Может быть, в этом случае мы имеем дело с какой-то иной породной группой лошадей или результатом особенно удачных селекционных экспериментов древних коневодов, которые и тогда уже, несомненно, осуществлялись.

Усреднённый тип карасукских лошадей из памятников Сухое Озеро II и Каменный Лог I сравни-

вался с лошадьми скифской пазырыкской культуры, которая появилась в регионе позже, во второй половине I тыс. до н. э. Кроме того, нам показалось интересным сравнить наши образцы с лошадьми поселения Кент в Центральном Казахстане. Городище Кент существовало в Центральном Казахстане в XIV–X вв. до н. э. и было построено носителями бегазы-дандыбаевской культурной общности (Варфоломеев и др., 2017), которая генетически связана и с карасукской культурой. Во всяком случае, считается, что миграция карасукского населения в Минусинские котловины происходила именно из казахстанских степей (Поляков, 2020. С. 40). Для сравнения также были привлечены передние метаподии от двух скелетов лошадей из кургана № 40 могильника Догэ-Баары, находящегося в непосредственной близости от города Кызыл (Каспаров, 2015). Он был создан примерно в первой середине II тыс. до н. э., то есть принадлежит к несколько бо-

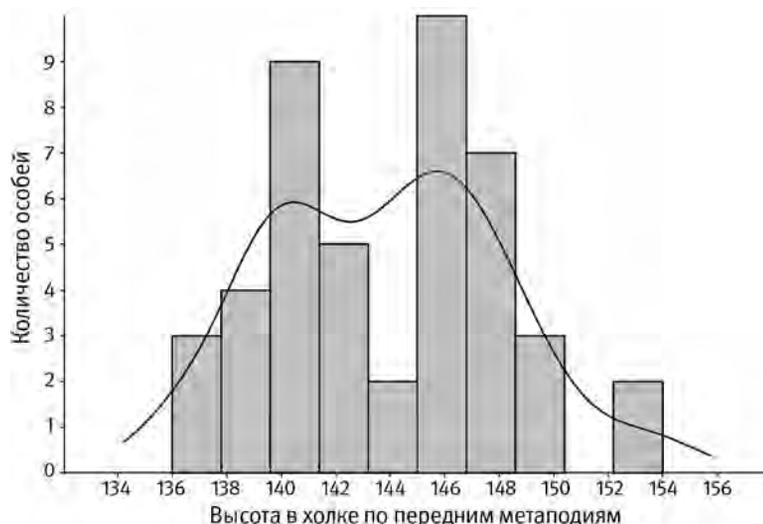

Рис. 3. Частотное распределение лошадей могильника Сухое Озеро II по высоте в холке
Fig. 3. Frequency distribution of the horses in the cemetery of Sukhoe Ozero II according to their height in the withers

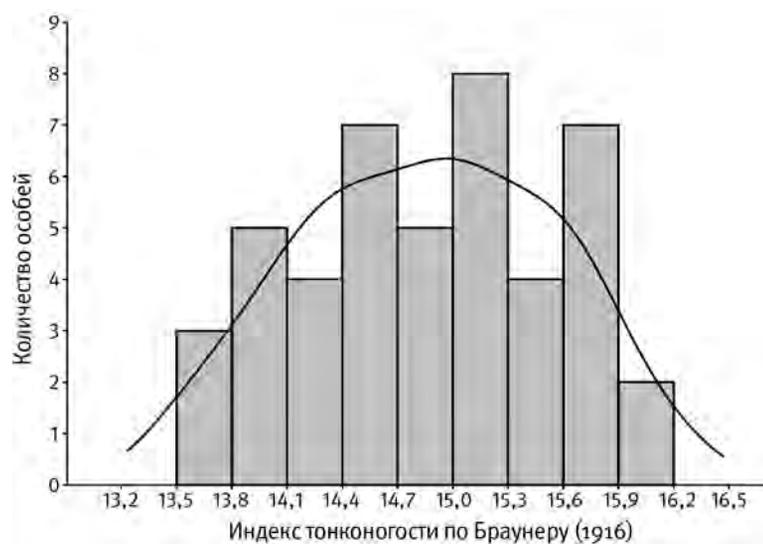

Рис. 4. Частотное распределение передних метаподий лошадей по индексу тонконогости А.А. Браунера (1916)
Fig. 4. Frequency distribution of fore metapodia of the horses according to the index of leg slenderness by A.A. Browner (1916)

лее раннему времени, чем лошади Сухого Озера II. Таким образом можно проследить изменение конских морфотипов в Саяно-Алтайском регионе начиная с середины II по середину I тыс. до н. э.

Поскольку на поселении Кент целых метаподий обнаружено не было, сравнение этих памятников производилось по классической методике В. Айзенманн, то есть имеющиеся суммированные промеры относились к аналогичным величинам кулана, затем описанным выше способом строились кривые,

характеризующие строение того или иного образца. Величина выборки в Кенте в каждом случае составляет от 30 до 40 образцов. Метрические данные по лошадям пазырыкской культуры опубликованы И.Е. Гребневым и С.К. Васильевым в 1994 году (Гребнев, Васильев, 1994). Они приводят усреднённые промеры по памятникам Ак-Алахе 1, Уландрык 1 и 2 и Кутургунтас, которые расположены примерно в том же регионе, принадлежат пазырыкской культуре и датируются примерно серединой

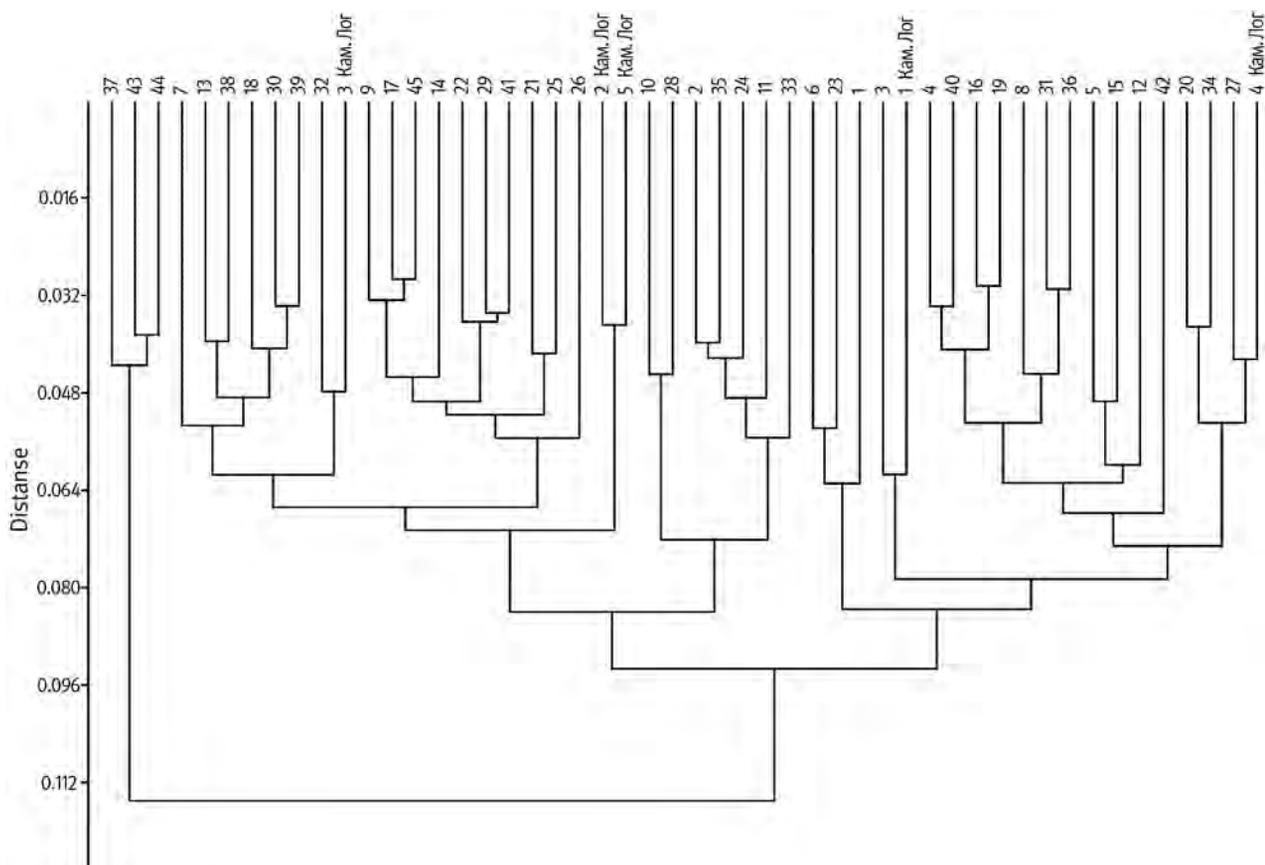

Рис. 5. Степень сходства и различия передних метаподий лошадей Сухого Озера II. По набору индексов отношений прочих измерений к общей длине кости

Fig. 5. Likeness-difference degree of fore horse metapodia of Sukhoe Ozero II. According to the set of ratio indices between overall length of a bone and all other measurements

I тыс. до н.э. Общее количество экземпляров составляет у них примерно около 120.

Результаты обмеров промеров передних метаподий всех указанных образцов графически представлены на рисунке 6. На графике видно, что лошади Кента, Сухого Озера II и Каменного Лога I в целом, по строению передних метаподий, похожи друг на друга. Некоторые различия наблюдаются только в ширине диафиза и его длине (логарифмы промеров 3 и 4) и отчасти в ширине проксимальной суставной поверхности (логарифм промера 5). В остальном же кривые имеют примерно ту же форму. Скифские лошади тоже более или менее похожи на них по своему строению. Особенно на коней Сухого Озера II. Но кривая лошадей пазырыкской культуры расположена на графике заметно ниже, а это значит, что сами особи были гораздо меньше по размерам. Исходя из данных И.Е. Гребнева и С.К. Васильева (1994), рост в холке пазырыкских

коней в среднем составлял около 136 см против среднего значения 144 см в Сухом Озере II. Индекс тонконогости у них 15,1 %.

Древние лошади из кургана Догээ-Баары (пунктирные линии на рис. 6) занимают как бы промежуточную позицию и по форме кривых, и по их положению на графическом поле между карасукскими и скифскими лошадьми, отличаясь от одних и от других и, кроме того, друг от друга. Вероятно, здесь имеет место какая-то другая морфа домашних лошадей, возможно, более примитивного склада с ещё не до конца установившимися экстерьерными признаками. Размер в холке у них был 136 и 140 см, полутонконогие и, таким образом, классифицируются как захудалые верховые (Каспаров, 2015).

Итак, передние метаподии лошадей, остатки которых были найдены в погребениях могильника Сухое Озеро II, по длине распадаются на две группы: более крупные и более мелкие (рис. 2, 3);

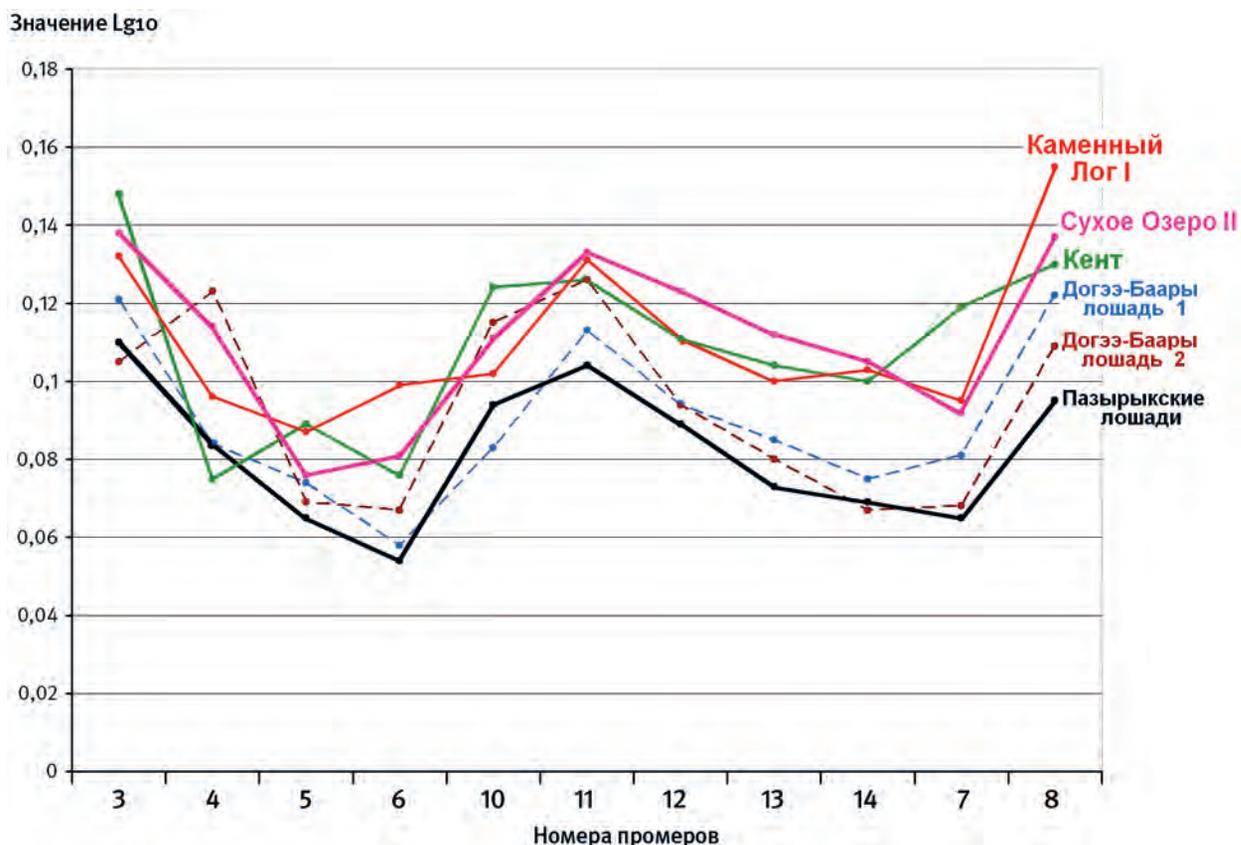

Рис. 6. Сравнение пропорций передних метаподий лошадей из памятников раннего, среднего и позднего этапа карасукской культуры, бегазы-дандыбаевской и пазырыкской культур по методу В. Айзенманн

Fig. 6. Proportions comparison of the horse fore metapodia from the sites of early, middle and late stages of the Karasuk culture, Begazy-Dandybai culture and Pazyryk culture according to the method of V. Eisenmann

на такие же группы они делятся соответственно и по своим высотам в холке. Если судить по этому последнему параметру, который более нагляден, здесь присутствуют, вероятно, 21 самка и 24 самца. При этом по степени тонконогости массив передних метаподий лошадей Сухого Озера II на разные группы уже не делится. Результирующая кривая показывает нормальное распределение. Значит, и крупные, и мелкие особи обладают одинаковыми пропорциями и принадлежат, вероятнее всего, к одной морфологической группе. Экстерьерные показатели животных достаточно высоки. Почти все они принадлежат к верховым лошадям среднего, а некоторые и высокого класса. То есть в могилах оказались кости высококлассных скакунов. Это довольно интересный факт. Либо все лошади карасукского населения были достаточно высоконоги и быстроходны, либо имел место целенаправленный отбор

при помещении в могилу частей туши тех или иных особей. Однако использовать дорогих и престижных лошадей просто как обычную напутственную пищу — нерационально и расточительно. Значит, можно предположить, что кости лошади в могиле служили не в качестве пищи на заупокойной трапезе, а для чего-то другого. Например, для поездок умершего в загробном мире или для путешествия к нему. А это уже несколько иная трактовка найденных в погребениях костных остатков лошадей.

Заметное сходство лошадей казахстанского поселения Кент с лошадьми почти синхронного ему Сухого Озера II говорит о том, что ареал распространения такого морфологического типа был весьма широк. В середине I тыс. до н. э. он был сменён типом скифской лошади, попавшей в регион севера Средней Азии и юга Сибири с новыми вселенцами.

Литература

- Браунер, 1916 — Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда, Херсонской губернии // Записки общ-ва Сельского Хозяйства Южной России. Одесса, 1916. Т. 86, № 1. С. 49–186.
- Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017 — Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В. Кент — город бронзового века в центре казахстанских степей. Астана: Изд-во Казахского НИИ культуры, 2017. 338 с.
- Витт, 1952 — Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. № 16. С. 163–205.
- Гайдученко, 2002 — Гайдученко Л.Л. Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекарганского могильника // Аркаим: Некрополь (по материалам кургана 25 Большекарганского могильника). Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2002. Т. 1. С. 173–195.
- Гребнев, Васильев, 1994 — Гребнев И.Е., Васильев С.К. Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // Полосьмак Н.В. Стережущие золото грифы (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. С. 106–111.
- Громова, 1949 — Громова В.И. История лошадей (рода Equus) в Старом свете. Труды ПИН АН СССР. Т. 17, № 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 2 т. 375 с., 162 с.
- Каспаров, 2015 — Каспаров А.К. О двух скелетах лошадей из кургана № 40 могильника Догээ-Баары 2 // Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти Л.К. Галаниной посвящается. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. С. 68–73. (Археологический сборник Государственного Эрмитажа. № 40.)
- Поляков, 2020 — Поляков А.В. Проблема хронологии и культуругенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2020. 54 с.
- Спасская, 1992 — Спасская Н.Н. Особенности микроэволюционных процессов у крупных млекопитающих на примере Equus przewalskii Poljakov, 1881 // Эволюционные факторы формирования разнообразия животного мира. М.: Товарищество научных изданий КМК, ИПЭЭ РАН, 1992. С. 257–263.
- Спасская, 2018 — Спасская Н.Н. Использование сравнительного эколого-морфологического подхода для реконструкции экстерьера лошадей из археологических памятников // Материалы междисциплинарной конференции «Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия». М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. С. 159–161.
- Спасская, Янишевский, 2013 — Спасская Н.Н., Янишевский Б.Е. Лошади из санитарного захоронения 1812 г. в селе Бородино: идентификация пород // Зоологический журнал. 2013. Т. 92, № 9. С. 1162–1178.
- Спасская и др., 2010 — Спасская Н.Н., Осипов В.Г., Ильин А.Н., Иванов Р.В. Динамика краниальных признаков якутской породы лошадей (XVIII–XXI вв.) // Динамика экосистем в голоцене: материалы Второй Российской научной конференции. Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2010. С. 198–202.
- Спасская и др., 2011 — Спасская Н.Н., Саблин М.В., Михайлов К.А. Раннесредневековые лошади второй половины IX — начала X в. на Рюриковом городище // РА. 2011. № 4. С. 52–63.
- Eisenmann, Beckouche, 1986 — Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and modern Equus, wild and domestic // Equids in ancient world / Eds R. H. Meadow, H.-P. Uerpmann. Vol. II. Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe A, Naturwissenschaften. Vol. 19, no. 1. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1986. P. 117–163.

Список литературы и источников

- Алексеев, 1961 — Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья в эпоху неолита и бронзы // Антропологический сборник III. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 107–206.
- Алексеев, 1963 — Алексеев В.П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1963. С. 135–164.
- Амзараков и др., 2017 — Амзараков П.Б., Васильев С.А., Корнева Т.В., Поляков А.В. Исследования 1-го отряда Саянской экспедиции ИИМК РАН стоянки Ирба-2 в 2015 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. №6 (охранная археология). СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2017. С. 138–150.
- Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1986. 180 с.
- Вадецкая, 1999 — Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 440 с.
- Вадецкая, 2009 — Вадецкая Э.Б. Древние маски Енисея. СПб.; Красноярск: Версо, 2009. 248 с.
- Вадецкая, 2012 — Вадецкая Э.Б. Афанасьевская керамика (классика археологического рисунка) // Афанасьевский сборник 2 / отв. ред. Н.Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012. С. 31–84.
- Васильев, 1976 — Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М.: Наука, 1976. 368 с.
- Герасимов, 1955 — Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек) // Труды Института этнографии им Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. АН СССР. Т. 28. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.
- Грязнов, 1930 — Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки: Материалы ОКИСАР. Л., 1930. Вып. 3. С. 149–162.
- Грязнов, 1941 — Грязнов М.П. Древняя бронза Минусинских степей // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. 1941. Т. 1. С. 237–271.
- Грязнов, 1956 — Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. МИА. № 48. М.; Л.: Наука, 1956. 228 с.
- Грязнов, 1965 — Грязнов М.П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 62–71.
- Грязнов, 1979 — Грязнов М.П. Карасукская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. СО АН СССР. ИИФФ. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение). 1979. С. 29–39.
- Грязнов, Пяткин, Максименков, 1968 — Грязнов М.П., Пяткин Б.Н., Максименков Г.А. Карасукская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1968. Т. I. Древняя Сибирь. С. 180–187.
- Грязнов и др., 2010 — Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М.Н. Могильник Кюргенер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 200 с.

- Дебец, 1931 — Дебец Г.Ф. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии // Советская Азия. 1931. Вып. 5–6. С. 195–209.
- Дебец, 1932 — Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (к вопросу о миграциях в доклассовом обществе) // Антропологический журнал. 1932. Вып. 2. С. 26–48.
- Дебец, 1948 — Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. Труды Института этнографии им Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. АН СССР. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с.
- Зиеп Динь Хоа, 1966 — Зиеп Динь Хоа. Местная основа карасукской культуры (в связи с новыми работами Красноярской экспедиции АН СССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966. 18 с.
- Зяблин, 1977 — Зяблин Л.П. Карасукский могильник Малые Копёны III. М.: Наука, 1977. 144 с.
- Киселёв, 1937 — Киселёв С.В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931, 1932 гг. // СА. 1937. № 3. С. 137–166.
- Киселёв, 1938 — Киселёв С.В. Советская археология Сибири периода металла // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 228–243.
- Киселёв, 1939 — Киселёв С.В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г. // ВДИ. 1939. № 2. С. 237–238.
- Киселёв, 1951 — Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 653 с.
- Киселёв, 1960 — Киселёв С.В. Неолит и бронзовый век Китая // СА. 1960. № 4. С. 244–266.
- Кожин, 1971 — Кожин П.М. Относительная хронология погребений в могильнике Окунев Улус // СА. 1971. № 3. С. 31–39.
- Козинцев, 1977 — Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1977. 144 с.
- Комарова, 1961 — Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // Археологический сборник. Вып. 3. Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1961. С. 32–73.
- Кузьмина, 1966 — Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М.: Наука, 1966. 150 с. (Свод археологических источников. АН СССР. Институт археологии. Археология СССР / под общ. ред. акад. Б.А. Рыбакова. Вып. В4-9.)
- Кучера, 1977 — Кучера С.Р. Китайская археология, 1965–1974 гг.: палеолит — эпоха Инь. М.: Наука, 1977. 268 с.
- Кызласов, 1971 — Кызласов Л.Р. Карасукский могильник Хара-Хая // СА. 1971. № 3. С. 170–188.
- Кызласов, Маргулан, 1950 — Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х. Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Вып. XXXII. С. 126–136.
- Лазаретов, 1995 — Лазаретов И.П. Каменнолоожские погребения могильника Арбан I // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. Вып. 24. СПб., 1995. С. 39–46.
- Лазаретов, Поляков, 2017 — Лазаретов И.П., Поляков А.В. О раскопках могильника Красная Горка-15 в 2015 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2017. № 6 (охранная археология). С. 183–184.
- Липский, 1949 — Липский А.Н. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 75–86.
- Липский, 1963 — Липский А.Н. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1963. С. 57–89.
- Максименков, 1964 — Максименков Г.А. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине // КСИИМК. 1964. Вып. 101. С. 19–23.
- Максименков, 1974 — Максименков Г.А. Карасукский могильник на речке Черновой // ИЛАИ. 1974. Вып. 5. С. 15–20.
- Максименков, 1975а — Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 48–58.

- Максименков, 1975б — Максименков Г.А. О значении некоторых тагарских погребений // Археология Северной и Центральной Азии / отв. ред.: А.П. Окладников, А.П. Деревянко. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1975. С. 159–167.
- Максименков, 1978 — Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1978. 190 с.
- Максименков, 2003 — Максименков Г.А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 192 с.
- Марсадолов, Баркова, 2007 — Марсадолов Л.С., Баркова Л.Л. М.П. Завитухина (1926–2001) // Теория и практика археологических исследований. 2007. Вып. 3. С. 177–181.
- Матющенко, 1969 — Матющенко В.И. Основные этапы истории племен лесостепного Приобья в эпоху бронзы // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1969. С. 146–148.
- Матющенко, 1974 — Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4. Еловско-ирменская культура. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1974. 196 с. (Из истории Сибири. Вып. 12.)
- Матющенко, Игольникова, 1966 — Матющенко В.И., Игольникова Л.Г. Поселение Еловка — памятник второго этапа бронзового века Средней Оби // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. Вып. 2. С. 183–195.
- Новгородова, 1962 — Новгородова Э.А. Ножи карасукского времени из Монголии и Южной Сибири // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 11–17.
- Новгородова, 1963 — Новгородова Э.А. Локальные группы карасукской культуры (анализ украшений) // Ученые записки Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской. М., 1963. Т. 103. С. 629–654.
- Новгородова, 1965 — Новгородова Э.А. Локальные варианты карасукской керамики // МИА. 1965. № 130. С. 181–186.
- Новгородова, 1970 — Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970. 192 с.
- Павлов, 1999 — Павлов П.Г. Карасукский могильник Терт-Аба. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1999. 174 с.
- Поляков, 2002 — Поляков А.В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Книга I. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002. С. 209–213.
- Поляков, 2005 — Поляков А.В. Гребни из комплексов карасукской культуры // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. С. 102–111.
- Поляков, 2006а — Поляков А.В. Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // Археологические вести. 2006. № 13. С. 82–101.
- Поляков, 2006б — Поляков А.В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 26 с.
- Поляков, 2009а — Поляков А.В. К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 90–109.
- Поляков, 2009б — Поляков А.В. Относительная хронология памятников раннего периода карасукской культуры // Stratum plus. 2009. № 2. С. 451–482.
- Поляков, 2009в — Поляков А.В. Положение тела погребённого в могилах эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 3–5 сентября 2009 г. Т. I. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2009. С. 40–43.
- Поляков, 2013 — Поляков А.В. Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 401–416.

- Поляков, 2017 — Поляков А.В. Современная хронология памятников энеолита и эпохи бронзы Минусинских котловин // Петроглифы Центральной Азии и Северного Китая. Улан-Батор, 2017. С. 187–211.
- Поляков, 2019 — Поляков А.В. Радиоуглеродные даты памятников андроновской (фёдоровской) культуры на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. 2019. № 20. С. 163–173.
- Поляков, 2020 — Поляков А.В. Проблема хронологии и культуругенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2020. 54 с.
- Поляков, Лазаретов, 2019 — Поляков А.В., Лазаретов И.П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 188–202.
- Пяткин, 1967 — Пяткин Б.Н. Датировка карасукских изогнутых ножей // ИЛАИ. Кемерово, 1967. Вып. 1. С. 53–59.
- Рахимов, 1968 — Рахимов С.А. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде (Красноярский край) // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 70–75.
- Рыкушина, 1980 — Рыкушина Г.В. Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху // Палеоантропология Сибири. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1980. С. 47–63.
- Рыкушина, 2007 — Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры. М.: Старый Сад, 2007. 198 с.
- Теплоухов, 1927 — Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III, вып. 2. С. 91–108.
- Теплоухов, 1929 — Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.
- Фёдорова-Давыдова, 1960 — Фёдорова-Давыдова Э.А. Андроновское погребение XV–XIII вв. до н. э. (К вопросу о перидизации андроновской культуры) // Труды ГИМ. 1960. Вып. 37. С. 56–59.
- Хлобыстина, 1961 — Хлобыстина М.Д. О происхождении минусинских коленчатых ножей // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1961. Вып. 21. С. 44–47.
- Хлобыстина, 1962 — Хлобыстина М.Д. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1962. 32 с.
- Хлобыстина, 1963 — Хлобыстина М.Д. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1963. 19 с.
- Хлобыстина, 1970 — Хлобыстина М.Д. Каменский могильник на Енисее и Усть-ербинская группа памятников // СА. 1970. № 1. С. 121–129.
- Членова, 1963 — Членова Н.Л. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине // СА. 1963. № 3. С. 48–66.
- Членова, 1964 — Членова Н.Л. Карасукская культура в Южной Сибири // Материалы по древней истории Сибири (Древняя Сибирь — I том). Улан-Удэ, 1964. С. 263–279.
- Членова, 1966 — Членова Н.Л. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины (по материалам Ужурского могильника) // Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2. С. 212–228.
- Членова, 1967 — Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 299 с.
- Членова, 1970 — Членова Н.Л. Датировка ирменской культуры // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: Изд-во Томского университета, 1970. С. 133–149.
- Членова, 1972 — Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
- Gryaznov, 1969 — Gryaznov M.P. Southern Siberia. Geneva: Nagel Publishers, 1969. 252 p. (Archaeologia Mundi.)
- Poliakov, Lazaretov, 2020 — Poliakov A.V., Lazaretov I.P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 29. № 102125.

Архивные источники

Государственный Эрмитаж

- Коллекция 2479, 1963 год, № 1–10.
- Коллекция 2480, 1964 год, № 1–6.
- Коллекция 2481, 1965 год, № 1–81.
- Коллекция 2482, 1966 год, № 1–93.
- Коллекция 2483, 1967 год, № 1–168.
- Коллекция 2488, 1967 год, № 1–2.
- Коллекция 2484, 1968 год, № 1–67.

Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН

- Ф. 35, оп. 1, 1963, д. 80 — отчёт Г.А. Максименкова о работах Черновского отряда Красноярской экспедиции в 1963 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1963, д. 85–89 — полевые чертежи из раскопок могильного поля Сухое Озеро в 1963 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1963, д. 209 — полевой дневник работ Черновского отряда Красноярской экспедиции в 1963 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1964, д. 59 — отчёт Г.А. Максименкова о работах Черновского отряда Красноярской экспедиции в 1964 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1964, д. 61–66 — полевые чертежи из раскопок могильного поля Сухое Озеро в 1964 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 70 — отчёт Г.А. Максименкова о работах Черновского отряда Красноярской экспедиции в 1965 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 74–75 — полевые чертежи из раскопок могильного поля Сухое Озеро в 1965 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 167 — полевой дневник Э.Б. Вадецкой о работах Черновского отряда Красноярской экспедиции в 1965 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1965, д. 186 — полевой дневник Б.Н. Пяткина о работах Черновского отряда Красноярской экспедиции в 1965 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1966, д. 54 — отчёт Э.Б. Вадецкой о работах Черновского отряда Красноярской экспедиции в 1966 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1966, д. 55 — полевой дневник Э.Б. Вадецкой о работах Черновского отряда Красноярской экспедиции в 1966 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1966, д. 56–57 — полевые чертежи из раскопок могильного поля Сухое Озеро в 1966 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1967, д. 140–141 — отчёт Г.А. Максименкова о работах Черновского отряда Красноярской экспедиции в 1967 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1967, д. 142 — полевые чертежи из раскопок могильного поля Сухое Озеро в 1967 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1967, д. 142А — описи коллекций могильного поля Сухое Озеро, переданных в Государственный Эрмитаж.
- Ф. 35, оп. 1, 1968, д. 77 — отчёт Г.А. Максименкова о работах Черновского отряда Красноярской экспедиции в 1968 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1968, д. 78 — полевые чертежи из раскопок андроновской части могильного поля Сухое Озеро в 1968 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1968, д. 79 — полевые чертежи из раскопок карасукской части могильного поля Сухое Озеро в 1968 году.
- Ф. 35, оп. 1, 1968, д. 79А — описи коллекций могильного поля Сухое Озеро, переданных в Государственный Эрмитаж.

Фотоархив Научного архива ИИМК РАН

- Дело О. 2546 — фототаблицы к отчёту Черновского отряда Красноярской экспедиции за 1963–1964 годы.
- Дело О. 2583 — фототаблицы к отчёту Черновского отряда Красноярской экспедиции за 1964 год.
- Дела О. 2636–2637 — фототаблицы к отчёту Черновского отряда Красноярской экспедиции за 1965 год.
- Дела О. 2660–2661 — фототаблицы к отчёту Черновского отряда Красноярской экспедиции за 1966 год.
- Дела О. 2717–2718 — фототаблицы к отчёту Черновского отряда Красноярской экспедиции за 1967 год.
- Дела О. 2737–2738 — фототаблицы к отчёту Черновского отряда Красноярской экспедиции за 1968 год.

Список сокращений

АН СССР	— Академия наук СССР
ВДИ	— Вестник древней истории
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ГЭС	— Гидроэлектростанция
ИА	— Институт археологии
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
ИЛАИ	— Известия Лаборатории археологических исследований
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛО ИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МОПИ	— Московский областной педагогический институт
МТС	— Машинно-тракторная станция
МЭ	— Материалы по этнографии
ОКИСАР	— Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (Академии наук СССР)
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
СА	— Советская археология
СО АН СССР	— Сибирское отделение Академии наук СССР
ИИФФ	— Институт истории, филологии и философии
ТИЭ	— Труды Института этнографии

ТОИПК — Труды Отдела первобытной культуры

Томский ГУ — Томский государственный университет

ТОО НИЦИА
«Бегазы-Тасмола» — Товарищество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола»

Стороны света

В — восток

ВСВ — восток-северо-восток

ВЮВ — восток-юго-восток

З — запад

ЗСЗ — запад-северо-запад

ЗЮЗ — запад-юго-запад

С — север

СВ — северо-восток

СЗ — северо-запад

ССВ — северо-северо-восток

ССЗ — северо-северо-запад

Ю — юг

ЮВ — юго-восток

ЮЗ — юго-запад

ЮЮВ — юго-юго-восток

ЮЮЗ — юго-юго-запад

Summary

This monograph is mainly dedicated to the publishing of the of a unique archaeological site, a cemetery of Sukhoe Ozero II (the Dried Lake II). The investigations of the cemetery were organized as a part of the Krasnoyarsk Archaeological Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of AS USSR (now Institute for the History of Material Culture of Russian AS) and generally ran by M. P. Griaznov. The main goal of the expedition was to save and investigate those archaeological sites which were to be drowned under the waters of an artificial reservoir of the Krasnoyarsk Hydroelectric Power Plant. The cemetery of Sukhoe Ozero II was placed on the bank of the Chernovaya river (Figs. 1–2), not far from its conjunction with the Yenisey river (Bogradskiy district of the Republic of Khakassia). The cemetery consisted of 700 tumuli, belonging to three different periods: Andronovo culture, Karasuk culture, and Tagar culture. The studies were led by G.A. Maksimenkov and E.B. Vadetskaya during the 1963–1968 years. Roughly half of the visible tumuli were investigated resulting in a huge amount of materials. Those precious artifacts are stored now in the holdings of the State Hermitage Museum in Saint Petersburg.

After the fieldwork was finished, G.A. Maksimenkov started to publish the materials of the site. In a separate monograph he studied the Andronovo part of the cemetery which was called Sukhoe Ozero I – Ia (Maksimenkov, 1978. Pp. 17–34). In the same book he gave a wide account of the Andronovo sites in the midstream of the Yenisey. Immediately after the book was published, G.A. Maksimenkov started to study the Karasuk materials from the collection. Those materials became known as the cemetery of Sukhoe Ozero II. He continued his work up to his death in 1986 and practically finished the book, but never published it. During the

years of 1986–2015, E.B. Vadetskaya and A.V. Poliakov tried to reconstruct the manuscript but this work was not completed either. Now all the parts which could be reconstructed and some parts written by E.B. Vadetskaya are published at least. Unfortunately, the third part of the Sukhoe Ozero cemetery belonging to the Tagar culture remains unpublished.

The monograph consists of three parts. In the first one the results of the investigations of the unique Karasuk cemetery Sukhoe Ozero II are published (Fig. 145). During 6 years of work 295 tumuli were excavated containing 560 graves (Figs. 3–124). A very representative ceramic material was found comprising 280 vessels (Figs. 129–140). Unfortunately, the main body of the graves was plundered for the sake of bronze objects, those to use again or to meltdown. However, even plundered the burials yielded a vast number of different artifacts (Figs. 125–128). Probably the plundering took place in the Scythian period and hence those people who set up the Tagar part of the cemetery were in charge of it. They made a number of secondary burials in the Karasuk graves, which are well differentiated due to the special pose of the skeleton and specific ceramic material (Figs. 141–142). Publication of such a vast corpus of archaeological sources should be considered as having invaluable significance being the sixth part of all the known materials of the Karasuk culture.

The second part of the book deals with the analysis of the materials got during the excavations of the site. G.A. Maksimenkov not only gives a general overview of the materials but also tries to frame the burials in a relative chronology. To that end, he divides the tumuli into five groups. Then follows a rigorous statistical analysis of all the features of the burial rite, which allows to identify certain differences between the groups.

As a result, G.A. Maksimenkov concludes that those groups existed in a strict chronological order. Thereafter he points on certain tendencies in developing of all the elements of the rite, which allows him to blueprint a common trend in the development of the early stage of the Karasuk culture.

G.A. Maksimenkov was the first scholar to point out the heterogeneity in the early karasuk (the “classic” one) stage of the Karasuk culture. Before his studies all authors had considered it “monolithic” and had not seen any development in it. In this book, some certain tendencies to the development are brilliantly shown, which allows us to study the development of the burial rite characteristic for the society of this period. The manuscript of the book became basic for all the newest works in the field of the relative chronology of the Late Bronze Age sites of the Minusinsk hollows (Poliakov, 2002; 2006b; 2009b; 2013; 2017. Pp. 193–197; 2020. Pp. 36–44; Poliakov, Lazaretov, 2019; Poliakov, Lazaretov, 2020).

The third part of the monograph is dedicated to the problems of the early history of the Karasuk culture. G.A. Maksimenkov argues against authors who assume long coexistence of different populations on the territory of the Minusinsk hollows (N.L. Chlenova, M.D. Khlo-

bystina, E.A. Novgorodova). He defines the place of the cemetery of Sukhoe Ozero II between other cemeteries of the Karasuk culture, considering it as one of the earliest. G.A. Maksimenkov sticks to M.P. Griaznov’s thesis that Karasuk culture should be divided into two sequential phases: “Karasuk” phase properly (or a classic phase) and “Kamennyi Log” phase. Then he proposes his own point of view concerning the forming of the earliest Karasuk sites and their absolute dating. He concludes that the early sites (the classic phase) should be dated to 14–11 cc. BCE and those which are relatively later (the Kamennyi Log phase) to 10–8 cc. BCE. Modern studies accept such dating in general.

The work is accompanied by an introduction and a foreword written by E.B. Vadetskaya in 2015. In those, she introduces her own position concerning the sites, which slightly differs from the understanding proposed by G.A. Maksimenkov. The monograph is preceded by a chapter written by the editor-in-chief, A.V. Poliakov where a history of monograph’s creation and publishing is described. Moreover, he proposes some commentaries, which allow better understanding of the site significance for the study of the Minusinsk hollows in the Late Bronze Age and provide a reader with modern views on its chronology and development.

Иллюстрации

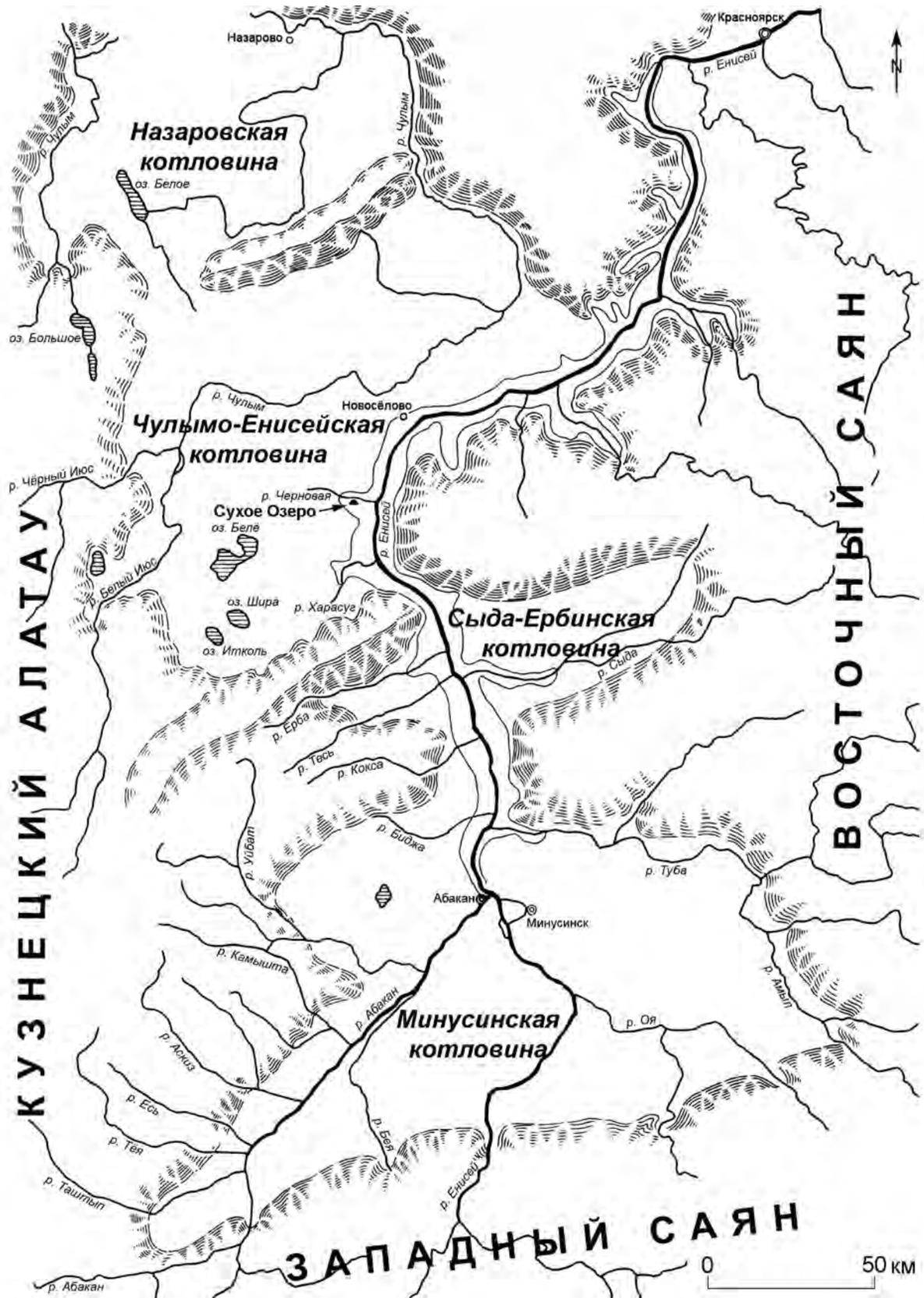

Рис. 1. Карта-схема Минусинских котловин с нанесённым местоположением могильника Сухое Озеро II
 Fig. 1. Schematic map of the Minusinsk hollows showing the placement of the cemetery Sukhoe Ozero II

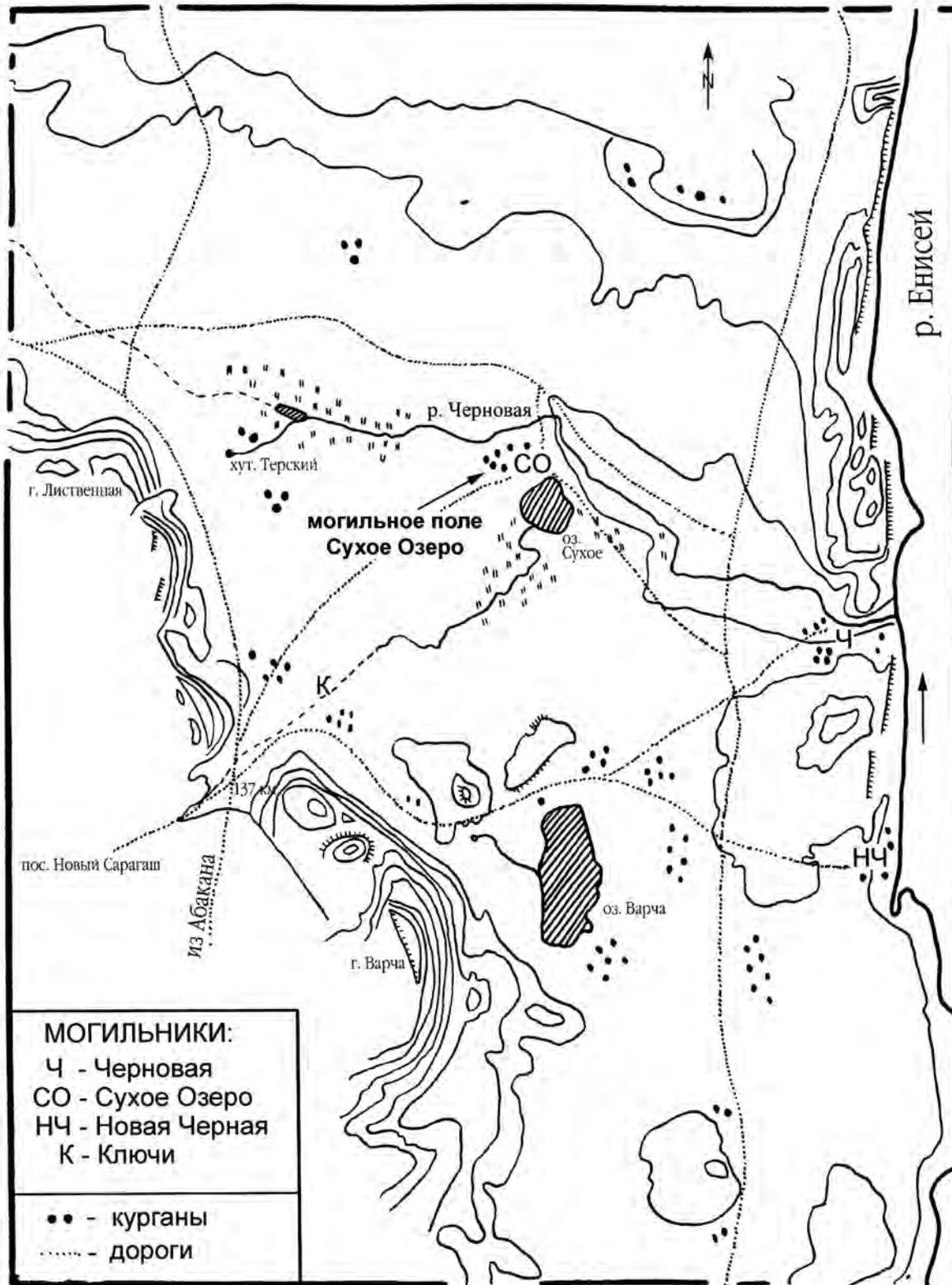

Рис. 2. Карта зоны работ Черновского отряда Красноярской экспедиции с указанием места расположения могильника Сухое Озеро II

Fig. 2. Map showing the zone of Chernovskiy detachment works and the placement of the cemetery Sukhoe Ozero II

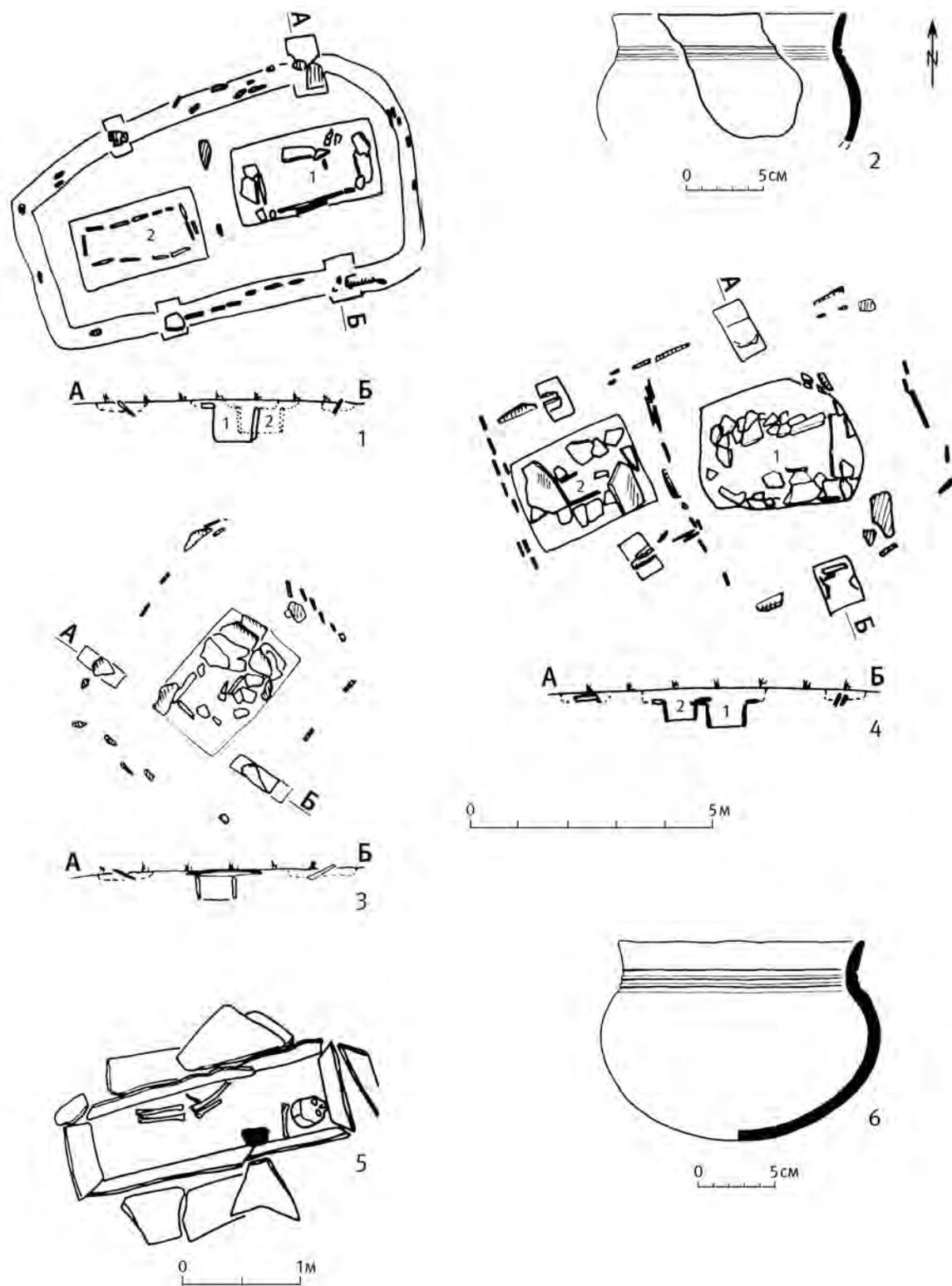

Рис. 3. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 421, общий план, разрез; 2 — керамический сосуд из кург. 421, мог. 1; 3 — кург. 423, общий план, разрез; 4 — кург. 427, общий план, разрез; 5 — кург. 427, мог. 2; 6 — керамический сосуд из кург. 427, мог. 2

Fig. 3. Materials of the cemetery Sukhoie Ozero II excavations: 1 — tumulus 421, general plan, section; 2 — a ceramic vessel from tumulus 421, grave 1; 3 — tumulus 423, general plan, section; 4 — tumulus 427, general plan, section; 5 — tumulus 427, grave 2; 6 — a ceramic vessel from tumulus 427, grave 2

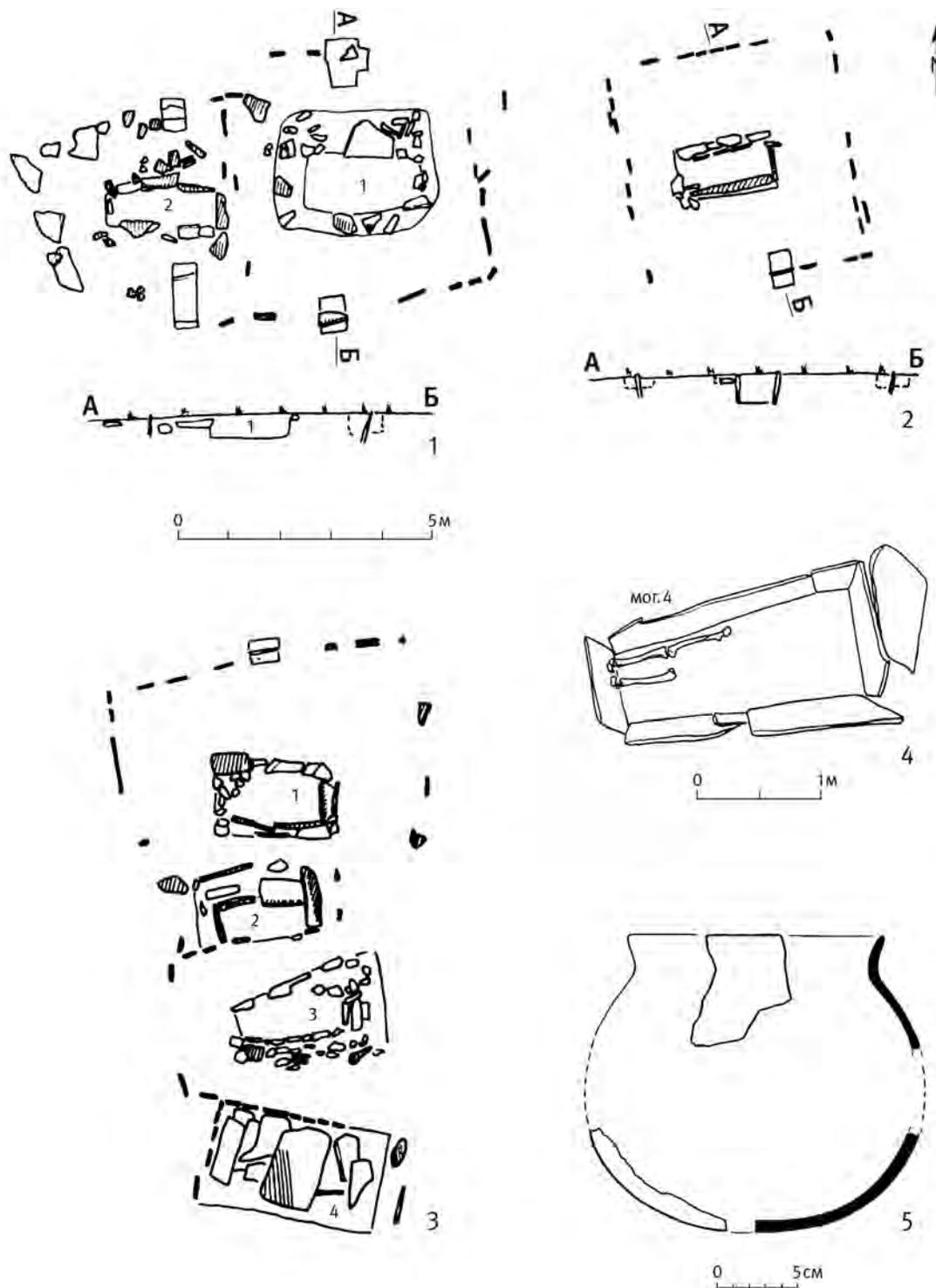

Рис. 4. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 429, общий план, разрез; 2 — кург. 431, общий план, разрез; 3 — кург. 433, общий план; 4 — кург. 433, мог. 4; 5 — керамический сосуд из кург. 433, мог. 1

Fig. 4. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 429, general plan, section; 2 — tumulus 431, general plan, section; 3 — tumulus 433, general plan; 4 — tumulus 433, grave 4; 5 — a ceramic vessel from tumulus 433, grave 1

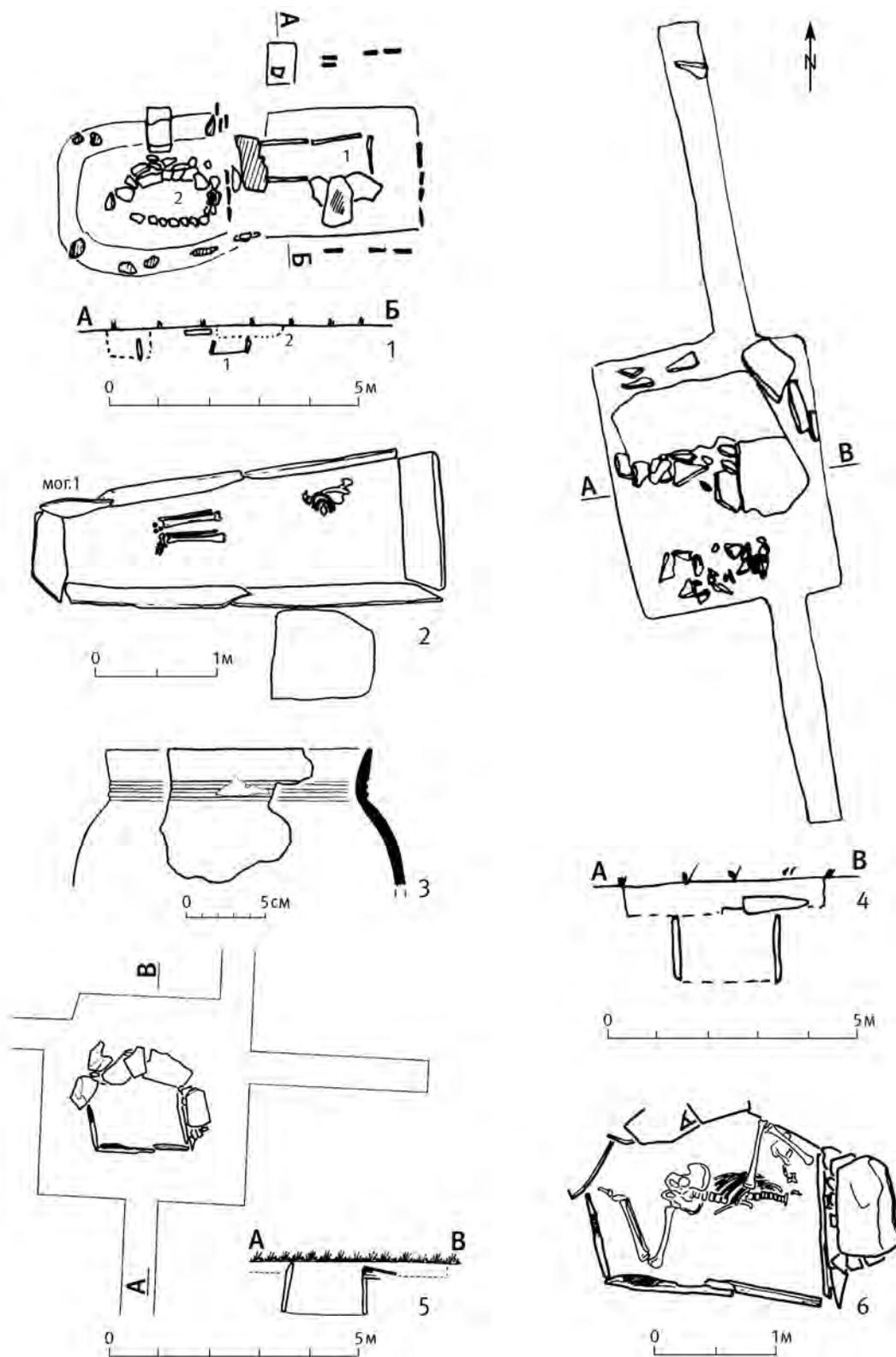

Рис. 5. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 441, общий план, разрез; 2 — кург. 441, мог. 1; 3 — керамический сосуд из кург. 441, мог. 1; 4 — кург. 458, общий план, разрез; 5 — кург. 451, общий план, разрез; 6 — могила в кург. 451

Fig. 5. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 441, general plan, section; 2 — tumulus 441, grave 1; 3 — a ceramic vessel from tumulus 441, grave 1; 4 — tumulus 458, general plan, section; 5 — tumulus 451, general plan, section; 6 — grave in tumulus 451

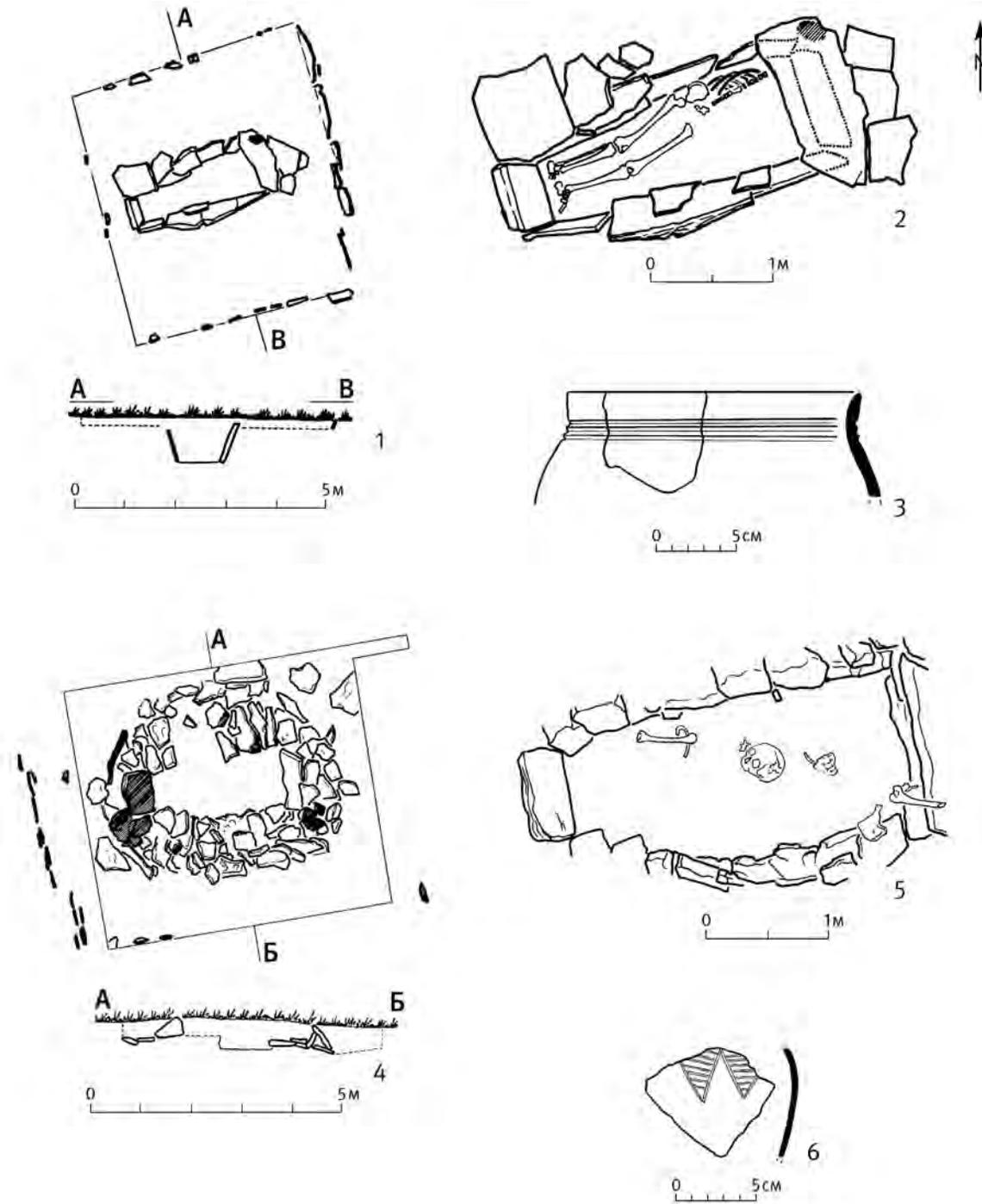

Рис. 6. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 487, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 487; 3 — фр-т керамического сосуда из кург. 487; 4 — кург. 35, общий план, разрез; 5 — могила в кург. 35; 6 — фр-т керамического сосуда из кург. 35

Fig. 6. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 487, general plan, section; 2 — grave in tumulus 487; 3 — a ceramic fragment from tumulus 487; 4 — tumulus 35, general plan, section; 5 — grave in tumulus 35; 6 — a ceramic fragment from tumulus 35

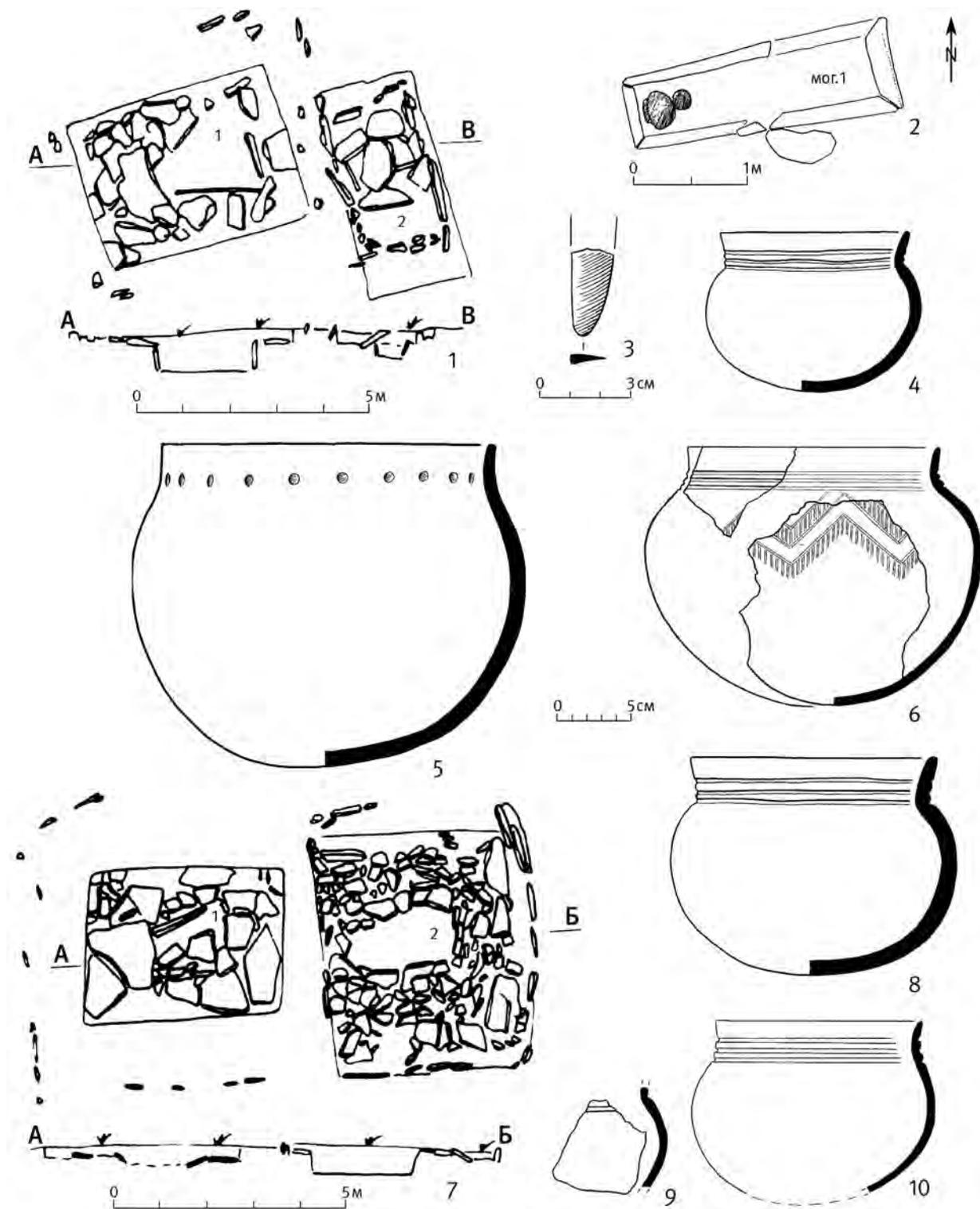

Рис. 7. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 36, общий план, разрез; 2 — кург. 36, мог. 1; 3 — обломок бронзового ножа из кург. 36, мог. 1; 4, 6 — керамические сосуды из кург. 36, мог. 1; 5 — керамический сосуд из кург. 36, мог. 2; 7 — кург. 37, общий план, разрез; 8 — керамический сосуд из кург. 37, мог. 1; 9, 10 — фр-ты керамических сосудов из кург. 37, мог. 2

Fig. 7. Materials of the cemetery Sukhoie Ozero II excavations: 1 — tumulus 36, general plan, section; 2 — tumulus 36, grave 1; 3 — a fragment of bronze knife from tumulus 36, grave 1; 4, 6 — ceramic vessels from tumulus 36, grave 1; 5 — a ceramic vessel from tumulus 36, grave 2; 7 — tumulus 37, general plan, section; 8 — a ceramic vessel from tumulus 37, grave 1; 9, 10 — fragments of the ceramic vessels from tumulus 37, grave 2

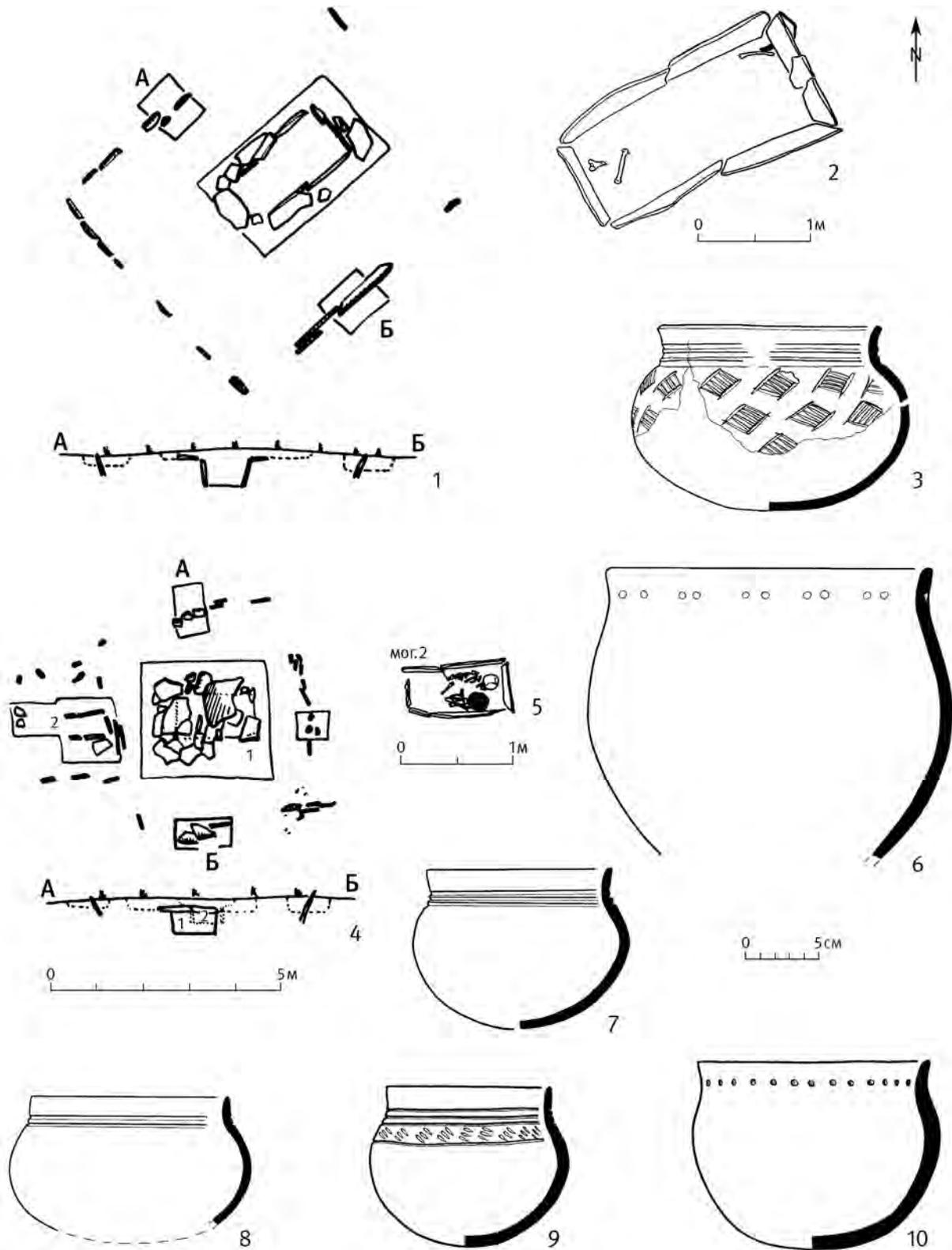

Рис. 8. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 323, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 323; 3 — керамический сосуд из кург. 323; 4 — кург. 331, общий план, разрез; 5 — мог. 2 в кург. 331; 6–8 — керамические сосуды из кург. 331, мог. 1; 9 — керамические сосуды из кург. 331, мог. 2

Fig. 8. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 323, general plan, section; 2 — grave in tumulus 323; 3 — a ceramic vessel from tumulus 323; 4 — tumulus 331, general plan, section; 5 — grave 2 in tumulus 331; 6–8 — ceramic vessels from tumulus 331, grave 1; 9 — ceramic vessels from tumulus 331, grave 2

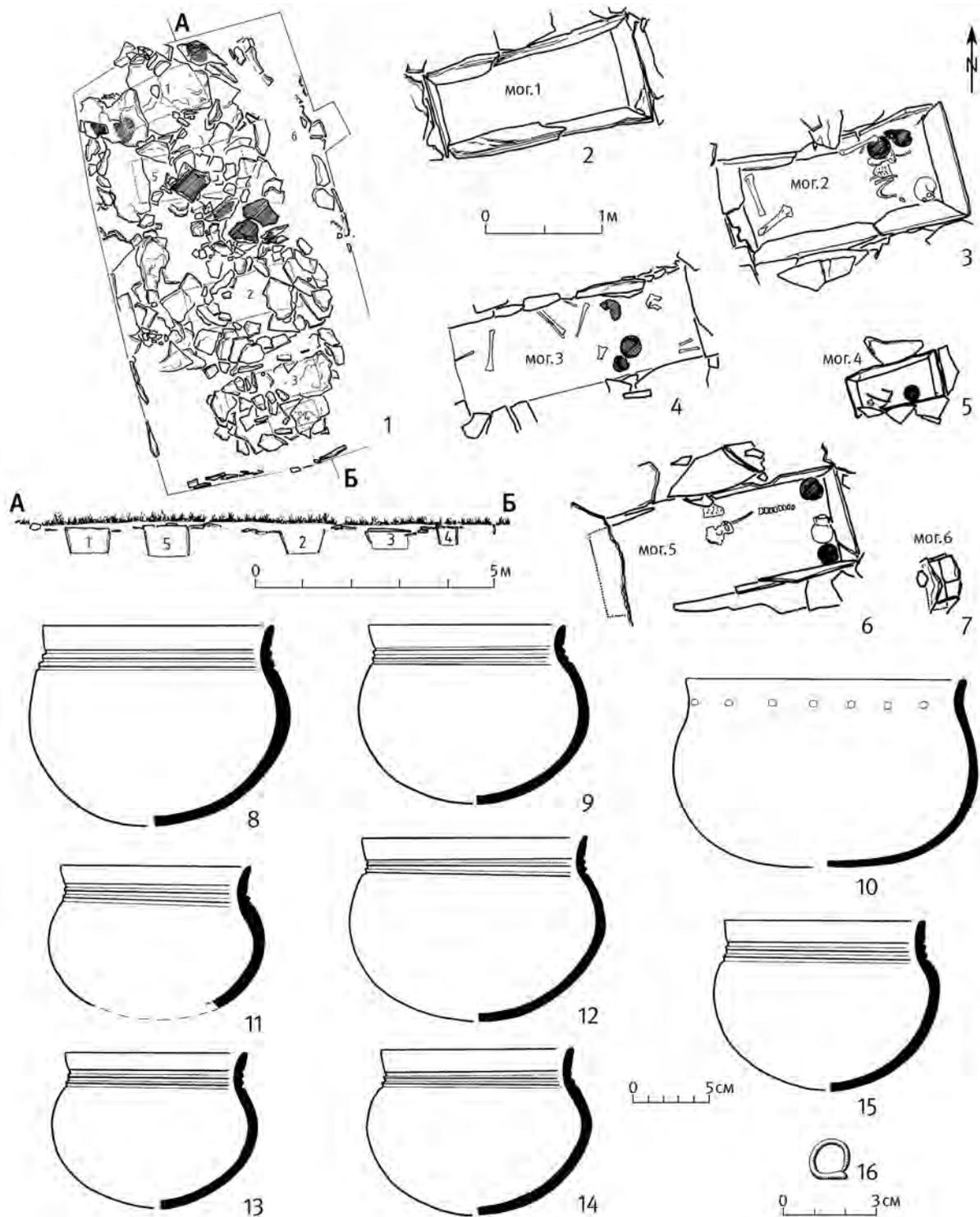

Рис. 9. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 325, общий план, разрез; 2 — кург. 325, мог. 1; 3 — кург. 325, мог. 2; 4 — кург. 325, мог. 3; 5 — кург. 325, мог. 4; 6 — кург. 325, мог. 5; 7 — кург. 325, мог. 6; 8, 9 — керамические сосуды из кург. 325, мог. 2; 10–12 — керамические сосуды из кург. 325, мог. 3; 13, 14 — керамические сосуды из кург. 325, мог. 5; 15 — керамический сосуд из кург. 325, мог. 4; 16 — бронзовое кольцо из кург. 325, мог. 4

Fig. 9. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 325, general plan, section; 2 — tumulus 325, grave 1; 3 — tumulus 325, grave 2; 4 — tumulus 325, grave 3; 5 — tumulus 325, grave 4; 6 — tumulus 325, grave 5; 7 — tumulus 325, grave 6; 8, 9 — ceramic vessels from tumulus 325, grave 2; 10–12 — ceramic vessels from tumulus 325, grave 3; 13, 14 — ceramic vessels from tumulus 325, grave 5; 15 — a ceramic vessel from tumulus 325, grave 4; 16 — a bronze ring from tumulus 325, grave 4

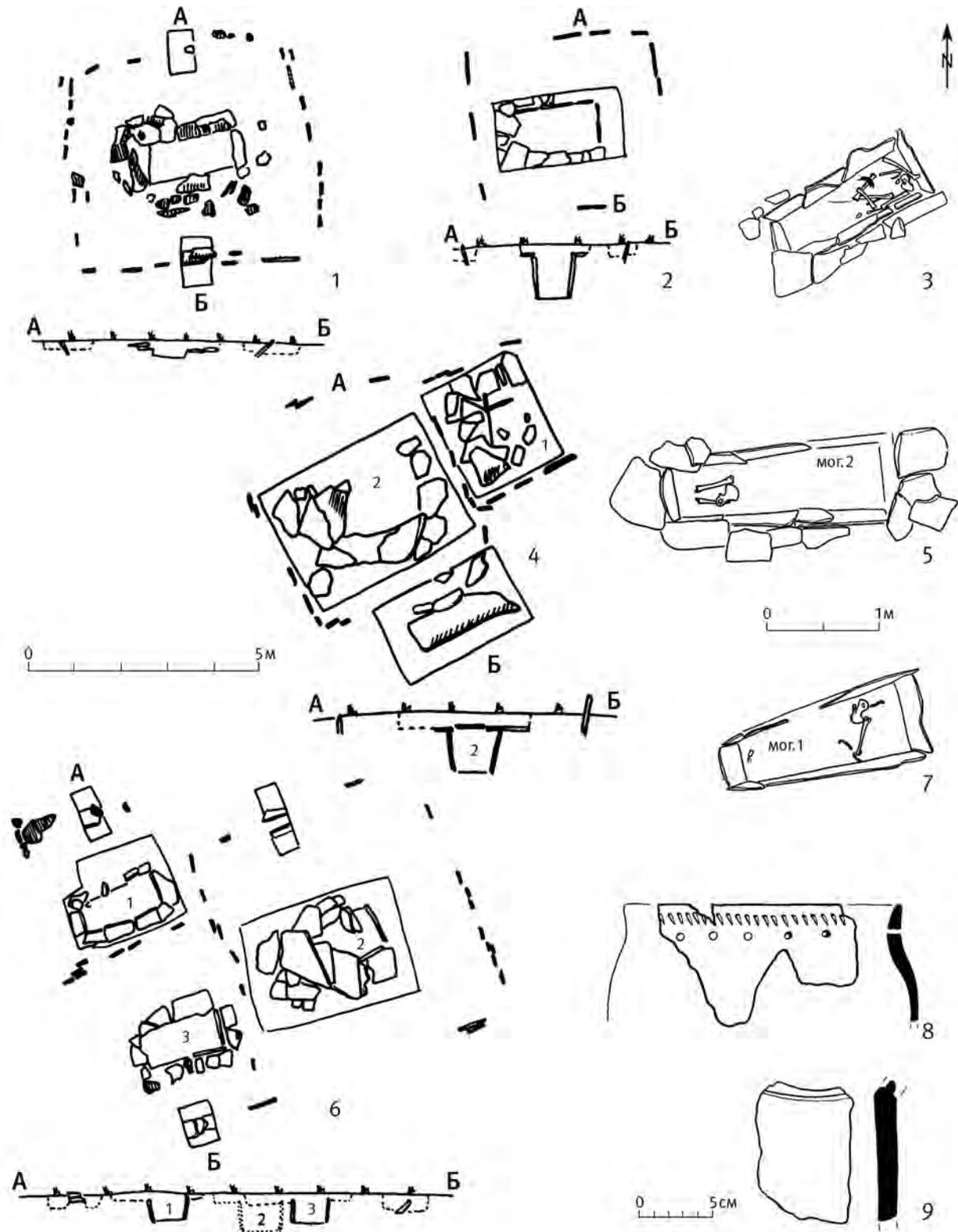

Рис. 10. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 333, общий вид, разрез; 2 — кург. 347, общий вид, разрез; 3 — могила в кург. 347; 4 — кург. 357, общий вид, разрез; 5 — кург. 357, мог. 2; 6 — кург. 335, общий вид, разрез; 7 — кург. 335, мог. 1; 8, 9 — фр-ты керамических сосудов из кург. 335, мог. 3

Fig. 10. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 333, general view, section; 2 — tumulus 347, general view, section; 3 — grave in tumulus 347; 4 — tumulus 357, general view, section; 5 — tumulus 357, grave 2; 6 — tumulus 335, general view, section; 7 — tumulus 335, grave 1; 8, 9 — fragments of the ceramic vessels from tumulus 335, grave 3

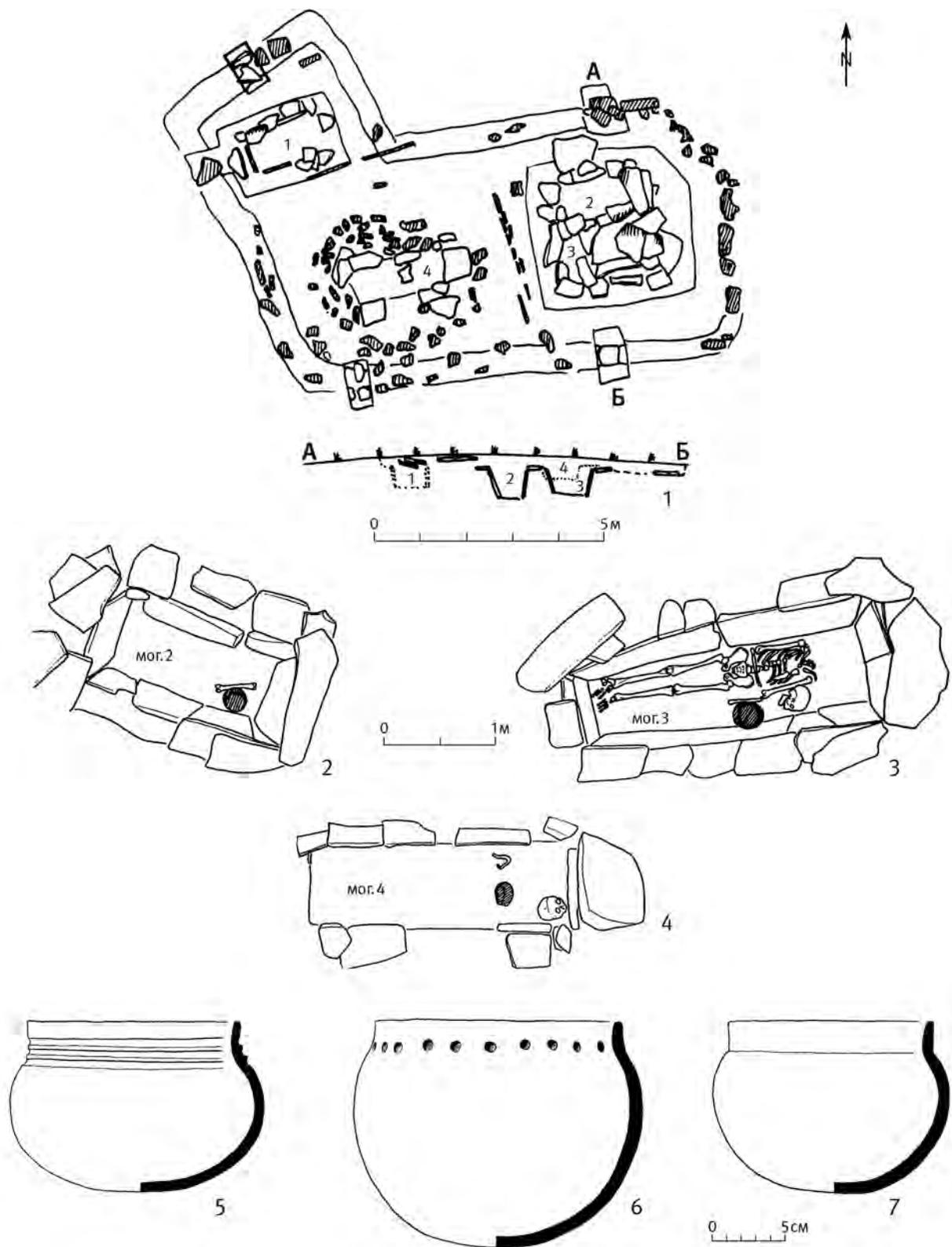

Рис. 11. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 337, общий план, разрез; 2 — кург. 337, мог. 2; 3 — кург. 337, мог. 3; 4 — кург. 337, мог. 4; 5 — керамический сосуд из кург. 337, мог. 2; 6 — керамический сосуд из кург. 337, мог. 3; 7 — керамический сосуд из кург. 337, мог. 4

Fig. 11. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 337, general plan, section; 2 — tumulus 337, grave 2; 3 — tumulus 337, grave 3; 4 — tumulus 337, grave 4; 5 — a ceramic vessel from tumulus 337, grave 2; 6 — a ceramic vessel from tumulus 337, grave 3; 7 — a ceramic vessel from tumulus 337, grave 4

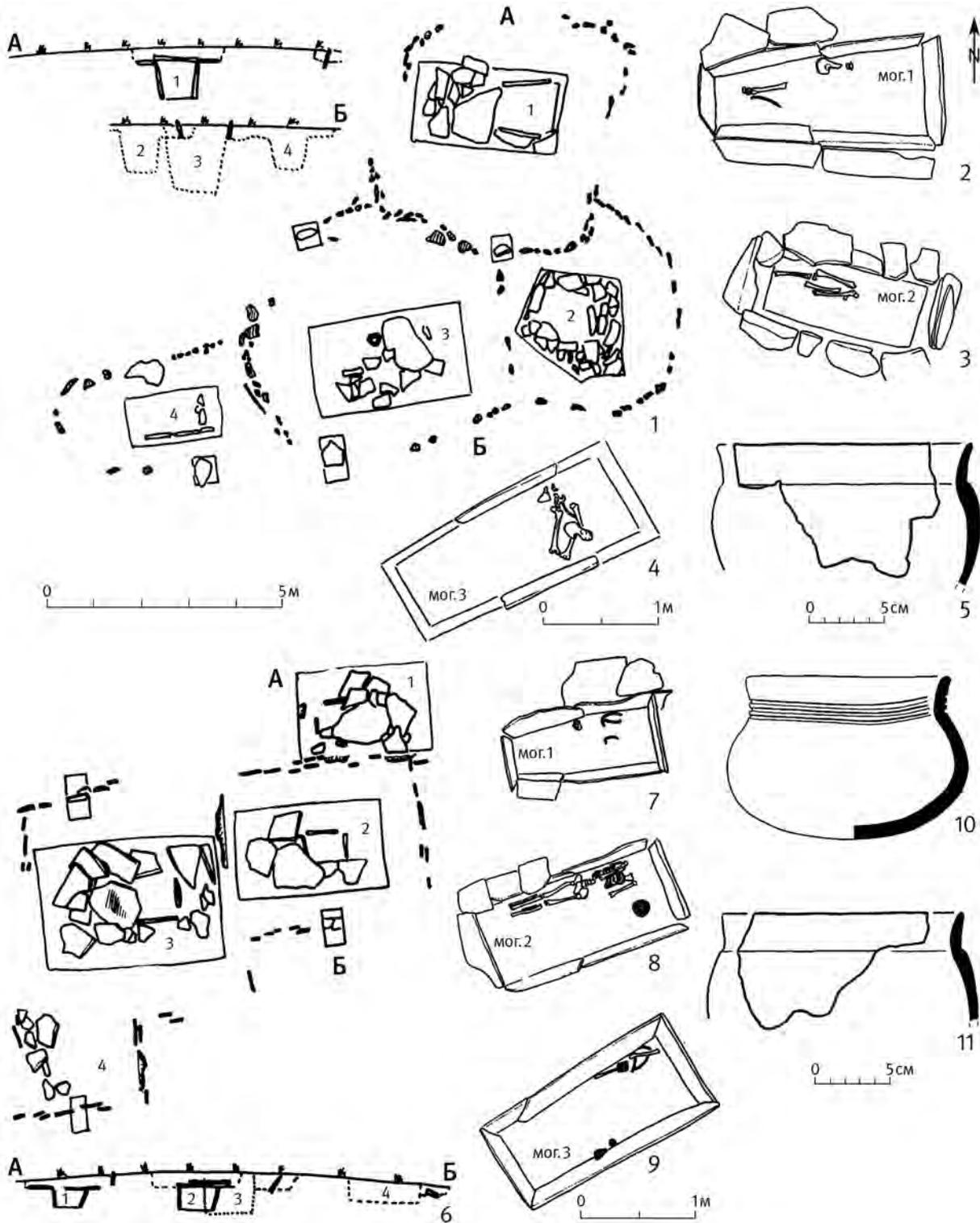

Рис. 12. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 339, общий план, разрезы; 2 — кург. 339, мог. 1; 3 — кург. 339, мог. 2; 4 — кург. 339, мог. 3; 5 — керамический сосуд из кург. 339, мог. 2; 6 — кург. 343, общий план, разрез; 7 — кург. 343, мог. 1; 8 — кург. 343, мог. 2; 9 — кург. 343, мог. 3; 10 — керамический сосуд из кург. 343, мог. 2; 11 — керамический сосуд из кург. 343, мог. 3

Fig. 12. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 339, general plan, sections; 2 — tumulus 339, grave 1; 3 — tumulus 339, grave 2; 4 — tumulus 339, grave 3; 5 — a ceramic vessel from tumulus 339, grave 2; 6 — tumulus 343, general plan, section; 7 — tumulus 343, grave 1; 8 — tumulus 343, grave 2; 9 — tumulus 343, grave 3; 10 — a ceramic vessel from tumulus 343, grave 2; 11 — a ceramic vessel from tumulus 343, grave 3

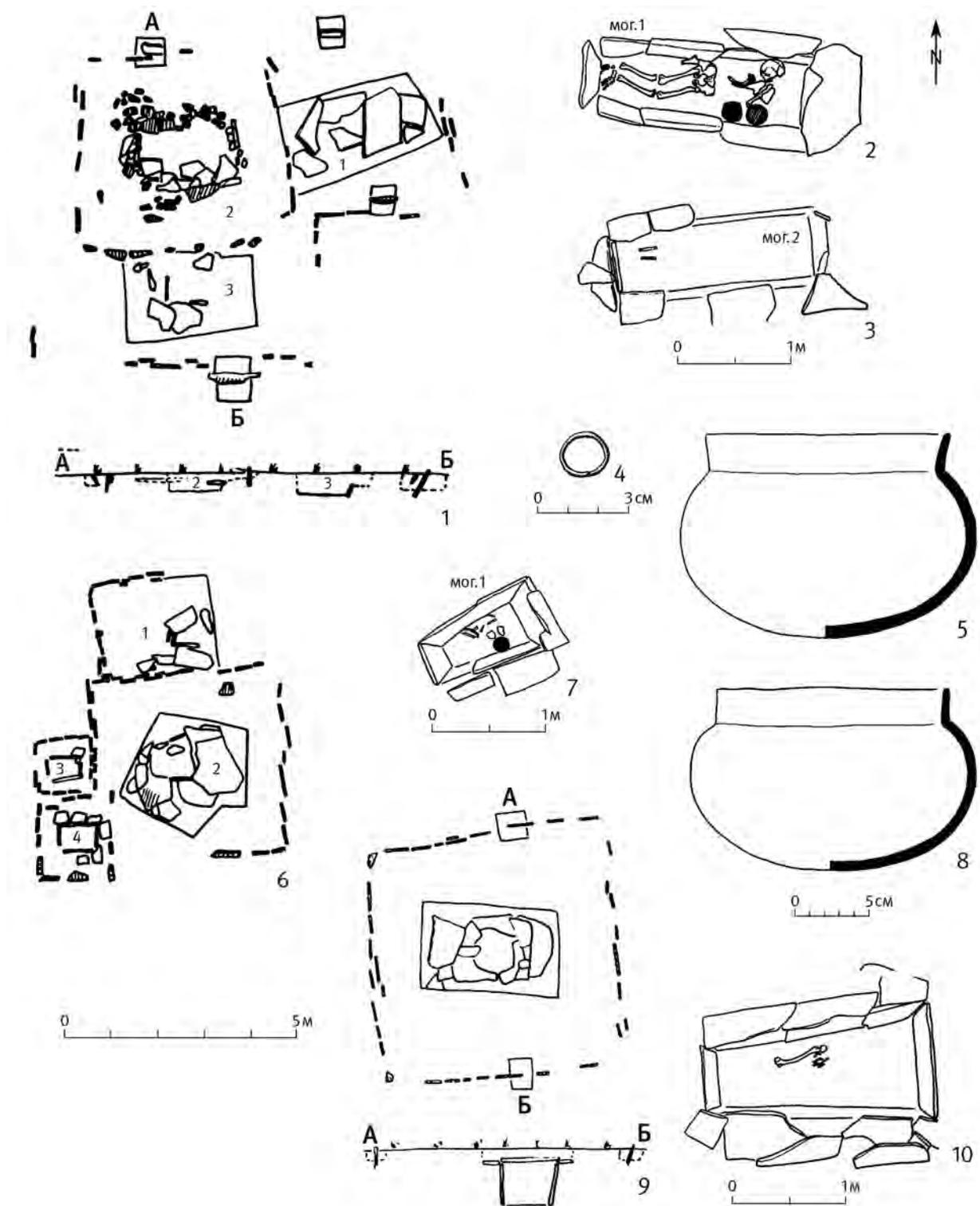

Рис. 13. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 345, общий план, разрез; 2 — кург. 345, мог. 1; 3 — кург. 345, мог. 2; 4 — бронзовое кольцо из кург. 345, мог. 1; 5, 8 — керамический сосуд из кург. 345, мог. 1; 6 — кург. 353, общий план; 7 — кург. 353, мог. 1; 9 — кург. 355, общий план, разрез; 10 — могила в кург. 355

Fig. 13. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 345, general plan, section; 2 — tumulus 345, grave 1; 3 — tumulus 345, grave 2; 4 — a bronze ring from tumulus 345, grave 1; 5, 8 — a ceramic vessel from tumulus 345, grave 1; 6 — tumulus 353, general plan; 7 — tumulus 353, grave 1; 9 — tumulus 355, general plan, section; 10 — grave in tumulus 355

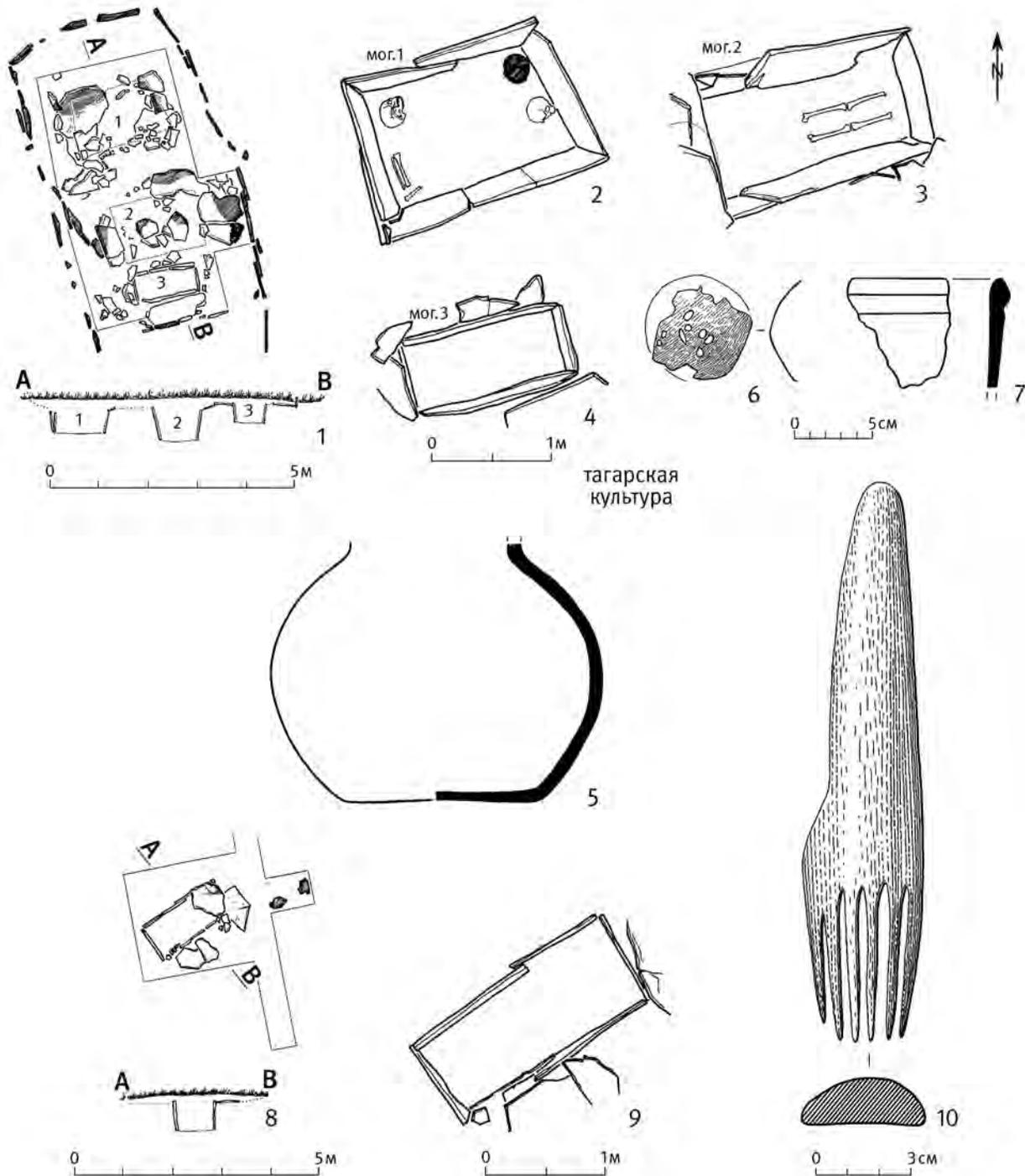

Рис. 14. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 355а, общий план, разрез; 2 — кург. 355а, мог. 1; 3 — кург. 355а, мог. 2; 4 — кург. 355а, мог. 3; 5 — керамический сосуд из кург. 355а, мог. 1 (тагарская культура); 6 — бронзовая бляшка из кург. 355а, мог. 1 (тагарская культура); 7 — фр-т керамического сосуда из кург. 355а, мог. 2 (тагарская культура); 8 — кург. 363, общий план, разрез; 9 — кург. 363, мог. 1; 10 — роговой гребень из кург. 363, мог. 1

Fig. 14. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 355a, general plan, section; 2 — tumulus 355a, grave 1; 3 — tumulus 355a, grave 2; 4 — tumulus 355a, grave 3; 5 — a ceramic vessel from tumulus 355a, grave 1 (Tagar culture); 6 — bronze plate from tumulus 355a, grave 1 (Tagar culture); 7 — a ceramic fragment from tumulus 355a, grave 2 (Tagar culture); 8 — tumulus 363, general plan, section; 9 — tumulus 363, grave 1; 10 — horn comb from tumulus 363, grave 1

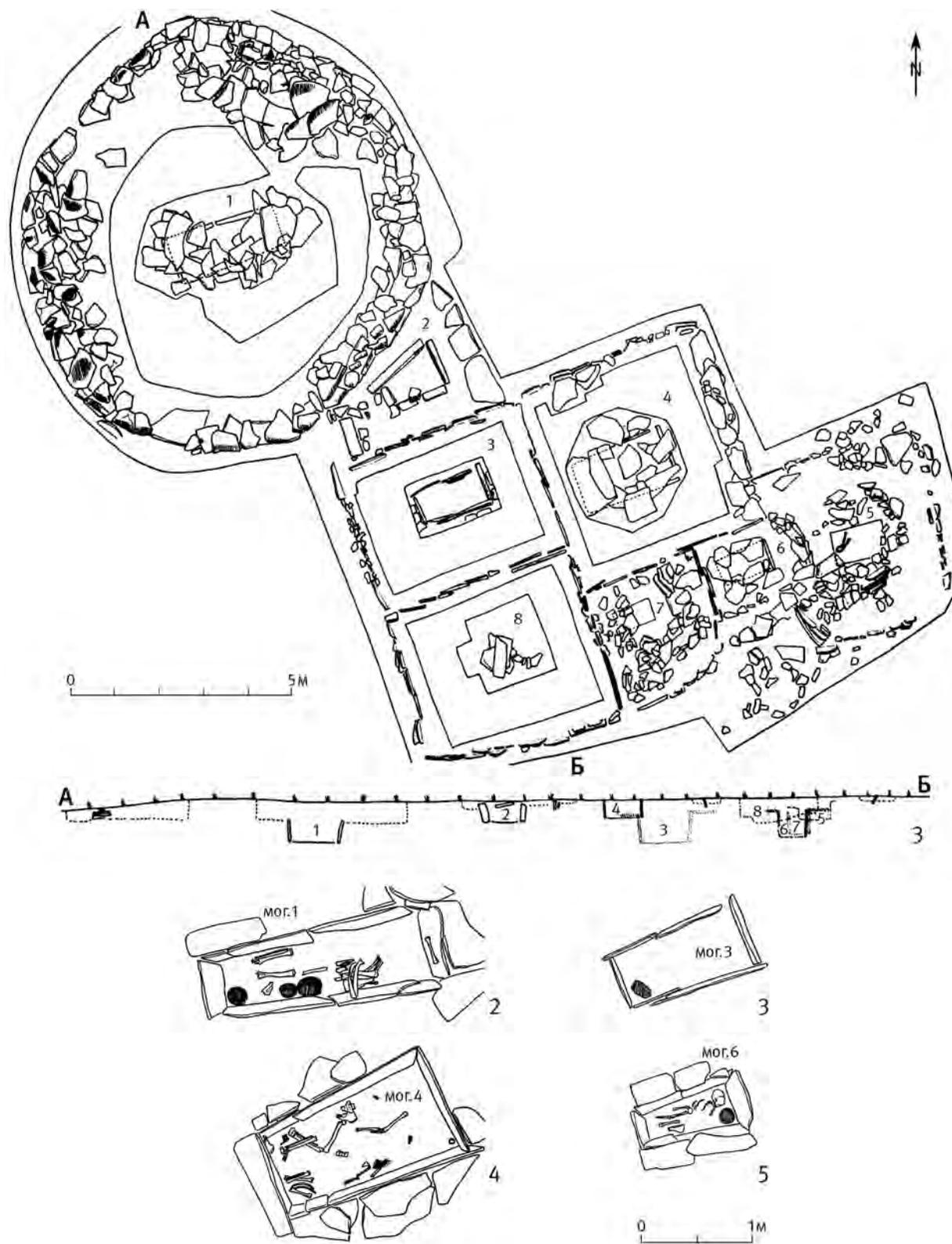

Рис. 15. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 349, общий план, разрез;

2 — кург. 349, мог. 1; 3 — кург. 349, мог. 3; 4 — кург. 349, мог. 4; 5 — кург. 349, мог. 6

Fig. 15. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 349, general plan, section;

2 — tumulus 349, grave 1; 3 — tumulus 349, grave 3; 4 — tumulus 349, grave 4; 5 — tumulus 349, grave 6

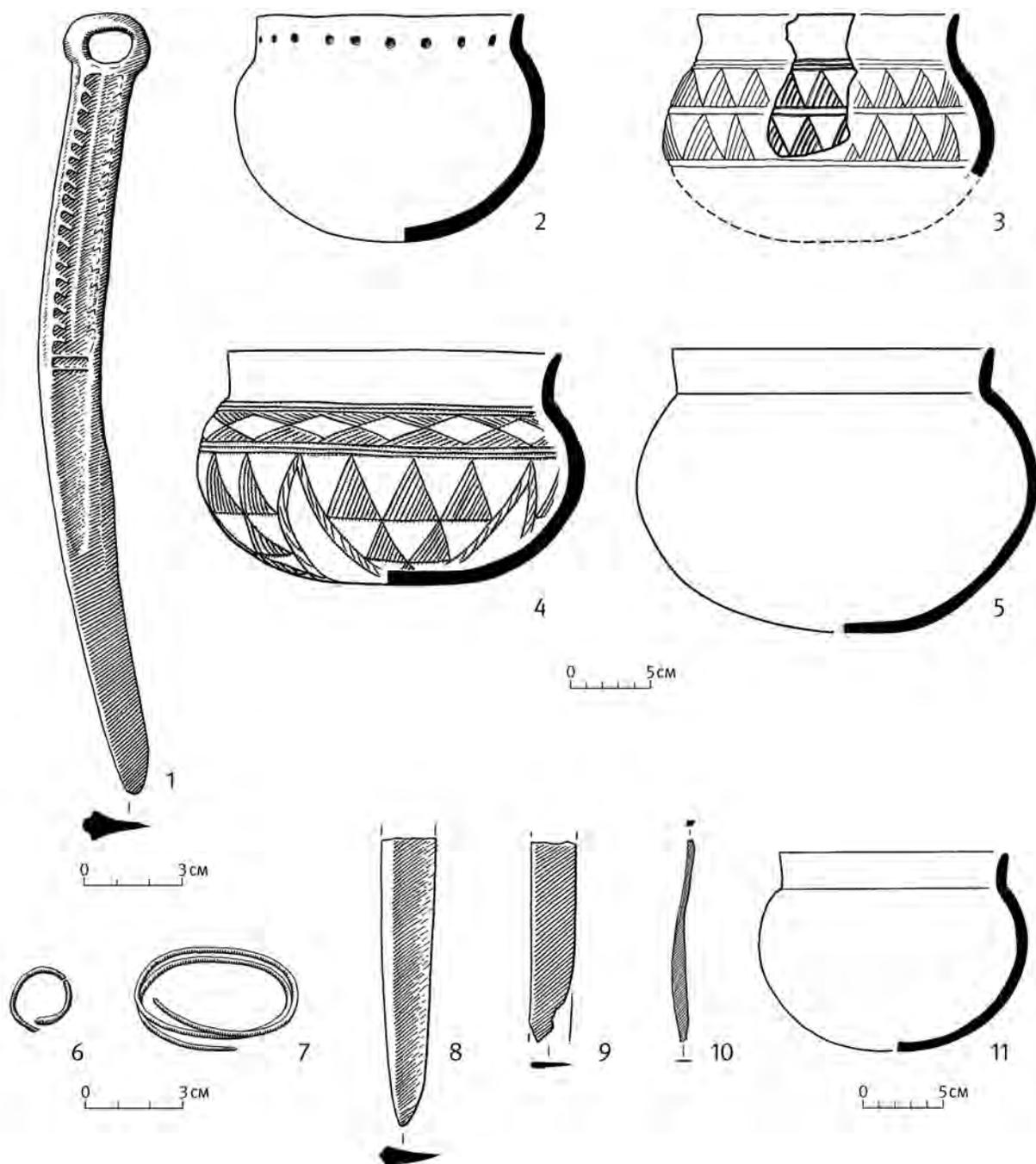

Рис. 16. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — бронзовый нож из кург. 349, мог. 1; 2–4 — керамические сосуды из кург. 349, мог. 1; 5 — керамический сосуд из кург. 349, мог. 3; 6 — проволочное бронзовое кольцо из кург. 349, мог. 3; 7 — бронзовое кольцо из кург. 349, мог. 4; 8, 9 — обломки бронзовых ножей из кург. 349, мог. 4; 10 — бронзовый ножичек из кург. 349, мог. 5; 11 — керамический сосуд из кург. 349, мог. 6

Fig. 16. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — bronze knife from tumulus 349, grave 1; 2–4 — ceramic vessels from tumulus 349, grave 1; 5 — a ceramic vessel from tumulus 349, grave 3; 6 — a wiry bronze ring from tumulus 349, grave 3; 7 — a bronze ring from tumulus 349, grave 4; 8, 9 — fragments of the bronze knives from tumulus 349, grave 4; 10 — a small bronze knife from tumulus 349, grave 5; 11 — a ceramic vessel from tumulus 349, grave 6

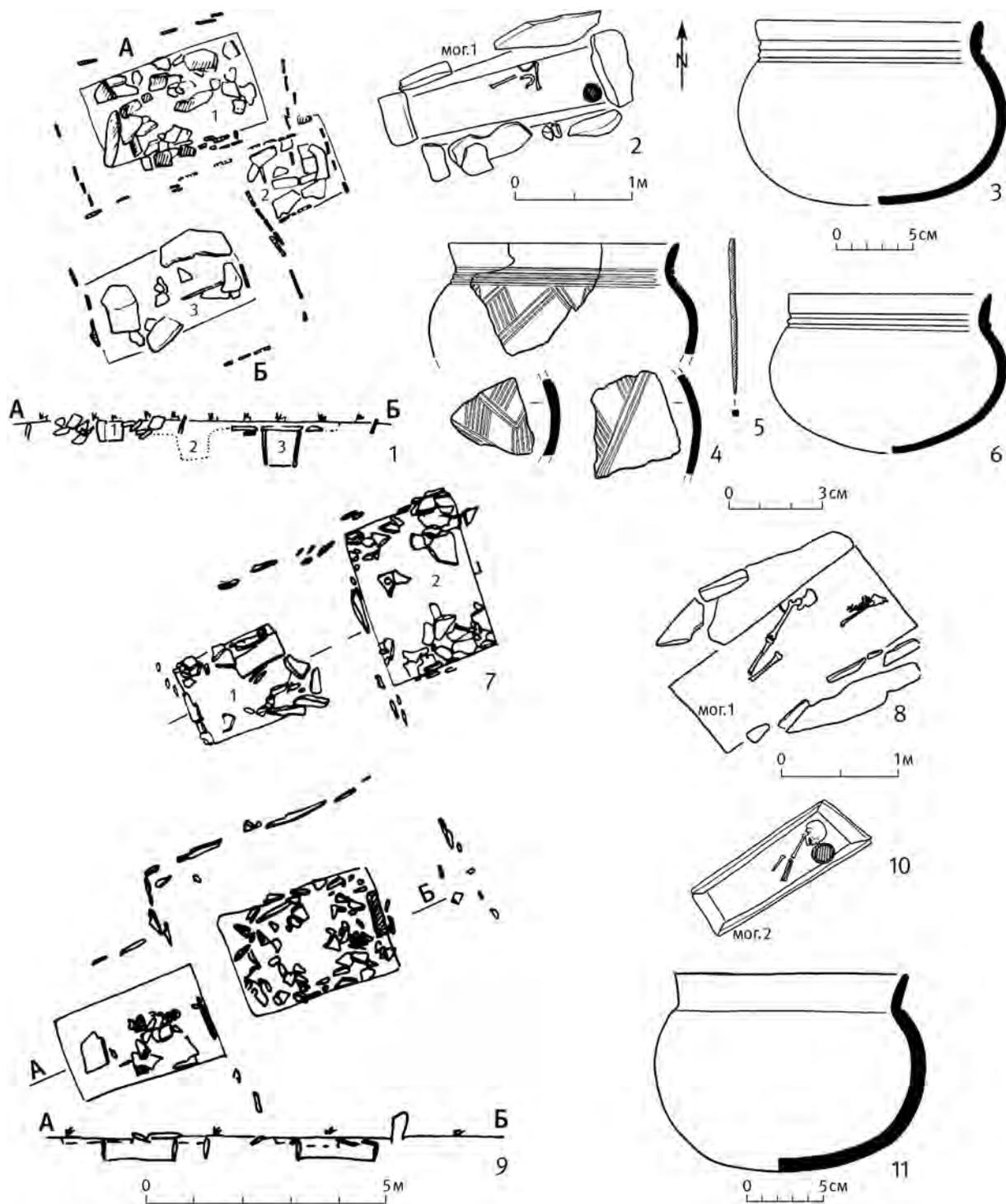

Рис. 17. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 359, общий план, разрез; 2 — кург. 359, мог. 1; 3 — керамический сосуд из кург. 359, мог. 1; 4 — фр-ты керамического сосуда из кург. 359, мог. 2; 5 — бронзовое шило из кург. 359, мог. 2; 6 — керамический сосуд из кург. 359, мог. 3; 7 — кург. 401, общий план; 8 — кург. 401, мог. 1; 9 — кург. 403, общий план, разрез; 10 — кург. 403, мог. 2; 11 — керамический сосуд из кург. 403, мог. 2

Fig. 17. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 359, general plan, section; 2 — tumulus 359, grave 1; 3 — a ceramic vessel from tumulus 359, grave 1; 4 — fragments of the ceramic vessel from tumulus 359, grave 2; 5 — a bronze awl from tumulus 359, grave 2; 6 — a ceramic vessel from tumulus 359, grave 3; 7 — tumulus 401, general plan; 8 — tumulus 401, grave 1; 9 — tumulus 403, general plan, section; 10 — tumulus 403, grave 2; 11 — a ceramic vessel from tumulus 403, grave 2

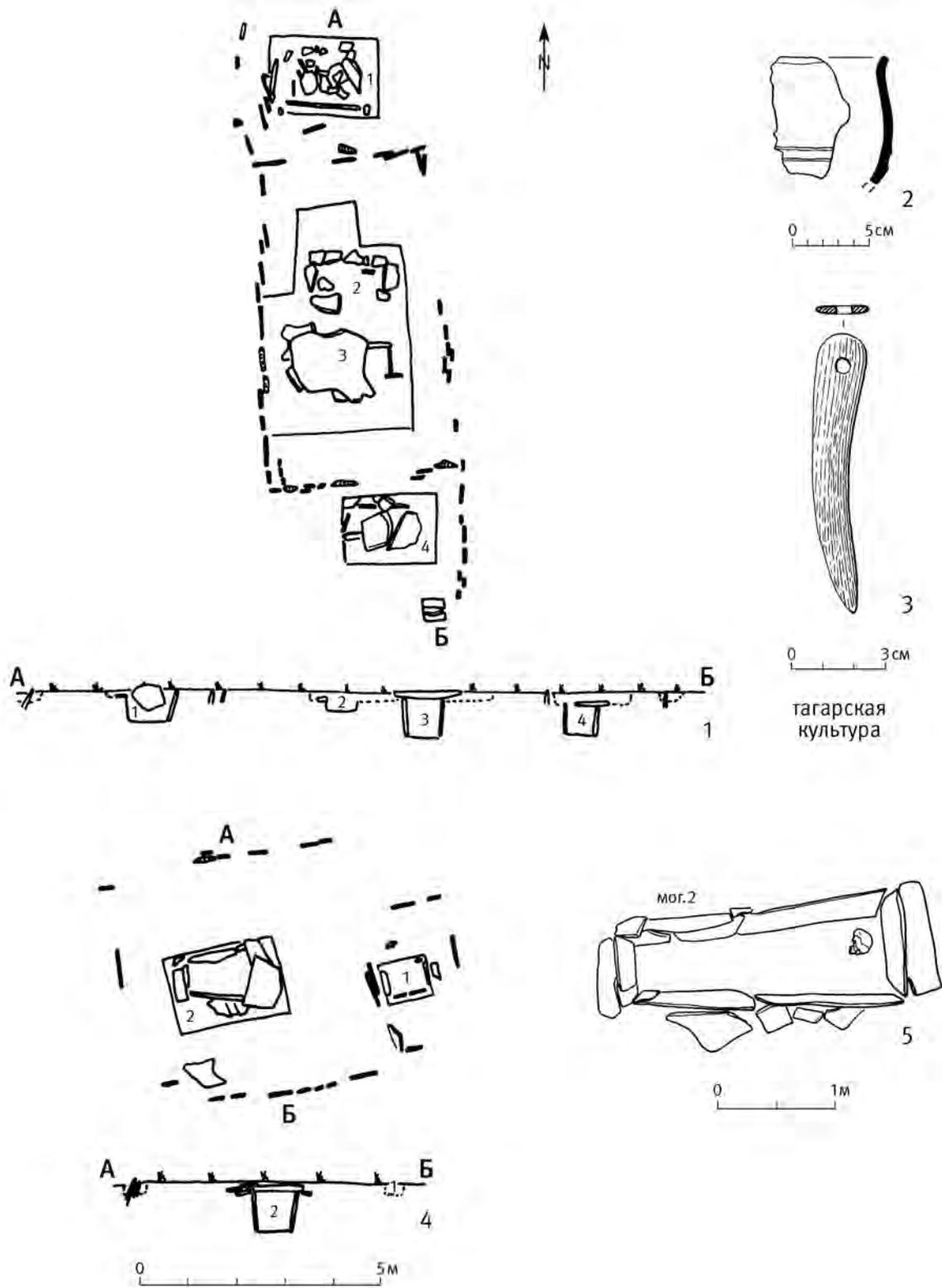

Рис. 18. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 454, общий план, разрез; 2 — фр-т керамического сосуда из кург. 454, мог. 4 (тагарская культура); 3 — костяной нож из кург. 454, мог. 3 (тагарская культура); 4 — кург. 361, общий план, разрез; 5 — кург. 361, мог. 2

Fig. 18. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 454, general plan, section; 2 — a ceramic fragment from tumulus 454, grave 4 (Tagar culture); 3 — a bone knife from tumulus 454 grave 3 (Tagar culture); 4 — tumulus 361, general plan, section; 5 — tumulus 361, grave 2

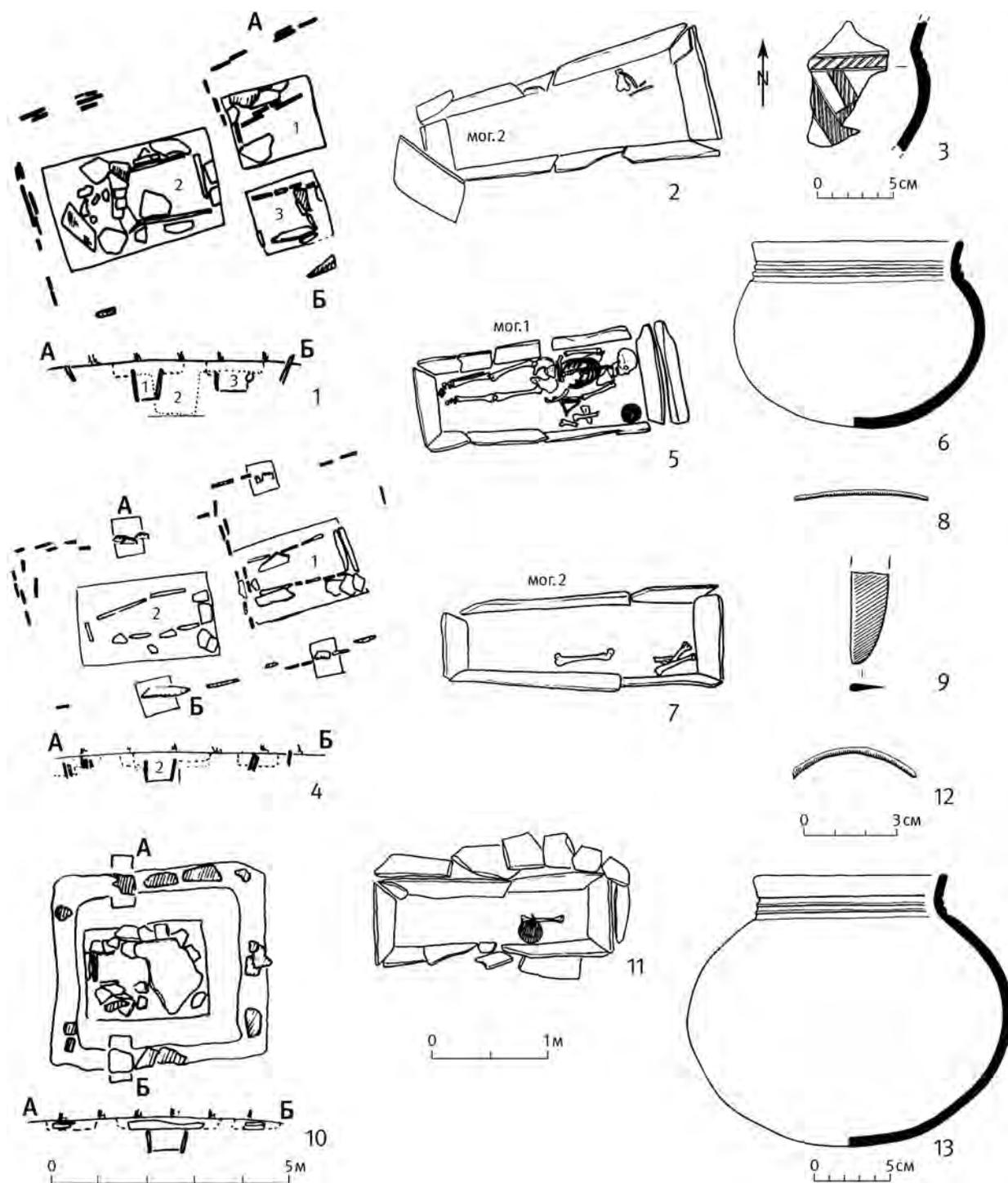

Рис. 19. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 371, общий план, разрез; 2 — кург. 371, мог. 2; 3 — фр-т керамического сосуда из кург. 371, мог. 2; 4 — кург. 375, общий план, разрез; 5 — кург. 375, мог. 1; 6 — керамический сосуд из кург. 375, мог. 1; 7 — кург. 375, мог. 2; 8 — обломок височного кольца из кург. 375, мог. 2; 9 — обломок бронзового ножа из кург. 375, мог. 2; 10 — кург. 377, общий план, разрез; 11 — могила в кург. 377; 12 — обломок бронзового кольца из кург. 377; 13 — керамический сосуд из кург. 377

Fig. 19. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 371, general plan, section; 2 — tumulus 371, grave 2; 3 — a ceramic fragment from tumulus 371, grave 2; 4 — tumulus 375, general plan, section; 5 — tumulus 375, grave 1; 6 — a ceramic vessel from tumulus 375, grave 1; 7 — tumulus 375, grave 2; 8 — a fragment of a bronze temple ring from tumulus 375, grave 2; 9 — a fragment of bronze knife from tumulus 375, grave 2; 10 — tumulus 377, general plan, section; 11 — grave in tumulus 377; 12 — a fragment of a bronze ring from tumulus 377; 13 — a ceramic vessel from tumulus 377

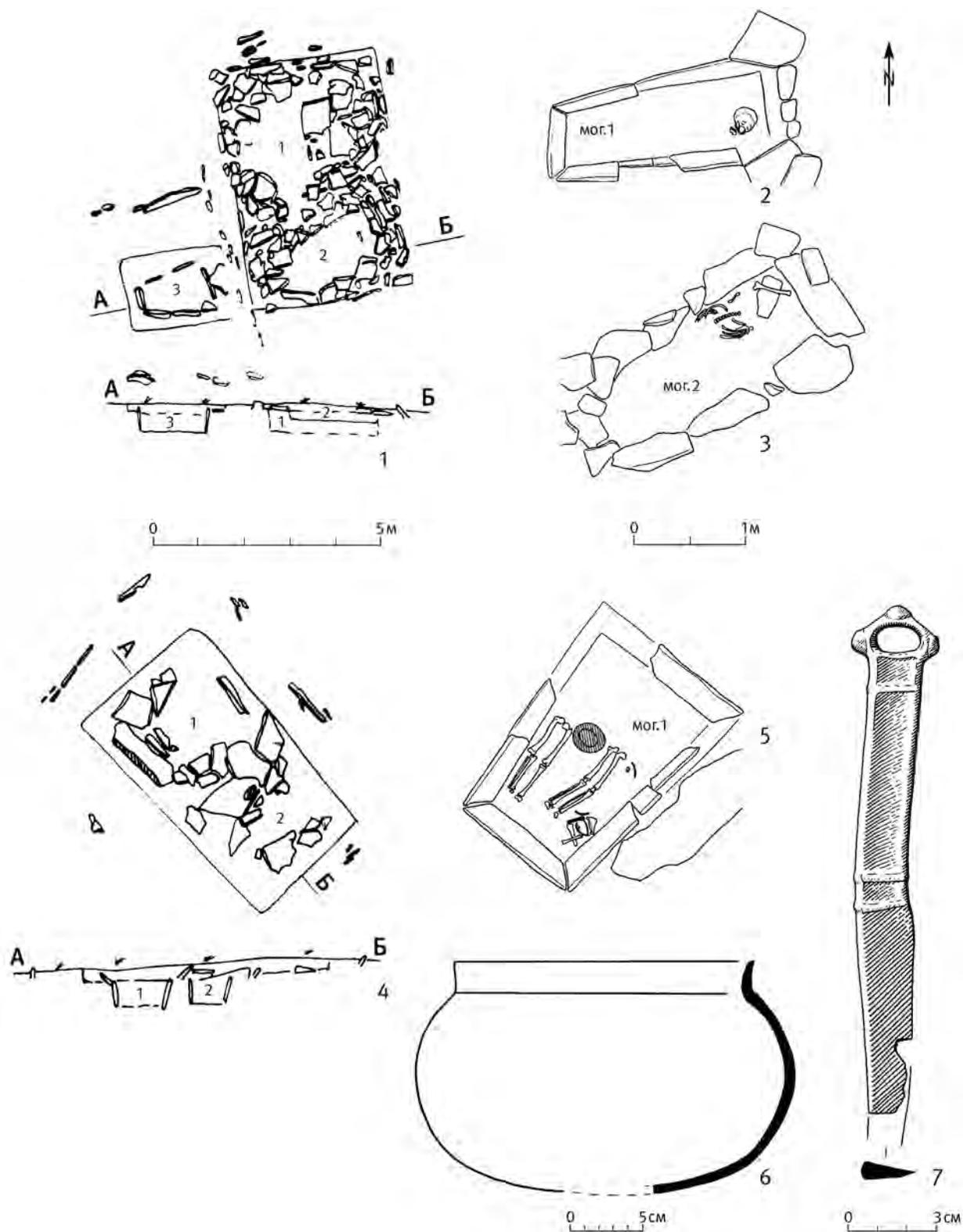

Рис. 20. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 379, общий план, разрез; 2 — кург. 379, мог. 1; 3 — кург. 379, мог. 2; 4 — кург. 381, общий план, разрез; 5 — кург. 381, мог. 1; 6 — керамический сосуд из кург. 381, мог. 1; 7 — бронзовый нож из кург. 381, мог. 1

Fig. 20. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 379, general plan, section; 2 — tumulus 379, grave 1; 3 — tumulus 379, grave 2; 4 — tumulus 381, general plan, section; 5 — tumulus 381, grave 1; 6 — a ceramic vessel from tumulus 381, grave 1; 7 — bronze knife from tumulus 381, grave 1

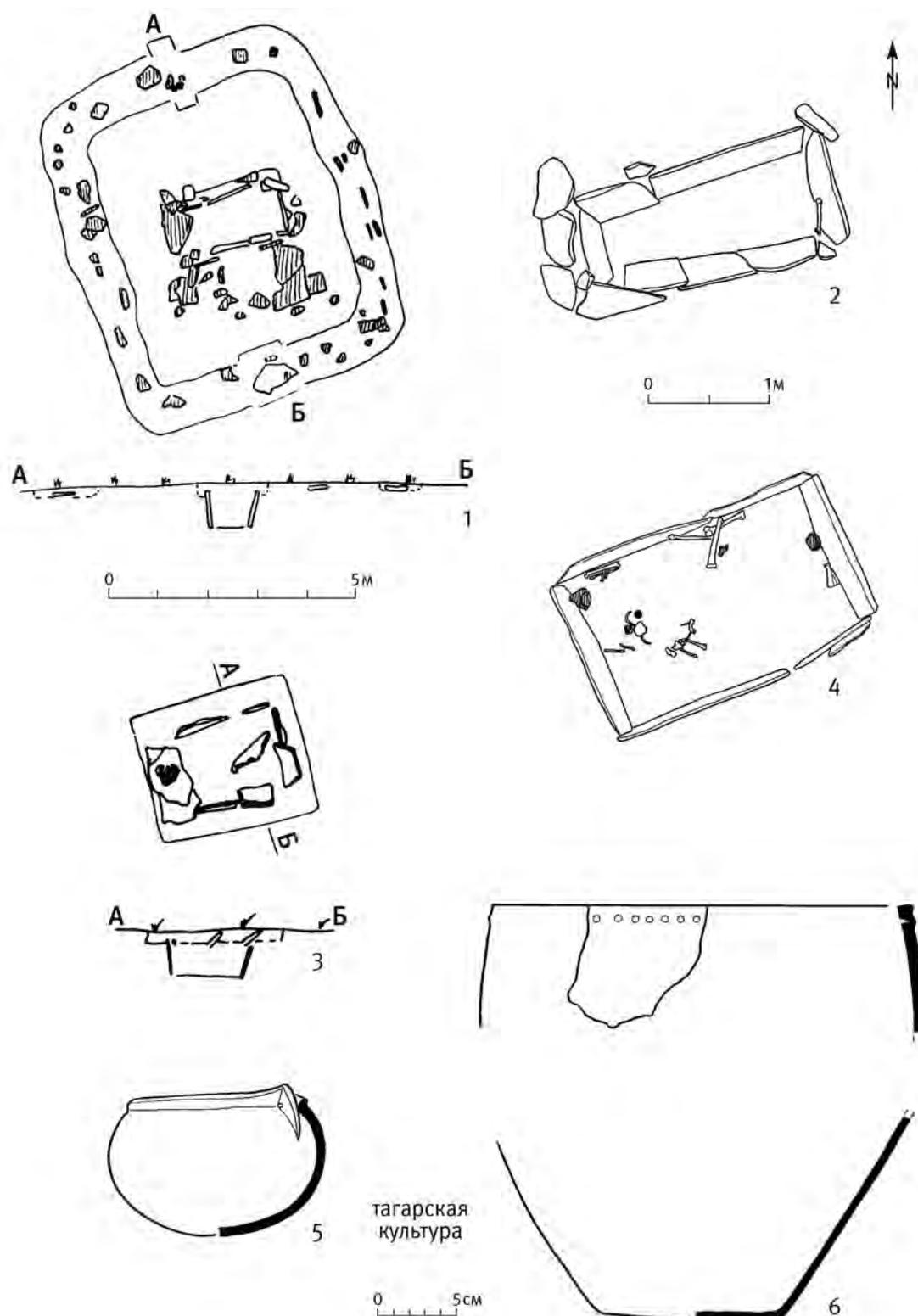

Рис. 21. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 383, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 383; 3 — кург. 397, общий план, разрез; 4 — могила в кург. 397; 5, 6 — керамические сосуды из кург. 397 (тагарская культура)

Fig. 21. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 383, general plan, section; 2 — grave in tumulus 383; 3 — tumulus 397, general plan, section; 4 — grave in tumulus 397; 5, 6 — ceramic vessels from tumulus 397 (Tagar culture)

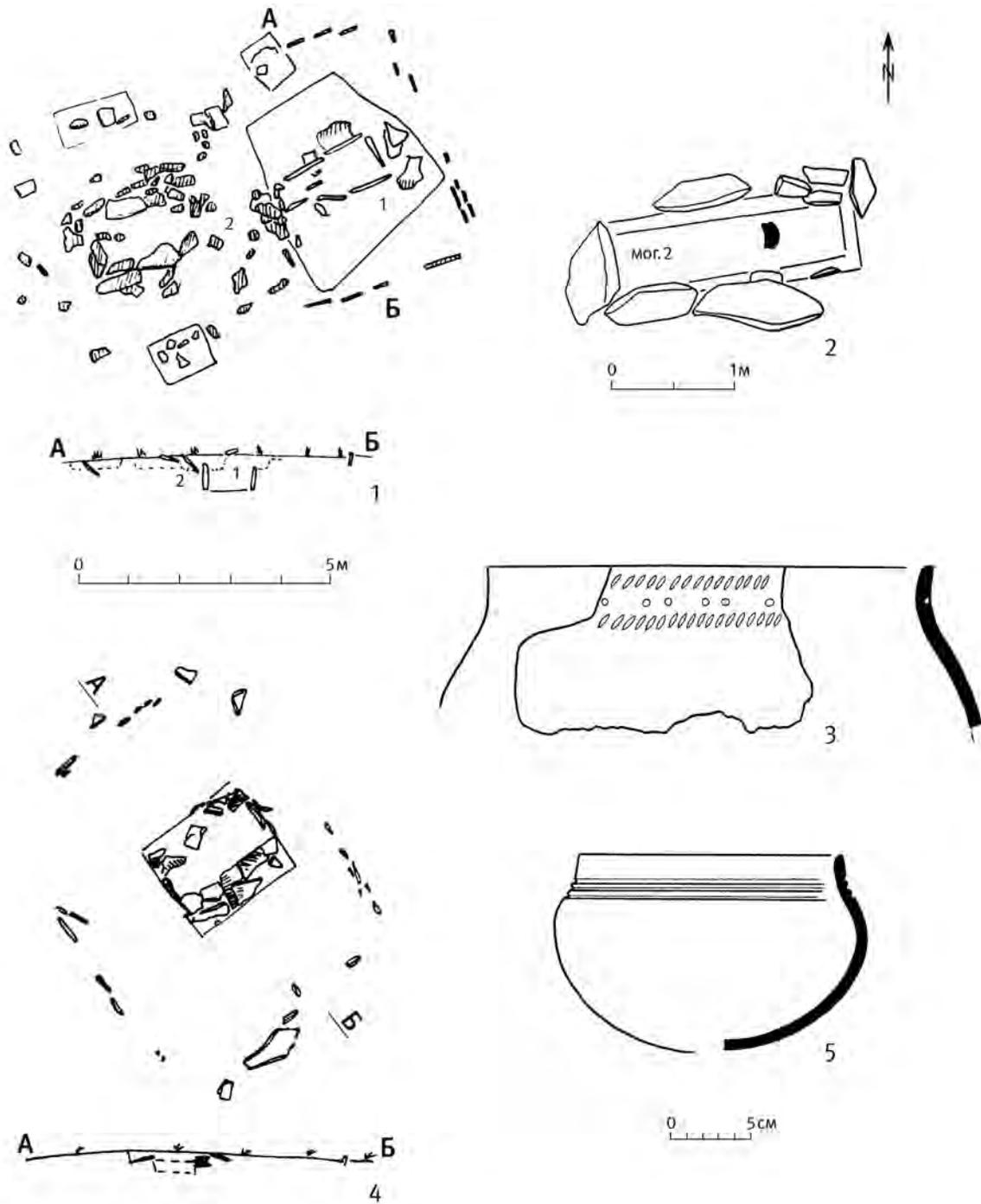

Рис. 22. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 385, общий план, разрез; 2 — кург. 385, мог. 2; 3 — фр-т керамического сосуда из кург. 385, мог. 2; 4 — кург. 385а, общий план, разрез; 5 — керамический сосуд из кург. 385а

Fig. 22. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 385, general plan, section; 2 — tumulus 385, grave 2; 3 — a ceramic fragment from tumulus 385, grave 2; 4 — tumulus 385а, general plan, section; 5 — a ceramic vessel from tumulus 385а

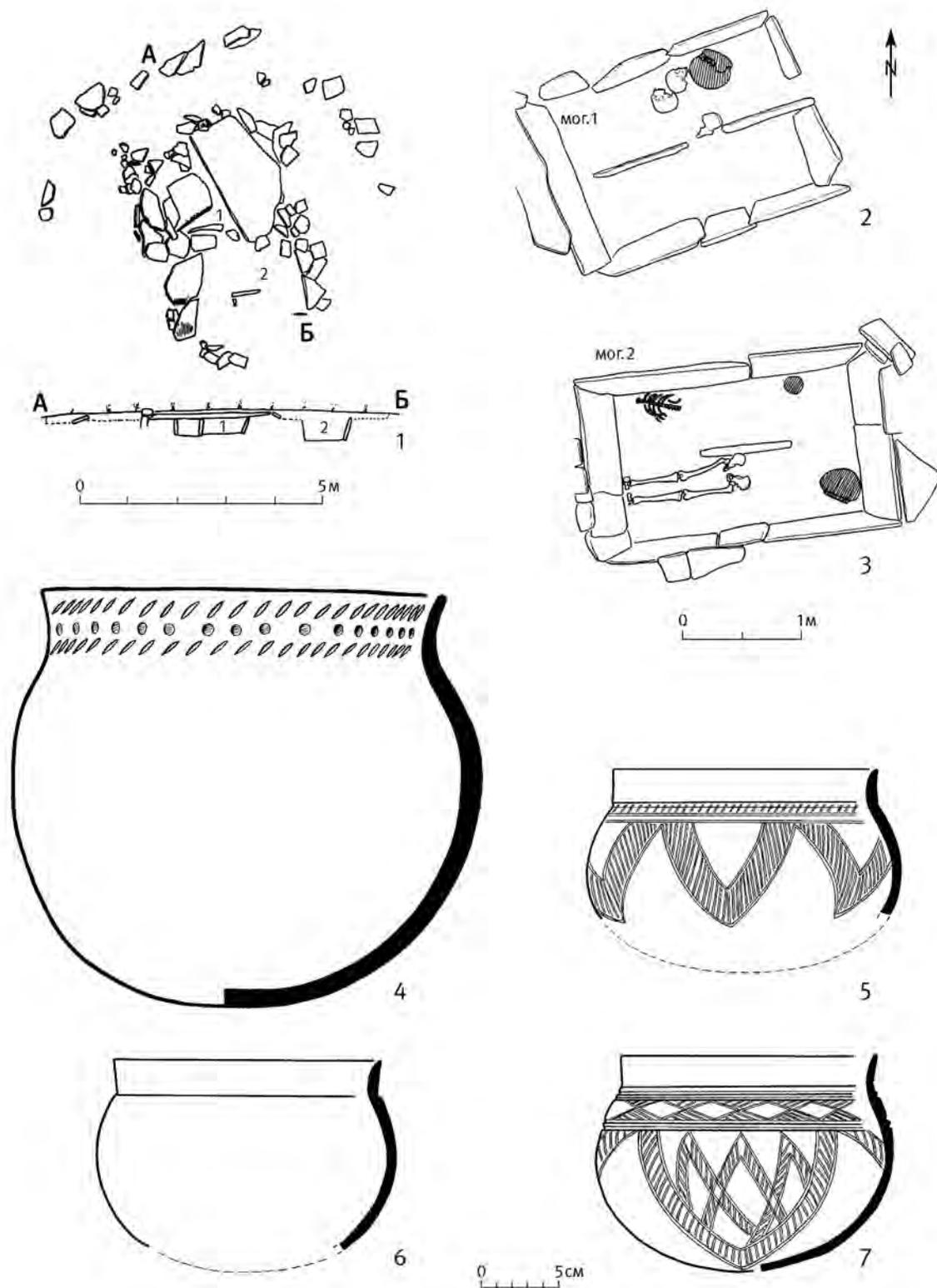

Рис. 23. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 387, общий план, разрез; 2 — кург. 387, мог. 1; 3 — кург. 387, мог. 2; 4, 5 — керамические сосуды из кург. 387, мог. 1; 6, 7 — керамические сосуды из кург. 387, мог. 3

Fig. 23. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 387, general plan, section; 2 — tumulus 387, grave 1; 3 — tumulus 387, grave 2; 4, 5 — ceramic vessels from tumulus 387, grave 1; 6, 7 — ceramic vessels from tumulus 387, grave 3

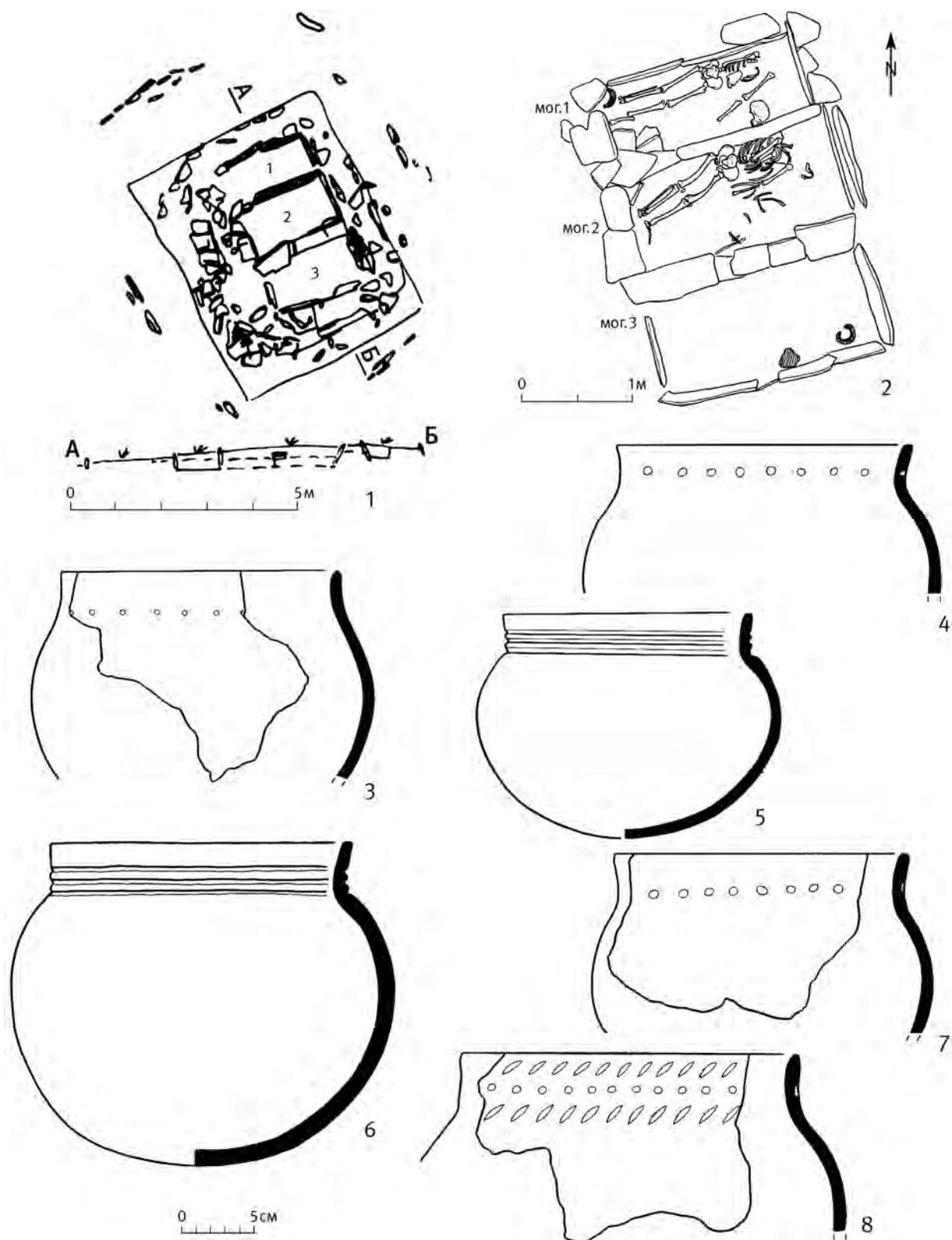

Рис. 24. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 448, общий план, разрез; 2 — кург. 448, мог. 1–3; 3, 4 — керамические сосуды из кург. 448, мог. 1; 5, 6 — керамические сосуды из кург. 448, мог. 2; 7, 8 — керамические сосуды из кург. 448, мог. 3

Fig. 24. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 448, general plan, section; 2 — tumulus 448, grave 1–3; 3, 4 — ceramic vessels from tumulus 448, grave 1; 5, 6 — ceramic vessels from tumulus 448, grave 2; 7, 8 — ceramic vessels from tumulus 448, grave 3

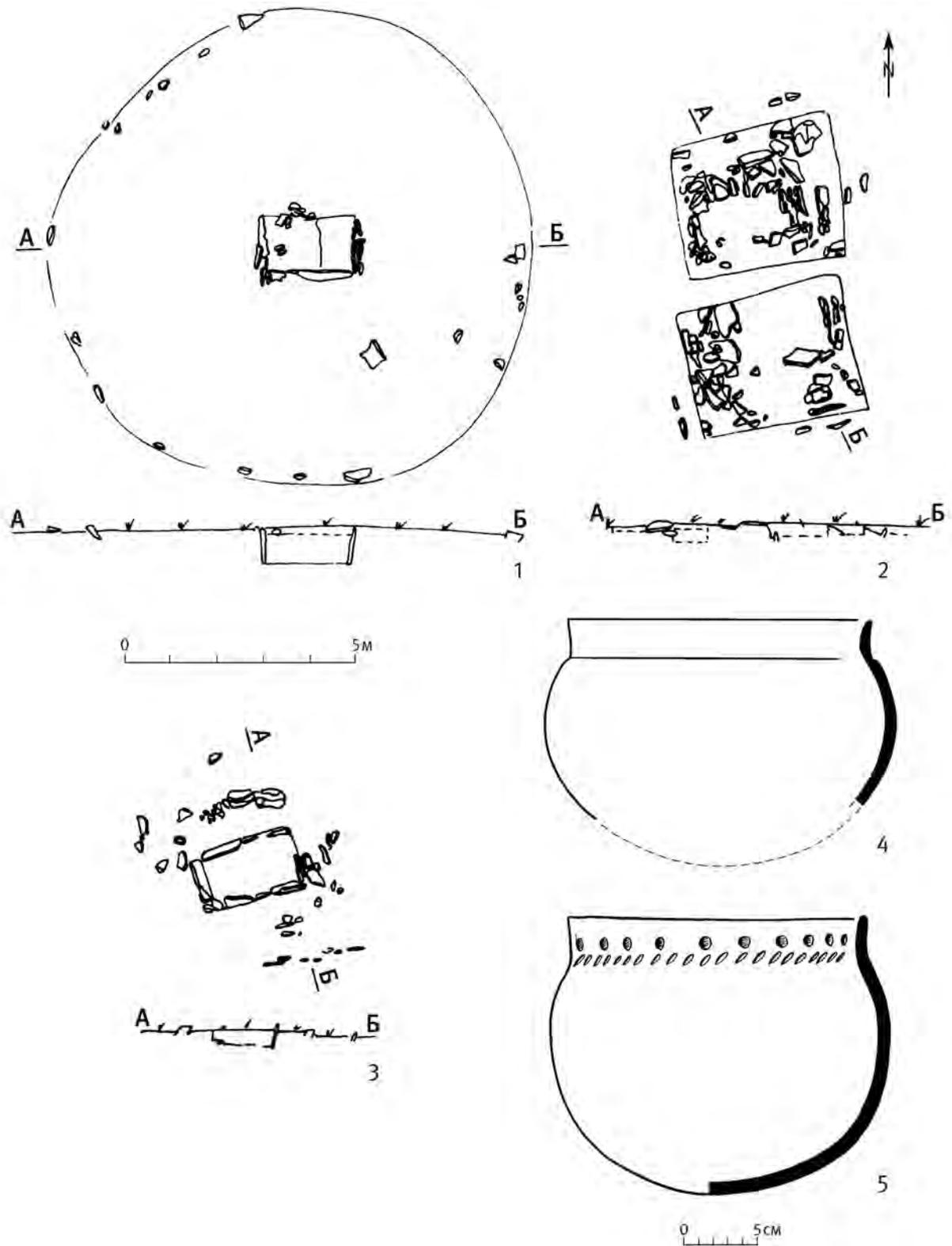

Рис. 25. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 460, общий план, разрез; 2 — кург. 461, общий план, разрез; 3 — кург. 463, общий план, разрез; 4, 5 — керамические сосуды из кург. 463

Fig. 25. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 460, general plan, section; 2 — tumulus 461, general plan, section; 3 — tumulus 463, general plan, section; 4, 5 — ceramic vessels from tumulus 463

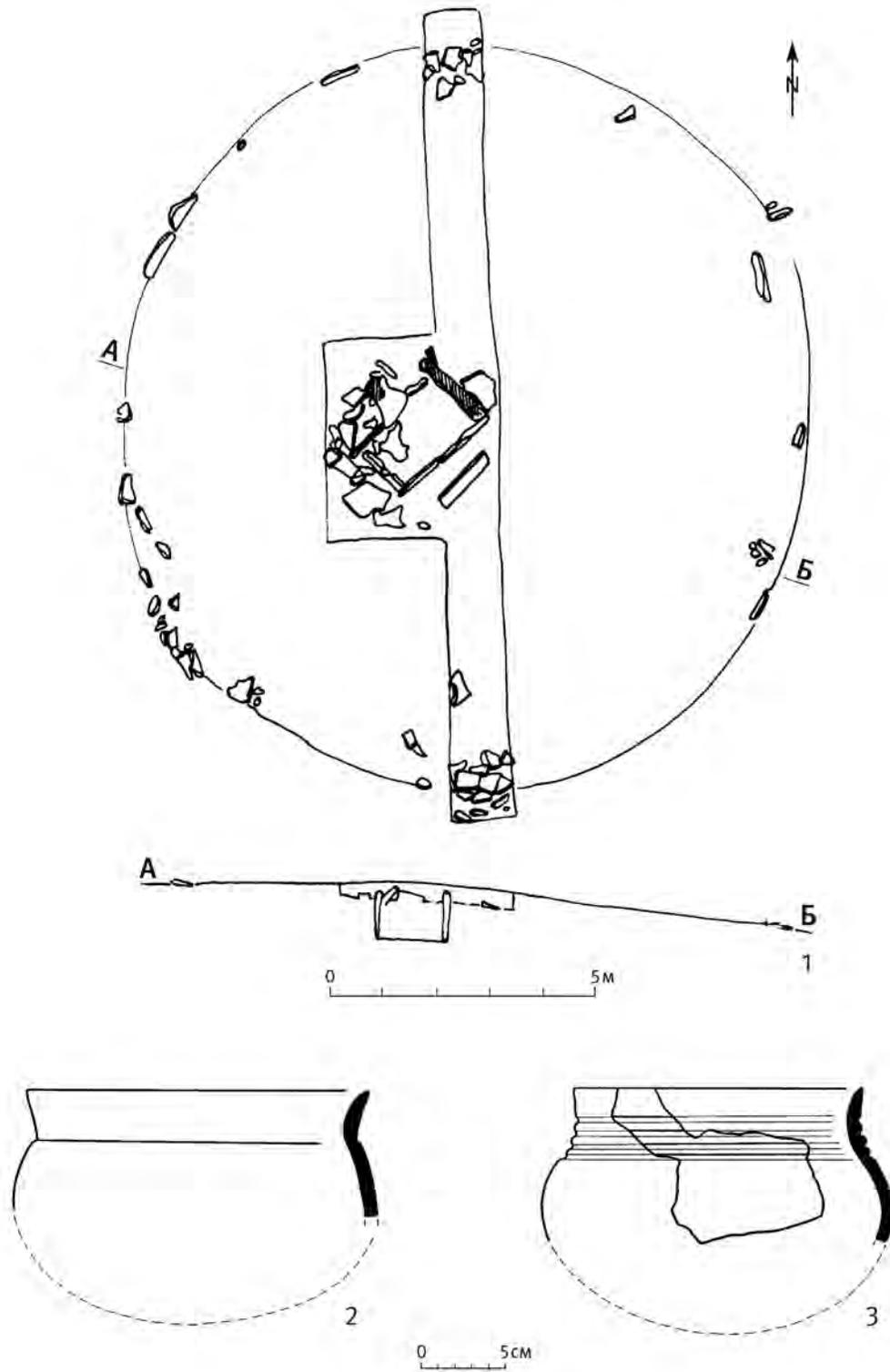

Рис. 26. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 465, общий план, разрез; 2, 3 — керамические сосуды из кург. 465

Fig. 26. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 465, general plan, section; 2, 3 — ceramic vessels from tumulus 465

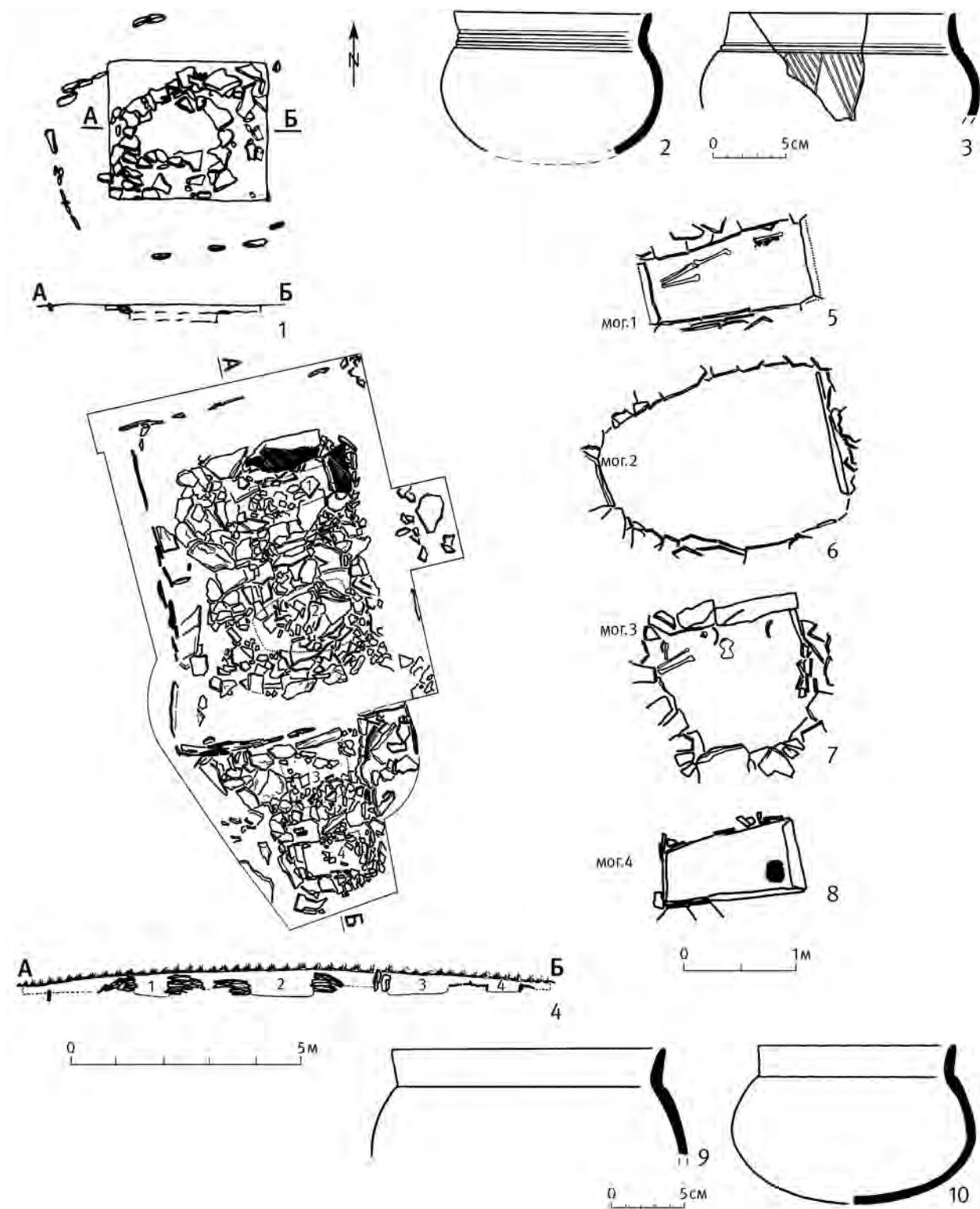

Рис. 27. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 471, общий план, разрез; 2, 3 — керамические сосуды из кург. 471; 4 — кург. 469, общий план, разрез; 5 — кург. 469, мог. 1; 6 — кург. 469, мог. 2; 7 — кург. 469, мог. 3; 8 — кург. 469, мог. 4; 9 — керамический сосуд из кург. 469, мог. 3; 10 — керамический сосуд из кург. 469, мог. 4

Fig. 27. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 471, general plan, section; 2, 3 — ceramic vessels from tumulus 471; 4 — tumulus 469, general plan, section; 5 — tumulus 469, grave 1; 6 — tumulus 469, grave 2; 7 — tumulus 469, grave 3; 8 — tumulus 469, grave 4; 9 — a ceramic vessel from tumulus 469, grave 3; 10 — a ceramic vessel from tumulus 469, grave 4

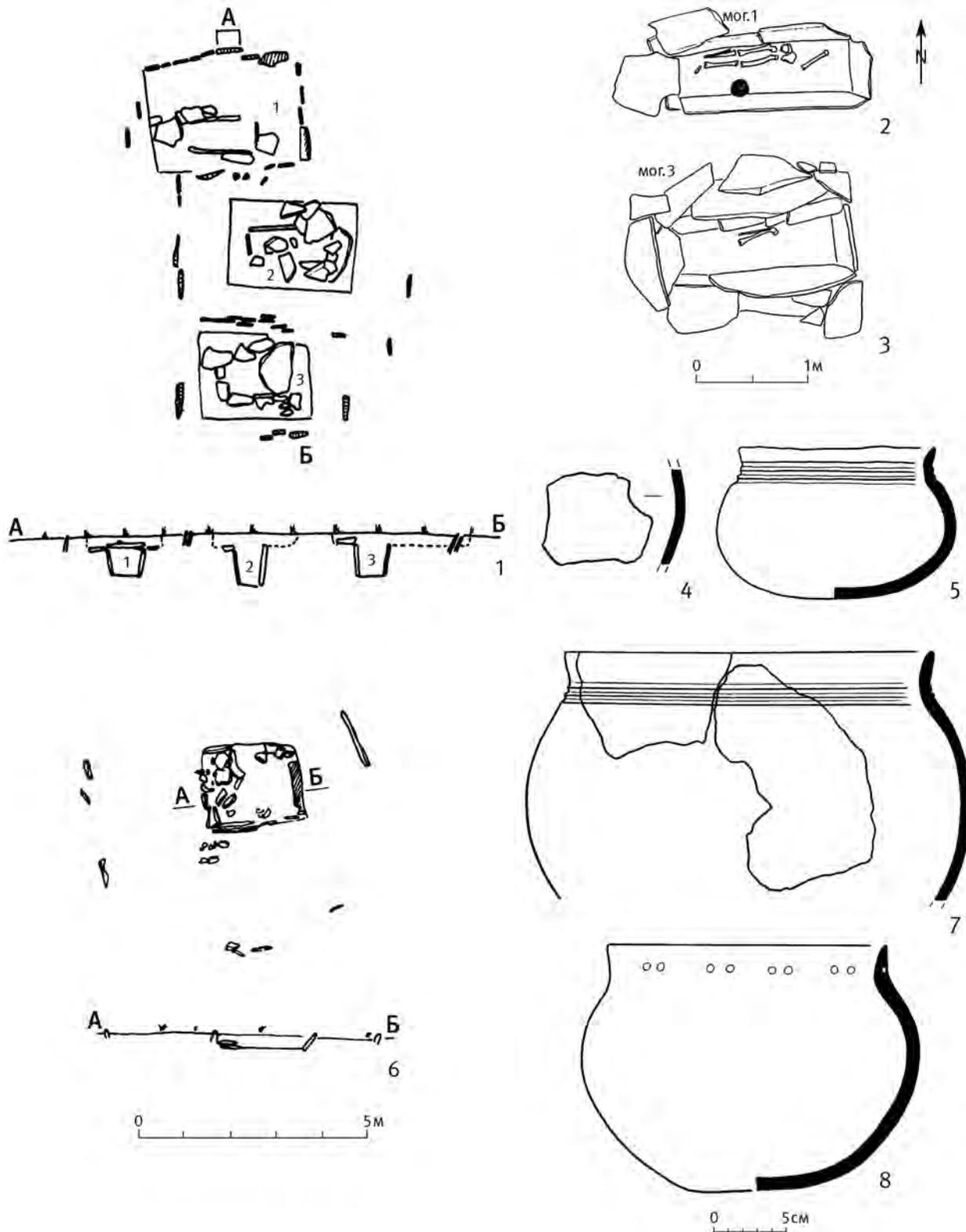

Рис. 28. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 475, общий план, разрез; 2 — кург. 475, мог. 1; 3 — кург. 475, мог. 2; 4 — фр-т керамического сосуда из кург. 475, мог. 3; 5 — керамический сосуд из кург. 475, мог. 1; 6 — кург. 477, общий план, разрез; 7, 8 — керамические сосуды из кург. 477

Fig. 28. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 475, general plan, section; 2 — tumulus 475, grave 1; 3 — tumulus 475, grave 2; 4 — a ceramic fragment from tumulus 475, grave 3; 5 — a ceramic vessel from tumulus 475, grave 1; 6 — tumulus 477, general plan, section; 7, 8 — ceramic vessels from tumulus 477

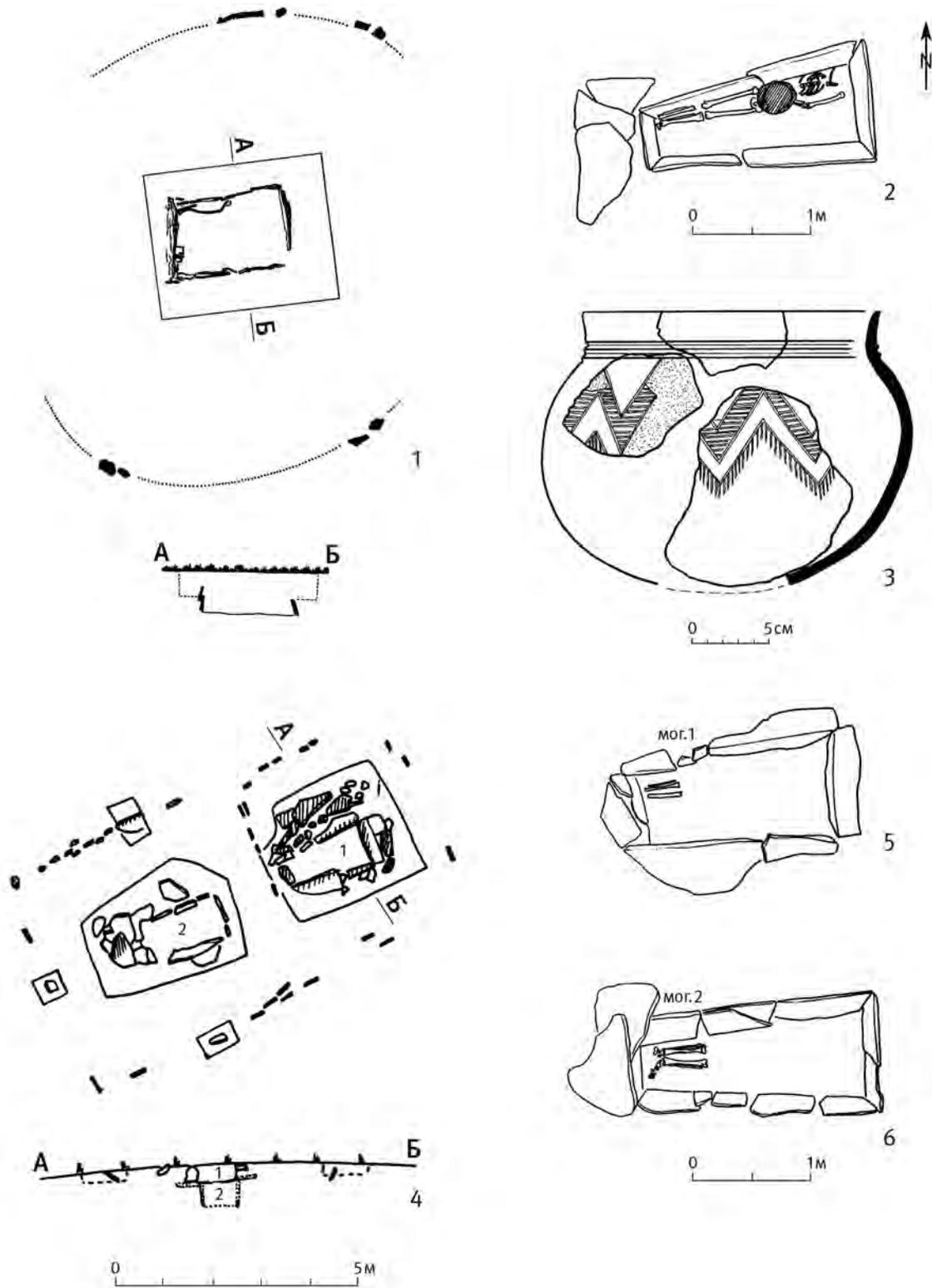

Рис. 29. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 482, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 489; 3 — керамический сосуд из кург. 489; 4 — кург. 491, общий план, разрез; 5 — кург. 491, мог. 1; 6 — кург. 491, мог. 2

Fig. 29. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 482, general plan, section; 2 — grave in tumulus 489; 3 — a ceramic vessel from tumulus 489; 4 — tumulus 491, general plan, section; 5 — tumulus 491, grave 1; 6 — tumulus 491, grave 2

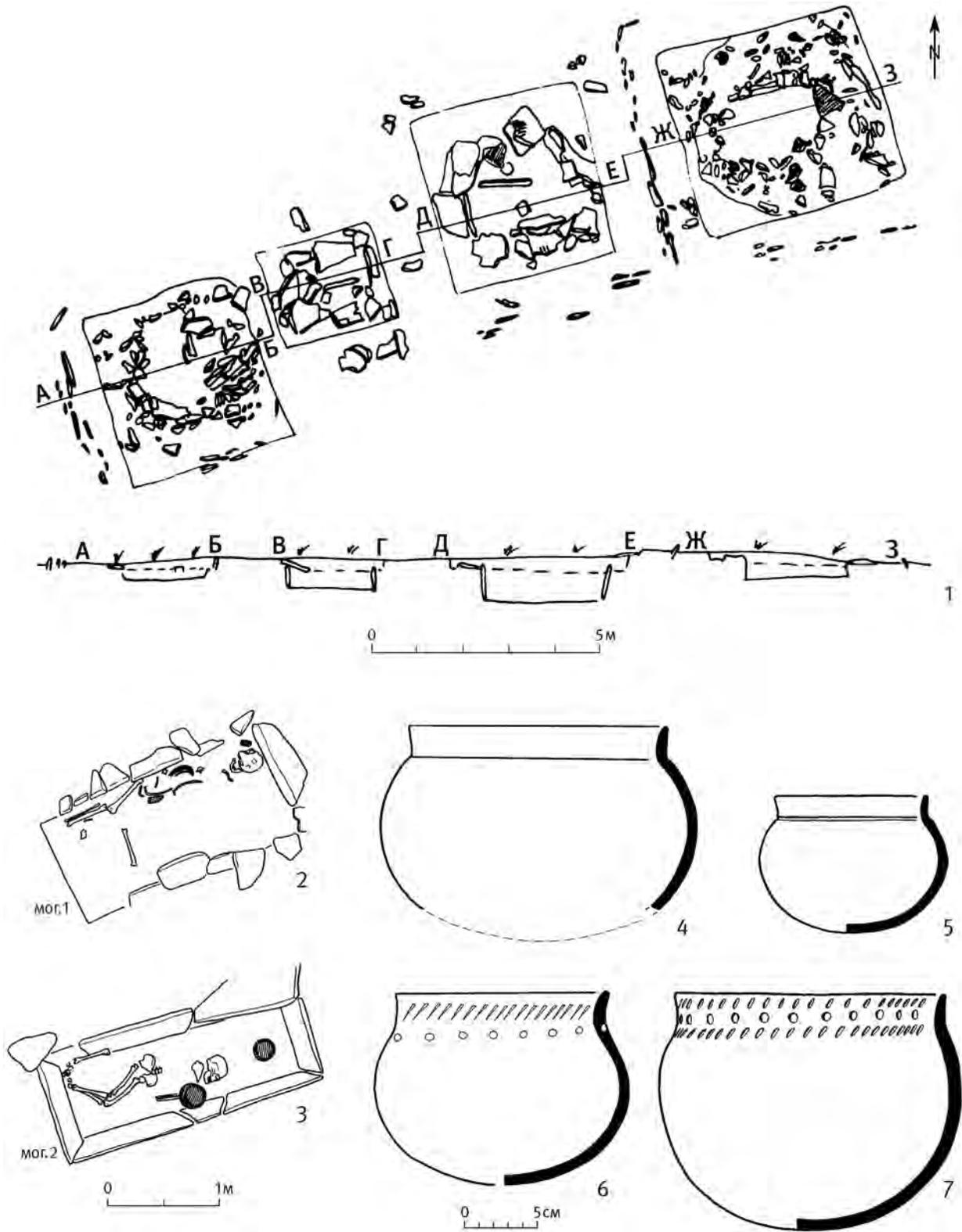

Рис. 30. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 493, общий план, разрез; 2 — кург. 493, мог. 1; 3 — кург. 493, мог. 2; 4 — керамический сосуд из кург. 493, мог. 1; 5, 6 — керамический сосуд из кург. 493, мог. 3; 7 — керамический сосуд из кург. 493, мог. 2

Fig. 30. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 493, general plan, section; 2 — tumulus 493, grave 1; 3 — tumulus 493, grave 2; 4 — a ceramic vessel from tumulus 493, grave 1; 5, 6 — a ceramic vessel from tumulus 493, grave 3; 7 — a ceramic vessel from tumulus 493, grave 2

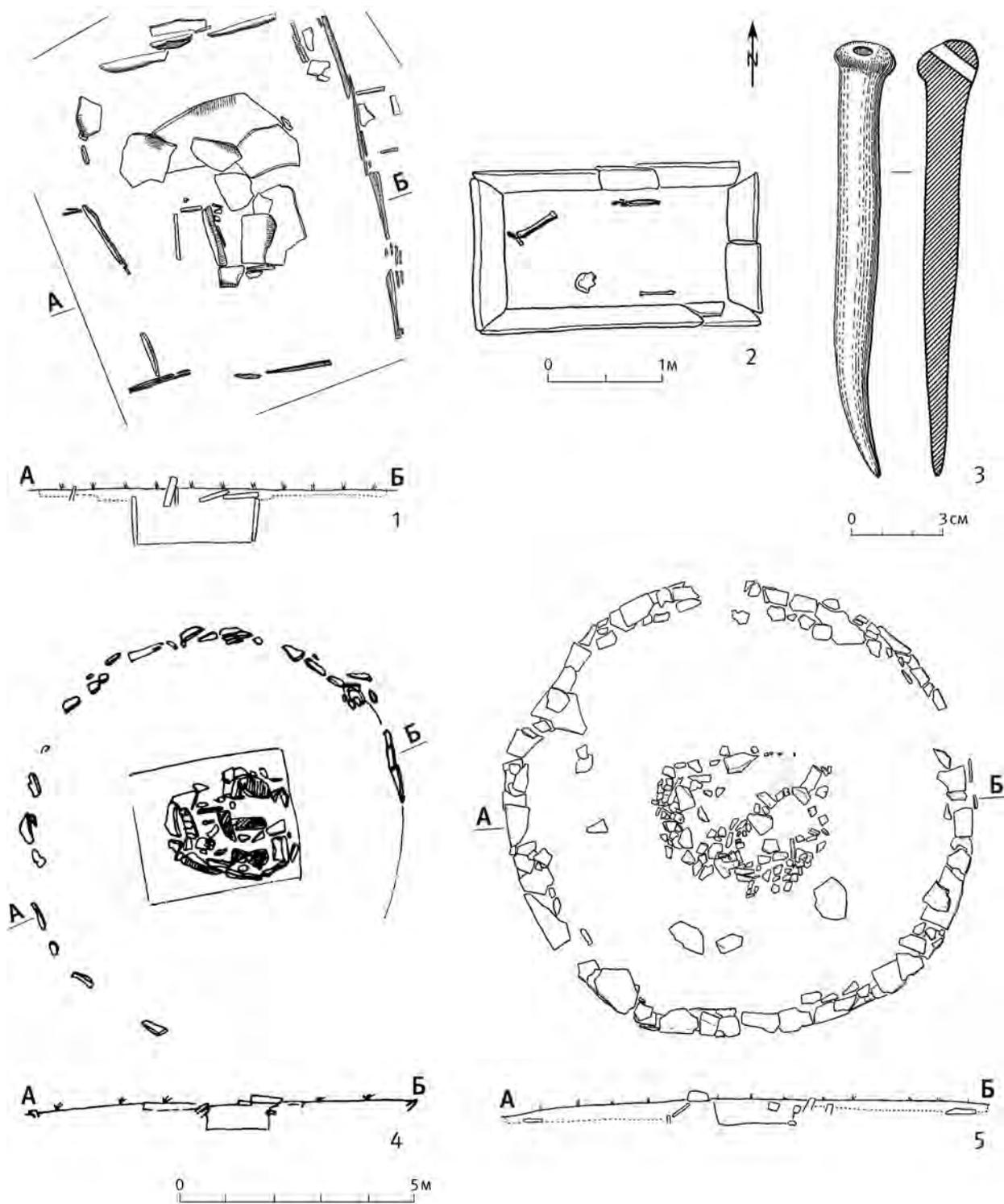

Рис. 31. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 499, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 499; 3 — роговая рукоятка плети из кург. 499; 4 — кург. 501, общий план, разрез; 5 — кург. 503, общий план, разрез

Fig. 31. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 499, general plan, section; 2 — grave in tumulus 499; 3 — horny whip handle from tumulus 499; 4 — tumulus 501, general plan, section; 5 — tumulus 503, general plan, section

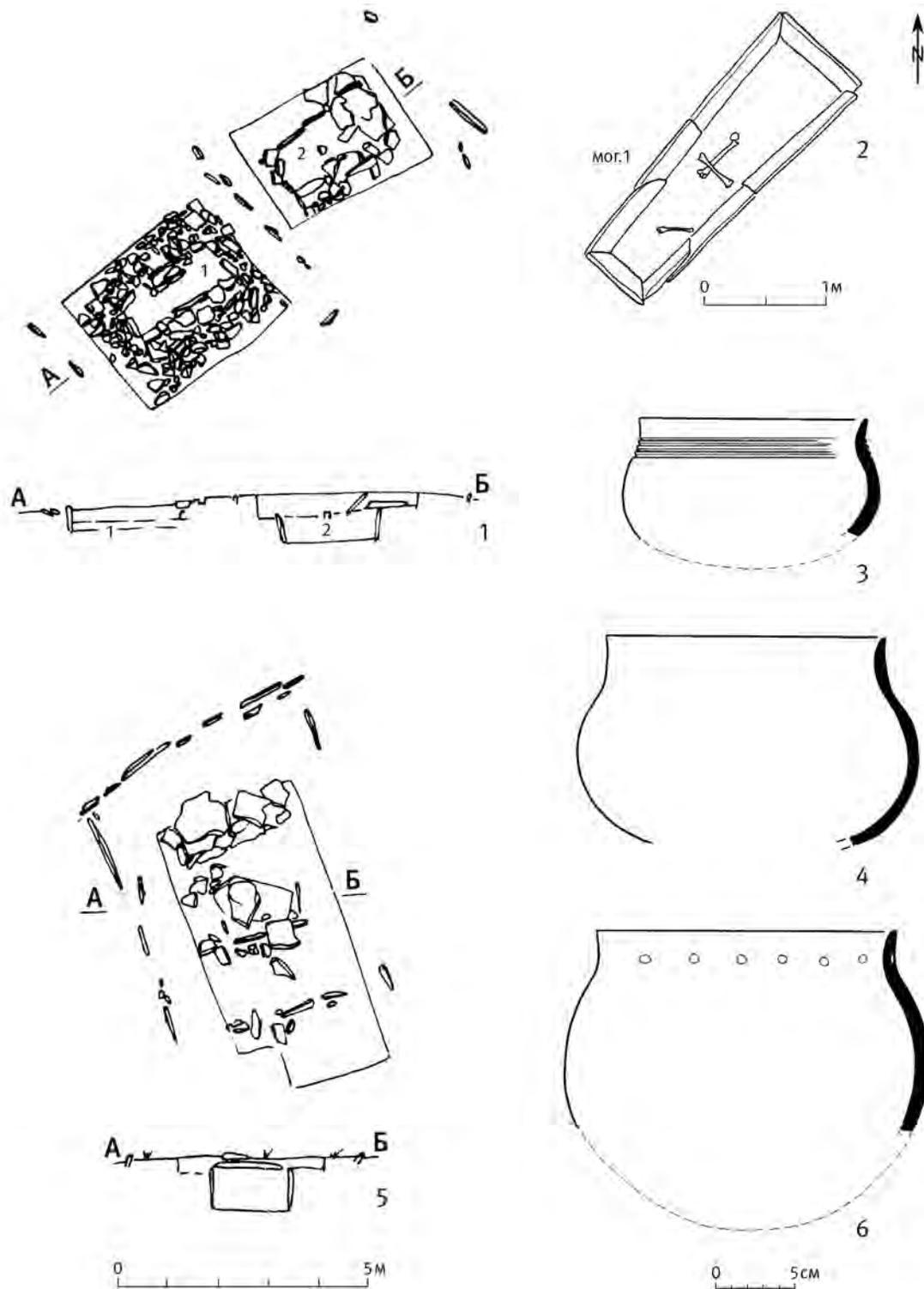

Рис. 32. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 513, общий план, разрез; 2 — кург. 513, мог. 1; 3, 4 — керамические сосуды из кург. 513, мог. 1; 5 — кург. 519, общий план, разрез; 6 — керамический сосуд из кург. 519

Fig. 32. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 513, general plan, section; 2 — tumulus 513, grave 1; 3, 4 — ceramic vessels from tumulus 513, grave 1; 5 — tumulus 519, general plan, section; 6 — a ceramic vessel from tumulus 519

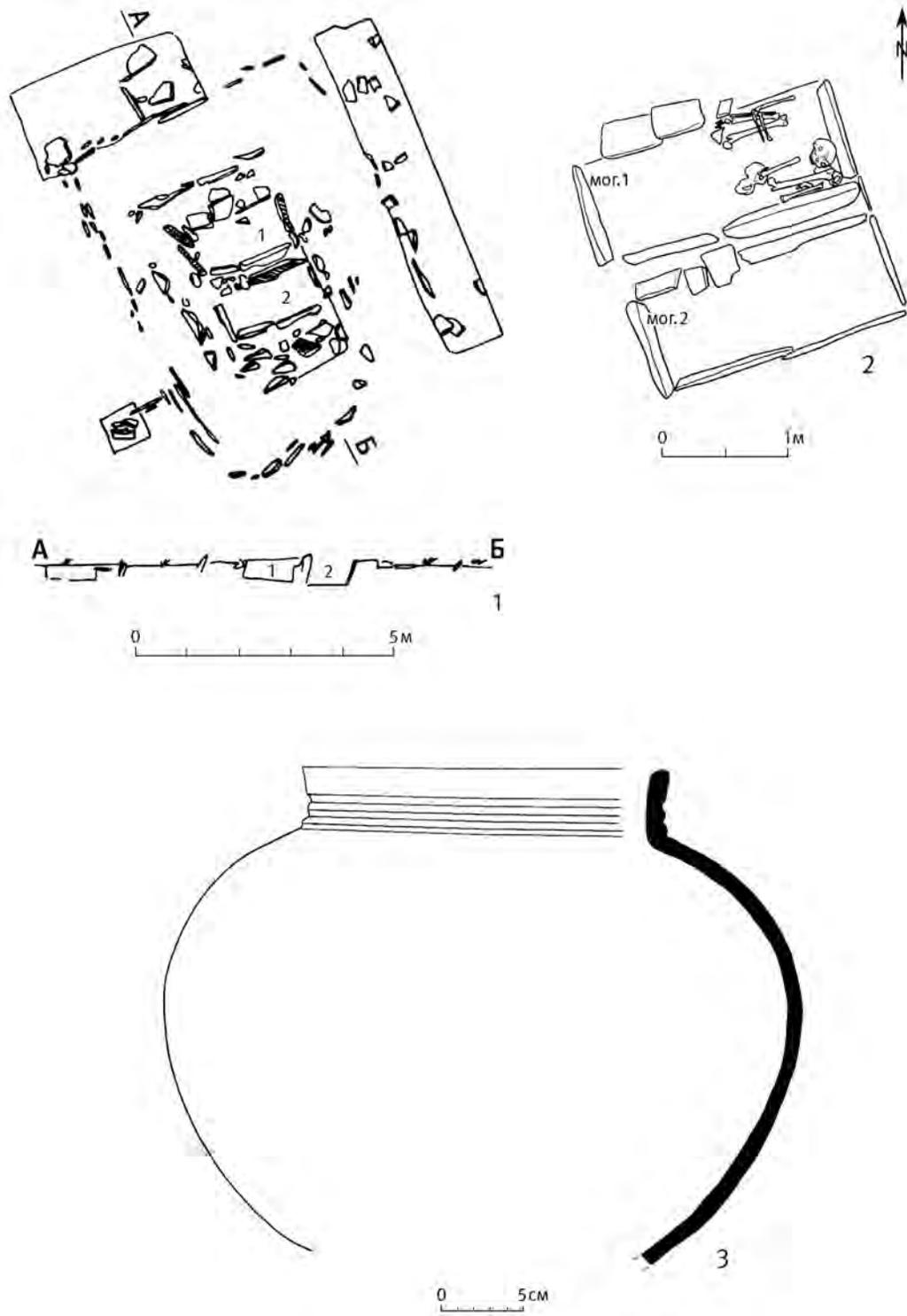

Рис. 33. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 515, общий план, разрез; 2 — кург. 515, мог. 1–2; 3 — керамический сосуд из кург. 515, мог. 1

Fig. 33. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 515, general plan, section; 2 — tumulus 515, grave 1–2; 3 — a ceramic vessel from tumulus 515, grave 1

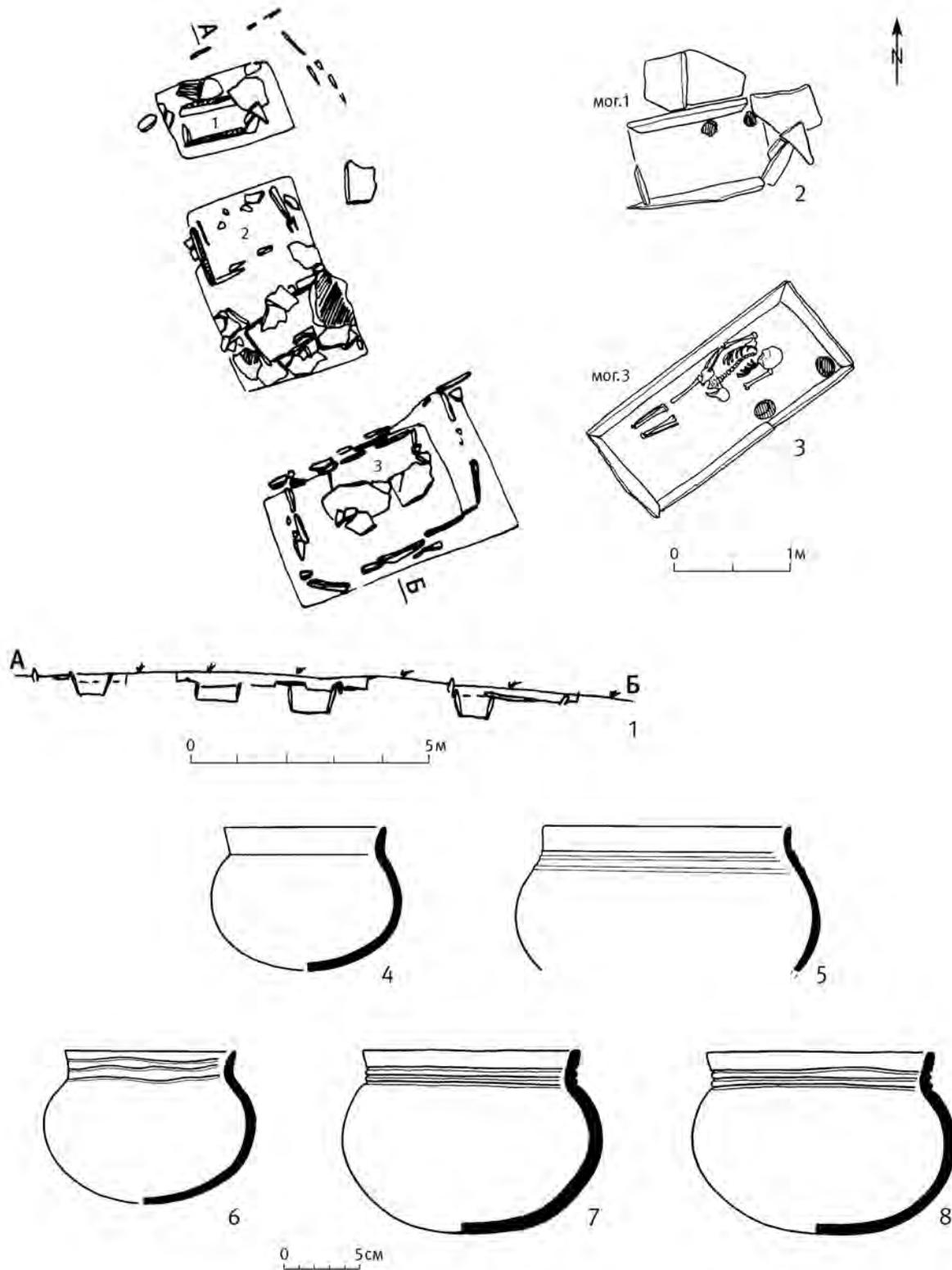

Рис. 34. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 525, общий план, разрез; 2 — кург. 525, мог. 1; 3 — кург. 525, мог. 3; 4, 6 — керамические сосуды из кург. 525, мог. 1; 5 — керамический сосуд из кург. 525, мог. 2; 7, 8 — керамические сосуды из кург. 525, мог. 3

Fig. 34. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 525, general plan, section; 2 — tumulus 525, grave 1; 3 — tumulus 525, grave 3; 4, 6 — ceramic vessels from tumulus 525, grave 1; 5 — a ceramic vessel from tumulus 525, grave 2; 7, 8 — ceramic vessels from tumulus 525, grave 3

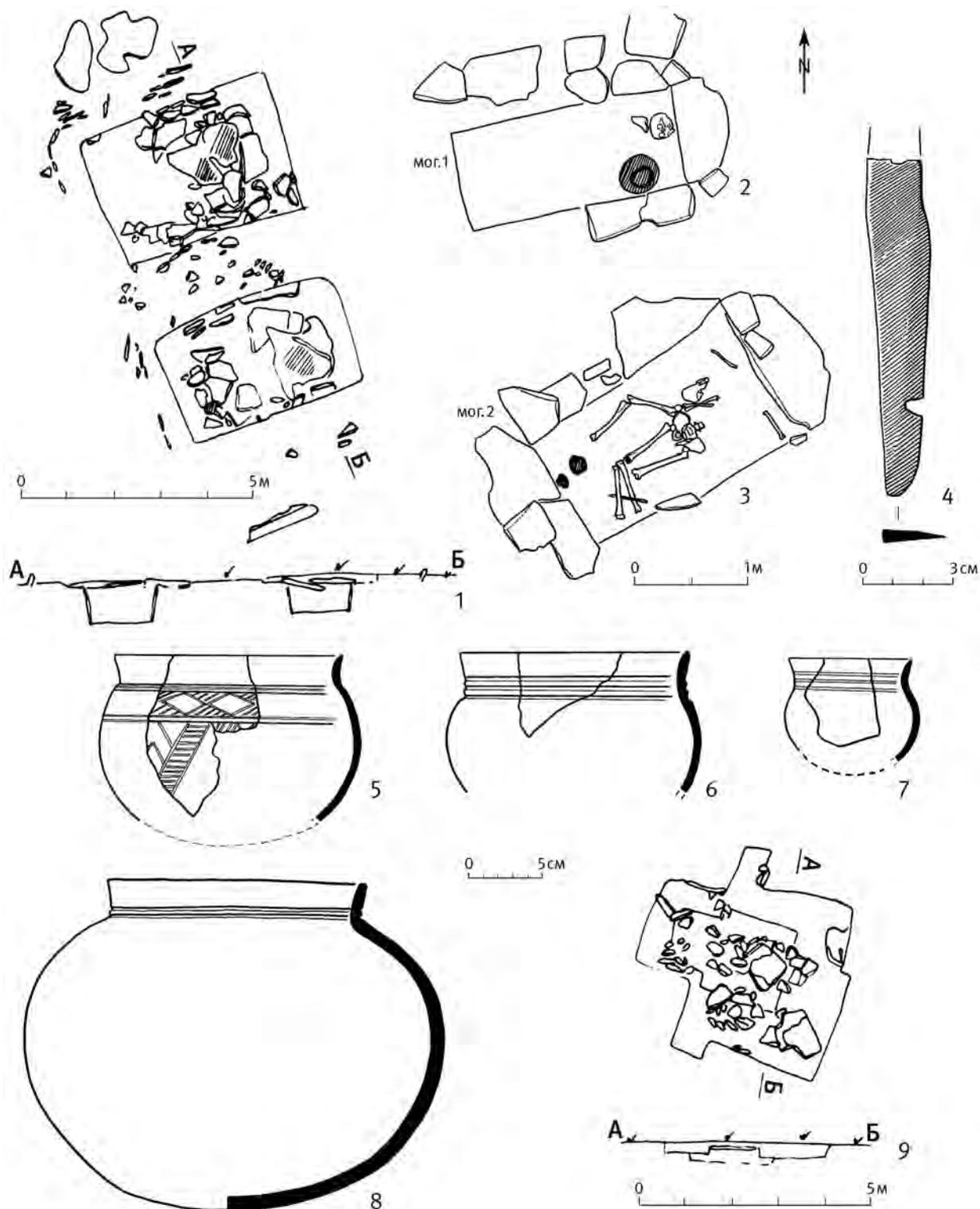

Рис. 35. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 527, общий план, разрез; 2 — кург. 527, мог. 1; 3 — кург. 527, мог. 2; 4 — клинок бронзового ножа из кург. 527, мог. 2; 5, 7 — фр-ты керамических сосудов из кург. 527, мог. 2; 6, 8 — фр-ты керамических сосудов из кург. 527, мог. 1; 9 — кург. 600, общий план, разрез

Fig. 35. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 527, general plan, section; 2 — tumulus 527, grave 1; 3 — tumulus 527, grave 2; 4 — blade of a bronze knife from tumulus 527, grave 2; 5, 7 — fragments of the ceramic vessels from tumulus 527, grave 2; 6, 8 — fragments of the ceramic vessels from tumulus 527, grave 1; 9 — tumulus 600, general plan, section

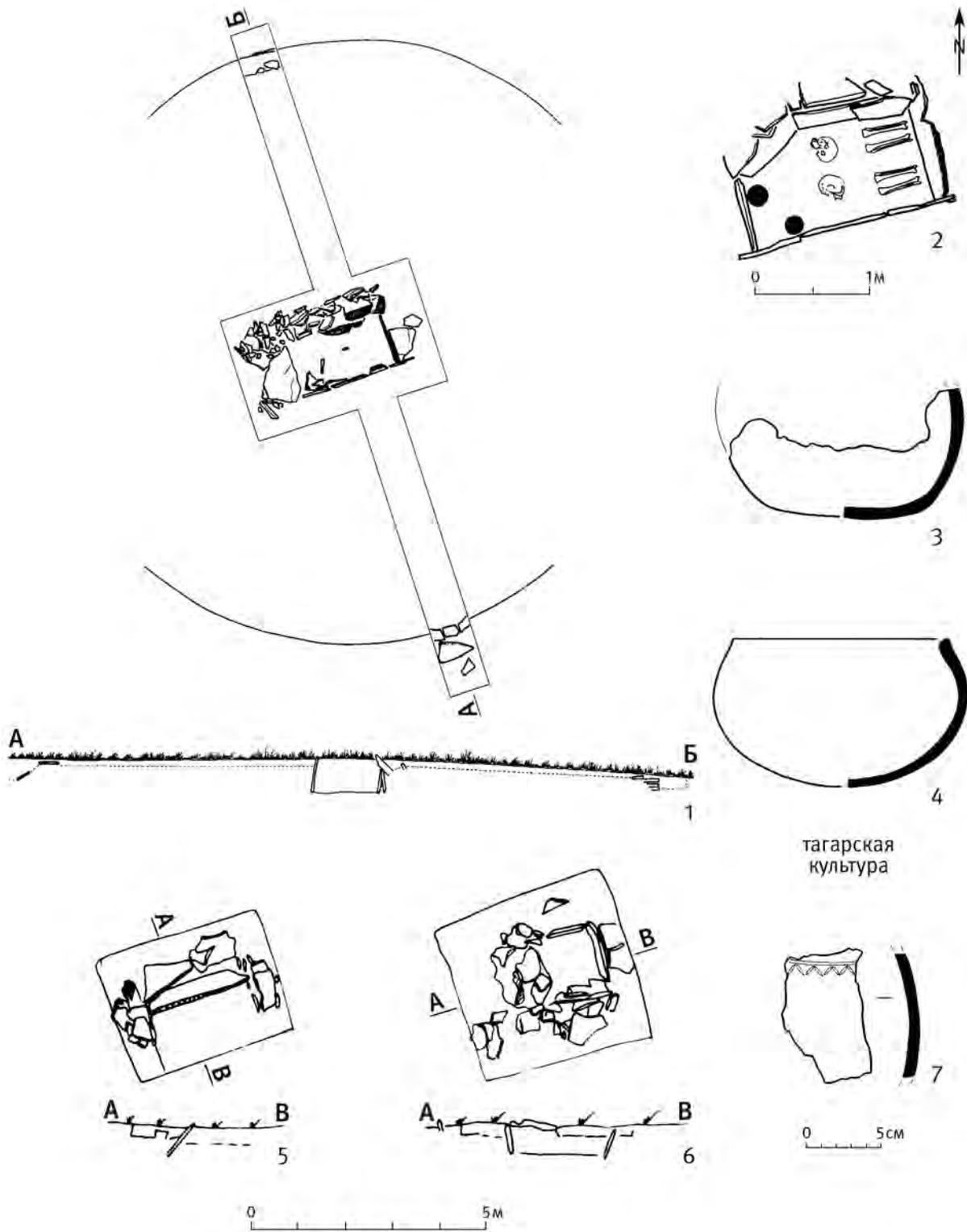

Рис. 36. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 610, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 610; 3, 4 — керамические сосуды из кург. 610 (тагарская культура); 5 — кург. 481, общий план, разрез; 6 — кург. 483, общий план, разрез; 7 — фр-т керамического сосуда из кург. 483

Fig. 36. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 610, general plan, section; 2 — grave in tumulus 610; 3, 4 — ceramic vessels from tumulus 610 (Tagar culture); 5 — tumulus 481, general plan, section; 6 — tumulus 483, general plan, section; 7 — a ceramic fragment from tumulus 483

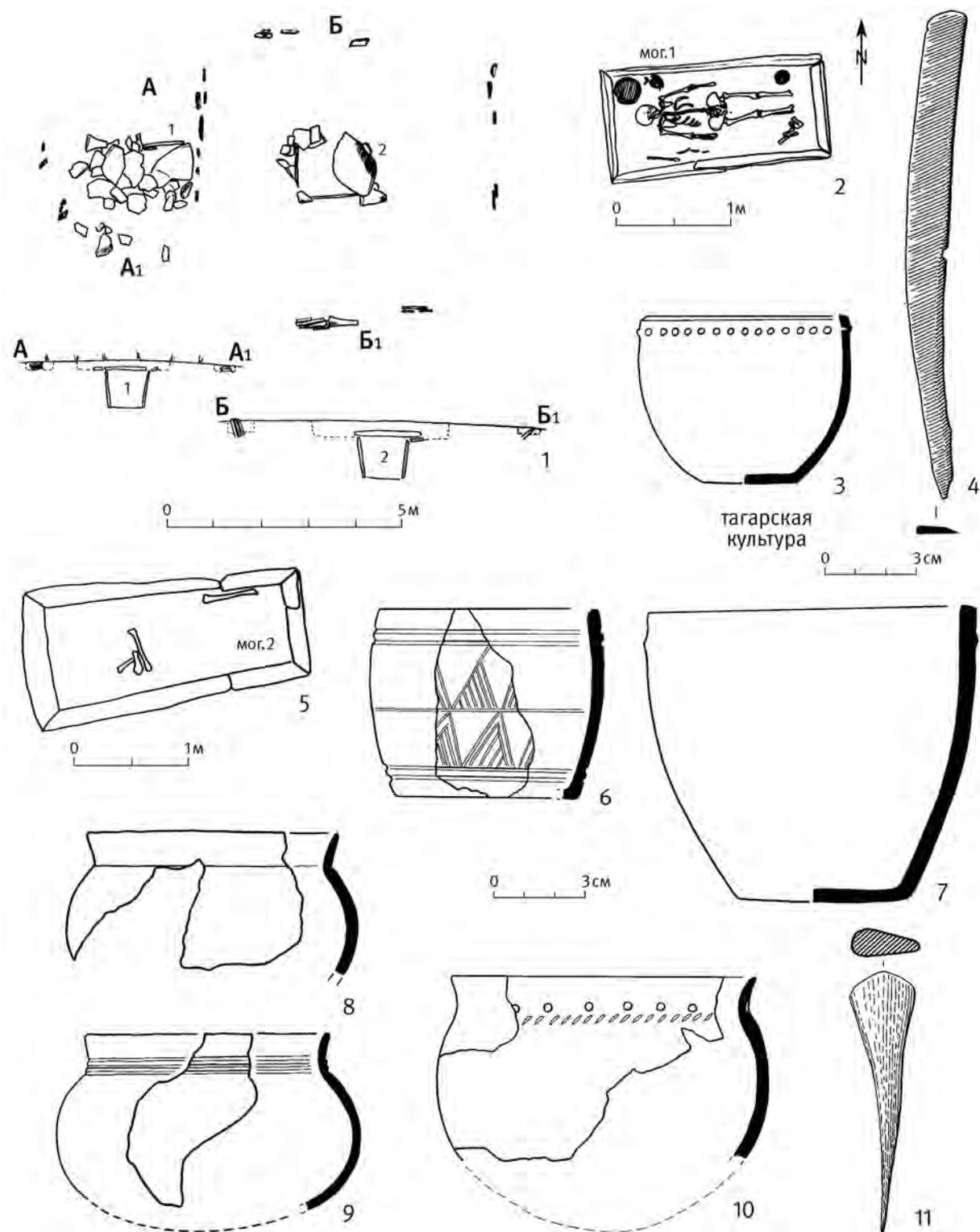

Рис. 37. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 247, общий план, разрез; 2 — кург. 247, мог. 1; 3, 7 — керамические сосуды из кург. 247, мог. 1 (тагарская культура); 4 — бронзовый нож из кург. 247, мог. 1 (тагарская культура); 5 — кург. 247, мог. 2; 6 — керамический сосуд из кург. 247, мог. 1; 8–10 — фр-ты керамических сосудов из кург. 247, мог. 2; 11 — костяное шило из кург. 247, мог. 2

Fig. 37. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 247, general plan, section; 2 — tumulus 247, grave 1; 3, 7 — ceramic vessels from tumulus 247, grave 1 (Tagar culture); 4 — bronze knife from tumulus 247, grave 1 (Tagar culture); 5 — tumulus 247, grave 2; 6 — a ceramic vessel from tumulus 247, grave 1; 8–10 — fragments of the ceramic vessels from tumulus 247, grave 2; 11 — bone awl from tumulus 247, grave 2

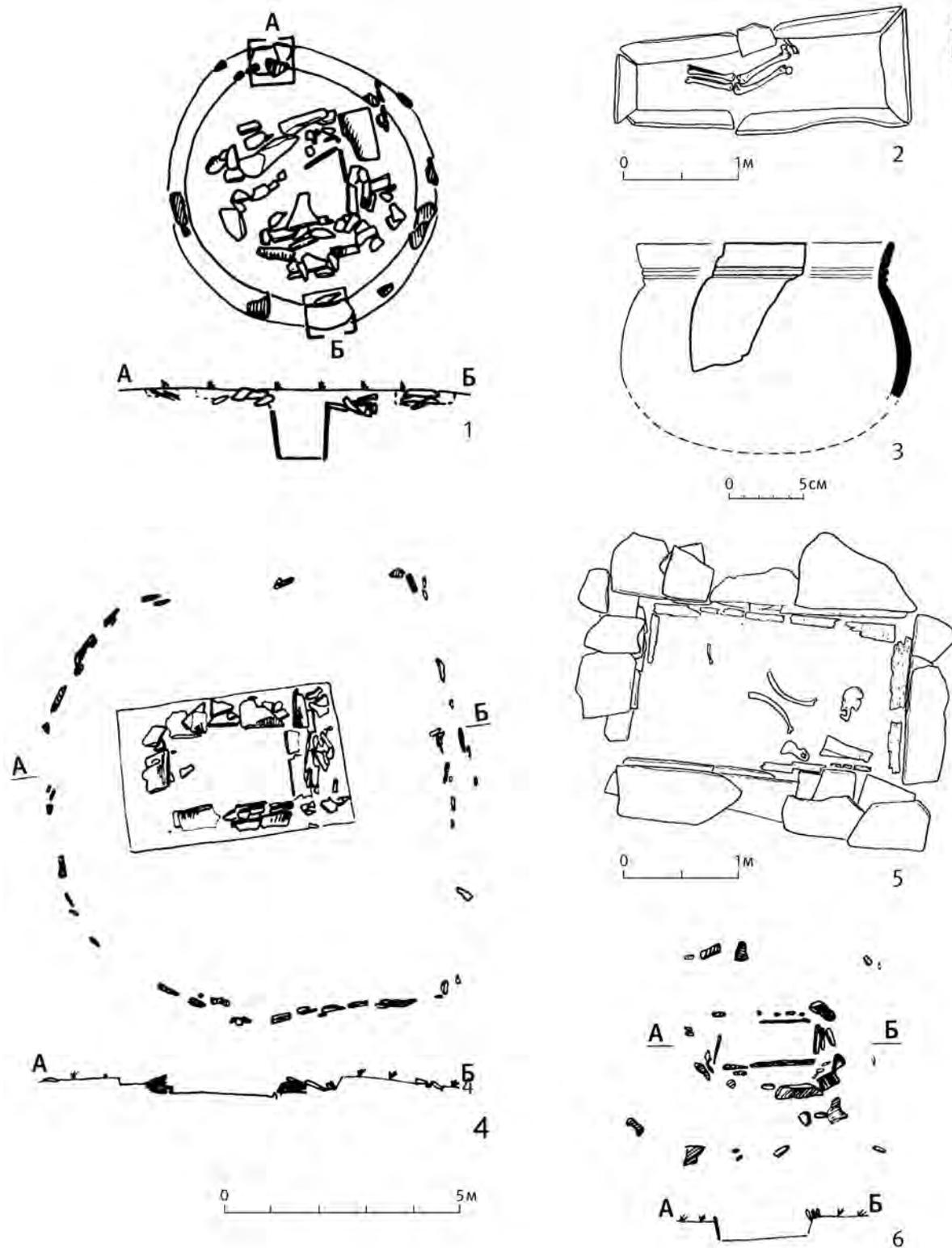

Рис. 38. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 249, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 249; 3 — фр-т сосуда из кург. 249; 4 — кург. 297, общий план, разрез; 5 — могила в кург. 297; 6 — кург. 299, общий план, разрез

Fig. 38. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 249, general plan, section; 2 — grave in tumulus 249; 3 — a fragment of a vessel from tumulus 249; 4 — tumulus 297, general plan, section; 5 — grave in tumulus 297; 6 — tumulus 299, general plan, section

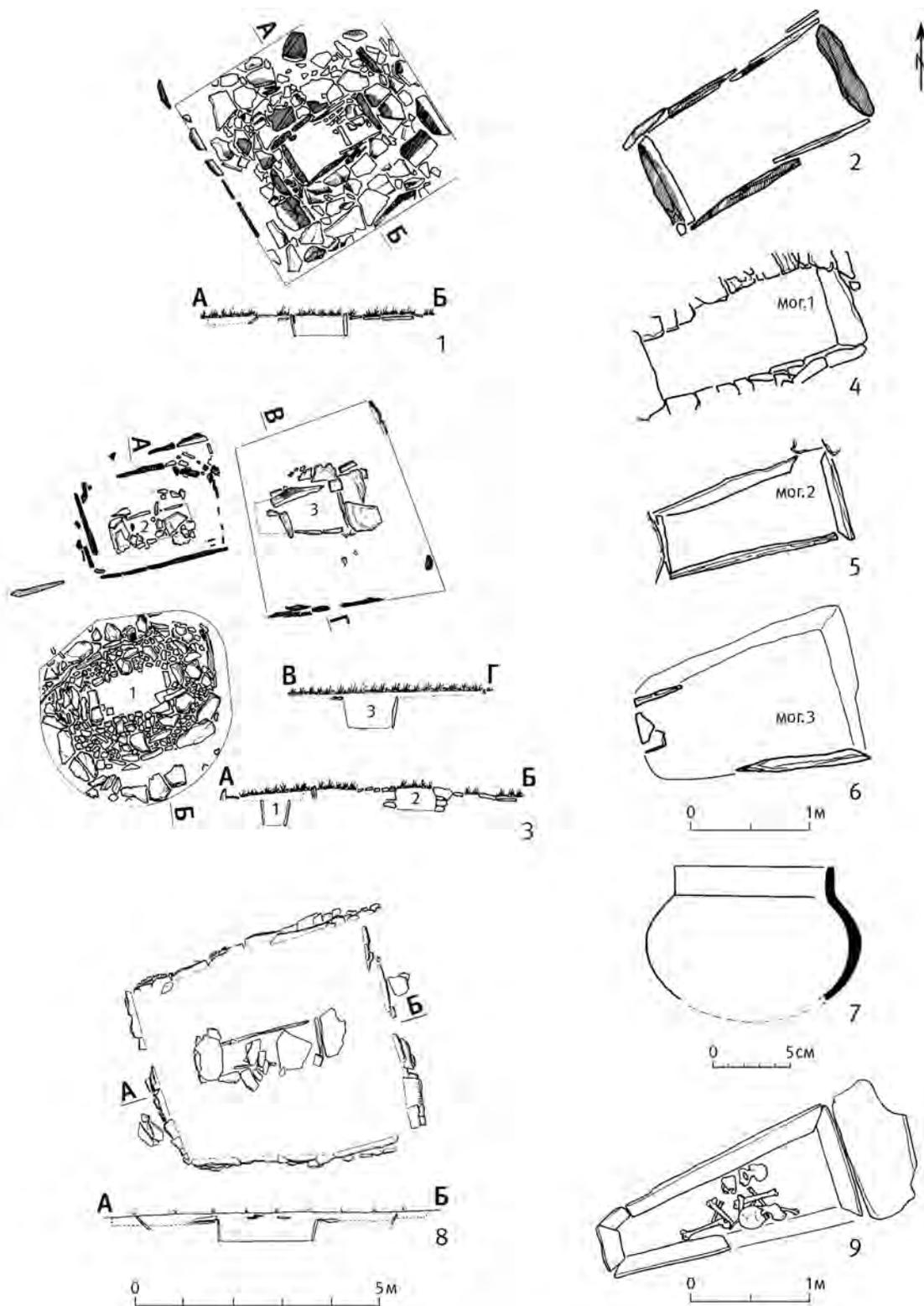

Рис. 39. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 301, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 301; 3 — кург. 319, общий план, разрез; 4 — кург. 319, мог. 1; 5 — кург. 319, мог. 2; 6 — кург. 319, мог. 3; 7 — фр-т керамического сосуда из кург. 319, мог. 1; 8 — кург. 265, общий план, разрез; 9 — могила в кург. 265

Fig. 39. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 301, general plan, section; 2 — grave in tumulus 301; 3 — tumulus 319, general plan, section; 4 — tumulus 319, grave 1; 5 — tumulus 319, grave 2; 6 — tumulus 319, grave 3; 7 — a ceramic fragment from tumulus 319, grave 1; 8 — tumulus 265, general plan, section; 9 — grave in tumulus 265

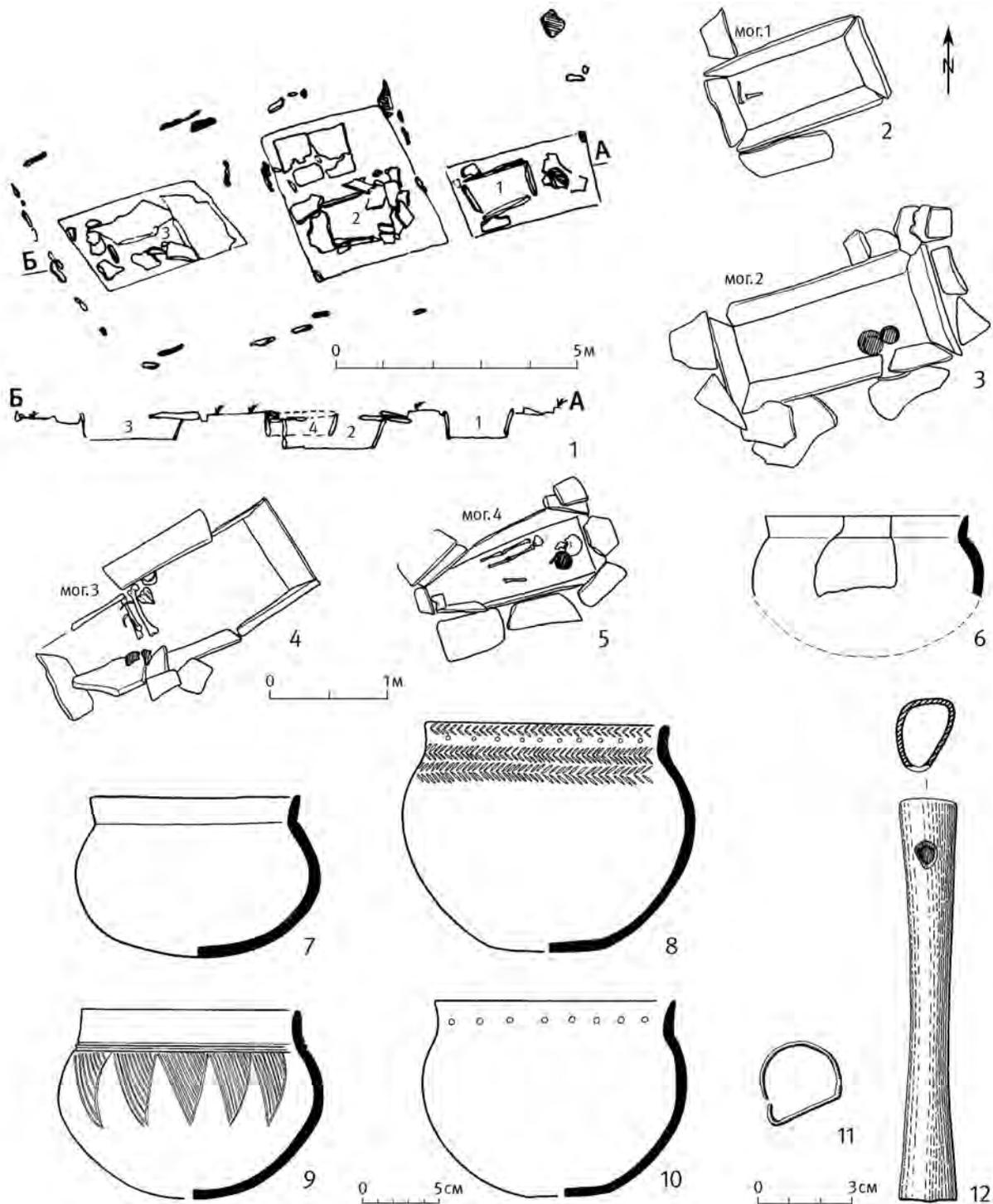

Рис. 40. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 263, общий план, разрез; 2 — кург. 263, мог. 1; 3 — кург. 263, мог. 2; 4 — кург. 263, мог. 3; 5 — кург. 263, мог. 4; 6 — фр-т керамического сосуда из кург. 263, мог. 1; 7, 8 — керамические сосуды из кург. 263, мог. 2; 9 — керамический сосуд из кург. 263, мог. 3; 10 — керамический сосуд из кург. 263, мог. 4; 11 — бронзовое кольцо из кург. 263, мог. 2; 12 — костяной кочедык из кург. 263, мог. 2

Fig. 40. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 263, general plan, section; 2 — tumulus 263, grave 1; 3 — tumulus 263, grave 2; 4 — tumulus 263, grave 3; 5 — tumulus 263, grave 4; 6 — a ceramic fragment from tumulus 263, grave 1; 7, 8 — ceramic vessels from tumulus 263, grave 2; 9 — a ceramic vessel from tumulus 263, grave 3; 10 — a ceramic vessel from tumulus 263, grave 4; 11 — a bronze ring from tumulus 263, grave 2; 12 — bone bent awl from tumulus 263, grave 2

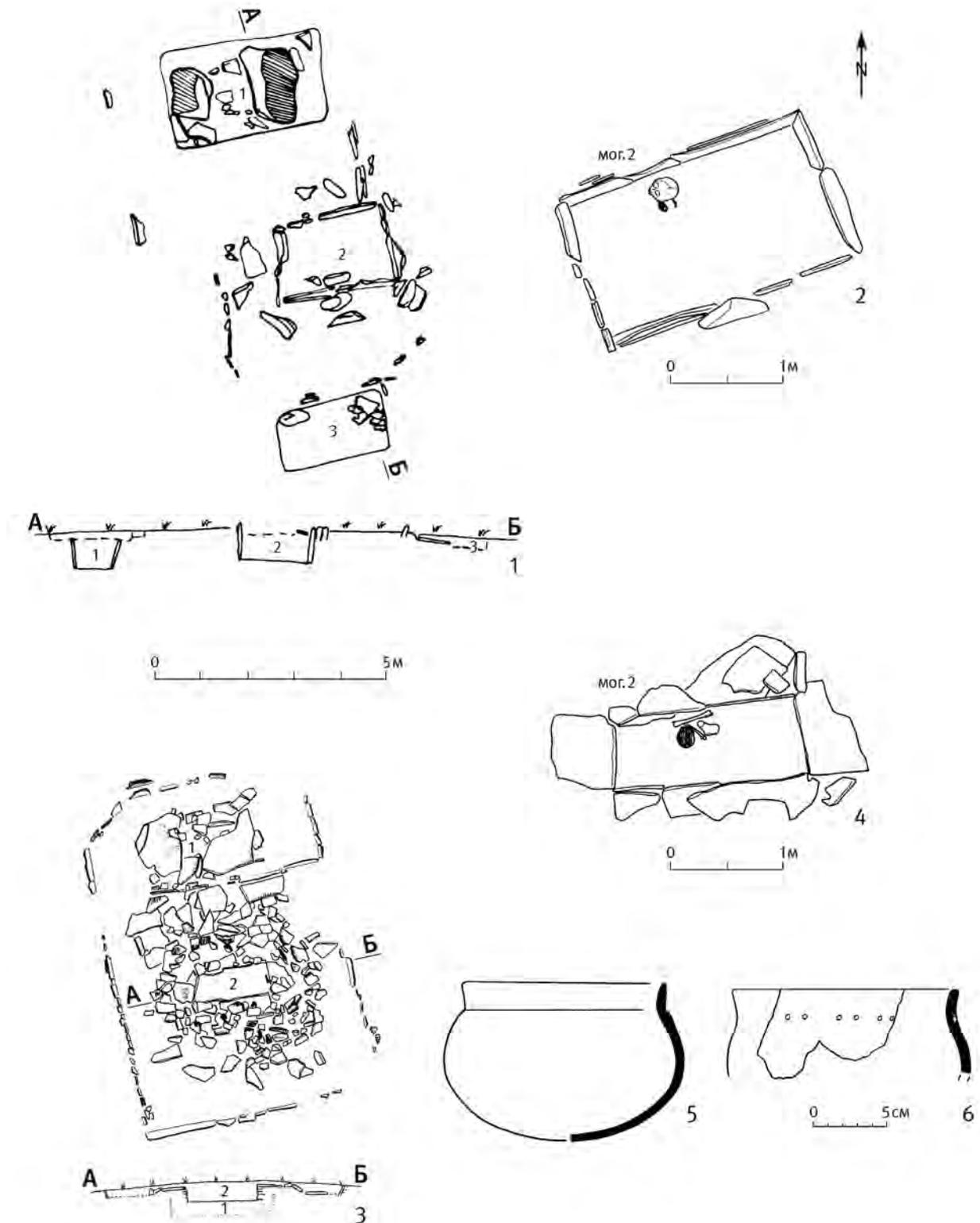

Рис. 41. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 267, общий план, разрез; 2 — кург. 267, мог. 2; 3 — кург. 275, общий план, разрез; 4 — кург. 275, мог. 2; 5 — керамический сосуд из кург. 275, мог. 2; 6 — фр-т керамического сосуда из кург. 275, мог. 1

Fig. 41. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 267, general plan, section; 2 — tumulus 267, grave 2; 3 — tumulus 275, general plan, section; 4 — tumulus 275, grave 2; 5 — a ceramic vessel from tumulus 275, grave 2; 6 — a ceramic fragment from tumulus 275, grave 1

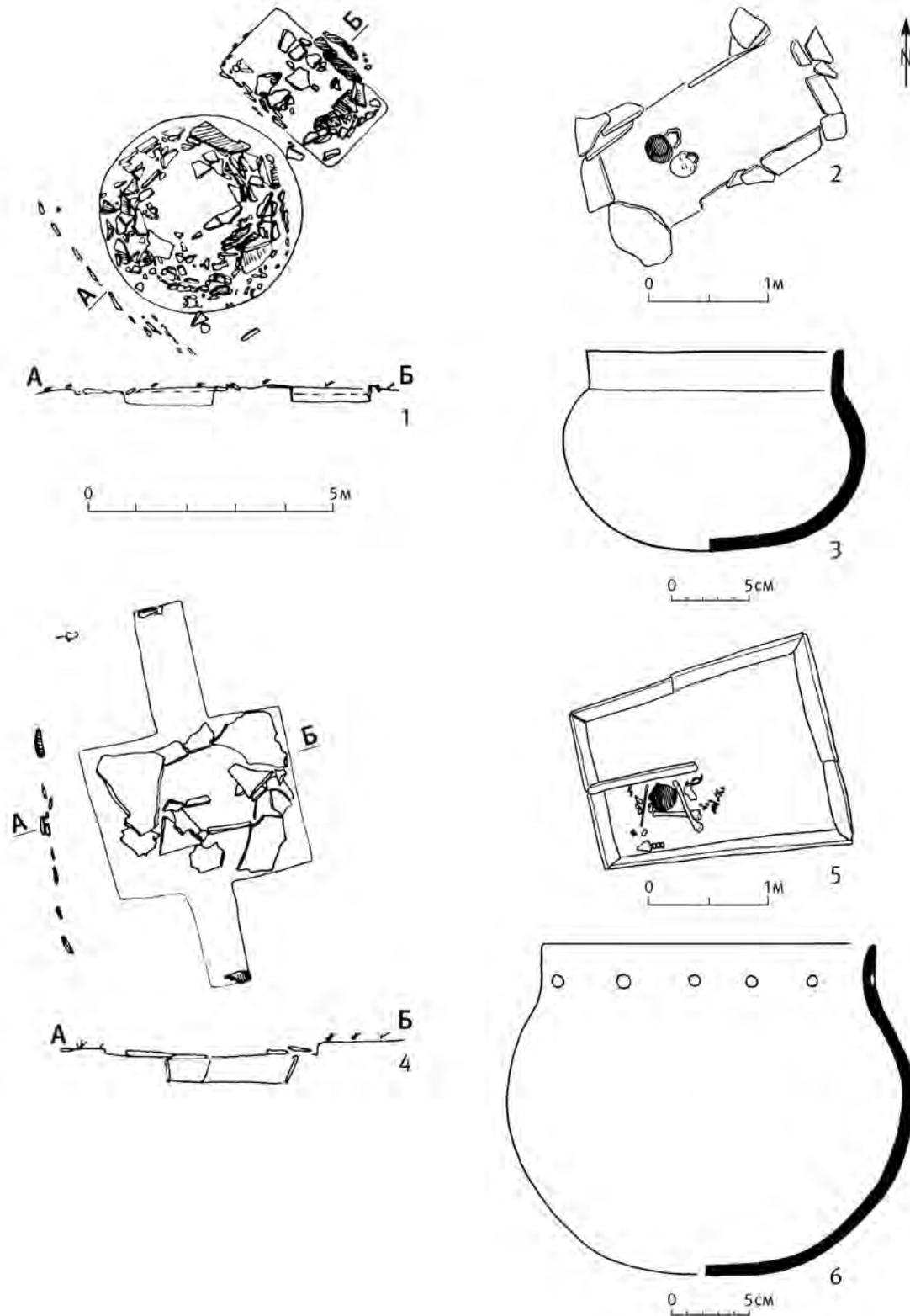

Рис. 42. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 271, общий план, разрез; 2 — кург. 271, мог. 2; 3 — керамический сосуд из кург. 271, мог. 2; 4 — кург. 277, общий вид, разрез; 5 — могила в кург. 277; 6 — керамический сосуд из кург. 277

Fig. 42. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 271, general plan, section; 2 — tumulus 271, grave 2; 3 — a ceramic vessel from tumulus 271, grave 2; 4 — tumulus 277, general view, section; 5 — grave in tumulus 277; 6 — a ceramic vessel from tumulus 277

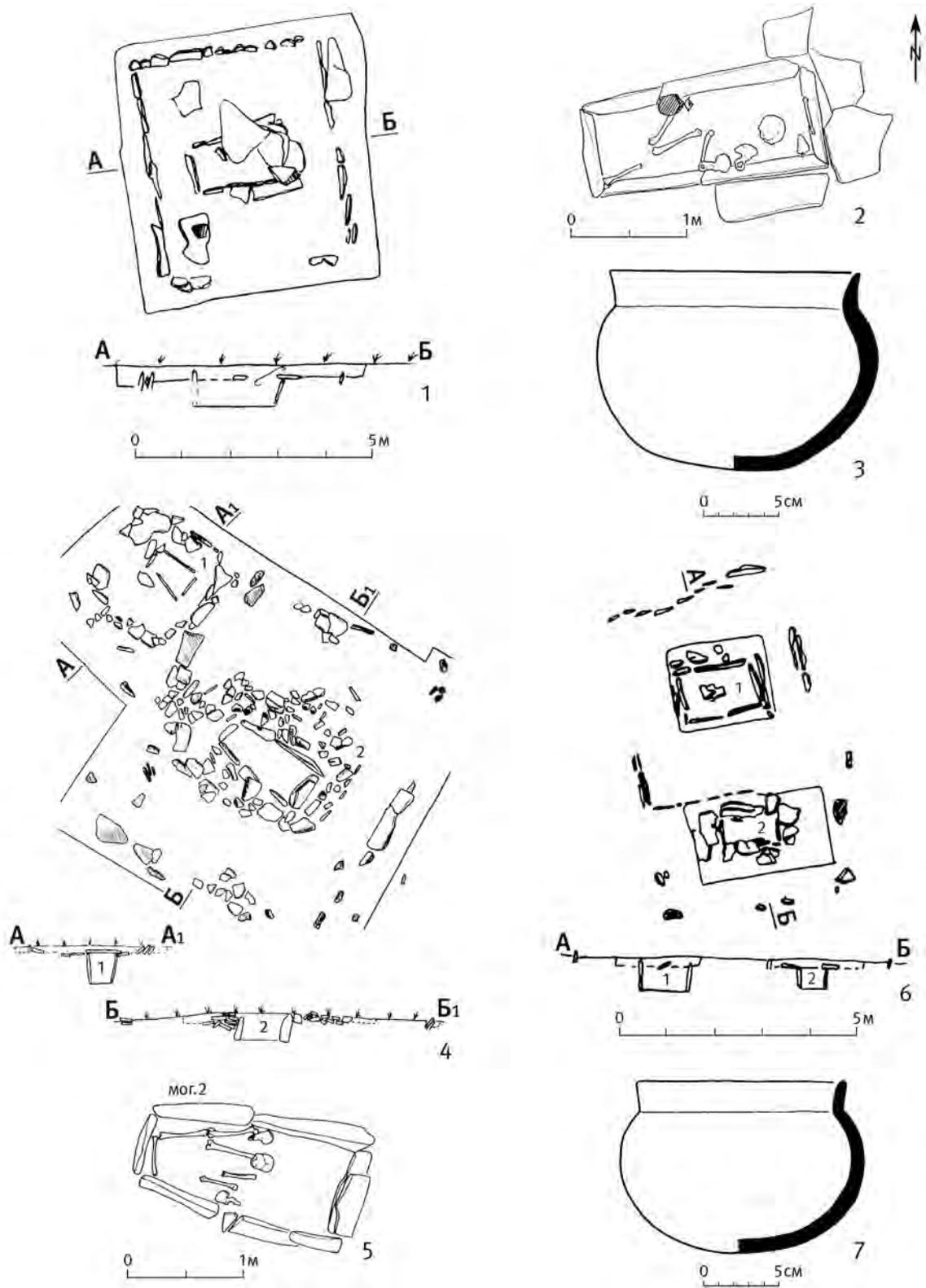

Рис. 43. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 279, общий вид, разрез; 2 — могила в кург. 279; 3 — керамический сосуд из кург. 279; 4 — кург. 281, общий план, разрез; 5 — кург. 281. мог. 2; 6 — кург. 283, общий план, разрез; 7 — керамический сосуд из кург. 283. мог. 2

Fig. 43. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 279, general view, section; 2 — grave in tumulus 279; 3 — a ceramic vessel from tumulus 279; 4 — tumulus 281, general plan, section; 5 — tumulus 281. grave 2; 6 — tumulus 283, general plan, section; 7 — a ceramic vessel from tumulus 283. grave 2

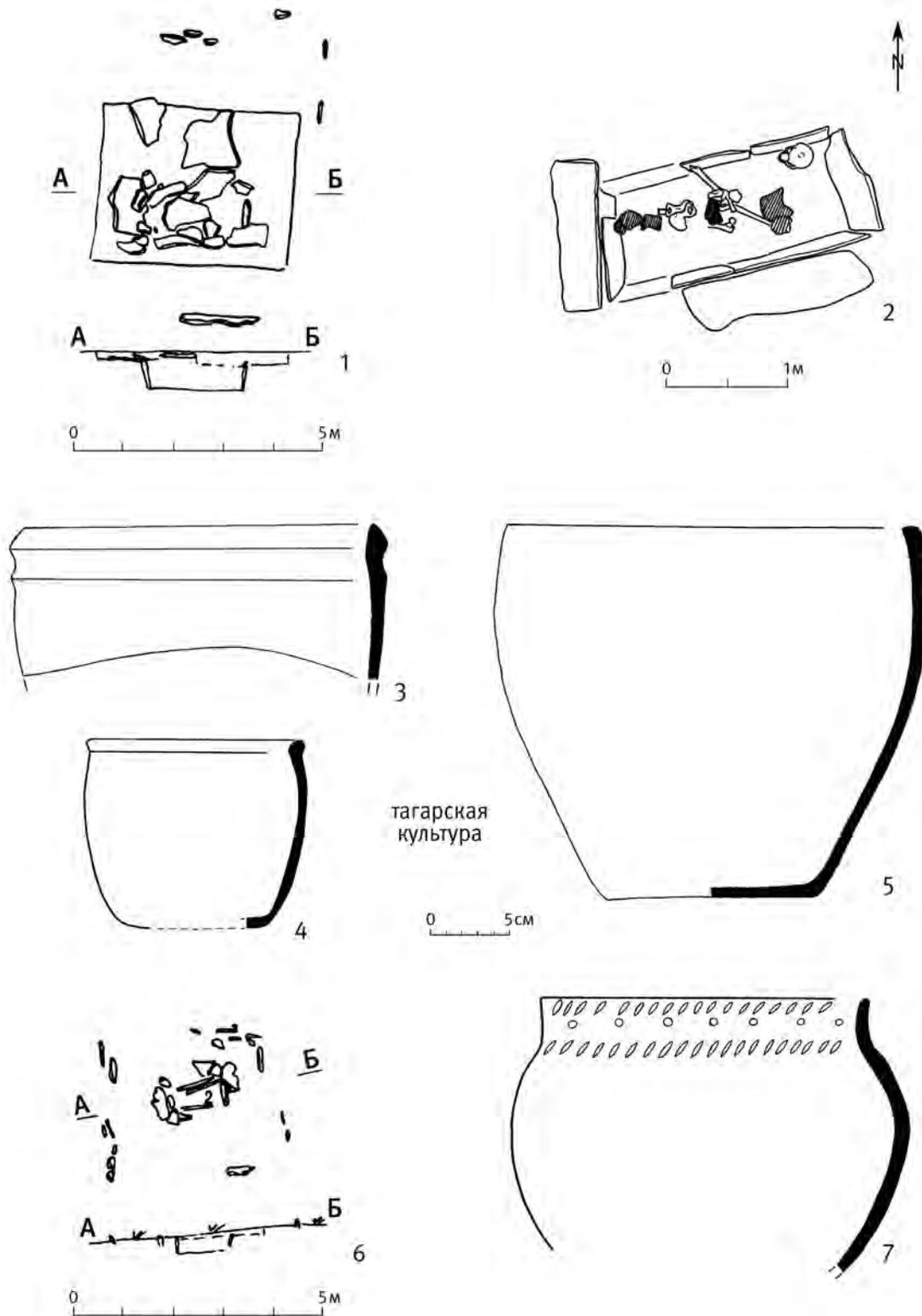

Рис. 44. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 285, общий вид, разрез; 2 — могила в кург. 285; 3–5 — керамические сосуды из могилы кург. 285 (тагарская культура); 6 — кург. 287, общий вид, разрез; 7 — керамический сосуд из кург. 287

Fig. 44. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 285, general view, section; 2 — grave in tumulus 285; 3–5 — ceramic vessels from a grave in tumulus 285 (Tagar culture); 6 — tumulus 287, general view, section; 7 — a ceramic vessel from tumulus 287

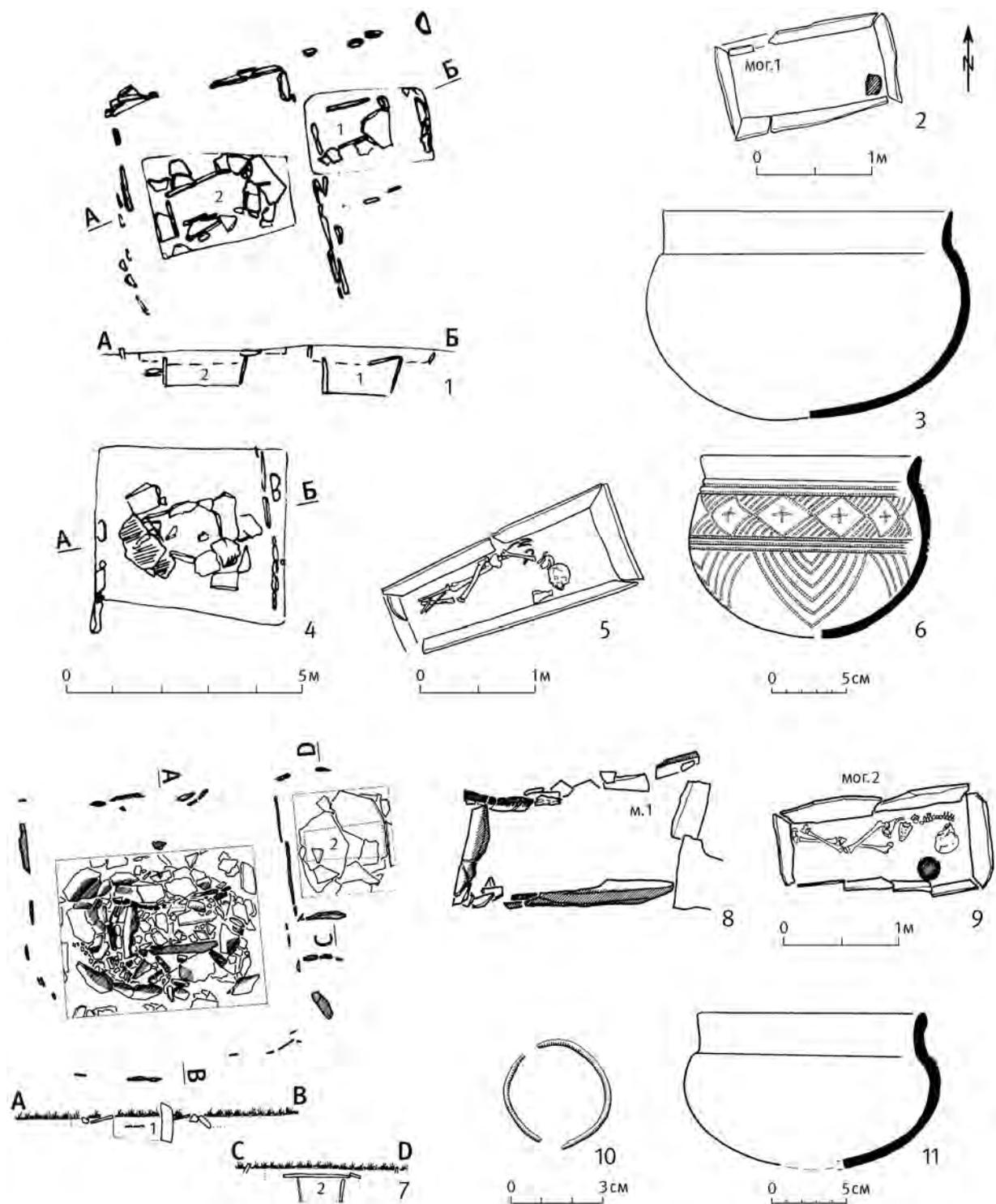

Рис. 45. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 289, общий вид, разрез; 2 — кург. 289, мог. 1; 3 — керамический сосуд из кург. 289, мог. 1; 4 — кург. 291, общий план, разрез; 5 — могила в кург. 291; 6 — керамический сосуд из кург. 291; 7 — кург. 291а, общий план, разрез; 8 — кург. 291а, мог. 1; 9 — кург. 291а, мог. 2; 10 — бронзовое кольцо из кург. 291а, мог. 2; 11 — керамический сосуд из кург. 291а, мог. 2

Fig. 45. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 289, general view, section; 2 — tumulus 289, grave 1; 3 — a ceramic vessel from tumulus 289, grave 1; 4 — tumulus 291, general plan, section; 5 — grave in tumulus 291; 6 — a ceramic vessel from tumulus 291; 7 — tumulus 291a, general plan, section; 8 — tumulus 291a, grave 1; 9 — tumulus 291a, grave 2; 10 — a bronze ring from tumulus 291a, grave 2; 11 — a ceramic vessel from tumulus 291a, grave 2

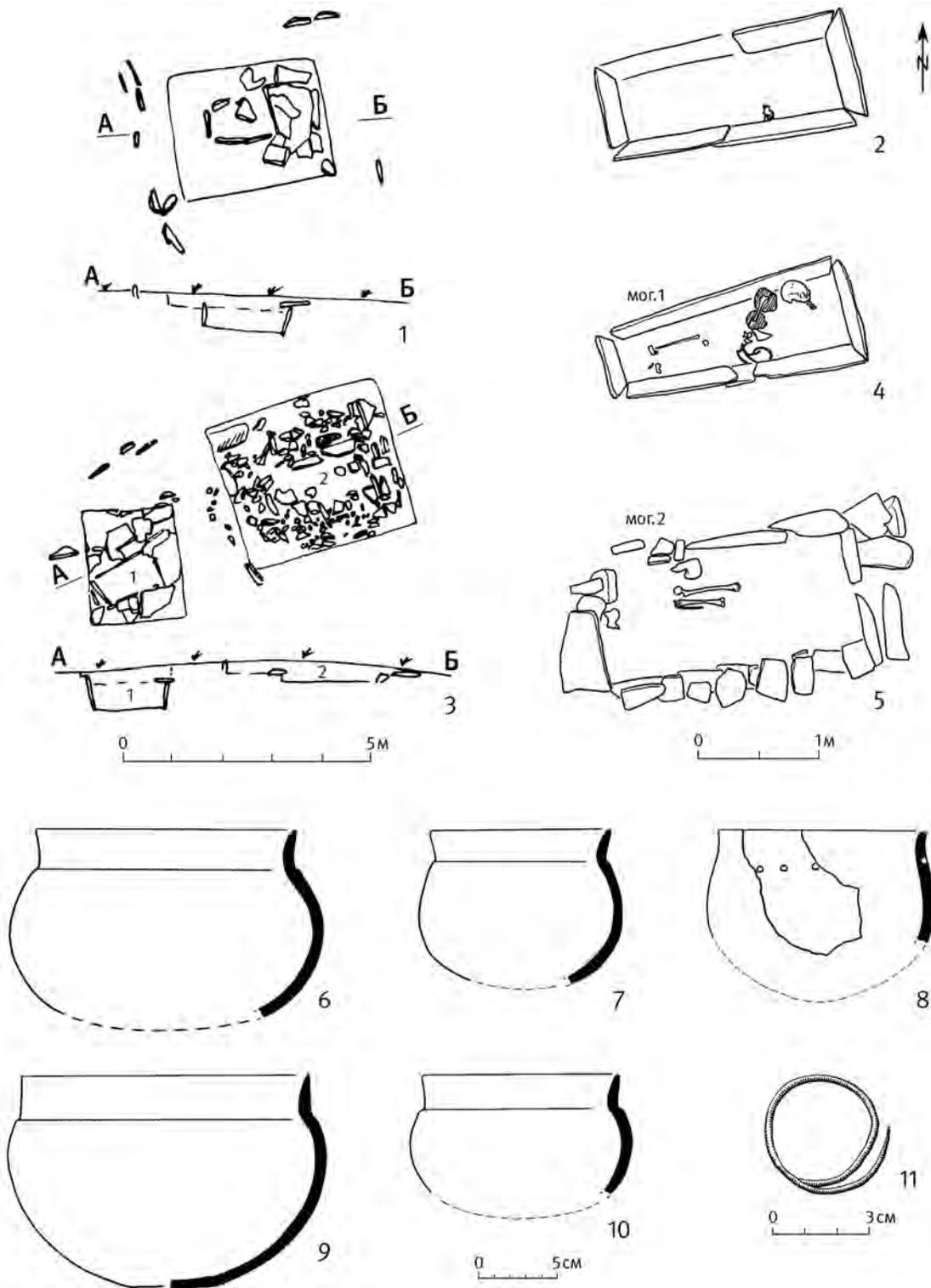

Рис. 46. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 293, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 293; 3 — кург. 295, общий план, разрез; 4 — кург. 295, мог. 1; 5 — кург. 295, мог. 2; 6, 7 — керамические сосуды из кург. 295, мог. 1; 8–10 — керамические сосуды из кург. 295, мог. 2; 11 — бронзовое височное кольцо из кург. 295, мог. 2

Fig. 46. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 293, general plan, section; 2 — grave in tumulus 293; 3 — tumulus 295, general plan, section; 4 — tumulus 295, grave 1; 5 — tumulus 295, grave 2; 6, 7 — ceramic vessels from tumulus 295, grave 1; 8–10 — ceramic vessels from tumulus 295, grave 2; 11 — a bronze temple ring from tumulus 295, grave 2

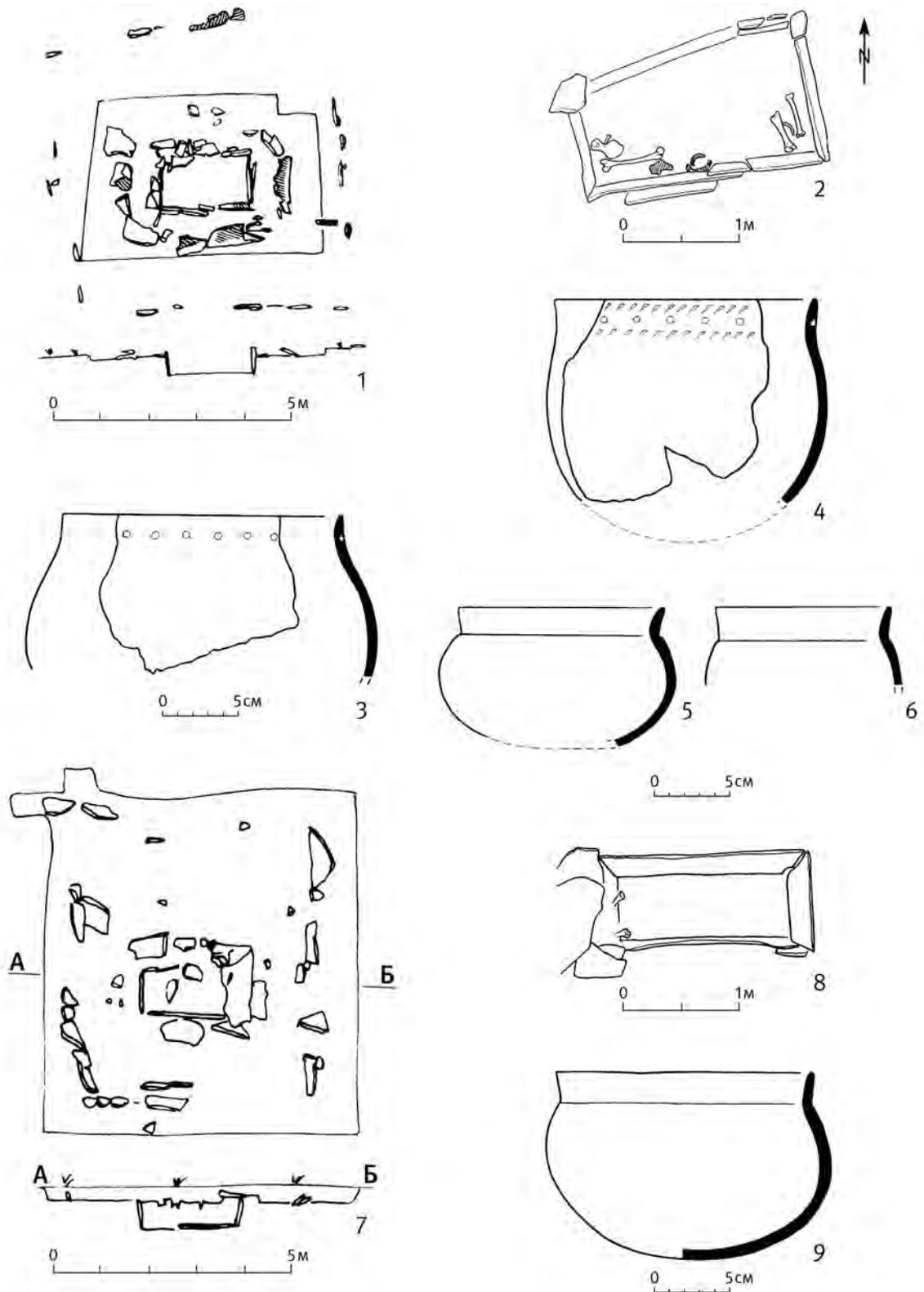

Рис. 47. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 313, общий вид, разрез; 2 — могила в кург. 313; 3–6 — керамические сосуды из кург. 313; 7 — кург. 602, общий вид, разрез; 8 — могила в кург. 602; 9 — керамический сосуд из кург. 602

Fig. 47. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 313, general view, section; 2 — grave in tumulus 313; 3–6 — ceramic vessels from tumulus 313; 7 — tumulus 602, general view, section; 8 — grave in tumulus 602; 9 — a ceramic vessel from tumulus 602

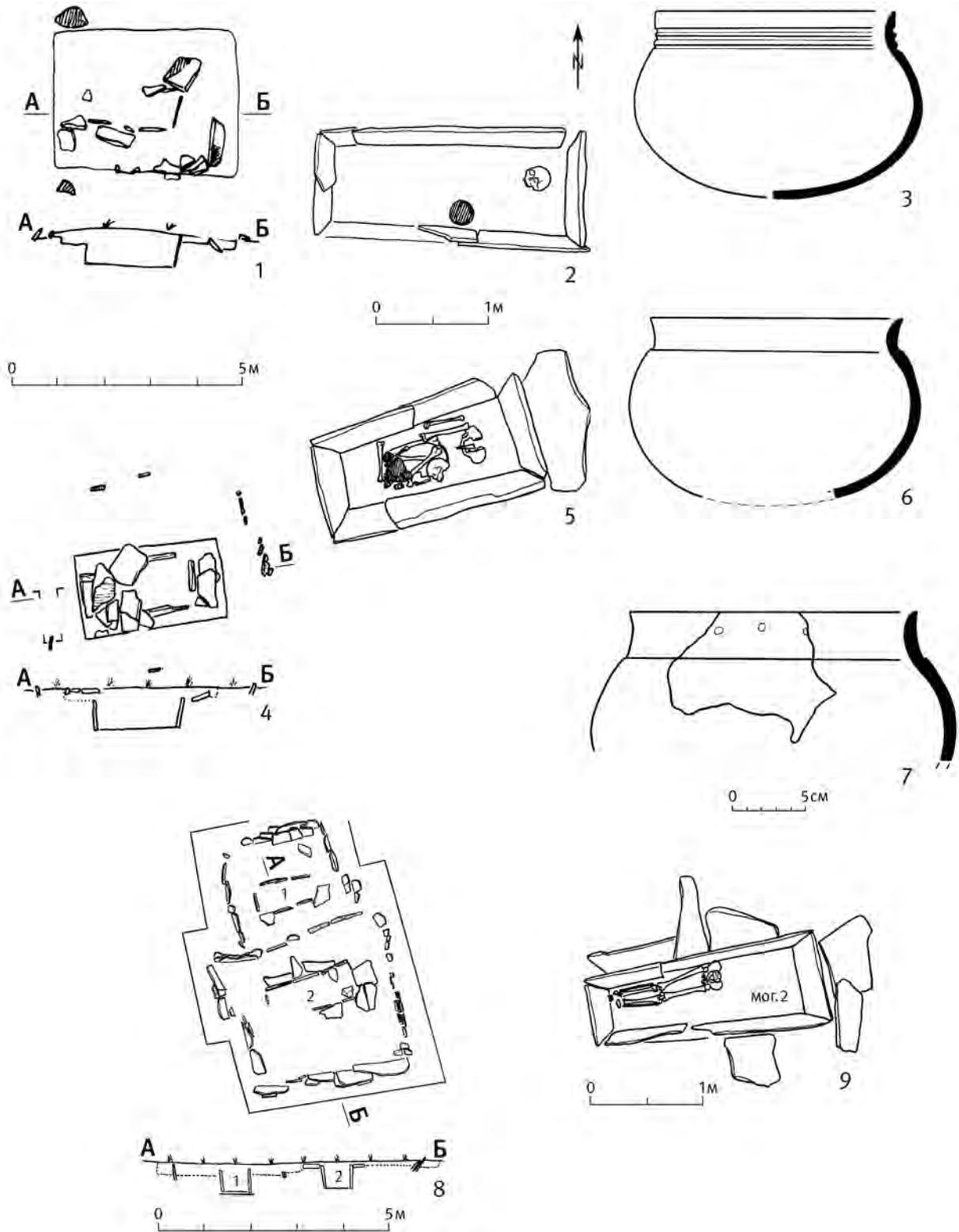

Рис. 48. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 603, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 603; 3 — керамический сосуд из кург. 603; 4 — кург. 604, общий план, разрез; 5 — могила в кург. 604; 6, 7 — керамические сосуды из кург. 604; 8 — кург. 605, общий план, разрез; 9 — кург. 605, мог. 2

Fig. 48. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 603, general plan, section; 2 — grave in tumulus 603; 3 — a ceramic vessel from tumulus 603; 4 — tumulus 604, general plan, section; 5 — grave in tumulus 604; 6, 7 — ceramic vessels from tumulus 604; 8 — tumulus 605, general plan, section; 9 — tumulus 605, grave 2

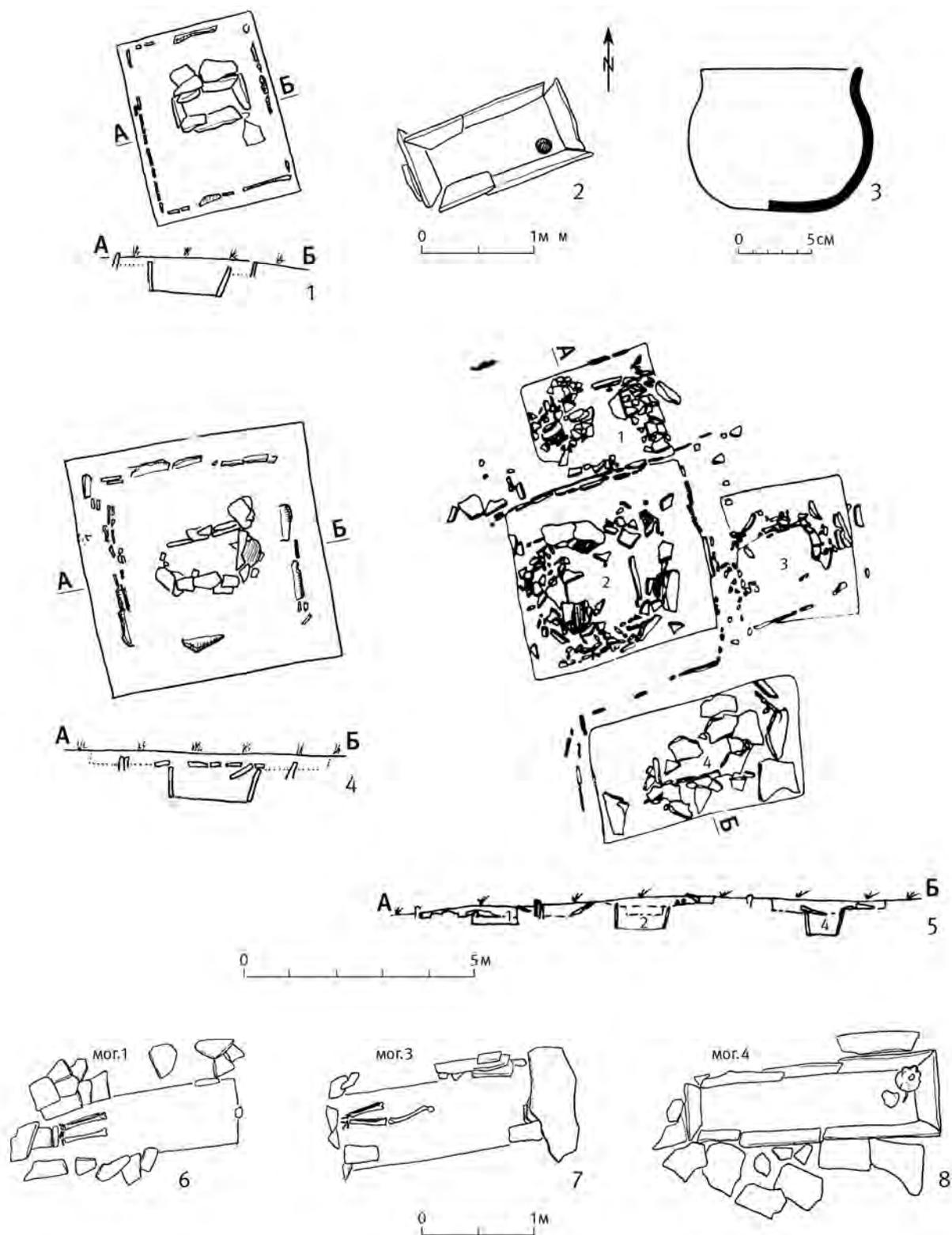

Рис. 49. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 606, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 606; 3 — керамический сосуд из кург. 606; 4 — кург. 607, общий план, разрез; 5 — кург. 251, общий план, разрез; 6 — кург. 251, мог. 1; 7 — кург. 251, мог. 3; 8 — кург. 251, мог. 4

Fig. 49. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 606, general plan, section; 2 — grave in tumulus 606; 3 — a ceramic vessel from tumulus 606; 4 — tumulus 607, general plan, section; 5 — tumulus 251, general plan, section; 6 — tumulus 251, grave 1; 7 — tumulus 251, grave 3; 8 — tumulus 251, grave 4

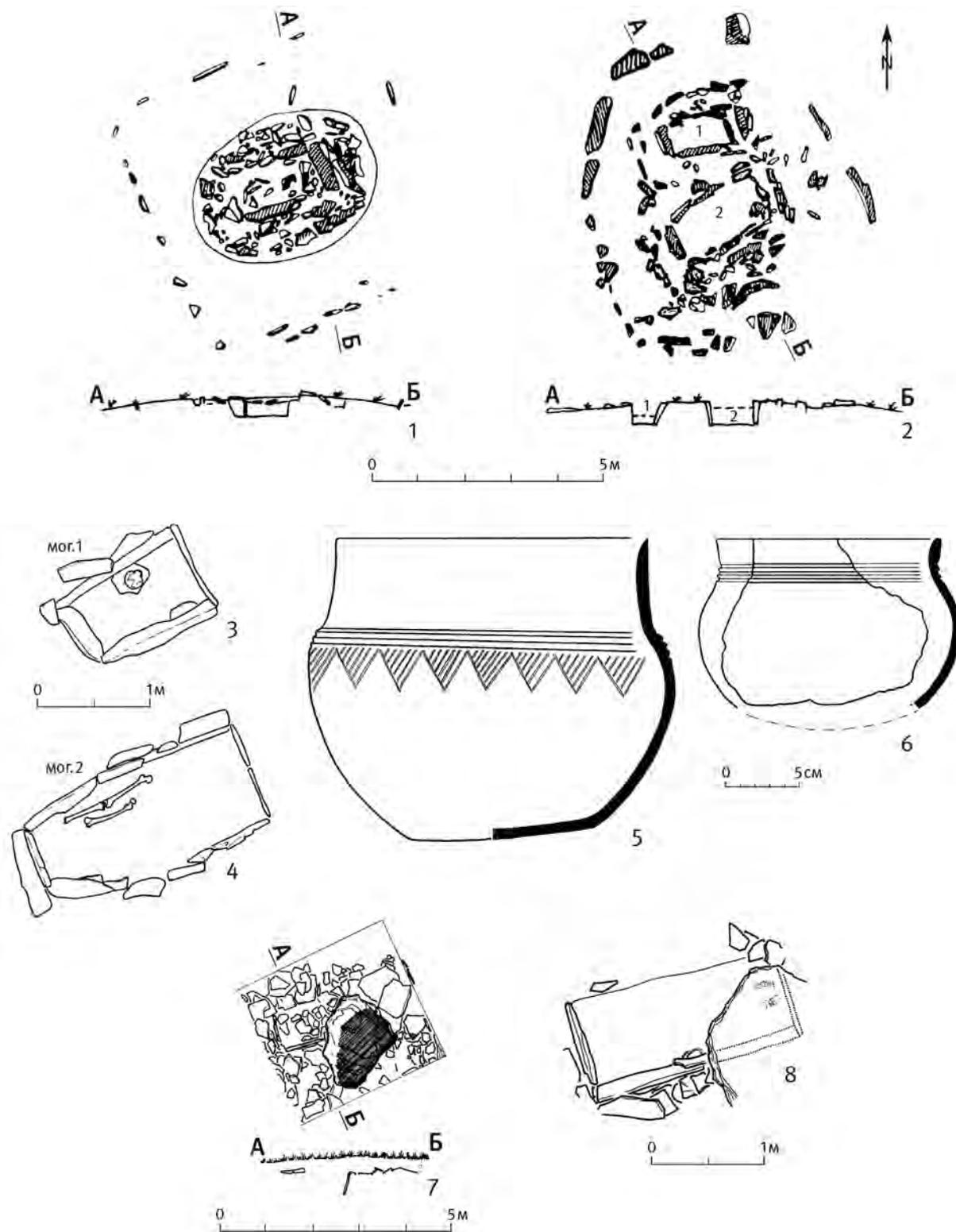

Рис. 50. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 253, общий план, разрез; 2 — кург. 255, общий план, разрез; 3 — кург. 255, мог. 1; 4 — кург. 255, мог. 2; 5, 6 — керамические сосуды из кург. 255, мог. 2; 7 — кург. 257, общий план, разрез; 8 — могила в кург. 257

Fig. 50. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 253, general plan, section; 2 — tumulus 255, general plan, section; 3 — tumulus 255, grave 1; 4 — tumulus 255, grave 2; 5, 6 — ceramic vessels from tumulus 255, grave 2; 7 — tumulus 257, general plan, section; 8 — grave in tumulus 257

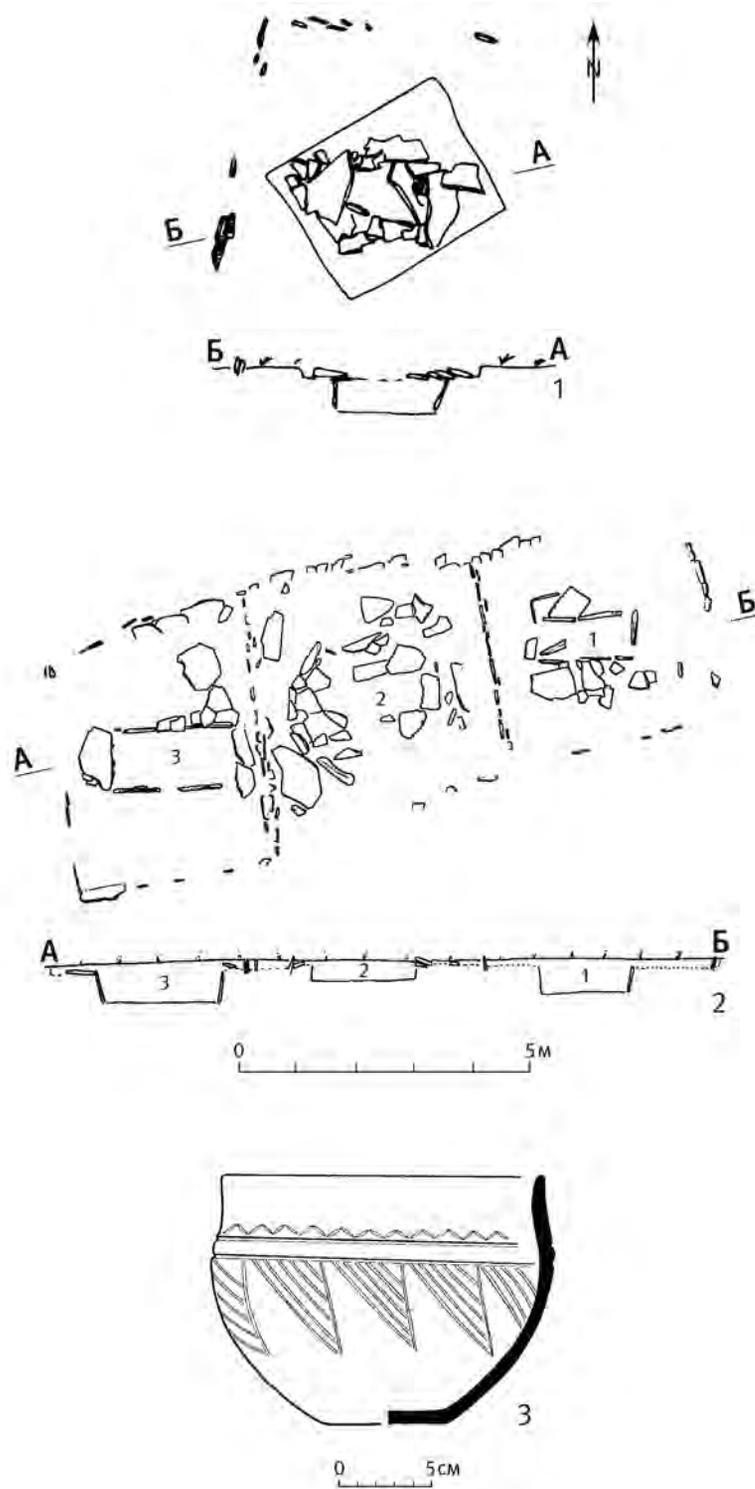

Рис. 51. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 259, общий план, разрез; 2 — кург. 315, общий план, разрез; 3 — керамический сосуд из кург. 315, мог. 1

Fig. 51. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 259, general plan, section; 2 — tumulus 315, general plan, section; 3 — a ceramic vessel from tumulus 315, grave 1

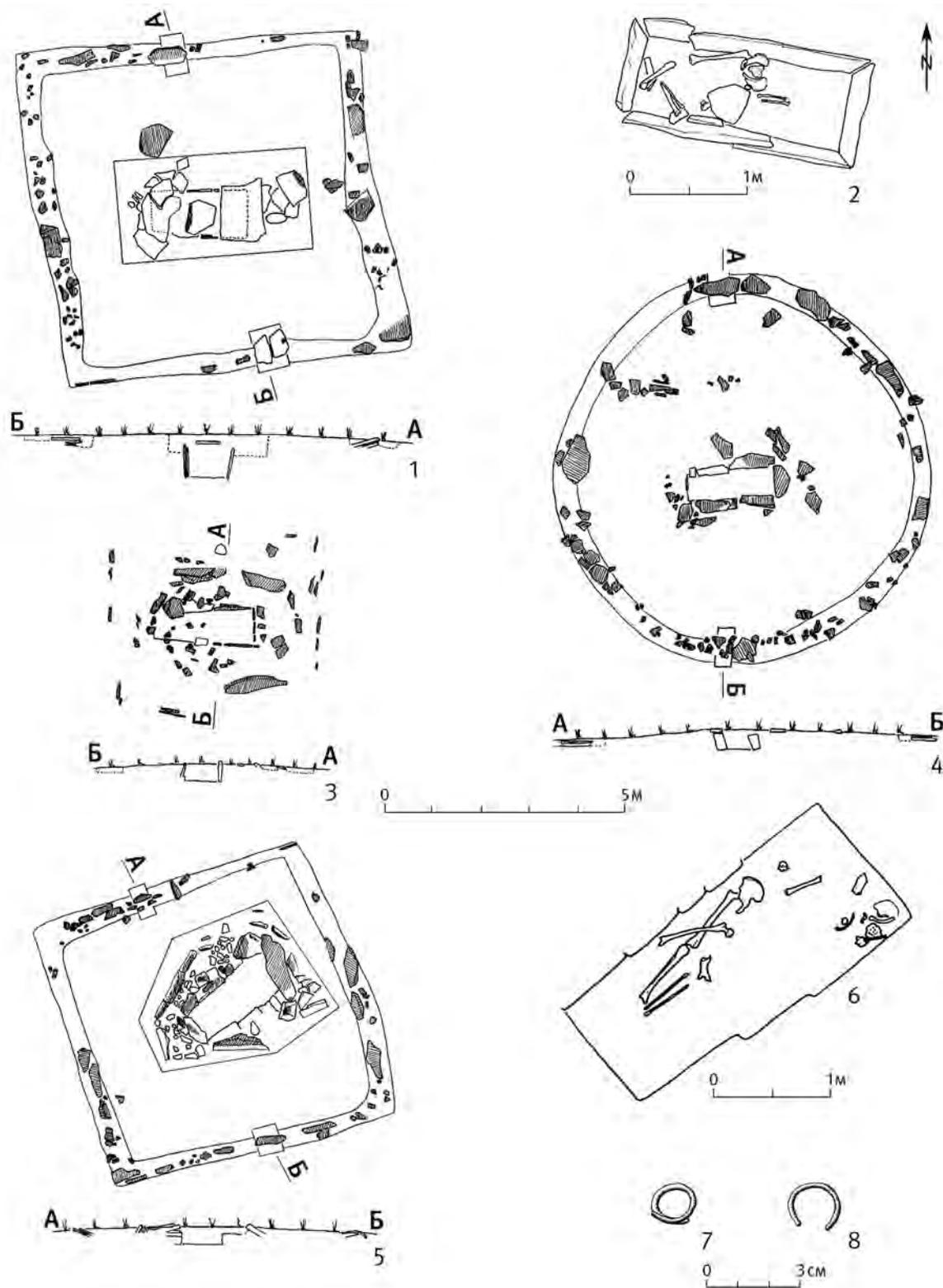

Рис. 52. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 84, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 84; 3 — кург. 95, общий план, разрез; 4 — кург. 93, общий план, разрез; 5 — кург. 101, общий план, разрез; 6 — могила в кург. 101; 7, 8 — бронзовые кольца из кург. 101

Fig. 52. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 84, general plan, section; 2 — grave in tumulus 84; 3 — tumulus 95, general plan, section; 4 — tumulus 93, general plan, section; 5 — tumulus 101, general plan, section; 6 — grave in tumulus 101; 7, 8 — bronze rings from tumulus 101

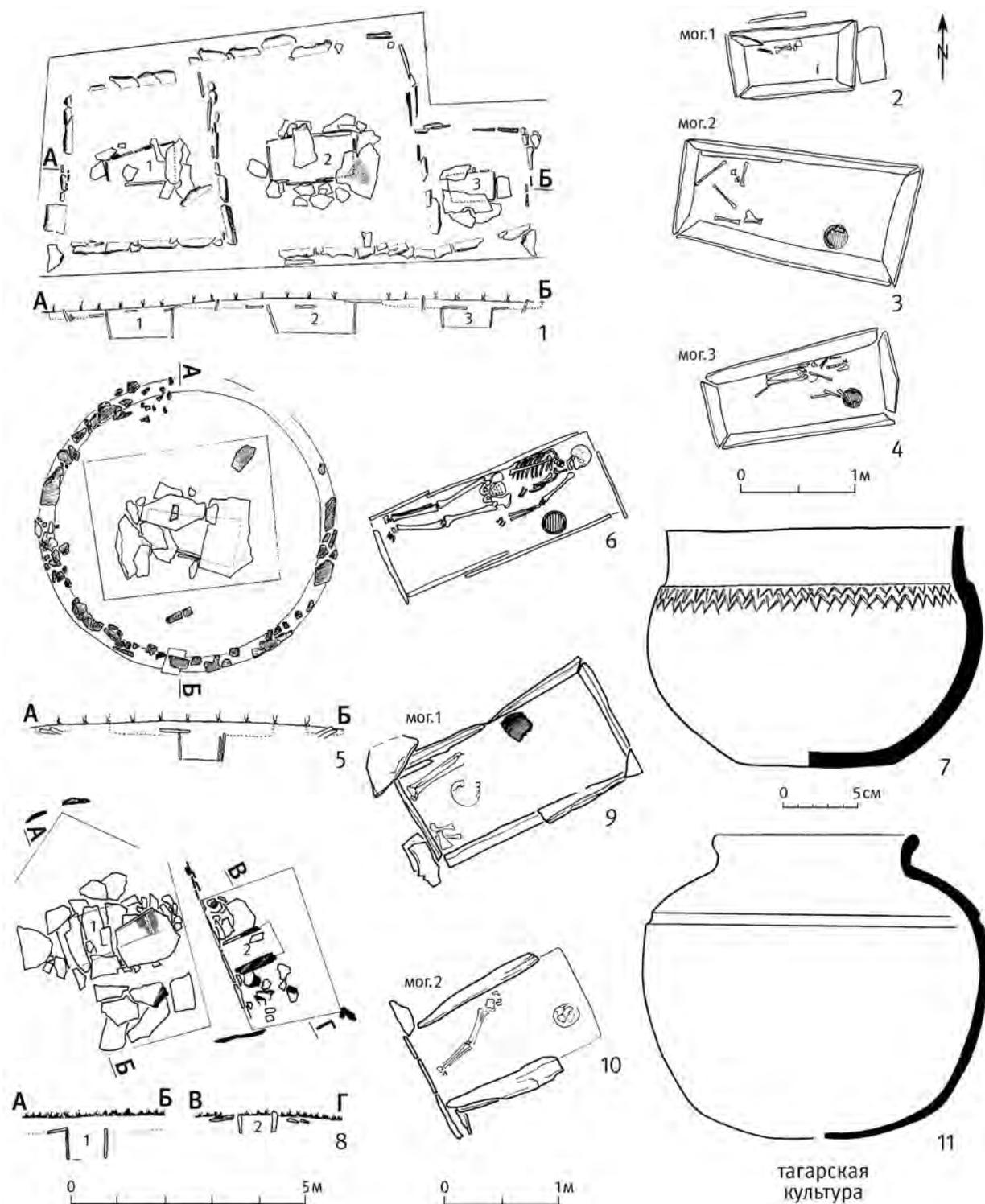

Рис. 53. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 106, общий план, разрез; 2 — кург. 106, мог. 1; 3 — кург. 106, мог. 2; 4 — кург. 106, мог. 3; 5 — кург. 109, общий план, разрез; 6 — могила в кург. 109; 7 — керамический сосуд из кург. 109; 8 — кург. 127, общий план, разрезы; 9 — кург. 127, мог. 1; 10 — кург. 127, мог. 2; 11 — керамический сосуд из кург. 127, мог. 1 (тагарская культура)

Fig. 53. Materials of the cemetery Sukhoie Ozero II excavations: 1 — tumulus 106, general plan, section; 2 — tumulus 106, grave 1; 3 — tumulus 106, grave 2; 4 — tumulus 106, grave 3; 5 — tumulus 109, general plan, section; 6 — grave in tumulus 109; 7 — a ceramic vessel from tumulus 109; 8 — tumulus 127, general plan, sections; 9 — tumulus 127, grave 1; 10 — tumulus 127, grave 2; 11 — a ceramic vessel from tumulus 127, grave 1 (Tagar culture)

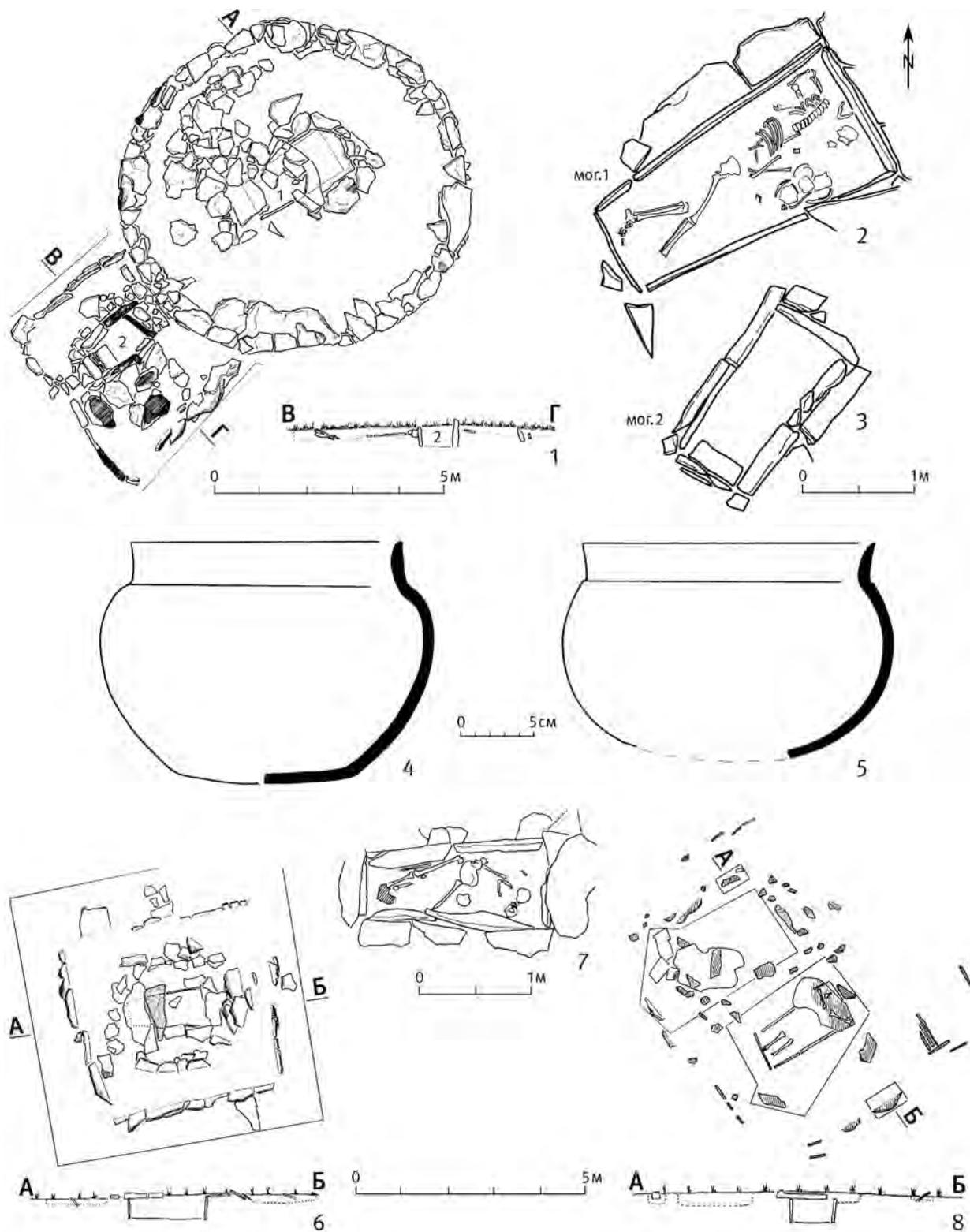

Рис. 54. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 131, общий план, разрез; 2 — кург. 131, мог. 1; 3 — кург. 131, мог. 2; 4, 5 — керамические сосуды из кург. 131, мог. 1; 6 — кург. 132, общий план, разрез; 7 — могила в кург. 132; 8 — кург. 132а, общий план, разрез

Fig. 54. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 131, general plan, section; 2 — tumulus 131, grave 1; 3 — tumulus 131, grave 2; 4, 5 — ceramic vessels from tumulus 131, grave 1; 6 — tumulus 132, general plan, section; 7 — grave in tumulus 132; 8 — tumulus 132a, general plan, section

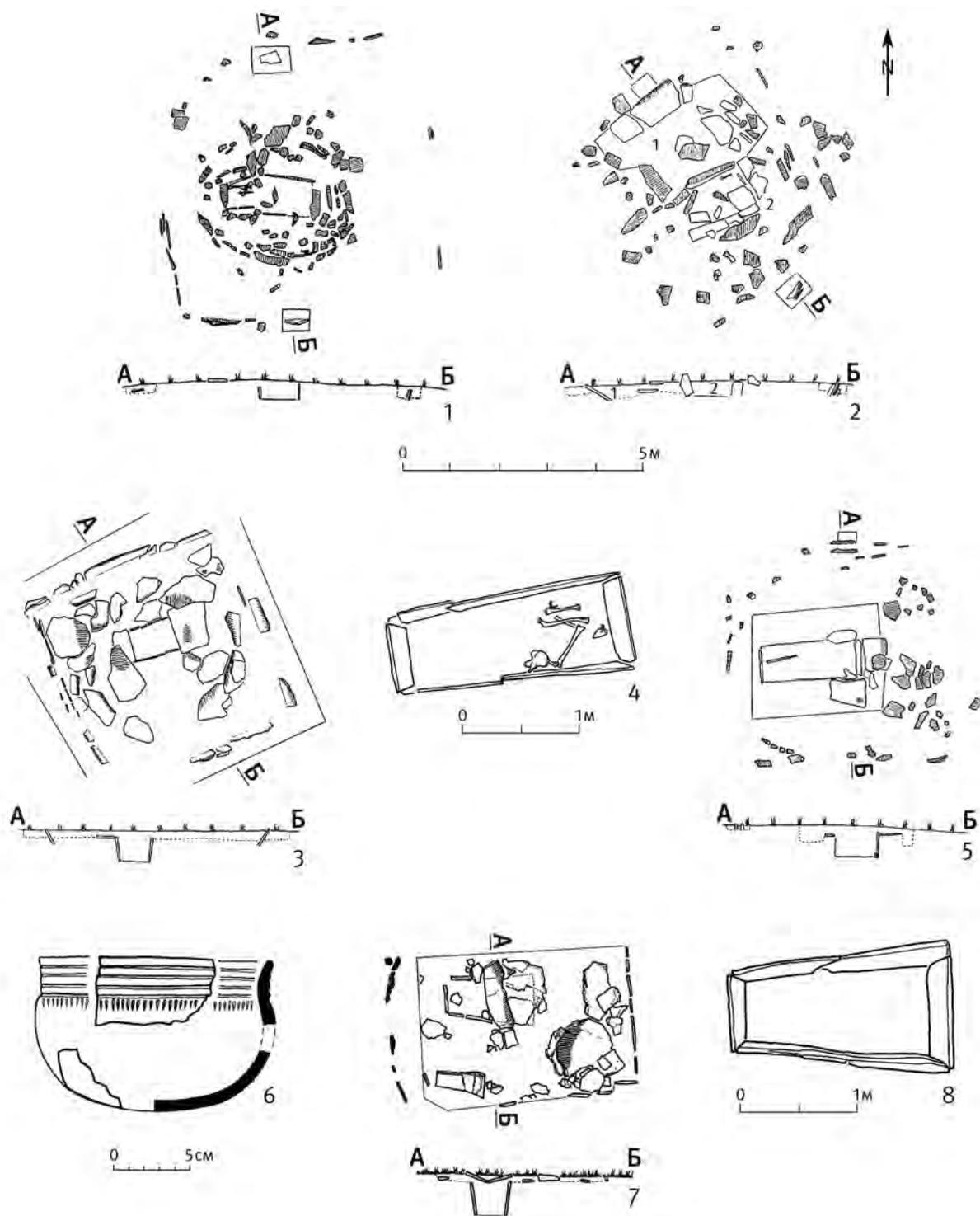

Рис. 55. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 133, общий план, разрез; 2 — кург. 134, общий план, разрез; 3 — кург. 135, общий план, разрез; 4 — могила в кург. 135; 5 — кург. 136, общий план, разрез; 6 — фр-ты керамического сосуда из кург. 136; 7 — кург. 137, общий план, разрез; 8 — могила в кург. 137

Fig. 55. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 133, general plan, section; 2 — tumulus 134, general plan, section; 3 — tumulus 135, general plan, section; 4 — grave in tumulus 135; 5 — tumulus 136, general plan, section; 6 — fragments of the ceramic vessel from tumulus 136; 7 — tumulus 137, general plan, section; 8 — grave in tumulus 137

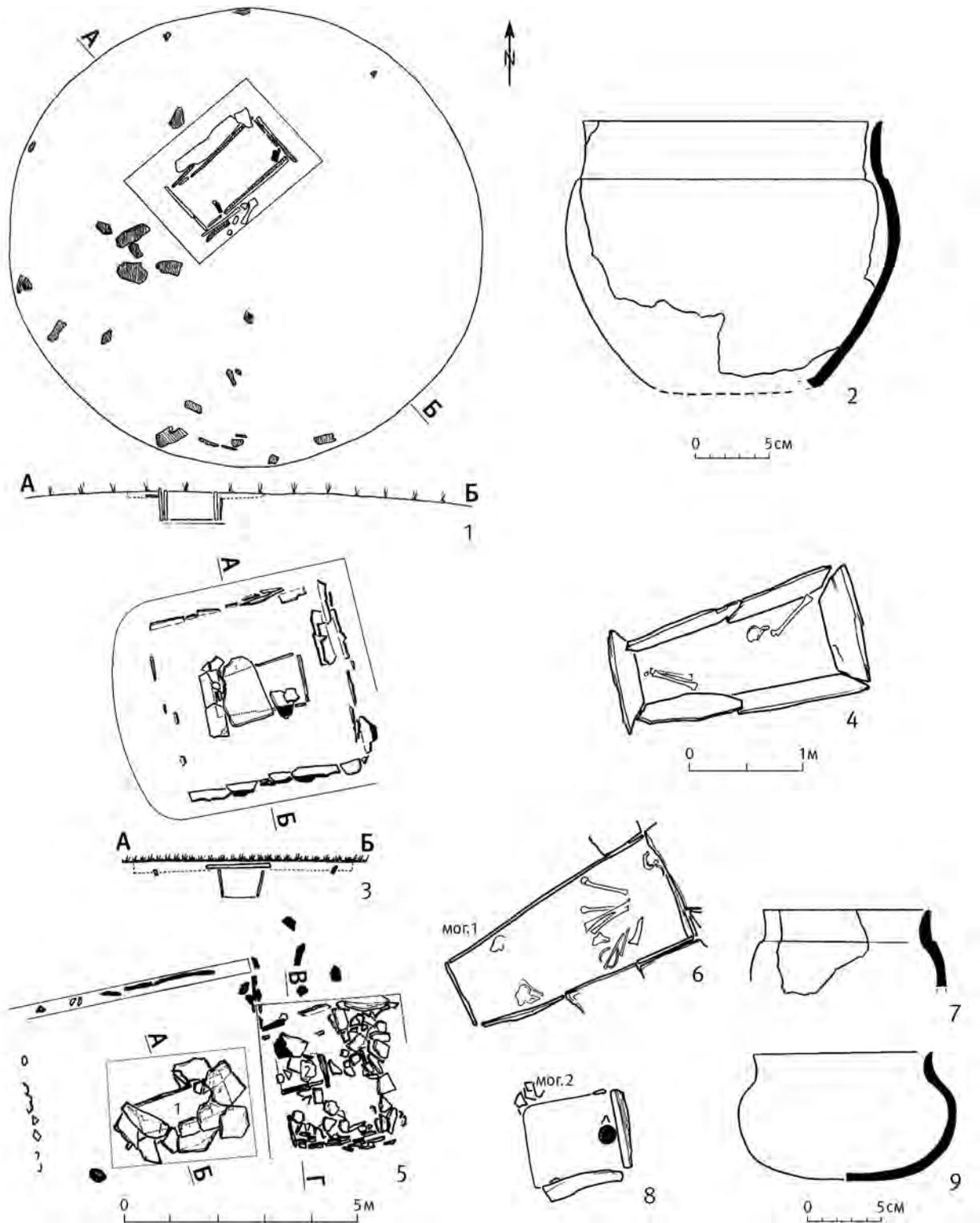

Рис. 56. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 78, общий план, разрез; 2 — керамический сосуд из кург. 78; 3 — кург. 111, общий план, разрез; 4 — могила в кург. 111; 5 — кург. 138, общий план; 6 — кург. 138, мог. 1; 7 — керамический сосуд из кург. 138, мог. 1; 8 — кург. 138, мог. 2; 9 — керамический сосуд из кург. 138, мог. 2

Fig. 56. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 78, general plan, section; 2 — a ceramic vessel from tumulus 78; 3 — tumulus 111, general plan, section; 4 — grave in tumulus 111; 5 — tumulus 138, general plan; 6 — tumulus 138, grave 1; 7 — a ceramic vessel from tumulus 138, grave 1; 8 — tumulus 138, grave 2; 9 — a ceramic vessel from tumulus 138, grave 2

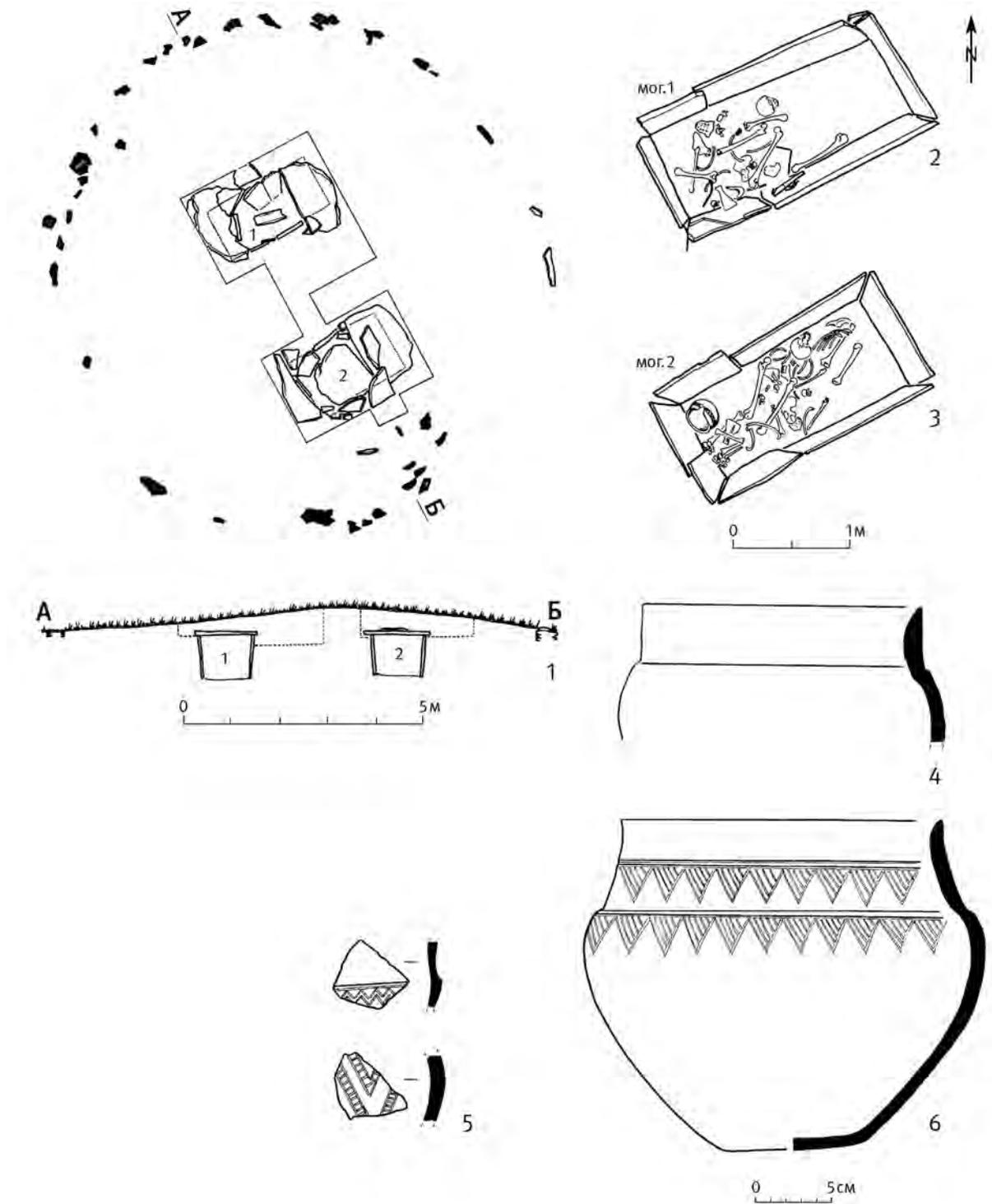

Рис. 57. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 78а, общий план, разрез; 2 — кург. 78а, мог. 1; 3 — кург. 78а, мог. 2; 4, 5 — фр-ты керамических сосудов из кург. 78а, мог. 1; 6 — керамический сосуд из кург. 78а, мог. 2

Fig. 57. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 78a, general plan, section; 2 — tumulus 78a, grave 1; 3 — tumulus 78a, grave 2; 4, 5 — fragments of the ceramic vessels from tumulus 78a, grave 1; 6 — a ceramic vessel from tumulus 78a, grave 2

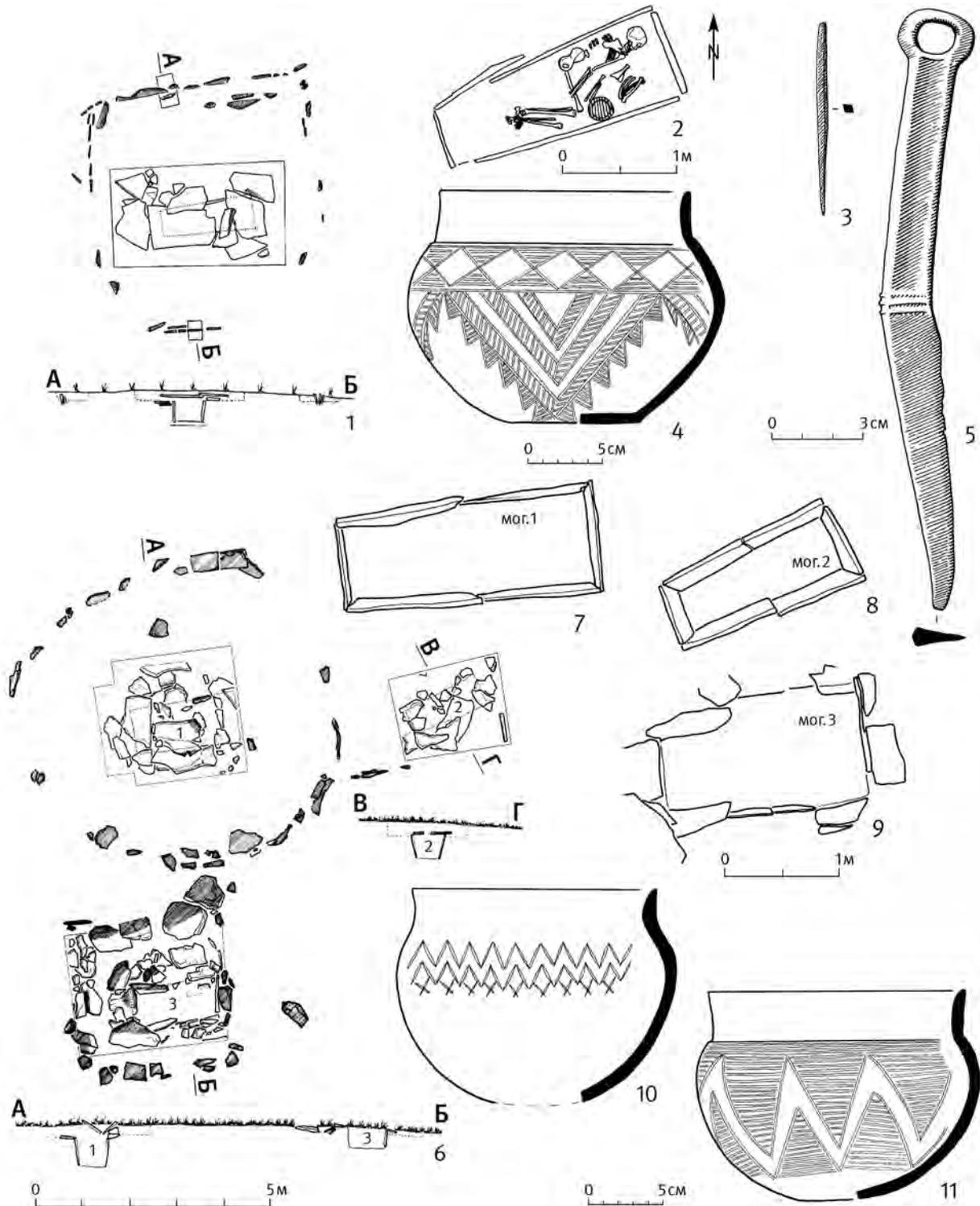

Рис. 58. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 110, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 110; 3 — бронзовое шило из кург. 110; 4 — керамический сосуд из кург. 110; 5 — бронзовый нож из кург. 110; 6 — кург. 112, общий план, разрезы; 7 — кург. 112, мог. 1; 8 — кург. 112, мог. 2; 9 — кург. 112, мог. 3; 10 — керамический сосуд из кург. 112, мог. 3; 11 — керамический сосуд из кург. 112, мог. 1

Fig. 58. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 110, general plan, section; 2 — grave in tumulus 110; 3 — a bronze awl from tumulus 110; 4 — a ceramic vessel from tumulus 110; 5 — bronze knife from tumulus 110; 6 — tumulus 112, general plan, sections; 7 — tumulus 112, grave 1; 8 — tumulus 112, grave 2; 9 — tumulus 112, grave 3; 10 — a ceramic vessel from tumulus 112, grave 3; 11 — a ceramic vessel from tumulus 112, grave 1

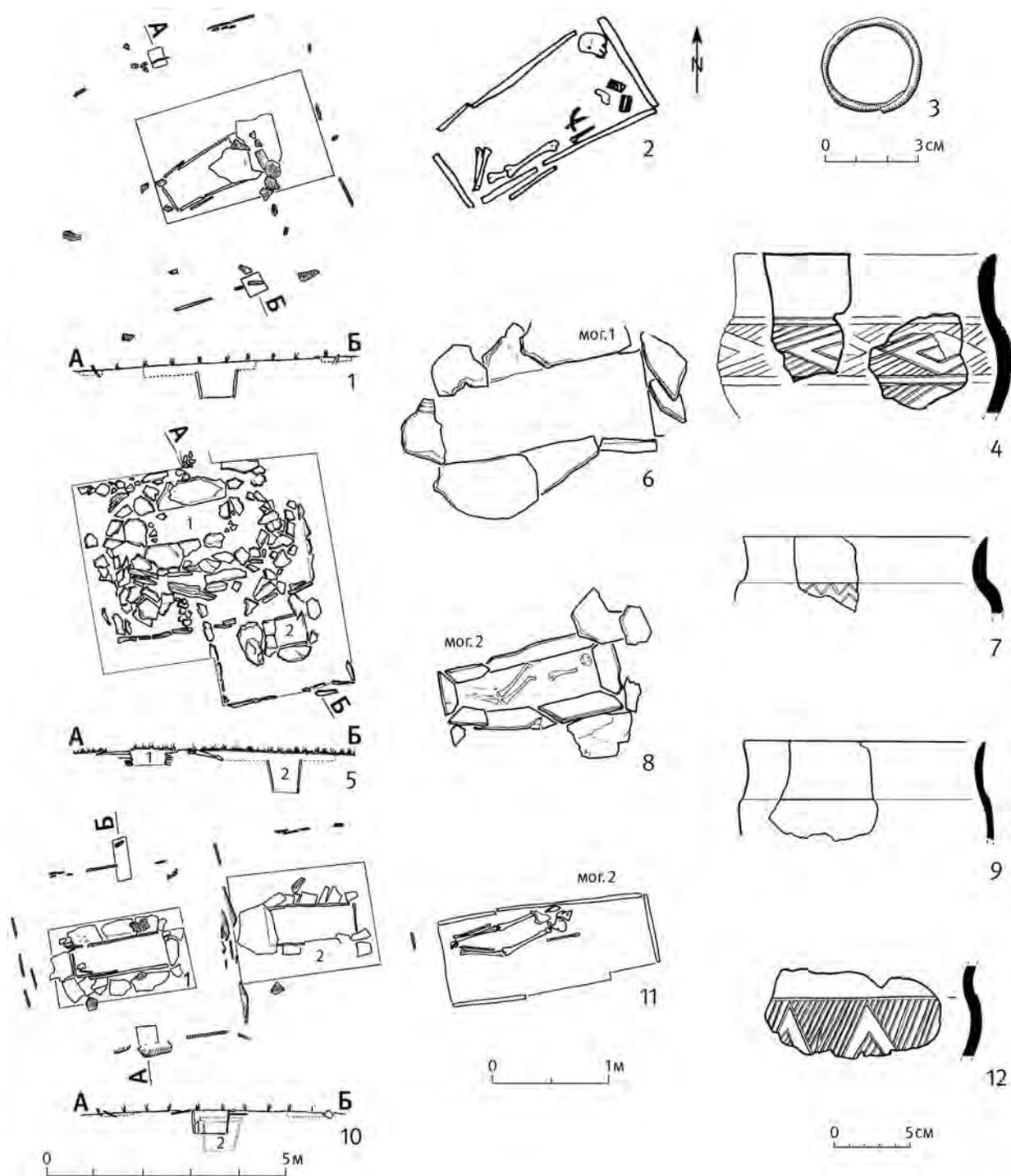

Рис. 59. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 113, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 113; 3 — бронзовое кольцо из кург. 113; 4 — фр-ты керамического сосуда из кург. 113; 5 — кург. 114, общий план, разрез; 6 — кург. 114, мог. 1; 7 — фр-т керамического сосуда из кург. 114, мог. 1; 8 — кург. 114, мог. 2; 9 — фр-т керамического сосуда из кург. 114, мог. 2; 10 — кург. 115, общий план, разрез; 11 — кург. 115, мог. 2; 12 — фр-т керамического сосуда из кург. 115, мог. 1

Fig. 59. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 113, general plan, section; 2 — grave in tumulus 113; 3 — a bronze ring from tumulus 113; 4 — fragments of a ceramic vessel from tumulus 113; 5 — tumulus 114, general plan, section; 6 — tumulus 114, grave 1; 7 — a fragment of ceramic vessel from tumulus 114, grave 1; 8 — tumulus 114, grave 2; 9 — a fragment of ceramic vessel from tumulus 114, grave 2; 10 — tumulus 115, general plan, section; 11 — tumulus 115, grave 2; 12 — a ceramic fragment from tumulus 115, grave 1

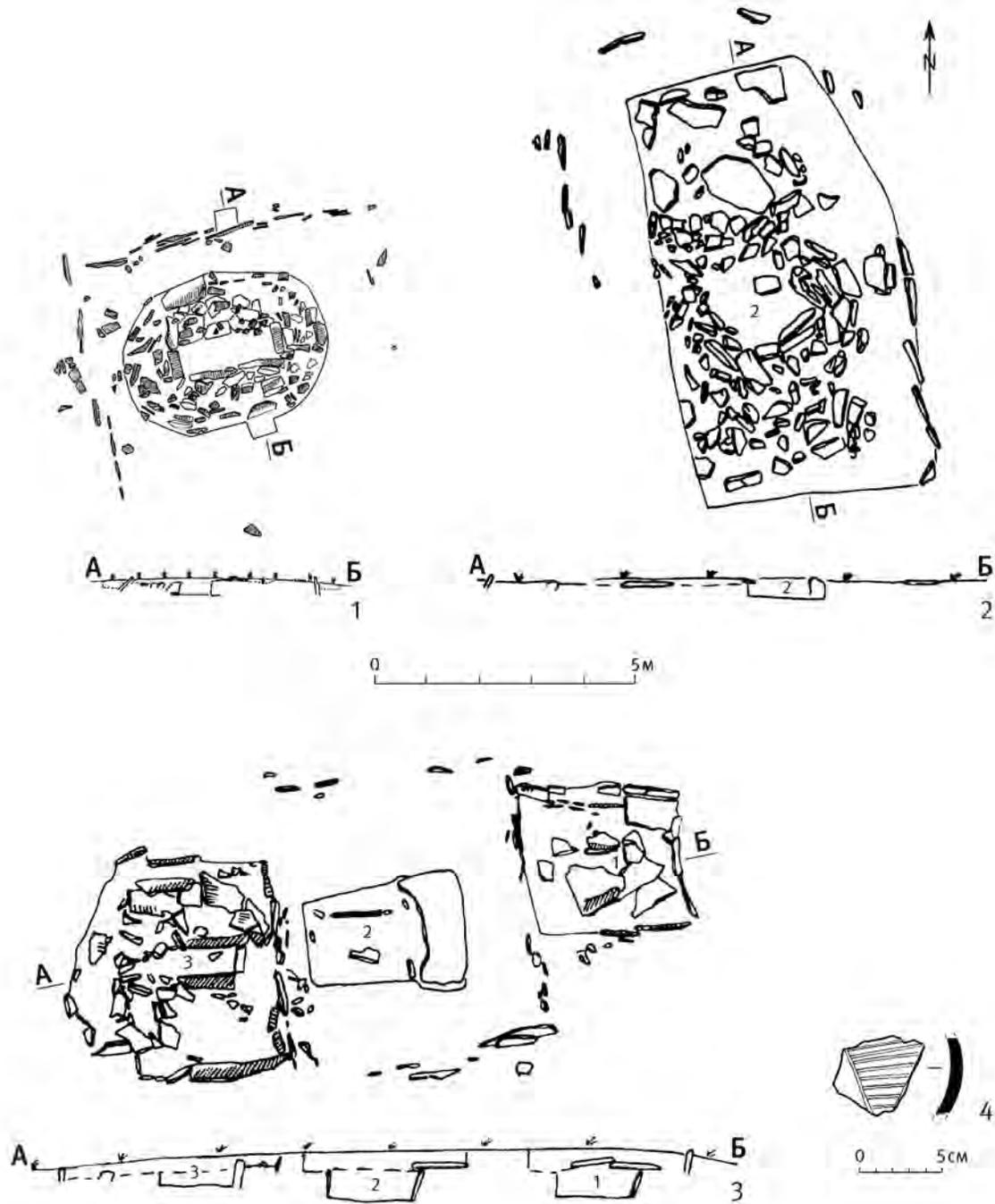

Рис. 60. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 116, общий план, разрез; 2 — кург. 117, общий план, разрез; 3 — кург. 118, общий план, разрез; 4 — фр-т керамического сосуда из кург. 118, мог. 1

Fig. 60. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 116, general plan, section; 2 — tumulus 117, general plan, section; 3 — tumulus 118, general plan, section; 4 — a ceramic fragment from tumulus 118, grave 1

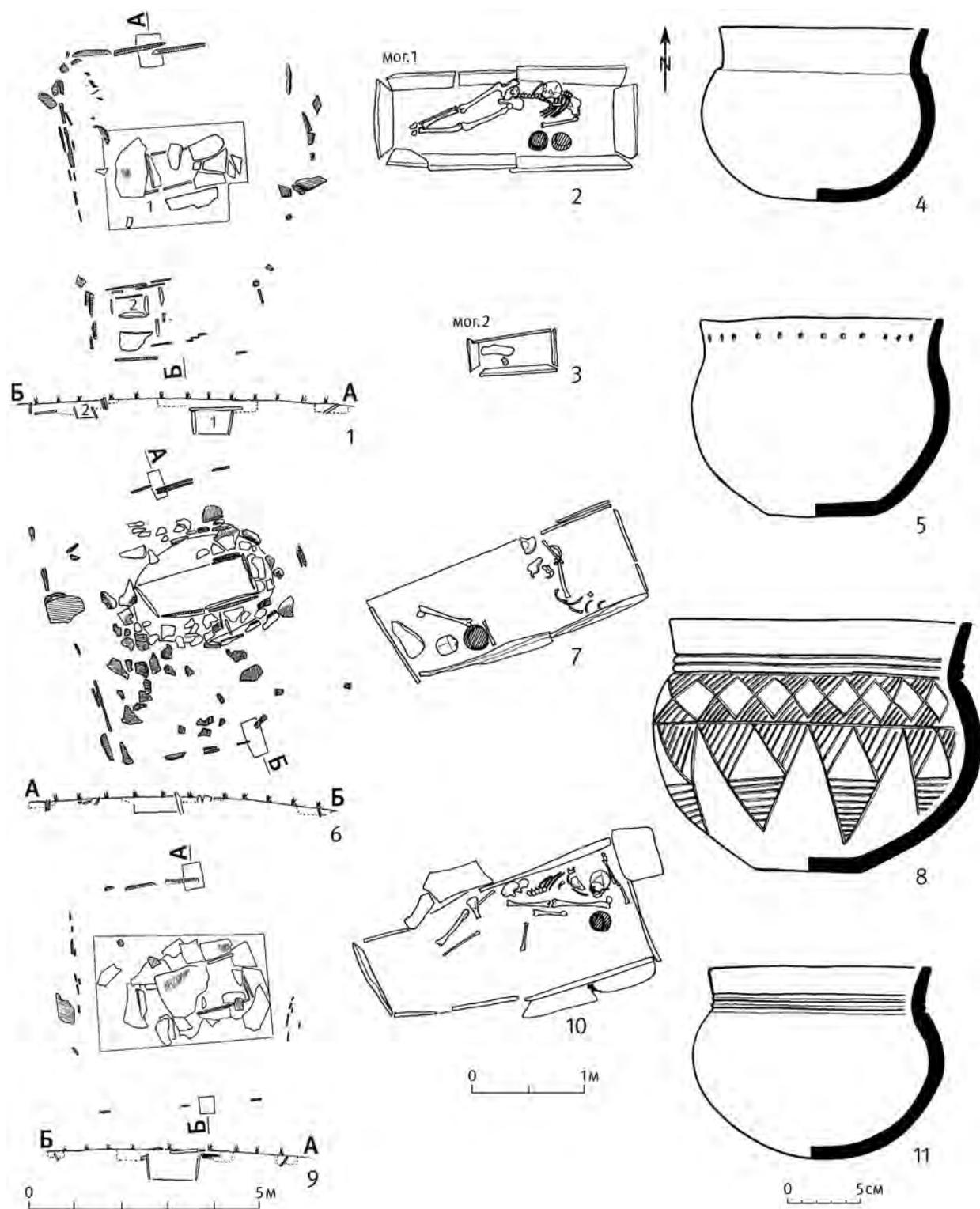

Рис. 61. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 119, общий план, разрез; 2 — кург. 119, мог. 1; 3 — кург. 119, мог. 2; 4, 5 — керамические сосуды из кург. 119, мог. 1; 6 — кург. 122, общий план, разрез; 7 — могила в кург. 122; 8 — керамический сосуд из кург. 122; 9 — кург. 139, общий план, разрез; 10 — могила в кург. 139; 11 — керамический сосуд из кург. 139

Fig. 61. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 119, general plan, section; 2 — tumulus 119, grave 1; 3 — tumulus 119, grave 2; 4, 5 — ceramic vessels from tumulus 119 grave 1; 6 — tumulus 122, general plan, section; 7 — grave in tumulus 122; 8 — a ceramic vessel from tumulus 122; 9 — tumulus 139, general plan, section; 10 — grave in tumulus 139; 11 — a ceramic vessel from tumulus 139

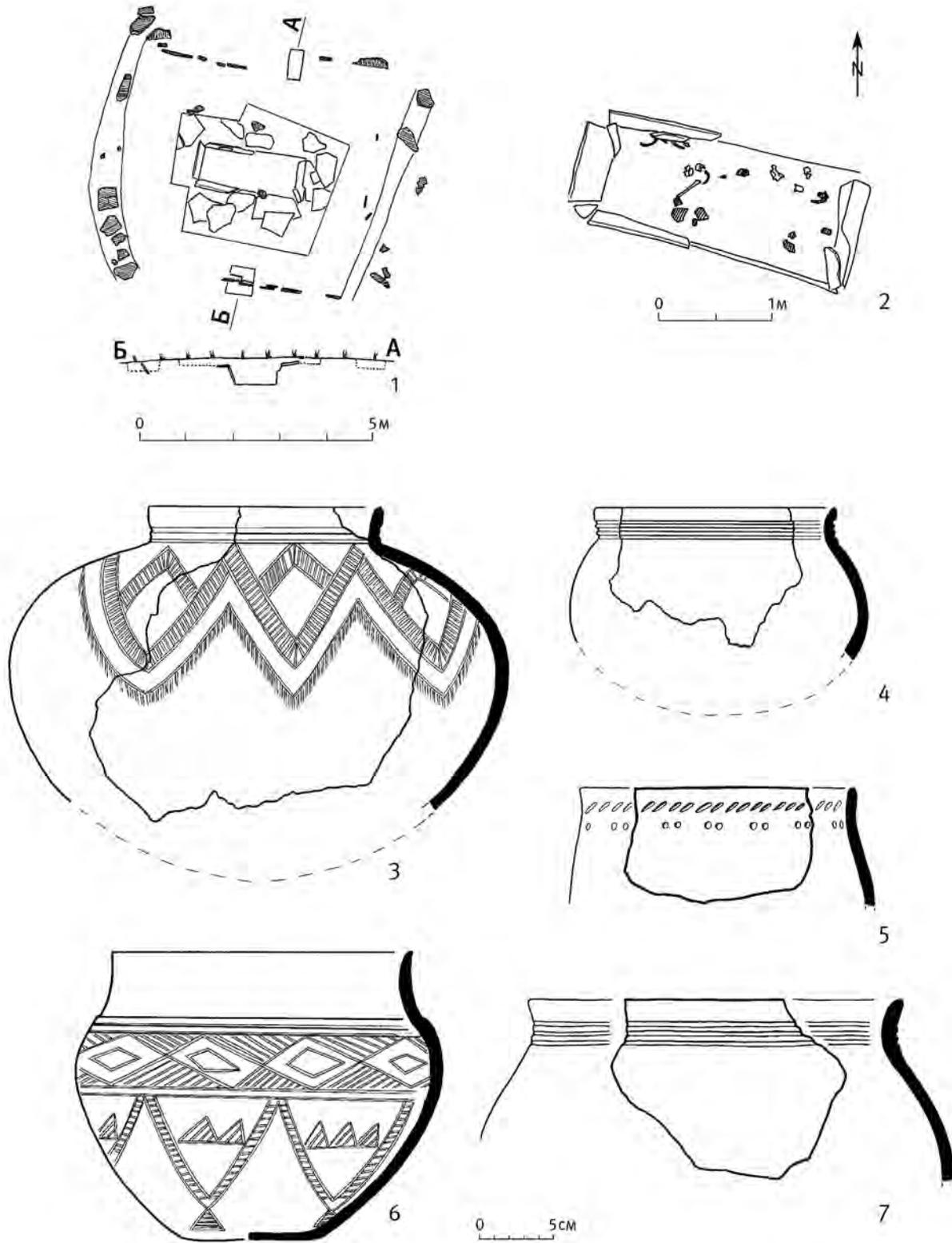

Рис. 62. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 120, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 120; 3–7 — керамические сосуды из кург. 120

Fig. 62. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 120, general plan, section; 2 — grave in tumulus 120; 3–7 — ceramic vessels from tumulus 120

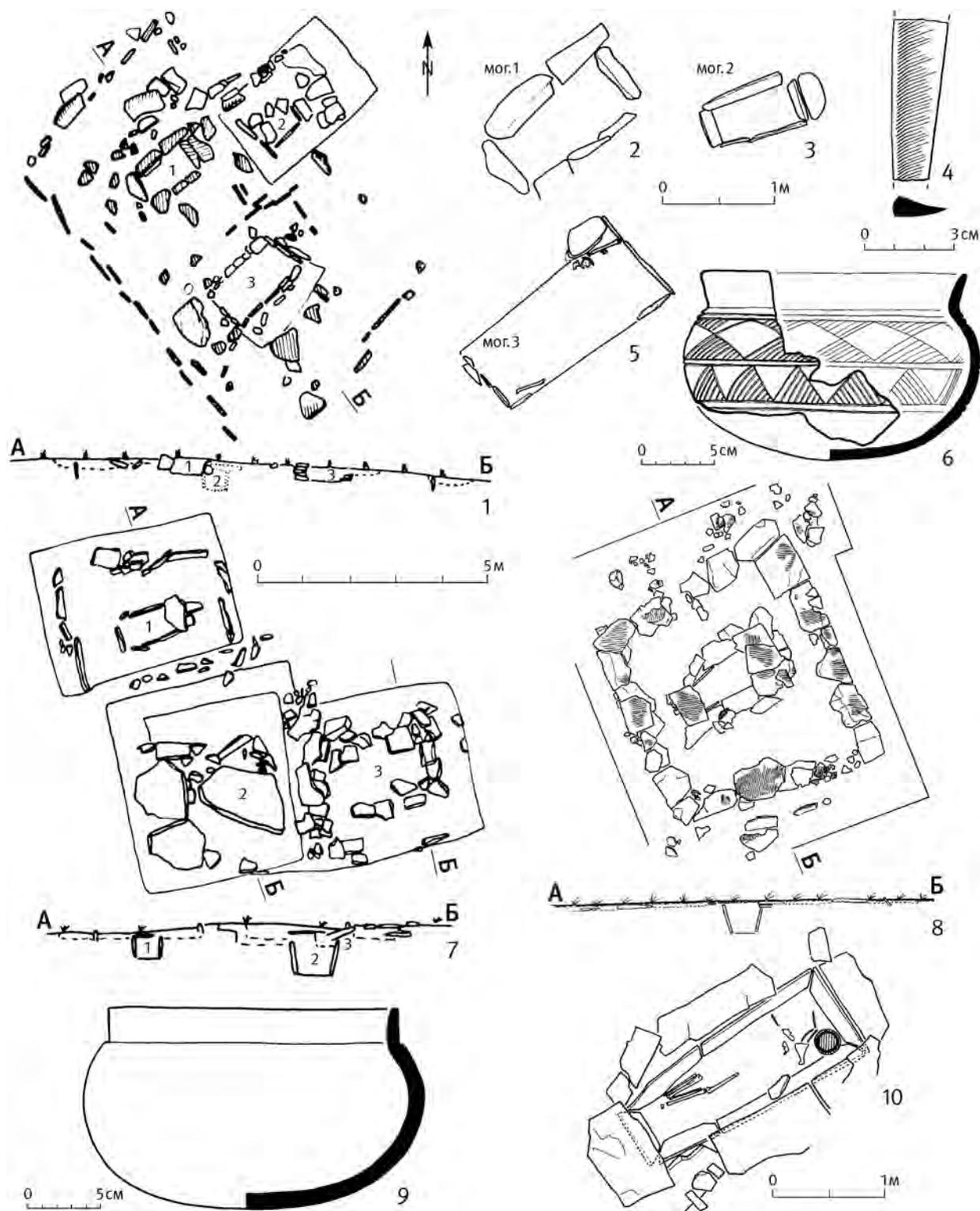

Рис. 63. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 13, общий план, разрез; 2 — кург. 13, мог. 1; 3 — кург. 13, мог. 2; 4 — обломок бронзового ножа из кург. 13, мог. 1; 5 — кург. 13, мог. 3; 6 — керамический сосуд из кург. 13, мог. 3; 7 — кург. 19, общий план, разрез; 8 — кург. 21, общий план, разрез; 9 — керамический сосуд из кург. 21; 10 — могила в кург. 21

Fig. 63. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 13, general plan, section; 2 — tumulus 13, grave 1; 3 — tumulus 13, grave 2; 4 — a fragment of bronze knife from tumulus 13, grave 1; 5 — tumulus 13, grave 3; 6 — a ceramic vessel from tumulus 13, grave 3; 7 — tumulus 19, general plan, section; 8 — tumulus 21, general plan, section; 9 — a ceramic vessel from tumulus 21; 10 — grave in tumulus 21

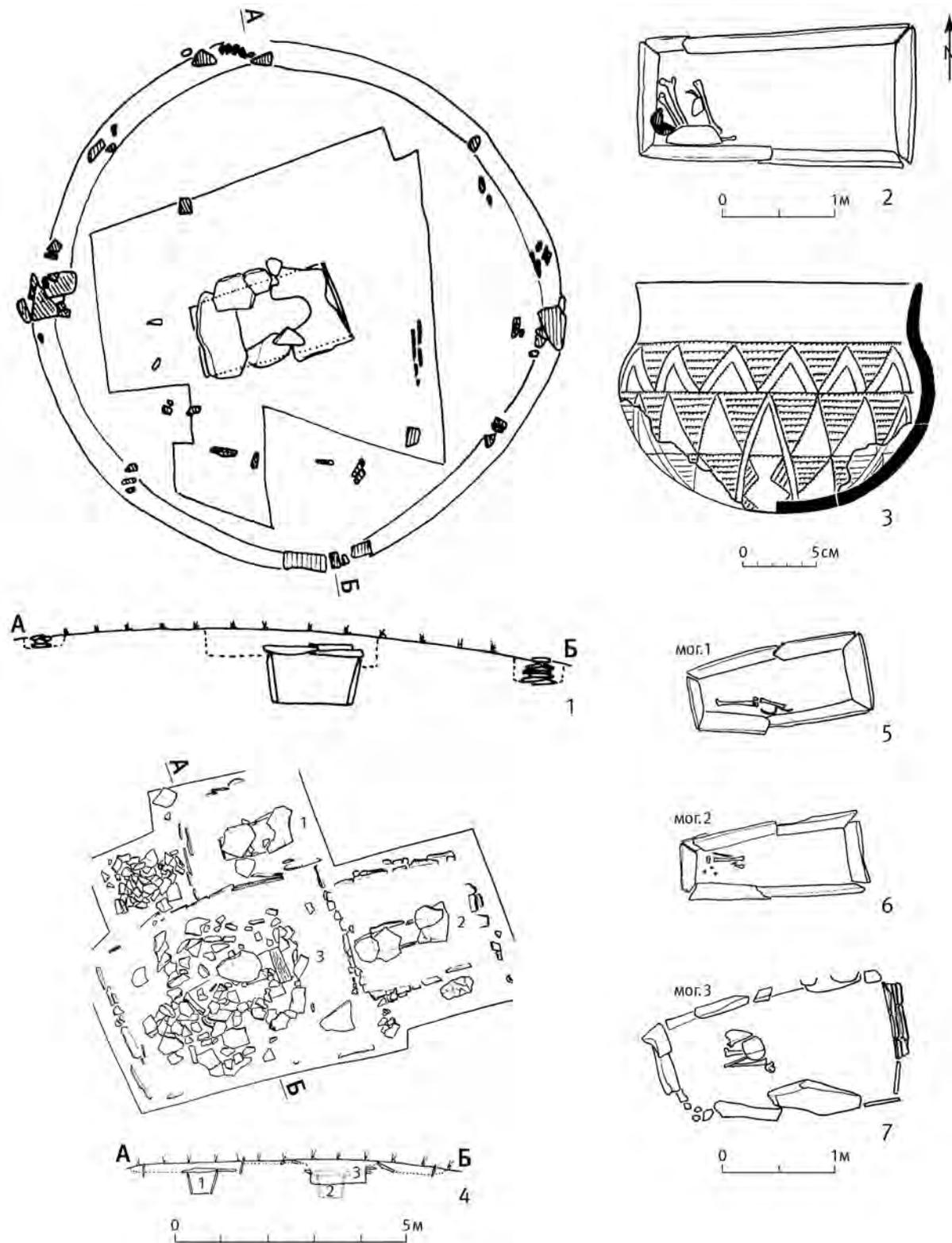

Рис. 64. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 39, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 39; 3 — керамический сосуд из кург. 39; 4 — кург. 42, общий план, разрез; 5 — кург. 42, мог. 1; 6 — кург. 42, мог. 2; 7 — кург. 42, мог. 3

Fig. 64. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 39, general plan, section; 2 — grave in tumulus 39; 3 — a ceramic vessel from tumulus 39; 4 — tumulus 42, general plan, section; 5 — tumulus 42, grave 1; 6 — tumulus 42, grave 2; 7 — tumulus 42, grave 3

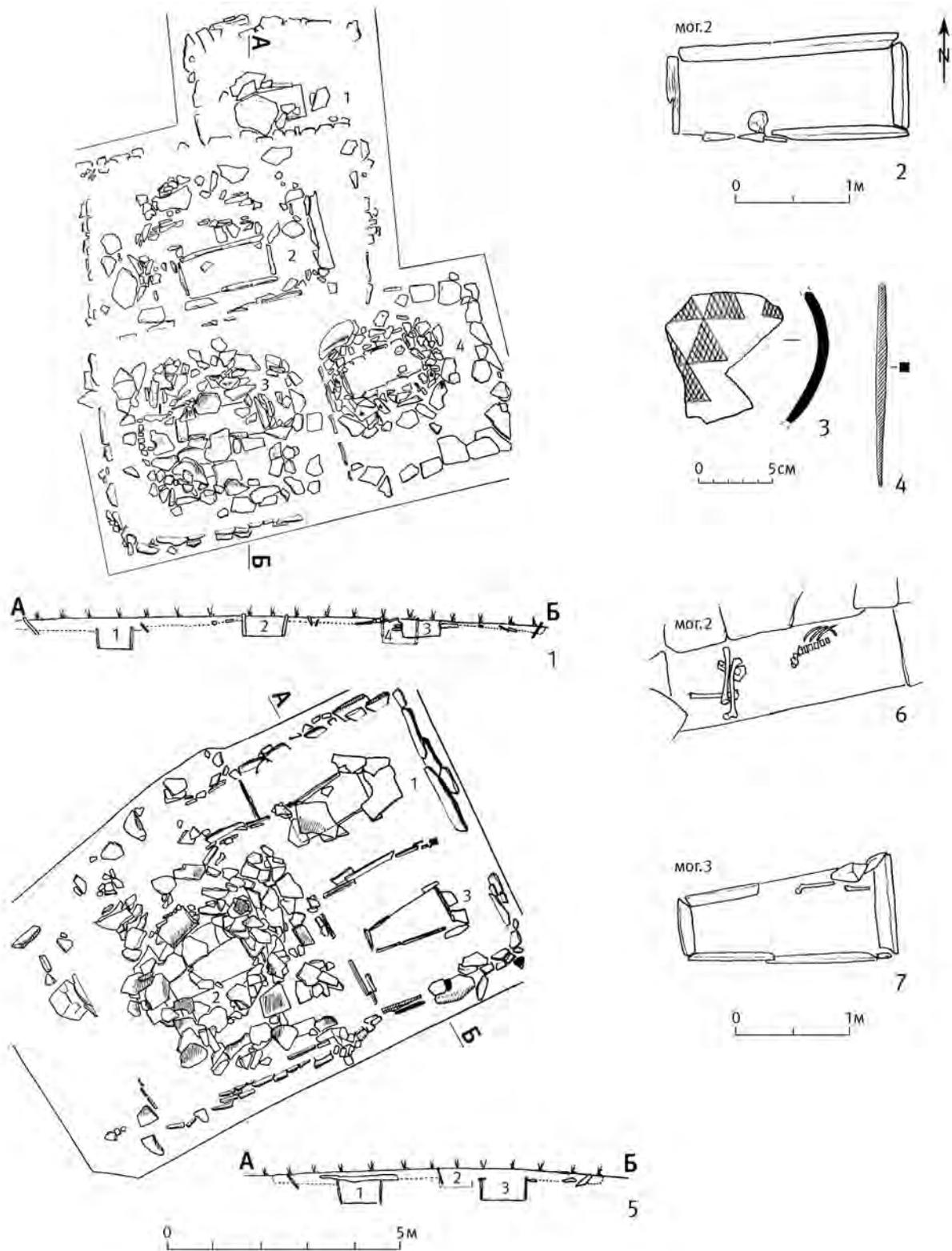

Рис. 65. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 40, общий план, разрез; 2 — кург. 40, мог. 2; 3 — фр-т керамического сосуда из кург. 40, мог. 2; 4 — бронзовое шило из кург. 40, мог. 2; 5 — кург. 41, общий план, разрез; 6 — кург. 41, мог. 2; 7 — кург. 41, мог. 3

Fig. 65. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 40, general plan, section; 2 — tumulus 40, grave 2; 3 — a ceramic fragment from tumulus 40, grave 2; 4 — a bronze awl from tumulus 40, grave 2; 5 — tumulus 41, general plan, section; 6 — tumulus 41, grave 2; 7 — tumulus 41, grave 3

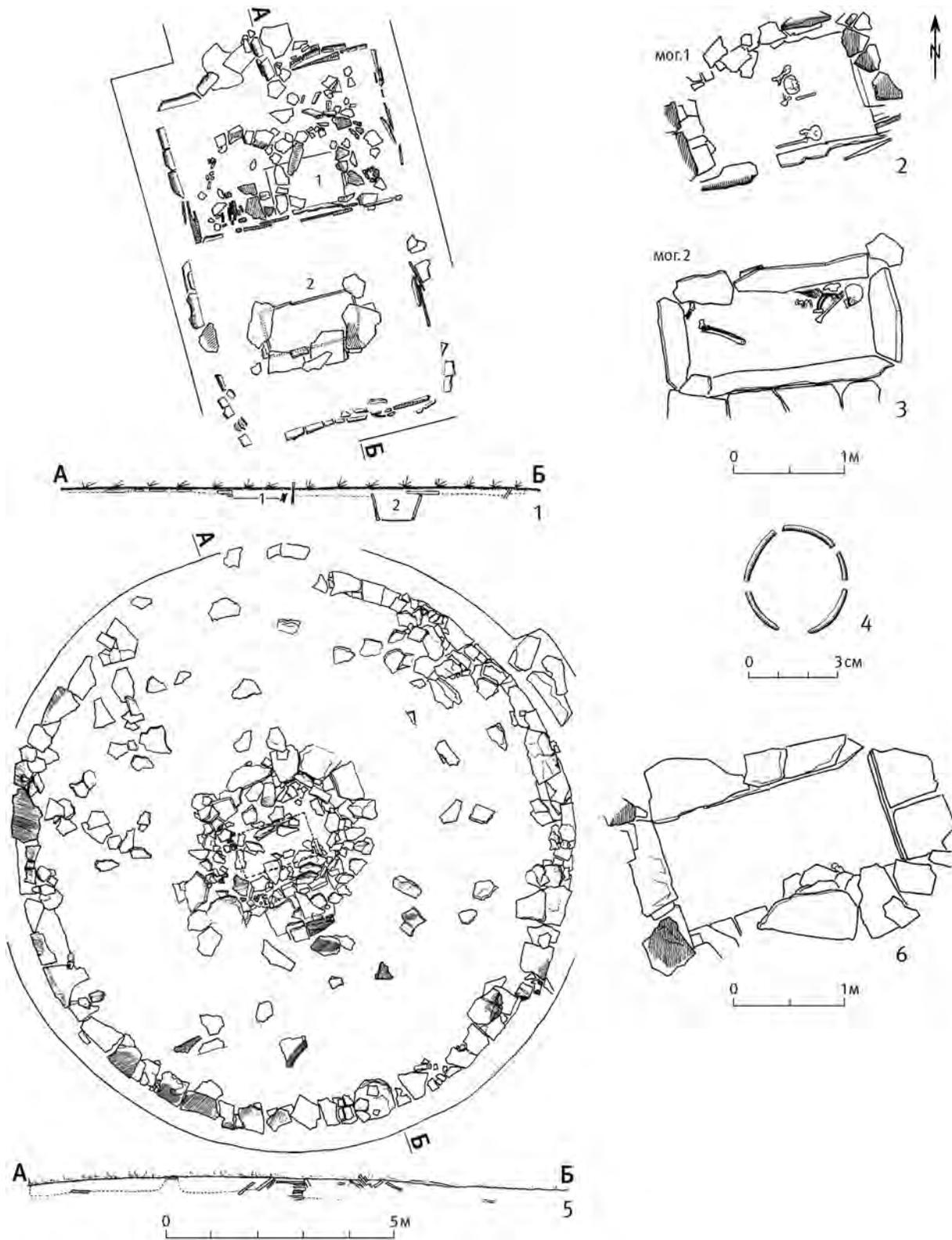

Рис. 66. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 43, общий план, разрез; 2 — кург. 43, мог. 1; 3 — кург. 43, мог. 2; 4 — обломки бронзового кольца из кург. 43, мог. 2; 5 — кург. 46, общий план, разрез; 6 — могила в кург. 46

Fig. 66. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 43, general plan, section; 2 — tumulus 43, grave 1; 3 — tumulus 43, grave 2; 4 — fragments of a bronze ring from tumulus 43, grave 2; 5 — tumulus 46, general plan, section; 6 — grave in tumulus 46

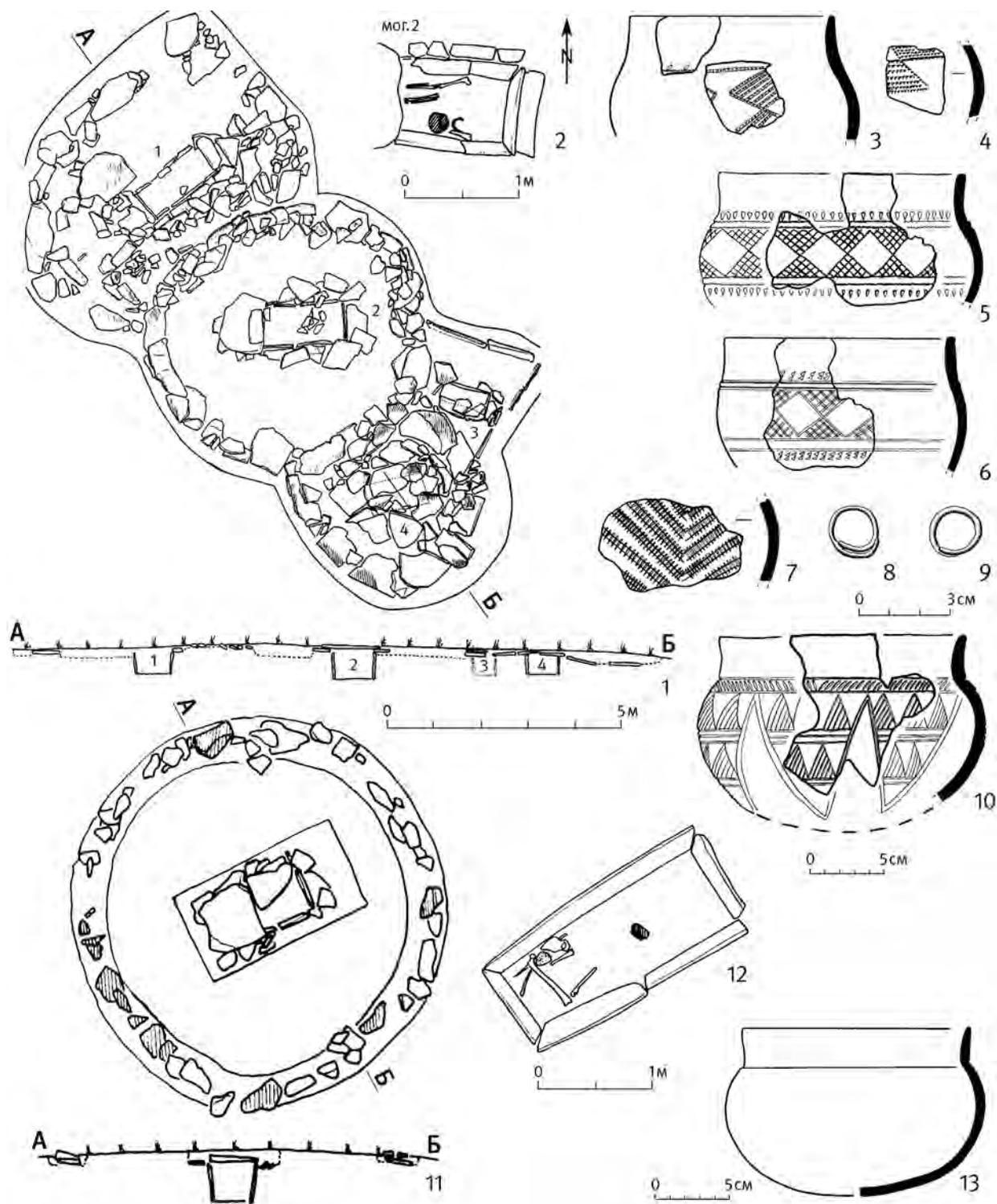

Рис. 67. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 45, общий план, разрез; 2 — кург. 45, мог. 4; 3, 4 — фр-ты керамических сосудов из кург. 45, мог. 1; 5–7 — фр-ты керамических сосудов из кург. 45, мог. 2; 8, 9 — бронзовые колечки из кург. 45, мог. 3; 10 — керамический сосуд из кург. 45, мог. 4; 11 — кург. 51, общий план, разрез; 12 — могила в кург. 51; 13 — керамический сосуд из кург. 51

Fig. 67. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 45, general plan, section; 2 — tumulus 45, grave 4; 3, 4 — fragments of the ceramic vessels from tumulus 45, grave 1; 5–7 — fragments of the ceramic vessels from tumulus 45, grave 2; 8, 9 — bronze ringlets from tumulus 45, grave 3; 10 — a ceramic vessel from tumulus 45, grave 4; 11 — tumulus 51, general plan, section; 12 — grave in tumulus 51; 13 — a ceramic vessel from tumulus 51

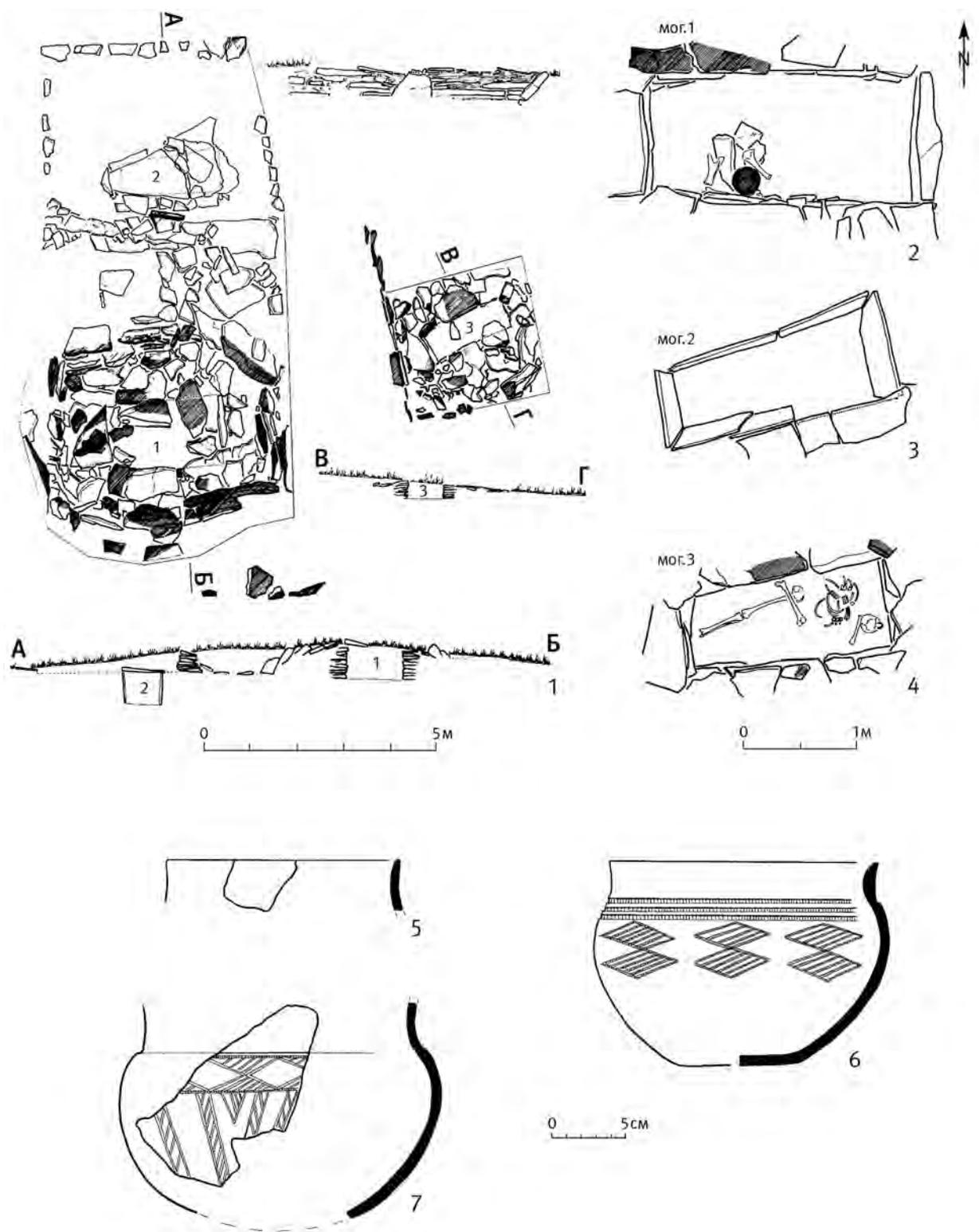

Рис. 68. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 47, общий план, разрезы; 2 — кург. 47, мог. 1; 3 — кург. 47, мог. 2; 4 — кург. 47, мог. 3; 5–7 — керамические сосуды из кург. 47, мог. 1

Fig. 68. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 47, general plan, sections; 2 — tumulus 47, grave 1; 3 — tumulus 47, grave 2; 4 — tumulus 47, grave 3; 5–7 — ceramic vessels from tumulus 47, grave 1

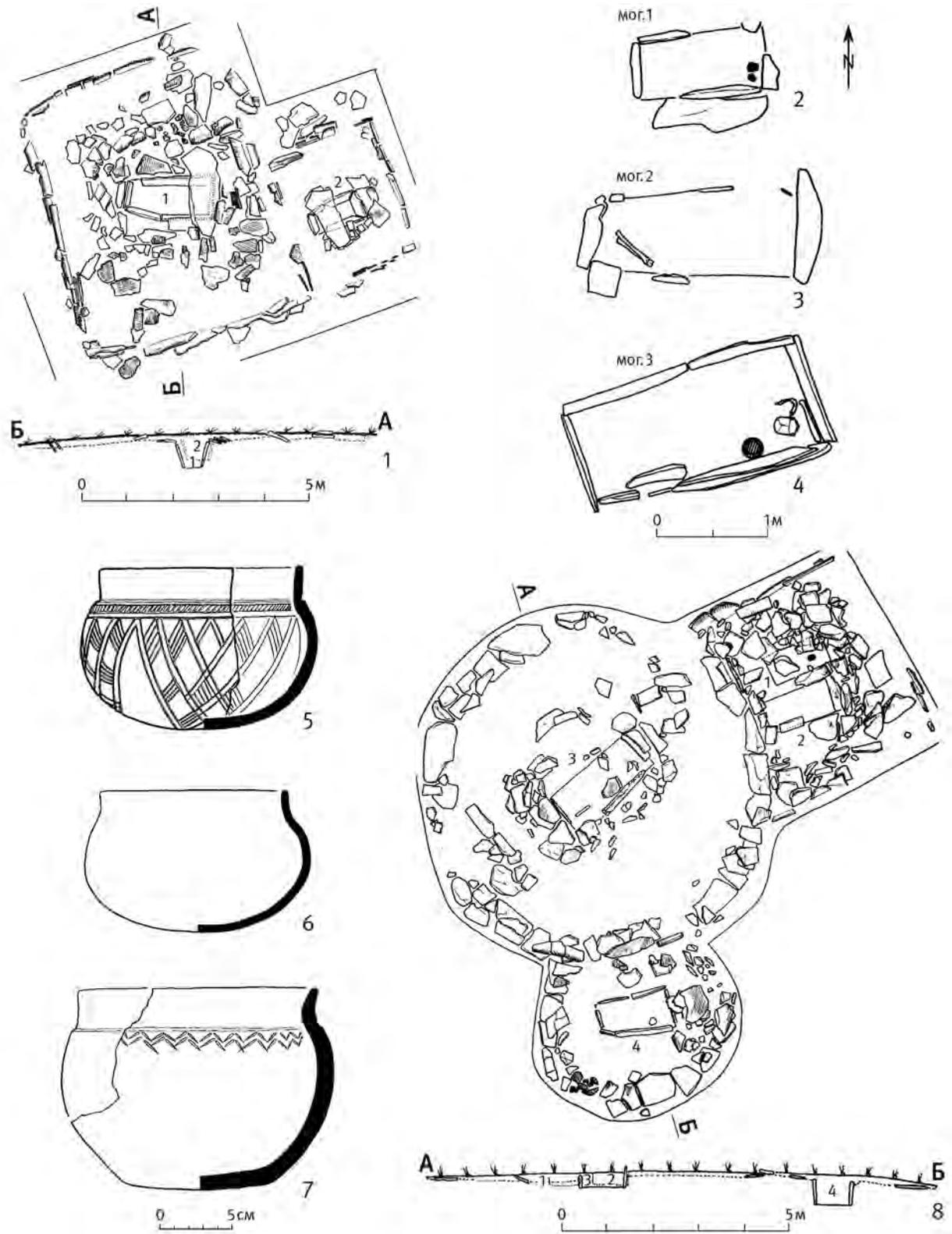

Рис. 69. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 52, общий план, разрез; 2 — кург. 53, мог. 1; 3 — кург. 53, мог. 2; 4 — кург. 53, мог. 3; 5 — керамический сосуд из кург. 53, мог. 1; 6, 7 — керамические сосуды из кург. 53, мог. 3; 8 — кург. 53, общий план, разрез

Fig. 69. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 52, general plan, section; 2 — tumulus 53, grave 1; 3 — tumulus 53, grave 2; 4 — tumulus 53, grave 3; 5 — a ceramic vessel from tumulus 53, grave 1; 6, 7 — ceramic vessels from tumulus 53, grave 3; 8 — tumulus 53, general plan, section

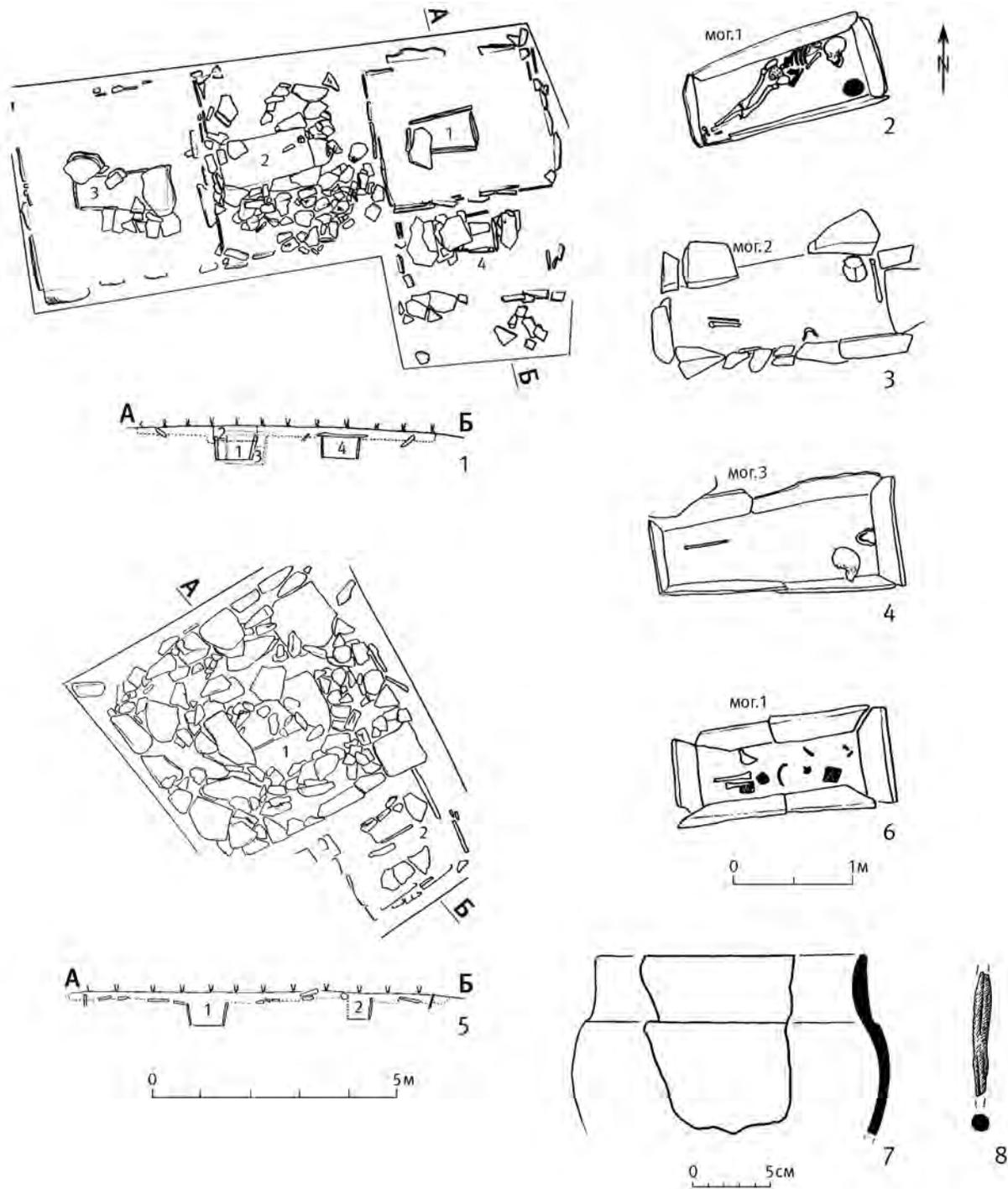

Рис. 70. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 54, общий план, разрез; 2 — кург. 54, мог. 1; 3 — кург. 54, мог. 2; 4 — кург. 54, мог. 3; 5 — кург. 55, общий план, разрез; 6 — кург. 55, мог. 1; 7 — керамический сосуд из кург. 55, мог. 1; 8 — фр-т бронзового шила из кург. 55, мог. 1

Fig. 70. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 54, general plan, section; 2 — tumulus 54, grave 1; 3 — tumulus 54, grave 2; 4 — tumulus 54, grave 3; 5 — tumulus 55, general plan, section; 6 — tumulus 55, grave 1; 7 — a ceramic vessel from tumulus 55, grave 1; 8 — a fragmant of bronz awl from tumulus 55, grave 1

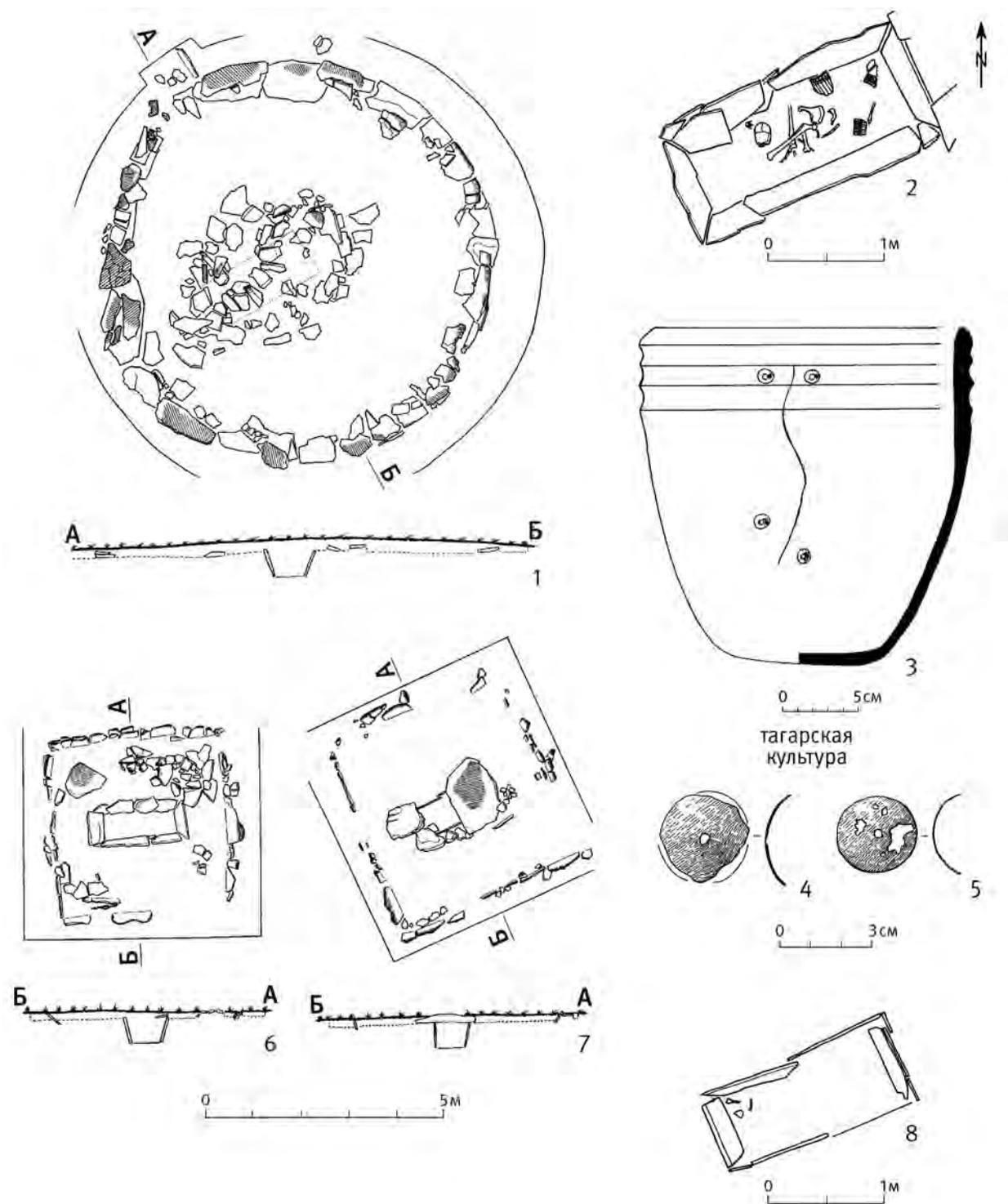

Рис. 71. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 56, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 56; 3 — керамический сосуд из кург. 56, мог. 1 (тагарская культура); 4, 5 — бронзовые бляшки из кург. 56, мог. 1 (тагарская культура); 6 — кург. 57, общий план, разрез; 7 — кург. 58, общий план, разрез; 8 — могила в кург. 58

Fig. 71. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 56, general plan, section; 2 — grave in tumulus 56; 3 — a ceramic vessel from tumulus 56, grave 1 (Tagar culture); 4, 5 — bronze plaques from tumulus 56, grave 1 (Tagar culture); 6 — tumulus 57, general plan, section; 7 — tumulus 58, general plan, section; 8 — grave in tumulus 58

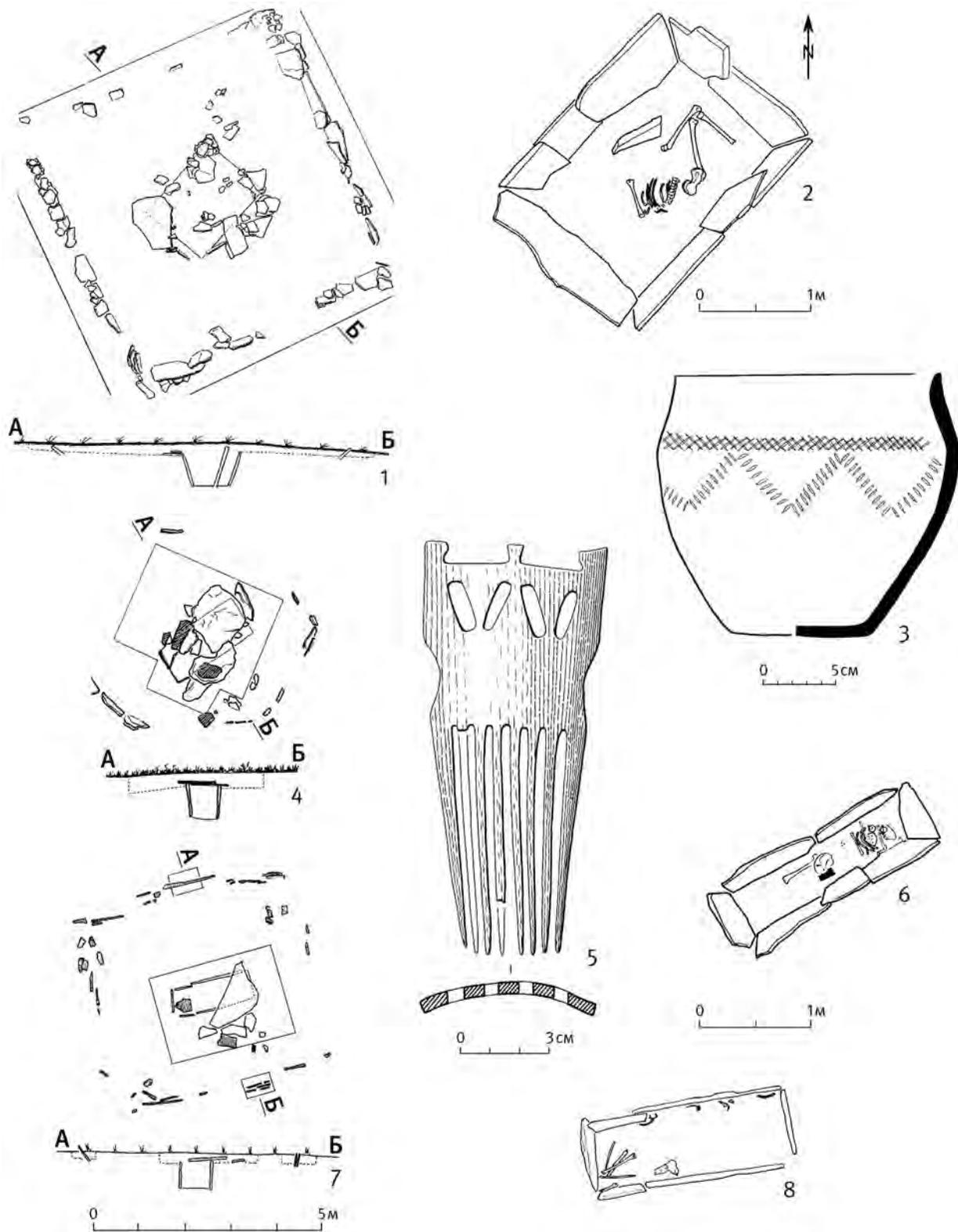

Рис. 72. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 59, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 59; 3 — керамический сосуд из кург. 59; 4 — кург. 60, общий план, разрез; 5 — костяной гребень из кург. 60; 6 — могила в кург. 60; 7 — кург. 61, общий план, разрез; 8 — могила в кург. 61

Fig. 72. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 59, general plan, section; 2 — grave in tumulus 59; 3 — a ceramic vessel from tumulus 59; 4 — tumulus 60, general plan, section; 5 — a bone comb from tumulus 60; 6 — grave in tumulus 60; 7 — tumulus 61, general plan, section; 8 — grave in tumulus 61

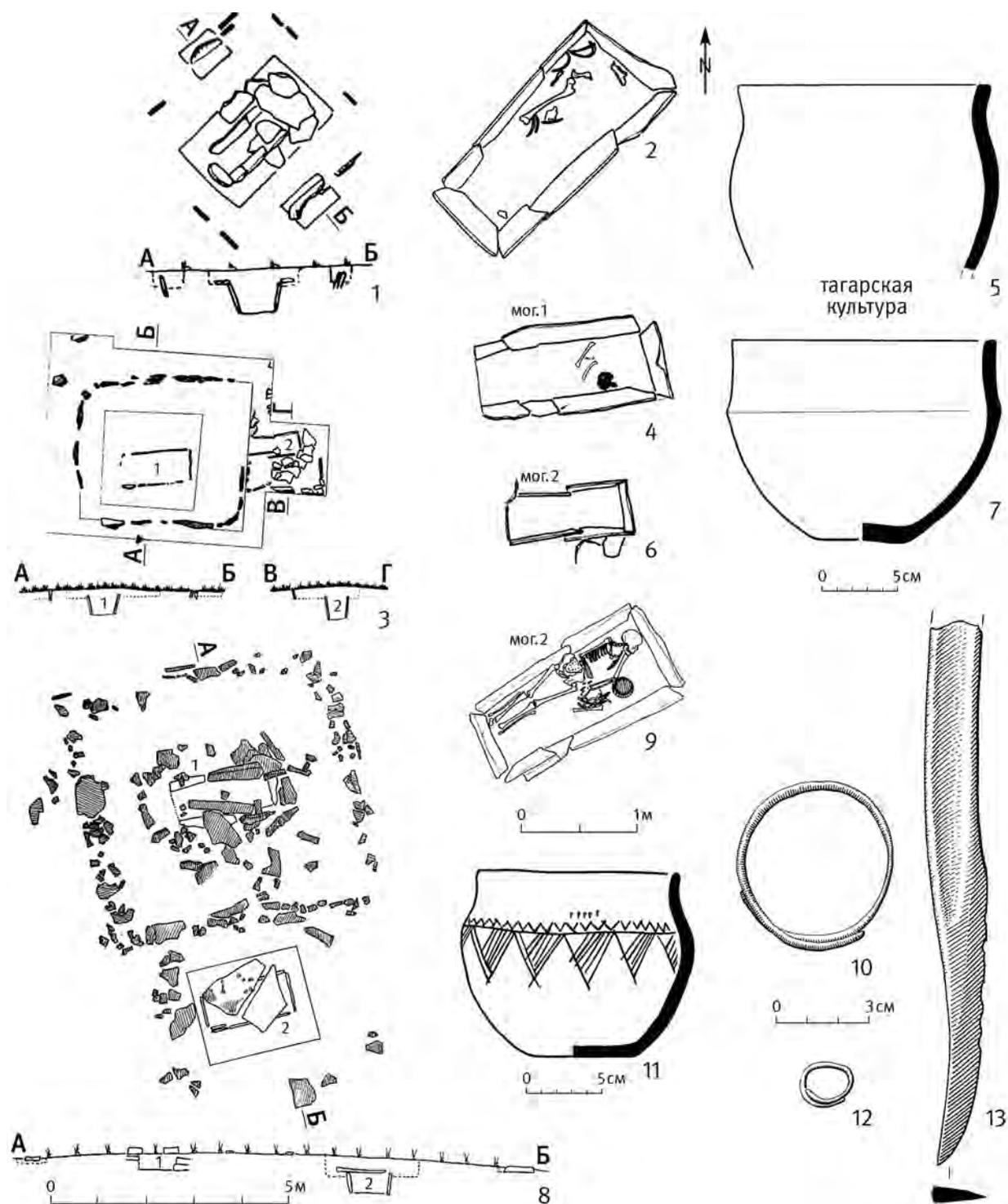

Рис. 73. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 444, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 444; 3 — кург. 620, общий план, разрезы; 4 — кург. 620, мог. 1; 5, 7 — керамические сосуды из кург. 620, мог. 1 (тагарская культура); 6 — кург. 620, мог. 2; 8 — кург. 64, общий план, разрез; 9 — кург. 64, мог. 2; 10, 12 — бронзовые кольца из кург. 64, мог. 2; 11 — керамический сосуд из кург. 64, мог. 2; 13 — бронзовый нож из кург. 64, мог. 2

Fig. 73. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 444, general plan, section; 2 — grave in tumulus 444; 3 — tumulus 620, general plan, sections; 4 — tumulus 620, grave 1; 5, 7 — ceramic vessels from tumulus 620, grave 1 (Tagar culture); 6 — tumulus 620, grave 2; 8 — tumulus 64, general plan, section; 9 — tumulus 64, grave 2; 10, 12 — bronze rings from tumulus 64, grave 2; 11 — a ceramic vessel from tumulus 64, grave 2; 13 — bronze knife from tumulus 64, grave 2

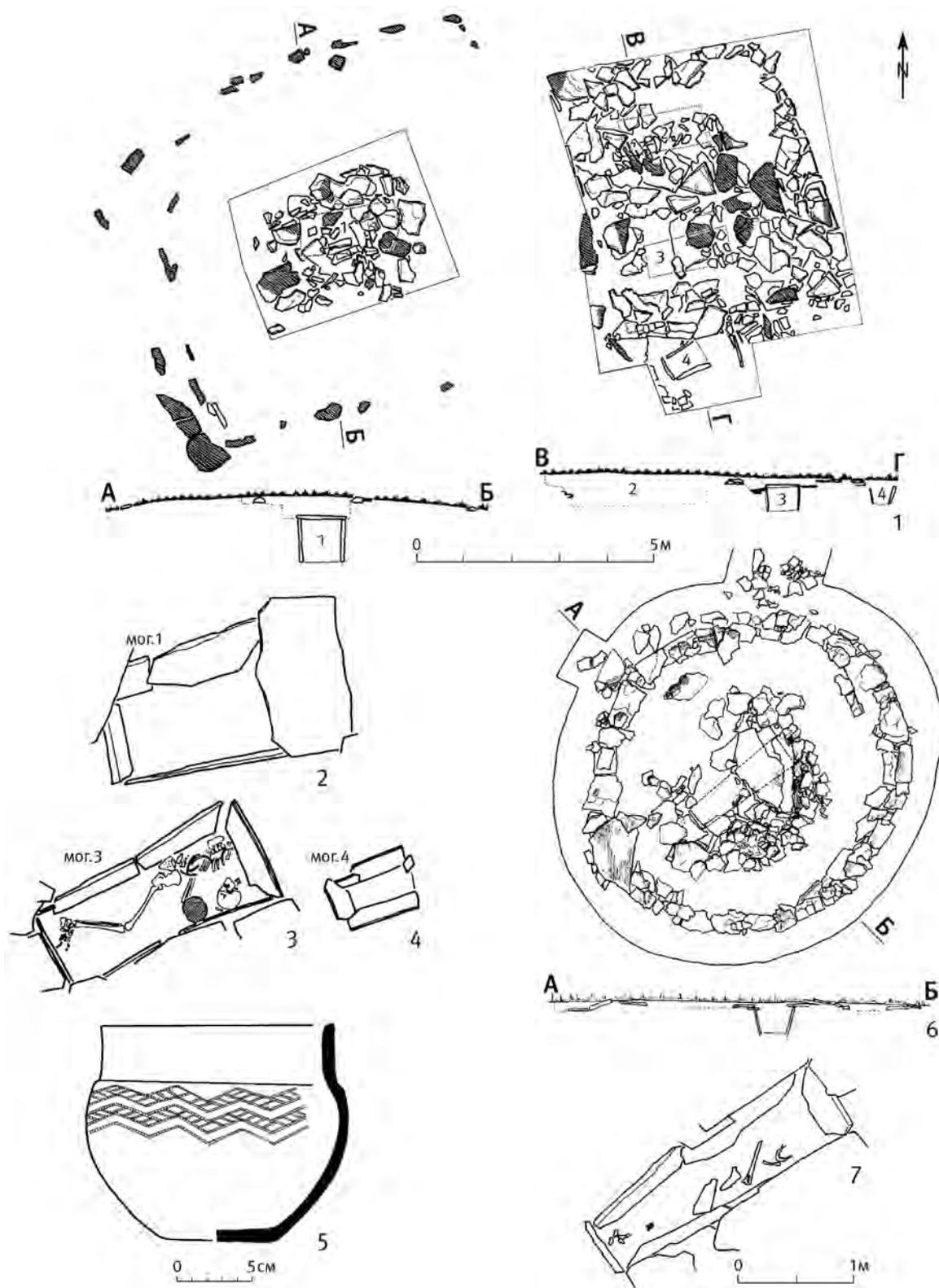

Рис. 74. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 621, общий план, разрезы; 2 — кург. 621, мог. 1; 3 — кург. 621, мог. 3; 4 — кург. 621, мог. 4; 5 — керамический сосуд из кург. 621, мог. 3; 6 — кург. 12, общий план, разрез; 7 — кург. 12, мог. 1

Fig. 74. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 621, general plan, sections; 2 — tumulus 621, grave 1; 3 — tumulus 621, grave 3; 4 — tumulus 621, grave 4; 5 — a ceramic vessel from tumulus 621, grave 3; 6 — tumulus 12, general plan, section; 7 — tumulus 12, grave 1

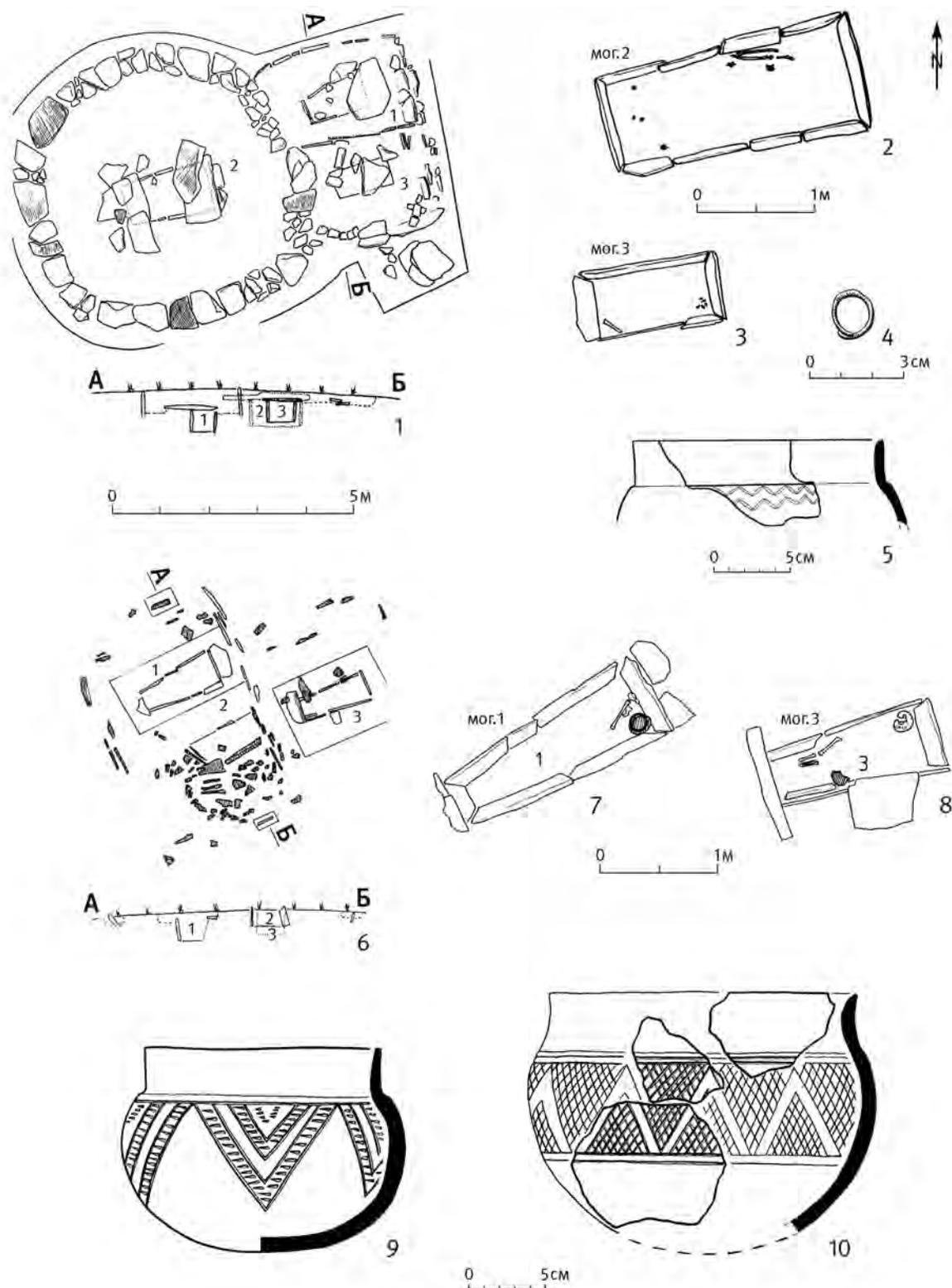

Рис. 75. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 67, общий план, разрез; 2 — кург. 67, мог. 2; 3 — кург. 67, мог. 3; 4 — бронзовое кольцо из кург. 67, мог. 3; 5 — фр-т керамического сосуда из кург. 67, мог. 1; 6 — кург. 68, общий план, разрез; 7 — кург. 68, мог. 1; 8 — кург. 68, мог. 3; 9 — керамический сосуд из кург. 68, мог. 1; 10 — керамический сосуд из кург. 68, мог. 3

Fig. 75. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 67, general plan, section; 2 — tumulus 67, grave 2; 3 — tumulus 67, grave 3; 4 — a bronze ring from tumulus 67, grave 3; 5 — a ceramic fragment from tumulus 67, grave 1; 6 — tumulus 68, general plan, section; 7 — tumulus 68, grave 1; 8 — tumulus 68, grave 3; 9 — a ceramic vessel from tumulus 68, grave 1; 10 — a ceramic vessel from tumulus 68, grave 3

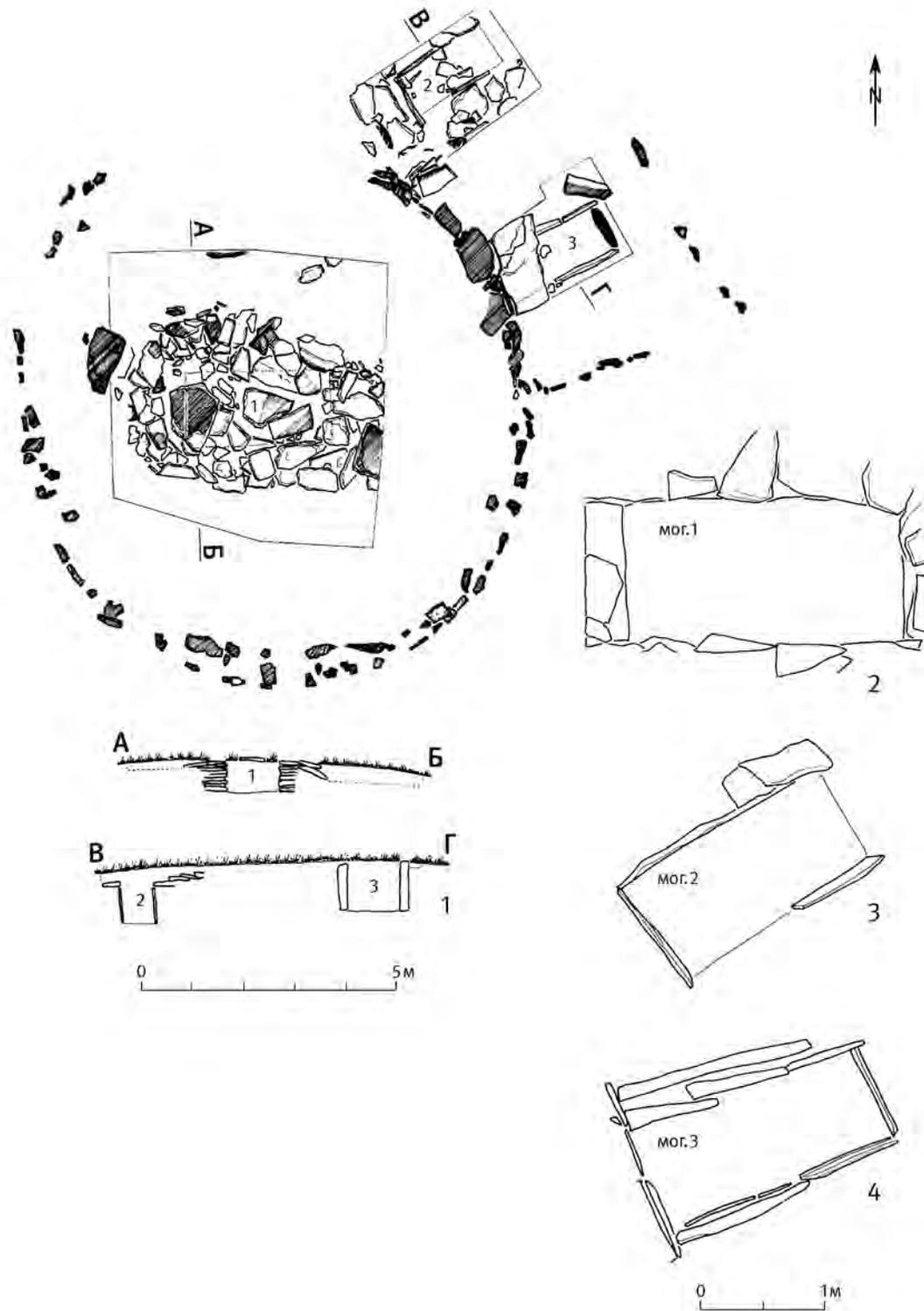

Рис. 76. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 66, общий план, разрезы; 2 — кург. 66, мог. 1; 3 — кург. 66, мог. 2; 4 — кург. 66, мог. 3

Fig. 76. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 66, general plan, sections; 2 — tumulus 66, grave 1; 3 — tumulus 66, grave 2; 4 — tumulus 66, grave 3

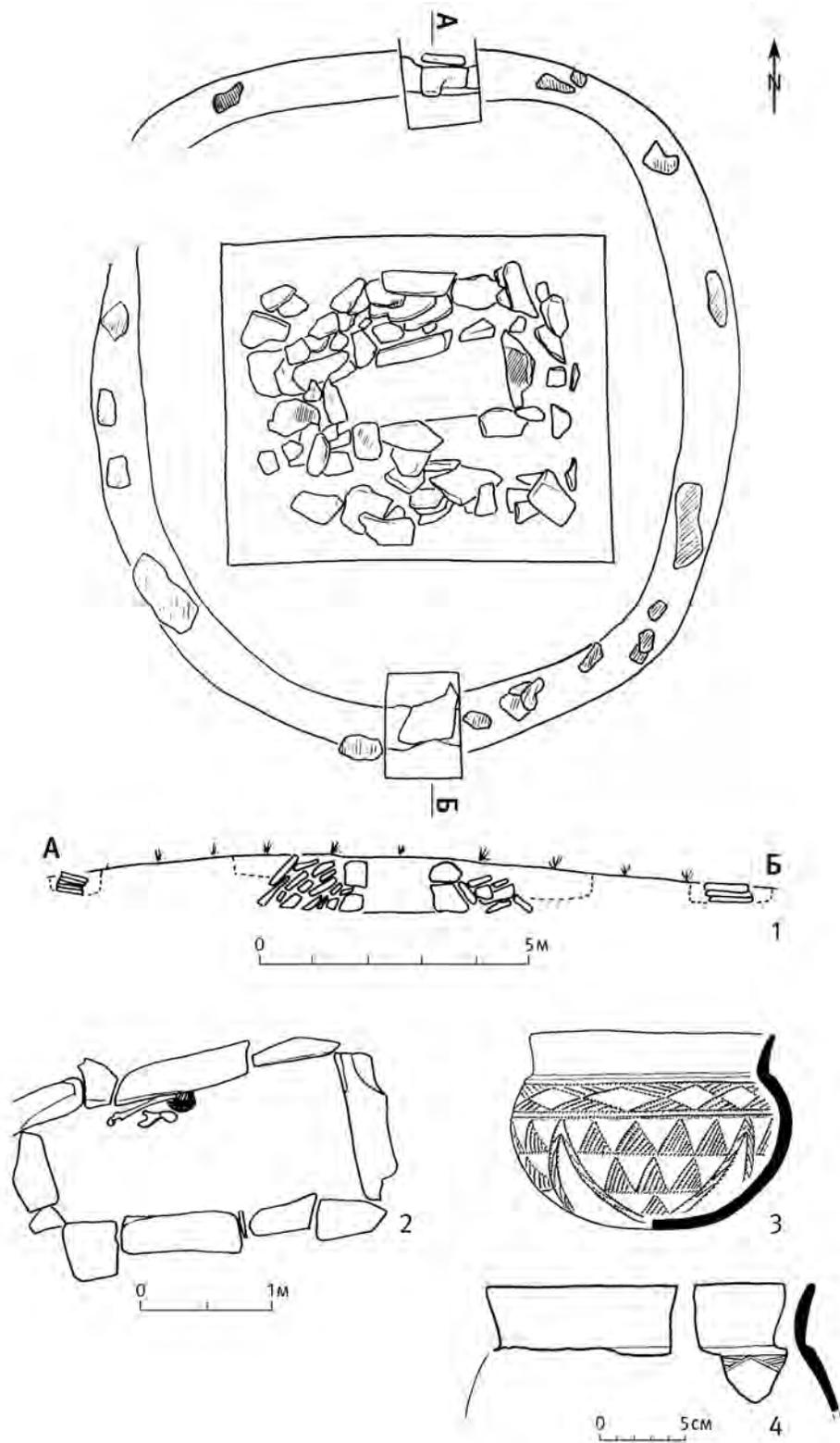

Рис. 77. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 71, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 71; 3, 4 — керамические сосуды из кург. 71

Fig. 77. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 71, general plan, section; 2 — grave in tumulus 71; 3, 4 — ceramic vessels from tumulus 71

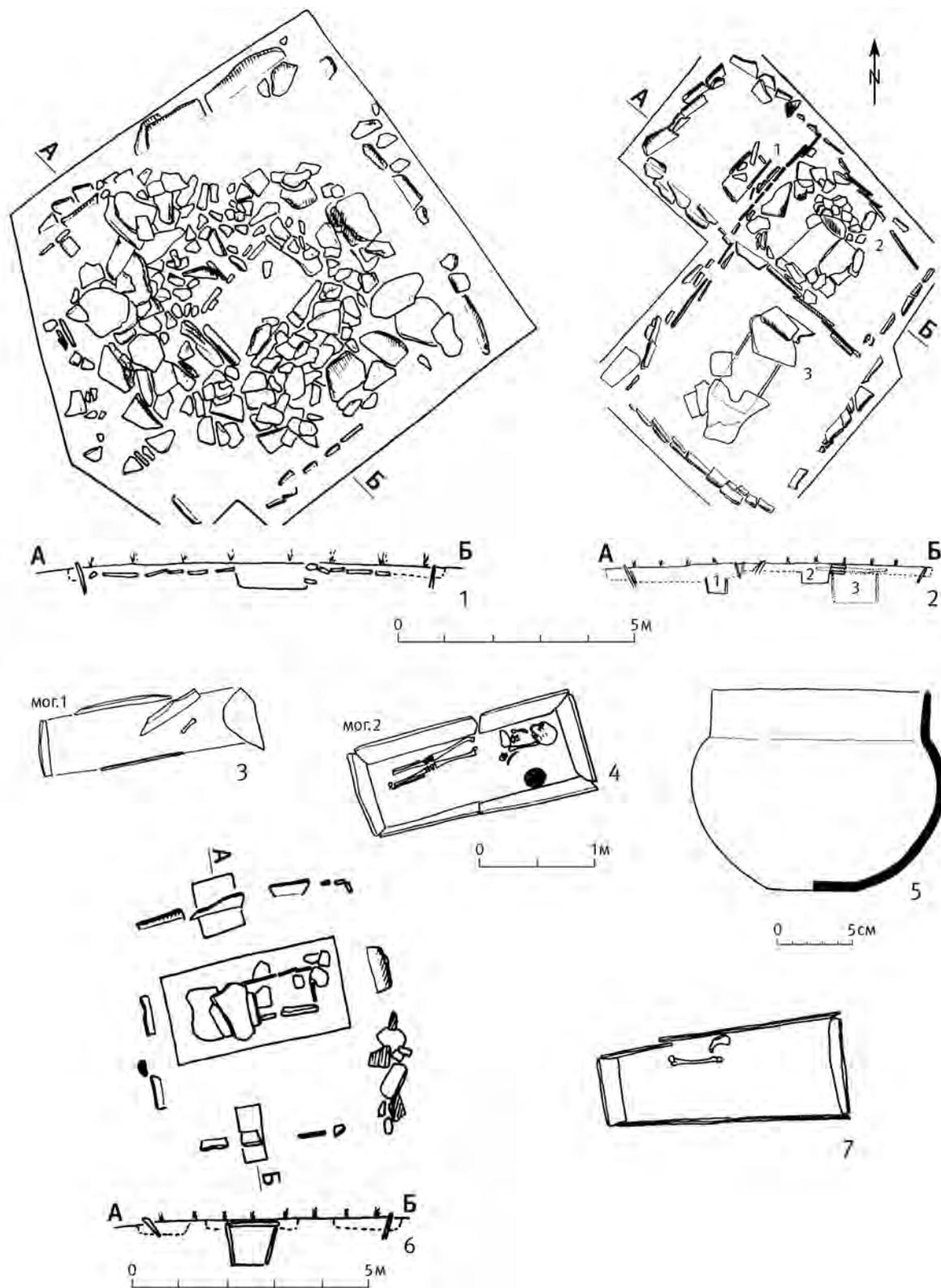

Рис. 78. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 70, общий план, разрез; 2 — кург. 72, общий план, разрез; 3 — кург. 72, мог. 1; 4 — кург. 72, мог. 3; 5 — керамический сосуд из кург. 72, мог. 3; 6 — кург. 73, общий план, разрез; 7 — могила в кург. 73

Fig. 78. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 70, general plan, section; 2 — tumulus 72, general plan, section; 3 — tumulus 72, grave 1; 4 — tumulus 72, grave 3; 5 — a ceramic vessel from tumulus 72, grave 3; 6 — tumulus 73, general plan, section; 7 — grave in tumulus 73

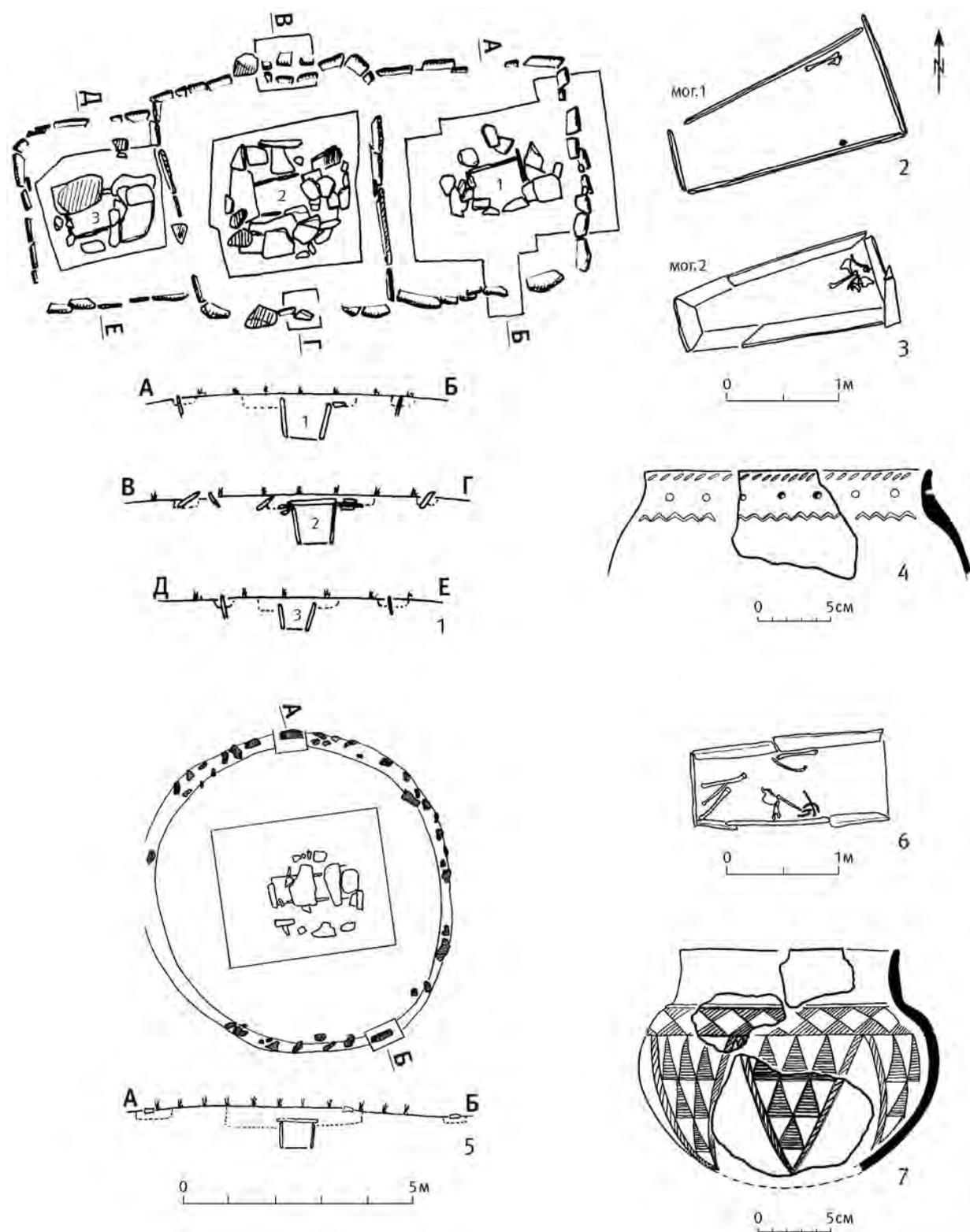

Рис. 79. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 79, общий план, разрезы; 2 — кург. 79, мог. 1; 3 — кург. 79, мог. 3; 4 — керамический сосуд из кург. 79, мог. 1; 5 — кург. 82, общий план, разрез; 6 — могила в кург. 82; 7 — керамический сосуд из кург. 82

Fig. 79. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 79, general plan, sections; 2 — tumulus 79, grave 1; 3 — tumulus 79, grave 3; 4 — a ceramic vessel from tumulus 79, grave 1; 5 — tumulus 82, general plan, section; 6 — grave in tumulus 82; 7 — a ceramic vessel from tumulus 82

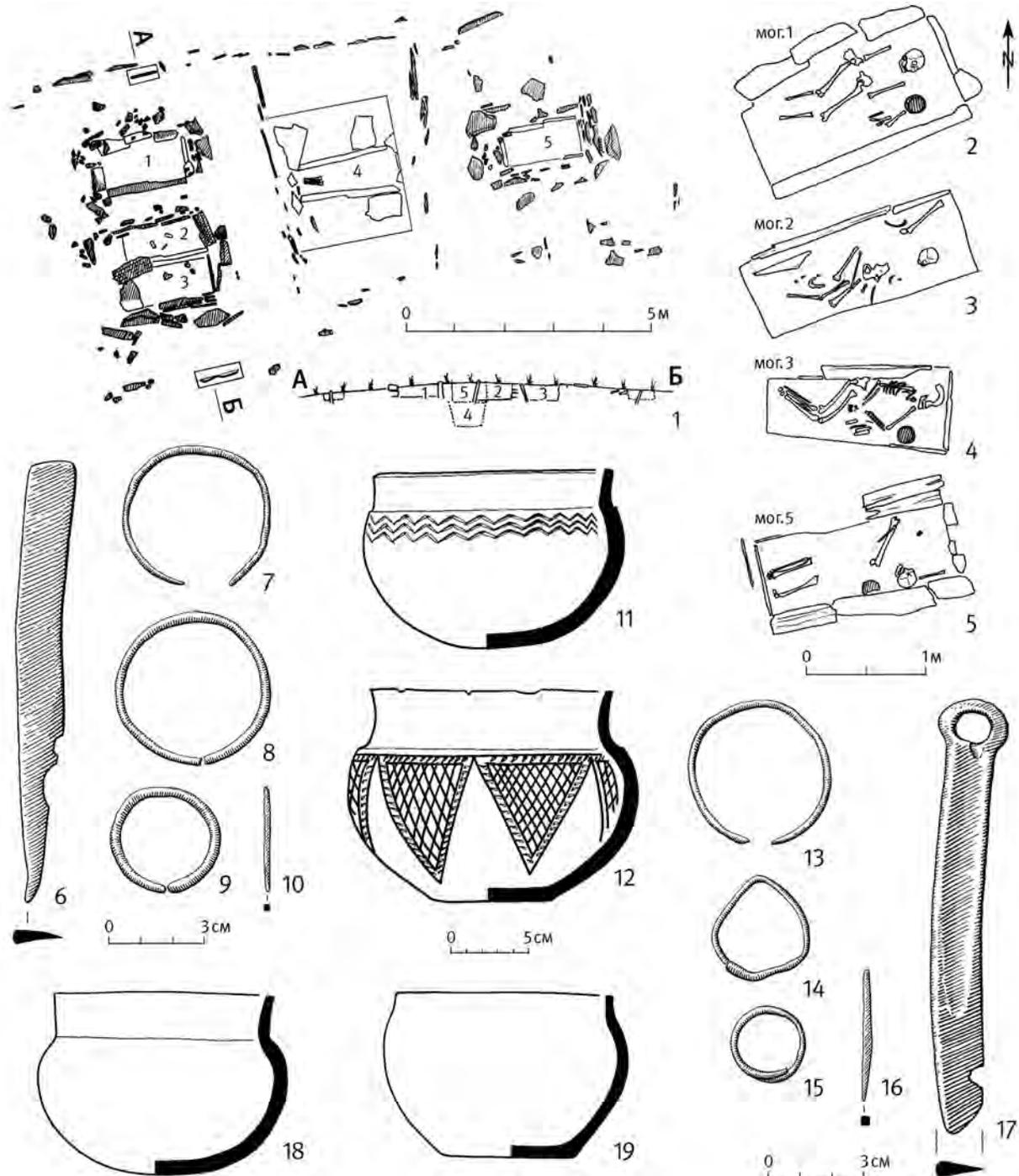

Рис. 80. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 81, общий план, разрез; 2 — кург. 81, мог. 1; 3 — кург. 81, мог. 2; 4 — кург. 81, мог. 3; 5 — кург. 81, мог. 5; 6 — бронзовый нож из кург. 81, мог. 1; 7–9 — бронзовые кольца из кург. 81, мог. 1; 10 — бронзовое шило из кург. 81, мог. 1; 11 — керамический сосуд из кург. 81, мог. 1; 12 — керамический сосуд из кург. 81, мог. 3; 13–15 — бронзовые кольца из кург. 81, мог. 3; 16 — бронзовое шило из кург. 81, мог. 3; 17 — обломок бронзового ножа из кург. 81, мог. 3; 18 — керамический сосуд из кург. 81, мог. 4; 19 — керамический сосуд из кург. 81, мог. 5

Fig. 80. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 81, general plan, section; 2 — tumulus 81, grave 1; 3 — tumulus 81, grave 2; 4 — tumulus 81, grave 3; 5 — tumulus 81, grave 5; 6 — bronze knife from tumulus 81, grave 1; 7–9 — bronze rings from tumulus 81, grave 1; 10 — a bronze awl from tumulus 81, grave 1; 11 — a ceramic vessel from tumulus 81, grave 1; 12 — a ceramic vessel from tumulus 81, grave 3; 13–15 — bronze rings from tumulus 81, grave 3; 16 — a bronze awl from tumulus 81, grave 3; 17 — a fragment of bronze knife from tumulus 81, grave 3; 18 — a ceramic vessel from tumulus 81, grave 4; 19 — a ceramic vessel from tumulus 81, grave 5

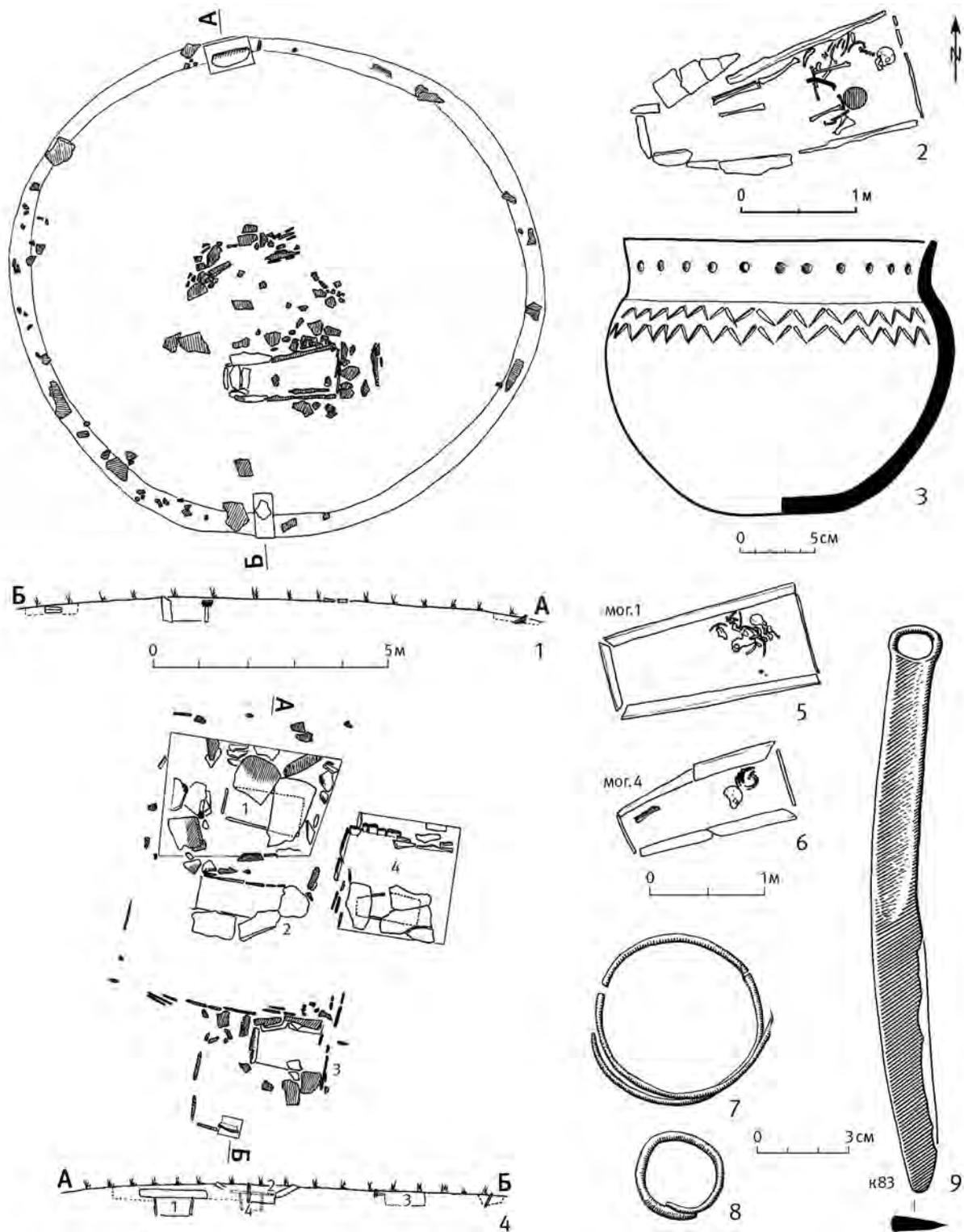

Рис. 81. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 83, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 83; 3 — керамический сосуд из кург. 83; 4 — кург. 85, общий план, разрез; 5 — кург. 85, мог. 1; 6 — кург. 85, мог. 4; 7 — бронзовое кольцо из кург. 85, мог. 1; 8 — бронзовое кольцо из кург. 85, мог. 3; 9 — бронзовый нож из кург. 83

Fig. 81. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 83, general plan, section; 2 — grave in tumulus 83; 3 — a ceramic vessel from tumulus 83; 4 — tumulus 85, general plan, section; 5 — tumulus 85, grave 1; 6 — tumulus 85, grave 4; 7 — a bronze ring from tumulus 85, grave 1; 8 — a bronze ring from tumulus 85, grave 3; 9 — bronze knife from tumulus 83

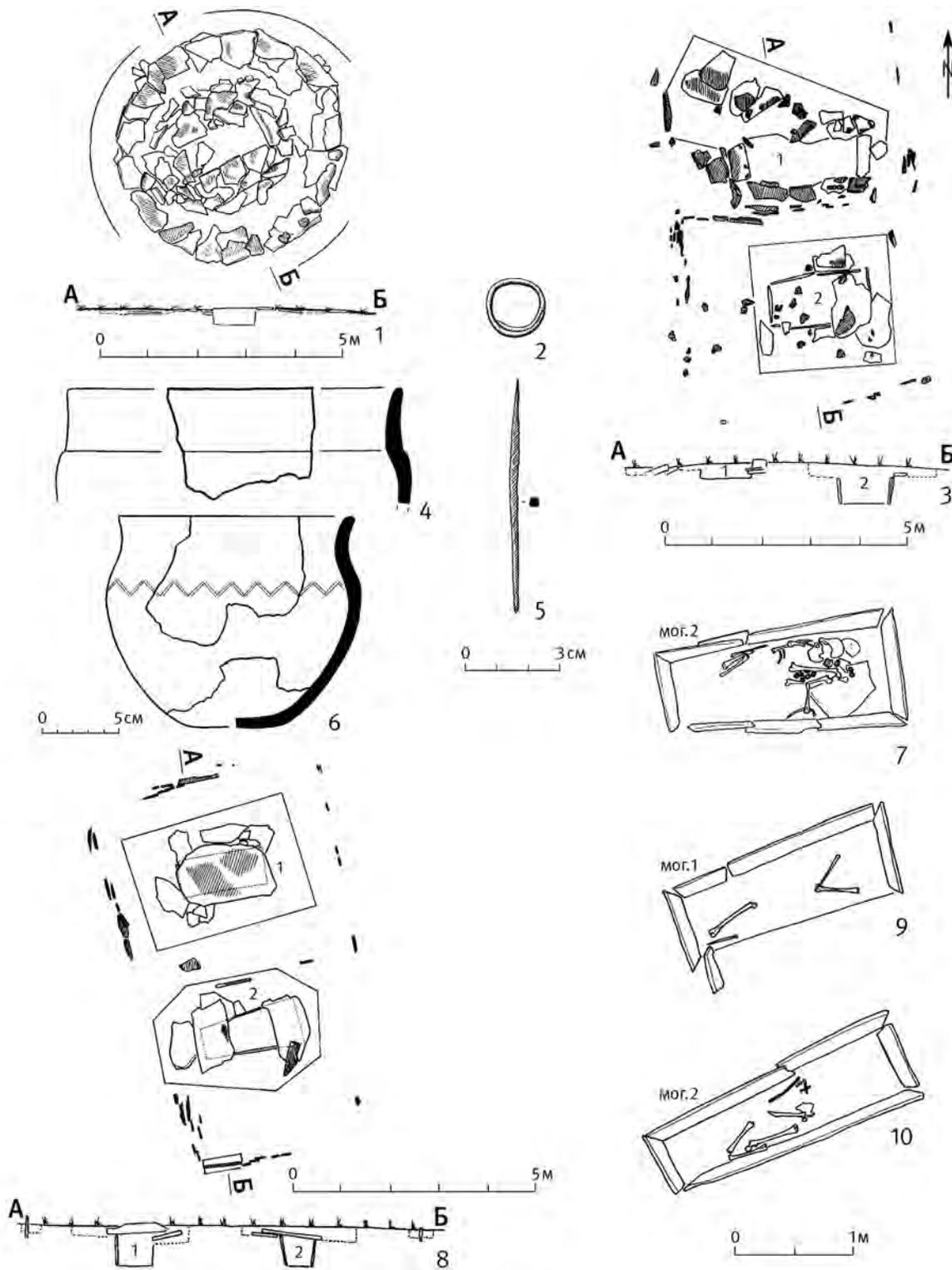

Рис. 82. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 88, общий план, разрез; 2 — бронзовое кольцо из кург. 88; 3 — кург. 89, общий план, разрез; 4 — фр-т керамического сосуда из кург. 89, мог. 1; 5 — бронзовое шило из кург. 89, мог. 1; 6 — керамический сосуд из кург. 89, мог. 2; 7 — кург. 89, мог. 2; 8 — кург. 90, общий план, разрез; 9 — кург. 90, мог. 1; 10 — кург. 90, мог. 2

Fig. 82. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 88, general plan, section; 2 — a bronze ring from tumulus 88; 3 — tumulus 89, general plan, section; 4 — a ceramic fragment from tumulus 89, grave 1; 5 — a bronze awl from tumulus 89, grave 1; 6 — a ceramic vessel from tumulus 89, grave 2; 7 — tumulus 89, grave 2; 8 — tumulus 90, general plan, section; 9 — tumulus 90, grave 1; 10 — tumulus 90, grave 2

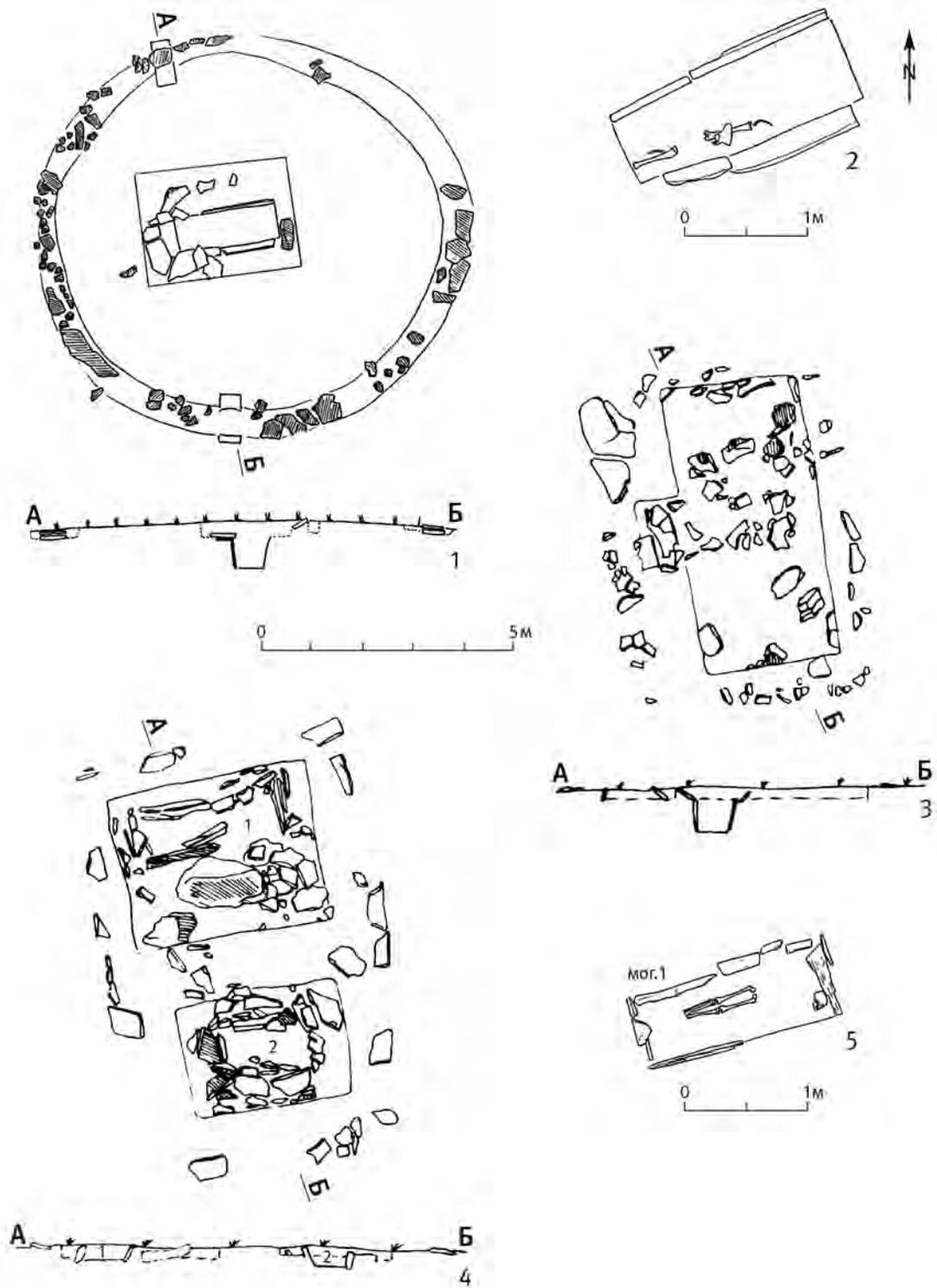

Рис. 83. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 150, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 150; 3 — кург. 158, общий план, разрез; 4 — кург. 160, общий план, разрез; 5 — кург. 160, мог. 1

Fig. 83. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 150, general plan, section; 2 — grave in tumulus 150; 3 — tumulus 158, general plan, section; 4 — tumulus 160, general plan, section; 5 — tumulus 160, grave 1

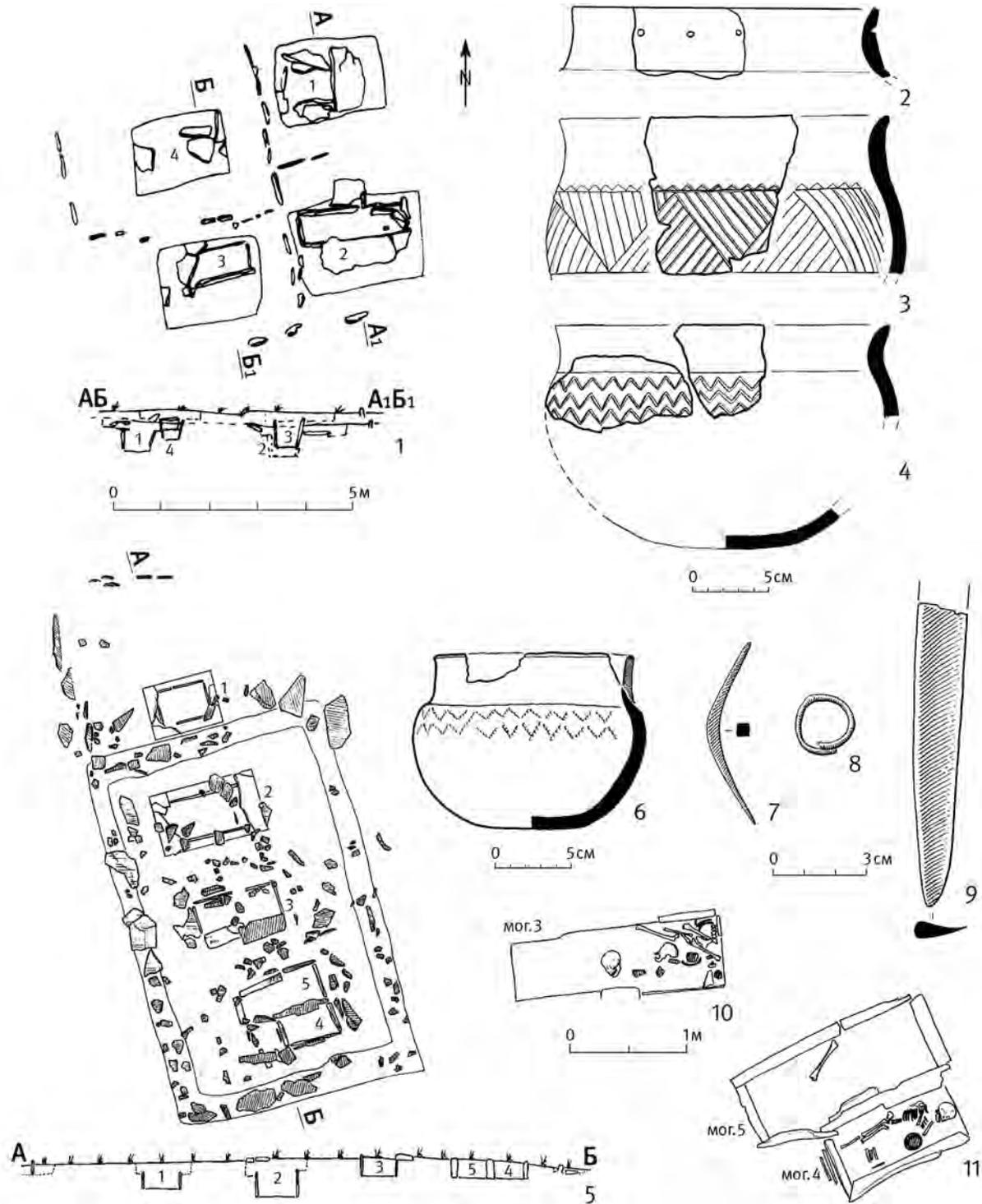

Рис. 84. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 161, общий план, разрез; 2 — фр-т керамического сосуда из кург. 161; 3 — фр-т керамического сосуда из кург. 144, мог. 2; 4 — фр-т керамического сосуда из кург. 144, мог. 3; 5 — кург. 144, общий план, разрез; 6 — керамический сосуд из кург. 144, мог. 4; 7 — бронзовое шило из кург. 144, мог. 4; 8 — бронзовое кольцо из кург. 144, мог. 4; 9 — лезвие бронзового ножа из кург. 144, мог. 4; 10 — кург. 144, мог. 3; 11 — кург. 144, мог. 4 и 5

Fig. 84. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 161, general plan, section; 2 — a ceramic fragment from tumulus 161; 3 — a ceramic fragment from tumulus 144, grave 2; 4 — a ceramic fragment from tumulus 144, grave 3; 5 — tumulus 144, general plan, section; 6 — a ceramic vessel from tumulus 144, grave 4; 7 — a bronze awl from tumulus 144, grave 4; 8 — a bronze ring from tumulus 144, grave 4; 9 — blade of a bronze knife from tumulus 144, grave 4; 10 — tumulus 144, grave 3; 11 — tumulus 144, grave 4 and 5

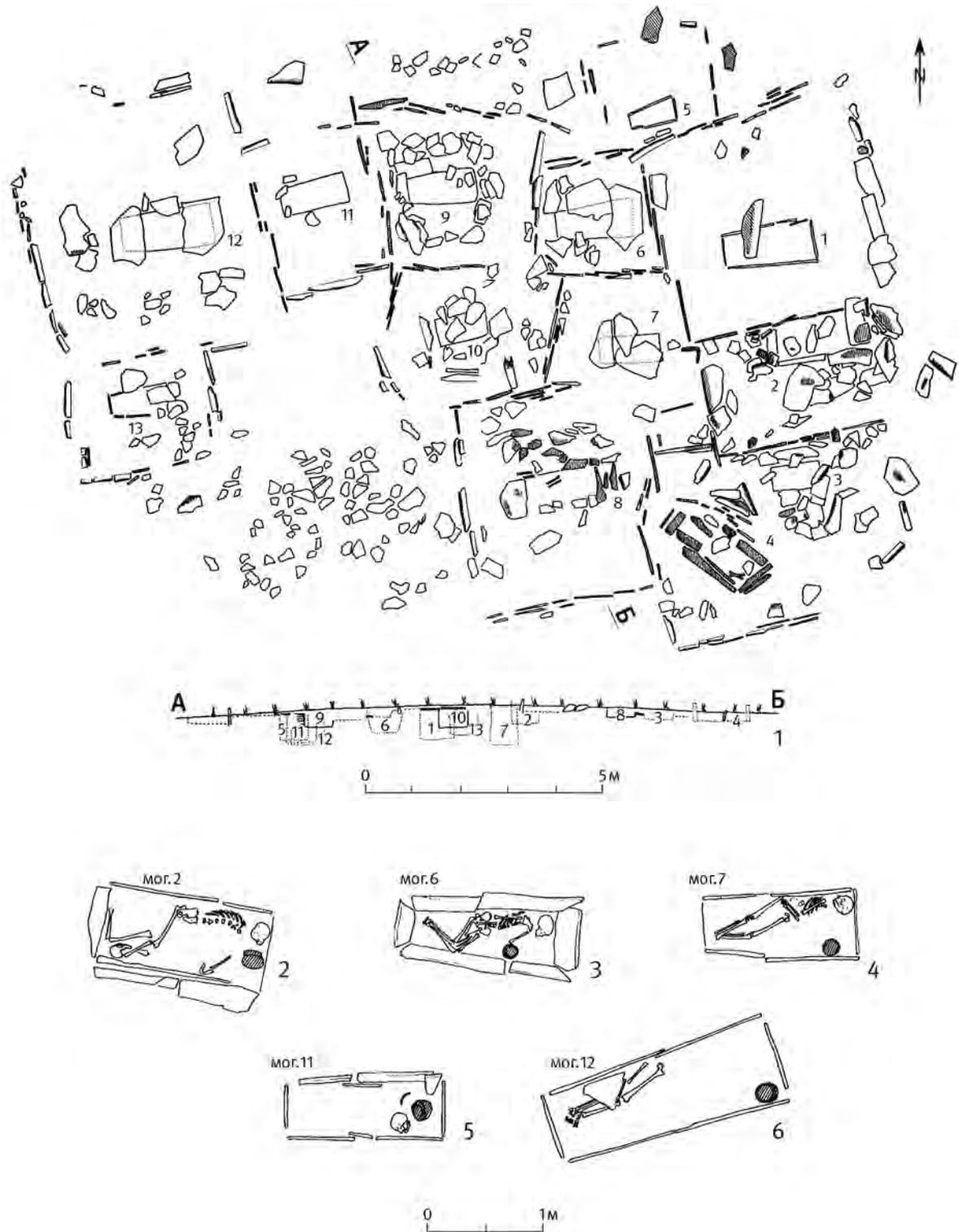

Рис. 85. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 141, общий план, разрез; 2 — кург. 141, мог. 2; 3 — кург. 141, мог. 6; 4 — кург. 141, мог. 7; 5 — кург. 141, мог. 11; 6 — кург. 141, мог. 12

Fig. 85. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 141, general plan, section; 2 — tumulus 141, grave 2; 3 — tumulus 141, grave 6; 4 — tumulus 141, grave 7; 5 — tumulus 141, grave 11; 6 — tumulus 141, grave 12

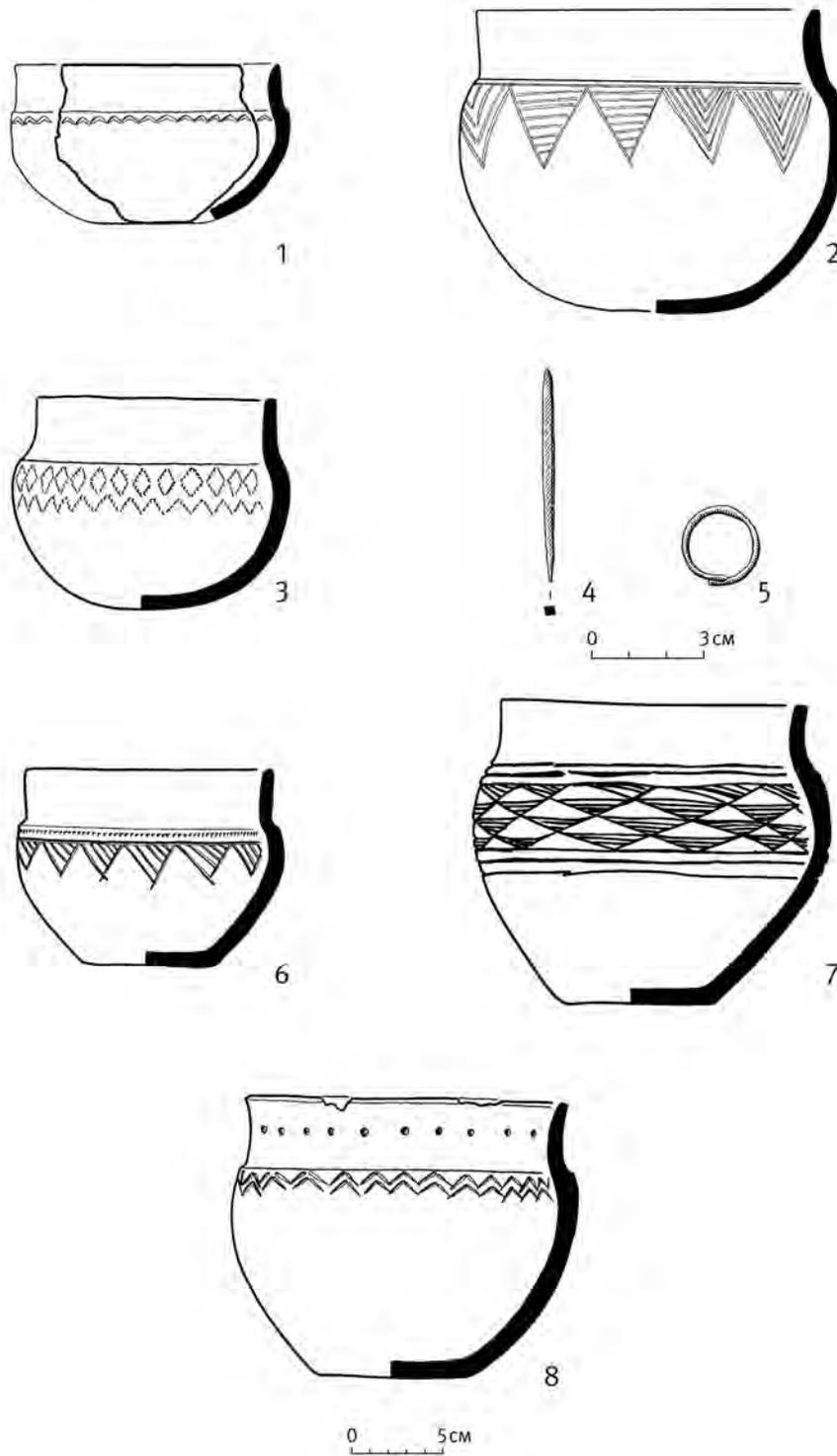

Рис. 86. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — фр-т керамического сосуда из кург. 141, мог. 1; 2 — керамический сосуд из кург. 141, мог. 2; 3 — керамический сосуд из кург. 141, мог. 6; 4 — бронзовое шило из кург. 141, мог. 6; 5 — бронзовое кольцо из кург. 141, мог. 6; 6 — керамический сосуд из кург. 141, мог. 7; 7 — керамический сосуд из кург. 141, мог. 11; 8 — керамический сосуд из кург. 141, мог. 12

Fig. 86. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — a ceramic fragment from tumulus 141, grave 1; 2 — a ceramic vessel from tumulus 141, grave 2; 3 — a ceramic vessel from tumulus 141, grave 6; 4 — a bronze awl from tumulus 141, grave 6; 5 — a bronze ring from tumulus 141, grave 6; 6 — a ceramic vessel from tumulus 141, grave 7; 7 — a ceramic vessel from tumulus 141, grave 11; 8 — a ceramic vessel from tumulus 141, grave 12

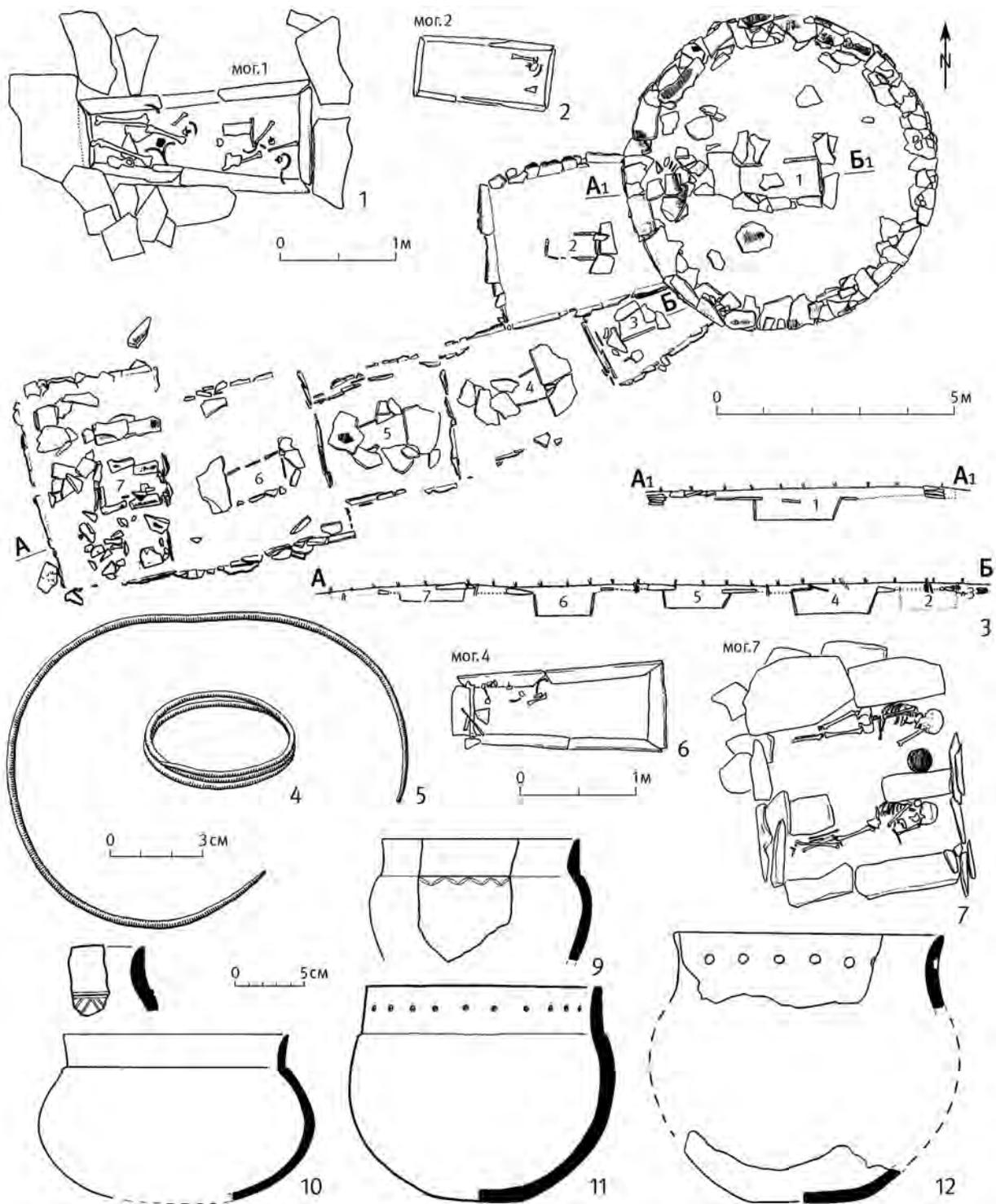

Рис. 87. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 142, мог. 1; 2 — кург. 142, мог. 2; 3 — кург. 142, общий план, разрезы; 4 — бронзовое кольцо из кург. 142, мог. 7; 5 — бронзовая гривна из кург. 142, мог. 7; 6 — кург. 142, мог. 4; 7 — кург. 142, мог. 7; 8, 9 — фр-ты керамических сосудов из кург. 142, мог. 7; 10 — керамический сосуд из кург. 142, мог. 1; 11 — керамический сосуд из кург. 142, мог. 7; 12 — фр-ты керамического сосуда из кург. 142, мог. 7

Fig. 87. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 142, grave 1; 2 — tumulus 142, grave 2; 3 — tumulus 142, general plan, sections; 4 — a bronze ring from tumulus 142, grave 7; 5 — a bronze torc from tumulus 142, grave 7; 6 — tumulus 142, grave 4; 7 — tumulus 142, grave 7; 8, 9 — fragments of the ceramic vessels from tumulus 142, grave 7; 10 — a ceramic vessel from tumulus 142, grave 1; 11 — a ceramic vessel from tumulus 142, grave 7; 12 — fragments of the ceramic vessel from tumulus 142, grave 7

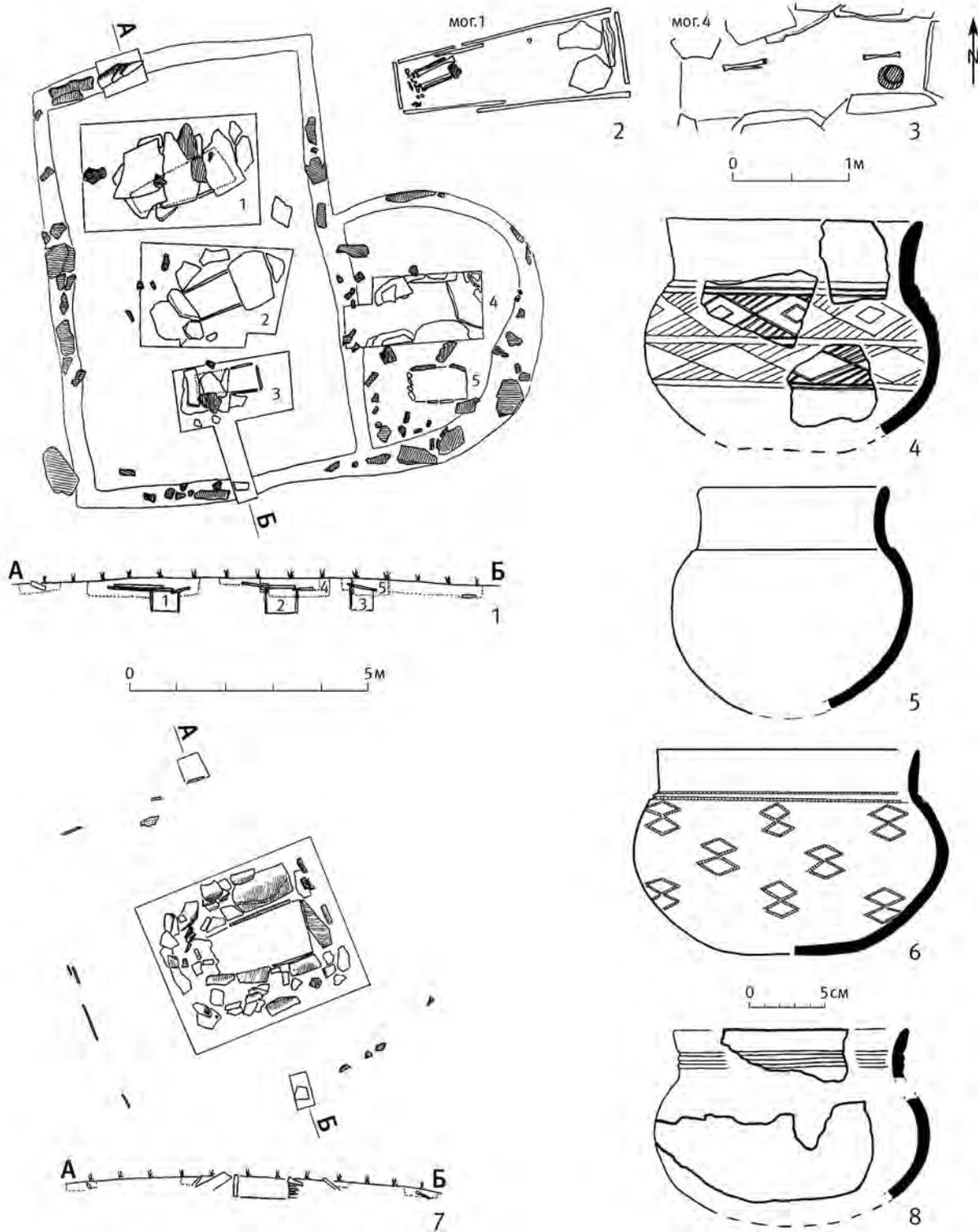

Рис. 88. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 145, общий план, разрез; 2 — кург. 145, мог. 1; 3 — кург. 145, мог. 4; 4 — керамический сосуд из кург. 145, мог. 1; 5 — керамический сосуд из кург. 145, мог. 3; 6 — керамический сосуд из кург. 145, мог. 4; 7 — кург. 146, общий план, разрез; 8 — фр-ты керамического сосуда из кург. 146

Fig. 88. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 145, general plan, section; 2 — tumulus 145, grave 1; 3 — tumulus 145, grave 4; 4 — a ceramic vessel from tumulus 145, grave 1; 5 — a ceramic vessel from tumulus 145, grave 3; 6 — a ceramic vessel from tumulus 145, grave 4; 7 — tumulus 146, general plan, section; 8 — fragments of the ceramic vessel from tumulus 146

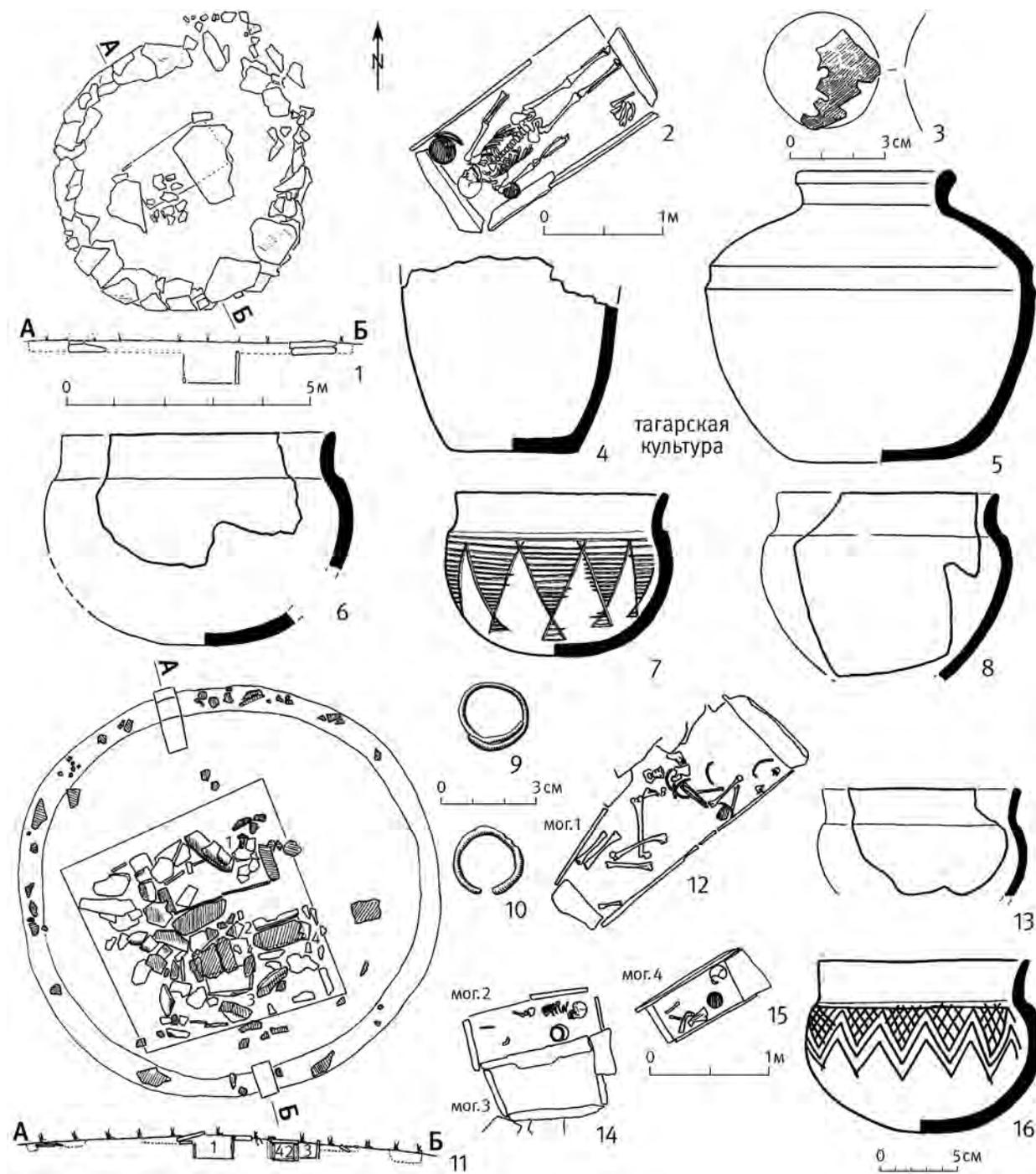

Рис. 89. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 147, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 147; 3 — бронзовая бляшка из кург. 147 (тагарская культура); 4, 5 — керамические сосуды из кург. 147 (тагарская культура); 6, 8 — керамические сосуды из кург. 147а, мог. 1; 7 — керамический сосуд из кург. 147а, мог. 2; 9, 10 — бронзовые кольца из кург. 147а, мог. 4; 11 — кург. 147а, общий план и разрез; 12 — кург. 147а, мог. 1; 13 — керамический сосуд из кург. 147а, мог. 3; 14 — кург. 147а, мог. 2-3; 15 — кург. 147а, мог. 4; 16 — керамический сосуд из кург. 147а, мог. 4

Fig. 89. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 147, general plan, section; 2 — grave in tumulus 147; 3 — bronze plate from tumulus 147 (Tagar culture); 4, 5 — ceramic vessels from tumulus 147 (Tagar culture); 6, 8 — ceramic vessels from tumulus 147a, grave 1; 7 — a ceramic vessel from tumulus 147a, grave 2; 9, 10 — bronze rings from tumulus 147a, grave 4; 11 — tumulus 147a, general plan and section; 12 — tumulus 147a, grave 1; 13 — a ceramic vessel from tumulus 147a, grave 3; 14 — tumulus 147a, grave 2-3; 15 — tumulus 147a, grave 4; 16 — a ceramic vessel from tumulus 147a, grave 4

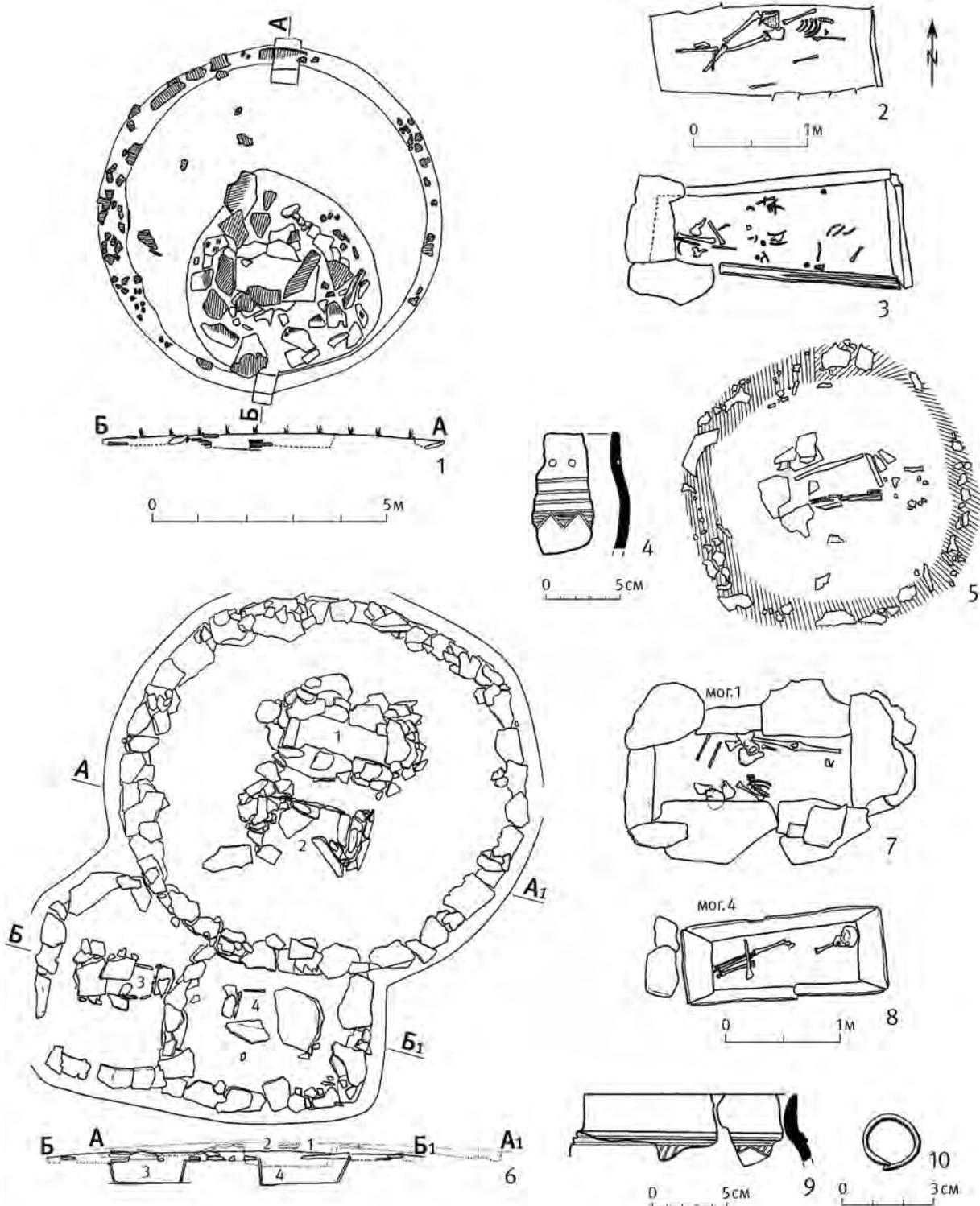

Рис. 90. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 149, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 149; 3 — могила в кург. 155; 4 — фр-т керамического сосуда из кург. 155; 5 — кург. 155, общий план; 6 — кург. 154, общий план, разрез; 7 — кург. 154, мог. 1; 8 — кург. 154, мог. 4; 9 — фр-ты керамического сосуда из кург. 154, мог. 1; 10 — бронзовое кольцо из кург. 154, мог. 1

Fig. 90. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 149, general plan, section; 2 — grave in tumulus 149; 3 — grave in tumulus 155; 4 — a ceramic fragment from tumulus 155; 5 — tumulus 155, general plan; 6 — tumulus 154, general plan, section; 7 — tumulus 154, grave 1; 8 — tumulus 154, grave 4; 9 — fragments of the ceramic vessel from tumulus 154, grave 1; 10 — a bronze ring from tumulus 154, grave 1

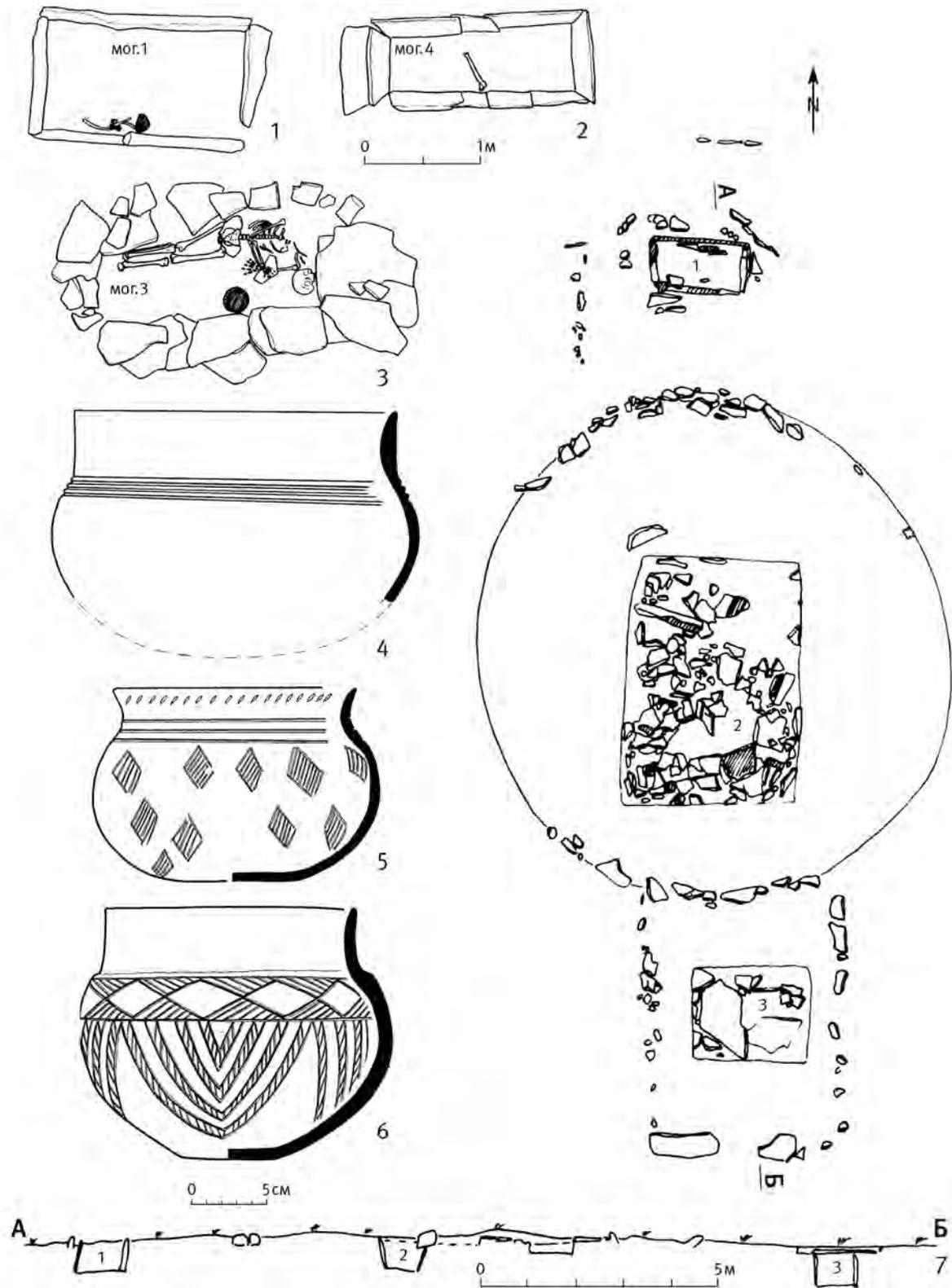

Рис. 91. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 163, мог. 1; 2 — кург. 163, мог. 4; 3 — кург. 163, мог. 3; 4 — керамический сосуд из кург. 163, мог. 2; 5 — керамический сосуд из кург. 163, мог. 1; 6 — керамический сосуд из кург. 163, мог. 3; 7 — кург. 163, общий план, разрез

Fig. 91. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 163, grave 1; 2 — tumulus 163, grave 4; 3 — tumulus 163, grave 3; 4 — a ceramic vessel from tumulus 163, grave 2; 5 — a ceramic vessel from tumulus 163, grave 1; 6 — a ceramic vessel from tumulus 163, grave 3; 7 — tumulus 163, general plan, section

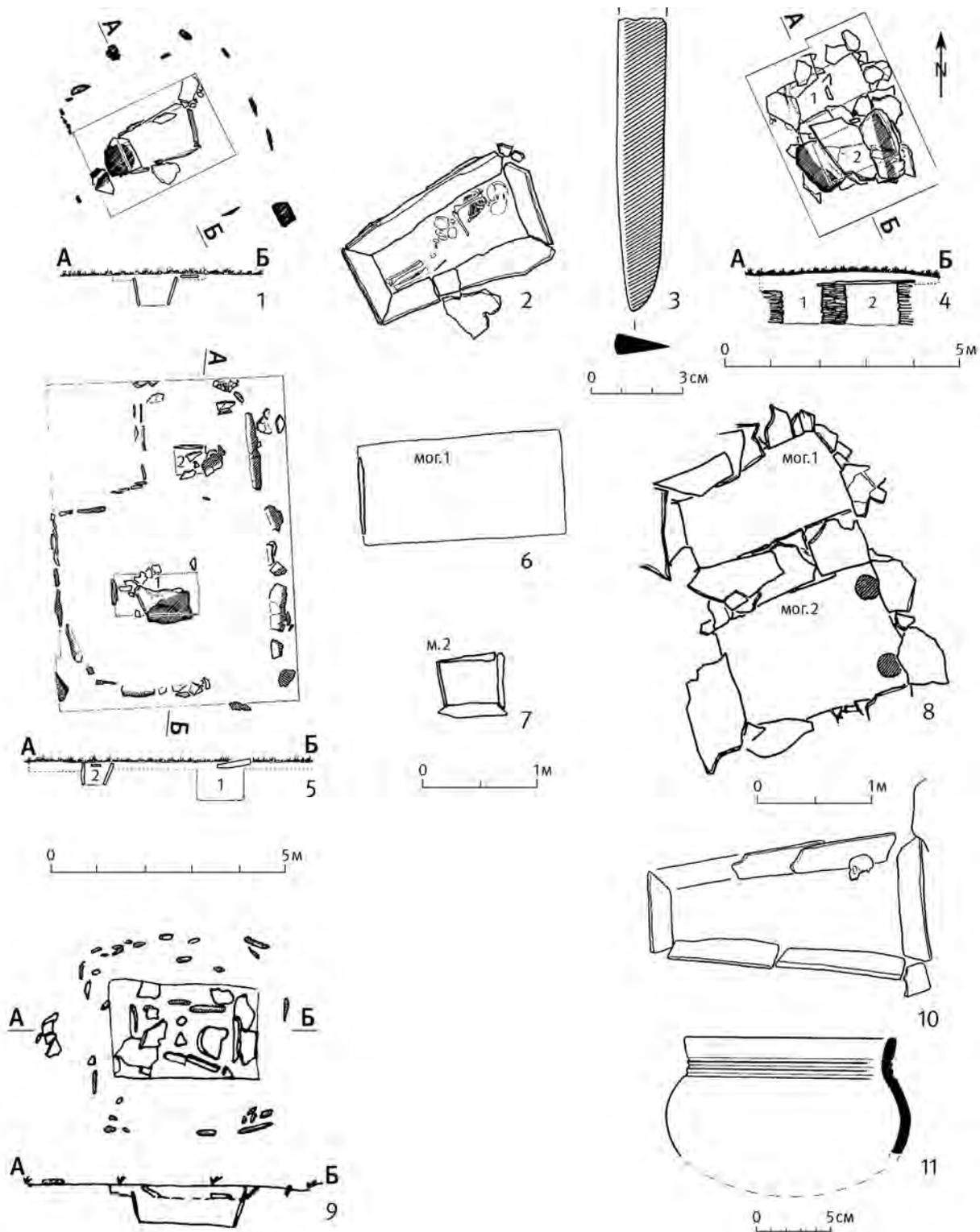

Рис. 92. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 164, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 164; 3 — обломок бронзового ножа из кург. 164; 4 — кург. 622, общий план, разрез; 5 — кург. 165, общий план, разрез; 6 — кург. 165, мог. 1; 7 — кург. 165, мог. 2; 8 — кург. 622, мог. 1-2; 9 — кург. 426, общий план, разрез; 10 — могила в кург. 426; 11 — керамический сосуд из кург. 426

Fig. 92. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 164, general plan, section; 2 — grave in tumulus 164; 3 — a fragment of bronze knife from tumulus 164; 4 — tumulus 622, general plan, section; 5 — tumulus 165, general plan, section; 6 — tumulus 165, grave 1; 7 — tumulus 165, grave 2; 8 — tumulus 622, grave 1-2; 9 — tumulus 426, general plan, section; 10 — grave in tumulus 426; 11 — a ceramic vessel from tumulus 426

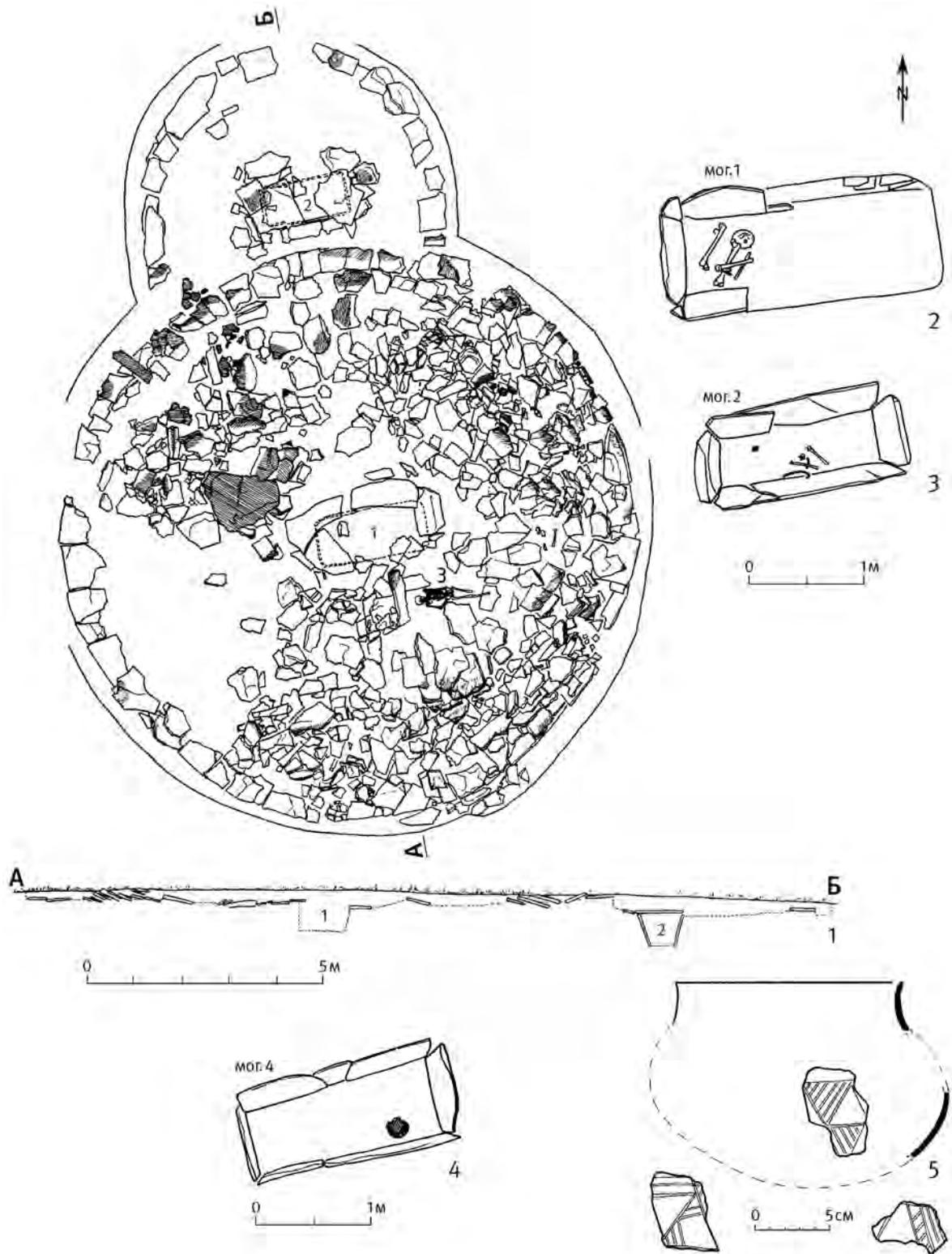

Рис. 93. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 179, общий план, разрез; 2 — кург. 179, мог. 1; 3 — кург. 179, мог. 2; 4 — кург. 180, мог. 2; 5 — фр-ты керамического сосуда из кург. 180, мог. 2

Fig. 93. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 179, general plan, section; 2 — tumulus 179, grave 1; 3 — tumulus 179, grave 2; 4 — tumulus 180, grave 2; 5 — fragments of the ceramic vessel from tumulus 180, grave 2

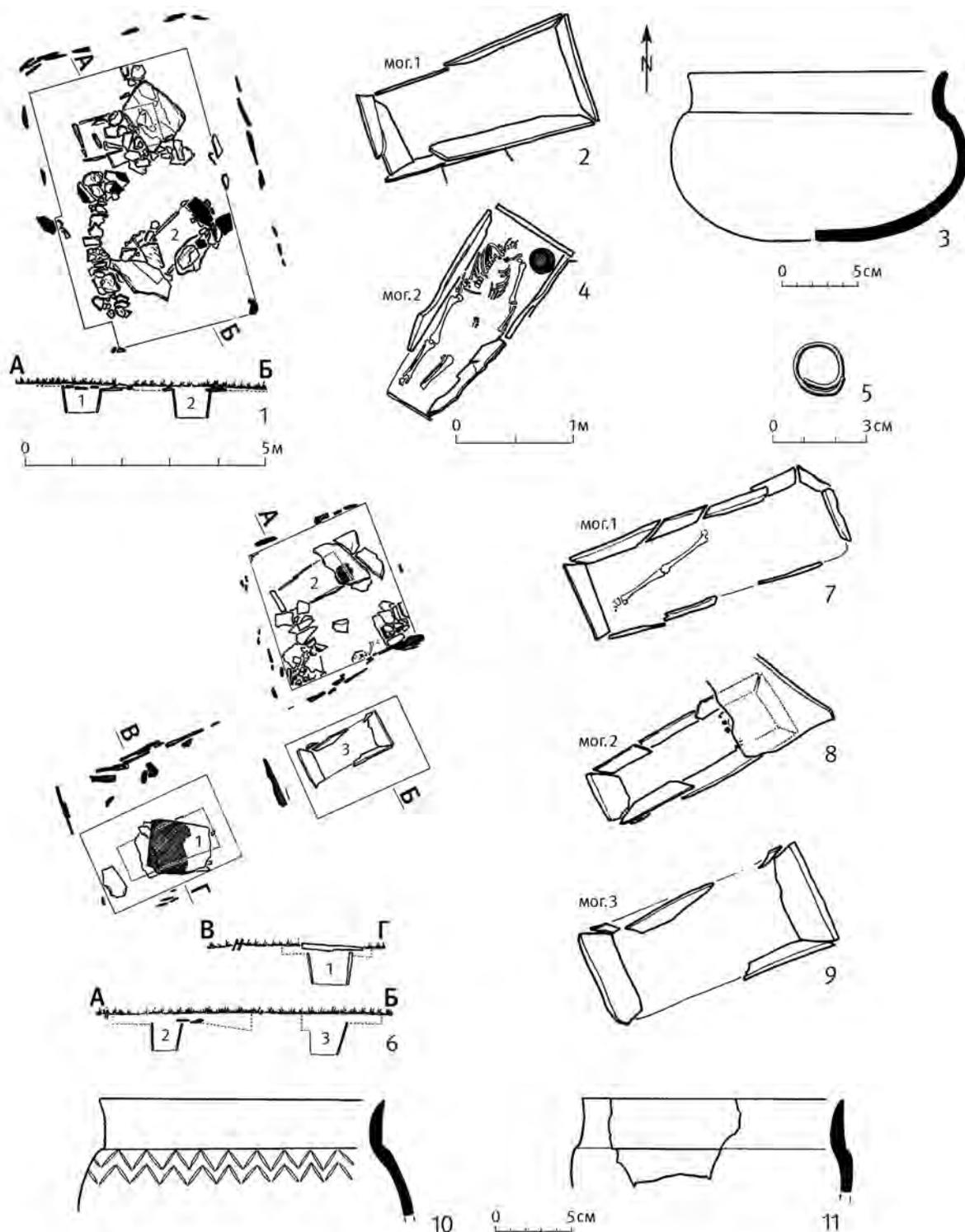

Рис. 94. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 181, общий план, разрез; 2 — кург. 181, мог. 1; 3 — керамический сосуд из кург. 181, мог. 2; 4 — кург. 181, мог. 2; 5 — бронзовое кольцо из кург. 181, мог. 2; 6 — кург. 182, общий вид, разрез; 7 — кург. 182, мог. 1; 8 — кург. 182, мог. 2; 9 — кург. 182, мог. 3; 10 — керамический сосуд из кург. 182, мог. 2; 11 — фр-т керамического сосуда из кург. 182, мог. 1

Fig. 94. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 181, general plan, section; 2 — tumulus 181, grave 1; 3 — a ceramic vessel from tumulus 181, grave 2; 4 — tumulus 181, grave 2; 5 — a bronze ring from tumulus 181, grave 2; 6 — tumulus 182, general view, section; 7 — tumulus 182, grave 1; 8 — tumulus 182, grave 2; 9 — tumulus 182, grave 3; 10 — a ceramic vessel from tumulus 182, grave 2; 11 — a ceramic fragment from tumulus 182, grave 1

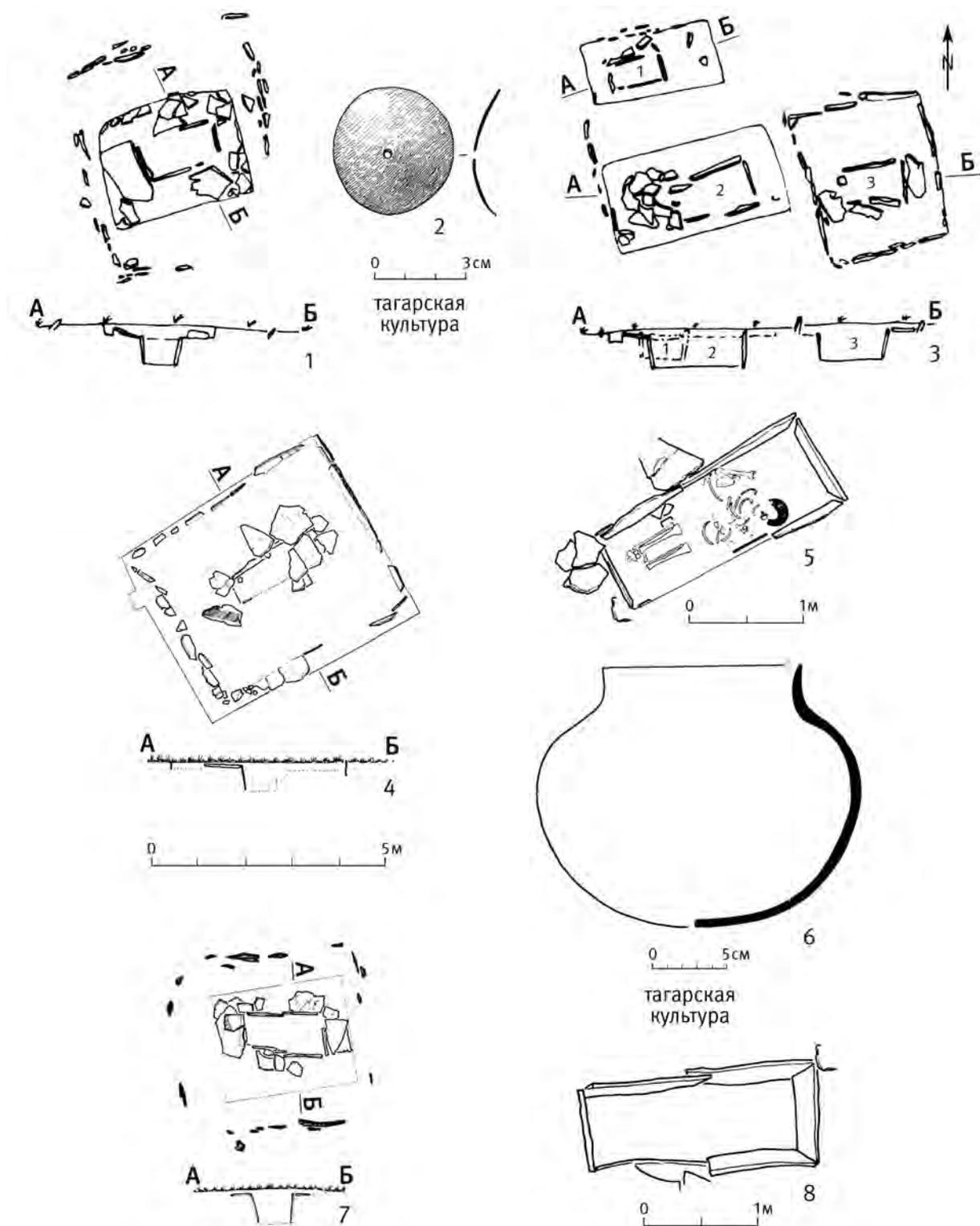

Рис. 95. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 183, общий план, разрез; 2 — бронзовая бляшка из кург. 183 (тагарская культура); 3 — кург. 184, общий план, разрез; 4 — кург. 184а, общий план, разрез; 5 — могила в кург. 184а; 6 — керамический сосуд из кург. 184а (тагарская культура); 7 — кург. 186, общий план, разрез; 8 — могила в кург. 186

Fig. 95. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 183, general plan, section; 2 — bronze plate from tumulus 183 (Tagar culture); 3 — tumulus 184, general plan, section; 4 — tumulus 184a, general plan, section; 5 — grave in tumulus 184a; 6 — a ceramic vessel from tumulus 184a (Tagar culture); 7 — tumulus 186, general plan, section; 8 — grave in tumulus 186

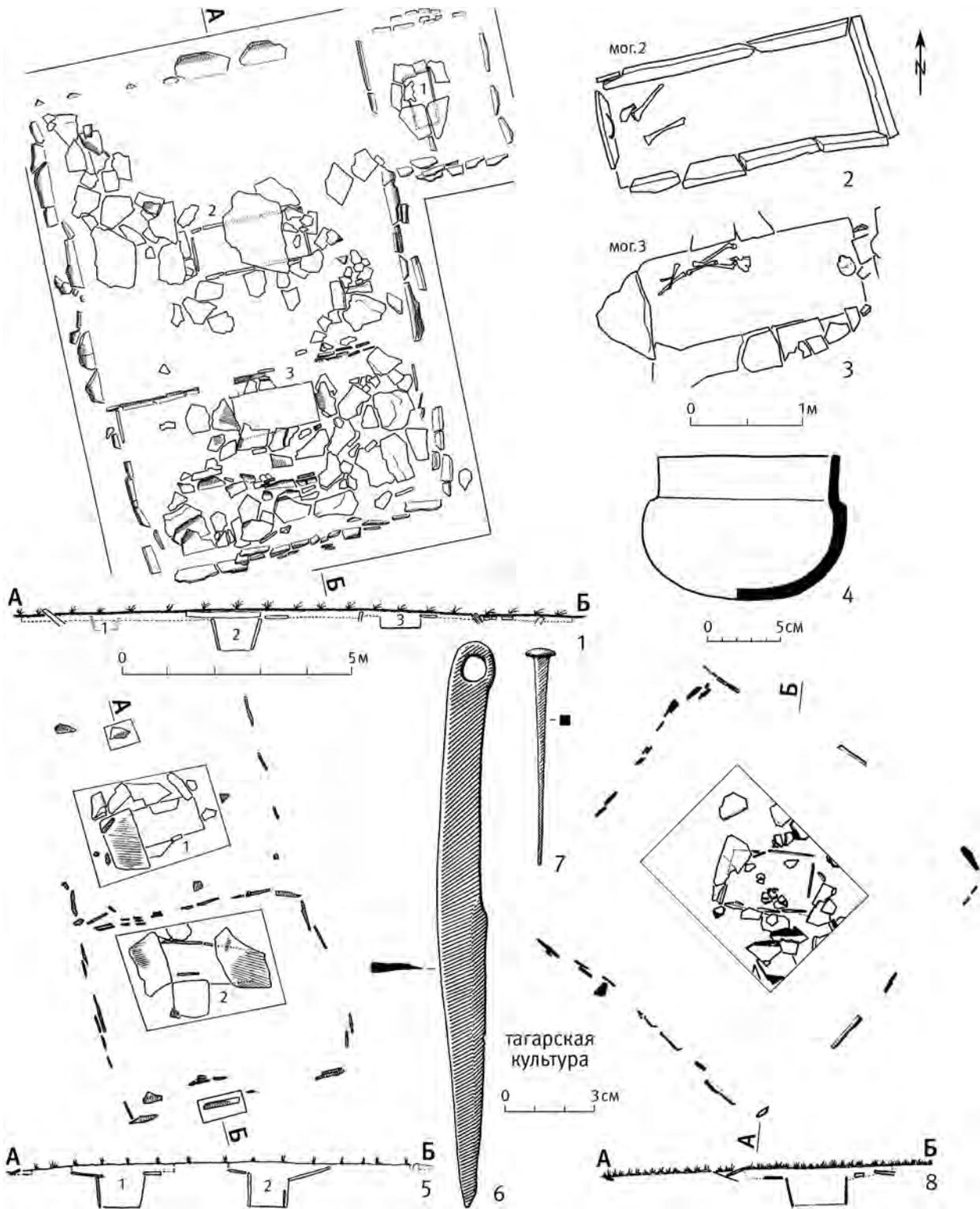

Рис. 96. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 185, общий план, разрез; 2 — кург. 185, мог. 2; 3 — кург. 185, мог. 3; 4 — керамический сосуд из кург. 185, мог. 3; 5 — кург. 188, общий план, разрез; 6 — бронзовый нож из кург. 188, мог. 1 (тагарская культура); 7 — бронзовое шило из кург. 188, мог. 2 (тагарская культура); 8 — кург. 190, общий план, разрез

Fig. 96. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 185, general plan, section; 2 — tumulus 185, grave 2; 3 — tumulus 185, grave 3; 4 — a ceramic vessel from tumulus 185, grave 3; 5 — tumulus 188, general plan, section; 6 — bronze knife from tumulus 188, grave 1 (Tagar culture); 7 — a bronze awl from tumulus 188, grave 2 (Tagar culture); 8 — tumulus 190, general plan, section

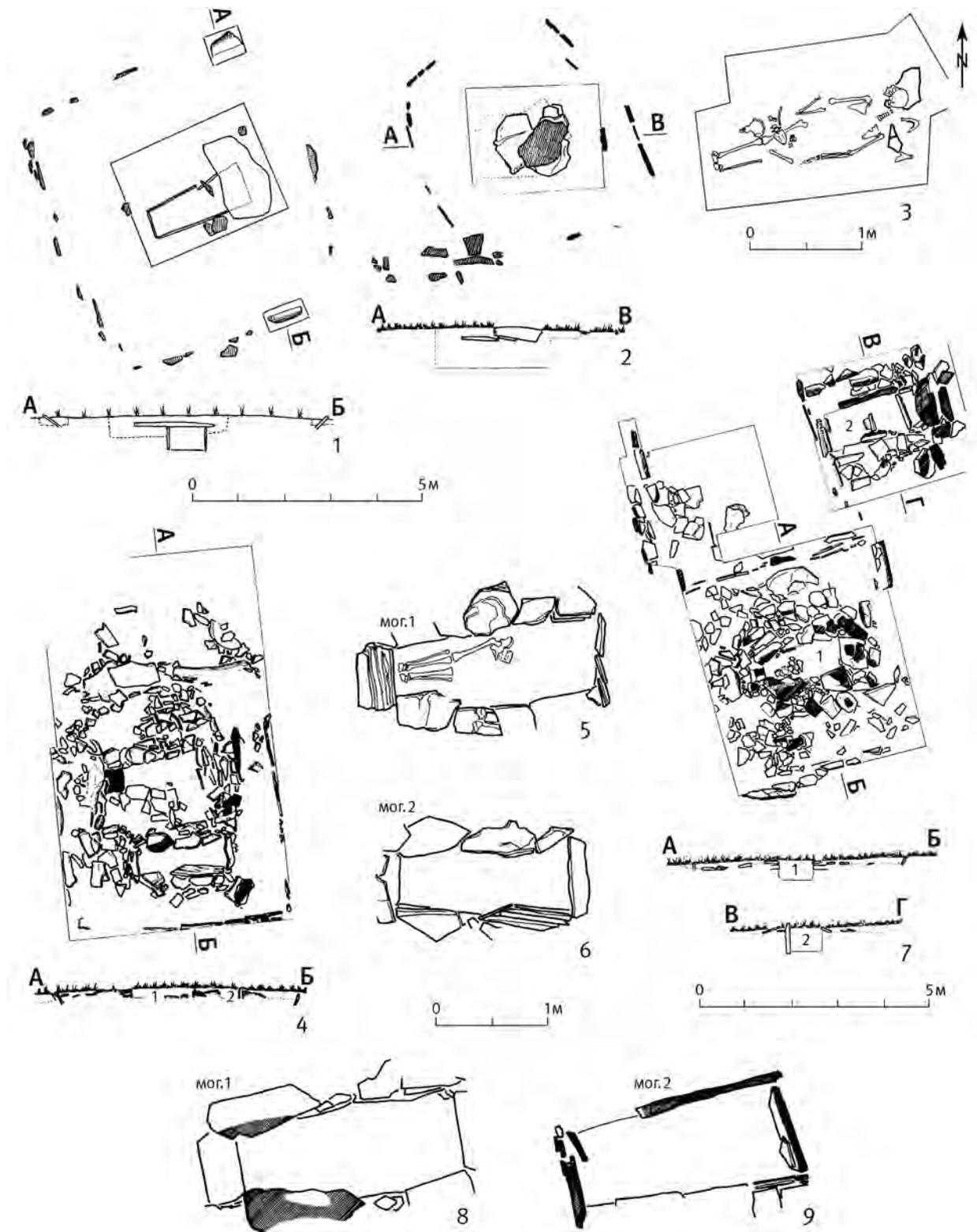

Рис. 97. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 191, общий план, разрез; 2 — кург. 191а, общий план, разрез; 3 — могила в кург. 191а; 4 — кург. 192, общий план, разрез; 5 — кург. 192, мог. 1; 6 — кург. 192, мог. 2; 7 — кург. 193, общий план, разрез; 8 — кург. 193, мог. 1; 9 — кург. 193, мог. 2

Fig. 97. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 191, general plan, section; 2 — tumulus 191a, general plan, section; 3 — grave in tumulus 191a; 4 — tumulus 192, general plan, section; 5 — tumulus 192, grave 1; 6 — tumulus 192, grave 2; 7 — tumulus 193, general plan, section; 8 — tumulus 193, grave 1; 9 — tumulus 193, grave 2

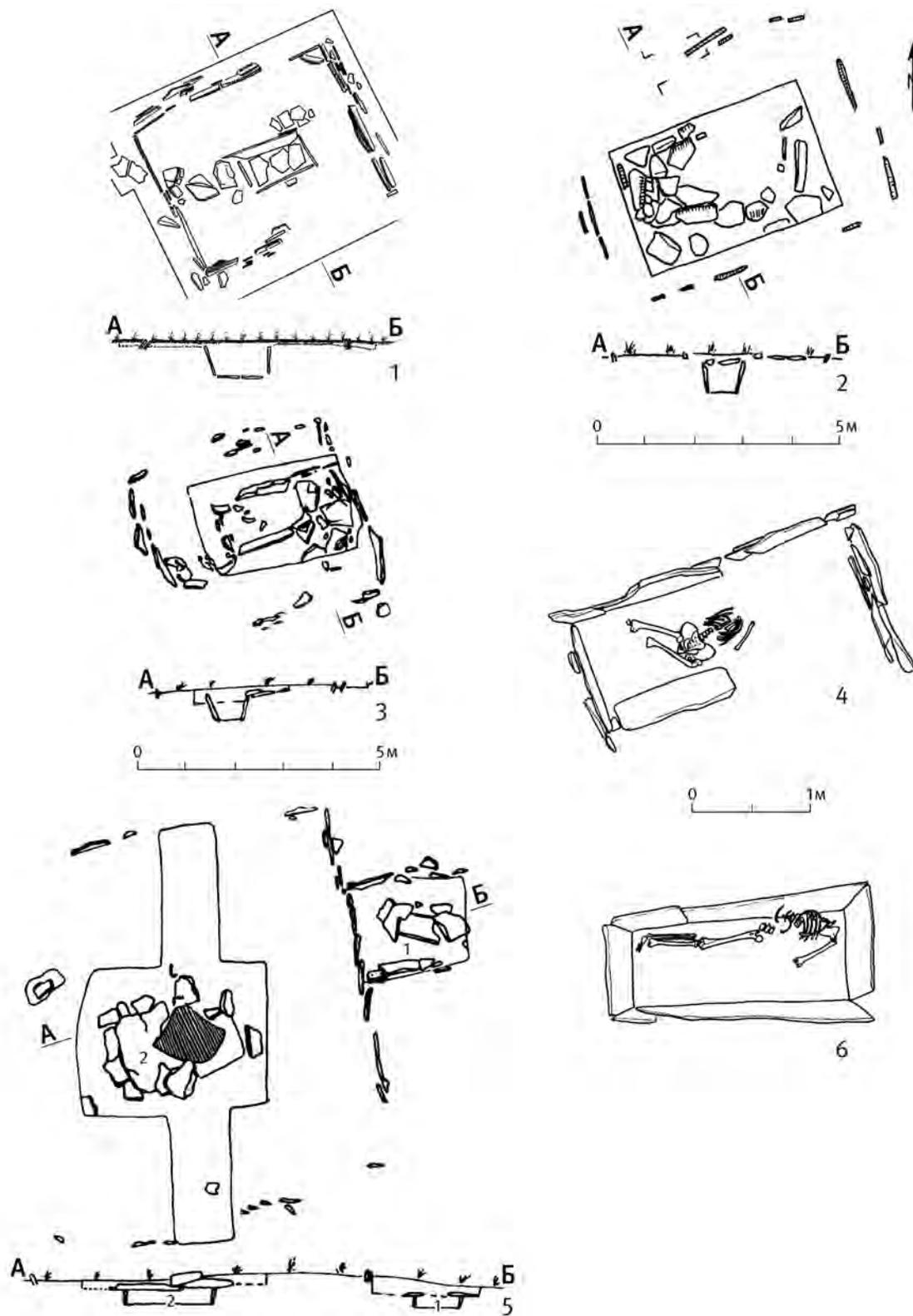

Рис. 98. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 199, общий план, разрез; 2 — кург. 200, общий план, разрез; 3 — кург. 201, общий план, разрез; 4 — могила в кург. 201; 5 — кург. 205, общий план, разрез; 6 — могила в кург. 205

Fig. 98. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 199, general plan, section; 2 — tumulus 200, general plan, section; 3 — tumulus 201, general plan, section; 4 — grave in tumulus 201; 5 — tumulus 205, general plan, section; 6 — grave in tumulus 205

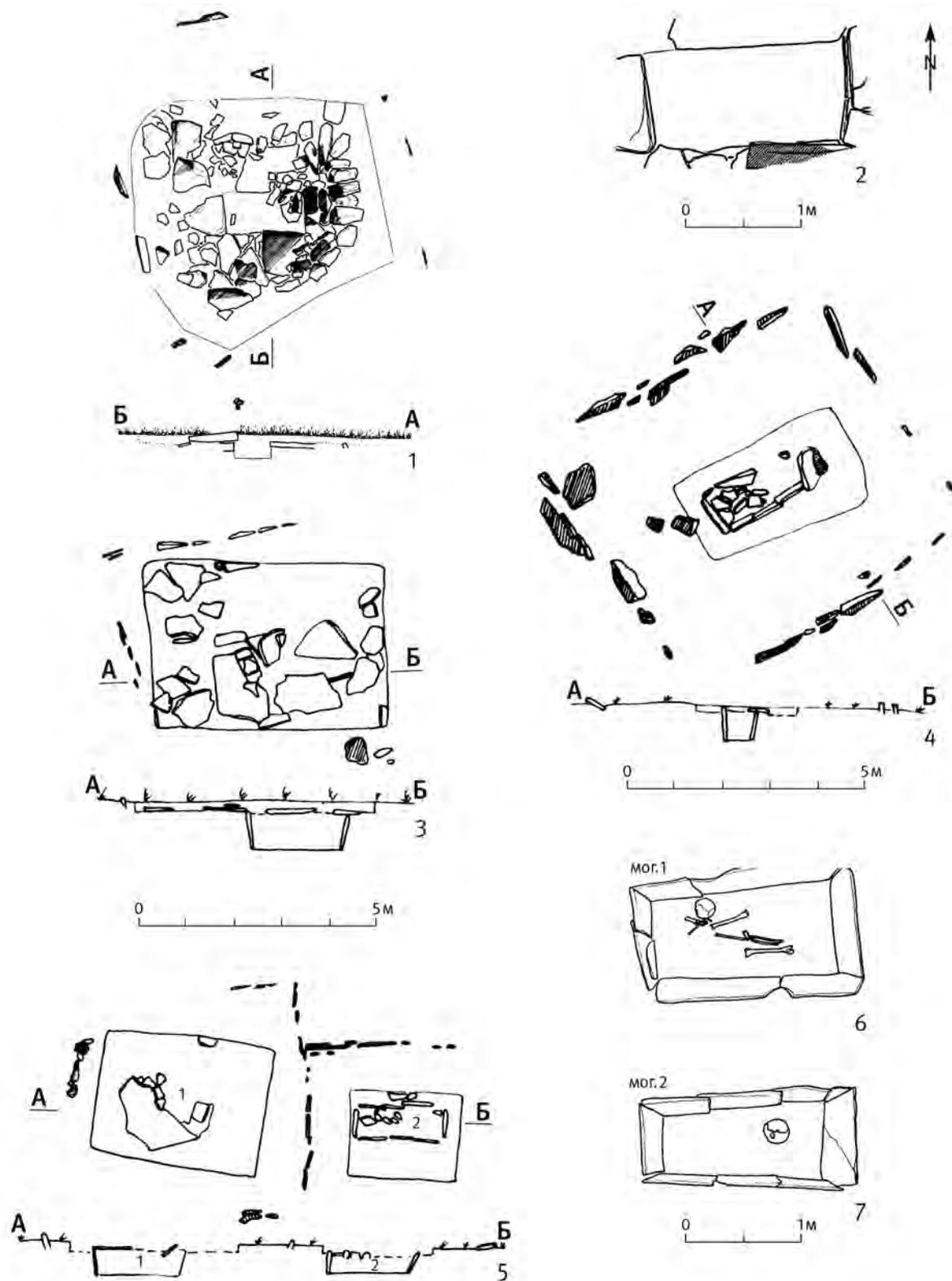

Рис. 99. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 209, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 209; 3 — кург. 216, общий план, разрез; 4 — кург. 211а, общий план, разрез; 5 — кург. 212, общий план, разрез; 6 — кург. 212, мог. 1; 7 — кург. 212, мог. 2

Fig. 99. Materials of the cemetery Sukhoie Ozero II excavations: 1 — tumulus 209, general plan, section; 2 — grave in tumulus 209; 3 — tumulus 216, general plan, section; 4 — tumulus 211a, general plan, section; 5 — tumulus 212, general plan, section; 6 — tumulus 212, grave 1; 7 — tumulus 212, grave 2

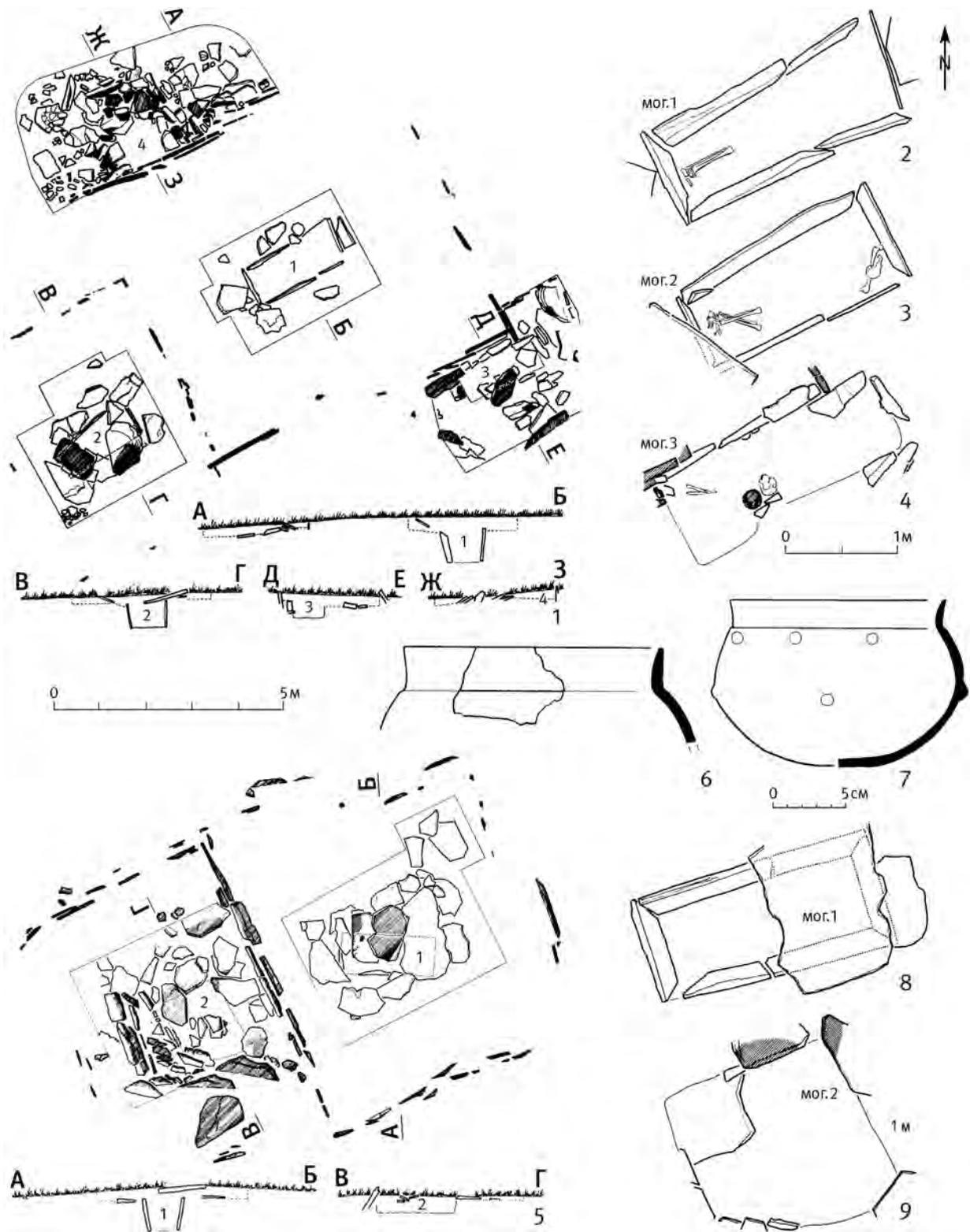

Рис. 100. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 213, общий план, разрезы; 2 — кург. 213, мог. 1; 3 — кург. 213, мог. 2; 4 — кург. 213, мог. 3; 5 — кург. 214, общий план, разрезы; 6 — фр-т керамического сосуда из кург. 213, мог. 1; 7 — керамический сосуд из кург. 213, мог. 3; 8 — кург. 214, мог. 1; 9 — кург. 214, мог. 2

Fig. 100. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 213, general plan, sections; 2 — tumulus 213, grave 1; 3 — tumulus 213, grave 2; 4 — tumulus 213, grave 3; 5 — tumulus 214, general plan, sections; 6 — a ceramic fragment from tumulus 213, grave 1; 7 — a ceramic vessel from tumulus 213, grave 3; 8 — tumulus 214, grave 1; 9 — tumulus 214, grave 2

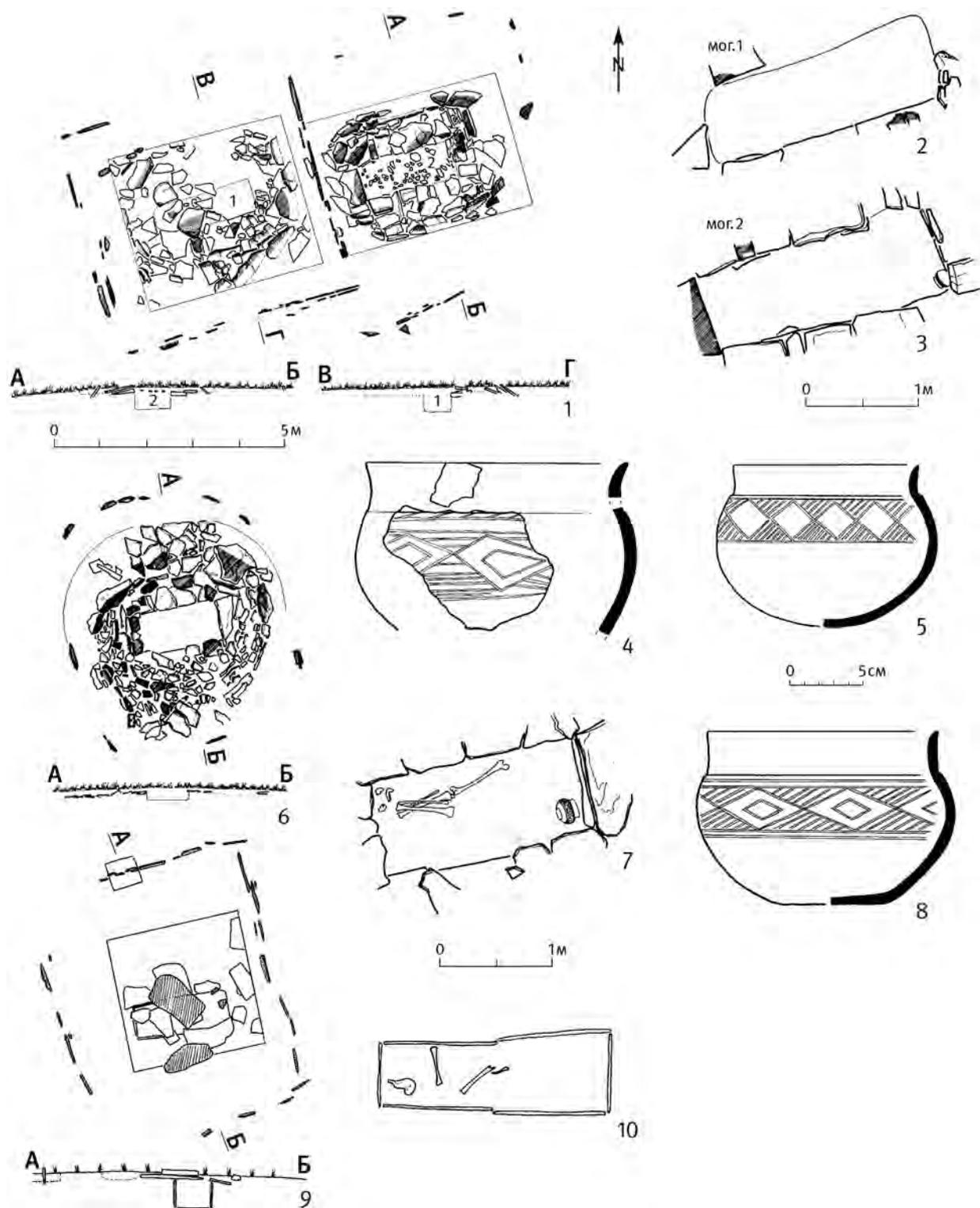

Рис. 101. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 215, общий план, разрезы; 2 — кург. 215, мог. 1; 3 — кург. 215, мог. 2; 4 — фр-ты керамического сосуда из кург. 215, мог. 1; 5 — керамический сосуд из кург. 215, мог. 2; 6 — кург. 217, общий план, разрез; 7 — могила в кург. 217; 8 — керамический сосуд из кург. 217; 9 — кург. 220, общий план, разрез; 10 — могила в кург. 220

Fig. 101. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 215, general plan, sections; 2 — tumulus 215, grave 1; 3 — tumulus 215, grave 2; 4 — fragments of the ceramic vessel from tumulus 215, grave 1; 5 — a ceramic vessel from tumulus 215, grave 2; 6 — tumulus 217, general plan, section; 7 — grave in tumulus 217; 8 — a ceramic vessel from tumulus 217; 9 — tumulus 220, general plan, section; 10 — grave in tumulus 220

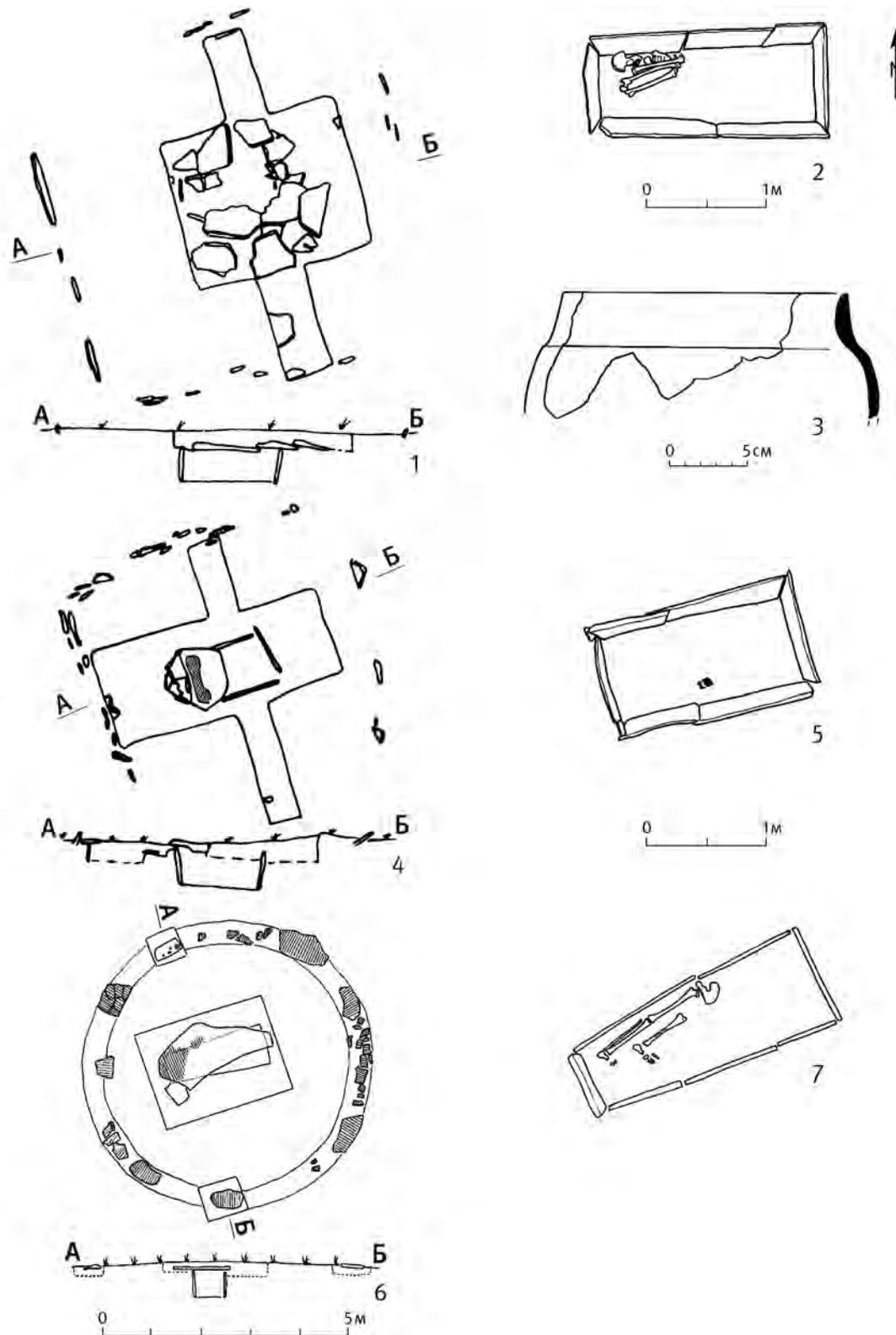

Рис. 102. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 221, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 221; 3 — керамический сосуд из кург. 221; 4 — кург. 222, общий план, разрез; 5 — могила в кург. 222; 6 — кург. 225, общий план, разрез; 7 — могила в кург. 225

Fig. 102. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 221, general plan, section; 2 — grave in tumulus 221; 3 — a ceramic vessel from tumulus 221; 4 — tumulus 222, general plan, section; 5 — grave in tumulus 222; 6 — tumulus 225, general plan, section; 7 — grave in tumulus 225

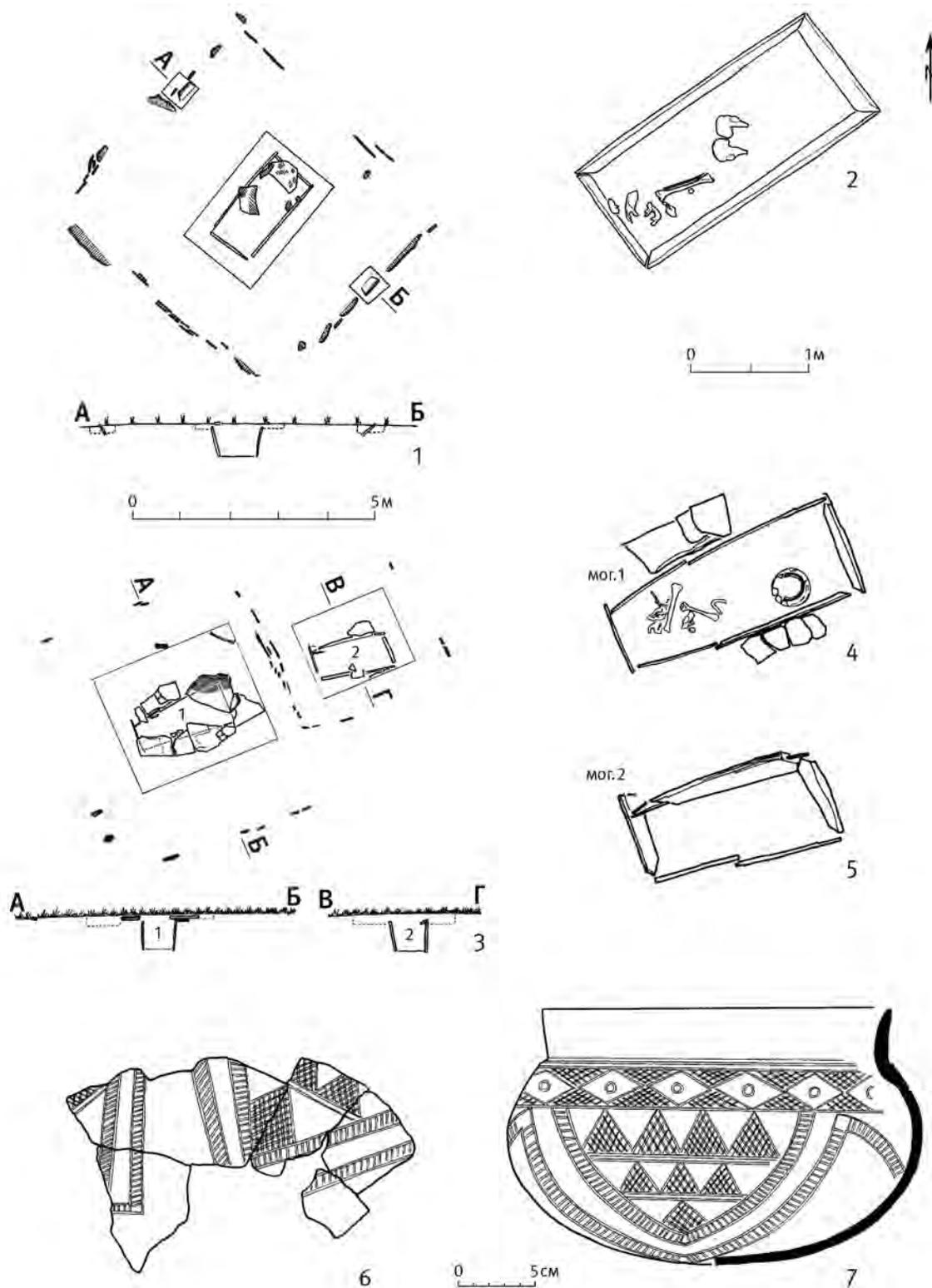

Рис. 103. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 223, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 223; 3 — кург. 223а, общий план, разрезы; 4 — кург. 223а, мог. 1; 5 — кург. 223а, мог. 2; 6 — фр-т керамического сосуда из кург. 223а, мог. 1; 7 — керамический сосуд из кург. 223а, мог. 1

Fig. 103. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 223, general plan, section; 2 — grave in tumulus 223; 3 — tumulus 223a, general plan, sections; 4 — tumulus 223a, grave 1; 5 — tumulus 223a, grave 2; 6 — a ceramic fragment from tumulus 223a, grave 1; 7 — a ceramic vessel from tumulus 223a, grave 1

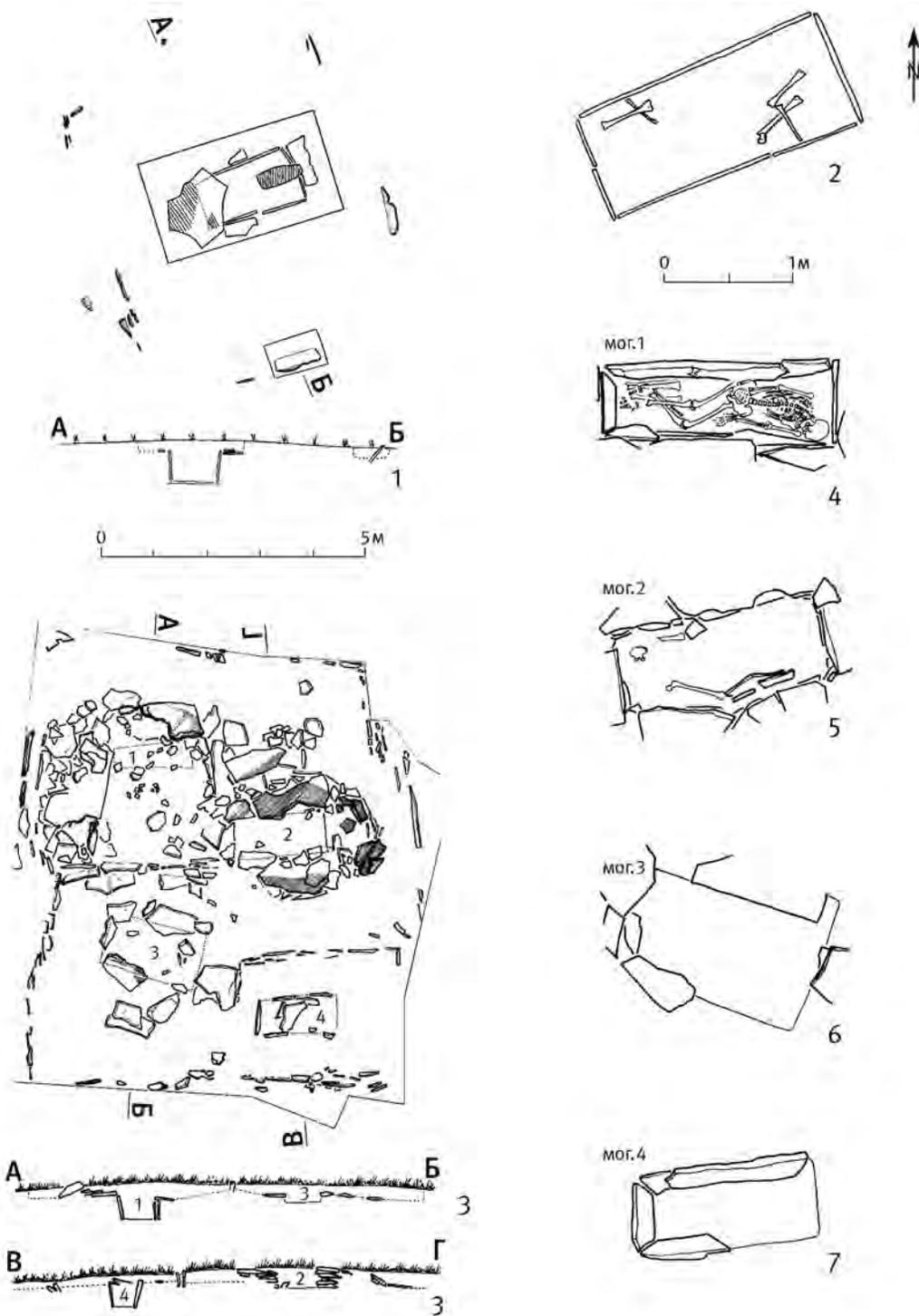

Рис. 104. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 227, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 227; 3 — кург. 229, общий план, разрезы; 4 — кург. 229, мог. 1; 5 — кург. 229, мог. 2; 6 — кург. 229, мог. 3; 7 — кург. 229, мог. 4

Fig. 104. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 227, general plan, section; 2 — grave in tumulus 227; 3 — tumulus 229, general plan, sections; 4 — tumulus 229, grave 1; 5 — tumulus 229, grave 2; 6 — tumulus 229, grave 3; 7 — tumulus 229, grave 4

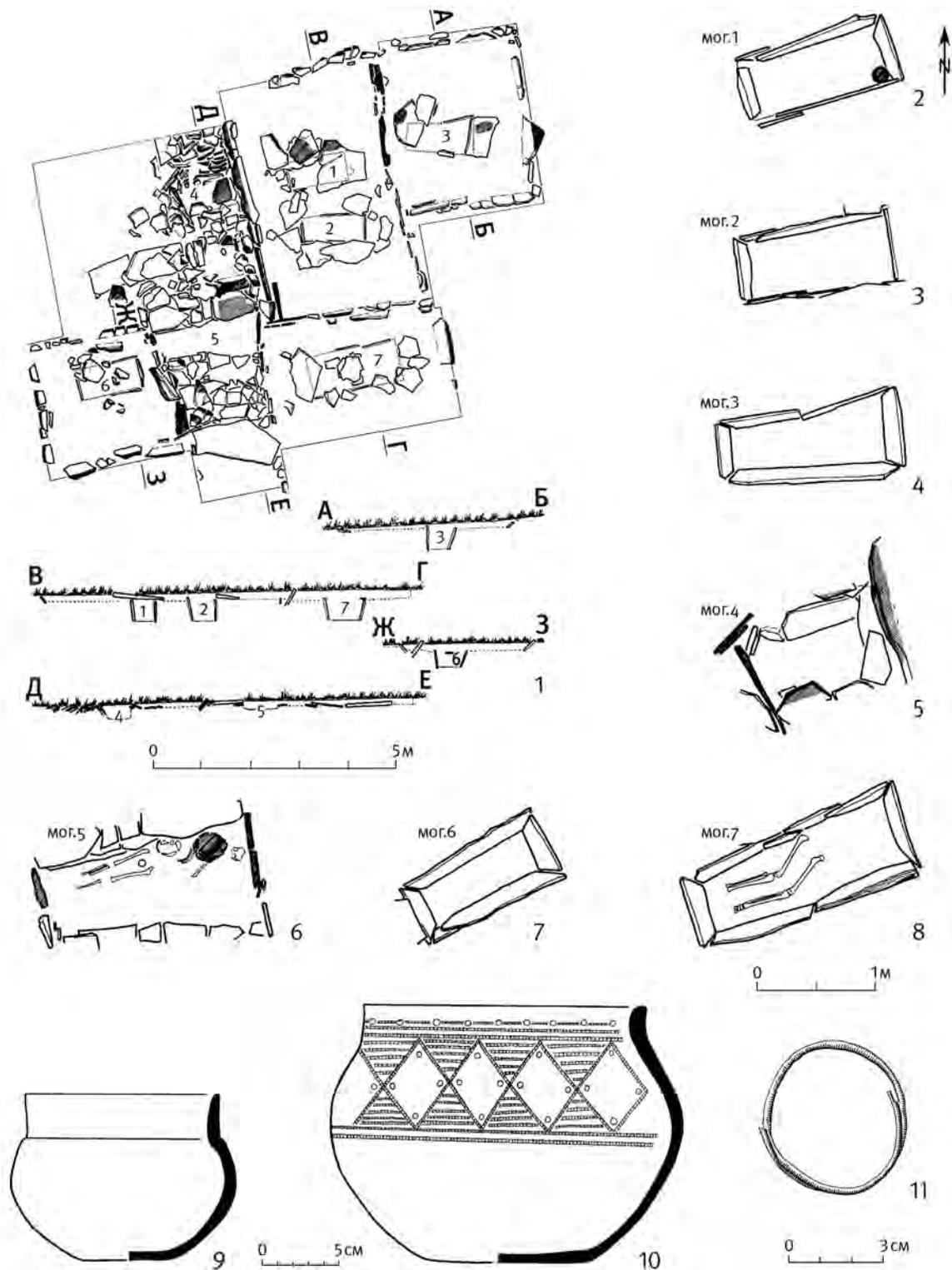

Рис. 105. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 228, общий план, разрезы; 2 — кург. 228, мог. 1; 3 — кург. 228, мог. 2; 4 — кург. 228, мог. 3; 5 — кург. 228, мог. 4; 6 — кург. 228, мог. 5; 7 — кург. 228, мог. 6; 8 — кург. 228, мог. 7; 9 — керамический сосуд из кург. 228, мог. 1; 10 — керамический сосуд из кург. 228, мог. 5; 11 — бронзовое кольцо из кург. 228, мог. 5

Fig. 105. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 228, general plan, sections; 2 — tumulus 228, grave 1; 3 — tumulus 228, grave 2; 4 — tumulus 228, grave 3; 5 — tumulus 228, grave 4; 6 — tumulus 228, grave 5; 7 — tumulus 228, grave 6; 8 — tumulus 228, grave 7; 9 — a ceramic vessel from tumulus 228, grave 1; 10 — a ceramic vessel from tumulus 228, grave 5; 11 — a bronze ring from tumulus 228, grave 5

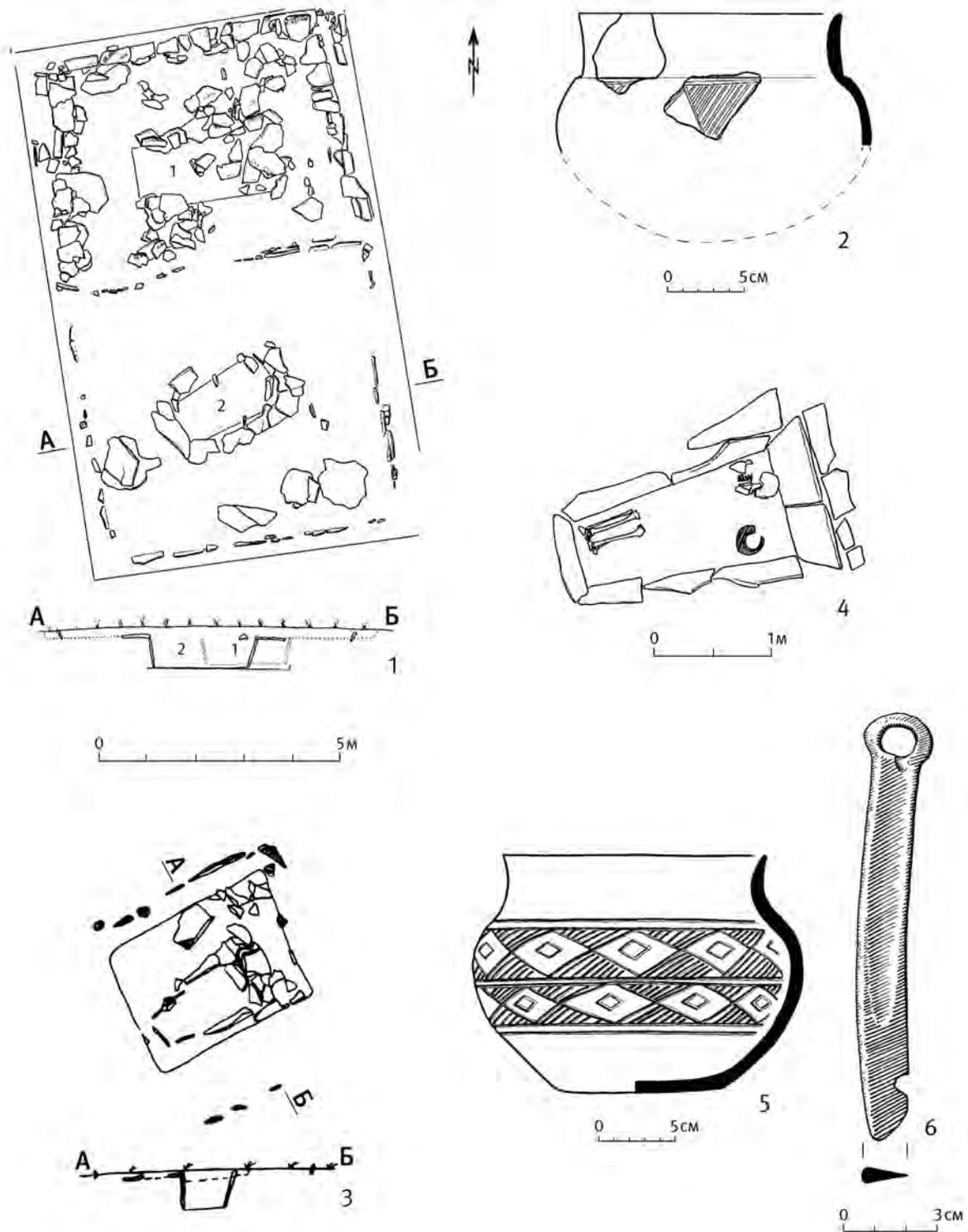

Рис. 106. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 248, общий план, разрез; 2 — керамический сосуд из кург. 248, мог. 1; 3 — кург. 248а, общий план, разрез; 4 — могила в кург. 248а; 5 — керамический сосуд из кург. 248а; 6 — рукоятка бронзового ножа из кург. 248а

Fig. 106. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 248, general plan, section; 2 — a ceramic vessel from tumulus 248, grave 1; 3 — tumulus 248a, general plan, section; 4 — grave in tumulus 248a; 5 — a ceramic vessel from tumulus 248a; 6 — handle of a bronze knife from tumulus 248a

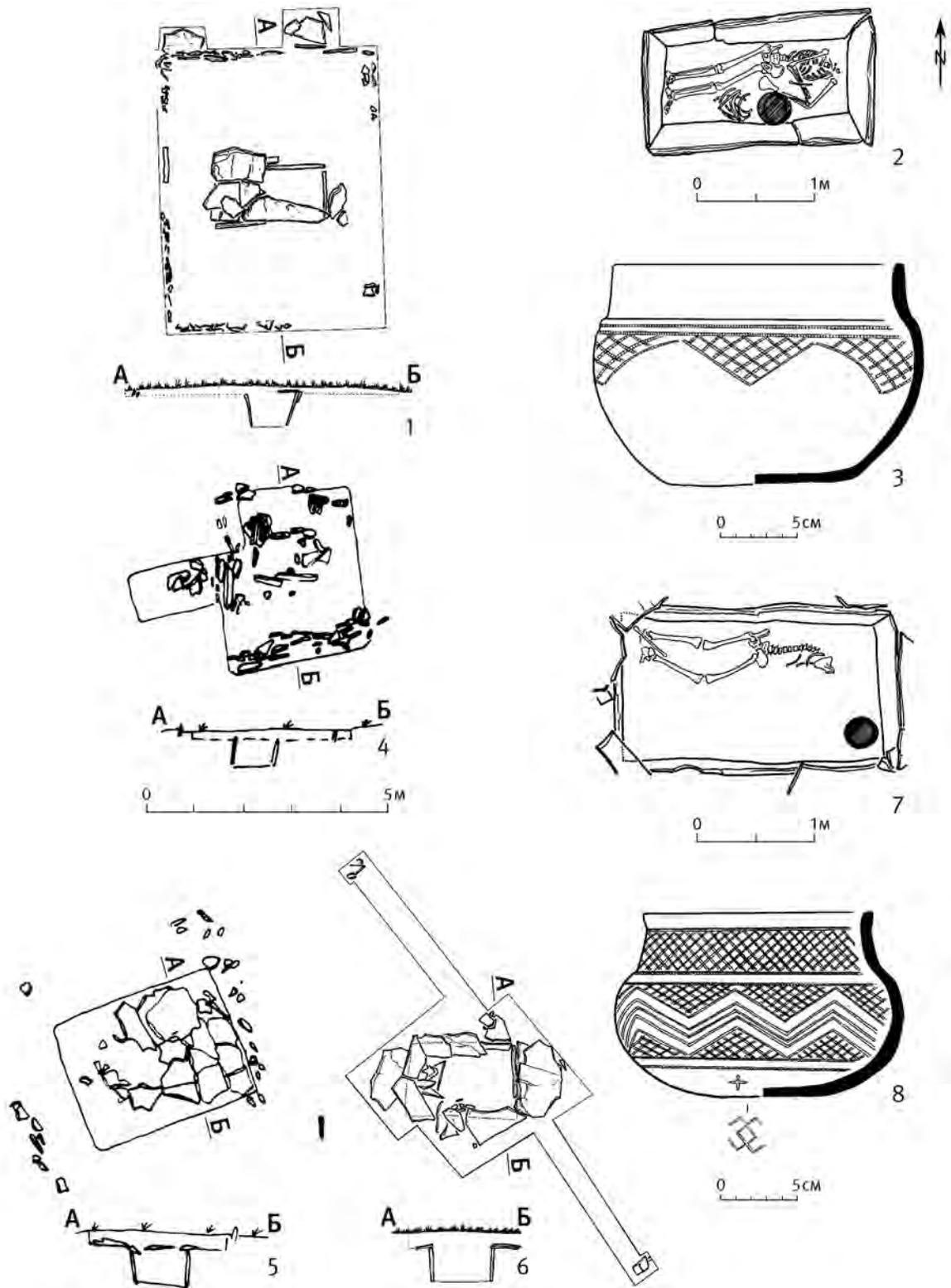

Рис. 107. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 176, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 176; 3 — керамический сосуд из кург. 176; 4 — кург. 372, общий план, разрез; 5 — кург. 398, общий план, разрез; 6 — кург. 374, общий план, разрез; 7 — могила в кург. 374; 8 — керамический сосуд из кург. 374

Fig. 107. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 176, general plan, section; 2 — grave in tumulus 176; 3 — a ceramic vessel from tumulus 176; 4 — tumulus 372, general plan, section; 5 — tumulus 398, general plan, section; 6 — tumulus 374, general plan, section; 7 — grave in tumulus 374; 8 — a ceramic vessel from tumulus 374

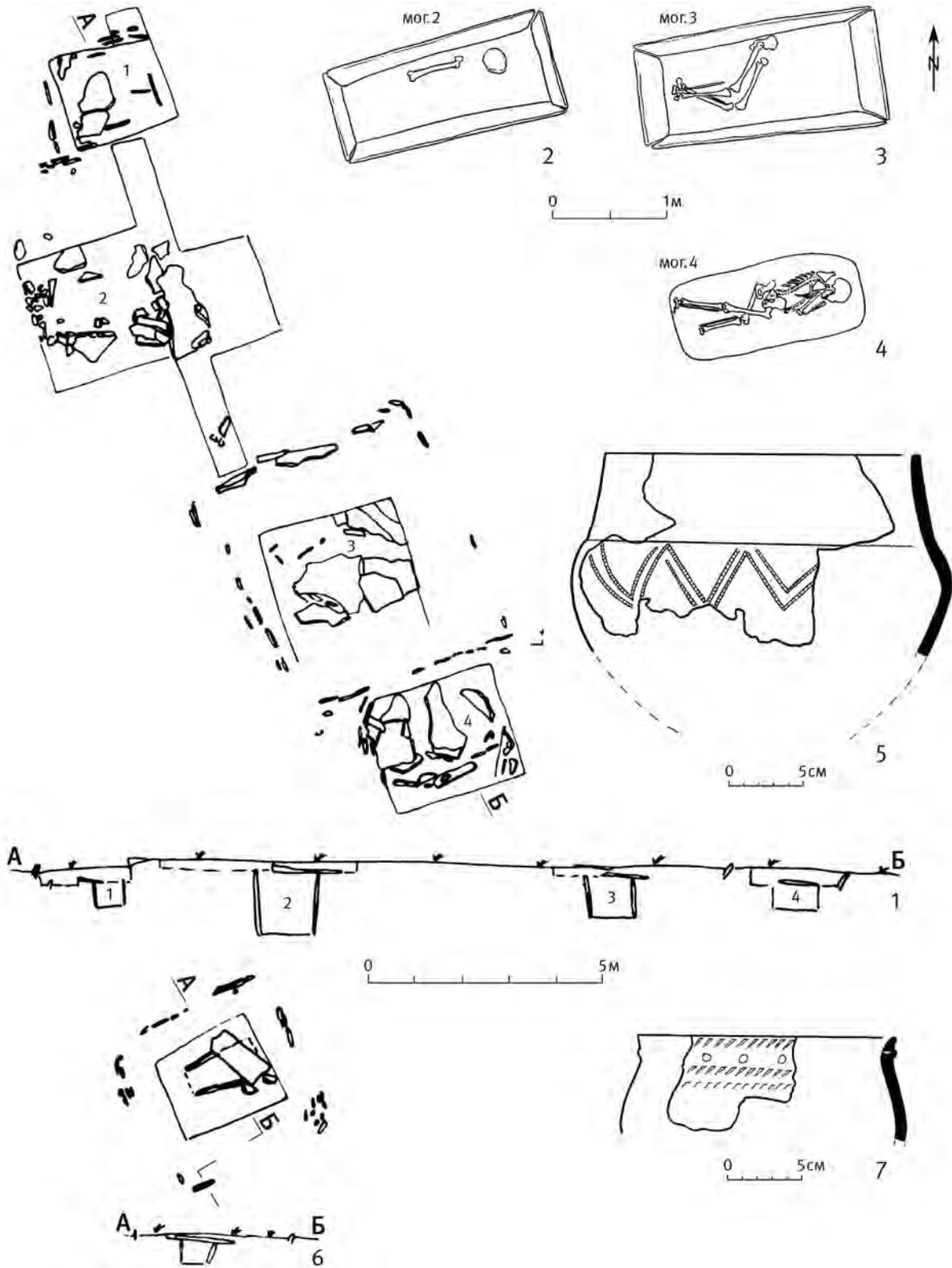

Рис. 108. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 378, общий план, разрез; 2 — кург. 378, мог. 2; 3 — кург. 378, мог. 3; 4 — кург. 378, мог. 4; 5 — фр-т керамического сосуда из кург. 378, мог. 2; 6 — кург. 404, общий план, разрез; 7 — фр-т керамического сосуда из кург. 404

Fig. 108. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 378, general plan, section; 2 — tumulus 378, grave 2; 3 — tumulus 378, grave 3; 4 — tumulus 378, grave 4; 5 — a ceramic fragment from tumulus 378 grave 2; 6 — tumulus 404, general plan, section; 7 — a ceramic fragment from tumulus 404

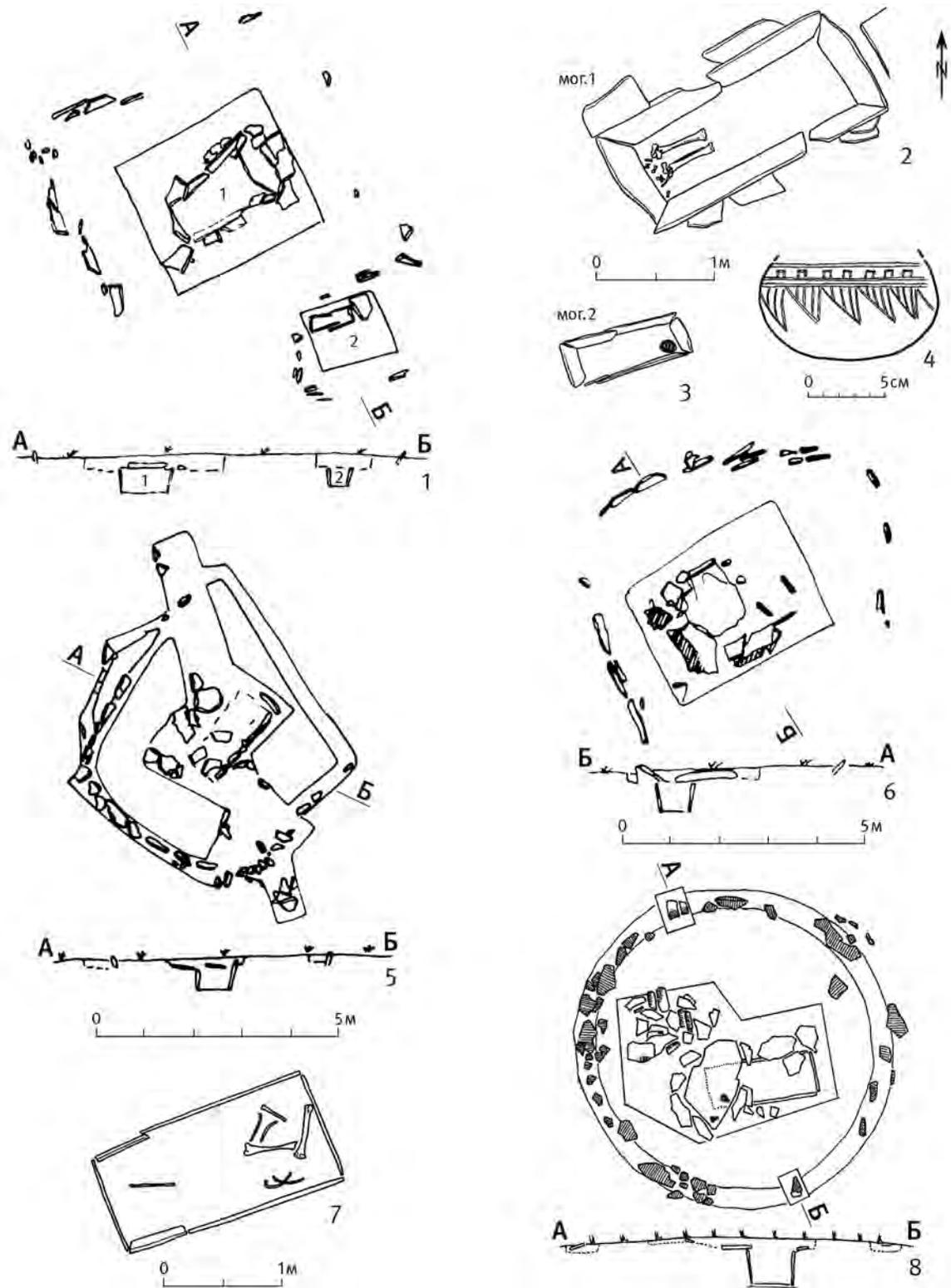

Рис. 109. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 400, общий план, разрез; 2 — кург. 400, мог. 1; 3 — кург. 400, мог. 2; 4 — керамический сосуд из кург. 400, мог. 2; 5 — кург. 402, общий план, разрез; 6 — кург. 408, общий план, разрез; 7 — могила в кург. 412; 8 — кург. 412, общий план, разрез

Fig. 109. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 400, general plan, section; 2 — tumulus 400, grave 1; 3 — tumulus 400, grave 2; 4 — a ceramic vessel from tumulus 400, grave 2; 5 — tumulus 402, general plan, section; 6 — tumulus 408, general plan, section; 7 — grave in tumulus 412; 8 — tumulus 412, general plan, section

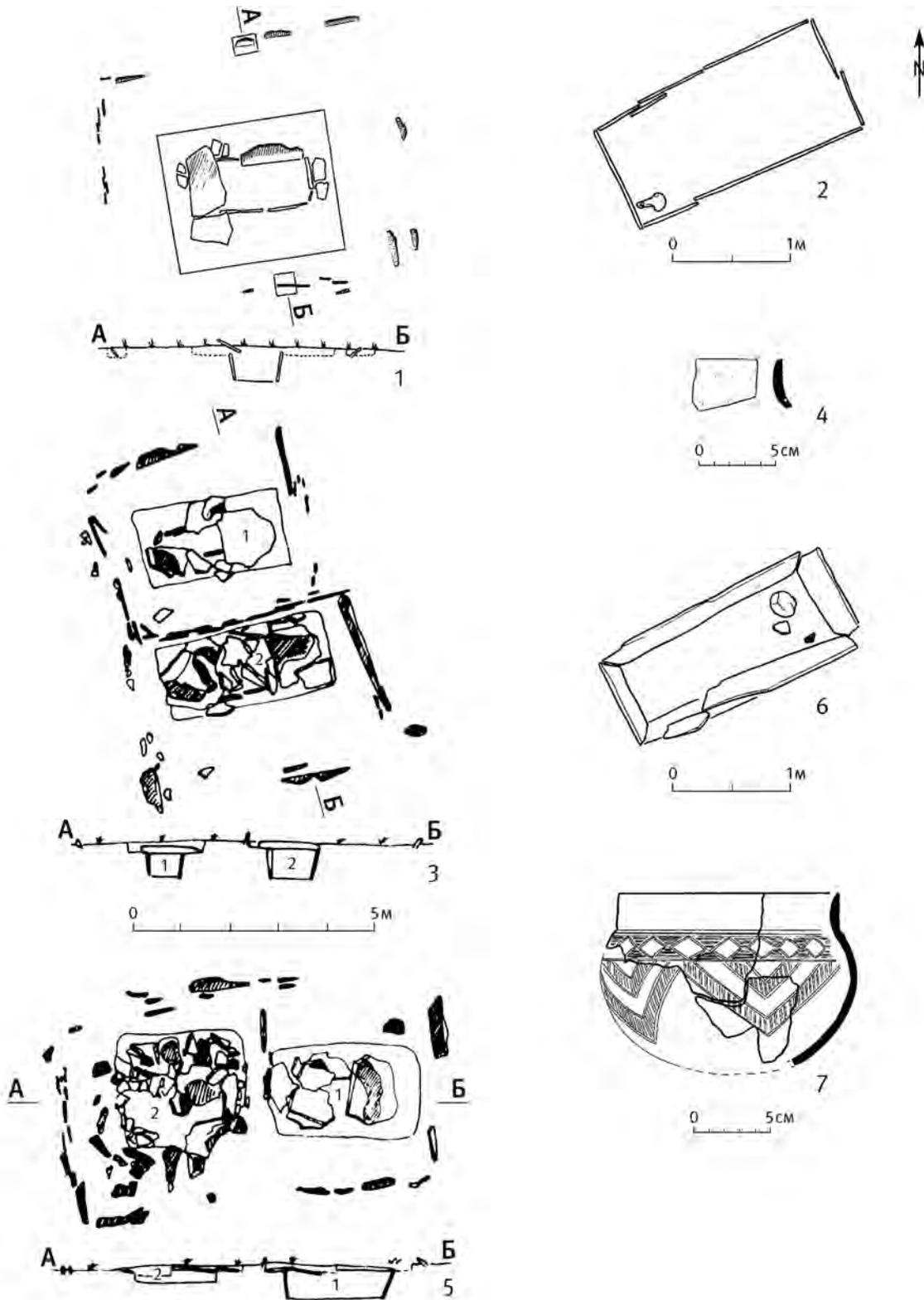

Рис. 110. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 414, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 414; 3 — кург. 230, общий план, разрез; 4 — фр-т керамического сосуда из кург. 230, мог. 2; 5 — кург. 231, общий план, разрез; 6 — кург. 231, мог. 1; 7 — керамический сосуд из кург. 231, мог. 1

Fig. 110. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 414, general plan, section; 2 — grave in tumulus 414; 3 — tumulus 230, general plan, section; 4 — a ceramic fragment from tumulus 230, grave 2; 5 — tumulus 231, general plan, section; 6 — tumulus 231, grave 1; 7 — a ceramic vessel from tumulus 231, grave 1

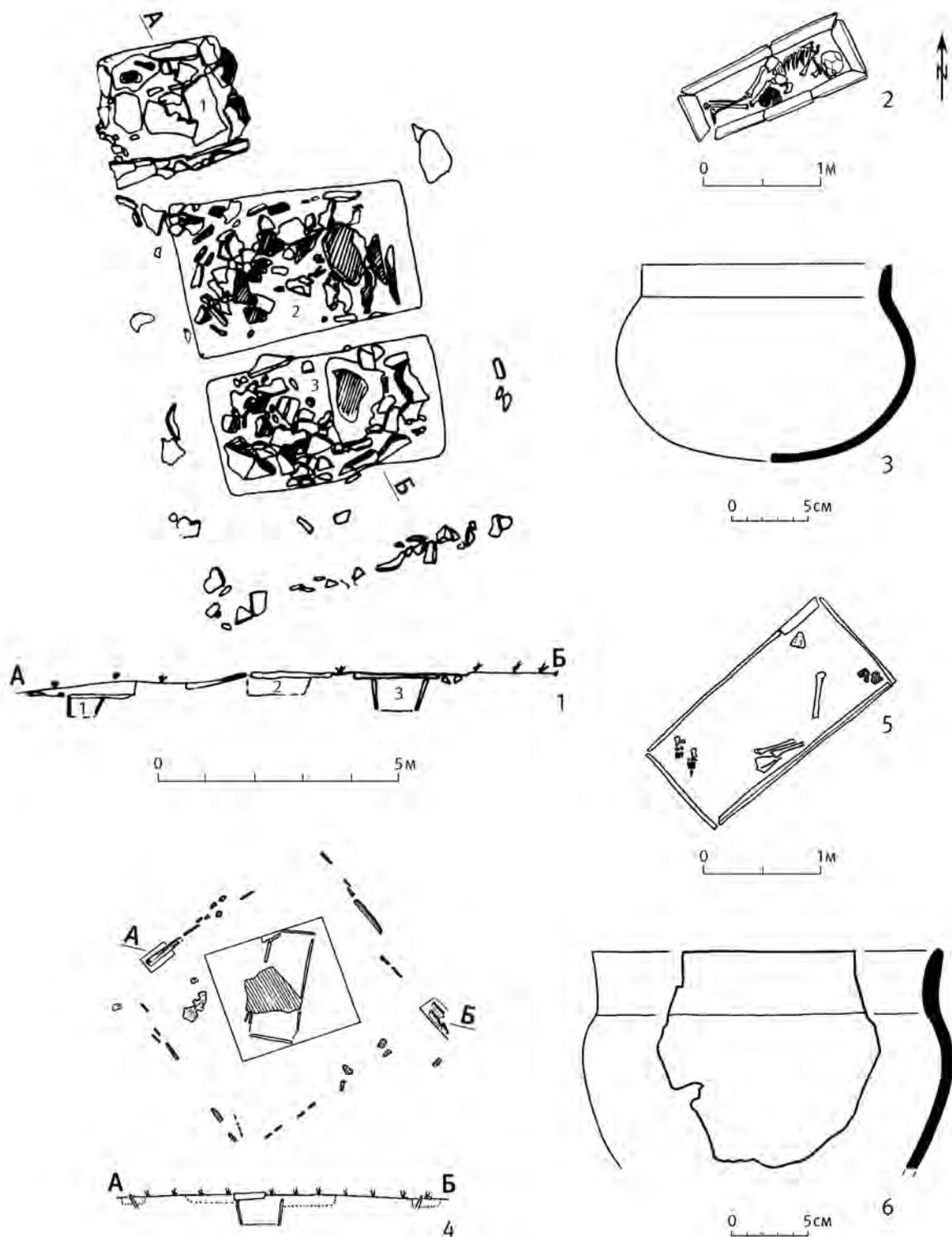

Рис. 111. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 232, общий план, разрез; 2 — кург. 232, мог. 1; 3 — керамический сосуд из кург. 232, мог. 1; 4 — кург. 233, общий план, разрез; 5 — могила в кург. 233; 6 — фр-т керамического сосуда из кург. 233

Fig. 111. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 232, general plan, section; 2 — tumulus 232, grave 1; 3 — a ceramic vessel from tumulus 232, grave 1; 4 — tumulus 233, general plan, section; 5 — grave in tumulus 233; 6 — a ceramic fragment from tumulus 233

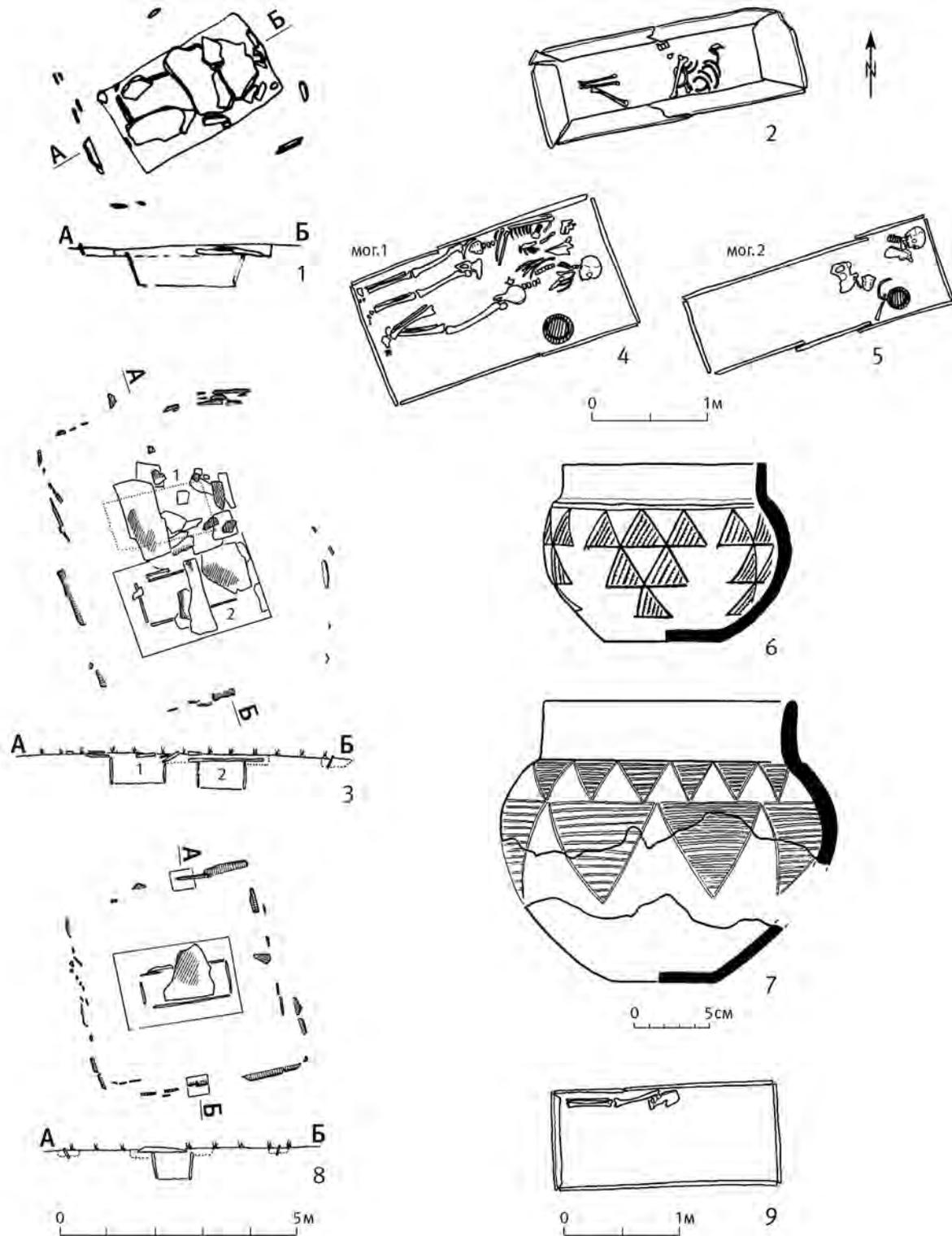

Рис. 112. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 234, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 234; 3 — кург. 236, общий план, разрез; 4 — кург. 236, мог. 1; 5 — кург. 236, мог. 2; 6 — керамический сосуд из кург. 236, мог. 2; 7 — керамический сосуд из кург. 236, мог. 1; 8 — кург. 237, общий план, разрез; 9 — могила в кург. 237

Fig. 112. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 234, general plan, section; 2 — grave in tumulus 234; 3 — tumulus 236, general plan, section; 4 — tumulus 236, grave 1; 5 — tumulus 236, grave 2; 6 — a ceramic vessel from tumulus 236, grave 2; 7 — a ceramic vessel from tumulus 236, grave 1; 8 — tumulus 237, general plan, section; 9 — grave in tumulus 237

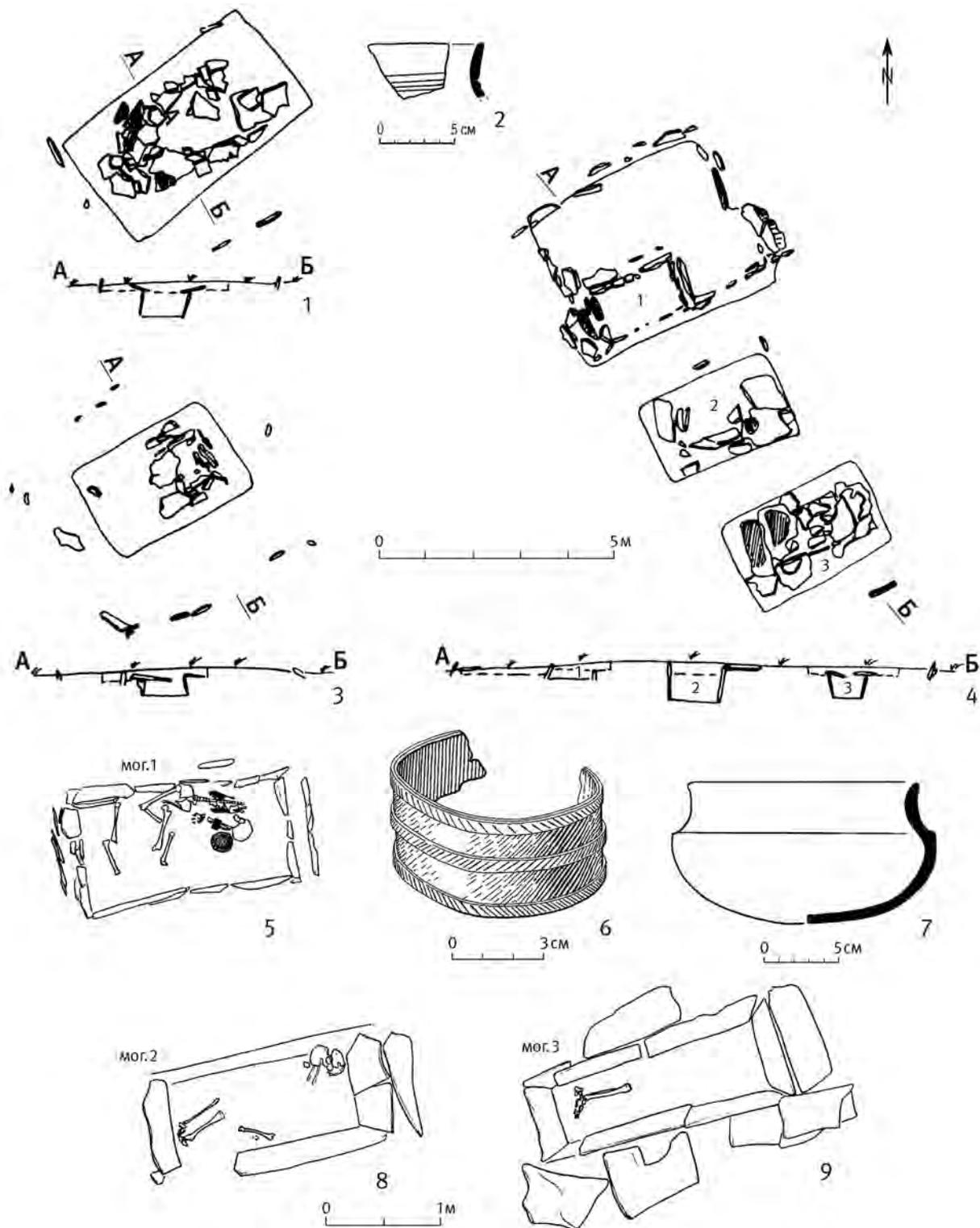

Рис. 113. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 243, общий план, разрез; 2 — фр-т керамики из кург. 243; 3 — кург. 244, общий план, разрез; 4 — кург. 246, общий план, разрез; 5 — кург. 246, мог. 1; 6 — бронзовый браслет из кург. 246, мог. 1; 7 — керамический сосуд из кург. 246, мог. 1; 8 — кург. 246, мог. 2; 9 — кург. 246, мог. 3

Fig. 113. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 243, general plan, section; 2 — a ceramic fragment from tumulus 243; 3 — tumulus 244, general plan, section; 4 — tumulus 246, general plan, section; 5 — tumulus 246, grave 1; 6 — a bronze armlet from tumulus 246, grave 1; 7 — a ceramic vessel from tumulus 246, grave 1; 8 — tumulus 246, grave 2; 9 — tumulus 246, grave 3

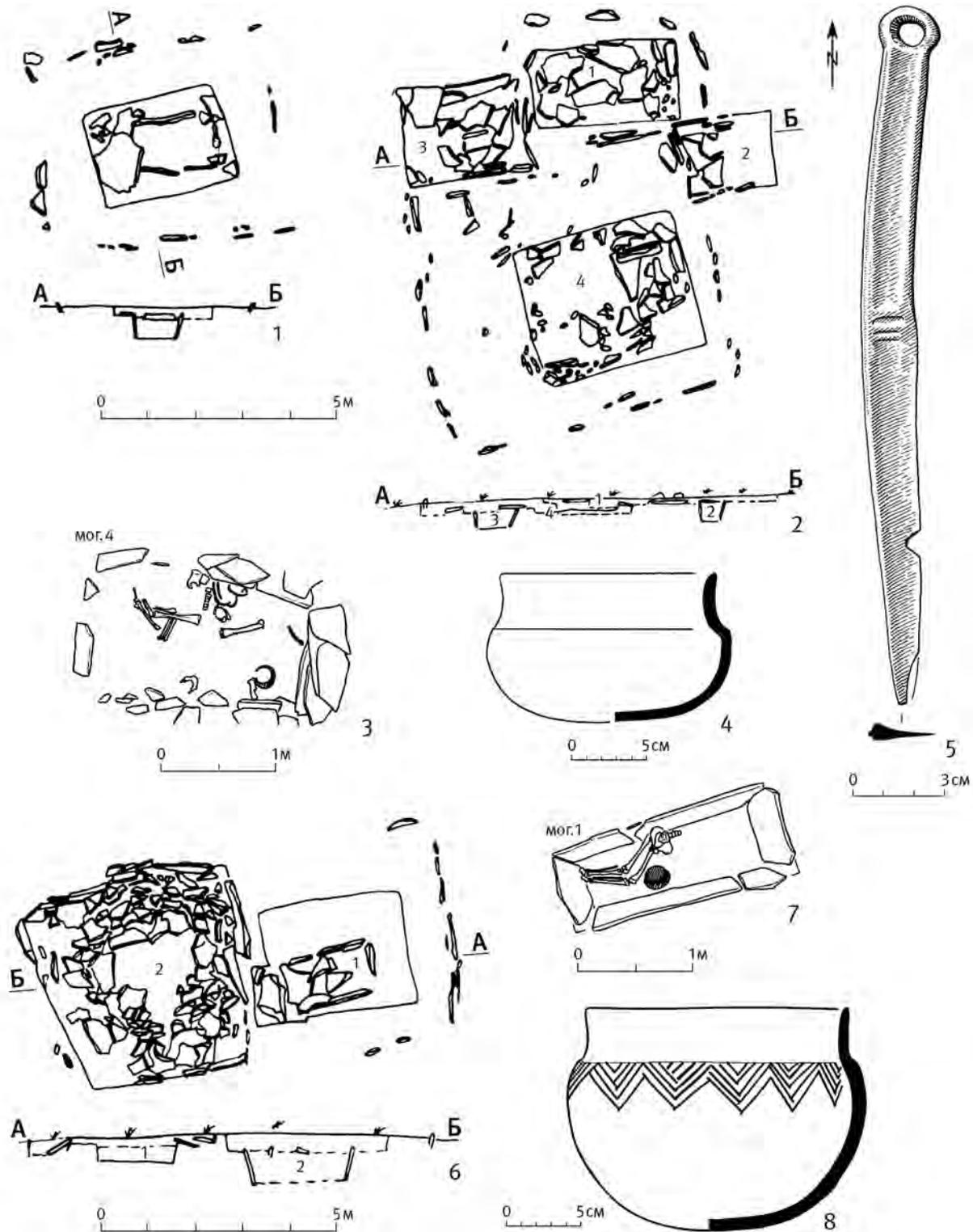

Рис. 114. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 250, общий план, разрез; 2 — кург. 252, общий план, разрез; 3 — кург. 252, мог. 4; 4 — керамический сосуд из кург. 252, мог. 4; 5 — бронзовый нож из кург. 252, мог. 4; 6 — кург. 258, общий план, разрез; 7 — кург. 258, мог. 1; 8 — керамический сосуд из кург. 258, мог. 1

Fig. 114. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 250, general plan, section; 2 — tumulus 252, general plan, section; 3 — tumulus 252, grave 4; 4 — a ceramic vessel from tumulus 252, grave 4; 5 — bronze knife from tumulus 252, grave 4; 6 — tumulus 258, general plan, section; 7 — tumulus 258, grave 1; 8 — a ceramic vessel from tumulus 258, grave 1

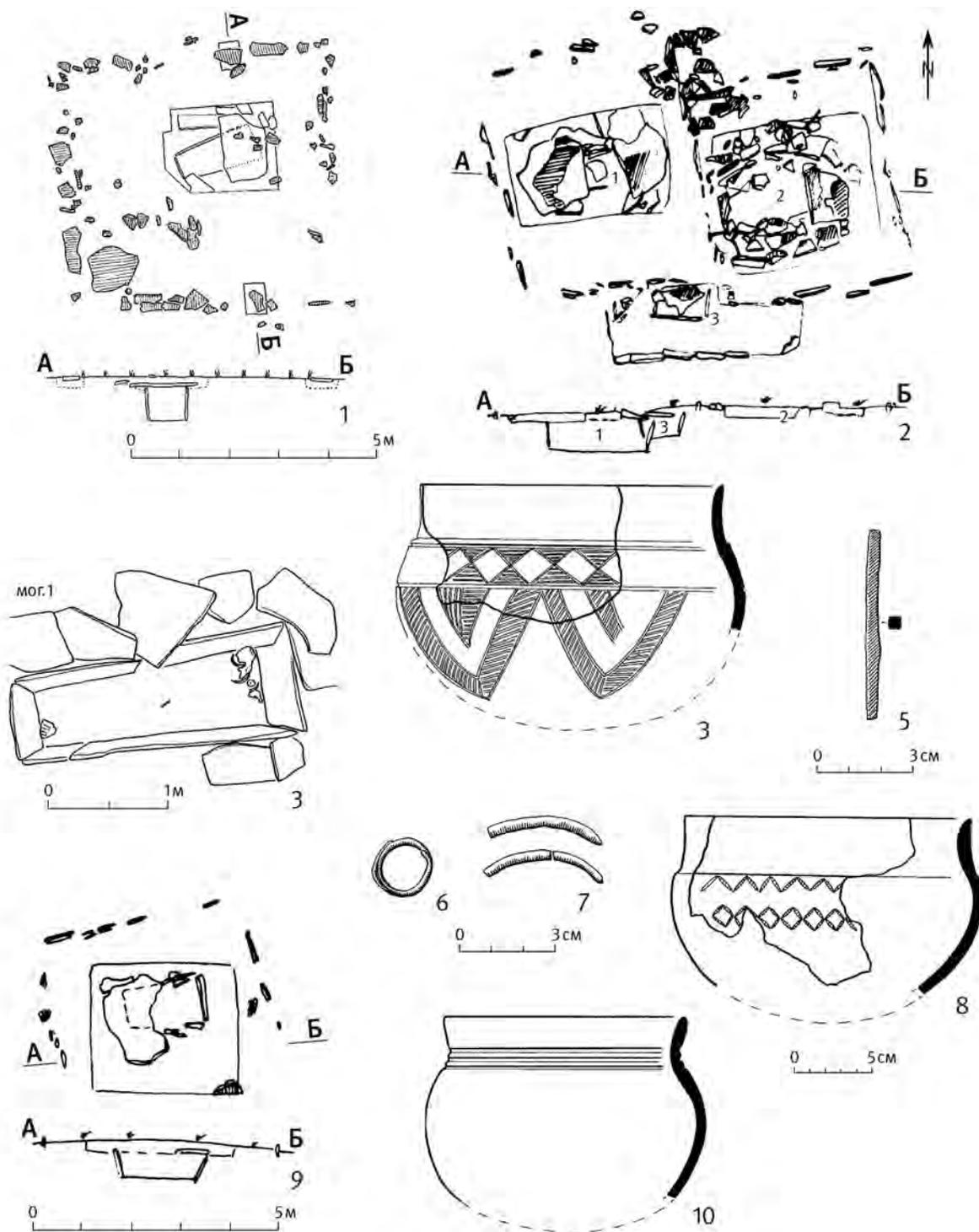

Рис. 115. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 260, общий план, разрез; 2 — кург. 302, общий план, разрез; 3 — кург. 302, мог. 1; 4 — фр-т керамического сосуда из кург. 302, мог. 1; 5 — бронзовое шило из кург. 302, мог. 1; 6 — бронзовое кольцо из кург. 302, мог. 1; 7 — обломки бронзового изделия из кург. 302, мог. 1; 8 — фр-т керамического сосуда из кург. 302, мог. 2; 9 — кург. 304, общий план, разрез; 10 — керамический сосуд из кург. 304

Fig. 115. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 260, general plan, section; 2 — tumulus 302, general plan, section; 3 — tumulus 302, grave 1; 4 — a ceramic fragment from tumulus 302, grave 1; 5 — a bronze awl from tumulus 302, grave 1; 6 — a bronze ring from tumulus 302, grave 1; 7 — fragments of a bronze object from tumulus 302, grave 1; 8 — a ceramic fragment from tumulus 302, grave 2; 9 — tumulus 304, general plan, section; 10 — a ceramic vessel from tumulus 304

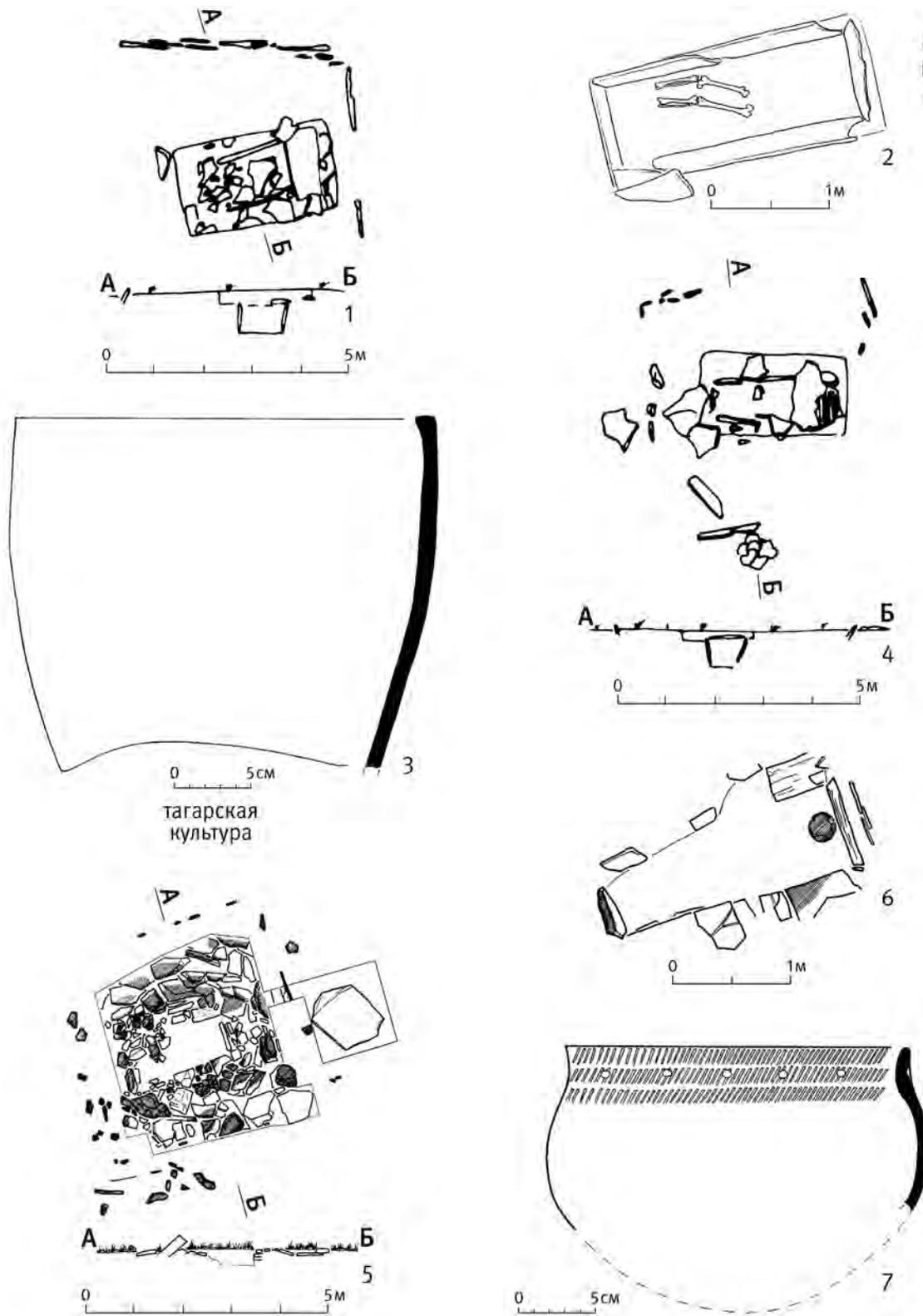

Рис. 116. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 332, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 332; 3 — керамический сосуд из кург. 332 (тагарская культура); 4 — кург. 346, общий план, разрез; 5 — кург. 240, общий план, разрез; 6 — могила в кург. 240; 7 — керамический сосуд из кург. 240

Fig. 116. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 332, general plan, section; 2 — grave in tumulus 332; 3 — a ceramic vessel from tumulus 332 (Tagar culture); 4 — tumulus 346, general plan, section; 5 — tumulus 240, general plan, section; 6 — grave in tumulus 240; 7 — a ceramic vessel from tumulus 240

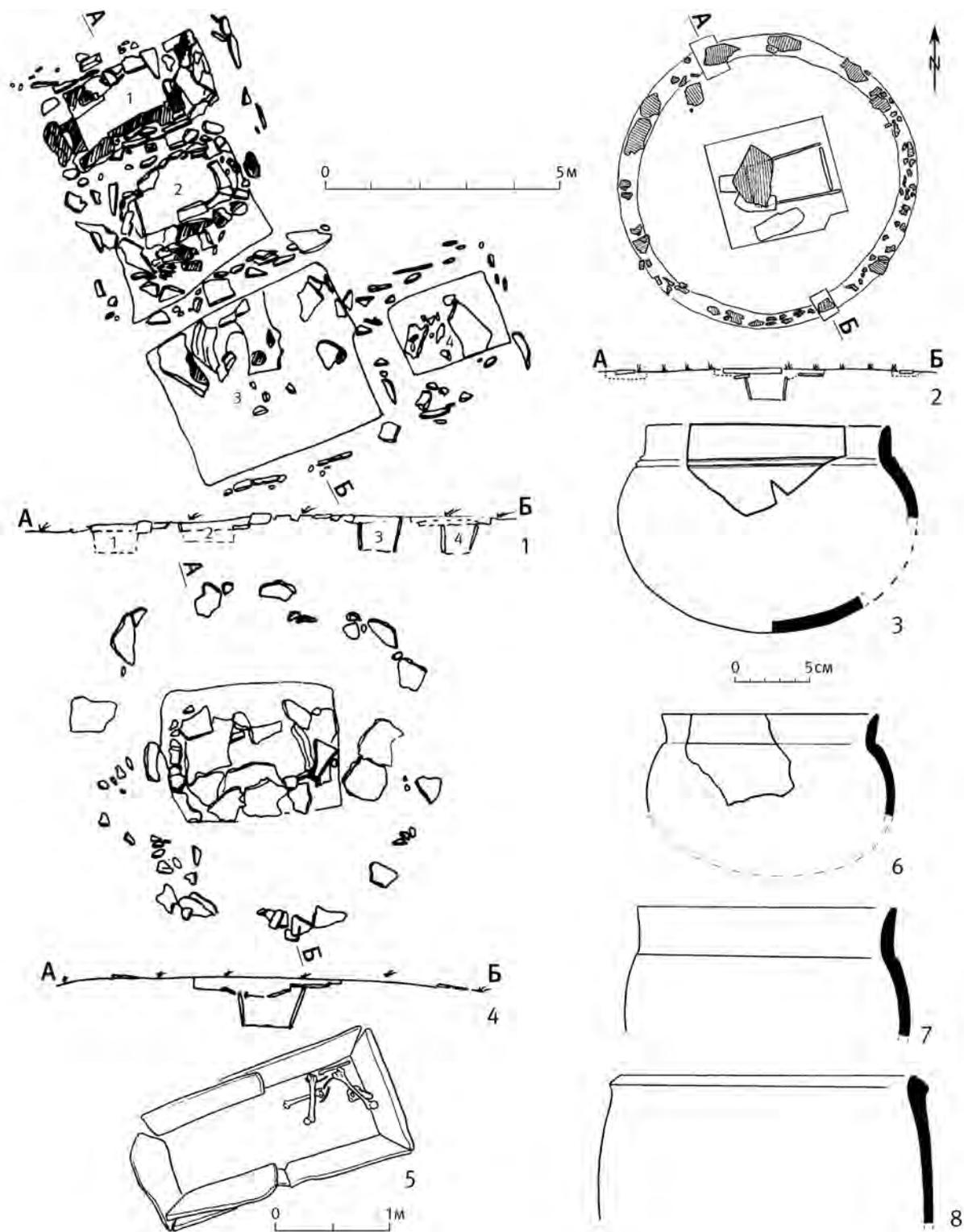

Рис. 117. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 254, общий план, разрез; 2 — кург. 268, общий план, разрез; 3 — фр-т керамического сосуда из кург. 268; 4 — кург. 278, общий план, разрез; 5 — могила в кург. 278; 6, 7 — фр-ты керамических сосудов из кург. 278; 8 — керамический сосуд из кург. 278 (тагарская культура)

Fig. 117. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 254, general plan, section; 2 — tumulus 268, general plan, section; 3 — a ceramic fragment from tumulus 268; 4 — tumulus 278, general plan, section; 5 — grave in tumulus 278; 6, 7 — fragments of the ceramic vessels from tumulus 278; 8 — a ceramic vessel from tumulus 278 (Tagar culture)

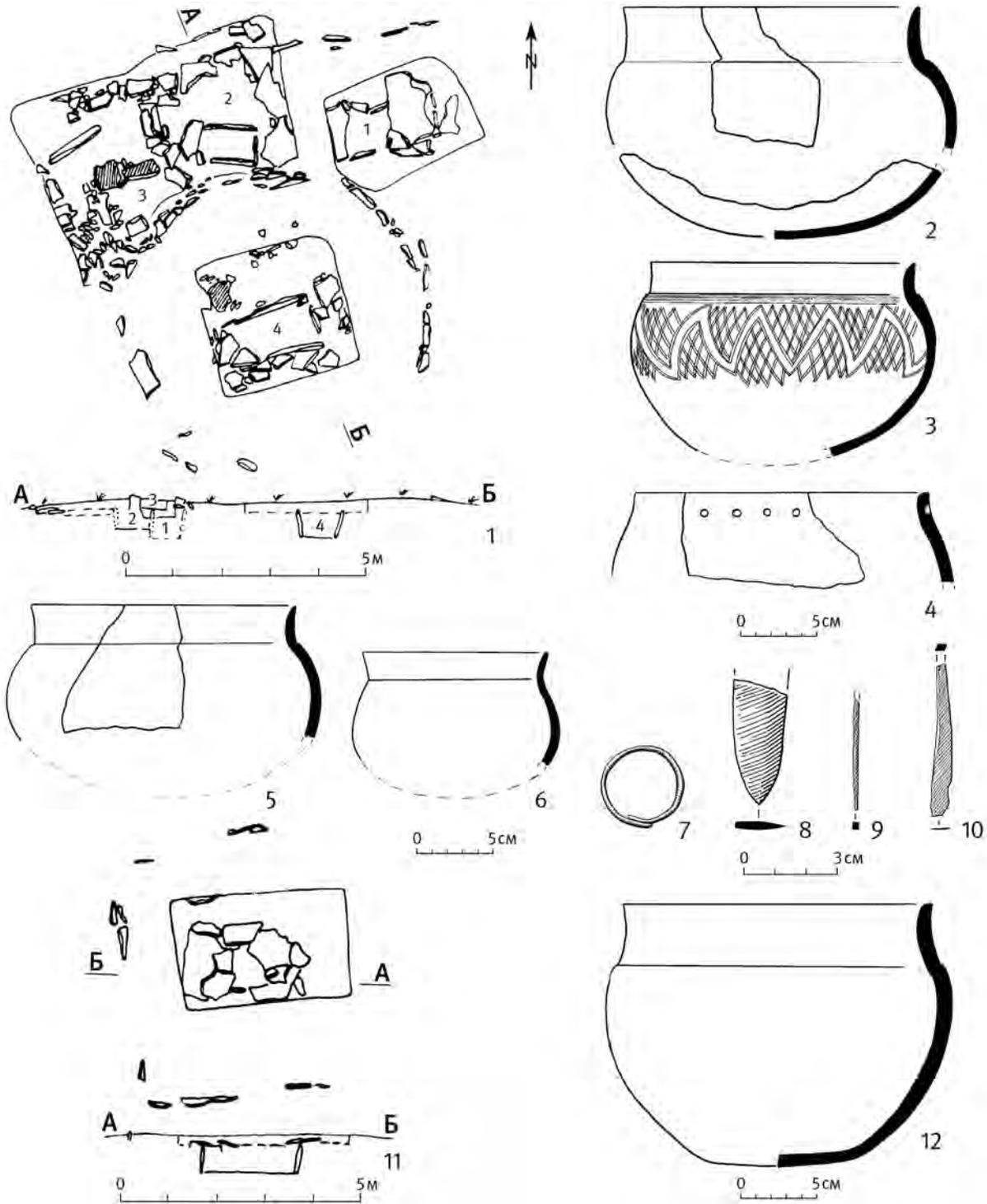

Рис. 118. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 273, общий план, разрез; 2, 4, 5 — фр-ты керамических сосудов из кург. 273, мог. 4; 3 — керамический сосуд из кург. 273, мог. 1; 6 — керамический сосуд из кург. 273, мог. 2; 7 — бронзовое кольцо из кург. 273, мог. 4; 8 — обломок бронзового ножа из кург. 273, мог. 4; 9 — бронзовое шило из кург. 273, мог. 2; 10 — бронзовый ножичек из кург. 273, мог. 2; 11 — кург. 280, общий план, разрез; 12 — керамический сосуд из кургана 280

Fig. 118. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 273, general plan, section; 2, 4, 5 — fragments of the ceramic vessels from tumulus 273, grave 4; 3 — a ceramic vessel from tumulus 273, grave 1; 6 — a ceramic vessel from tumulus 273, grave 2; 7 — a bronze ring from tumulus 273, grave 4; 8 — a fragment of bronze knife from tumulus 273, grave 4; 9 — a bronze awl from tumulus 273, grave 2; 10 — a small bronze knife from tumulus 273, grave 2; 11 — tumulus 280, general plan, section; 12 — a ceramic vessel from tumulus 280

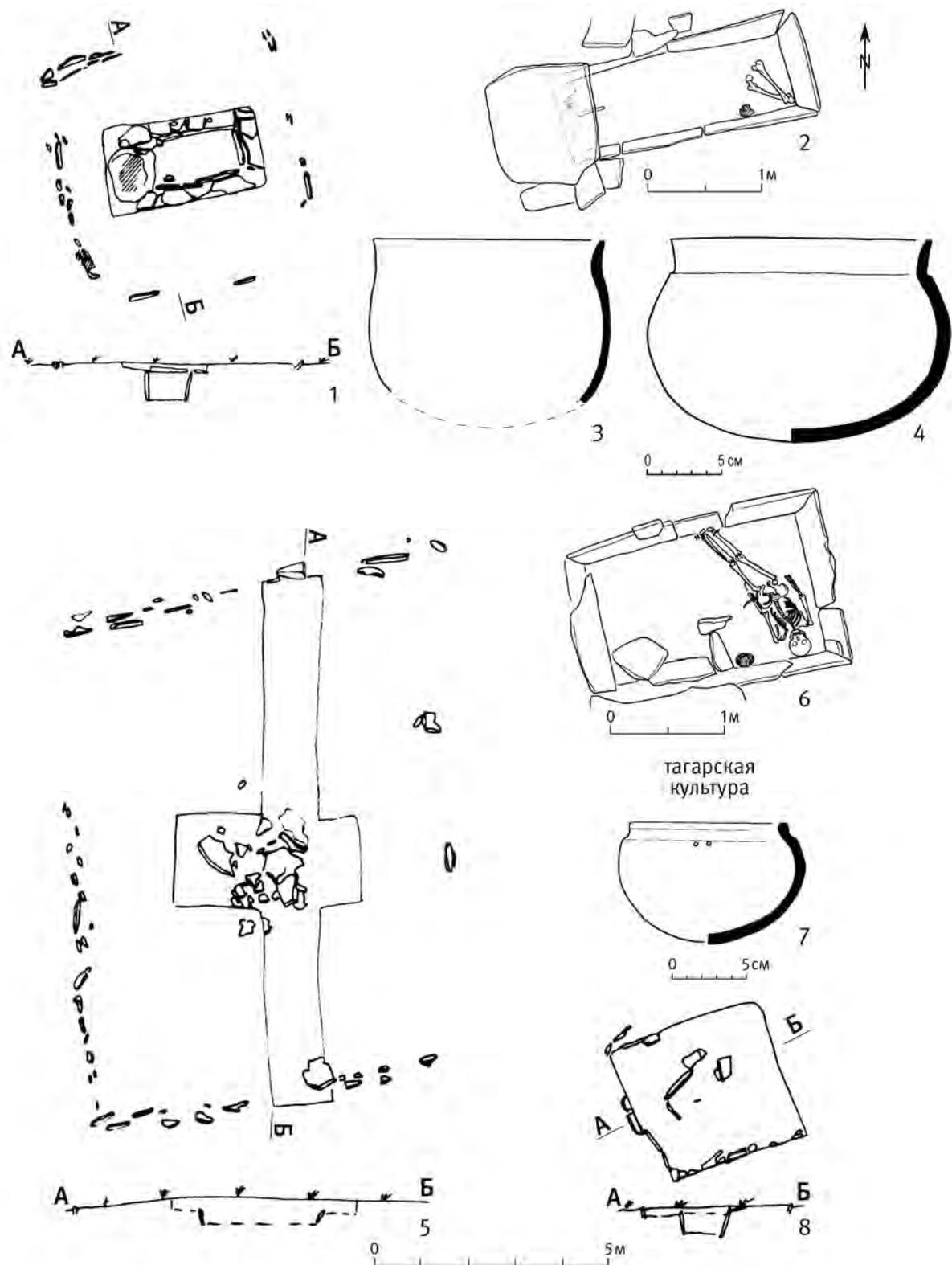

Рис. 119. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 286, общий план, разрез; 2 — могила в кург. 286; 3, 4 — керамические сосуды из кург. 286; 5 — кург. 296, общий план, разрез; 6 — могила в кург. 296; 7 — керамический сосуд из кург. 296 (тагарская культура); 8 — кург. 288, общий план, разрез

Fig. 119. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 286, general plan, section; 2 — grave in tumulus 286; 3, 4 — ceramic vessels from tumulus 286; 5 — tumulus 296, general plan, section; 6 — grave in tumulus 296; 7 — a ceramic vessel from tumulus 296 (Tagar culture); 8 — tumulus 288, general plan, section

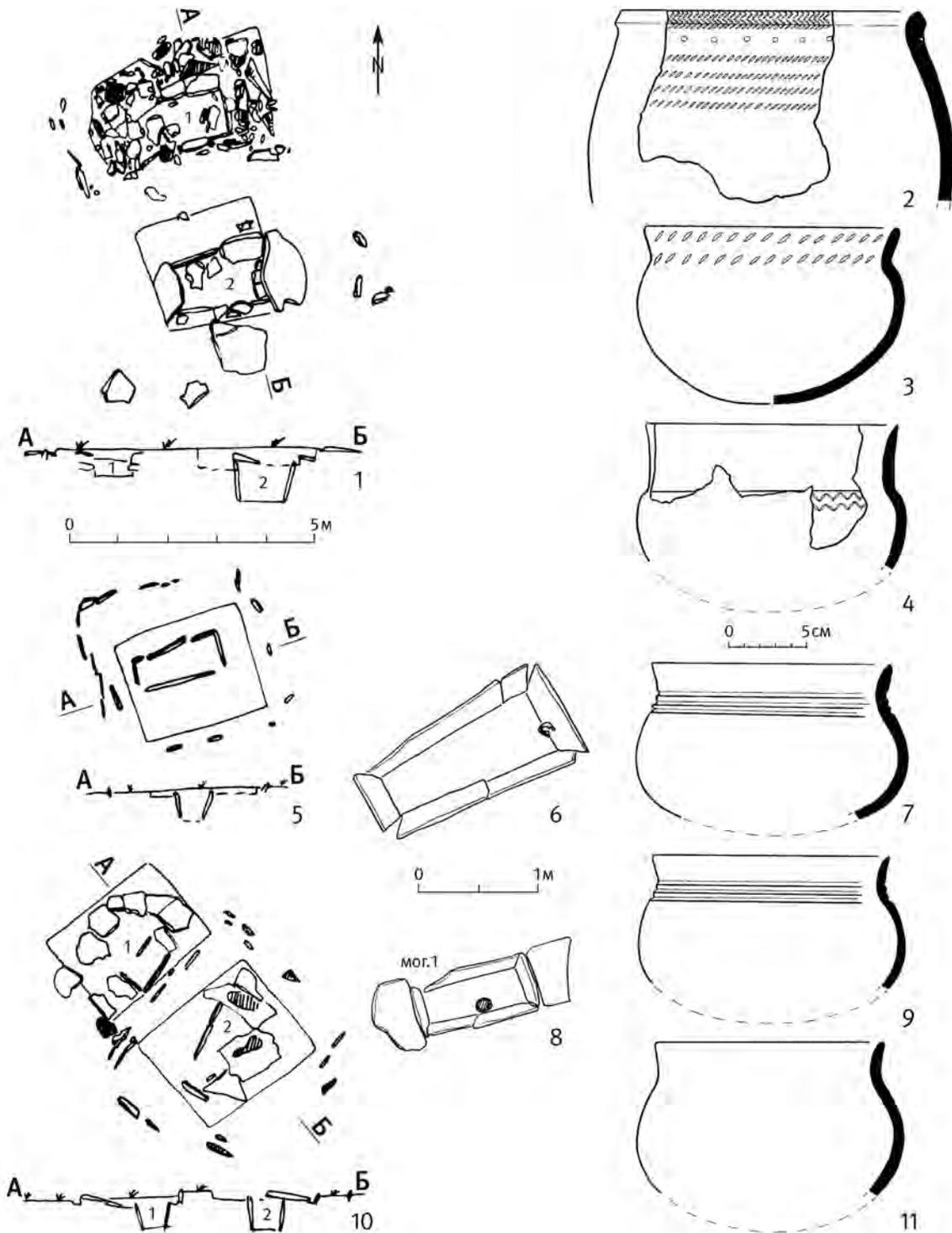

Рис. 120. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 298, общий план, разрез; 2 — фр-т керамического сосуда из кург. 298, мог. 2; 3 — керамический сосуд из кург. 298, мог. 2; 4 — фр-т керамического сосуда из кург. 298, мог. 1; 5 — кург. 306, общий план, разрез; 6 — могила в кург. 306; 7 — керамический сосуд из кург. 308, мог. 1; 8 — кург. 308, мог. 1; 9 — керамический сосуд из кург. 308, мог. 2; 10 — кург. 308, общий план, разрез; 11 — керамический сосуд из кург. 308,, мог. 2

Fig. 120. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 298, general plan, section; 2 — a ceramic fragment from tumulus 298, grave 2; 3 — a ceramic vessel from tumulus 298, grave 2; 4 — a ceramic fragment from tumulus 298, grave 1; 5 — tumulus 306, general plan, section; 6 — grave in tumulus 306; 7 — a ceramic vessel from tumulus 308, grave 1; 8 — tumulus 308, grave 1; 9 — a ceramic vessel from tumulus 308, grave 2; 10 — tumulus 308, general plan, section; 11 — a ceramic vessel from tumulus 308, grave 2

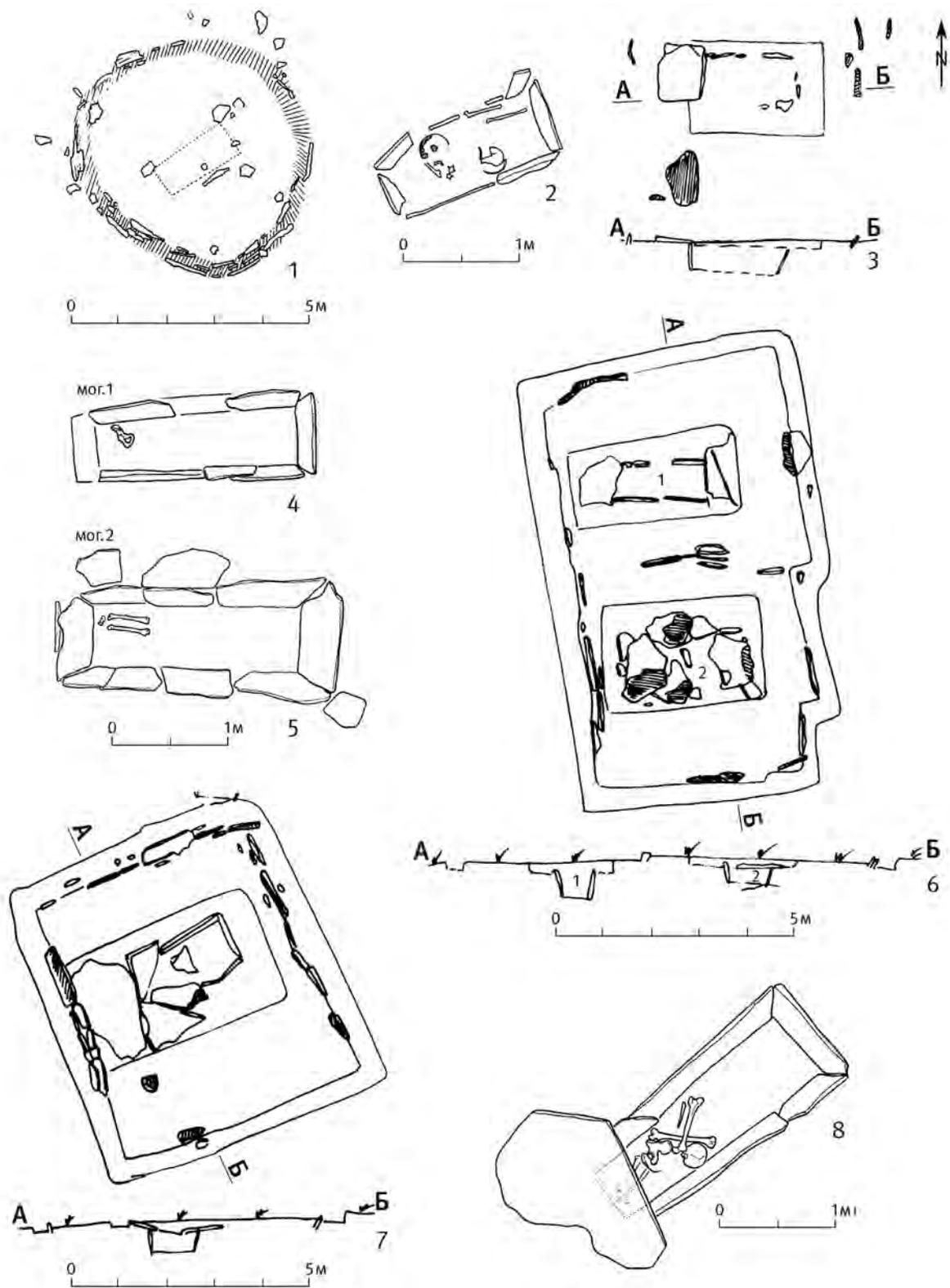

Рис. 121. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 320а, общий план; 2 — могила в кург. 320а; 3 — кург. 320, общий план, разрез; 4 — кург. 324, мог. 1; 5 — кург. 324, мог. 2; 6 — кург. 324, общий план, разрез; 7 — кург. 322, общий план, разрез; 8 — могила в кург. 322

Fig. 121. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 320a, general plan; 2 — grave in tumulus 320a; 3 — tumulus 320, general plan, section; 4 — tumulus 324, grave 1; 5 — tumulus 324, grave 2; 6 — tumulus 324, general plan, section; 7 — tumulus 322, general plan, section; 8 — grave in tumulus 322

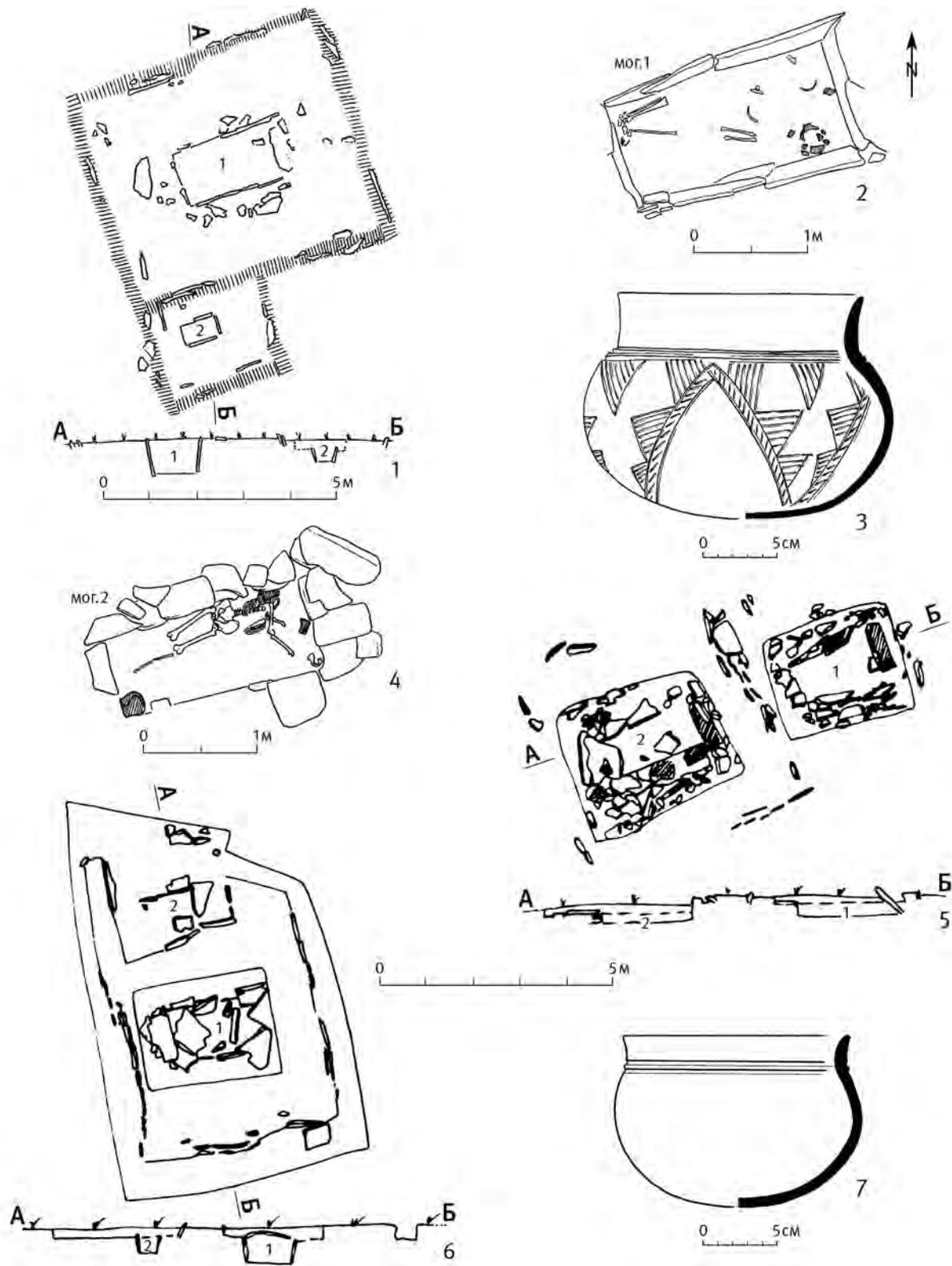

Рис. 122. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 324а, общий план, разрез; 2 — кург. 324а, мог. 1; 3 — керамический сосуд из кург. 324а, мог. 1; 4 — кург. 326, мог. 2; 5 — кург. 326, общий план; 6 — кург. 328, общий план, разрез; 7 — керамический сосуд из кург. 328, мог. 2

Fig. 122. Materials of the cemetery Sukhoe Ozero II excavations: 1 — tumulus 324a, general plan, section; 2 — tumulus 324a, grave 1; 3 — a ceramic vessel from tumulus 324a, grave 1; 4 — tumulus 326, grave 2; 5 — tumulus 326, general plan; 6 — tumulus 328, general plan, section; 7 — a ceramic vessel from tumulus 328, grave 2

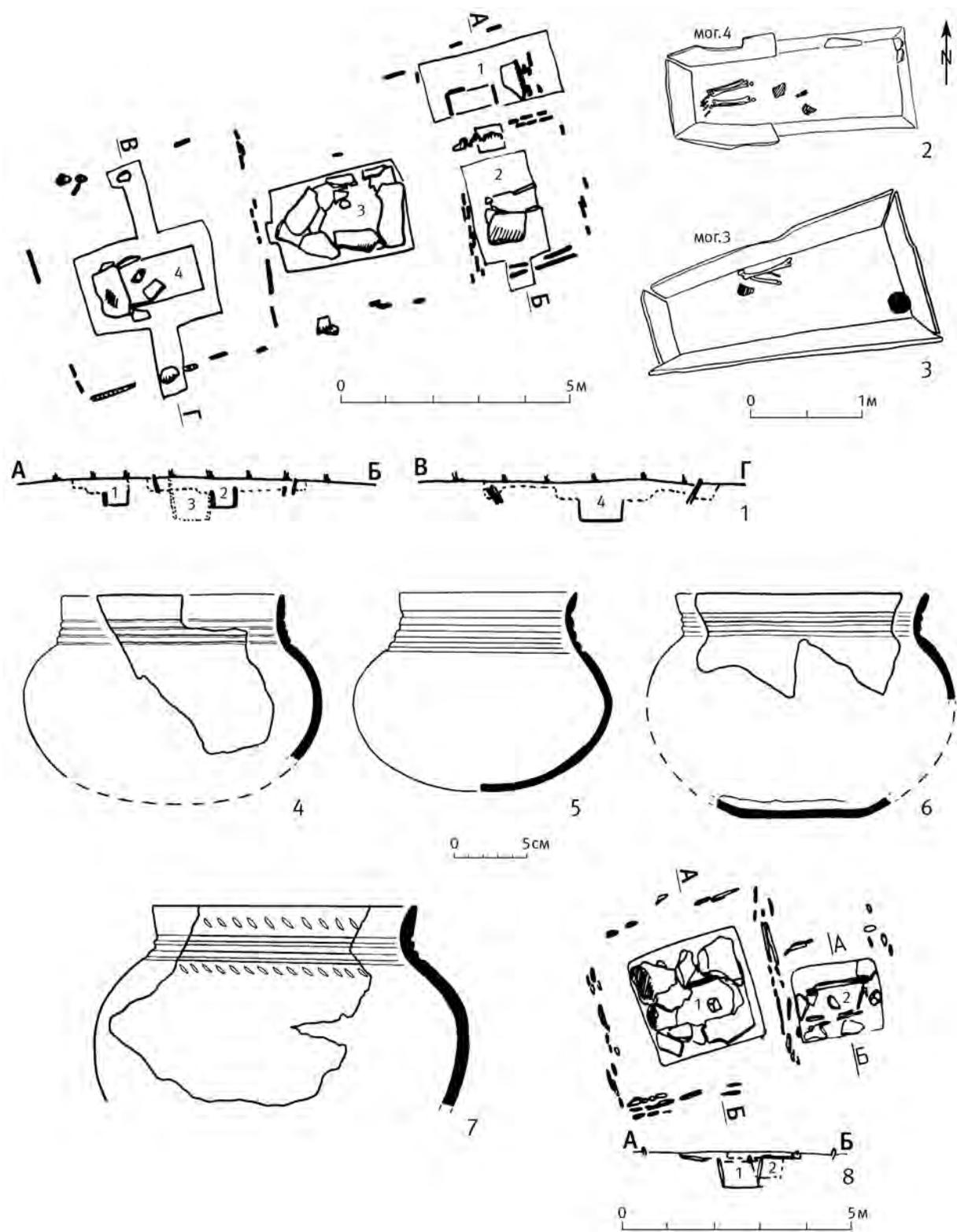

Рис. 123. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 329, общий план, разрез; 2 — кург. 329, мог. 4; 3 — кург. 329, мог. 3; 4, 5 — керамические сосуды из кург. 329, мог. 3; 6, 7 — фр-ты керамических сосудов из кург. 329, мог. 4; 8 — кург. 330, общий план, разрез

Fig. 123. Materials of the cemetery Sukhoye Ozero II excavations: 1 — tumulus 329, general plan, section; 2 — tumulus 329, grave 4; 3 — tumulus 329, grave 3; 4, 5 — ceramic vessels from tumulus 32,9 grave 3; 6, 7 — fragments of the ceramic vessels from tumulus 329, grave 4; 8 — tumulus 330, general plan, section

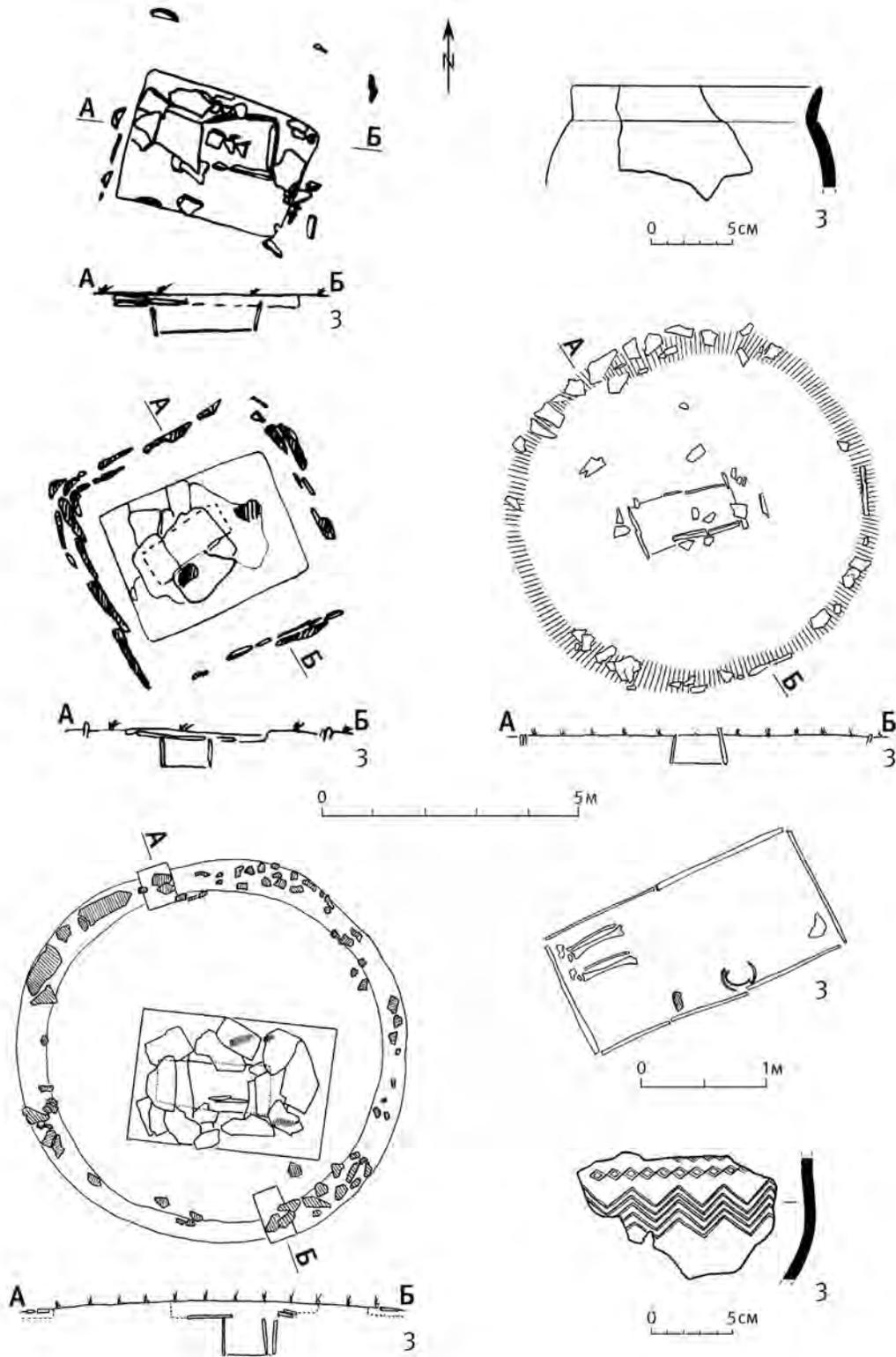

Рис. 124. Материалы раскопок могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 336, общий план, разрез; 2 — фр-т керамического сосуда из кург. 336; 3 — кург. 310, общий план, разрез; 4 — кург. 352, общий план, разрез; 5 — кург. 204, общий план, разрез; 6 — могила в кург. 204; 7 — фр-т керамического сосуда из кург. 204

Fig. 124. Materials of the cemetery Sukhoie Ozero II excavations: 1 — tumulus 336, general plan, section; 2 — a ceramic fragment from tumulus 336; 3 — tumulus 310, general plan, section; 4 — tumulus 352, general plan, section; 5 — tumulus 204, general plan, section; 6 — grave in tumulus 204; 7 — a ceramic fragment from tumulus 204

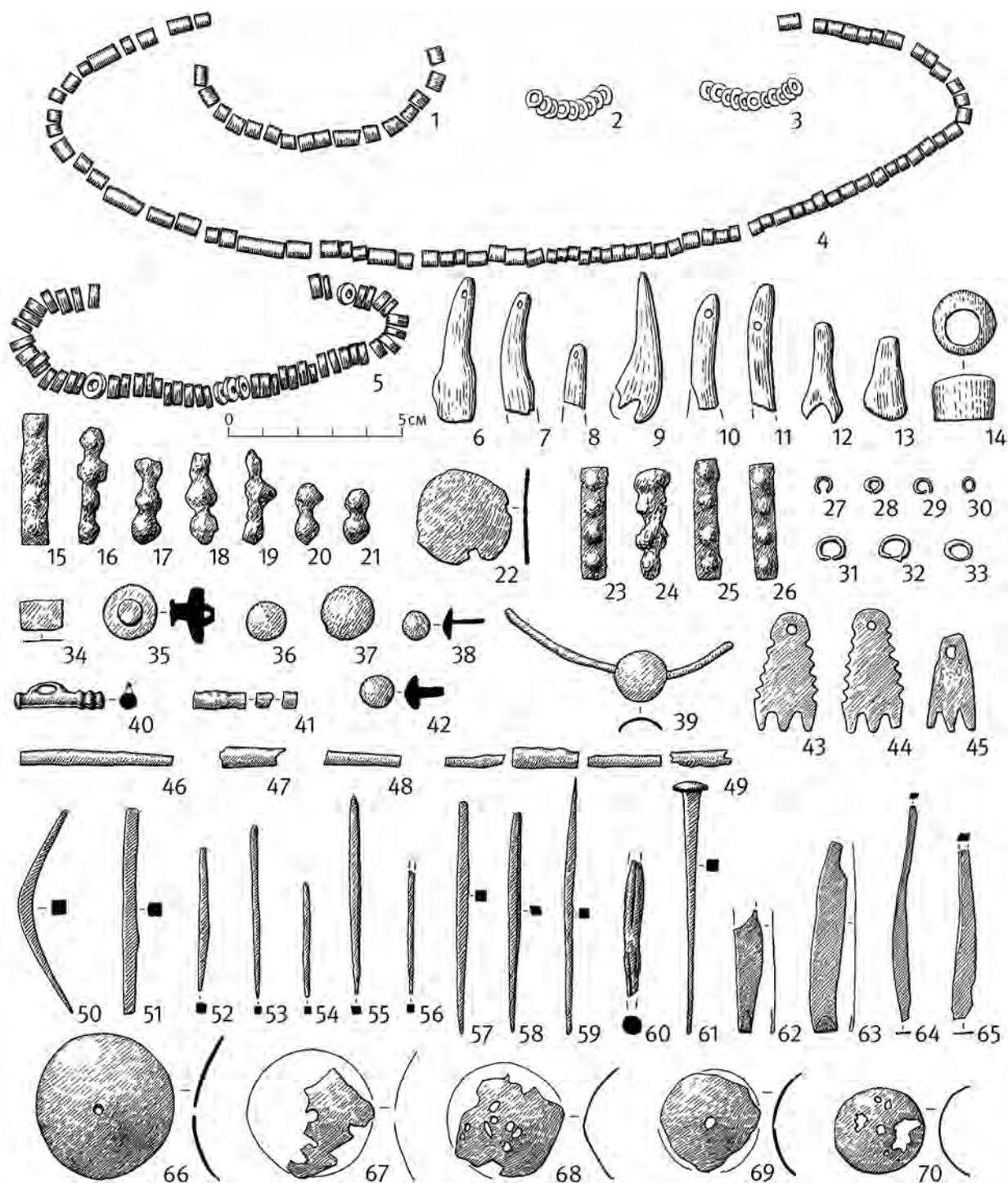

Рис. 125. Украшения и миниатюрные инструменты из могильника Сухое Озеро II: 1–5 — каменные аргилли-
 товые бусы; 6–13 — подвески из костей и зубов животных; 14 — костяное кольцо; 15–21, 23–26 — бронзовые
 ярусные бляшки; 22, 34–37, 40, 62, 63 — различные изделия из бронзы; 27–33 — миниатюрные бронзовые
 колечки; 38, 42 — бронзовые «гвоздики»; 42, 46–49 — бронзовые пронизки; 43–45 — бронзовые лапчатые
 привески; 50–60 — бронзовые шилья; 61 — бронзовое шило (тагарская культура); 64, 65 — миниатюрные
 бронзовые ножички; 66–70 — бронзовые бляшки (тагарская культура)

Fig. 125. Decorations and miniature instruments of the cemetery Sukhoe Ozero II: 1–5 — stone argillaceous
 beads; 6–13 — pendants of animal teeth and bones; 14 — a bone ring; 15–21, 23–26 — bronze staged plaques;
 22, 34–37, 40, 62, 63 — bronze objects; 27–33 — miniature bronze ringlets; 38, 42 — bronze tacks;
 42, 46–49 — bronze bugle beads; 43–45 — bronze paw-shaped pendants; 50–60 — bronze awls;
 61 — bronze awl (Tagar culture); 64, 65 — miniature bronze knives; 66–70 — bronze plaques (Tagar culture)

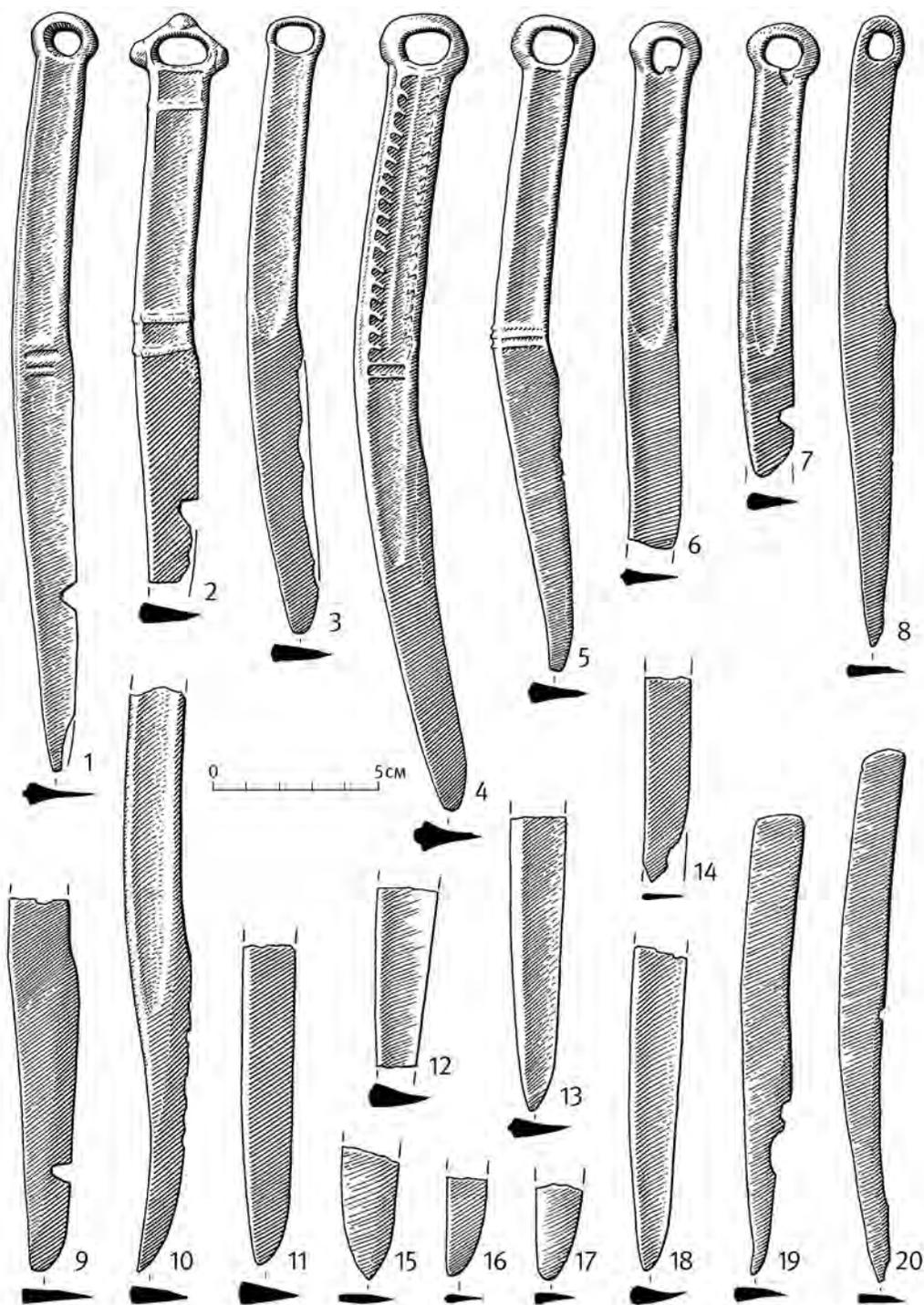

Рис. 126. Бронзовые ножи и их части из могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 252, мог. 4; 2 — кург. 381, мог. 1; 3 — кург. 83; 4 — кург. 349, мог. 1; 5 — кург. 110; 6 — кург. 81, мог. 3; 7 — кург. 248а, мог. 1; 8 — кург. 188, мог. 1 (тагарская культура); 9 — кург. 527, мог. 2; 10 — кург. 64, мог. 2; 11 — кург. 164; 12 — кург. 13, мог. 1; 13, 14 — кург. 349, мог. 4; 15 — кург. 273, мог. 4; 16 — кург. 375, мог. 2; 17 — кург. 36, мог. 1; 18 — кург. 144, мог. 4; 19 — кург. 81, мог. 1; 20 — кург. 247, мог. 1 (тагарская культура)

Fig. 126. Bronze knives and knife fragments of the cemetery Sukhoe Ozero II: 1 — tumulus 252, grave 4; 2 — tumulus 381, grave 1; 3 — tumulus 83; 4 — tumulus 349, grave 1; 5 — tumulus 110; 6 — tumulus 81, grave 3; 7 — tumulus 248a, grave 1; 8 — tumulus 188, grave 1 (Tagar culture); 9 — tumulus 527, grave 2; 10 — tumulus 64, grave 2; 11 — tumulus 164; 12 — tumulus 13, grave 1; 13, 14 — tumulus 349, grave 4; 15 — tumulus 273, grave 4; 16 — tumulus 375, grave 2; 17 — tumulus 36, grave 1; 18 — tumulus 144, grave 4; 19 — tumulus 81, grave 1; 20 — tumulus 247, grave 1 (Tagar culture)

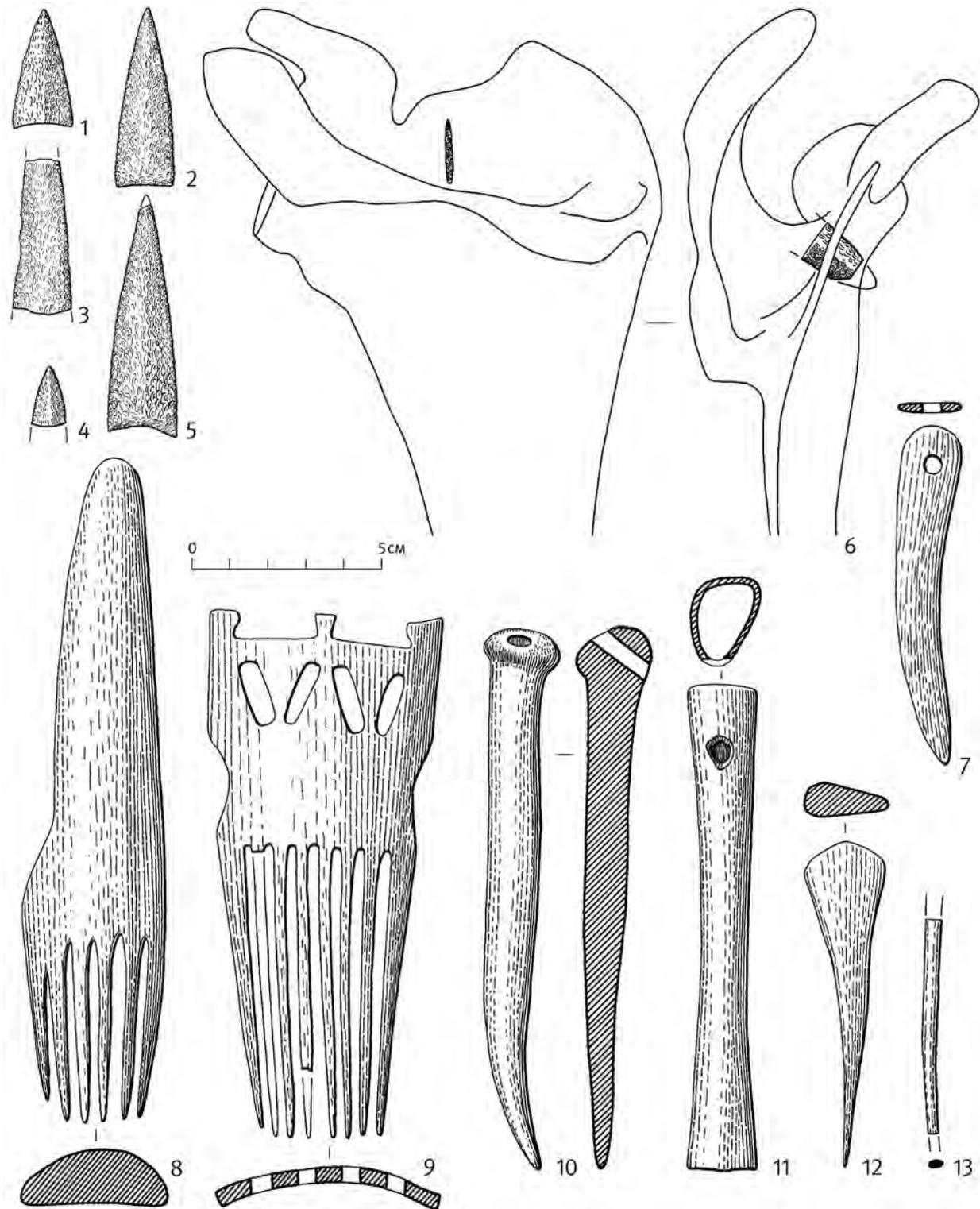

Рис. 127. Каменный и костяной инвентарь из могильника Сухое Озеро II: 1–6 — кремнёвые наконечники стрел; 7 — костяной «нож» из кург. 454, мог. 3 (тагарская культура); 8 — роговое чесало; 9 — костяной гребень из кург. 60; 10 — роговая рукоятка плети из кург. 499; 11 — кочедык из кург. 263, мог. 2; 12 — костяное шило из кург. 247, мог. 2 (тагарская культура); 13 — фр-т костяной иглы

Fig. 127. Bone and horny inventory of the cemetery Sukhoe Ozero II: 1–6 — flint arrowheads; 7 — bone “knife” from tumulus 454, grave 3 (Tagar culture); 8 — horny hemp comb; 9 — a bone comb from tumulus 60; 10 — horny whip handle from tumulus 499; 11 — bent awl from tumulus 263, grave 2; 12 — bone awl from tumulus 247, grave 2 (Tagar culture); 13 — a bone needle fragment

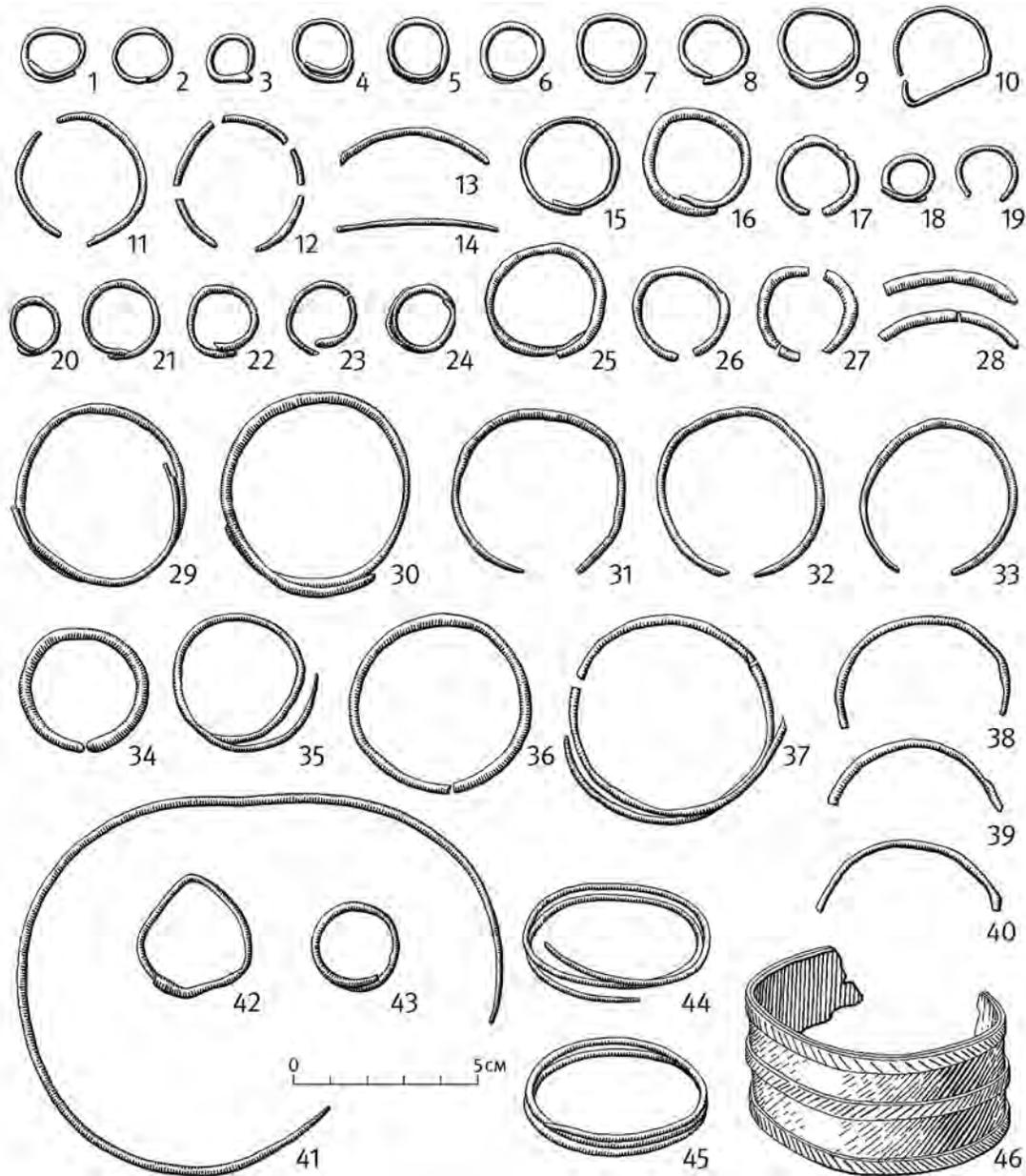

Рис. 128. Бронзовые проволочные височные кольца, гривна (41) и литой браслет (46) из могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 64, мог. 2; 2 — кург. 345, мог. 1; 3 — кург. 325, мог. 4; 5, 6 — кург. 45, мог. 3; 7 — кург. 88; 8 — кург. 154, мог. 1; 9, 17 — кург. 147а, мог. 4; 10 — кург. 263, мог. 2; 11 — кург. 291а, мог. 2; 13 — кург. 43, мог. 2; 13 — кург. 377; 14 — кург. 375, мог. 2; 15 — кург. 273, мог. 4; 16 — кург. 85, мог. 3; 18, 19 — кург. 101; 20 — кург. 67, мог. 3; 21 — кург. 141, мог. 6; 22 — кург. 144, мог. 4; 23 — кург. 349, мог. 3; 24, 28 — кург. 302, мог. 1; 25 — кург. 113; 29 — кург. 228, мог. 5; 30 — кург. 64, мог. 2; 31, 34, 36 — кург. 81, мог. 1; 32, 42, 43 — кург. 81, мог. 3; 35 — кург. 295, мог. 2; 37 — кург. 85, мог. 1; 41 — кург. 142, мог. 7; 44 — кург. 349, мог. 4; 45 — кург. 142, мог. 7; 46 — кург. 246, мог. 1; 4, 26, 27, 33, 38, 39, 40 — Сухое Озеро II

Fig. 128. Bronze wire temple rings, torc (41) and molten armlet (46) of Sukhoe Ozero II cemetery: 1 — tumulus 64, grave 2; 2 — tumulus 345, grave 1; 3 — tumulus 325, grave 4; 5, 6 — tumulus 45, grave 3; 7 — tumulus 88; 8 — tumulus 154, grave 1; 9, 17 — tumulus 147a, grave 4; 10 — tumulus 263, grave 2; 11 — tumulus 291a, grave 2; 13 — tumulus 43, grave 2; 13 — tumulus 377; 14 — tumulus 375, grave 2; 15 — tumulus 273, grave 4; 16 — tumulus 85, grave 3; 18, 19 — tumulus 101; 20 — tumulus 67, grave 3; 21 — tumulus 141, grave 6; 22 — tumulus 144, grave 4; 23 — tumulus 349, grave 3; 24, 28 — tumulus 302, grave 1; 25 — tumulus 113; 29 — tumulus 228, grave 5; 30 — tumulus 64, grave 2; 31, 34, 36 — tumulus 81, grave 1; 32, 42, 43 — tumulus 81, grave 3; 35 — tumulus 295, grave 2; 37 — tumulus 85, grave 1; 41 — tumulus 142, grave 7; 44 — tumulus 349, grave 4; 45 — tumulus 142, grave 7; 46 — tumulus 246, grave 1; 4, 26, 27, 33, 38, 39, 40 — Sukhoe Ozero II

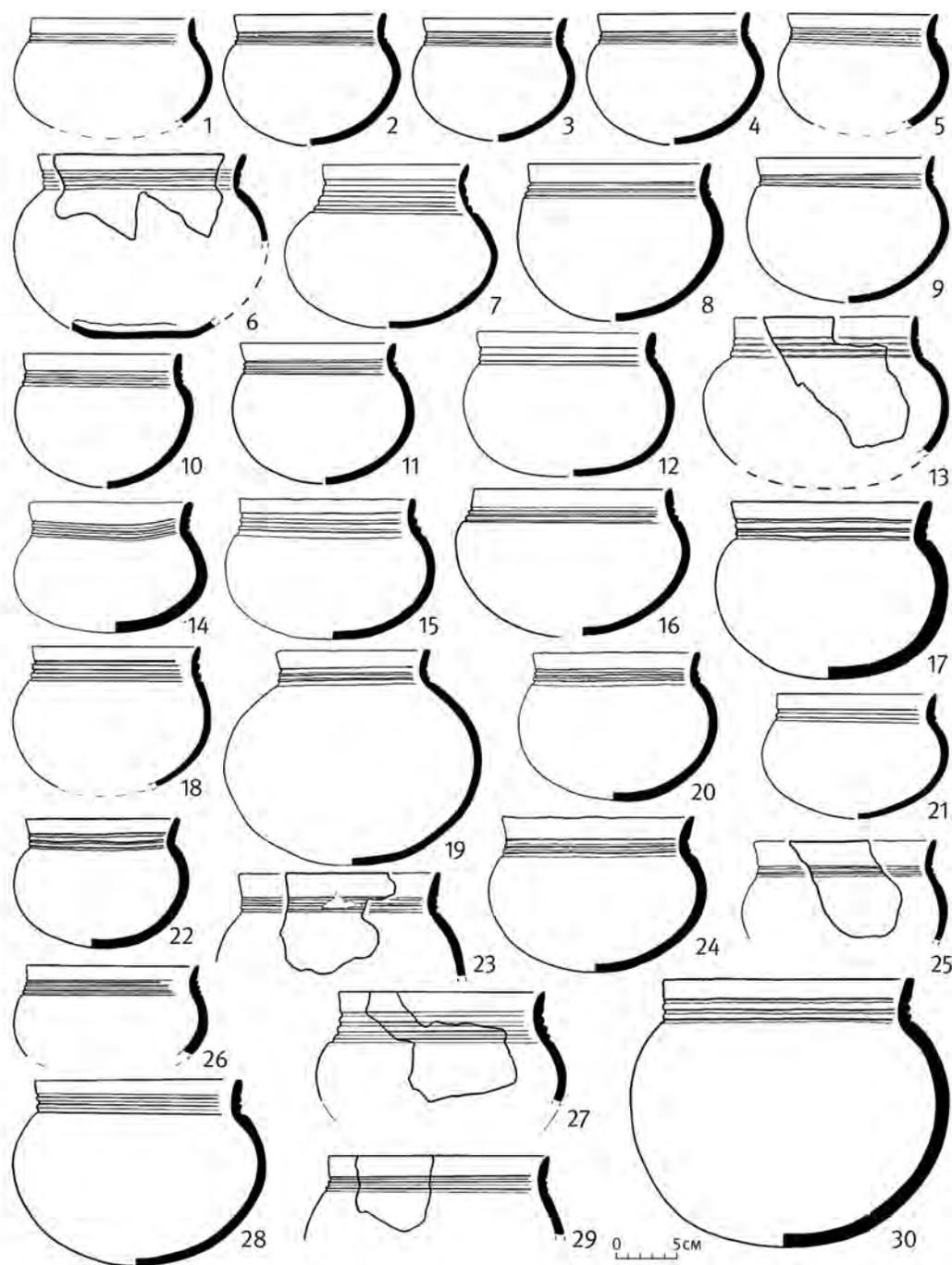

Рис. 129. Керамика из погребений Группы 1 могильника Сухое Озеро II: 1, 2 — кург. 331, мог. 1; 3, 4 — кург. 325, мог. 5; 5, 9 — кург. 325, мог. 3; 6 — кург. 329, мог. 4; 7, 13 — кург. 329, мог. 3; 8, 11 — кург. 325, мог. 2; 10 — кург. 325, мог. 4; 12 — кург. 359, мог. 1; 14 — кург. 343, мог. 2; 15 — кург. 337, мог. 2; 16 — кург. 385; 17 — кург. 37, мог. 1; 18 — кург. 37, мог. 2; 19 — кург. 377; 20 — кург. 375, мог. 1; 21 — кург. 359, мог. 3; 22 — кург. 36, мог. 1; 23 — кург. 441, мог. 1; 24 — кург. 427, мог. 2; 25 — кург. 421, мог. 1; 26 — кург. 513, мог. 1; 27 — кург. 465; 28 — кург. 448, мог. 2; 29 — кург. 487; 30 — кург. 448, мог. 2

Fig. 129. Pottery from the 1st group of burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1, 2 — tumulus 331, grave 1; 3, 4 — tumulus 325, grave 5; 5, 9 — tumulus 325, grave 3; 6 — tumulus 329, grave 4; 7, 13 — tumulus 329, grave 3; 8, 11 — tumulus 325, grave 2; 10 — tumulus 325, grave 4; 12 — tumulus 359, grave 1; 14 — tumulus 343, grave 2; 15 — tumulus 337, grave 2; 16 — tumulus 385; 17 — tumulus 37, grave 1; 18 — tumulus 3,7 grave 2; 19 — tumulus 377; 20 — tumulus 375, grave 1; 21 — tumulus 359, grave 3; 22 — tumulus 36, grave 1; 23 — tumulus 441, grave 1; 24 — tumulus 427, grave 2; 25 — tumulus 421, grave 1; 26 — tumulus 513, grave 1; 27 — tumulus 465; 28 — tumulus 448, grave 2; 29 — tumulus 487; 30 — tumulus 448, grave 2

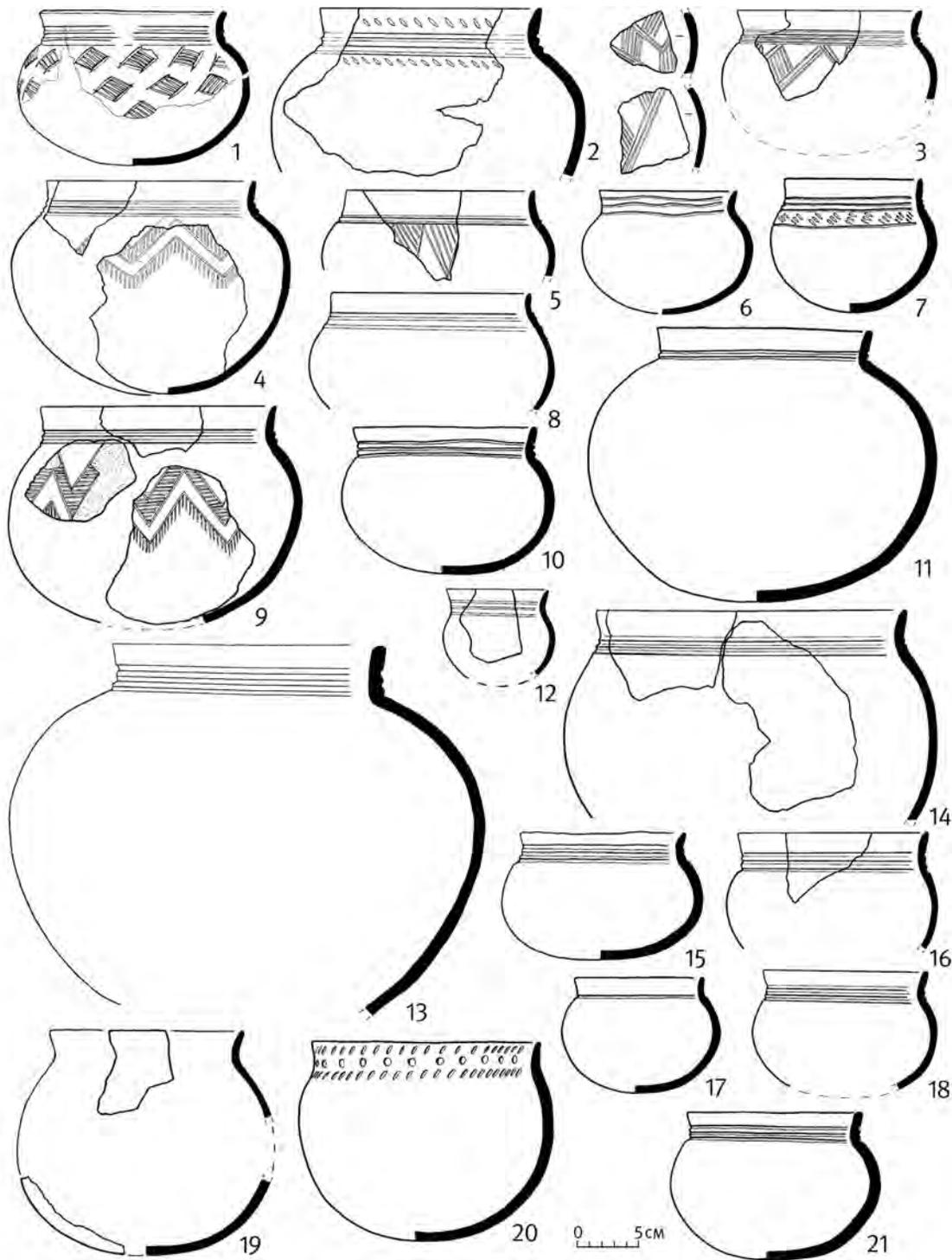

Рис. 130. Керамика из погребений Группы 1 могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 323; 2 — кург. 329, мог. 4; 3 — кург. 359, мог. 2; 4 — кург. 36, мог. 1; 5 — кург. 471; 6 — кург. 525, мог. 1; 7 — кург. 331, мог. 2; 8 — кург. 525, мог. 2; 9 — кург. 489; 10, 21 — кург. 525, мог. 3; 11, 16 — кург. 527, мог. 1; 12 — кург. 527, мог. 2; 13 — кург. 515, мог. 1; 14 — кург. 477; 15 — кург. 475, мог. 1; 17 — кург. 493, мог. 3; 18 — кург. 471; 19 — кург. 433, мог. 1; 20 — кург. 493, мог. 2

Fig. 130. Pottery from the 1st group of burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1 — tumulus 323; 2 — tumulus 329, grave 4; 3 — tumulus 359, grave 2; 4 — tumulus 36, grave 1; 5 — tumulus 471; 6 — tumulus 525, grave 1; 7 — tumulus 331, grave 2; 8 — tumulus 525, grave 2; 9 — tumulus 489; 10, 21 — tumulus 525, grave 3; 11, 16 — tumulus 527, grave 1; 12 — tumulus 527, grave 2; 13 — tumulus 515, grave 1; 14 — tumulus 477; 15 — tumulus 475, grave 1; 17 — tumulus 493, grave 3; 18 — tumulus 471; 19 — tumulus 433, grave 1; 20 — tumulus 493, grave 2

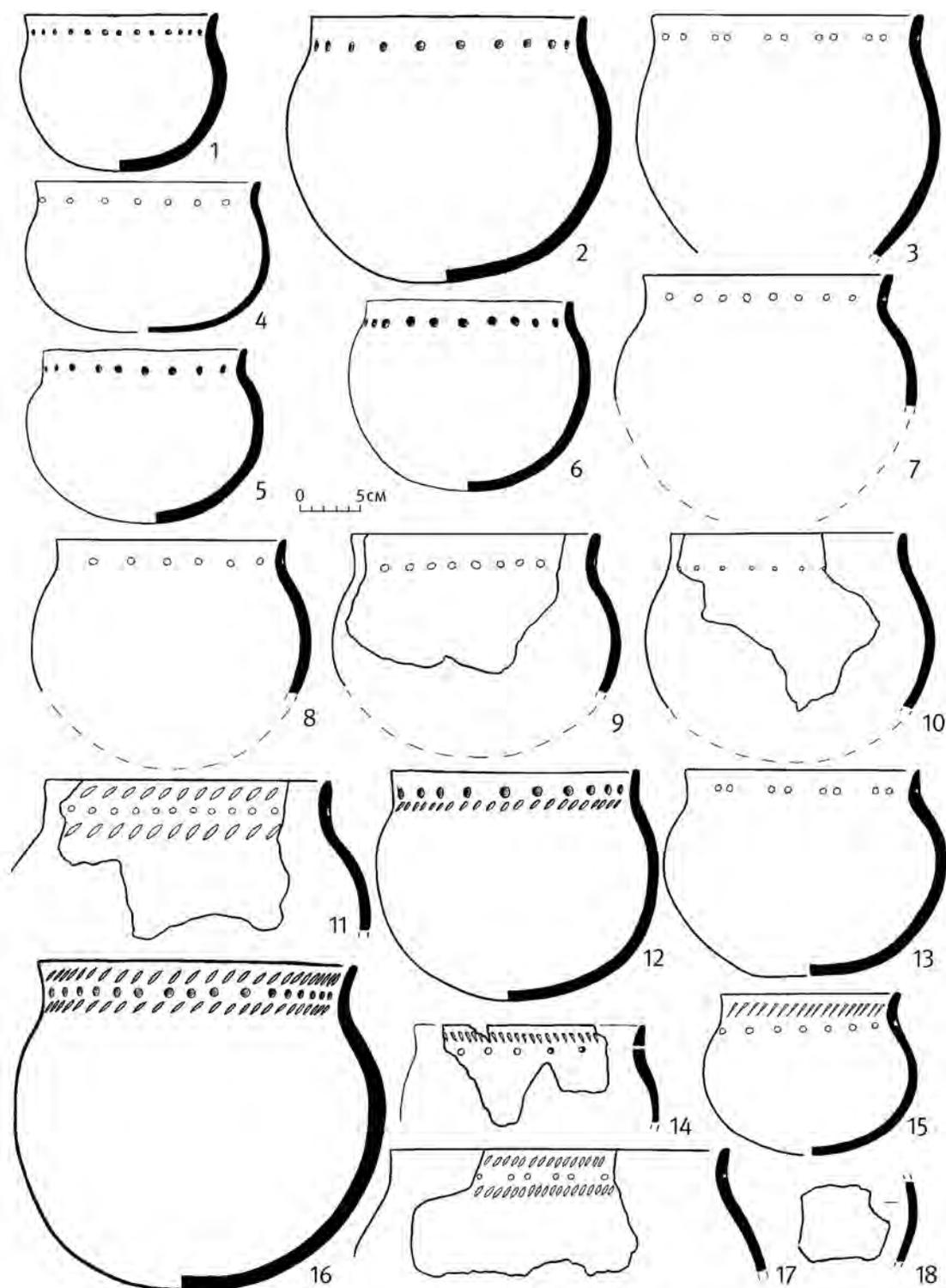

Рис. 131. Керамика из погребений Группы 1 могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 331, мог. 2; 2 — кург. 36, мог. 2; 3 — кург. 331, мог. 1; 4 — кург. 325, мог. 3; 5 — кург. 349, мог. 1; 6 — кург. 337, мог. 3; 7, 10 — кург. 448, мог. 1; 8 — кург. 519; 9, 11 — кург. 448, мог. 3; 12 — кург. 463; 13 — кург. 477, мог. 2; 14 — кург. 335, мог. 3; 15 — кург. 493, мог. 3; 16 — кург. 387, мог. 1; 17 — кург. 385; 18 — кург. 475, мог. 3

Fig. 131. Pottery from the 1st group of burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1 — tumulus 331, grave 2; 2 — tumulus 36, grave 2; 3 — tumulus 331, grave 1; 4 — tumulus 325, grave 3; 5 — tumulus 349, grave 1; 6 — tumulus 337, grave 3; 7, 10 — tumulus 448, grave 1; 8 — tumulus 519; 9, 11 — tumulus 448, grave 3; 12 — tumulus 463; 13 — tumulus 477, grave 2; 14 — tumulus 335, grave 3; 15 — tumulus 493, grave 3; 16 — tumulus 387, grave 1; 17 — tumulus 385; 18 — tumulus 475, grave 3

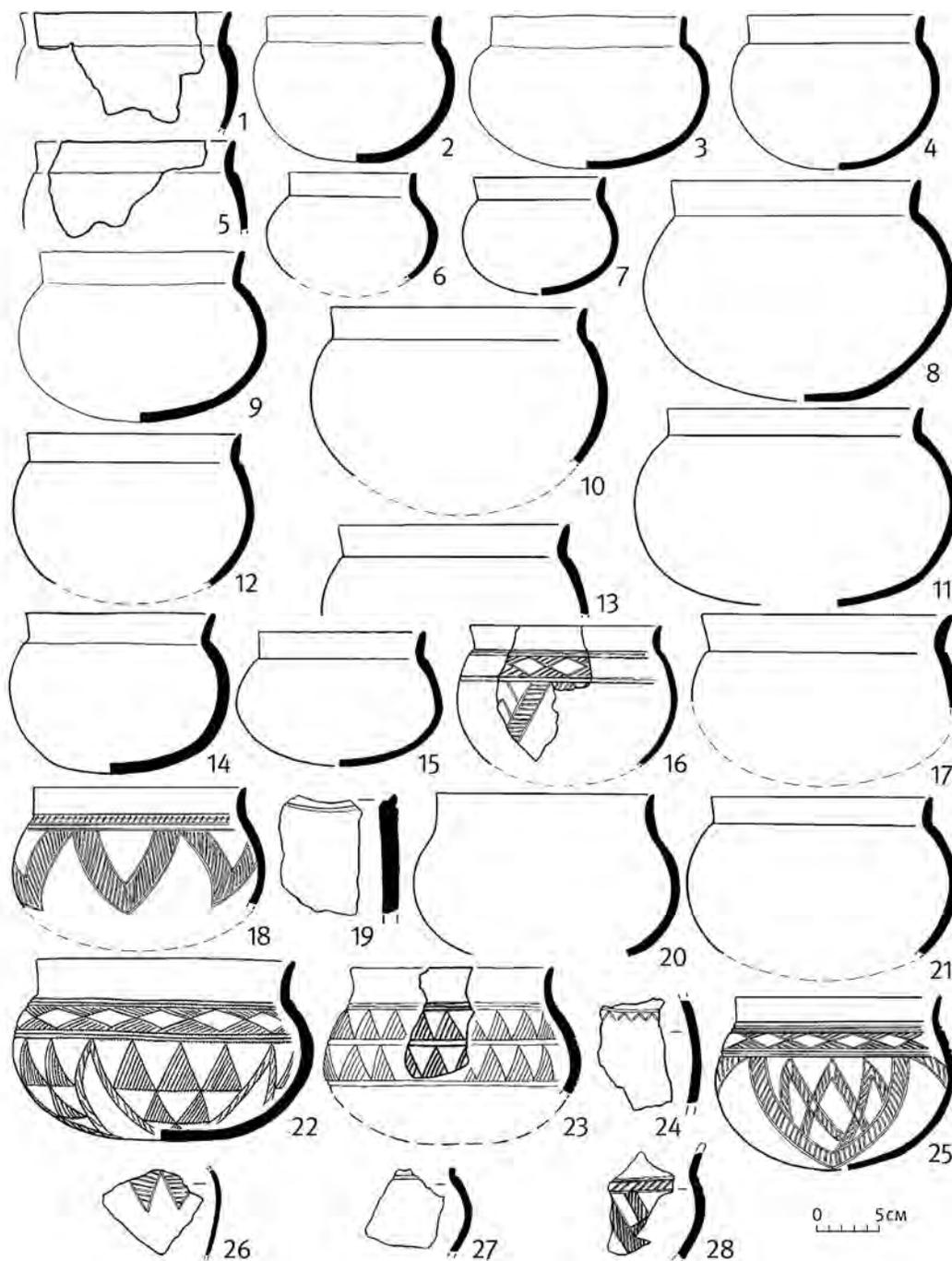

Рис 132. Керамика из погребений Группы 1 могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 339, мог. 2; 2 — кург. 337, мог. 4; 3, 9 — кург. 345, мог. 1; 4 — кург. 349, мог. 6; 5 — кург. 343, мог. 3; 6 — кург. 310, мог. 1; 7 — кург. 525, мог. 1; 8 — кург. 349, мог. 3; 10 — кург. 463, мог. 1; 11 — кург. 381, мог. 1; 12, 25 — кург. 387, мог. 2; 13 — кург. 469, мог. 3; 14 — кург. 403; 15 — кург. 469, мог. 4; 16 — кург. 527, мог. 4; 17 — кург. 465; 18 — кург. 387, мог. 1; 19 — кург. 335, мог. 3; 20 — кург. 513, мог. 1; 21 — кург. 493, мог. 1; 22, 23 — кург. 349, мог. 1; 24 — кург. 483; 26 — кург. 35; 27 — кург. 37, мог. 2; 28 — кург. 371, мог. 2

Fig. 132. Pottery from the 1st group of burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1 — tumulus 339, grave 2; 2 — tumulus 337, grave 4; 3, 9 — tumulus 345, grave 1; 4 — tumulus 349, grave 6; 5 — tumulus 343, grave 3; 6 — tumulus 310, grave 1; 7 — tumulus 525, grave 1; 8 — tumulus 349, grave 3; 10 — tumulus 463, grave 1; 11 — tumulus 381, grave 1; 12, 25 — tumulus 387, grave 2; 13 — tumulus 469, grave 3; 14 — tumulus 403; 15 — tumulus 469, grave 4; 16 — tumulus 527, grave 4; 17 — tumulus 465; 18 — tumulus 387, grave 1; 19 — tumulus 335, grave 3; 20 — tumulus 513, grave 1; 21 — tumulus 493, grave 1; 22, 23 — tumulus 349, grave 1; 24 — tumulus 483; 26 — tumulus 35; 27 — tumulus 37, grave 2; 28 — tumulus 371, grave 2

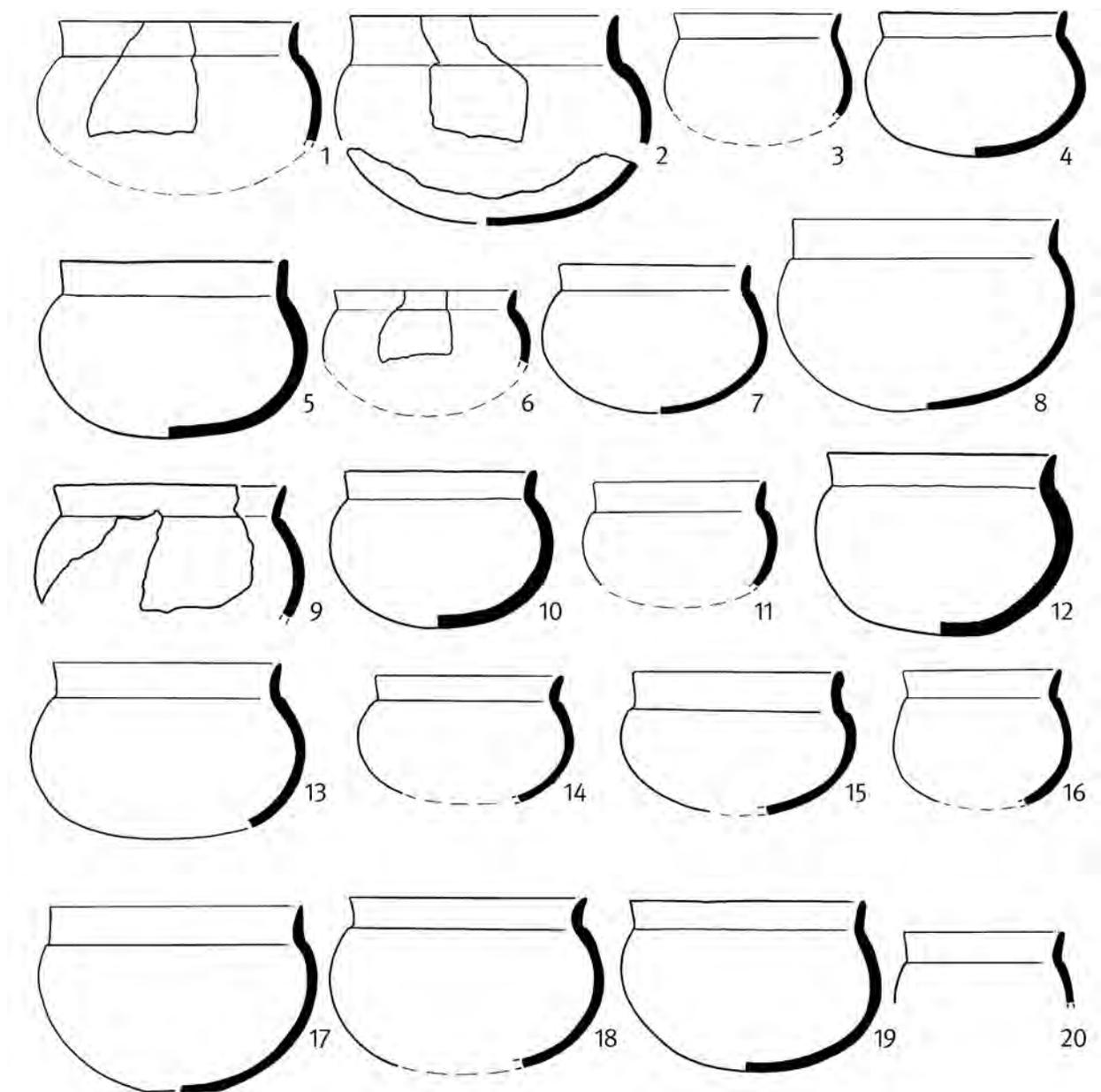

Рис. 133. Керамика из погребений Группы 2 могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 273, мог. 4; 2 — кург. 273, мог. 3; 3 — кург. 273, мог. 2; 4 — кург. 263, мог. 2; 5 — кург. 271, мог. 2; 6 — кург. 263, мог. 1; 7 — кург. 275, мог. 2; 8 — кург. 289, мог. 1; 9 — кург. 247, мог. 2; 10 — кург. 283, мог. 2; 11, 17 — кург. 295, мог. 2; 12 — кург. 299; 13, 16 — кург. 295, мог. 1; 14, 20 — кург. 313; 15 — кург. 291, мог. 2; 18 — кург. 604; 19 — кург. 602

Fig. 133. Pottery from the 2nd group of burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1 — tumulus 273, grave 4; 2 — tumulus 273, grave 3; 3 — tumulus 273, grave 2; 4 — tumulus 263, grave 2; 5 — tumulus 271, grave 2; 6 — tumulus 263, grave 1; 7 — tumulus 275, grave 2; 8 — tumulus 289, grave 1; 9 — tumulus 247, grave 2; 10 — tumulus 283, grave 2; 11, 17 — tumulus 295, grave 2; 12 — tumulus 299; 13, 16 — tumulus 295, grave 1; 14, 20 — tumulus 313; 15 — tumulus 291, grave 2; 18 — tumulus 604; 19 — tumulus 602

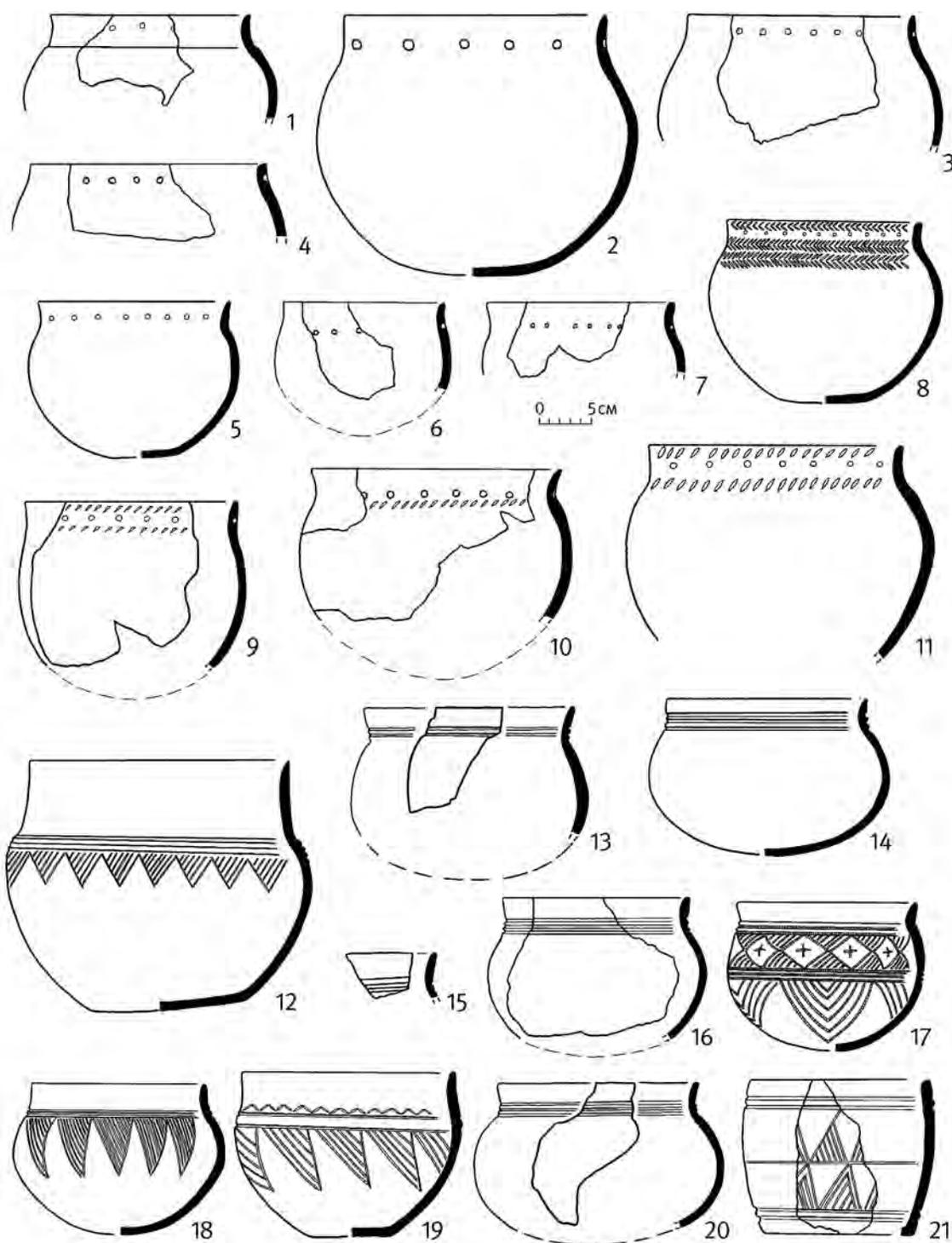

Рис. 134. Керамика из погребений Группы 2 могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 604; 2 — кург. 277, мог. 1; 3, 9 — кург. 313; 4 — кург. 273, мог. 4; 5 — кург. 263, мог. 4; 6 — кург. 295, мог. 2; 7 — кург. 275, мог. 1; 8 — кург. 263, мог. 2; 10 — кург. 247, мог. 2; 11 — кург. 287, мог. 1; 12, 16 — кург. 255, мог. 2; 13 — кург. 249, мог. 1; 14 — кург. 603; 15 — кург. 243, мог. 1; 17 — кург. 291; 18 — кург. 263, мог. 3; 19 — кург. 315, мог. 1; 20 — кург. 247, мог. 2; 21 — кург. 247, мог. 1

Fig. 134. Pottery from the 2nd group of burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1 — tumulus 604; 2 — tumulus 277, grave 1; 3, 9 — tumulus 313; 4 — tumulus 273, grave 4; 5 — tumulus 263, grave 4; 6 — tumulus 295, grave 2; 7 — tumulus 275, grave 1; 8 — tumulus 263, grave 2; 10 — tumulus 247, grave 2; 11 — tumulus 287, grave 1; 12, 16 — tumulus 255, grave 2; 13 — tumulus 249, grave 1; 14 — tumulus 603; 15 — tumulus 243, grave 1; 17 — tumulus 291; 18 — tumulus 263, grave 3; 19 — tumulus 315, grave 1; 20 — tumulus 247, grave 2; 21 — tumulus 247, grave 1

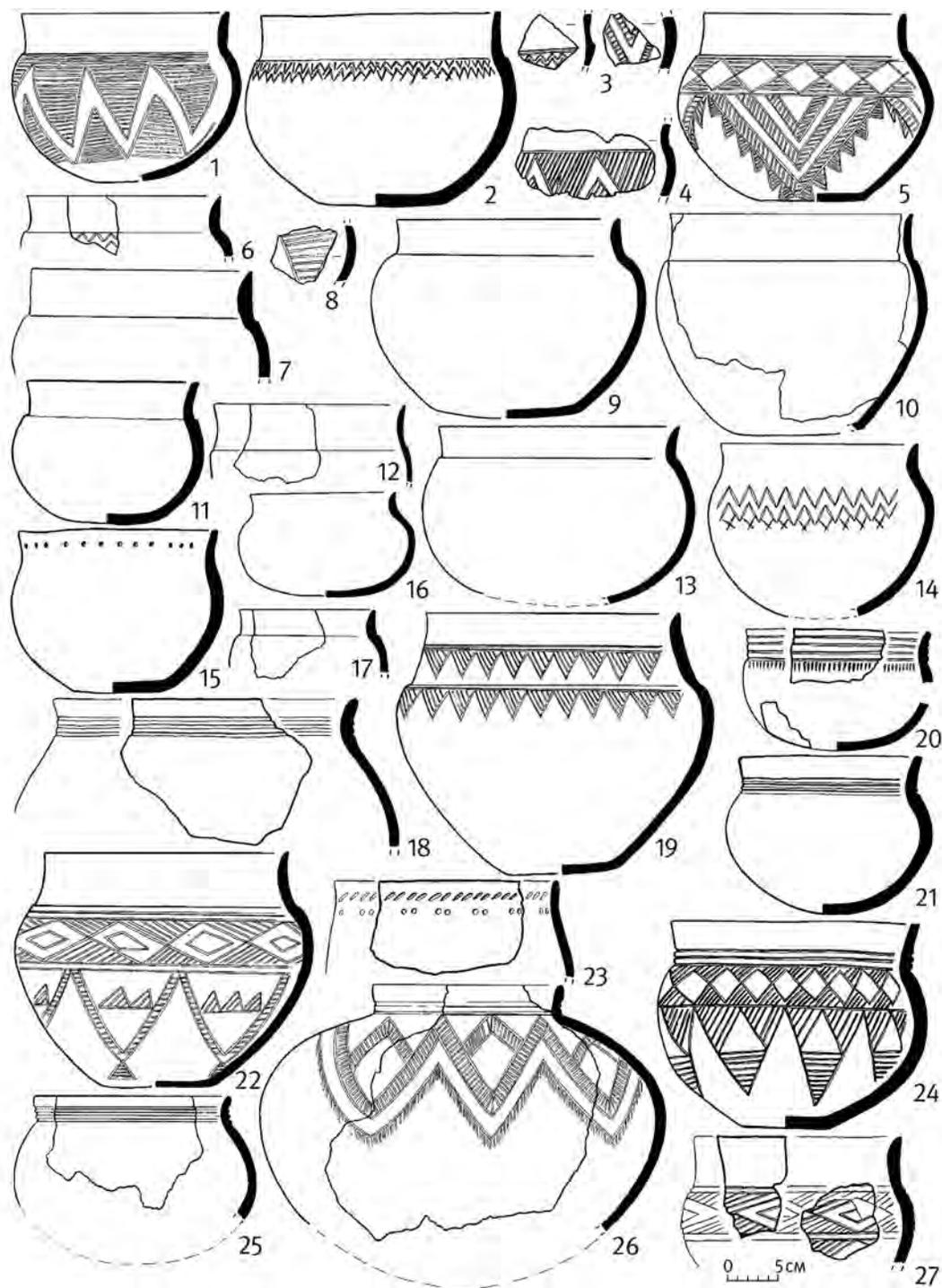

Рис 135. Керамика из погребений Группы 3 могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 112, мог. 1; 2 — кург. 109; 3, 7 — кург. 78, мог. 1; 4 — кург. 115, мог. 1; 5 — кург. 110; 6 — кург. 114, мог. 1; 8 — кург. 118, мог. 1; 9 — кург. 131, мог. 1; 10 — кург. 78; 11, 15 — кург. 119, мог. 1; 12 — кург. 114, мог. 2; 13 — кург. 131, мог. 1-A; 14 — кург. 112, мог. 3; 16 — кург. 138, мог. 2; 17 — кург. 138, мог. 1; 18, 22, 23, 25, 26 — кург. 120; 19 — кург. 76, мог. 2; 20 — кург. 136; 21 — кург. 139; 24 — кург. 122; 27 — кург. 113

Fig. 135. Pottery from the 3rd group of burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1 — tumulus 112, grave 1; 2 — tumulus 109; 3, 7 — tumulus 78, grave 1; 4 — tumulus 115, grave 1; 5 — tumulus 110; 6 — tumulus 114, grave 1; 8 — tumulus 118, grave 1; 9 — tumulus 131, grave 1; 10 — tumulus 78; 11, 15 — tumulus 119, grave 1; 12 — tumulus 114, grave 2; 13 — tumulus 131, grave 1-A; 14 — tumulus 112, grave 3; 16 — tumulus 138, grave 2; 17 — tumulus 138, grave 1; 18, 22, 23, 25, 26 — tumulus 120; 19 — tumulus 76, grave 2; 20 — tumulus 136; 21 — tumulus 139; 24 — tumulus 122; 27 — tumulus 113

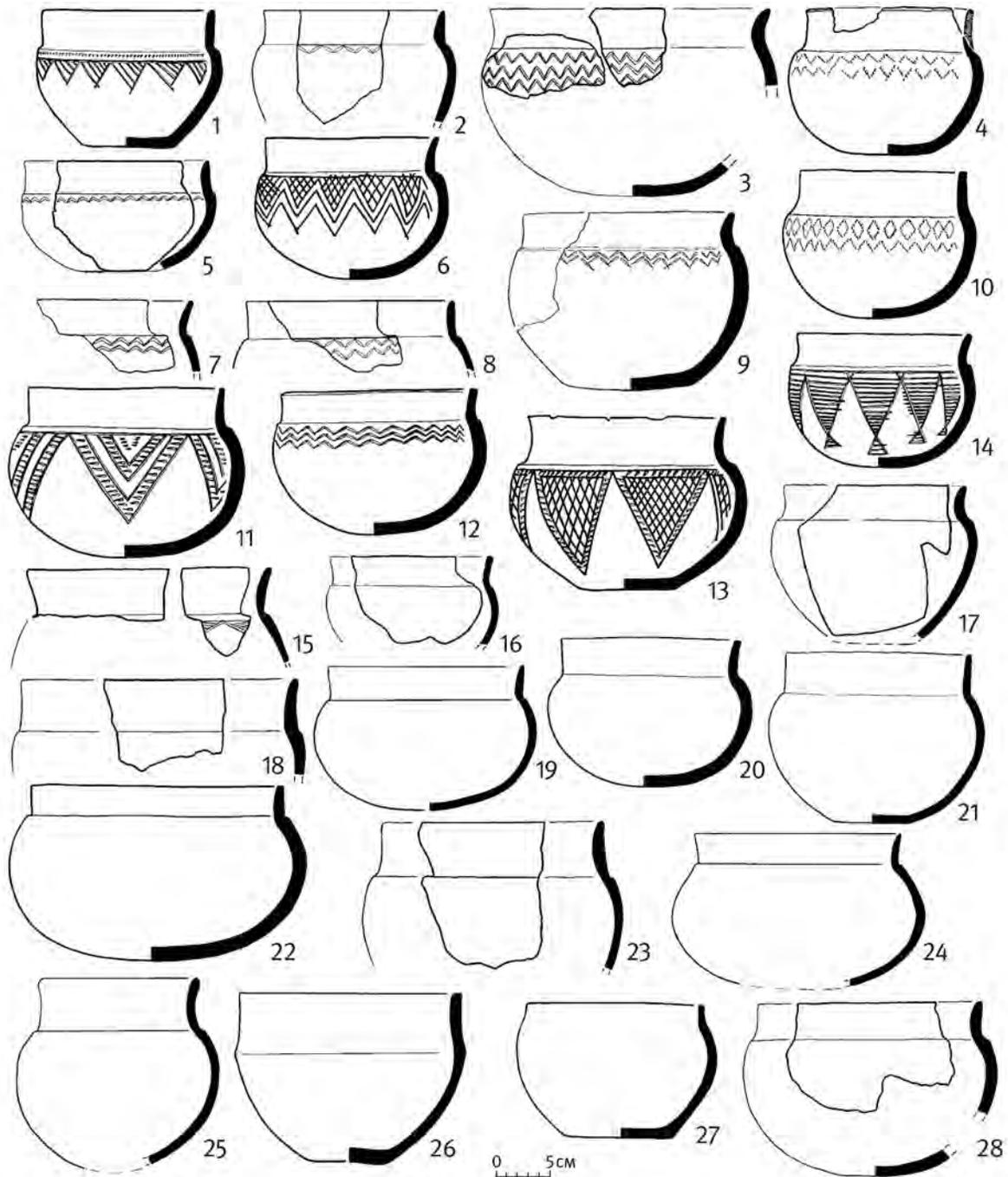

Рис. 136. Керамика из погребений Группы 4 могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 141, мог. 7; 2 — кург. 142, мог. 7; 3 — кург. 144, мог. 3; 4 — кург. 144, мог. 5; 5 — кург. 141, мог. 1; 6 — кург. 147, мог. 4; 7 — кург. 67, мог. 1; 8 — кург. 67, мог. 1; 9 — кург. 53, мог. 3; 10 — кург. 141, мог. 6; 11 — кург. 68, мог. 1; 12 — кург. 81, мог. 1; 13 — кург. 81, мог. 3; 14 — кург. 147, мог. 2; 15 — кург. 71; 16 — кург. 147, мог. 3; 17, 28 — кург. 147, мог. 1; 18 — кург. 89, мог. 1; 19 — кург. 51; 20 — кург. 81, мог. 4; 21 — кург. 72, мог. 3; 22 — кург. 21; 23 — кург. 55, мог. 1; 24 — кург. 142, мог. 1; 25 — кург. 145, мог. 3; 26 — кург. 620, мог. 1; 27 — кург. 81, мог. 5

Fig. 136. Pottery from the 4th group of burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1 — tumulus 141, grave 7; 2 — tumulus 142, grave 7; 3 — tumulus 144, grave 3; 4 — tumulus 144, grave 5; 5 — tumulus 141, grave 1; 6 — tumulus 147, grave 4; 7 — tumulus 67, grave 1; 8 — tumulus 67, grave 1; 9 — tumulus 53, grave 3; 10 — tumulus 141, grave 6; 11 — tumulus 68, grave 1; 12 — tumulus 81, grave 1; 13 — tumulus 81, grave 3; 14 — tumulus 147, grave 2; 15 — tumulus 71; 16 — tumulus 147, grave 3; 17, 28 — tumulus 147, grave 1; 18 — tumulus 89, grave 1; 19 — tumulus 51; 20 — tumulus 81, grave 4; 21 — tumulus 72, grave 3; 22 — tumulus 21; 23 — tumulus 55, grave 1; 24 — tumulus 142, grave 1; 25 — tumulus 145, grave 3; 26 — tumulus 620, grave 1; 27 — tumulus 81, grave 5

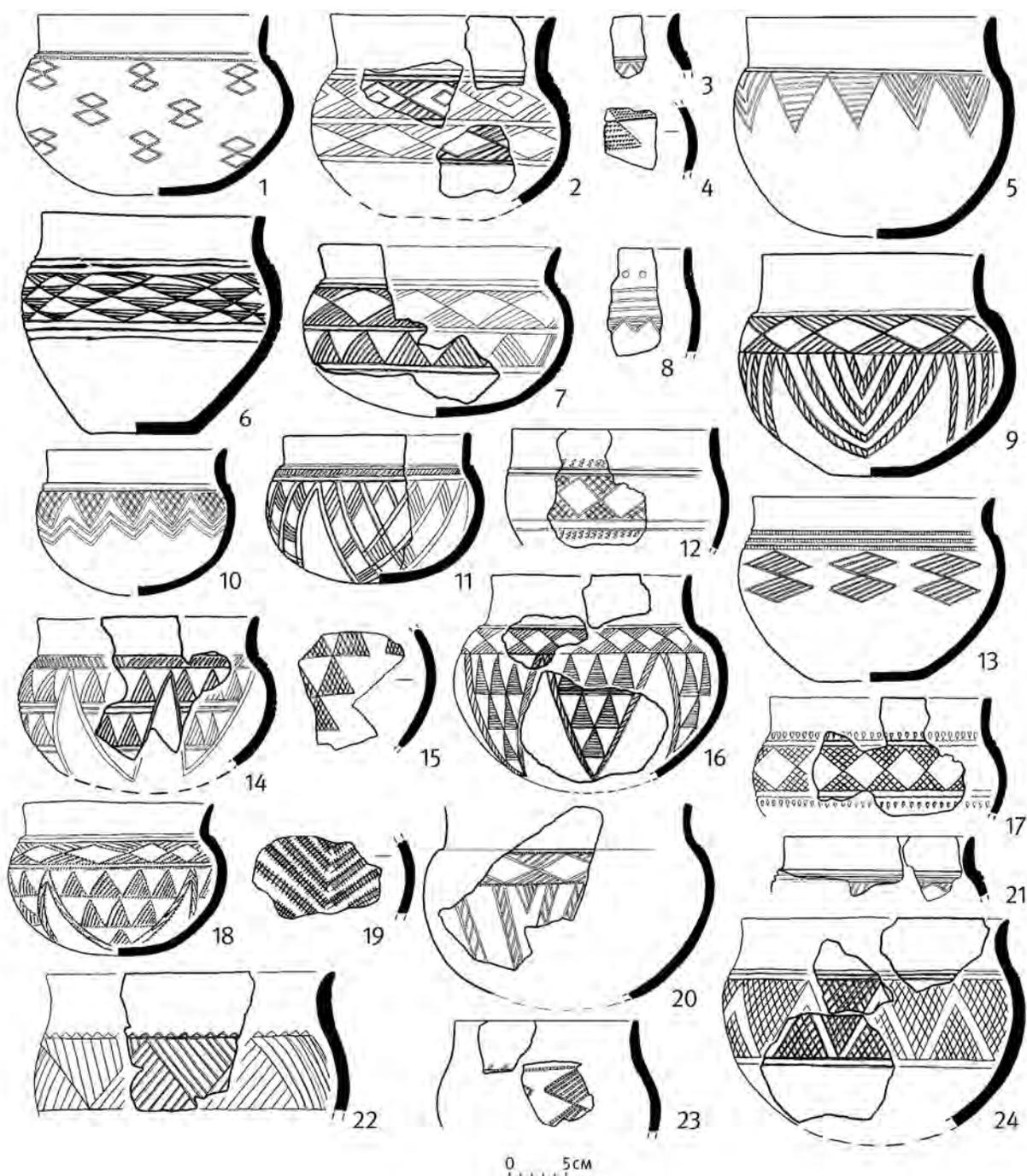

Рис. 137. Керамика из погребений Группы 4 могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 145, мог. 4; 2 — кург. 145, мог. 1; 3 — кург. 142, мог. 7; 4 — кург. 45, мог. 1; 5 — кург. 141, мог. 2; 6 — кург. 141, мог. 11; 7 — кург. 13, мог. 3; 8 — кург. 155; 9 — кург. 163, мог. 3; 10 — кург. 147, мог. 4; 11 — кург. 53, мог. 1; 12, 17, 19 — кург. 45, мог. 2; 13, 20 — кург. 47, мог. 1; 14 — кург. 45, мог. 4; 15 — кург. 40, мог. 2; 16 — кург. 82; 18 — кург. 71; 21 — кург. 154, мог. 1; 22 — кург. 144, мог. 2; 23 — кург. 45, мог. 1; 24 — кург. 68, мог. 3

Fig. 137. Pottery from the 4th group of burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1 — tumulus 145, grave 4; 2 — tumulus 145, grave 1; 3 — tumulus 142, grave 7; 4 — tumulus 45, grave 1; 5 — tumulus 141, grave 2; 6 — tumulus 141, grave 11; 7 — tumulus 13, grave 3; 8 — tumulus 155; 9 — tumulus 163, grave 3; 10 — tumulus 147, grave 4; 11 — tumulus 53, grave 1; 12, 17, 19 — tumulus 45, grave 2; 13, 20 — tumulus 47, grave 1; 14 — tumulus 45, grave 4; 15 — tumulus 40, grave 2; 16 — tumulus 82; 18 — tumulus 71; 21 — tumulus 154, grave 1; 22 — tumulus 144, grave 2; 23 — tumulus 45, grave 1; 24 — tumulus 68, grave 3

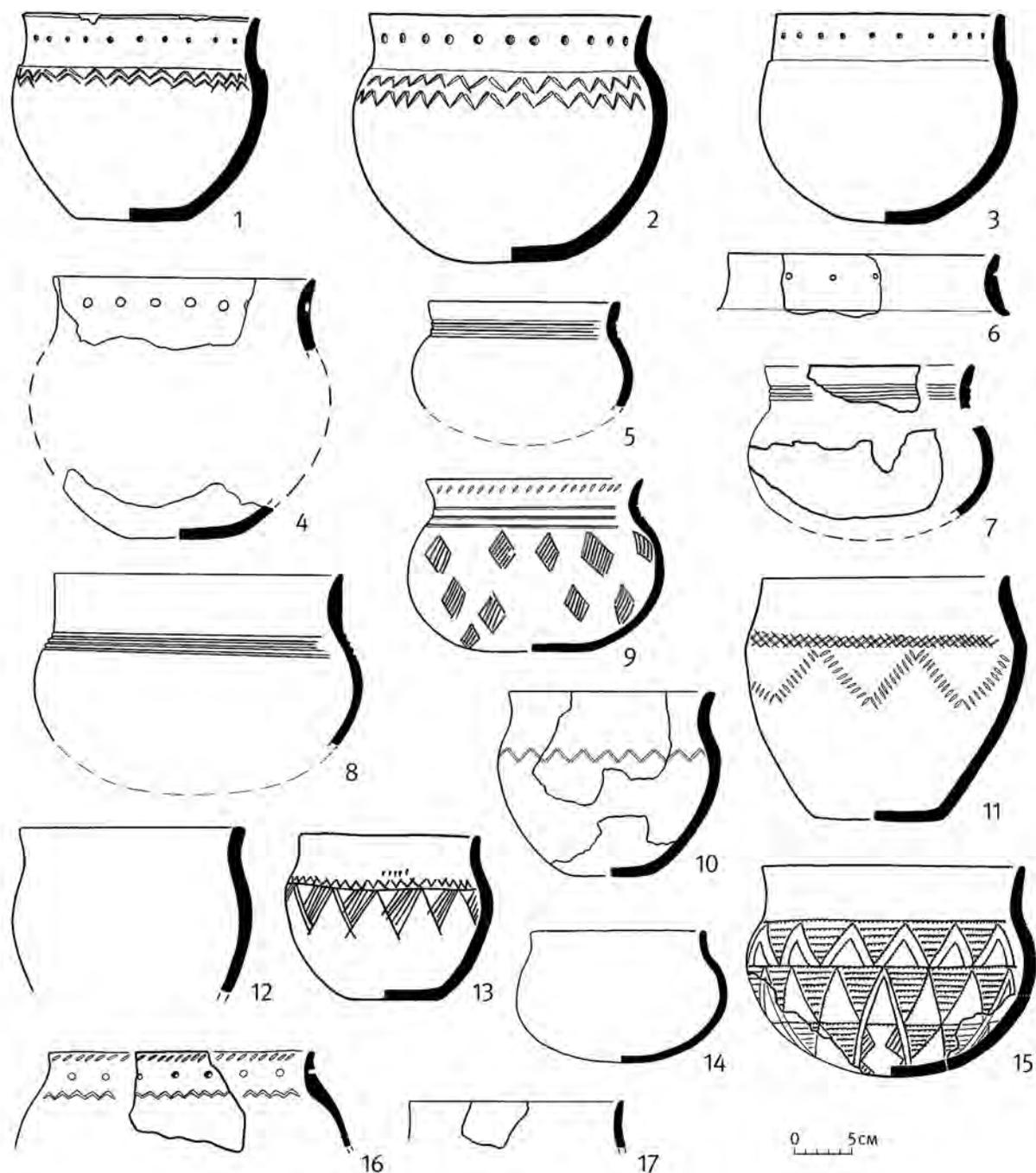

Рис. 138. Керамика из погребений Группы 4 могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 141, мог. 12; 2 — кург. 83; 3, 4 — кург. 142, мог. 7; 5 — кург. 426; 6 — кург. 161, мог. 1; 7 — кург. 146; 8 — кург. 163, мог. 2; 9 — кург. 163, мог. 1; 10 — кург. 89, мог. 2; 11 — кург. 59, мог. 1; 12 — кург. 620, мог. 1; 13 — кург. 64, мог. 2; 14 — кург. 53, мог. 3; 15 — кург. 39; 16 — кург. 79, мог. 1; 17 — кург. 47, мог. 1

Fig. 138. Pottery from the 4th group of burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1 — tumulus 141, grave 12; 2 — tumulus 83; 3, 4 — tumulus 142, grave 7; 5 — tumulus 426; 6 — tumulus 161, grave 1; 7 — tumulus 146; 8 — tumulus 163, grave 2; 9 — tumulus 163, grave 1; 10 — tumulus 89, grave 2; 11 — tumulus 59, grave 1; 12 — tumulus 620, grave 1; 13 — tumulus 64, grave 2; 14 — tumulus 53, grave 3; 15 — tumulus 39; 16 — tumulus 79, grave 1; 17 — tumulus 47, grave 1

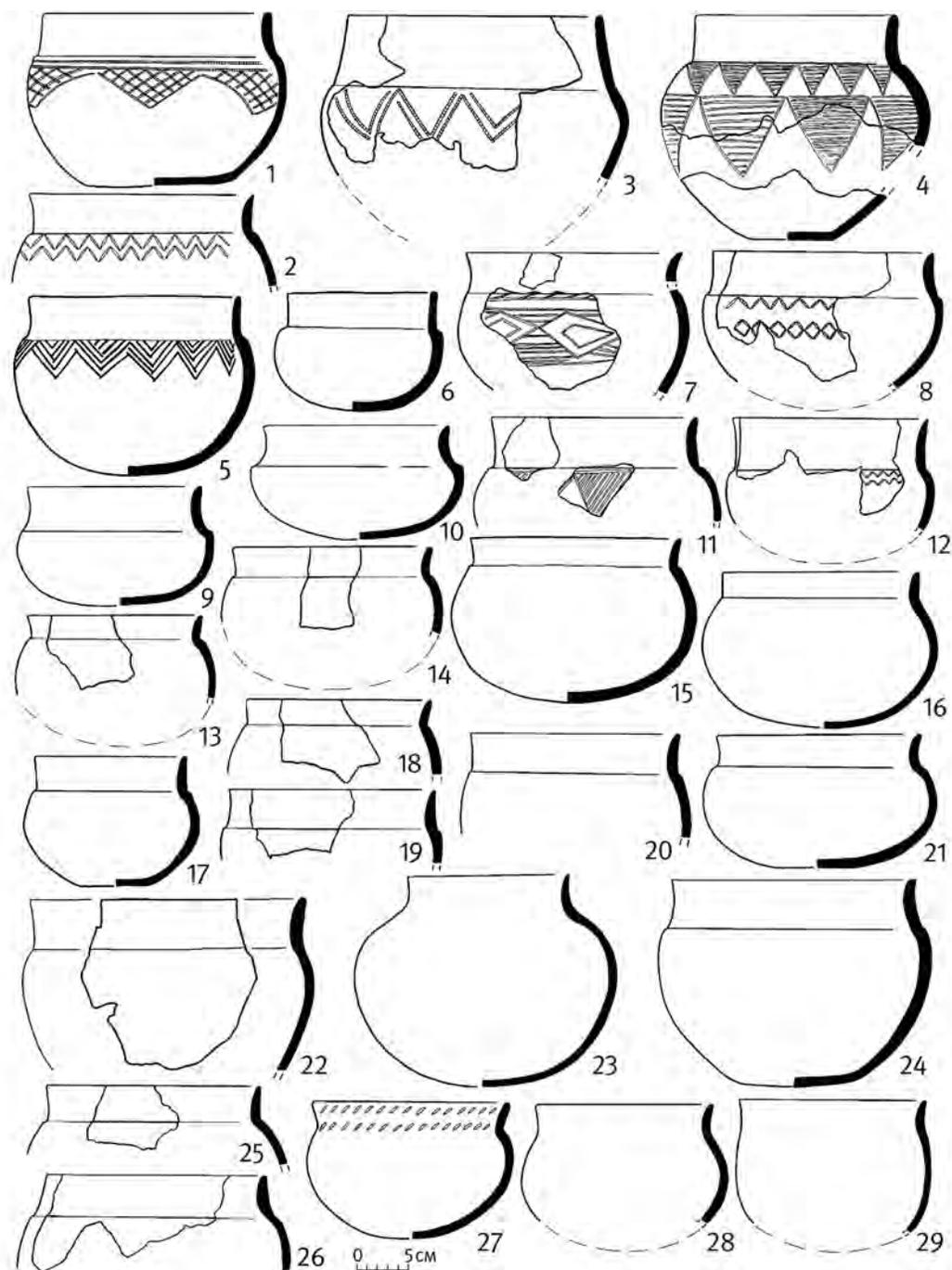

Рис. 139. Керамика из погребений Группы 5 могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 176; 2 — кург. 182, мог. 2; 3 — кург. 378, мог. 2; 4 — кург. 236, мог. 1; 5 — кург. 258, мог. 1; 6 — кург. 185, мог. 3; 7 — кург. 215, мог. 1; 8 — кург. 302, мог. 2; 9 — кург. 252, мог. 4; 10 — кург. 246, мог. 1; 11 — кург. 248, мог. 1; 12 — кург. 298, мог. 1; 13 — кург. 278; 14 — кург. 239, мог. 4; 15 — кург. 286; 16 — кург. 232, мог. 1; 17 — кург. 228, мог. 1; 18 — кург. 336; 19 — кург. 182, мог. 1; 20 — кург. 278; 21 — кург. 181, мог. 2; 22 — кург. 233; 23 — кург. 184; 24 — кург. 280; 25 — кург. 213, мог. 1; 26 — кург. 221, мог. 1; 27 — кург. 298, мог. 2; 28 — кург. 308, мог. 2; 29 — кург. 286

Fig. 139. Pottery from the 5th group of burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1 — tumulus 176; 2 — tumulus 182, grave 2; 3 — tumulus 378, grave 2; 4 — tumulus 236, grave 1; 5 — tumulus 258, grave 1; 6 — tumulus 185, grave 3; 7 — tumulus 215, grave 1; 8 — tumulus 302, grave 2; 9 — tumulus 252, grave 4; 10 — tumulus 246, grave 1; 11 — tumulus 248, grave 1; 12 — tumulus 298, grave 1; 13 — tumulus 278; 14 — tumulus 239, grave 4; 15 — tumulus 286; 16 — tumulus 232, grave 1; 17 — tumulus 228, grave 1; 18 — tumulus 336; 19 — tumulus 182, grave 1; 20 — tumulus 278; 21 — tumulus 181, grave 2; 22 — tumulus 233; 23 — tumulus 184; 24 — tumulus 280; 25 — tumulus 213, grave 1; 26 — tumulus 221, grave 1; 27 — tumulus 298, grave 2; 28 — tumulus 308, grave 2; 29 — tumulus 286

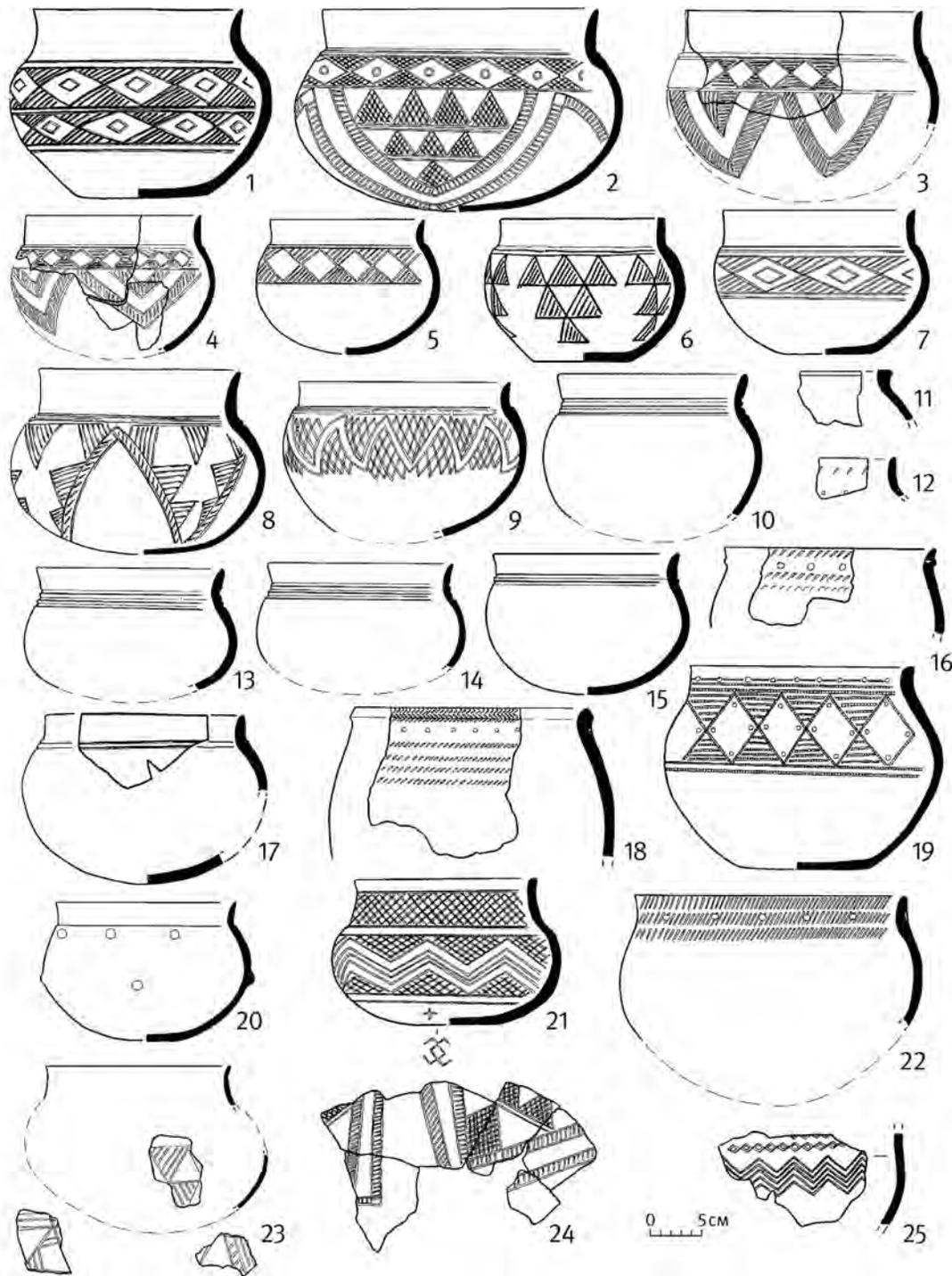

Рис. 140. Керамика из погребений Группы 5 могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 248; 2, 24 — кург. 223, мог. 1; 3 — кург. 302, мог. 1; 4 — кург. 231, мог. 1; 5 — кург. 215, мог. 2; 6 — кург. 236, мог. 2; 7 — кург. 217; 8 — кург. 324, мог. 1; 9 — кург. 273, мог. 1; 10 — кург. 304; 11 — кург. 183, мог. 1; 12 — кург. 230, мог. 2; 13 — кург. 308, мог. 1; 14 — кург. 308, мог. 2; 15 — кург. 328, мог. 2; 16 — кург. 404, мог. 1; 17 — кург. 268; 18 — кург. 298 — мог.; 19 — кург. 228, мог. 5; 20 — кург. 213, мог. 3; 21 — кург. 374; 22 — кург. 240; 23 — кург. 180, мог. 2; 25 — кург. 204

Fig. 140. Pottery from the 5th group of burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1 — tumulus 248; 2, 24 — tumulus 223, grave 1; 3 — tumulus 302, grave 1; 4 — tumulus 231, grave 1; 5 — tumulus 215, grave 2; 6 — tumulus 236, grave 2; 7 — tumulus 217; 8 — tumulus 324, grave 1; 9 — tumulus 273, grave 1; 10 — tumulus 304; 11 — tumulus 183, grave 1; 12 — tumulus 230, grave 2; 13 — tumulus 308, grave 1; 14 — tumulus 308, grave 2; 15 — tumulus 328, grave 2; 16 — tumulus 404, grave 1; 17 — tumulus 268; 18 — tumulus 298 — grave; 19 — tumulus 228, grave 5; 20 — tumulus 213, grave 3; 21 — tumulus 374; 22 — tumulus 240; 23 — tumulus 180, grave 2; 25 — tumulus 204

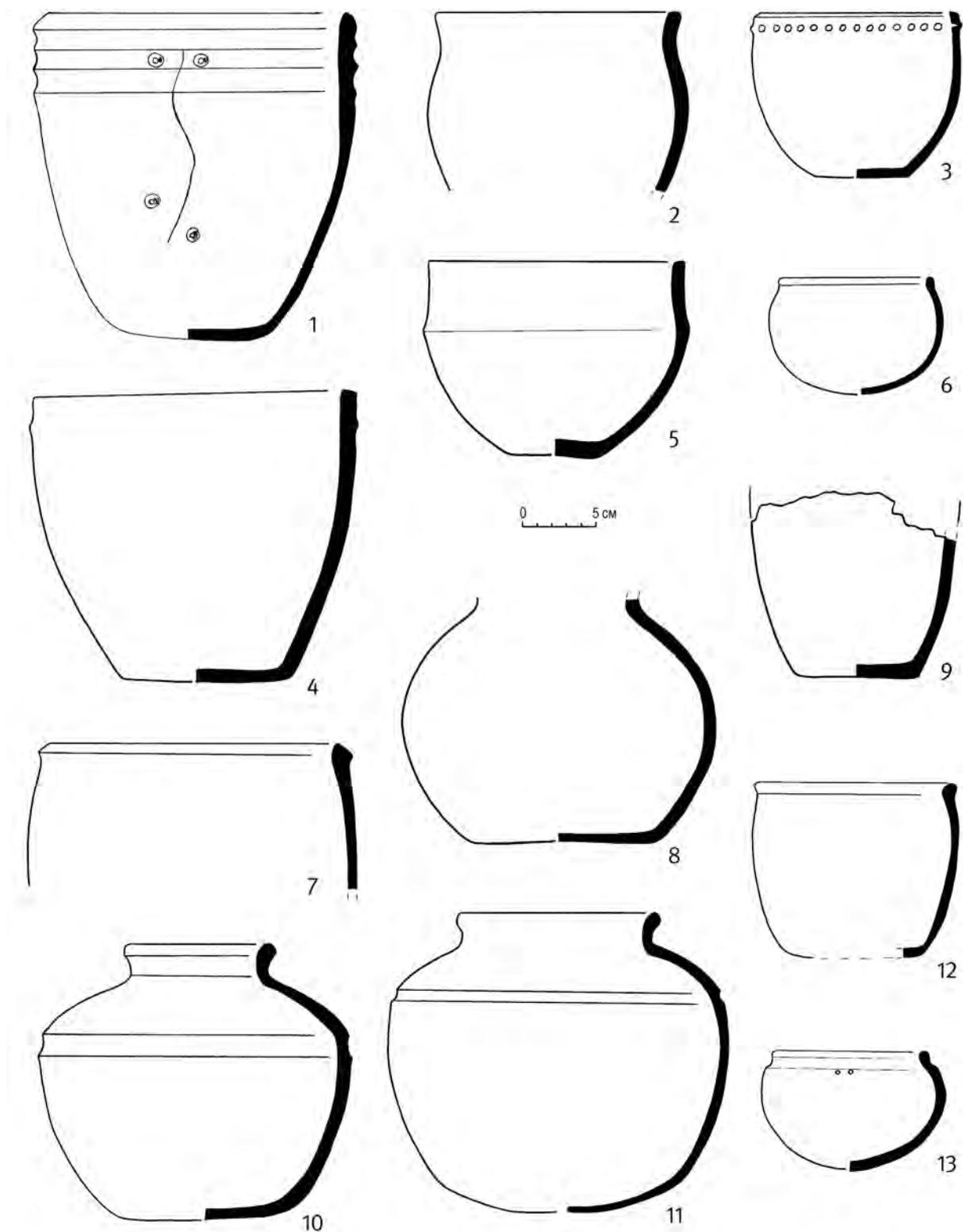

Рис. 141. Керамика из погребений тагарской культуры могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 56, мог. 1; 2, 5 — кург. 620, мог. 1; 3, 4 — кург. 247, мог. 1; 6 — кург. 188, мог. 2; 7 — кург. 278; 8 — кург. 355, мог. 1; 9, 10 — кург. 147; 11 — кург. 127, мог. 1; 12 — кург. 285; 13 — кург. 296

Fig. 141. Pottery from the Tagar burials from the cemetery of Sukhoye Ozero II: 1 — tumulus 56, grave 1; 2, 5 — tumulus 620, grave 1; 3, 4 — tumulus 247, grave 1; 6 — tumulus 188, grave 2; 7 — tumulus 278; 8 — tumulus 355, grave 1; 9, 10 — tumulus 147; 11 — tumulus 127, grave 1; 12 — tumulus 285; 13 — tumulus 296

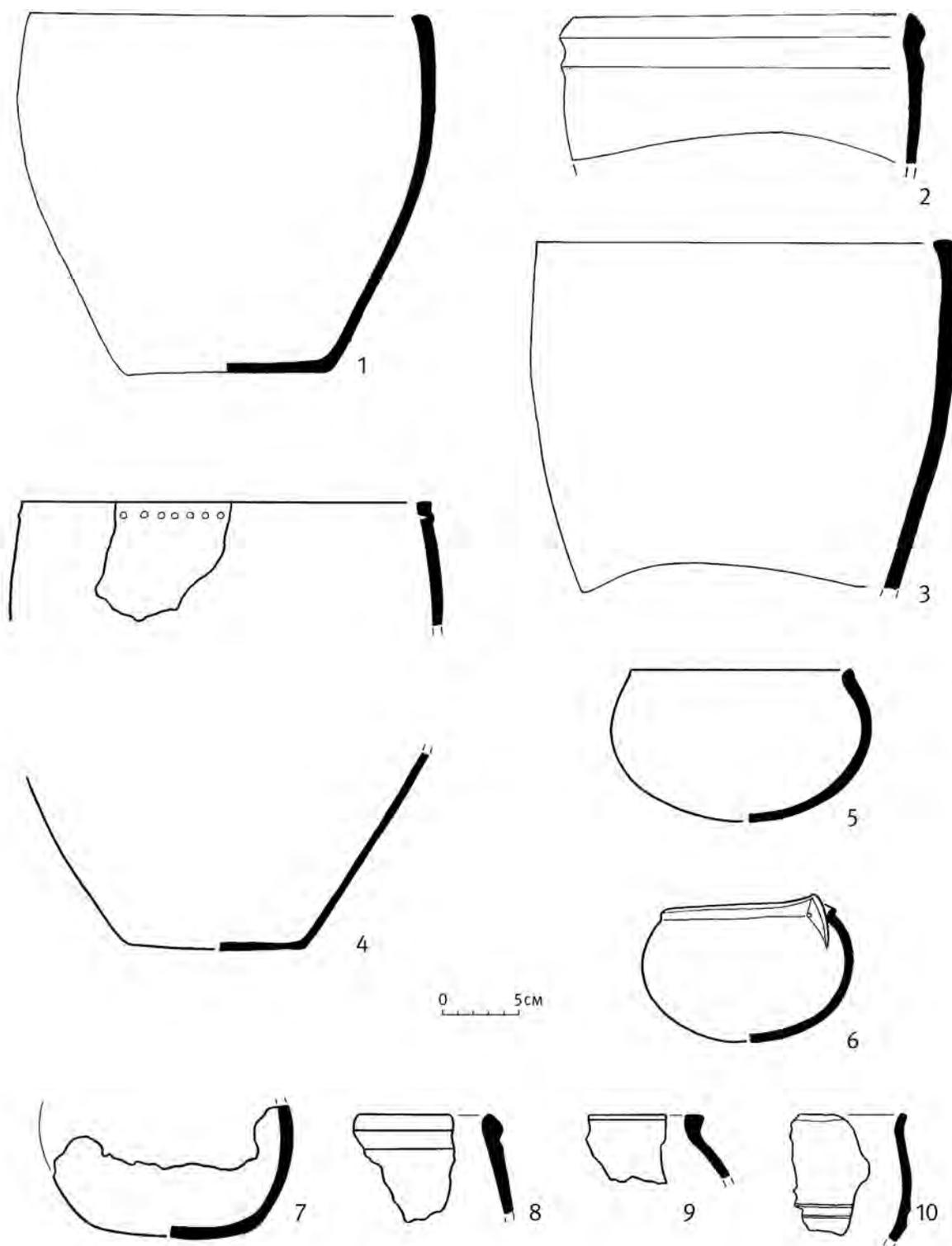

Рис. 142. Керамика из погребений тагарской культуры могильника Сухое Озеро II: 1, 2 — кург. 285; 3 — кург. 332; 4, 6 — кург. 397; 5, 7 — кург. 610; 8 — кург. 355, мог. 2; 9 — кург. 183, мог. 1; 10 — кург. 454, мог. 4

Fig. 142. Pottery from the Tagar burials from the cemetery of Sukhoe Ozero II: 1, 2 — tumulus 285; 3 — tumulus 332; 4, 6 — tumulus 397; 5, 7 — tumulus 610; 8 — tumulus 355, grave 2; 9 — tumulus 183, grave 1; 10 — tumulus 454, grave 4

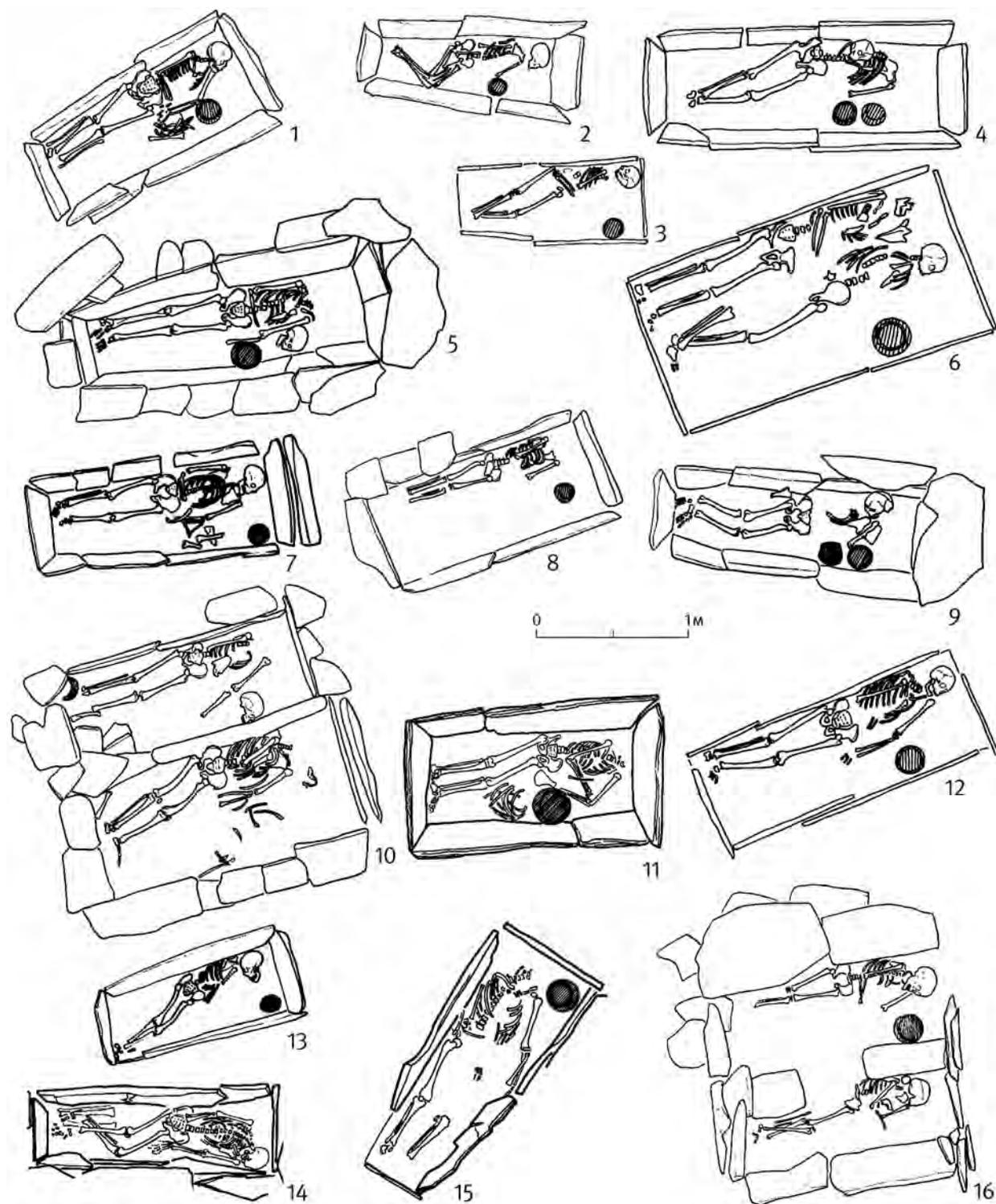

Рис. 143. Чертежи наиболее сохранившихся погребений могильника Сухое Озеро II: 1 — кург. 64, мог. 2; 2 — кург. 141, мог. 6; 3 — кург. 141, мог. 7; 4 — кург. 119, мог. 1; 5 — кург. 337, мог. 3; 6 — кург. 236, мог. 1; 7 — кург. 375, мог. 1; 8 — кург. 343, мог. 2; 9 — кург. 345, мог. 1; 10 — кург. 448, мог. 1–2; 11 — кург. 176; 12 — кург. 109; 13 — кург. 54, мог. 1; 14 — кург. 229, мог. 1; 15 — кург. 118, мог. 2; 16 — кург. 142, мог. 7

Fig. 143. Plans showing the best preserved burials of Sukhoje Ozero II: 1 — tumulus 64, grave 2; 2 — tumulus 141, grave 6; 3 — tumulus 141, grave 7; 4 — tumulus 119, grave 1; 5 — tumulus 337, grave 3; 6 — tumulus 236, grave 1; 7 — tumulus 375, grave 1; 8 — tumulus 343, grave 2; 9 — tumulus 345, grave 1; 10 — tumulus 448, grave 1–2; 11 — tumulus 176; 12 — tumulus 109; 13 — tumulus 54, grave 1; 14 — tumulus 229, grave 1; 15 — tumulus 118, grave 2; 16 — tumulus 142, grave 7

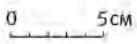
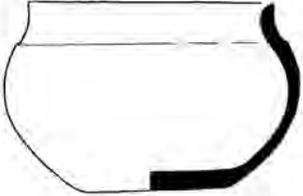
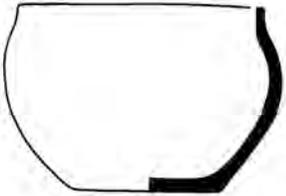
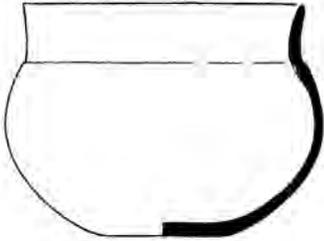
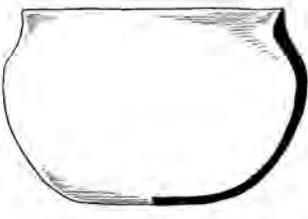
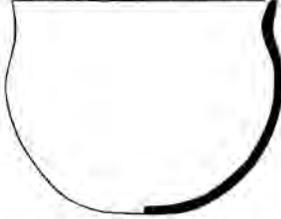
	сосуды с уступом	сосуды без уступа
плоское дно	 <p data-bbox="629 663 712 701">Тип I</p>	 <p data-bbox="1120 663 1207 701">Тип II</p>
уплощённое дно	 <p data-bbox="617 1057 723 1094">Тип III</p>	 <p data-bbox="1120 1057 1219 1094">Тип IV</p>
круглое дно	 <p data-bbox="624 1450 716 1487">Тип V</p>	 <p data-bbox="1120 1450 1219 1487">Тип VI</p>

Рис. 144. Типология Г.А. Максименкова керамических сосудов могильника Сухое Озеро II по форме дна и наличию уступа (таблица составлена А.В. Поляковым)

Fig. 144. G.A. Maksimenkov's typology of ceramic vessels from the cemetery of Sukohoe Ozero II according to the shape of the base and occurrence of the ledge (table done by A.V. Poliakov)

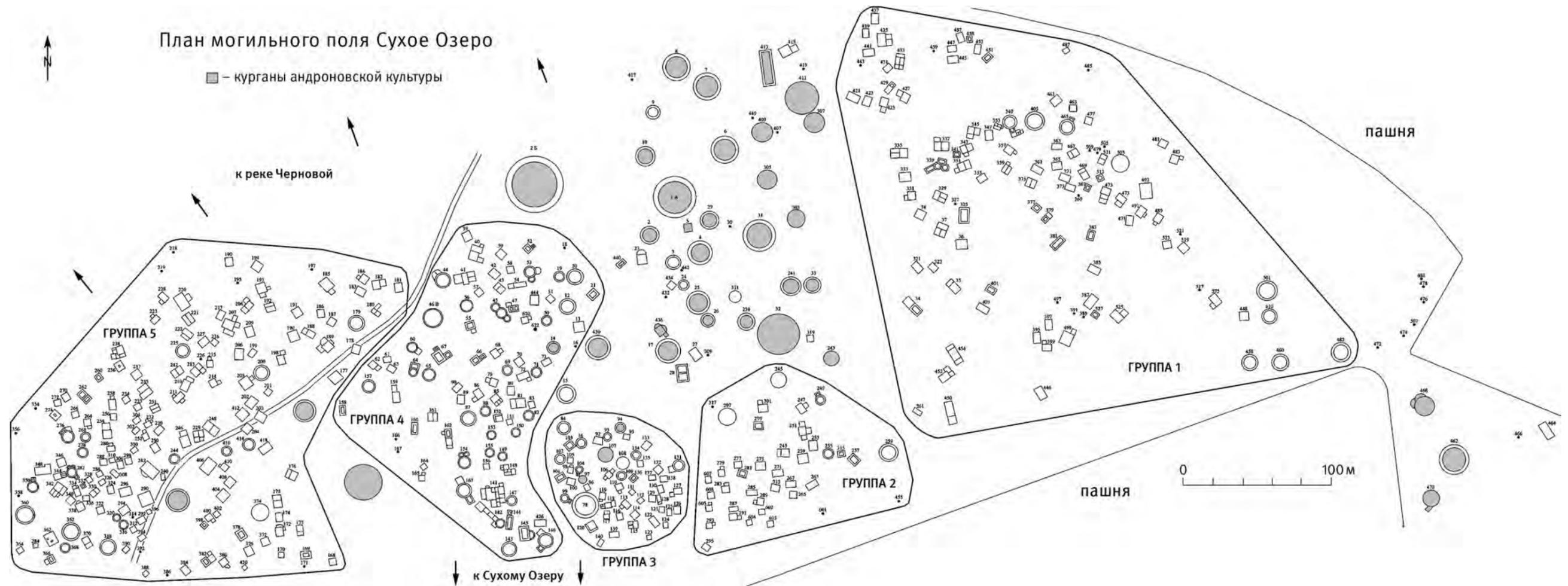

Рис. 145. План могильника Сухое Озеро II (составлен А.В. Поляковым на основании планов разных лет, отчётов и дневников)

Fig. 145. Plan of the Sukhoye Ozero II cemetery (done by A.V. Poliakov on the basis of different years plans, reports and journals)

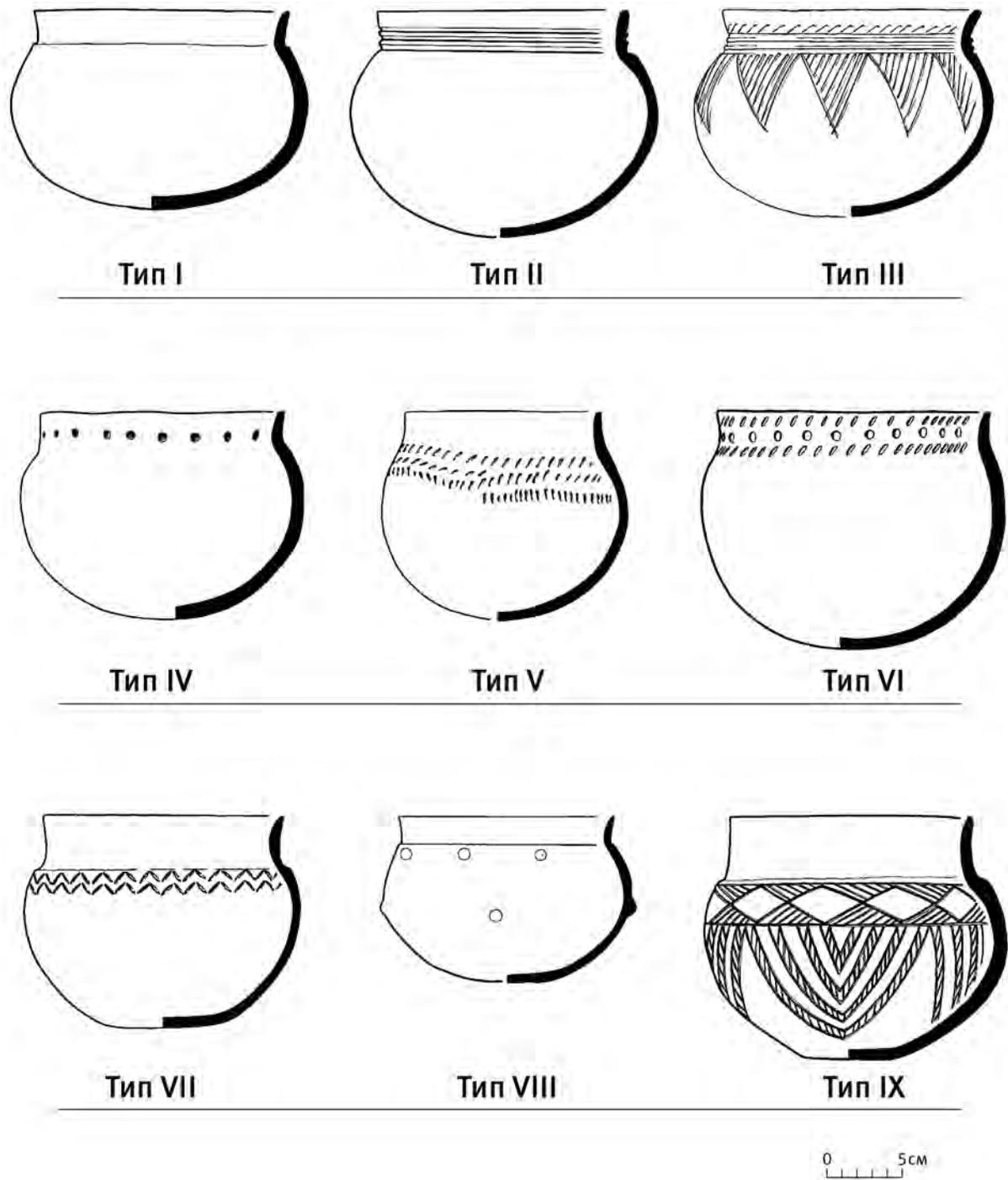

Рис. 146. Типология Г.А. Максименкова керамических сосудов могильника Сухое Озеро II по орнаментации (таблица составлена А.В. Поляковым)

Fig. 146. G.A. Maksimenkov's typology of ceramic vessels from the cemetery of Sukhoie Ozero II according to ornamentation (table done by A.V. Poliakov)

Указатель курганов

- Курган 12 — 178; рис. 74: 6–7
Курган 13 — 172; рис. 63: 1–6
Курган 19 — 172–173; рис. 63: 7
Курган 21 — 173; рис. 63: 8–10
Курган 35 — 147–148; рис. 6: 4–6
Курган 36 — 148; рис. 7: 1–6
Курган 37 — 148; рис. 7: 7–10
Курган 39 — 173; рис. 64: 1–3
Курган 40 — 173; рис. 65: 1–3
Курган 41 — 173; рис. 65: 5–7
Курган 42 — 174; рис. 64: 4–7
Курган 43 — 174; рис. 66: 1–4
Курган 45 — 174; рис. 67: 1–10
Курган 46 — 175; рис. 66: 5–6
Курган 47 — стр. 175; рис. 68
Курган 51 — 174–175; рис. 67: 11–13
Курган 52 — 175; рис. 69: 1
Курган 53 — 175–176; рис. 69: 2–8
Курган 54 — 176; рис. 70: 1–4
Курган 55 — 176; рис. 70: 5–8
Курган 56 — 176; рис. 71: 1–5
Курган 57 — 177; рис. 71: 6
Курган 58 — 177; рис. 71: 7–8
Курган 59 — 177; рис. 72: 1–3
Курган 60 — 177; рис. 72: 4–6
Курган 61 — 177; рис. 72: 7–8
Курган 64 — 178; рис. 73: 8–13
Курган 66 — 179; рис. 76
Курган 67 — 178; рис. 75: 1–5
Курган 68 — 178–179; рис. 75: 6–10
Курган 71 — 179; рис. 77
Курган 72 — 179–180; рис. 78: 2–5
Курган 73 — 180; рис. 78: 6–7
Курган 78а — 169–170; рис. 57
Курган 79 — 180; рис. 79: 1–4
Курган 81 — 180; рис. 80
Курган 82 — 180–181; рис. 79: 5–7
Курган 83 — 181; рис. 81: 1–3, 9
Курган 84 — 167; рис. 52: 1–2
Курган 85 — 181; рис. 81: 4–8
Курган 88 — 181; рис. 82: 1–2
Курган 89 — 181; рис. 82: 3–7
Курган 90 — 181; рис. 82: 8–10
Курган 93 — 167; рис. 52: 3
Курган 101 — 167; рис. 52: 5–7
Курган 106 — 167–168; рис. 52: 6
Курган 109 — 168; рис. 53: 5–7
Курган 110 — 170; рис. 58: 1–5
Курган 111 — 170; рис. 56: 3–4
Курган 112 — 170; рис. 58: 6–11
Курган 113 — 170; рис. 59: 1–4
Курган 114 — 170; рис. 59: 5–9
Курган 115 — 171; рис. 59: 10–12
Курган 116 — 171; рис. 60: 1
Курган 117 — 171; рис. 60: 2
Курган 118 — 171; рис. 60: 3
Курган 119 — 171; рис. 61: 1–5
Курган 120 — 171–172; рис. 62

- Курган 122 — 172; рис. 61: 6–8
Курган 131 — 168; рис. 54: 1–5
Курган 132 — 168; рис. 54: 6–7
Курган 132а — 168; рис. 54: 8
Курган 133 — 168–169; рис. 55: 1
Курган 134 — 169; рис. 55: 2
Курган 135 — 169; рис. 55: 3–4
Курган 136 — 169; рис. 55: 5–6
Курган 137 — 169; рис. 55: 7,8
Курган 138 — 169; рис. 56: 5–9
Курган 139 — 172; рис. 61: 9–11
Курган 141 — 183; рис. 85
Курган 142 — 183–184; рис. 87
Курган 144 — 182–183; рис. 84: 3–10
Курган 145 — 184; рис. 88: 1–6
Курган 146 — 184; рис. 88: 7–8
Курган 147 — 184–185; рис. 89: 1–4
Курган 147а — 185; рис. 89: 6–16
Курган 149 — 185; рис. 90: 1–2
Курган 150 — 182; рис. 83: 1–2
Курган 153 — 182
Курган 154 — 185; рис. 90: 6–10
Курган 155 — 185; рис. 90: 3–5
Курган 158 — 182; рис. 83: 3
Курган 160 — 182; рис. 83: 4–5
Курган 161 — 182; рис. 84: 1–2
Курган 163 — 185–186; рис. 91
Курган 164 — 186; рис. 92: 1–3
Курган 165 — 175; рис. 92: 5–7
Курган 176 — 193; рис. 107: 1–3
Курган 179 — 187; рис. 93: 1–3
Курган 180 — 187; рис. 93: 4–5
Курган 181 — 187; рис. 94: 1–5
Курган 182 — 187; рис. 94: 6–11
Курган 183 — 187; рис. 95: 1
Курган 184 — 188; рис. 95: 3
Курган 184а — 188; рис. 95: 4–6
Курган 185 — 188; рис. 96: 1–4
Курган 186 — 188; рис. 95: 7–8
Курган 187 — 188
Курган 188 — 188–189; рис. 96: 5–7
Курган 190 — 189; рис. 96: 8
Курган 191 — 189; рис. 97: 1
Курган 191а — 189; рис. 97: 2–3
Курган 192 — 189; рис. 97: 4–6
Курган 193 — 189; рис. 97: 7–9
Курган 199 — 189; рис. 98: 1
Курган 200 — 189; рис. 98: 2
Курган 201 — 189; рис. 98: 3–4
Курган 204 — 202; рис. 124: 5–7
Курган 205 — 189–190; рис. 98: 5–6
Курган 209 — 190; рис. 99: 1–2
Курган 211а — 190; рис. 99: 4
Курган 212 — 190; рис. 99: 5–7
Курган 213 — 190; рис. 100: 1–4, 6, 7
Курган 214 — 190–191; рис. 100: 5, 8–9
Курган 215 — 191; рис. 101: 1–5
Курган 216 — 191; рис. 99: 3
Курган 217 — 191; рис. 101: 6–8
Курган 220 — 191; рис. 101: 9–10
Курган 221 — 191; рис. 102: 1–3
Курган 222 — 191; рис. 102: 4–5
Курган 223 — 191; рис. 103: 1–2
Курган 223а — 191–192; рис. 103: 3–7
Курган 225 — 192; рис. 102: 6–7
Курган 227 — 192; рис. 104: 1–2
Курган 228 — 192–193; рис. 105
Курган 229 — 192; рис. 104: 3–7

- Курган 230 — 195; рис. 110: 3–4
 Курган 231 — 195; рис. 110: 5–7
 Курган 232 — 195–196; рис. 111–1–3
 Курган 233 — 196; рис. 111: 4–6
 Курган 234 — 196; рис. 112: 1–2
 Курган 236 — 196; рис. 112: 3–7
 Курган 237 — 196; рис. 112: 8–9
 Курган 240 — 198; рис. 116: 5–7
 Курган 243 — 196; рис. 113: 1–2
 Курган 244 — 196; рис. 113: 3
 Курган 246 — 196–197; рис. 113: 4–9
 Курган 247 — 161; рис. 37
 Курган 248 — 193; рис. 106: 1–2
 Курган 248а — 193; рис. 106: 3–5
 Курган 249 — 161; рис. 38: 1–3
 Курган 250 — 197; рис. 114: 1
 Курган 251 — 165–166; рис. 49: 5–8
 Курган 252 — 197; рис. 114: 2–5
 Курган 253 — 166; рис. 50: 1
 Курган 254 — 198; рис. 117: 1
 Курган 255 — 166; рис. 50: 2–6
 Курган 257 — 166; рис. 50: 7–8
 Курган 258 — 197; рис. 6–8
 Курган 259 — 166; рис. 61: 1
 Курган 260 — 197; рис. 115: 1
 Курган 263 — 162; рис. 40
 Курган 265 — 162; рис. 39: 8–9
 Курган 267 — 162–163; рис. 41: 1–2
 Курган 268 — 198; рис. 117: 2–3
 Курган 271 — 163; рис. 42: 1–3
 Курган 273 — 198–199; рис. 118: 1–10
 Курган 275 — 163; рис. 41: 3–6
 Курган 277 — 163; рис. 42: 4–6
 Курган 278 — 199; рис. 117: 4–8
 Курган 279 — 163; рис. 43: 1–3
 Курган 280 — 199; рис. 118: 11–12
 Курган 281 — 163; рис. 43: 4–5
 Курган 283 — 163; рис. 43: 6–7
 Курган 284 — 199
 Курган 285 — 163–164; рис. 44: 1–5
 Курган 286 — 199; рис. 119: 8
 Курган 287 — 164; рис. 44: 6–7
 Курган 288 — 199; рис. 119: 8
 Курган 289 — 164; рис. 45: 1–3
 Курган 291 — 164; рис. 45: 4–6
 Курган 291а — 164; рис. 45: 7–11
 Курган 293 — 164; рис. 46: 1–2
 Курган 294 — 199
 Курган 295 — 164–165; рис. 46: 3–11
 Курган 296 — 199–200; рис. 119: 5–7
 Курган 297 — 161; рис. 38: 1–3
 Курган 298 — 200; рис. 120: 1–4
 Курган 299 — 162; рис. 38: 6
 Курган 301 — 162; рис. 39: 1–2
 Курган 302 — 197–198; рис. 115: 2–7
 Курган 304 — 198; рис. 115: 9–10
 Курган 306 — 200; рис. 120: 5–6
 Курган 308 — 200; рис. 120: 7–11
 Курган 310 — 200; рис. 121: 1–2
 Курган 313 — 165; рис. 47: 1–6
 Курган 315 — 166–167; рис. 51: 2–3
 Курган 319 — 162; рис. 39: 3–7
 Курган 320 — 200; рис. 121: 3
 Курган 320а — 200; рис. 121: 1–2
 Курган 322 — 200; рис. 121: 7–8
 Курган 323 — 148; рис. 8: 1–3
 Курган 324 — 200–201; рис. 121: 4–6
 Курган 324а — 201; рис. 122: 1–3

- Курган 325 — 148–149; рис. 9
- Курган 326 — 201; рис. 122: 4–5
- Курган 328 — 201; рис. 122: 5–7
- Курган 329 — 201; рис. 123: 1–7
- Курган 330 — 201–202; рис. 123: 8
- Курган 331 — 148; рис. 8: 4–10
- Курган 332 — 198; рис. 116: 1–3
- Курган 333 — 149; рис. 10: 1
- Курган 335 — 149; рис. 10: 6–9
- Курган 336 — 202; рис. 124: 1–2
- Курган 337 — 149–150; рис. 11
- Курган 339 — 150; рис. 1–5
- Курган 343 — 150 – 151; рис. 12: 6–11
- Курган 345 — 151; рис. 13: 1–5, 8
- Курган 346 — 198; рис. 116: 4
- Курган 347 — 150; рис. 2–3
- Курган 349 — 151 – 152; рис. 15–16
- Курган 352 — 202; рис. 124: 4
- Курган 353 — 152; рис. 13: 6–7
- Курган 355 — 152; рис. 13: 9–10
- Курган 355а — 152–153; рис. 14
- Курган 357 — 153; рис. 10: 4–5
- Курган 359 — 153; рис. 17: 1–6
- Курган 361 — 154; рис. 18: 4–5
- Курган 363 — стр. 153; рис. 14: 8–10
- Курган 371 — стр. 153; рис. 19: 1–3
- Курган 372 — 194; рис. 107: 4
- Курган 374 — 194; рис. 107: 6–8
- Курган 375 — 154–155; рис. 19: 4–9;
- Курган 377 — 155; рис. 19: 10–13;
- Курган 378 — 194; рис. 108: 1–5;
- Курган 379 — 155; рис. 20: 1–3;
- Курган 381 — 155; рис. 20: 4–7;
- Курган 383 — 155; рис. 21: 1–2;
- Курган 385 — 155 – 156; рис. 22: 1–2
- Курган 385а — 156; рис. 22: 4–5
- Курган 387 — 156; рис. 23
- Курган 397 — 156; рис. 21: 3–6
- Курган 398 — 194; рис. 107: 6–8
- Курган 400 — 194; рис. 109: 1–4
- Курган 401 — 153; рис. 17: 7–8
- Курган 402 — 195; рис. 109: 5
- Курган 403 — 153; рис. 17: 9–11
- Курган 404 — 194–195; рис. 108: 6–7
- Курган 408 — 195; рис. 109: 6
- Курган 412 — 195; рис. 109: 7–8
- Курган 414 — 195; рис. 110: 1–2
- Курган 421 — 146; рис. 3: 1–2
- Курган 423 — 146; рис. 3: 3
- Курган 426 — 186; рис. 92: 9–11
- Курган 427 — 146; рис. 3: 4–6
- Курган 429 — 146–147; рис. 4: 1
- Курган 431 — 147; рис. 4: 2
- Курган 433 — 147; рис. 4: 3–5
- Курган 441 — 147; рис. 5: 1–3
- Курган 444 — 177; рис. 73: 1–2
- Курган 448 — 156 – 157; рис. 24
- Курган 451 — 147; рис. 5: 5–6
- Курган 454 — 154; рис. 18: 1–3
- Курган 458 — 147; рис. 5: 4
- Курган 460 — 157; рис. 25: 1
- Курган 461 — 157; рис. 25: 2
- Курган 463 — 157; рис. 25: 3–5
- Курган 465 — 157; рис. 26
- Курган 469 — 157; рис. 27: 4–10
- Курган 471 — 157; рис. 27: 1–3
- Курган 475 — 157–158; рис. 28: 1–5
- Курган 477 — 158; рис. 28: 6–8

- Курган 481 — 160; рис. 36: 5
Курган 482 — 158; рис. 29: 1
Курган 483 — 160–161; рис. 36: 6–7
Курган 487 — 147; рис. 6: 1–3
Курган 489 — 158; рис. 29: 2–3
Курган 491 — 158; рис. 29: 4–6
Курган 493 — 158–159; рис. 30
Курган 499 — 159; рис. 31: 1–3
Курган 501 — 159; рис. 31: 4
Курган 503 — 159; рис. 31: 5
Курган 513 — 159; рис. 32: 1–4
Курган 515 — 159; рис. 33
Курган 519 — 159–160; рис. 32: 5–6
Курган 525 — 160; рис. 34
Курган 527 — 160; рис. 35: 1–8
Курган 600 — 160; рис. 35: 9
Курган 601 — 165
Курган 602 — 165; рис. 47: 7–9
Курган 603 — 165; рис. 48: 1–3
Курган 604 — 165; рис. 48: 4–7
Курган 605 — 165; рис. 48: 8–9
Курган 606 — 165; рис. 49: 1–3
Курган 607 — 165; рис. 49: 4
Курган 609 — 165
Курган 610 — 160; рис. 36: 1–4
Курган 620 — 177; рис. 73: 3–7
Курган 621 — 177–178; рис. 74: 1–5
Курган 622 — 186; рис. 92: 4, 8

Научное издание

Максименков Глеб Алексеевич, **Вадецкая** Эльга Борисовна

Могильник Сухое Озеро II
как отражение эволюции
раннего этапа карасукской культуры

Ответственный редактор **Поляков** Андрей Владимирович

Художественный редактор и верстка *И.Н. Лицук*
Корректоры *Л.А. Виноградова, И.А. Птицын*

Подписано в печать 01.12.2021. Формат 60×90/8
Усл. печ. л. 48. Тираж 300 экз. Заказ

ООО «Древности Севера». 160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48
Тел. /факс (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru
URL: <http://drevnostisevera.ru>

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом Печати – ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Тел. (8332) 51-01-38

Монография представляет собой издание рукописи Г.А. Максименкова, написанной в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века и впоследствии отредактированной и дополненной Э.Б. Вадецкой в 2015 году. В её основе лежат материалы уникального могильника Сухое Озеро II, раскопки которого проводились Черновским отрядом Красноярской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР (руководили раскопками Г.А. Максименков и Э.Б. Вадецкая) в 1963–1968 годах на территории Минусинских котловин (Богградский район Республики Хакасия). Были исследованы 295 курганов (560 могил), датирующихся ранним этапом карасукской культуры. По современным данным, памятник относится к периоду XIV–XII вв. до н. э. Коллекция артефактов из этого могильника находится на хранении в фондах Государственного Эрмитажа. В монографии, кроме публикации материалов памятника, представлены главы, посвящённые его изучению, а также вопросам истории раннего карасукского этапа культуры.

Монография представляет большой интерес для археологов, историков, антропологов и всех интересующихся древней историей Сибири.

This monograph is a published handwriting of G.A. Maksimenkov, which he had written at the end of the 70-s — the beginning of the 80-s of the last century. In 2015 the manuscript was edited and completed by E.B. Vadetskaya. The work is mainly based on the study of the unique cemetery of Sukhoye Ozero II (the Dried Lake II), which was investigated in 1963–1968 by the Chernovskiy detachment, led by G.A. Maksimenkov and E.B. Vadetskaya, of the Krasnoyarsk archaeological expedition under the authority of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of AS USSR. During the archaeological research in the territory of the Minusinsk Hollows (Bogradskiy district of the Republic of Khakassia) 295 mounds were investigated including 560 graves belonging to the early stage of the Karasuk culture. According to the modern data, the site dates to the period of 14–12 cc. BCE. The collection of artifacts from the cemetery is held by the State Hermitage Museum. In the monograph, not only materials of the site are published but there are also some chapters dealing with the study of the site and the early stage of the Karasuk culture in general.

The monograph will be of great interest for the archaeologists, historians, anthropologists, and for all who is curious about the prehistory of Siberia.

ISBN 978-5-93061-187-8

9 785930 611878